

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

92866

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

"Nikitin

Б Ы Т Ъ
ВОЕННЫХЪ АРЕСТАНТОВЪ
ВЪ КРѢПОСТЯХЪ.

В. Н. НИКИТИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ КОЛЕСОВА И МИХИНА.
1873.

HV 9712.

N5

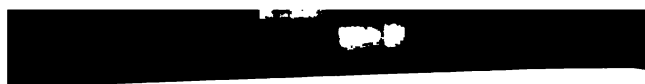
ВЪ ТИПОГРАФИИ ГОГЕНФЕЛДЕНА И К^О.
(Вас, Остр., 3 л., № 44).

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
I. Предисловіе	1
II. Введеніе: историческое изложеніе о времени открытія и существованія крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ; о причинахъ, вызвавшихъ преобразование ихъ изъ карательныхъ въ исправительныя роты; о возникновеніи и послѣдовательномъ развитіи науки объ исправленіи нравственности преступниковъ въ иностранныхъ государствахъ и въ Россіи	5

О Ч Е Р Е К И О ВСЕСТОРОННЕМЪ СОСТОЯНІИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ РОТЪ:

III. Рижской	56
IV. Динабургской	125
V. Новогеоргіевской	194
VI. Брестъ-Литовской	246
VII. Бобруйской	297
VIII. Общіе выводы о томъ, что предстоитъ еще сдѣлать, чтобы роты отвѣчали истинному своему назначенію . .	375

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крайній недостатокъ печатныхъ матеріаловъ для правильного изученія русскаго тюремновѣдѣнія *) побудило меня заняться изслѣдованіемъ этого, во всѣхъ отношеніяхъ, важнаго, предмета, съ тѣмъ, чтобы хотя отчасти помочь разъясненію тюремнаго вопроса, занимающаго правительственныя сферы цѣлыхъ 10 лѣтъ сряду. Задавшись этою мыслию, я издалъ, въ 1871 г., книгу *«Жизнь заключенныхъ»*, книгу, въ которой представлялъ обзоръ Петербургскихъ тюремъ гражданскаго и морскаго вѣдомствъ и разобралъ всѣ относящіяся до нихъ узаконенія и административныя распоряженія. Благосклонный пріемъ, оказанный моему труду журналистикою и публикою, а главное предоставленная мнѣ возможность подробно ознакомиться съ порядкомъ содержанія арестантовъ въ военно-исправительныхъ ротахъ (за что приношу искреннюю признательность лицамъ, это устроившимъ)—

*) .Сибирь и Каторга. С. В. Максимова, .Матеріалы для изученія тюремнаго вопроса. М. Н. Галкина, трактующаго преимущественно, впрочемъ, объ иностранныхъ тюрьмахъ; .Записки изъ Мертваго Дома. О. М. Достоевскаго, да только что появившаяся .Русская Община въ тюрьмѣ и ссылки. Н. М. Ядринцева,—вотъ и всѣ книги, находящіяся въ обращеніи по тюремному вопросу, въ Россіи.

поддержали во мнѣ желаніе слѣдовать дальше по тому же направленію. Я шагъ за шагомъ изучилъ все, что относится къ быту военныхъ арестантовъ, в результаты этой работы читатели найдутъ въ настоящей книгѣ; здѣсь же объясню значеніе, которое, мнѣ кажется, долженъ имѣть этотъ трудъ.

Извѣстно, что вопросъ о преобразованіи гражданскихъ тюремъ теперь у насъ въ полномъ ходу. Въ особой Коммисіи по этому предмету раздавались, при мнѣ, голоса о при-мѣненіи къ гражданской тюремной реформѣ началъ, приня-тыхъ въ военно-исправительныхъ ротахъ. Я доказывалъ, правда, что это едва-ли цѣлесообразно, если разсматривать состояніе ротъ въ *подробностяхъ*, — но слова мои казались тогда не достаточно убѣдительными, такъ какъ я не распо-лагалъ еще, въ то время, вполне законченными данными. Но ознакомившись, по этой книгѣ, съ точнымъ положеніемъ ротъ—надѣюсь, что Коммисія согласится съ моими дово-дами, и, приступая къ созданію гражданскихъ исправитель-ныхъ тюремъ—постарается устранить тѣ недостатки, кото-рые проскользнули въ законъ и задерживаютъ осуществле-ніе одной изъ гуманныхъ идей: направить на путь истин-ный людей, впадающихъ въ преступленія и потому подвер-гающихся наказанію.

Въ общихъ выводахъ читатели усмотрятъ рядъ прак-тическихъ замѣчаній о томъ, какого рода измѣненія необхо-димо было бы сдѣлать въ законахъ и административныхъ распоряженіяхъ о ротахъ, для того, чтобы онѣ достигли, со временемъ, назначенія, которое законодатель имѣлъ въ виду, преобразовывая ихъ, по европейской системѣ, изъ ка-рательныхъ учрежденій въ исправительныя. Предлагаемыя измѣненія кажутся мнѣ настоятельно — необходимыми въ виду предполагаемаго, вскорѣ, введенія всеобщей воинской повинности. Нѣтъ сомнѣнья, что со введеніемъ этой повин-

ности армія наполнится болѣе или менѣе развитыми молодыми солдатами, относительно которыхъ не мало нынѣ дѣйствующихъ узаконеній будутъ слишкомъ суровыми; поэтому не мудрено, если въ началѣ службы нѣкоторые изъ новыхъ солдатъ очутятся въ исправительныхъ ротахъ за нарушенія воинскихъ обязанностей, одна изъ которыхъ не ясно формулированы, а другія—противорѣчатъ гражданскимъ правиламъ общежитія. Чтобы предупредить появленіе подобныхъ очистительныхъ жертвъ, случающихся, на первыхъ шагахъ, при введеніи почти всякой реформы,—слѣдуетъ заблаговременно подвергнуть пересмотру законы о солдатскихъ правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности; позаботиться о томъ, чтобы уставъ примирялъ будущихъ солдатъ съ невѣданною ими жизнію, причемъ онъ могъ бы повліять благотворно и на нравы нынѣшнихъ солдатъ.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, я считалъ своею обязанностью показать, въ книгѣ, погрѣшности, замѣченныя мною въ законахъ и практикѣ ротъ. Излагаемые мною правдивые факты ни какимъ образомъ не должны шокировать военное министерство: находясь въ столицѣ оно, очевидно, не можетъ совершенно вѣрно судить о томъ, какъ прививаются повсюду его благія предначертанія, тѣмъ болѣе, что устройствомъ военно-пенитенціарной части занимались у насъ преимущественно, офицеры, воспитавшіеся въ старыхъ понятіяхъ и державшіеся взглядовъ, не свойственныхъ наступившему времени. Съ ожидающеюся замѣною этихъ офицеровъ другими, которые поймутъ цѣль учрежденія ротъ, сознаютъ всю пользу гуманнаго обращенія съ арестантами, нравственнаго и умственнаго ихъ развитія — военно-исправительныя роты скоро войдутъ въ надлежащую колею. Военные арестанты, привыкшіе къ дисциплинѣ въ войскахъ несравненно мягче, послушнѣе и легче воспринимаютъ все доброе и полезное

для нихъ, нежели гражданскіе арестанты, которые поступаютъ въ тюрьмы прямо съ *воли*, гдѣ они, въ обыкновенной своей жизни, никому не подчинялись непосредственно.

Въ русской литературѣ доселѣ не появлялось рѣшительно никакихъ изслѣдованій ни о прежнихъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ, ни о замѣнившихъ ихъ ротахъ исправительныхъ (всѣхъ 15 въ Россіи), въ которыхъ содержится до 10,000 человѣкъ. Между тѣмъ *на* военная публика располагаетъ довольно смутными свѣдѣніями о воинскихъ преступленіяхъ, караемыхъ заключеніемъ солдатъ въ исправительныя роты, а также и о нынѣшнемъ (гораздо лучшемъ, нежели прежде) солдатскомъ житьѣ-бытьѣ. Имѣя въ виду, что у многихъ читателей есть въ службѣ родные или знакомые; что солдаты, являющіеся защитниками отечества, достойны, за это всякаго уваженія; что очень близко уже то время, когда всѣ будемъ привлечены къ личному отбыванію воинской повинности, — я полагаю, что публика не отнесется безучастно къ моему труду, который ознакомитъ ее со всѣми сторонами солдатскаго быта вообще и арестантскаго въ особенности.

Въ заключеніе добавлю, что большая половина книги является въ печати *первое*, а то, что было, недавно, помещено въ одномъ изданіи, мѣстами сокращено, измѣнено и дополнено сообразно обстоятельствамъ дѣла.

ВВЕДЕНІЕ.

I

Правительствующій сенатъ, указомъ 21-го февраля 1834 году, распустилъ Высочайше утвержденное, по докладу военнаго министра 19-го ноября 1833 г., положеніе объ учрежденіи въ Россіи 43-хъ арестантскихъ ротъ инженернаго военнаго вѣдомства; за симъ, на основаніи вослѣдовавшихъ, 30-го ноября и 1-го декабря 1837 года, дополнительныхъ узаконеній — число ротъ возрасло до 55. Открылись онѣ въ Кронштадтѣ, Нарвѣ, Новодвинскѣ, Выборгѣ, Свеаборгѣ, Ригѣ, Динабургѣ, Динамундѣ, Новогоріевскѣ, Брестѣ-Литовскѣ, Замостѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ, Бендерахъ, Херсонѣ, Фанагоріи, Усть-Лабинскѣ, въ Ставрополѣ, Моздокѣ, Кизлярѣ, Геленджикѣ, Баку, Дербентѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, въ кр. Св. Петра, Омскѣ и въ Усть-Каменногорскѣ. Согласно первоначальному закону, въ роты поступали: а) разнаго рода преступники, назначаемые по Высочайшимъ конфирмаціямъ въ крѣпостную работу, на срокъ, или безсрочно; б) нижніе чины, по приговорамъ, для исправленія поведенія, въ крѣпостную работу на срокъ; в) бродяги и преступники гражданскаго вѣдомства, по назначеніямъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Сущность, во многихъ отношеніяхъ, любопытнаго положенія объ этихъ ротахъ заключается вотъ

въ чемъ. При назначеніи людей въ роты повелѣвалось наблю-
дать, чтобы они не имѣли такого рода тѣлесныхъ недо-
статковъ, кои препятствуютъ поднимать и передвигать тя-
жести и работать инструментами, при крѣпостныхъ работахъ
употребляемыми, а ежели кто, по доставленіи въ роту, ока-
зывался неспособнымъ къ крѣпостной работѣ,—то принад-
лежавшій военному вѣдомству—обращался во внутреннюю
стражу, или въ приказъ общественнаго призрѣнія; а граж-
данскому—обратно въ то мѣсто, откуда былъ доставленъ,
для дальнѣйшаго распоряженія. Арестантскія роты состояли
въ полномъ завѣдываніи крѣпостныхъ комендантовъ, а управ-
лялись плацъ-маіорами, на правахъ баталіонныхъ команди-
ровъ. По употребленію арестантовъ къ крѣпостнымъ рабо-
тамъ и по выбору ихъ въ военно-рабочія роты, они нахо-
дились, кромѣ того, въ зависимости инженернаго начальства,
а въ ротѣхъ дѣлились на разряды: воинскіе чины, присуж-
денные на сроки—составляли *первый разрядъ военно-срочныхъ*;
гражданскіе люди, за бродяжничество и неимѣніе видовъ,—
второй разрядъ—бродягъ, а гражданскіе преступники и сол-
даты, лишенные воинскаго званія и приговоренные въ работу
навсегда—*третій разрядъ всеобщихъ*; срочные же граж-
данскіе арестанты причислялись къ военно-срочнымъ; раз-
мѣщать людей въ казармахъ устанавливалось отдѣльно одинъ
разрядъ отъ другого; самые-же разряды слѣдовало дѣ-
лить на отдѣленія: каменщиковъ, плотниковъ, каменоте-
совъ и т. п.

Жалованья арестантамъ никакого не полагалось, но на
нихъ производились: провіантъ—натурою, деньги на постное
масло, для освѣщенія ночью казармъ, и кормовья, для улуч-
шенія пищи. Содержать арестантовъ надлежало въ стро-
жайшей воинской дисциплинѣ, въ *наилучшей чистотѣ*, опрят-
ности, брить ихъ слѣдующимъ порядкомъ: бродягамъ, воен-

нымъ и гражданскимъ срочнымъ — полголовы, отъ одного уха до другого, а всегдашнимъ—отъ затылка до лба полголовы, съ лѣвой стороны. Курить арестантамъ табакъ, имѣть трубки, огниво, давать имъ чернила, бумагу, перья, инструменты, деньги—все это строго воспрещалось. Для сбереженія здоровья людей и соблюденія чистоты — ихъ слѣдовало посылать въ баню, не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Холостымъ или вдовцамъ, во все время нахождения ихъ въ ротахъ,—жениться нельзя было; женившіеся же до прибытія въ роты *должны были содержаться вмѣстѣ* съ прочими, арестантами въ острогахъ, *а отнюдь не въ особахъ домахъ; женамъ ихъ жить вмѣстѣ съ ними, мужьями, строго воспрещалось; тѣмъ не менѣе, малолѣтнихъ дѣтей, прижитыхъ арестантами, во время нахождения ихъ въ ротахъ, съ законными женами, по минованіи имъ 6-ти лѣтъ отъ роду, устанавливалось* отсылать: мальчиковъ — въ кантонисты, а дѣвочекъ—въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Для отвращенія арестантовъ отъ побѣговъ, состоявшіе *во всегдашнихъ, въ, безъ изъятія, заковывались* въ кандалы; срочные-же военные и гражданскіе, а равно бродяги освобождались *отъ оковъ*, но вслучаѣ побѣга арестанта изъ какова-либо отдѣленія сихъ разрядовъ—*всѣхъ, состоявшихъ въ томъ отдѣленіи, тотчасъ повелевалось заковывать въ кандалы, потому что „они одни за другихъ должны отвѣтствовать“.* Совершившіе въ ротахъ преступленія, содержались также въ кандалахъ, каковыя снимались съ бродягъ и срочныхъ, закованныхъ по вышеизъясненнымъ причинамъ, а также со всегдашнихъ не иначе, какъ съ разрѣшенія генераль-инспектора инженеровъ, по представленіямъ о томъ командантовъ, въ видѣ поощренія за исправленіе поведенія. При высылкѣ арестантовъ на крѣпостную работу отнюдь не позволялось удерживать такихъ, которые знаютъ мастерства, а

изъ слабыхъ дозволялось освобождать тѣхъ только, которые, по болѣзни, дѣйствительно не могли работать на ряду съ прочими. Конвойные не имѣли права: ни вести арестантовъ для естественныхъ нуждъ, безъ позволенія на то дежурнаго унтеръ-офицера; ни входить съ ними въ разговоры, и за малѣйшее отъ сего отступленіе — они строго *наказывались* предъ всѣми конвойными, начальствомъ роты; въ случаѣ замѣченнаго умысла арестантовъ къ побѣгу — конвойные должны были стрѣлять въ спасавшихся бѣгствомъ, или отваживавшихся угрожать имъ, нападая на нихъ; на тотъ-же предметъ и на случай явнаго матажа арестантовъ, унтеръ-офицерамъ роты приказывалось имѣть тесаки *заостренными*. При работахъ, на которыхъ нельзя было работать скованнымъ на обѣ ноги, — позволялось *снимать жельзо съ одной ноги*, но къ такимъ работамъ допускались преимущественно срочные, да такіе, которые по поведенію благонадежныѣ другихъ.

Наистрожайше запрещалось употреблять арестантовъ на другія какія-либо работы, *кроме казенныхъ*; за лѣность и нерадѣніе къ работамъ предписывалось *наказывать арестантовъ на мѣстѣ-же, по усмотрѣнію* наблюдавшаго за работами начальника, а мѣра наказанія не должна была превосходить того, *сколько нужно, для побужденія нерадиваго къ прилежной работѣ*, и не свыше, впрочемъ, 50 ударовъ унтеръ-офицерскою «тростію». Въ воскресные и высокаторжественные дни, внесенные въ число табельныхъ для присутственныхъ мѣстъ, арестанты освобождались отъ крѣпостныхъ работъ, исключая, однакожъ, экстренныхъ случаевъ, когда отъ ихъ бездѣйствія, могли, напримѣръ, произойти: вредъ строеніямъ, ущербъ казнѣ, или остановка въ сообщеніяхъ; но и въ свободное отъ работъ время ихъ слѣдовало *«обучать стойкѣ и маршировке»*, не требуя отъ нихъ

того совершенства, какъ отъ солдатъ». Люди, содержавшіеся въ кандалахъ, должны были оставаться въ оныхъ и по отправленіи въ госпитали, за болѣзнію, причемъ освобождались отъ кандаловъ лишь тяжело больные, и то не иначе какъ во 1-хъ, до поправленія, а во 2-хъ, по усмотрѣнію старшихъ врачей, и съ разрѣшенія комендантовъ.

Въ военно-рабочія роты выбирались тѣ изъ военно-срочныхъ и знавшихъ мастерства арестантовъ, которымъ срокъ нахожденія въ крѣпостной работѣ исполнился, и они во все продолженіе онаго вели себя хорошо, да считались благонадежными къ службѣ. Военно-срочныхъ арестантовъ, которые въ продолженіи опредѣленныхъ имъ сроковъ не подавали надежды быть полезными на службѣ, — оставляли въ ротахъ впредь до надлежащаго ихъ исправленія; гражданскихъ-же арестантовъ, по окончаніи срока, опредѣлялось отсылать въ губернскія правленія, изъ которыхъ они были присланы въ крѣпость. Всегдашніе арестанты, по пробытіи 10 лѣтъ въ ротѣ, буде оказывались, въ продолженіи всего времени, хорошаго поведенія, переводились въ военно-срочные, а по прожитіи одобрительно въ военно-срочныхъ 5 лѣтъ опредѣлялись, на общихъ правилахъ, въ военно-рабочія роты, гдѣ должны были отслужить еще *пятнадцать* лѣтъ, и ужъ только послѣ того получали отставку. Арестанты, оказавшіеся добраго поведенія, но по освидѣтельствованіи неспособные къ выбору на службу, — оставлялись въ срочныхъ еще на 10 лѣтъ, по истеченіи коихъ, при благонадежности, — передавались въ гражданское вѣдомство, а неисправившіеся въ поведеніи оставлялись въ ротахъ до тѣхъ поръ, пока дѣлались совершенно неспособными къ крѣпостнымъ работамъ, и не могли никуда выбывать, развѣ только по суду, въ каторгу, въ случаѣ сдѣланныхъ ими вновь преступленій, или по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ; воен-

HV 9712.

N5

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГОРЕНФЕЛДЕНА И КО.
(Вас, Остр., 3 л., № 44).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
I. Предисловіе	1
II. Введение: историческое изложеніе о времени открытія и существованіи крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ; о причинахъ, вызвавшихъ преобразованіе ихъ изъ карательныхъ въ исправительныя роты; о возникновеніи и послѣдовательномъ развитіи науки объ исправленіи нравственности преступниковъ въ иностранныхъ государствахъ и въ Россіи	5
ОЧЕРКИ О ВСЕСТОРОННЕМЪ СОСТОЯНІИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ РОТЪ:	
III. Рижской	56
IV. Динабургской	125
V. Новогоріевской	194
VI. Врестъ-Литовской	246
VII. Бобруйской	297
VIII. Общіе выводы о томъ, что предстоитъ еще сдѣлать, чтобы роты отвѣчали истинному своему назначенію . .	375

поддержали во мнѣ желаніе слѣдовать дальше по тому же направленію. Я шагъ за шагомъ изучилъ все, что относится къ быту военныхъ арестантовъ, и результаты этой работы читатели найдутъ въ настоящей книгѣ; здѣсь же объясню значеніе, которое, мнѣ кажется, долженъ имѣть этотъ трудъ.

Извѣстно, что вопросъ о преобразованіи гражданскихъ тюремъ теперь у насъ въ полномъ ходу. Въ особой Комисіи по этому предмету раздавались, при мнѣ, голоса о при-мѣненіи къ гражданской тюремной реформѣ началъ, принятыхъ въ военно-исправительныхъ ротахъ. Я доказывалъ, правда, что это едва-ли цѣлесообразно, если разсматривать состояніе ротъ въ *подробностяхъ*, — но слова мои казались тогда не достаточно убѣдительными, такъ какъ я не располагалъ еще, въ то время, вполне законченными данными. Но ознакомившись, по этой книгѣ, съ точнымъ положеніемъ ротъ — надѣюсь, что Комисія согласится съ моими доводами, и, приступая къ созданію гражданскихъ исправительныхъ тюремъ — постарается устранить тѣ недостатки, которые проскользнули въ законъ и задерживаютъ осуществленіе одной изъ гуманныхъ идей: направить на путь истинный людей, впадающихъ въ преступленія и потому подвергающихся наказанію.

Въ общихъ выводахъ читатели усмотрятъ рядъ практическихъ замѣчаній о томъ, какого рода измѣненія необходимо было бы сдѣлать въ законахъ и административныхъ распоряженіяхъ о ротахъ, для того, чтобы онѣ достигли, со временемъ, назначенія, которое законодатель имѣлъ въ виду, преобразовывая ихъ, по европейской системѣ, изъ карательныхъ учрежденій въ исправительныя. Предлагаемыя измѣненія кажутся мнѣ настоятельно — необходимыми въ виду предполагаемаго, вскорѣ, введенія всеобщей воинской повинности. Нѣтъ сомнѣнья, что со введеніемъ этой повин-

ности армія наповниться болѣе или менѣе развитыми молодыми солдатами, относительно которыхъ не мало нынѣ дѣйствующихъ узаконеній будутъ слишкомъ суровыми; поэтому не мудрено, если въ началѣ службы нѣкоторые изъ новыхъ солдатъ очутятся въ исправительныхъ ротахъ за нарушенія воинскихъ обязанностей, однѣ изъ которыхъ не ясно формулированы, а другія—противорѣчатъ гражданскимъ правиламъ общежитія. Чтобы предупредить появленіе подобныхъ очистительныхъ жертвъ, случающихся, на первыхъ порахъ, при введеніи почти всякой реформы,—слѣдуетъ заблаговременно подвергнуть пересмотру законы о солдатскихъ правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности; позаботиться о томъ, чтобы уставъ примирялъ будущихъ солдатъ съ неизвѣданною ими жизнью, причемъ онъ могъ бы повліять благотворно и на нравы нынѣшнихъ солдатъ.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, я считалъ своею обязанностию показать, въ книгѣ, погрѣшности, замѣченныя мною въ законахъ и практикѣ ротъ. Излагаемые мною правдивые факты ни коимъ образомъ не должны шокировать военное министерство: находясь въ столицѣ оно, очевидно, не можетъ совершенно вѣрно судить о томъ, какъ прививаются повсюду его благія предначертанія, тѣмъ болѣе, что устройствомъ военно-пенитенціарной части занимались у насъ преимущественно, офицеры, воспитавшіеся въ старыхъ понятіяхъ и державшіеся взглядовъ, не свойственныхъ наступившему времени. Съ ожидающеюся замѣною этихъ офицеровъ другими, которые поймутъ цѣль учрежденія ротъ, сознають всю пользу гуманнаго обращенія съ арестантами, нравственнаго и умственнаго ихъ развитія—военно-исправительныя роты скоро войдутъ въ надлежащую колею. Военные арестанты, привыкшіе къ дисциплинѣ въ войскахъ несравненно мягче, послушнѣе и легче воспринимаютъ все доброе и полезное

для нихъ, нежели гражданскіе арестанты, которые поступаютъ въ тюрьмы прямо съ *воли*, гдѣ они, въ обыкновенно своей жизни, никому не подчинялись непосредственно.

Въ русской литературѣ доселѣ не появлялось рѣшительно никакихъ изслѣдованій ни о прежнихъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ, ни о замѣнившихъ ихъ ротахъ исправительныхъ (всѣхъ 15 въ Россіи), въ которыхъ содержится до 10,000 человѣкъ. Между тѣмъ *не*военная публика располагаетъ довольно смутными свѣдѣніями о воинскихъ преступленіяхъ, караемыхъ заключеніемъ солдатъ въ исправительныя роты, а также и о нынѣшнемъ (гораздо лучшемъ нежели прежде) солдатскомъ житьѣ-бытьѣ. Имѣя въ виду, что у многихъ читателей есть въ службѣ родные или знакомые; что солдаты, являющіеся защитниками отечества, достойны, за это всякаго уваженія; что очень близко уже тѣ время, когда всѣ будемъ привлечены къ личному отбыванію воинской повинности, — я полагаю, что публика и отнесется безучастно къ моему труду, который ознакомитъ ее со всѣми сторонами солдатскаго быта вообще и арестантскаго въ особенности.

Въ заключеніе добавлю, что большая половина книгъ является въ печати *опероме*, а то, что было, недавно, помещено въ одномъ изданіи, мѣстами сокращено, измѣнено и дополнено сообразно обстоятельствамъ дѣла.

ВВЕДЕНІЕ.

I

Правительствующій сенатъ, указомъ 21-го февраля 1834 году, распустилъ Высочайше утвержденное, по докладу военнаго министра 19-го ноября 1833 г., положеніе объ учрежденіи въ Россіи 43-хъ арестантскихъ ротъ инженернаго военнаго вѣдомства; за симъ, на основаніи воспослѣдовавшихъ, 30-го ноября и 1-го декабря 1837 года, дополнительныхъ узаконеній — число ротъ возрасло до 55. Открылись онѣ въ Кронштадтѣ, Нарвѣ, Новодвинскѣ, Выборгѣ, Свеаборгѣ, Ригѣ, Динабургѣ, Динамюндѣ, Новогеоргіевскѣ, Брестѣ-Литовскѣ, Замостьѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ, Бендерахъ, Херсонѣ, Фанагоріи, Усть-Лабинскѣ, въ Ставрополѣ, Моздокѣ, Кааларѣ, Геленджикѣ, Баку, Дербентѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, въ кр. Св. Петра, Омскѣ и въ Усть-Каменногорскѣ. Согласно первоначальному закону, въ роты поступали: а) разнаго рода преступники, назначаемые по Высочайшимъ конфирмаціямъ въ крѣпостную работу, на срокъ, или безсрочно; б) низшіе чины, по приговорамъ, для исправленія поведенія, въ крѣпостную работу на срокъ; в) бродяги и преступники гражданскаго вѣдомства, по назначеніямъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Сущность, во многихъ отношеніяхъ, льготнаго положенія объ этихъ ротахъ заключается вотъ

въ чемъ. При назначеніи людей въ роты повелѣвалось наблюдать, чтобы они не имѣли такого рода тѣлесныхъ недостатковъ, кои препятствуютъ поднимать и передвигать тяжести и работать инструментами, при крѣпостныхъ работахъ употребляемыми, а ежели кто, по доставленіи въ роты, оказывался неспособнымъ къ крѣпостной работѣ,—то принадлежавшій военному вѣдомству—обращался во внутреннюю стражу, или въ приказъ общественнаго призрѣнія; а гражданскому—обратно въ то мѣсто, откуда былъ доставленъ, для дальнѣйшаго распоряженія. Арестантскія роты состояли въ полномъ завѣдываніи крѣпостныхъ комендантовъ, а управлялись плацъ-маіорами, на правахъ баталіонныхъ командировъ. По употребленію арестантовъ къ крѣпостнымъ работамъ и по выбору ихъ въ военно-рабочія роты, они находились, кромѣ того, въ зависимости инженернаго начальства, а въ ротахъ дѣлились на разряды: воинскіе чины, присужденные на сроки—составляли *первый разрядъ военно-срочныхъ*; гражданскіе люди, за бродяжничество и неимѣніе видовъ,—*второй разрядъ—бродягъ*, а гражданскіе преступники и солдаты, лишеныя воинскаго званія и приговоренныя въ работу навсегда—*третій разрядъ вседневныхъ*; срочные же гражданскіе арестанты причислялись къ военно-срочнымъ; размѣщать людей въ казармахъ устанавливалось отдѣльно одинъ разрядъ отъ другого; самые-же разряды слѣдовало дѣлить на отдѣленія: каменщиковъ, плотниковъ, каменотесовъ и т. п.

Жалованья арестантамъ никакого не полагалось, но на нихъ производились: провіантъ—натурою, деньги на постное масло, для освѣщенія ночью казармъ, и кормовыя, для улучшенія пищи. Содержать арестантовъ надлежало въ строжайшей воинской дисциплинѣ, въ *наилучшей чистотѣ*, опрятности, брять ихъ слѣдующимъ порядкомъ: бродягамъ, воен-

нимъ и гражданскимъ срочнымъ — полголовы, отъ одного уха до другого, а всегдашнимъ—отъ затылка до лба полголовы, съ лѣвой стороны. Курить арестантамъ табакъ, имѣть трубки, огниво, давать имъ чернила, бумагу, перья, инструменты, деньги—все это строго воспрещалось. Для сбереженія здоровья людей и соблюденія чистоты — ихъ слѣдовало посылать въ баню, не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Холоднымъ или вдовцамъ, во все время нахождения ихъ въ ротахъ,—жениться нельзя было; женившіеся же до прибытія въ роту *должны были содержаться вмѣстѣ* съ прочими, арестантами въ острогахъ, *а отнюдь не въ особахъ домахъ; женамъ ихъ жить вмѣстѣ съ ними, мужьями, строго возбранялось*; тѣмъ не менѣе, малолѣтнихъ дѣтей, *прижитыхъ арестантами, во время нахождения ихъ въ ротахъ, съ законными окнами*, по минованіи имъ 6-ти лѣтъ отъ роду, устанавливалось отсылать: мальчиковъ — въ кантонисты, а дѣвочекъ—въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Для отвращенія арестантовъ отъ побѣговъ, состоявшіе *во всегдашнихъ, въ, безъ изъятія, заковывались въ кандалы*; срочные-же военные и гражданскіе, а равно бродяги освобождались *отъ оковъ*, но въ случаѣ побѣга арестанта изъ какаго-либо отдѣленія сихъ разрядовъ—*всѣхъ, состоявшихъ въ томъ отдѣленіи, тотчасъ повелевалось заковывать въ кандалы, потому что „они одни за другихъ должны отвѣтствовать“*. Совершившіе въ ротахъ преступленія, содержались также въ кандалахъ, каковыя снимались съ бродягъ и срочныхъ, *закованныхъ по вышеизъясненнымъ причинамъ*, а также со всегдашнихъ не иначе, какъ съ разрѣшенія генералъ-инспектора инженеровъ, по представленіямъ о томъ комендантовъ, въ видѣ поощренія за исправленіе поведенія. При высылкѣ арестантовъ на крѣпостную работу отнюдь не позволялось удерживать такихъ, которые знаютъ мастерства, а

изъ слабыхъ дозволялось освобождать тѣхъ только, которые, по болѣзни, дѣйствительно не могли работать на ряду съ прочими. Конвойные не имѣли права: ни вести арестантовъ для естественныхъ нуждъ, безъ позволенія на то дежурнаго унтеръ-офицера; ни входить съ ними въ разговоры, и за малѣйшее отъ сего отступленіе — они строго *наказывались* предъ всѣми конвойными, начальствомъ роты; въ случаѣ замѣченнаго умысла арестантовъ къ побѣгу — конвойные должны были стрѣлать въ спасавшихся бѣгствомъ, или отваживавшихся угрожать имъ, нападая на нихъ; на тотъ-же предметъ и на случай явнаго матажа арестантовъ, унтеръ-офицерамъ роты приказывалось имѣть тесаки *заостренными*. При работахъ, на которыхъ нельзя было работать скованнымъ на обѣ ноги, — позволялось *снимать жельмо съ одной ноги*, но къ такимъ работамъ допускались преимущественно срочные, да такіе, которые по поведенію благонадежныѣ другихъ.

Наистрожайше запрещалось употреблять арестантовъ на другія какія-либо работы, *кроме казенныхъ*; за лѣность и нерадѣніе къ работамъ предписывалось *наказывать арестантовъ на мѣстѣ-же, по усмотрѣнію* наблюдавшаго за работами начальника, а мѣра наказанія не должна была превосходить того, сколько нужно, для *побужденія нерадиваго къ прилежной работѣ*, и не выше, впрочемъ, 50 ударовъ унтеръ-офицерскою *«тростью»*. Въ воскресные и высокаторжественные дни, внесенные въ число табельныхъ для присутственныхъ мѣстъ, арестанты освобождались отъ крѣпостныхъ работъ, исключая, однакожъ, экстренныхъ случаевъ, когда отъ ихъ бездѣйствія, могли, напримѣръ, произойти: вредъ строеніямъ, ущербъ казнѣ, или остановка въ сообщеніяхъ; но и въ свободное отъ работъ время ихъ слѣдовало *«обучать стойки и маршировки»*, не требуя отъ нихъ

того совершенства, какъ отъ солдатъ». Люди, содержавшіеся въ кандалахъ, должны были оставаться въ оныхъ и по отправленіи въ госпитали, за болѣзнію, причеиъ освобождались отъ кандаловъ лишь тяжело больные, и то не иначе какъ во 1-хъ, до поправленія, а во 2-хъ, по усмотрѣнію старшихъ врачей, и съ разрѣшенія комендантовъ.

Въ военно-рабочія роты выбирались тѣ изъ военно-срочныхъ и знавшихъ мастерства арестантовъ, которымъ срокъ нахожденія въ крѣпостной работѣ исполнился, и они *во все* продолженіе онаго вели себя хорошо, да считались благонадежными къ службѣ. Военно-срочныхъ арестантовъ, которые въ продолженіи опредѣленныхъ имъ сроковъ не подавали надежды быть полезными на службѣ, — оставляли въ ротахъ впредь до надлежащаго ихъ исправленія; гражданскихъ-же арестантовъ, по окончаніи срока, опредѣлялось отсылать въ губернскія иравленія, изъ которыхъ они были присланы въ крѣпость. Всегдашніе арестанты, по пробытіи 10 лѣтъ въ ротѣ, буде оказывались, въ продолженіи всего времени, хорошаго поведенія, переводились въ военно-срочные, а по прожитіи одобрительно въ военно-срочныхъ 5 лѣтъ опредѣлялись, на общихъ правилахъ, въ военно-рабочія роты, гдѣ должны были отслужить еще *пятнадцать* лѣтъ, и ужъ только послѣ того получали отставку. Арестанты, оказавшіеся добраго поведенія, но по освидѣтельствovanіи неспособные къ выбору на службу, — оставались въ срочныхъ еще на 10 лѣтъ, по истеченіи коихъ, при благонадежности, — передавались въ гражданское вѣдомство, а неисправившіеся въ поведеніи оставались въ ротахъ до тѣхъ поръ, пока дѣлались совершенно неспособными къ крѣпостнымъ работамъ, и не могли никуда выбывать, развѣ только по суду, въ каторгу, въ случаѣ сдѣланныхъ ими вновь преступленій, или по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ; воен-

но-срочные-же и поступившіе въ этотъ разрядъ изъ всегдашнихъ на 5 лѣтъ, ежели до истеченіи срока оказывались къ работѣ совершенно неспособными, по слабости, хилости, или увѣчью, — обращались на службу, какую нести могли. Срочныхъ военныхъ арестантовъ, становившихся неспособными ни къ работамъ, ни къ какой-либо службѣ по увѣчьямъ, требовавшимъ особенной для нихъ прислуги, помѣщали въ заведенія приказовъ общественнаго призрѣнія.

Неспособностію арестантовъ къ работѣ почиталось: неизлечимый припадокъ, или поврежденіе, препятствовавшее работѣ инструментами, при крѣпостныхъ работахъ употребляемыми, поднимать и передвигать тяжести; видимая слабость сложенія и старость лѣтъ, несовмѣстная съ тяжелыми работами. Срочные гражданскіе арестанты, пришедшіе въ неспособность къ крѣпостнымъ работамъ, до окончанія опредѣленнаго срока, отправлялись въ тѣ мѣста, откуда были присланы, для возвращенія въ первобытное званіе; ежели же общества, или помѣщики отказывались взять ихъ къ себѣ, — отсылались въ Сибирь на поселеніе а всегдашнихъ, пришедшихъ въ неспособность по слабости, дряхлости, увѣчью, по удостовѣреніи въ совершенной ихъ неспособности, — помѣщали въ особыя, для сего существовавшія, крѣпостныхъ богадѣльняхъ, и содержались тамъ на одинаковомъ основаніи съ арестантами, способными къ работѣ, т. е. снабжались тою же пищею и одеждою, управлялись вышеизложенными правилами, и занимались такими работами, какія производили преступники, содержавшіеся въ гражданскихъ тюрьмахъ, подъ присмотромъ караула. Изъ неспособныхъ къ работамъ всегдашнихъ арестантовъ, дозволялось расковывать на обѣ ноги лишь тѣхъ, которые считались безопасными отъ побѣга, т. е. весьма преклонныхъ лѣтъ, дряхлыхъ калекъ и т. п., прочіе-же и въ богадѣльняхъ

«оставались закованными въ желѣзо, или колодки, на одну ногу, по усмотрѣнію начальства»; помѣщенные въ богадѣльни, до поступленія въ оныя державшіе себя хорошо, и въ богадѣльняхъ не испортившіеся нравственно, по истеченіи 15 лѣтъ, со дня присылки въ крѣпости, передавались въ гражданское вѣдомство; но если они не имѣли способовъ къ пропитанію и не желали получить свободы, — содержались въ богадѣльняхъ до конца жизни. Всегдашнихъ, наконецъ, арестантовъ, поступившихъ въ богадѣльни и не исправившихся въ поведеніи, оставляли въ богадѣльняхъ до смерти, причѣмъ содержали подъ строжайшимъ, противъ другихъ, присмотромъ.

Это разсмотрѣнное нами, положеніе, подверглось, правда, измѣненіямъ цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ узаконеній *), но измѣненія эти клонились: большинство — къ ухудшенію и лишь самая малость — къ улучшенію быта арестантовъ. Такъ, въ роты повелѣвалось отсылать, кромѣ лицъ, поименованныхъ въ первоначальномъ положеніи, и преступниковъ, отданныхъ въ рекруты старѣе 25 лѣтъ, горцевъ, плѣнныхъ и замѣшанныхъ въ безпорядкахъ, дезертировъ, выдаваемыхъ изъ Персіи и Турціи, а равно и горцами; *малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ*, въ случаѣ повторенія ими преступленій, если таковыя относились къ разряду тяжкихъ и были учинены съ разумѣніемъ; хивинцевъ и другихъ азіятцевъ, прорывавшихся въ предѣлы Россіи для грабежа, и захватывавшихся въ плѣнъ, до разбѣга; порочныхъ людей, находившихся въ исправительныхъ отдѣленіяхъ гарнизонныхъ и ли-

*) Узаконенія эти обнародованы: 1840 г. марта 18-го; 1843 г. марта 17; іюля 2-го и сентября 29, 1844 г. января 24; іюля 9 и 14; 1845 г. января 9, августа 15; 1848 г. августа 6; 1852 г. января 1-го.

нейныхъ баталіоновъ, кои, закоренѣвъ въ порокахъ,—не подавали надежды на исправленіе, навсегда, или на срокъ, смотря по роду и степени пороковъ; преступниковъ: изъ жителей Закавказскаго края, которые принадлежали къ сословіямъ, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, если они были не старѣе 45 лѣтъ; киргизовъ; татаръ Казанской, Симбирской и Оренбургской губерній,—вмѣсто каторжныхъ работъ; низшаго состоянія людей, назначавшихся губернскими мѣстами, вмѣсто ссылки на поселеніе и отдачи въ солдаты, если они къ военной службѣ оказывались негодными; евреевъ, отлучавшихся за границу *безъ дозволеній* и установленныхъ видовъ, или съ видами и паспортами, но просроченными, въ случаѣ высылки ихъ изъ-за границы обратно, какъ бродягъ, по негодности къ военной службѣ,—ссылали также въ арестантскія роты, безъ права возвращенія въ свое общество; наконецъ, всѣ тѣ преступники и бродяги, совершенно негодные къ военной службѣ, которые приговаривались въ исправительныя арестантскія роты до дальнѣйшаго о нихъ распоряженія.

Воинскимиъ начальникамъ, въ вѣдѣніи коихъ состояли роты и арестанты, въ роты не сформированныя, поручалось ежегодно осматривать ихъ, и, имѣвшихъ отъ роду 50 лѣтъ и болѣе, передавать въ гражданское вѣдомство, а сіе послѣднее — способныхъ къ работамъ опредѣляло въ арестантскія роты своего вѣдомства, а негодныхъ трудиться—въ Сибирь на поселеніе; правило это не распространялось, однакожъ, на такихъ арестантовъ, которые обращены въ крѣпостную работу по особымъ о нихъ Высочайшимъ повелѣніямъ. У арестантовъ, одержимыхъ *кожуномъ*, головы разрѣшено было не брить, безъ особаго, въ каждомъ случаѣ, удостовѣренія медика, что оттого не произойдетъ никакого вреда для страждущаго сею болѣзнію. Каторжные перваго разряда,

отсылавшіеся на основаніи улож. о наказ. уголов. въ крѣпости, — поступали въ испытующе, содержались отдѣльно отъ прочихъ и употреблялись въ работы подъ *особымъ* присмотромъ; время испытанія опредѣлялось имъ 8 лѣтъ, причежъ тѣ изъ нихъ, которые ссылались въ крѣпости безъ срока, содержались въ *оковахъ ручныхъ и ножныхъ* и выводились изъ казармъ только для самыхъ тяжелыхъ работъ, а не подвергшіеся во время заключенія наказанію шпицрутенами и подававшіе надежду на исправленіе — перечислялись въ исправлявшіеся по истеченіи положенныхъ сроковъ. Исправлявшіеся могли употребляться въ работы вмѣстѣ съ срочными, а тѣ, кои по истеченіи двухъ лѣтъ, со дня перемѣщенія, по поведенію были благонадежными, — могли быть представляемы и къ освобожденію отъ оковъ. Одинадцать мѣсяцевъ пребыванія каторжныхъ перваго разряда въ исправлявшихся — считались за годъ дѣйствительной работы. Каторжные 2-го разряда, назначавшіеся въ работы въ крѣпостяхъ, содержались тамъ на томъ-же основаніи, какъ всегдашніе арестанты. Каторжные 1-го разряда освобождались отъ работъ: въ Рождество Христово — два; въ Пасху — три дня, да въ дни тезоименитства, рожденія и коронованія Государя Императора и Государини Императрицы. Каторжные 2-го разряда, осужденные къ работамъ отъ 10 до 12 и отъ 8 до 10 лѣтъ, по пробитіи двухъ лѣтъ — могли переводиться въ военно-срочные, а присланные на срокъ военные и поступившіе въ военно-срочные на пять лѣтъ, изъ всегдашнихъ — ежели до истеченія срока становились совершенно неспособными — перемѣщались въ арестантскія роты гражданского вѣдомства, или въ Сибирь на поселеніе.

Арестанты, совершавшіе, во время нахождения въ ротахъ, преступленія, судились *военнымъ* судомъ, а судъ надъ тѣми;

которые совершали злодѣянія безъ особенныхъ побудительныхъ причинъ, съ цѣлію избавитъ отъ ротъ—производился въ 24 часа, причемъ коменданты окончательно утверждали и приводили въ исполненіе приговоры надъ виновными, присуждавшимися къ *наибольшему* наказанію, установленному въ уголовномъ уставѣ. Пѣнные горцы и азіатцы, кои не *приняли православной вѣры* и принадлежали къ покорнымъ племенамъ, по истеченіи опредѣленныхъ сроковъ пребыванія въ ротахъ—возвращались на родину, а азіатцы, сосланные въ крѣпостную работу *навсегда, по принятіи св. крещенія*, переводились въ военно-срочные на 5 лѣтъ; сосланныхъ-же на срокъ и безъ назначенія времени: сколько именно они должны пробыть въ крѣпостной работѣ—повелѣвалось оставлять, со времени принятія ими *христіанской вѣры*, еще на *одинъ* годъ, а когда тѣ и другіе, въ теченіи назначеннаго имъ срока, исповѣдывали христіанскую вѣру искренно и не лицемерно и вели себя отлично,—ихъ назначали, по закону, на службу въ военно-рабочія роты, а при неспособности къ мастерствамъ—въ войска; совершенно-же неспособныхъ ни къ какому роду службы передавали въ гражданское вѣдомство, для помѣщенія въ богоугодныя заведенія. Киргизовъ, по минованіи назначенныхъ имъ сроковъ,—переселяли въ Иркутскую губернію, подъ надзоръ полиціи, а азіатцамъ, возвращаясь, съ Высочайшаго разрѣшенія, на родину, казенныя вещи выдавались въ крайнихъ только случаяхъ. Освобожденные изъ ротъ бродяги, впродолженіи 4-хъ лѣтъ, держались также подъ надзоромъ полиціи, причемъ не смѣли никуда ни переселиться, ни удалиться безъ особеннаго, каждый разъ, дозволенія; таковому-же надзору подвергались и *остъ*, уволенные изъ ротъ, по переселеніи ихъ въ отдаленныя губерніи, или въ Сибирь. Пѣнные горцы, за старостію и дряхlostію, бывшіе неспо-

событиями—отправлялись въ богоугодныя заведенія. Тѣхъ, изъ всегдашнихъ, передававшихся на распоряженіе гражданскаго вѣдомства, которые не пробыли въ ротахъ 10 лѣтъ и были способны къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, — помѣщали въ сіи роты, до окончанія десятилѣтняго срока, а тѣхъ изъ нихъ, которые были больны—помѣщали въ тюремныхъ лазаретахъ до выздоровленія, и тогда отправляли въ гражданскія арестанскія роты, до истеченія того-же 10-ти лѣтняго срока; безнадежныхъ къ посылкѣ когда-либо на работы, но располагавшихъ силами предпринять путь,—отправляли, для водворенія въ Сибирь, а не могшихъ и этого сдѣлать — оставляли въ больницахъ тюремныхъ замковъ, дотолѣ, покуда они въ состояніи будутъ слѣдовать въ Сибирь; передававшихся, наконецъ, въ гражданское вѣдомство арестантовъ, пробывшихъ въ ротахъ 10 и болѣе лѣтъ,—отправляли, для водворенія въ Сибирь, а также больныхъ увѣчныхъ оставляли до поправленія и потомъ все-таки отсылали въ Сибирь.

II.

Вотъ и всѣ измѣненія, послѣдовавшія въ положеніи о крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ въ теченіи долголѣтняго ихъ существованія! Что творилось въ арестантскихъ ротахъ въ 30—40-хъ годахъ — покрыто непроницаемымъ мракомъ. Но мы обладаемъ, изъ недалекаго нашего прошедшаго, нѣсколькими такими фактами, которые рельефно рисуютъ все-стороннее состояніе этихъ ротъ, надъ которыми царили: жестокосердіе и самодурство, которыя были ни мѣстомъ для вынесенія людьми законной кары, за совершенныя ими преступныя дѣянія, ни гарантіею для правосудія и смягче-

нія разнузданныхъ нравовъ,—а служили источникомъ роживы и произвола для лицъ, прямо или косвенно и управлявшихъ, и наконецъ разсадникомъ всевозможны безобразій.

Такъ, въ одной, на примѣръ, ротѣ содержался молодой красивый черкесъ, зачахшій было отъ переменъ климата тоски по родинѣ, да отъ сѣверной пищи и тяжелой работы. Вліятельное надъ ротою лицо сжалось надъ несчастнымъ и вошло, куда слѣдовало, съ ходатайствомъ о помилованіи его; потомъ, освѣдомившись, частнымъ образомъ, что ходатайство разрѣшено—сообщило о томъ, для объявленія черкесу непосредственному начальнику; но послѣдній вздумалъ предварительно, потѣшиться надъ черкесомъ, вслѣдствіе чего онъ, вмѣсто родины, отправился туда, гдѣ нѣсть чалей и воздыханій.. Начальникъ распорядился принести черкесскую одежду со всѣми принадлежностями, приказавъ черкесу облачиться въ нее и сталъ дравнить его, говоря «а хорошо-бы теперь тебѣ лихаго коня и домой, въ горы поработать кинжаломъ». Черкесъ слушалъ, слушалъ, азіатскіе кровь въ немъ заклокотала бурнымъ потокомъ, онъ впалъ въ ярость и ранилъ кинжаломъ начальника. За это черкесу присудили прогнать сквозь строй и онъ умеръ подъ пальными ударами.

Другой начальникъ, придерживаясь пословицу: «ѣду свищу, а наѣду не спущу» — мучилъ чиновнымъ, да съ стоятельнымъ арестантамъ, а на бѣднякахъ вымѣщалъ свою досаду—засѣкалъ ихъ розгами до смерти, для примѣра другимъ, какъ онъ выражался, находя, что жертвы необходимы, были для безопаснаго управленія ротою.

Третій, соскучавшись драть арестантовъ за игру въ карты обыкновеннымъ способомъ, каждого отдѣльно, долго думалъ какъ-бы производить означенную операцію и исправно,

скоро: «а то стой, бывало, и жди, покуда передерутъ 15—20 человекъ». Геніальная мысль оѣнила, наконецъ его голову: онъ собралъ, однажды, 16 картежниковъ, выстроилъ ихъ въ кружокъ, приказалъ всѣмъ скинуть невыразимца, дать каждому въ руку по пучку розогъ и драть другъ друга, стоя... «И поднялись-же, говорилъ онъ намъ, свистъ розогъ, вой и мольба такія, что составляли настоящій концертъ»!.. Это зрѣлище такъ ему понравилось, что онъ потомъ «съ удовольствіемъ» ходилъ всегда драть избобрѣтеннымъ имъ манеромъ, а дабы арестанты не спускали другъ другу, онъ, начальникъ, и его помощники обходили это, выражаясь по военному, карз, причемъ они выхватывали у сѣкущихъ, экспромптомъ, розги, и «сами валяли ихъ такъ, что сѣкомые остервенялись; тогда имъ возвращали розги и они сами ужъ катали другъ друга жесточе, чѣмъ истинные палачи»...

Четвертый задумалъ превратить болото, вблизи своей резиденціи, въ прелестный садъ, да чтобы кругомъ онаго росла непремѣнно шелковистая, высокая трава, особаго свойства, дабы въ часы отдохновенія наслаждаться красивымъ ландшафтомъ. Болото, между тѣмъ, не подчинялось власти, а она столь упорно преслѣдовала свою мысль, что 12 лѣтъ сряду арестанты роты, съ раннего утра до позднего вечера, орошали болото, сажали деревья, сѣяли травку, копали и возили землю, дернъ, подъ ударами унтеръ-офицерскихъ «тростей»—въ палецъ толщины палокъ... Египетскій трудъ этотъ вогналъ въ гробъ не одинъ десятокъ людей, а шелковистая трава все не выростала!.. И работа эта прекратилась потому единственно, что о ней дошло до свѣдѣнія высшаго военного начальства, которое поручило другому генералу наистрожайше разслѣдовать это дѣло, и, когда все подтвердилось,—оригинальный агрономъ покинулъ мѣсто.

Арестантъ крѣпостной роты содержалъ, съ дозволенія

начальства, въ близъ расположенномъ городѣ, нѣсколько гдѣ ораду, *учебной оточной пансіонъ*, а въ ротѣ только считался;—за то, что знакомилъ взрослыхъ дѣвицъ съ тѣми, которыми это было пріятно...

Въ одной крѣпости, генералъ, занимаясь разсортiroваніемъ арестантовъ по категоріямъ, предъ преобразованіемъ роты, нашелъ въ ней человѣка, просидѣвшаго *десять лѣтъ* безвыходно въ одиночномъ заключеніи, въ *темномъ подземельи*, за то, что, будучи фанатичнымъ старообрядцемъ—сопротивлялся бритью бороды. И, благодаря лишь добросердечію генерала, злосчастный увидѣлъ свѣтъ Божій...

Почти во всѣхъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ, арестантовъ, имѣвшихъ протекцію, вслѣдствіе ихъ благороднаго рожденія, либо богатаго родства, *отпускали* изъ роты *жить на волю*, причемъ иные не только не посѣщали никогда своихъ мѣстъ заключенія; но водила знакомство на «*ты*» съ своими начальниками, а отсюда, при первыхъ-же оказіяхъ, получали полное прощеніе. За то бѣдные простолудины работали до кроваваго пота въ пользу начальниковъ, иные, изъ коихъ знали, впрочемъ, и честь: изъ каждаго суммъ, попадавшихъ ежемѣсячно въ ихъ карманы, за арестантскій трудъ, они удѣляли арестантамъ роты по 3—5 руб. на водку; на водку-же давали арестантамъ и подрядчики, чтобы тѣ сработали въ день, вмѣсто одного заданнаго урока,—полтора, два. Вознагражденіемъ этимъ и начальство, и подрядчики эксплуатировали арестантовъ столько, сколько имъ хотѣлось, благо выраженіе «не пить водки» въ 34-й ст. не было упомянуто ни въ одномъ изъ изданій положенія о ротахъ.

Въ свою очередь, деморализованные арестанты ожесточались, мстили всѣмъ, кому могли мстить. Въ одну изъ ротъ прибылъ, напримѣръ, однажды, пожилой арестантъ, впущен-

ный прямо въ общую камеру. Немного погодя, къ начальнику явился другой, тамъ уже жившій арестантъ, и заявилъ просьбу перевести отъ нихъ новенькаго, «иначе его ночью же убьютъ, за то, что заявитель и двое его товарищей сосланы въ роту за покушеніе поджечь его, бывшаго ихъ помѣщика, домъ; помѣщикъ-же, добавилъ онъ, ужъ побить изрядно». Позвали арестанта-помѣщика, разспросили его, прочли доставленныя на него письменныя свѣдѣнія, убѣдились, что все вышесказанное вѣрно, посадили помѣщика въ отдѣльную камеру, донесли о происшедшемъ, куда слѣдовало, и вскорѣ-же перевели помѣщика въ другую крѣпость и тѣмъ самымъ сохранили ему жизнь. Сосланъ онъ былъ за жестокости съ женщинами по особому, сепаратному повелѣнію. Арестанты вели себя столь смѣло, самостоятельно, что никто, безъ *полнаго* конвоя, никогда и днемъ не смѣлъ войти въ ихъ камеры, а ночью и подавно: въ это время жизнь была тамъ въ полномъ разгарѣ: пили, играли, пѣли, на удалую... Артельное начало, проповѣдываемое закономъ о ротахъ, отлично привилось къ арестантской средѣ: кто держалъ на откупѣ майданъ (водку), кто карты, кто съѣстные припасы; общество солидарно держалось другъ за друга, провинившихся каралъ самосудъ и каралъ, преимущественно сплетниковъ, жестоко. Женщины допускались къ арестантамъ, за большія и малыя взятки, и на работахъ, и въ казармахъ, причемъ они отдавали долгъ природѣ, нерѣдко, и при всемъ честномъ народѣ, на работахъ, съ конхъ уходили группами въ кабаки, въ трактиры, собирать милостыни и т. п. Мало того: многіе нарочно выписывали къ себѣ женъ и принуждали ихъ добывать имъ деньги проституціею въ коморкахъ унтеръ-офицеровъ, въ квартирахъ, иногда, и офицеровъ, которые сами, случалось, содержали проститутокъ, для благородныхъ и состоятельныхъ.

Былъ, наконецъ, однажды, и вотъ еще какой казусъ: въ одну изъ крѣпостей пріѣхало лицо, облеченное полною властію, приказало выстроить роту и произвело ей фронтное ученье. Арестанты исполнили это отлично. Уполномоченный объявилъ имъ, что ихъ назначать на службу въ полки, и ждалъ, разумѣется, цѣлый потокъ благодарности,— но ошибся; большинство повѣсили недовольно носы. Уполномоченный спросилъ, что это значить?

— Позвольте намъ лучше здѣсь остаться, заговорили, съ разныхъ сторонъ, арестанты.

— Развѣ солдатамъ жить хуже, нежели вамъ?

— Точно такъ-съ: мы день отработаемъ, запибемъ копѣйку, вечеромъ выпьемъ, закусимъ хорошенько и завалимся на боковую; у кого изъ насъ нѣтъ денегъ на ѣду, на выпивку, съ тѣмъ товарищи подѣлятся, тотъ изъ нашей *собственной кассы* въ долгъ возьметъ. Солдаты-же цѣлый день съ ружьемъ, по ученьямъ, парадамъ, вечеромъ чистятъ свою аммуницію, разучиваютъ сигналы, начальство, а ночи дежурятъ на часахъ. Кромѣ того, имъ гроша никогда не откуда достать, бьютъ и дерутъ ихъ больше чѣмъ насъ .. Кому-же, осмѣлимся спросить, жить легче: имъ, или намъ? По этому по самому, позвольте ужъ намъ тутъ лучше остаться!

Такъ уполномоченный и уѣхалъ, а арестантовъ оставили арестантами.

И дѣйствительно, бывали, при прежней суровой службѣ, зачастую случаи, что солдаты конвойные, увлекаемые заманчивыми разсказами арестантовъ, совершали такіа преступленія противъ дисциплины, за которыя попадали въ арестантскія роты.

Множество разнохарактерныхъ безобразій изъ быта ротъ доходило, разумѣется, разновременно и до высшаго правительства. Отсюда, въ видахъ челоуѣколюбія, въ видахъ

должнаго возмездія за преступныя дѣянія людей, осуждавшихся къ заключенію въ роты, явилась давно ужъ потребность въ лучшей организаціи ротъ. Потребность эта еще сильнѣе почувствовалась: а) съ освобожденіемъ, въ 1861 г., крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, отъ чего уменьшилось значительное число бродягъ, направлявшихся дотолѣ въ роты; б) вслѣдствіе отиѣны, въ 1863 г., за преступленія тѣлесныхъ наказаній гражданскихъ людей низшихъ сословій и нижнихъ чиновъ обязательнаго срока службы; в) съ предполагавшимся кореннымъ преобразованіемъ судебной части какъ гражданского, такъ и военнаго вѣдомствъ, и, наконецъ, г) отъ возникшаго, еще въ 1862 году, общаго вопроса объ улучшеніи быта русскихъ тюремъ.

III.

Всѣмъ извѣстно, что въ послѣдніе 10 лѣтъ, реформы въ нашей арміи быстро создавались одна за другою, такъ, что военное вѣдомство, на этомъ пути, далеко оставило позади себя всѣ остальные вѣдомства. Оттого, для поддержанія въ рядахъ войскъ дисциплины, военное министерство задалось мыслию ввести такую строго обдуманную систему наказаній, чтобы судебные приговоры, произносимые надъ нижними чинами, совершившими преступленія, исполнялись безъ малѣйшаго послабленія; чтобы наказанія вполнѣ достигали предполагаемой цѣли—какъ наказанія, такъ и исправленія порочной нравственности. Исходя изъ этого разумнаго принципа, министерство приступило къ коренному преобразованію арестантскихъ ротъ, которыя, по своему устройству и направленію, не только не представляли никакихъ гарантій для исправленія содержащихся въ нихъ нижнихъ чиновъ,—

но, напротивъ, являлись, какъ сознало само министерство школами всевозможныхъ пороковъ, гдѣ нравственность арестантовъ, шаткая уже и прежде, — падала окончательно, и гдѣ, не смотря на всю видимую строгость содержанія, — совершались самыя возмутительныя преступленія противъ дисциплины, о чемъ единогласно свидѣтельствовали какъ начальники частей, въ которыя возвращались изъ ротъ ниже чины, по пробытіи тамъ срока заключенія, — такъ и лица, начальствовавшія надъ этими ротами.

«Современное законодательство видитъ въ заключеніи преступниковъ, — справедливо рассуждало министерство, — не только возможность удовлетворить оскорбленное ими правосудіе, не только одну цѣль наказанія за преступленія, но еще и средство къ исправленію виновныхъ и порочныхъ людей; оттого всѣ пенитенціарныя системы признаютъ необходимымъ условіемъ для достиженія этой цѣли — самый строгій надзоръ за заключенными, сначала — одиночное ихъ заключеніе, дабы въ уединеніи они могли обсудить свой проступокъ, а затѣмъ — ночное разъединеніе ихъ и постоянный производительный, а въ случаѣ невозможности ввести таковой — и непроизводительный трудъ, лишь-бы не допускать арестантовъ проводить время въ праздности, парализующей всѣ усилія къ ихъ исправленію». Съ установленіемъ правильной постепенности въ наказаніяхъ, однимъ изъ главныхъ средствъ къ достиженію нравственной цѣли заключенія и исправленія осужденныхъ, министерству представилось безусловное разобщеніе арестантовъ по роду преступленія и устраненіе всякой возможности сношенія военныхъ арестантовъ съ тяжкими преступниками, а также и совершенное отдѣленіе арестантовъ *военныхъ* отъ *гражданскихъ*. По сему, министерство заключило: удалить изъ бывшихъ военно-арестантскихъ ротъ каторжныхъ и всегдашнихъ арестантовъ,

изъ остальныхъ военно-срочныхъ арестантовъ образовать военно-исправительныя роты, устроивъ онѣ на началахъ пенитенціарной системы. На этомъ основаніи, изъ 37 1/2 прежнихъ арестантскихъ — оно предположило сформировать 15 военно-исправительныхъ ротъ, а именно: кievскую на—700 мѣстъ заключенія, бобруйскую—на 1,200, динабургскую—на 600, брестъ-литовскую—на 400, кронштадтскую—на 600, свеаборгскую—на 800, новогоріевскую—на 225, рижскую—на 200, ивангородскую—на 200, херсонскую—на 200, бендерскую—на 200, динамондскую—на 200, Выборгскую—на 200, Оренбургскую и Омскую, каждую на 110 мѣстъ заключенія.

Далѣе, коренными началами этой реформы министерство востановило: 1) распредѣленіе преступниковъ *каждой категоріи* въ *особыхъ* кѣпностяхъ; подраздѣленіе арестантовъ на разряды *испытываемыхъ* и *исправляющихся* и установленіе особаго порядка содержанія для каждой категоріи преступниковъ въ частности; 2) изъятіе арестантскихъ ротъ изъ вѣдомства инженернаго военнаго управленія и подчиненіе ихъ въ порядкѣ высшей администраціи военному министерству, для чего учредить главный военно-тюремный комитетъ, въ которомъ сосредоточить разсмотрѣніе отчетностей, всѣхъ дѣлъ, относящихся до тюремной части, т. е. разсматривать всѣ представленія главныхъ управленій министерства въ военный совѣтъ по тюремной части, вопросы, передаваемые на обсужденіе комитета военнымъ министромъ, а равно и возбуждаемые самимъ комитетомъ. Ближайшій надзоръ за ротами поручить начальству военныхъ округовъ; устройство болѣе правильной организаціи, непосредственнаго управленія арестантами, увеличеніе содержанія служащихъ и учрежденіе при ротахъ особыхъ комитетовъ, для завѣдыванія хозяйственною частію; 3) примѣненіе къ арестантскимъ ро-

станты на работы не употребляются. При назначеніи арестантамъ работъ, принимаются въ соображеніе ихъ физическія силы, здоровье и способность къ тому или другому роду работъ. Арестанты работаютъ ежедневно, за исключеніемъ дней воскресныхъ, перваго января, первыхъ двухъ дней Рождества Христова, двухъ послѣднихъ дней Страстной недѣли, первыхъ трехъ дней Пасхи, праздниковъ: Богоявленія, Вознесенія Господня и Благовѣщенія, трехъ дней, посвящаемыхъ говѣнію, а равно дней рожденія, тезоименитства и коронованія Ихъ Величествъ Государи Императора и Государини Императрицы. Арестанты еврейскаго и магометанскаго исповѣданій освобождаются отъ работъ для молитвы: первые — по субботамъ, а послѣдніе — по пятницамъ; но затѣмъ они не освобождаются отъ работъ въ воскресные дни. Сверхъ того, независимо дней рожденія, тезоименитства и коронованія Ихъ Величествъ, они освобождаются отъ работъ для молитвы и въ дни, о коихъ ежегодно объявляется циркулярами главнаго штаба. Они проводятъ эти дни и совершаютъ молитвы въ своихъ камерахъ. Для занятія арестантовъ работами полагается отъ 8 до 10 часовъ въ день. Начальствующимъ лицамъ не дозволяется распорядитъ временемъ и трудомъ арестантовъ въ свою пользу, даже за вознагражденіе, и употреблять ихъ къ письменнымъ занятіямъ. Хозяйственныя работы заключаются въ приготовленіи пищи и кваса, распилокъ, рубокъ и подносокъ дровъ, топекъ печей, качанія воды и занятіяхъ по содержанію чистоты и опрятности въ корридорахъ, сѣняхъ, на дворѣ и вообще въ зданіяхъ роты. Къ работамъ въ мастерскихъ относятся производства: портняжное, сапожное, шорное, бондарное, токарное, столярное, кузнечное и слесарное, а также витье веревокъ, дѣланіе циновокъ, щетокъ и тому подобныя занятія, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ и удобствамъ. Могутъ быть допу-

скаемы и другія работы, безвредныя для здоровья арестантовъ и совершенно безопасныя. Испытуемые, содержащые въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, занимаются мастерствами въ своихъ камерахъ, а всѣ прочіе арестанты въ мастерскихъ. Во время работъ арестантамъ дозволяется обращаться къ унтеръ-офицерамъ, или обучающимъ ихъ мастерамъ, только съ вопросами, относящимися до работъ, но не иначе, какъ въ полголоса. Для содѣйствія завѣдывающему работами и вольнонаемнымъ мастерамъ, при подготовленіи и распредѣленіи работъ и рабочаго матеріала, могутъ быть, по усмотрѣнію ротнаго командира, назначаемы наилучшіе по поведенію арестанты изъ разряда исправляющихся; но самимъ арестантамъ отнюдь не поручается надзоръ за прочими арестантами во время работъ. Мастеровыя работы производятся арестантами какъ по казеннымъ или частнымъ заказамъ, такъ и на продажу. Ротный комитетъ опредѣляетъ, какого рода заказы могутъ быть исполнены арестантами, но самые заказы принимаются начальникомъ роты. Заказы записываются въ ротномъ комитетѣ въ особую книгу, со внесеніемъ задатка, равнаго четвертой части договорной суммы. Въ этой же книгѣ заказчикъ росписывается въ полученіи вещей и означаетъ количество уплаченныхъ имъ денегъ. Инструменты, матеріалы, для приготовленія издѣлій на продажу, приобретаются, по мѣрѣ надобности, на счетъ спеціальной ротной суммы. Издѣлія, назначаемыя для продажи, или выставляются въ особыхъ помѣщеніяхъ, по распоряженію начальства роты, или поручаются разнощикамъ и торговцамъ. Предварительно распродажи издѣлій, ротный комитетъ дѣлаетъ приблизительную имъ оцѣнку, сообразно стоимости затраченнаго матеріала и существующимъ на мѣстѣ рабочимъ цѣнамъ. Изъ чистой прибыли, вырученной отъ продажи арестантскихъ издѣлій, отчисляется 10% въ пользу арестантовъ,

а 90% обращаются: а) на покрытие расходов по содержанию роты; б) въ специальную ротную сумму, и в) въ пользу чиновъ, служащихъ въ ротѣ. Размѣръ, въ которомъ сіи 90% должны быть раздѣлены по назначенію, опредѣляется главнымъ военно-тюремнымъ комитетомъ. Арестанты вознаграждаются за произведенныя ими работы не соразмѣрно относительной выгодности оныхъ, а соответственно усердію своему въ работахъ. Арестантамъ, помощникамъ въ мастерскихъ, сверхъ собственнаго ихъ заработка, отчисляется ежемѣсячно, изъ специальной ротной суммы, особая плата, въ размѣрѣ, опредѣленномъ въ предыдущей статьѣ. Количество заработанныхъ арестантами денегъ исчисляется въ концѣ мѣсяца и затѣмъ объявляется арестантамъ, сколько пришлось по расчету на часть каждого изъ нихъ. Причитающіяся арестантамъ деньги не выдаются имъ на руки, но изъ слѣдующей каждому суммы позволяется, находящимся въ исправляющихся, въ видѣ награды, за хорошее поведеніе, расходовать до половины на отправку писемъ и покупку въ высокочеркешевские дни и большіе церковные праздники булокъ, чая и сбитня. Расходъ этотъ допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника роты. Строевымъ упражненіямъ, стойкѣ, поворотамъ и маршировкѣ обучаются арестанты разряда исправляющихся и тѣ испытуемые, которые не содержатся въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, по одному часу ежедневно: въ хорошую погоду — на ротномъ дворѣ, а въ ненастную — гдѣ окажется удобнымъ.

Исправляющіеся и тѣ изъ испытуемыхъ, которые не содержатся въ одиночномъ заключеніи, въ воскресные и праздничные дни и прочее свободное отъ работъ и строеваго ученія время, обучаются грамотѣ и слушаютъ чтеніе книгъ, приобретаемыхъ для сей цѣли ротнымъ комитетомъ. Испытуемые, содержащіеся въ одиночномъ заключеніи, обучаются

грамотѣ въ своихъ камерахъ, по возможности. Грамотѣ обучаютъ арестантовъ унтеръ-офицеры, подъ руководствомъ и въ присутствіи священника, или помощника начальника роты. Въ помощь унтеръ-офицерамъ могутъ быть назначаемы, съ разрѣшенія начальника роты, отличнѣйшіе по поведенію грамотные арестанты. Въ воскресные и праздничные дни и накануне ихъ, арестанты выводятся въ церковь, для слушанія богослуженія. При этомъ соблюдается: а) чтобы арестанты, во время слѣдованія, сохраняли молчаніе, и б) чтобы испытуемые выводились отдѣльно отъ исправляющихся, и занимали въ церкви особо назначенныя для нихъ мѣста. Постороннія лица въ церковь не допускаются. Въ воскресные и праздничные дни, по исправленіи хозяйственныхъ въ ротѣ работъ, арестанты разряда исправляющихся и тѣ изъ испытуемыхъ, которые не содержатся въ одиночномъ заключеніи, собираются въ столовую, и, оставаясь въ ней до обѣда, — слушаютъ чтеніе священнаго писанія. Арестанты православнаго исповѣданія обязаны, въ теченіе великаго поста, говѣть поочередно, а другихъ христіанскихъ исповѣданій исполняютъ эту обязанность по обрядамъ своей церкви, когда представится къ тому возможность. Каждый арестантъ съ своею просьбою можетъ обращаться къ своему унтеръ-офицеру, который докладываетъ о томъ по-начальству, но просьбы и жалобы сообщаются воспрещаются арестантамъ. Для ближайшаго ознакомленія арестантовъ съ ихъ обязанностями и съ установленнымъ порядкомъ въ ихъ содержаніи, имъ читается, отъ времени до времени, извлеченіе изъ положенія о ротахъ.

Проступки, за которые опредѣляются наказанія, по распоряженію начальства военно-исправительныхъ ротъ, раздѣляются на два рода: къ 1-му роду относятся: маловажныя нарушенія установленнаго порядка, несоблюденіе опрятности, тишины и т. под.; нерадѣніе въ исполненіи урочной работы;

ложныя показанія о болѣзни; взятіе безъ позволенія какой-либо чужой вещи, безъ намѣренія утаить или присвоить оную себѣ; непослушаніе фельдфебелю или унтеръ-офицерамъ, безъ всякой, однако, грубости или иныхъ, увеличивающихъ вину, обстоятельствъ. Ко 2-му роду относятся: означенныя выше проступки, когда арестанты оказались виновными въ нихъ болѣе двухъ разъ; драки и побои, немѣвшіе послѣдствіемъ ранъ, увѣчья или поврежденія въ здоровьѣ; умышленная порча одежды, обуви и другихъ вещей, выданныхъ арестанту или принадлежащихъ другимъ заключеннымъ; умышленное поврежденіе мѣста заключенія, утвари, посуды, инструментовъ или рабочихъ матеріаловъ; взятіе чужихъ вещей, съ намѣреніемъ присвоить ихъ себѣ; имѣніе при себѣ воспрещенныхъ вещей или орудій; покушеніе на подкупъ нижнихъ чиновъ для послабленія въ надзорѣ; своевольство, буйное поведеніе и другіе подобные проступки, нарушающіе порядокъ и благочиніе; непослушаніе фельдфебелю или унтеръ-офицерамъ, когда оно сопровождалось грубостію; покушеніе къ побѣгу; необъявленіе начальству объ умыслѣ другихъ арестантовъ учинить побѣгъ. За проступки 1-го рода опредѣляются слѣдующія наказанія: а) заключеніе въ одиночномъ карцерѣ на время отъ 3-хъ до 7-ми дней, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; б) заключеніе въ темномъ карцерѣ, на такое же время, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ. Наказанія за проступки 2-го рода полагаются: а) заключеніе въ темномъ карцерѣ отъ 7-ми до 14-ти дней съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, и б) продолженіе времени испытанія отъ 1-го до 3-хъ мѣсяцевъ, или перечисленіе изъ разряда исправляющихся въ разрядъ испытуемыхъ на такое же время. Сверхъ того, за умышленную порчу мастерового инструмента или матеріаловъ, виновные подвергаются вычету, сообразно количеству ущерба, изъ слѣдующей имъ дачи заработка. Когда проступки сопровождались

особенными обстоятельствами, увеличивающими вину, то нарушители *могут быть* наказаны *рожами*: за проступки 1-го рода — до 30-ти ударовъ, по распоряженію помощника начальника роты, а за проступки 2-го рода — до 100 ударовъ, по опредѣленію начальника роты. Тѣлесное наказаніе назначается или вмѣстѣ съ вышеопредѣленными взысканіями, или въ видѣ самостоятельнаго наказанія. Наказанія, налагаемыя на арестантовъ за проступки какъ перваго, такъ и втораго рода, записываются всегда въ штрафной журналъ.

Заболѣвающіе арестанты свидѣлствуются состоящимъ при ротѣ медикомъ и изъ нихъ: слабые и требующіе только отдохновенія — оставляются въ мѣстахъ заключенія, а нуждающіеся въ медицинскомъ пособіи — перемѣщаются въ ротный лазаретъ, но испытуемые отдѣльно отъ исправляющихся. Содержащіеся въ постоянномъ одиночномъ заключеніи получаютъ медицинское пособіе въ самыхъ камерахъ или карцерахъ, и только въ случаѣ тяжкихъ болѣзней отправляются въ лазаретъ или въ госпитальныя арестантскія отдѣленія. Больные довольствуются въ лазаретѣ пищею и пользуются медикаментами на общемъ основаніи съ войсками; провіантъ же и кормовыя деньги, вытребованныя на арестанта, который заболѣлъ, показываются въ ротѣ къ зачету. Время болѣзни, проведенное арестантомъ въ госпиталѣ или лазаретѣ, исключается изъ срока пребыванія въ ротѣ, назначеннаго въ приговорѣ. Но при особенно уважительныхъ обстоятельствахъ, какъ-то: если болѣзнь произошла отъ изнуренія, ушиба, или инаго несчастнаго случая, время это можетъ, вполне или частію, быть зачтено въ срокъ пребыванія арестантовъ въ ротѣ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника мѣстныхъ войскъ въ округѣ, по особому каждаго разъ представленію начальника роты, основанному на мнѣніи ротнаго комитета.

Арестанты изъ состоящихъ на *срочной* службѣ, пробыв-

шіе въ ротѣ опредѣленное имъ приговоромъ суда время, обращаются на службу исключительно въ полевые войска, а несостоящіе на срочной службѣ, по выбитіи изъ роты, исключаются изъ военного вѣдомства и передаются въ распоряженіе гражданскаго начальства. Обращаемымъ на службу арестантамъ, начальникъ роты, въ присутствіи своихъ помощниковъ и священника, объявляетъ какъ объ освобожденіи, такъ и о деньгахъ, заработанныхъ ими въ ротѣ. Освобожденные арестанты препровождаются въ мѣста назначенія въ военной одеждѣ, которою они снабжаются изъ числа поступившей съ прибылыми арестантами и хранящейся въ цейхгаузѣ. Въмѣстѣ съ отправленіемъ арестантовъ на службу, начальникъ роты препровождаетъ начальству того мѣста, куда они назначены: а) всѣ письменныя о сихъ арестантахъ свѣдѣнія, и б) деньги ихъ, какъ хранившіяся въ ротѣ, такъ и заработанныя ими въ оной. Арестанты, которые прежде истеченія опредѣленнаго срока пребыванія въ ротахъ будутъ признаны неспособными къ мастерскимъ работамъ, но годными для исполненія хозяйственныхъ работъ, оставляются въ ротахъ до истеченія назначеннаго имъ срока. Неспособными ни къ какимъ работамъ признаются арестанты: а) совершенно слѣпые; б) не имѣющіе рукъ или ногъ; в) дряхлые, отъ совершеннаго разслабленія, паралича и другихъ болѣзней; г) имѣющіе большія килы, препятствующія ходить и работать, и д) оказавшіеся, послѣ долговременнаго леченія, имѣющими совершенно неизлечимыя болѣзни, лишаящіе навсегда способности ко всякой работѣ. Арестанты, признанные до истеченія срока неспособными ни къ какимъ работамъ въ ротѣ, передаются, по распоряженію начальника мѣстныхъ войскъ въ округѣ, гражданскому начальству, для содержанія въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства. Деньги, составляющія собственность арестантовъ, от-

сылаются, по распоряженію начальника роты, въ сберегательныя кассы по именнымъ книжкамъ и хранятся въ нихъ въ теченіе всего времени нахождения арестантовъ въ ротѣ; при выбытіи-же ихъ, деньги, съ накопившимися процентами, отсылаются въ мѣста ихъ поступленія. Въ случаѣ побѣга арестантовъ, принадлежащія имъ деньги причисляются къ спеціальной суммѣ. Оставшіяся послѣ умершаго арестанта деньги выдаются ближайшимъ его родственникамъ или тѣмъ лицамъ, кому назначены будутъ по духовному завѣщанію; если же завѣщанія не сдѣлано, то объ оставшемся наслѣдствѣ сообщается родственникамъ умершаго, по мѣсту его родины, чрезъ уѣздныя или городскія полицейскія управленія, которыя, съ своей стороны, увѣдомляютъ начальника роты, когда именно о смерти арестанта объявлено наслѣдникамъ. Въ случаѣ неявки послѣднихъ или нетребованія ими оставшагося имущества въ теченіе годичнаго срока, со дня сообщенія, установленнымъ порядкомъ, о смерти арестанта, оставшіяся послѣ него деньги причисляются къ спеціальной ротной суммѣ.

Ротный комитетъ, при каждой ротѣ, состоитъ изъ помощниковъ начальника роты, подъ его предсѣдательствомъ. Въ совѣщаніяхъ комитета участвуютъ также: священникъ — по дѣламъ, относящимся до нравственнаго исправленія арестантовъ и церковнаго хозяйства, а врачъ — по дѣламъ медико-полицейскимъ и вообще требующимъ принятія гигиеническихъ мѣръ. Комитетъ обсуживаетъ всѣ мѣропріятія, касающіяся благосостоянія роты и точнаго примѣненія предписанныхъ правилъ содержанія арестантовъ. Комитетъ распоряжается: а) ремонтированіемъ зданій; б) заготовленіемъ продовольственныхъ припасовъ для арестантовъ, освѣтительныхъ матеріаловъ и матеріаловъ для приготовленія издѣлій, и в) покупкою необходимыхъ хозяйственныхъ предме-

товъ. Комитету предоставляется: а) утверждать подряды и разрѣшать хозяйственныя заготовленія на сумму до 1,000 р.; б) распоряжаться, съ предварительнаго разрѣшенія начальника мѣстныхъ войскъ въ округѣ, хозяйственнымъ заготовленіемъ одежды для арестантовъ и нижнихъ чиновъ роты, не выше опредѣленныхъ для сего обружнымъ интендантствомъ цѣнъ; в) сокращать арестантамъ сроки испытанія, на основаніяхъ, въ настоящемъ положеніи указанныхъ, и г) удостоивать арестантовъ къ переводу изъ разряда испытующихъ, въ разрядъ исправляющихся въ назначенные сроки. Распоряженія комитета излагаются въ журналахъ, подписываемыхъ предсѣдателемъ и присутствующими членами. Въ отношеніи требованія, прихода и расхода суммъ, припасовъ, матеріаловъ и всѣхъ вообще предметовъ довольствія роты, а равно повѣрки и свидѣтельства ихъ, представленія срочныхъ донесеній и отчетности, комитетъ руководствуется правилами, установленными для тѣхъ войскъ, въ коихъ учреждены хозяйственные комитеты. Ревизіонный комитетъ, при каждой ротѣ состоитъ изъ командира губернскаго баталіона, двухъ офицеровъ отъ мѣстныхъ частей артиллерійскаго и инженернаго вѣдомствъ, по одному отъ каждого. Обязанности комитета заключаются: а) въ удостовѣреніи, что установленныя для роты правила исполняются въ точности, и б) въ производствѣ ревизіи ротнаго хозяйства, причемъ комитетъ обращаетъ особое вниманіе на степень развитія мастеровыхъ работъ, на оборотъ денежныхъ суммъ и правильно-ли назначаются цѣны издѣліямъ, приготовляемымъ арестантами. Комитетъ производитъ ревизію два раза въ годъ, и замѣчанія свои, излагаемыя въ формѣ журнала, представляетъ въ главный военно-тюремный комитетъ, а копіи съ нихъ доставляетъ начальнику мѣстныхъ войскъ въ округѣ и начальнику роты. Комитетъ распорядительной власти

не имѣть, не входитъ въ письменныя сношенія съ начальникомъ роты и не дѣлаетъ ни ему, ни его подчиненнымъ замѣчаній.

V.

Изложенное нами положеніе основано, какъ извѣстно, на началахъ, выработанныхъ европейскою пенитенціарною наукою, а потому представимъ вниманію читателей краткій очеркъ происхожденія, развитія и усовершенствованія этой науки.

Пенитенціарій, по-русски, всего ближе назвать домоуъ покаянія. Первая мысль объ учрежденіи этого рода тюремъ принадлежитъ ученому французскому монаху бенедиктинскаго ордена, Жану Мабильону, жившему въ XVII столѣтіи. Основными принципами исправленія преступниковъ Мабильонъ считалъ: а) заключеніе каждаго изъ нихъ въ отдѣльную келью и приспособленіе въ ней мастерской, для полезныхъ его работъ; б) дабы сберечь ихъ здоровье — устроить при тюрьмахъ маленькіе садики, тоже съ мастерскими, выводить людей на опредѣленное число часовъ въ эти садики, гдѣ, тоже врознь, заставляютъ ихъ работать на свѣжемъ воздухѣ; в) посылать ихъ на *всѣ* богослуженія въ церкви, гдѣ ставятъ каждаго за особою перегородкою; г) въ то время, когда они одни въ кельяхъ — навѣщать и утѣшать ихъ, а равно укрѣплять въ нихъ правила нравственности, и, наконецъ, д) кормить ихъ болѣе грубою, скудною пищею и чаще всего — постною. Хотя Мабильонъ и былъ, за свой проектъ, представленъ архіепископомъ Лепельи Людовику XIV, но послѣдній ничего не предпринялъ касательно осуществленія идеи перваго. Идея эта не пропала, однако, безслѣдно: папа Климентъ XI, создалъ въ Римѣ, на началахъ, выраженныхъ

Мабильономъ, тюрьму, которая оставалась единственною въ своемъ родѣ, въ продолженіи цѣлаго, почти, столѣтія: вторая такая-же тюрьма, по инициативѣ графа Виллена, открылась, по настоянію французской королевы Маріи Терезіи, въ Гентѣ, лишь въ 1772 году. Далѣе, англійскій ученый и дипломатъ Говардъ ознакомилъ англичанъ съ системою содержанія преступниковъ въ Гентѣ, и вслѣдствіе сего, въ 1779 г., англійское правительство рѣшилось устроить два пенитенціарія, но открылся только одинъ въ Глочестерѣ, и то въ 1793 году, причемъ существенными правилами онаго были: классификація преступниковъ, разъединеніе ихъ на ночь и работа днемъ. Въ свою очередь, квакеры, присоединившись къ мысли о необходимости новыхъ тюремъ,—определили на этомъ поприщѣ англичанъ: они устроили, въ 1790 г., четвертый пенитенціарій въ Вальстритѣ, что въ Филадельфіи Америки, гдѣ нашли себѣ, правда, послѣдователей, которые, умножили эти учрежденія по методу Оборка и Синга-Синга въ Нью-Йоркѣ, Питсбургѣ и Шерри-Гилле,—но касательно системы исправленія преступниковъ, американцы разошлись во взглядахъ: нью-йоркцы рассчитывали вселить въ преступниковъ добродѣтель, совмѣстною ихъ работою и общежитіемъ, а гильцы считали единственнымъ спасеніемъ—одиночное заключеніе.

Покуда за океаномъ спорили, какой системѣ отдать предпочтеніе,—въ Европѣ затѣялись войны, отчего европейцамъ было ужъ, понятно, не до тюремъ, прежде водворенія всеобщаго мира. Тогда, 9-го сентября 1814 г., Людовикъ XVIII, издалъ было повелѣніе объ обращеніи преступниковъ на путь истинный, приученіемъ ихъ къ порядку, труду, да нравственными и религіозными назиданіями; но этому стремленію не суждено было тотчасъ-же обратиться въ живое дѣло: неблагоприятныя политическія событія во Франціи помѣшали. Спустя

нѣкоторое время, группа французовъ, сочувствуя вышеприведенному повелѣнію, основала въ 1817 г., въ улицѣ Брессъ, сенскій пенитенціарій и помѣстила въ него однихъ, впрочемъ, *молодыхъ* преступниковъ, которыхъ потомъ постепенно переводили въ Сентъ-Пелажъ, Магдалинеттъ, а въ 1836 году, въ Роккеттъ, и въ послѣднемъ ужъ мѣстѣ организовали дѣло въ обстоятельныхъ размѣрахъ. Отсюда начались серьезныя, живые опыты надъ англійскою, нью-іоркскою и филладельфійскою системами: въ Лозанѣ — въ 1824 г., въ Женевѣ — въ 1825 г. и въ Бернѣ — въ 1830 г.; а изъ этихъ городовъ, женевскіе практики сумѣли ввести у себя все лучшее изъ указанныхъ трехъ системъ, за что женевская и получила названіе европейской системы. Преимущество женевской тюрьмы, предъ прочими, ей подобными, знатоки тюремовѣдѣнія усматриваютъ вотъ въ чемъ. Во-первыхъ, въ ея устройствѣ по поноптическому *) способу, заключающемуся въ томъ, что съ любого пункта зданія, чрезъ прикрытыя снаружи, сѣтками, форточки, видѣются всѣ внутреннія части остальнаго зданія, а посредствомъ этихъ форточекъ начальство тюрьмы, въ состояніи наблюдать за всѣмъ, въ ней происходящимъ; т. е., однимъ взглядомъ легко обнять сотни арестантовъ, судить объ ихъ прилежаніи къ работѣ и даже поведеніи; мало того, помощью особыхъ колокольчиковъ и говорильныхъ трубъ, немедленно отвѣчается издалика на всякій вопросъ. Въ программу занятій арестантовъ входятъ умственное развитіе, религіозное и нравственное исправленіе, мастеровыя и многія другія работы, а по освобожденіи

*) Поноптика значитъ — все видѣть. Способъ этотъ изобрѣтенъ знаменитымъ англійскимъ ученымъ Бентамомъ, родившимся въ 1747 году, а умершимъ въ 1832 году.

ихъ — комитетъ покровительствуетъ имъ и на волѣ. Эта-же система примѣнена была и къ открытой, въ 1840 году, земледѣльской колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ въ Метрѣ, близъ Тура, во Франціи, и независимо сего постепенно распространилась, съ различными видоизмѣненіями, по Германіи, Бельгіи и т. д.

Между тѣмъ, англичанинъ Крофтонъ, тоже изучивъ всѣ системы и не удовольствовавшись ни одною въ цѣлости, — сгруппировалъ изъ нихъ все то, что ему казалось цѣлесообразнымъ, во-едино, и это-то общее послѣдовательно введено въ тюрьмѣ Дублинскаго графства въ Англіи, съ 1854 по 1857 г. включительно, и наименовалась ирландскою системою. Ирландская система представляетъ, говоритъ русскій криминалистъ г. Ламанскій, въ предисловіи къ переводу монографіи профессора берлинскаго университета Гольцендорфа, соединеніе всѣхъ истинъ прежнихъ системъ въ одномъ внутренне образованномъ организмѣ, и содержитъ въ себѣ то несравненное преимущество предъ всѣми остальными, что въ ней участвуютъ антропологическій и психическій элементы. А на сихъ началахъ только и можетъ, полагаетъ г. Ламанскій, опираться ирландская система исправленія, при успѣшномъ развитіи которой, она послужитъ основными точками опоры къ преобразованію, въ ближайшемъ будущемъ, всей системы наказаній; присутствіе въ ней элементовъ, посредствомъ коихъ уразумѣвается индивидуальный характеръ человѣка и находящихся въ тѣсной связи съ нимъ социальныхъ формъ преступленій, удовлетворитъ повсемѣстной потребности въ коренной реформѣ уголовного законодательства. Правила ирландской системы содержатъ въ себѣ: а) сокращеніе срока, опредѣленнаго судомъ; б) разграниченіе наказанія на различные періоды; в) одиночное заключеніе; г) общія работы, обязательный трудъ и задѣльная за него

плата; д) переходъ въ менѣе строгое положеніе; е) преподаваніе наукъ; ж) увольненіе на полусвободу, по отпускнымъ билетамъ, и полицейскій надзоръ надъ отпущенными, такъ какъ посредствомъ угнетенія нельзя готовить къ свободѣ ни отдѣльнаго человѣка, ни цѣлыя народы, по справедливому замѣчанію Гольцендорфа, и, наконецъ, з) полное освобожденіе и упроченіе будущности бывшаго заключеннаго. Вотъ сущность этой новѣйшей, усовершенствованной пенитенціарной системы.

Наконецъ, пенитенціарныя системы, по-немножку, стали проникать и къ намъ, въ Россію. Такъ, Оборнская, съ безусловнымъ молчаніемъ навсегда, кромѣ часа—двухъ въ сутки, и съ полнымъ разъединеніемъ, принята въ образованной, 1-го января 1865 г., въ Петербургѣ, военно-исправительной морскаго вѣдомства тюрьмѣ, въ которую заключаютъ матросовъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ и до 2-хъ лѣтъ включительно. Однако, не смотря на короткій сравнительно съ военнымъ срокъ (6 лѣтъ), безусловное молчаніе, въ 1861 г., на половину ослаблено, потому, что матросы-арестанты не могли выносить этой кары и впадали: одни—въ меланхолію и идіотизмъ, а другіе — въ отчаяніе, приводившее ихъ къ новымъ, тяжкимъ преступленіямъ *). Потомъ, нѣкоторые принципы изъ другихъ системъ введены въ учрежденныхъ, въ январѣ 1868 г., московской исправительной и петербургской срочной тюрьмахъ; послѣдняя, 14-го августа 1871 года, обращена тоже въ исправительную, съ учрежденіемъ патронатства надъ выходящими изъ нея людьми, отбывшими опредѣленный въ приговорахъ о нихъ срокъ. Цитированнымъ нами положеніемъ, утвержденнымъ 16-го мая 1867 года, крѣпостныя

*) См. книгу нашу «Жизнь заключенныхъ», изд. 1870 года.

арестантскія роты преобразованы въ военно-исправительныя, по европейской, преимущественно, системѣ, съ добавленіемъ тѣлеснаго наказанія розгами до 100 ударовъ и кандалами, какъ въ морской тюрьмѣ, хотя иностранныя системы и не считаютъ, въ числѣ своихъ мѣръ, этихъ наказаній. А въ заключеніе, 15 января 1870 г., утвержденъ уставъ общества земледѣльческихъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ, и 10-го октября 1871 г., первая, покуда, такая колонія открылась по рябовскому шоссе, за пороховымъ заводомъ, близъ Петербурга, на началахъ, господствующихъ въ колоніи Метрз, около Тура во Франціи.

Такимъ образомъ, пенитенціарная система и въ Европѣ, какъ читатели видѣли, примѣняется, на практикѣ, различно, а у насъ эта наука является совершенно новою, и потому близкое знакомство съ нею составляетъ достоинствѣ очень ограниченнаго кружка людей, спеціально изучавшихъ ее. Отсюда понятно, что среди военнаго сословія вообще не было людей, подготовленныхъ привить ее къ живой дѣйствительности. Потомъ, вслѣдствіе дурной репутаціи, какою пользовались у насъ прежнія арестантскія роты, немислимо было привлечь къ созданію военно-тюремной реформы и просто просвѣщенныхъ офицеровъ, не смотря на привилегіи дарованныя положеніемъ объ исправительныхъ ротахъ персоналу начальства *). Оттого министерство принуждено

*) Три года за 5 лѣтъ службы и сравнительно съ армейскимъ, лучшее матеріальное обезпеченіе: нормальными штатами присвоены: всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ ротъ жалованье по ихъ чинамъ, квартиры натурою, или деньги по чинамъ же; столовыхъ: начальникамъ ротъ, глядя по составу ротъ, 980 р. 70 к., 560 р. 40 к. и 420 р. 30 к., а помощникамъ 280 р. 20 к. и добавочныхъ: первымъ по 1,000 р., 500 р. и 400 р., а послѣднимъ по 200 р. въ годъ.

было удовольствоваться, за рѣдкими исключеніями, офицерами, фельдфебелями и унтеръ-офицерами, управлявшими упраздненными арестантскими ротами, людьми, умственно, правда, неразвитыми,—но тѣмъ не менѣе знакомыми съ бытомъ арестантовъ, а слѣдовательно, на первое, переходное хоть время, годными для удержанія людей въ повиновеніи, при введеніи радикальнаго, крутаго переворота во всемъ ихъ бытѣ. Кромѣ того, министерство, дѣйствуя осторожно, ограничилось временными, до окончательнаго устройства ротъ, штатами, по которымъ тоже значительно увеличенное содержаніе составляетъ всѣмъ: жалованье по чинамъ и квартиры натурою или деньгами въ соотвѣтственной чинамъ ихъ нормѣ, да столовые: начальникамъ ротъ—980 р. 40 к. и 560 р. 40 к. помощникамъ: старшимъ—по 280 р. 20 к., а младшимъ—по 138 руб. въ годъ. На эту полумѣру министерство рѣшилось съ цѣлію посмотрѣть сперва, какъ успѣшно пойдетъ дѣло и не потребуются-ли въ немъ, сообразно опыту, какихъ-либо измѣненій, дополненій, сокращеній или улучшеній.

VI.

И вотъ, удаливъ всегдашнихъ и каторжныхъ арестантовъ, до 700 человекъ, въ Тобольскъ, во вновь, спеціально для нихъ учрежденное военно-арестантское отдѣленіе, 2,518 въ Сибирь на водвореніе *), а 757 на службу въ войска,

*) Люди эти состояли изъ служившихъ 30 и болѣе лѣтъ, гоненныхъ не однажды сквозь строй, попадавшихъ въ арестантскія роты по 3—5 разъ, не подававшихъ никакой надежды на исправленіе, наносившихъ вредъ полкамъ, и потому нестоившихъ того, чтобы держать ихъ во вновь открывавшихся, на новыхъ началахъ, ротахъ.

изъ числа тѣхъ, которымъ оставалось дожидать въ ротахъ не болѣе 6 мѣсяцевъ, и которые отличались примѣрнымъ поведеніемъ, да избравъ для новыхъ ротъ различныя помѣщенія, министерство открыло, въ теченіе второй половины 1867 и 1868 годовъ, 15 названныхъ выше ротъ, на основаніи положенія, выдержками нами только что приведеннаго, съ тѣмъ, чтобы приспособленіе зданій производить арестантскими руками въ продолженіе 4—6-ти лѣтъ, дабы: а) доставить арестантамъ, съ перваго-же дня ихъ поступленія въ роты, производительный трудъ, весьма выгодный для ихъ нравственнаго исправленія—удержаніемъ ихъ отъ праздности; б) расходомъ, потребныхъ на этотъ предметъ только по 129 тысячъ руб. въ годъ, облегчить бюджетъ министерства; в) проверить на практикѣ, возможно-ли старыя зданія передѣлывать такъ, чтобы онѣ замѣняли собою новыя, и, наконецъ, г) производствомъ сначала этого дѣйствія для однѣхъ ротъ—избѣгнуть ошибокъ при примѣненіи этого способа къ приспособленіямъ зданій для другихъ ротъ.

Далѣе, вскорѣ же по образованіи ротъ, обнаружилось, что онѣ неравномѣрно распредѣлены по военнымъ округамъ, т. е. многимъ арестантамъ приходилось добираться до ротъ за 1,000 верстъ *), а потому, въ составѣ ихъ были произведены слѣдующія измѣненія: динамюндская, ивангородская и бендерская роты вовсе упразднены; вмѣсто ихъ учреждены: смоленская, астраханская, екатеринбургская, (пе-

*) Прежде на это странствіе не обращали никакого вниманія; мы знаемъ, напримѣръ, случай, изъ недавней практики, что человекъ прошегъ два года изъ Николаевска въ Вобруйскъ, пробылъ тамъ два года и два-же года ему пришлось путешествовать обратно въ Николаевскъ, къ мѣсту своего служенія, послѣ отбытія въ арестантской ротѣ опредѣленнаго о немъ въ приговорѣ срока.

реводимая въ Гавриловскій посадъ, Владимірской губерніи), воронежская и екатеринодарская, каждая на 300 человѣкъ; потомъ составъ увеличенъ: въ рижской—до 400, новогоріевской и херсонской—до 500; оренбургской—до 200 и омской—до 300 человѣкъ; въ бобринской-же и кievской штатъ уменьшенъ: въ первой—съ 1,200 на 600, а въ послѣдней—съ 700 на 600 человѣкъ.

Затѣмъ, самымъ приспособленіемъ помѣщеній предположено было заняться сперва для слѣдующихъ ротъ, причемъ расходъ былъ исчисленъ: для кронштадтской—въ 55 т. руб., рижскій—40 т. р., динабургской—18 т. р., бобринской—50 т. р., новогоріевской—17,886 р., брестъ-литовской—48 т. р., кievской—58 т. р., херсонской—43,611 р., воронежской—80 т. р., смоленской—70 т. р., астраханской—59,970 руб. и оренбургской—95,375 р. Но такъ какъ нельзя было прекратить высылку арестантовъ на крѣпостныя работы до утвержденія правилъ о замѣнѣ ихъ вольнонаемными рабочими, то рѣшено было употреблять временно арестантовъ: не знающихъ никакого мастерства—на крѣпостныя работы, а остальныхъ занять перестройкою казармъ и въ ротныхъ мастерскихъ. При этомъ, мастерскимъ кронштадтской, рижской, динабургской, брестъ-литовской и кievской ротъ, какъ болѣе нуждавшимся въ производительномъ трудѣ, предоставлено было шитье сапоговъ, бѣлья и платья для мѣстныхъ интендантскихъ складовъ, а остальныхъ сами организовали мастерскія, такъ что, къ 1-му января 1869 г., мастеровыхъ во всѣхъ ротахъ считалось: портныхъ 467, сапожниковъ 451, башмачниковъ 6, плотниковъ 125, столяровъ 16, токарей 17, рѣзчиковъ и кровельщиковъ по 6, лузнецовъ 77, слесарей 62, мѣдниковъ 8, лудильщиковъ 2, серебрянниковъ 3, шорниковъ 15, переплетчиковъ 18, бондарей 43, маляровъ 32, штукатуровъ 14, каменщиковъ 27,

печниковъ 28, колесниковъ 31, обойщиковъ 9, спичечниковъ 10 и одинъ коноваль, итого 1,469 мастеровыхъ.

Независимо работу, въ ротахъ къ 1869 г. ввелись гимнастика и грамотность,—последнюю занимались: ходившіе работать—по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а оставшіеся отъ работъ—и по буднямъ. Изъ состоявшаго къ 1-му января 1869 г. общаго числа людей во всѣхъ ротахъ, 8,341 человекъ, грамотныхъ было: 1-го разряда—674 чел., 2-го—1,010 чел., 3-го—1,283 чел. и 4-го—2,094 человекъ, итого 5,061 человекъ.

Такъ какъ пища арестантовъ признана была недостаточно вкусною, непитательною, какая требовалась для поддержания силъ людей, занятыхъ цѣлые дни, на воздухѣ, тяжелой работою, то главный комитетъ нашелъ нужнымъ прибавить нѣкоторымъ ротамъ мясную порцію на счетъ зарабатываемыхъ арестантами суммъ. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе рѣзко измѣнившейся обстановки въ жизни заключенныхъ,—ихъ переболѣло, въ теченіе полугода, всего 34,998 чел., а господствующими болѣзнями были легочная чахотка, ревматизмы, цинга, перемежающаяся лихорадка, скорбутъ и ослабленіе желудка.

Изъ наличнаго числа людей: попали вновь подъ судъ, за побѣги изъ ротъ, за покушеніе на убійство и за преступленія противъ дисциплины 143 человекъ; подверглись высканіямъ за мелкіе проступки 1,927 человекъ, большинство этихъ проступковъ заключалось въ куреніи табаку, ссорѣ, дракѣ, въ дерзости противъ унтеръ-офицеровъ, а въ крѣпостныхъ ротахъ, независимо того, въ пьянствѣ во время инженерныхъ работъ. Наказывали провинившихся заключеніемъ въ карцеръ, отъ 3-хъ до 14-ти дней, а за пьянство, воровство и т. п., розгами до 100 ударовъ. Нравственность людей, судя по отчету, «замѣтно улучшилась, вслѣдствіе

удаленія изъ ротъ закоренѣлыхъ преступниковъ, отмѣны бритья головы, занятія людей мастерствами, грамотностью».

Пересланныхъ въ Tobольскъ каторжныхъ и всегдашнихъ арестантовъ помѣстили въ Tobольскѣ, въ правомъ корпусѣ пересыльной тюрьмы, и, такъ какъ въ Tobольскѣ нѣтъ инженерныхъ работъ, то всѣхъ заняли приспособленіемъ ихъ помѣщенія, мастерствами и грамотностью. Къ 1-му января 1869 года, всѣхъ арестантовъ было 442 человѣка; изъ нихъ: мастеровыхъ—100 чел., а грамотѣ учились 50 чел., изъ коихъ 27 хорошо читали и писали, а 23 учились азбукѣ. Охоты къ грамотности люди не проявляли, за то старались научиться ремеслу; переболѣло въ теченіе полугода 201 чел., а умерло 6 чел. Предано было въ теченіе этого времени суду: за побѣгъ 3, за покушеніе къ побѣгу, посредствомъ подкупа, 7 чел., за покушеніе на жизнь, съ нанесеніемъ опасныхъ ранъ, 7 человѣкъ.

Въ 1869 г., арестанты продолжали заниматься крѣпостными работами, отчего приспособленіе ихъ помѣщеній двигалось впередъ медленно, но мастерскія на столько развились въ 12-ти ротахъ, что въ нихъ производилось 21 ремесло, причемъ ремесленники заработали 28,453 р. Сознавая, что заработокъ малъ потому преимущественно, что роты, расположенныя въ малонаселенныхъ крѣпостяхъ, — не имѣли выгоднаго сбыта своимъ произведеніямъ, — министерство учредило званіе попечителей работъ, съ тѣмъ, чтобы въ попечители избирались изъ уважаемыхъ мѣстныхъ жителей, и за то, что они будутъ стараться развивать мастерскія и выгодно продавать издѣлія—имъ предоставлено засѣдать, съ правомъ голоса, въ мѣстномъ тюремномъ и ротномъ комитетахъ, по вопросамъ, касающимся работъ, право на почетныя награды и на извѣстный процентъ съ чистой прибыли отъ продажи арестантскихъ издѣ-

лій. При неотысканіи же желающихъ попечительствовать, разрѣшено тюремнымъ комитетамъ заключать условія съ подрядчиками о томъ, чтобы они доставляли ротнымъ мастерскимъ заказы и, принявъ на себя казенные подряды, передавали бы работы ротамъ, которые не вправе участвовать въ этого рода предпріятіяхъ. Мало того: ротамъ разрѣшено нанимать вольныхъ мастеровъ для обученія арестантовъ различнаго рода ремесламъ.

Наконецъ, арестантовъ, снабдили, постепенно, постельными принадлежностями, бѣльемъ, предположено отчислять на арестантовъ, за прилежаніе къ приспособленію помѣщеній, вознагражденіе отъ 3 до 15 коп. въ день на человѣка, освободили, въ 1870 г., арестантовъ отъ крѣпостныхъ работъ; было испрошено разрѣшеніе: арестантовъ, за 6 недѣль до выпуска по минованіи срока заключенія, и отличающихся примѣрнымъ поведеніемъ отпускать изъ ротъ *однимъ* безъ конвоя, на вѣшнія работы, за покупками припасовъ и матеріаловъ для мастерскихъ, дабы симъ способомъ дознаться: на сколько они укрѣпились нравственно и въ состояніи-ли самостоятельно владѣть собою; наконецъ, преподаны были ближайшимъ начальникомъ арестантовъ—унтеръ-офицерамъ—подробныя правила какъ относиться къ своимъ обязанностямъ, разрѣшены еще нѣкоторые и другіе вопросы, клонящіеся къ улучшенію быта арестантовъ, такъ, что судя по всѣмъ мѣропріятіямъ министерства, оказывается безспорнымъ, что оно стремится во что-бы то ни стало привить къ военно-тюремной реформѣ всѣ начала, выработанныя пенитенціарною наукою.

И такъ, мы послѣдовательно и обстоятельно, полагаемъ, посвятили, читателей *къ сущь* законоположеній объ арестантскихъ и замѣнившихъ таковыя исправительныхъ ротахъ; точно также представили достаточно кажется, данныхъ, вы-

звавших и оправдывающих военно-тюремную реформу. Кончивши этот трудъ,—перейдемъ къ правдивому описанію *мною изъ того*, что мы извлекли изъ обозрѣнія рижской, динабургской, новогоріевской, брестъ-литовской, бобруйской ротъ, а потомъ предложимъ вниманію читателей общіе выводы о томъ, что еще предстоитъ совершить, дабы эти роты, въ живой дѣйствительности, принесли ту существенную пользу, какую отъ нихъ желалъ законодатель при утвержденіи положенія.

Здѣсь-же, кстати, добавимъ, что возгласы ретроградовъ, будто-бы дисциплина въ войскахъ постепенно ослабѣваетъ—безусловно несправедливы: изъ нижеслѣдующихъ очерковъ читатели усмотрятъ, что *всякое*, хотя-бы и самое, на общегражданскій взглядъ, незначительное нарушеніе нижними чинами дисциплины *всегда* строго наказывается, а иногда кара постигаетъ ихъ и черезчуръ ужъ, даже, суровая... Въ заключеніе всего, намъ остается заявить, что все, нижеописываемое, относится ко времени объѣзда нами ротъ—и потому *мелочи* могли, конечно, измѣниться и мы за нихъ не отвѣчаемъ; въ сущности-же положенія ротъ, сколько намъ извѣстно изъ разныхъ источниковъ, перемѣнъ никакихъ не послѣдовало.

ихъ — комитетъ покровительствуетъ имъ и на волѣ. Эта-же система примѣнена была и къ открытой, въ 1840 году, земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ въ Метрѣ, близъ Тура, во Франціи, и независимо сего постепенно распространилась, съ различными видоизмѣненіями, по Германіи, Бельгіи и т. д.

Между тѣмъ, англичанинъ Крофтонъ, тоже изучивъ всѣ системы и не удовольствовавшись ни одною въ цѣлости, — сгруппировалъ изъ нихъ все то, что ему казалось цѣлесообразнымъ, во-едино, и это-то общее послѣдовательно введено въ тюрьмѣ Дублинскаго графства въ Англіи, съ 1854 по 1857 г. включительно, и наименовалась ирландскою системою. Ирландская система представляетъ, говорить русскій криминалистъ г. Ламанскій, въ предисловіи къ переводу монографіи профессора берлинскаго университета Гольцендорфа, соединеніе всѣхъ истинъ прежнихъ системъ въ одномъ внутренне образованшемся организмѣ, и содержитъ въ себѣ то несравненное преимущество предъ всѣми остальными, что въ ней участвуютъ антропологическій и психическій элементы. А на сихъ началахъ только и можетъ, полагаетъ г. Ламанскій, опираться ирландская система исправленія, при успѣшномъ развитіи которой, она послужитъ основными точками опоры къ преобразованію, въ ближайшемъ будущемъ, всей системы наказаній; присутствіе въ ней элементовъ, посредствомъ коихъ уразумѣвается индивидуальный характеръ человѣка и находящихся въ тѣсной связи съ нимъ социальныя формы преступленій, удовлетворитъ повсемѣстной потребности въ коренной реформѣ уголовного законодательства. Правила ирландской системы содержатъ въ себѣ: а) сокращеніе срока, опредѣленнаго судомъ; б) разграниченіе наказанія на различные періоды; в) одиночное заключеніе; г) общія работы, обязательный трудъ и задѣльная за него

— Такъ, братъ, живутъ они, горемышныя, што не приведи Богъ и злому татарину, не токма кому, пробормоталъ онъ и ускорилъ шаги.

— Чѣмъ-же, не знаешь-ли, имъ нехорошо? продолжали мы, стараясь сравняться съ нимъ.

— Всѣмъ, всѣмъ скверно, вотъ тебѣ и весь сказъ. Отстань отъ меня. И онъ просто побѣжалъ...

Идя дальше, по указанію солдата, мы возлѣ казармы мѣстныхъ войскъ (якубовскихъ) встрѣтили двухъ солдатъ, причемъ одинъ изъ нихъ объяснилъ намъ: «въ крѣпости».

— А не слыжалъ-ли, братецъ: что такое дѣлается въ этой ротѣ?

— Да и слышать не дай Господи: страхъ.

— Стало быть, ты-же слыжалъ, или, быть можетъ, даже самъ содержался въ ротѣ, коли знаешь, что тамъ страхъ?

— Тяпунъ-бы тебѣ на языкъ за эдакія слова, вотъ что. Самого, покуда, Богъ миловалъ, а вотъ товарищъ у меня есть, Гавриловымъ прозывается, въ одной батарее служимъ, такъ онъ, точно, годъ промаялся въ этой ротѣ, ну и сказывалъ. Волосы, вѣришь-ли, дыбомъ подымались слушаючи его: такіе тамъ порядки; нашто покурить — и того нельзя.

— А не можешь-ли познакомить меня съ Гавриловымъ? Я дамъ тебѣ за это на чай, а ему за то, что онъ и мнѣ расскажетъ про порядки въ ротѣ, хорошо заплачу.

Солдатъ призадумался.

— Чего-жъ ты еще думаешь? Вѣдь за это ни тебѣ, ни Гаврилову ничего худаго не выйдетъ?

— Да для че тебѣ про роту знать?

— Тамъ братъ мой сидитъ.

— Такъ отъ него и дознавайся, подхватилъ другой солдатъ.

— Самимъ арестантамъ некогда рассказывать: начальство торчать при свиданіяхъ.

— А намъ тоже не рязонть.

— Почему?

— Да хантъ то, што вышнее начальство встраииваетъ — супротивъ сциплнины, а за нее беда!

— Свести меня съ Гавриловымъ вовсе не противъ дисциплины. Позови-же пожалуйста, его. Вотъ тебѣ за это.

— Спасибо. Коли найду Гаврилова въ казармѣ, вышлю. Подожди тутъ. — Онъ скрылся за ворота.

Прождавъ, напрасно, полчаса, мы дошли до крѣпости (цитадели), гдѣ повстрѣчали другихъ солдатъ, но и они, какъ только рѣчь заводилась о ротѣ — терялись: одно *названіе* роты всѣхъ видимо смущало. Слѣдуя по крѣпости за народомъ, мы очутились на крѣпостномъ валу. Тамъ стояли, на протяженіи полуверсты, поодаль другъ отъ друга, 3 часовыхъ съ ружьями, а среди нихъ копошилось нѣсколько арестантовъ, выносившихъ, по-двое, изъ воротъ: кто мусоръ, кто ушаты съ помоями. Мы приблизились къ часовому.

— Эй, купецъ, прочь отсюда! крикнулъ онъ намъ.

— Позволь, пожалуйста, поглядѣть: что тутъ такое?

— Уйди, говорю тебѣ, прочь, не то застрѣлю: у меня ружье, вѣдь, заряжено.

— За что-же ты меня застрѣлишь?

— А не ослушайся. Ты хочешь, вѣрно, подговорить арестантовъ бѣжать; такъ намъ, помни, приказано: ежели кто задумаетъ бѣжать — стрѣлай и правъ будешь. Ступай-же, говорю, отъ грѣха дальше, али тутъ-же растянешься у меня вверхъ таркашками.

— Я и въ помышленіи не имѣлъ подговаривать арестантовъ бѣжать; да этого и сдѣлать невозможно, еслибъ я и имѣлъ даже такой дурной умыселъ: я отъ нихъ, по-крайней-

мѣръ, на 100 шаговъ и ничего не говорю; поэтому ты и стрѣлять въ меня не смѣешь.

— Какъ всажу тебѣ пулю въ лобъ — такъ узнаешь, смѣю-ли я стрѣлять, али нѣтъ, грозно заключилъ онъ и началъ вертѣть ружье.

Съ дуру, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ стрѣльнетъ, подумали мы, вида его угрожающее приготовленіе, и ретировались внизъ, обогнули крѣпость и попали, изъ другихъ уже воротъ, опять на валъ, близъ котораго протекаетъ Двина.

— Можно тутъ маленько постоять? обратились мы къ другому часовому.

— Отчего-жъ нельзя, — можно, отвѣтилъ онъ, человекъ лѣтъ за 30 на взглядъ. А ты, знать, не здѣшній?

— Да, прїѣзжій.

— Торговецъ вѣрно?

— Н-да.

— Издалеча?

— Не особенно.

— Газеты читаешь?

— Каждый день.

— А что въ нихъ про холеру пишутъ? перестала она, анафема, въ Тамбовской губерніи, али еще дебоширить?

— Судя по газетамъ — перестала.

— И слава Богу. А то я все безпокоился, удѣляли-ли моя жена и дѣтки малыя. Я, братецъ ты мой, тамбовскій, скоро въ безстрочный, ну и боюсь — не застану своихъ въ живыхъ, а тогда что-жъ мнѣ будетъ за житье? Вашему брату, купцу, утѣха барышъ, капиталъ; а намъ дѣти, потому капиталовъ не имѣемъ. Особливо у меня малецъ, годовъ, тапера, 11 будетъ, — такъ пуще, я тебѣ скажу, души своей люблю его и жду не дожусь, коли увижу его. Вотъ и та-

перя про него вспоминалъ: какой онъ должонъ бытъ бравый, да смѣливый — весь въ меня!

— А изъ какихъ это, скажи, братъ, людей, арестанты?

— Все изъ нашего брата — солдатъ. Ихъ тутъ почитай полкъ.

— Вонъ двое лежатъ на землѣ; это имъ позволяется?

— Тамъ, въ казармѣ, обороны Богъ, а здѣсь не запрещаемъ, потому свой-же братъ. Нонѣ такая, я тебѣ скажу, строгость, что живо попадешь въ арестанты, стало быть надо жалость имѣть, все единственно какъ къ самому себѣ. Прежде провинился солдатъ — вздуютъ, али надаютъ въ зубы и все забыто, а нонѣ все въ штрафъ, да въ штрафъ, и глядь сюда попадешь, какъ, то нсъ, пить дадутъ. А промаячилъ тутъ срокъ, — такъ хоть и не выходи: ни его въ безстрочный, ни ему почтенья никакого: въ караулъ, примѣрно, къ казенному ящику, — и то не пошлютъ, со двора одного не пустать, за честнаго не считаютъ, — словомъ никакой довѣрительности ему нѣтъ ни въ чемъ.

— А изъ какихъ, больше, солдатъ попадаютъ въ арестанты?

— Чаше всего изъ наемщиковъ, изъ писарей, изъ мастеровыхъ: они считаютъ себя, видишь-ли, умнѣ начальства и грубать, не слушаютъ, водкой забавляются, а нашему брату эти качества бѣда: солдатъ должонъ всѣмъ повиноваться и хошабъ за мѣсто старшаго палка стояла — и ее почитай, а свой умъ и фанаберію спрячь про отставку.

— Съ васъ, часовыхъ, не спрашиваютъ почему арестанты, какъ эти двое, мало работаютъ?

— Нѣтъ. Наше дѣло штобъ не убѣжали, а на счетъ работы у нихъ свое начальство есть.

— Не позволишь-ли мнѣ съ лежащимъ вотъ на лѣво арестантомъ поговорить?

— Онъ тебѣ сродственникъ что-ли?

— Да. Племянникъ.

— А какъ онъ прозывается?

— Ивановъ, отвѣтили мы, на авось, зная что Ивановыхъ всего больше на Руси.

— Ну, братъ, врешь: онъ Фроловъ, изъ нашего полка, значить ты ему не сродственникъ, коли и прозвища его не знаешь.

— Ты, дѣйствительно, правъ, а только я хотѣлъ-бы спросить его про тутешнее житѣе ихъ: я любопытенъ.

— Напрасно: много будешь знать — скоро состаришься. А насчетъ Фролова я тебѣ вотъ что скажу: ежелибъ ты былъ жена его, али примѣрно братъ, дядя, отецъ, такъ ужъ и быть—позволилъ-бы ему покалякать съ тобой—душу отвести, а чужому не стоитъ: одно бездѣлье.

— Ну такъ не знаешь-ли ты, какъ ихъ содержать въ ротѣ?

— Знать-то знаю, да рассказывать долго. Одно только молвлю: коли про нихъ все знать да вѣдать, да во снѣ тебѣ, примѣрно, это самое пригрезится — безпремѣнно одурѣешь, а потомъ и на яву про свою торговлю забудешь.

— Ничего я этого не боюсь; будь добръ—расскажи, или всего лучше познакомъ меня съ какимъ-нибудь солдатомъ, который содержался въ ротѣ? Я тебя угощу на славу, да и про Тамбовскую губернію все расскажу: я вѣдь самъ оттуда родомъ и недавно былъ тамъ.

— Коли што про родину, да землякъ—изволь. Приходи завтра въ нашу казарму *), спроси меня (онъ сказалъ свою

*) Мы воспользовались приглашеніемъ и извлекли изъ него пользу.

фамилію) и мы все уладимъ, только зуръ объ этомъ никому ни гугу.

— Не сомнѣвайся землякъ—не выдамъ.

— Ладно. А теперь проваливай-ка, братъ, по дальше: зфлеторъ смѣну ведетъ... съ Богомъ.

Мы повиновались; но, отойдя недалеко, встрѣтили двухъ арестантовъ. Одинъ изъ нихъ попросилъ у насъ милостыни.

— Охотно подамъ вамъ обоимъ; если вы мнѣ откровенно за это скажите — куда спрячете деньги, когда въ вашей одеждѣ нѣтъ никакихъ кармановъ, а въ рукахъ въ казарму пронести ничего, говорятъ нельзя: въ воротахъ отнимутъ.

— Сквозь ворота, открыто точно, ничего не пропустить, а вы, ваше степенство, пожалуйста, что обѣщали, и мы вамъ покажемъ куда спрячемъ; дайте только серебрянными.

Мы дали: одному — 20 коп., а другому 10 коп. и двѣ 5 коп. монеты. Первый засунулъ добычу въ ротъ и показалъ намъ ее подъ самую заднюю частію языка, а другой 10 к. — вложилъ въ ухо, изъ котораго торчали волосы, потомъ сошелъ съ дороги, къ рѣчкѣ, спустилъ невыразимня, спряталъ пятаки, одѣлся, и оба оправились и пошли, благодаря насъ за милостыню, совершенно довольные.

II.

Въ рижской цитадели (крѣпости) всѣхъ, совершенно отдѣльных другъ отъ друга, каменныхъ, 2-хъ-этажныхъ зданій—до 30. Помѣщались въ этихъ зданіяхъ, между прочимъ, въ одномъ — юнкерское училище, въ другомъ — сборная команда, въ третьемъ — управление мѣстнаго воинскаго начальника, въ четвертомъ — самъ этотъ начальникъ, въ пятомъ—духовенство крѣпостнаго собора, въ шестомъ—инженеры, начальники: юнкерскаго училища, исправительной роты,

секретарь, фельдфебеля и канцелярія этой роты. За сими, ни старшіе, ни младшіе помощники начальника роты, ни священникъ казенными квартирами не располагали. Оттого всѣ они, люди недостаточные, жили, ради сбереженія своихъ средствъ, на московскомъ и петербургскомъ форштадтахъ—версты за двѣ-за-три отъ роты, куда ходили на службу, какъ мѣстные чиновники, съ 9-ти часовъ утра до 4-хъ пополудни, что крайне неудобно: они оставляли арестантовъ, подъ надзоромъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, на цѣлые полсутки... Въ интересахъ дѣла, было-бы весьма полезно переимѣнить офицеровъ и священника въ квартиры инженеровъ и начальника мѣстныхъ войскъ, жительство которыхъ въ цитадели не вызывалось рѣшительно никакою надобностью, тогда какъ отсутствіе изъ крѣпости офицеровъ роты порождало много неурядицъ. Она, напримѣръ, опасдывали приходомъ въ роту, спѣшили, по домашнимъ обстоятельствамъ, скорѣе уйти изъ нея, не въ состояніи были производить установленныхъ дознаній тотчасъ-же, послѣ совершенія кѣмъ-либо изъ подчиненныхъ имъ арестантовъ, или унтеръ-офицеровъ проступковъ, а потому нѣмне провинившіеся, въ теченіи значительныхъ промежутковъ (цѣлой, напримѣръ, ночи) легко успѣвали сговориться: какъ показывать, куда скрыть вещественныя доказательства ихъ преступленій и т. п.

Возвращаясь къ крѣпостнымъ зданіямъ, скажемъ, что въ самомъ послѣднемъ изъ нихъ, расположенномъ: заднимъ фасадомъ — къ крѣпостному валу, а переднимъ — къ стѣнѣ службъ, принадлежащихъ инженерамъ и начальнику исправительной роты, помѣщались, въ бывшемъ арсеналѣ, самая исправительная рота. Казарма эта огорожена была съ трехъ сторонъ одно-этажнымъ, каменнымъ-же, низенькимъ зданіемъ, окна коего выходили во дворъ общаго съ ними зданія. При-

лій. При неотысканіи же желающихъ попечительствовать, разрѣшено тюремнымъ комитетамъ заключать условія съ подрядчиками о томъ, чтобы они доставляли ротнымъ мастерскимъ заказы и, принявъ на себя казенные подряды, — передавали бы работы ротамъ, которые не вправѣ участвовать въ этого рода предпріятіяхъ. Мало того: ротамъ разрѣшено нанимать вольныхъ мастеровъ для обученія арестантовъ различнаго рода ремесламъ.

Наконецъ, арестантовъ, снабдили, постепенно, постельными принадлежностями, бѣльемъ, предположено отчислять на арестантовъ, за прилежаніе къ приспособленію помѣщеній, вознагражденіе отъ 3 до 15 коп. въ день на человѣка, освободили, въ 1870 г., арестантовъ отъ крѣпостныхъ работъ; было испрошено разрѣшеніе: арестантовъ, за 6 недѣль до выпуска по минованіи срока заключенія, и отличающихся примѣрнымъ поведеніемъ отпускать изъ ротъ *однихъ* безъ конвоя, на внѣшнія работы, за покупками припасовъ и матеріаловъ для мастерскихъ, дабы симъ способомъ дознаться: на сколько они укрѣпились нравственно и въ состояніи-ли самостоятельно владѣть собою; наконецъ, преподаны были ближайшимъ начальникомъ арестантовъ—унтеръ-офицерамъ—подробныя правила какъ относиться къ своимъ обязанностямъ, разрѣшены еще нѣкоторые и другіе вопросы, клонящіеся къ улучшенію быта арестантовъ, такъ, что судя по всѣмъ мѣропріятіямъ министерства, оказывается безспорнымъ, что оно стремится во что-бы то ни стало привить къ военно-тюремной реформѣ всѣ начала, выработанныя пенитенціарною наукою.

И такъ, мы послѣдовательно и обстоятельно, полагаемъ, посвятили, читателей *съ* *сутью* законоположеній объ арестантскихъ и замѣнившихъ таковыя исправительныхъ ротахъ; точно также представили достаточно кажется, данныхъ, вы-

зававших и оправдывающих военно-тюремную реформу. Кончивши этот труд,—перейдемъ къ правдивому описанію *многихъ изъ того*, что мы извлекли изъ обозрѣнія рижской, динабургской, новогоріевской, брестъ-литовской, бобруйской ротъ, а потомъ предложимъ вниманію читателей общіе выводы о томъ, что еще предстоитъ совершить, дабы эти роты, въ живой дѣйствительности, принесли ту существенную пользу, какую отъ нихъ желалъ законодатель при утвержденіи положенія.

Здѣсь-же, кстати, добавимъ, что возгласы ретроградовъ, будто-бы дисциплина въ войскахъ постепенно ослабѣваетъ—безусловно несправедливы: изъ нижеслѣдующихъ очерковъ читатели усмотрятъ, что *всѣмъ*, хотя-бы и самое, на общегражданскій взглядъ, незначительное нарушеніе нижними чинами дисциплины *всегда* строго наказывается, а иногда кара постигаетъ ихъ и черезчуръ ужъ, даже, суровая... Въ заключеніе всего, намъ остается заявить, что все, нижеописываемое, относится ко времени объѣзда нами ротъ—и потому *мелочи* могли, конечно, измѣниться и мы за нихъ не отвѣчаемъ; въ сущности-же положенія ротъ, сколько намъ извѣстно изъ разныхъ источниковъ, перемѣнъ никакихъ не послѣдовало.

РИЖСКАЯ

ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ РОТА.

I.

Пріѣхавъ въ Ригу первый разъ въ жизни, мы не знали, понятно, гдѣ помѣщается учрежденіе, подлежащее нашему изученію, и потому долго и тщетно разспрашивали, на улицѣ, ~~ожидавшихъ~~ людей. Наконецъ, наткнулись мы на армейскаго солдата, который отрывисто молвилъ: «въ садѣль».

— Въ какой садѣль?

— Известно въ садѣль, сердито повторилъ онъ и пошолъ дальше.

— Да гдѣ-же, скажи пожалуйста, эта, по твоему, садѣль?

— За бвахтой, да за мостикомъ, вонъ прямо-то иди *).

— А не знаешь-ли: каково живетъ арестантамъ этой роты?

*) Солдаты, вообще, смѣлы со *статскими*. Зная это, мы, чтобъ расположить ихъ къ себѣ, — постоянно, во всѣхъ крѣпостяхъ, одѣвались какъ можно проще, дабы выглядѣть, въ ихъ глазахъ, *простолюдными*, что весьма много помогло успѣху нашего предпріятія.

— Такъ, братъ, живутъ они, горемышныя, што не приведи Богъ и злому татарину, не токма кому, пробормоталъ онъ и ускориъ шагъ.

— Чѣмъ-же, не знаешь-ли, имъ нехорошо? продолжали мы, стараясь сравняться съ нимъ.

— Всѣмъ, всѣмъ скверно, вотъ тебѣ и весь сказъ. Отстань отъ меня. И онъ просто побѣжалъ...

Идя дальше, по указанію солдата, мы возлѣ казармы мѣстныхъ войскъ (якубовскихъ) встрѣтили двухъ солдатъ, причеъ одинъ изъ нихъ объяснилъ намъ: «въ крѣпости».

— А не слыжалъ-ли, братецъ: что такое дѣлается въ этой ротѣ?

— Да и слышать не дай Господи: страхъ.

— Стало быть, ты-же слыжалъ, или, быть можетъ, даже самъ содержался въ ротѣ, коли знаешь, что тамъ страхъ?

— Тяпунъ-бы тебѣ на языкъ за эдакія слова, вотъ что. Самого, покуда, Богъ миловалъ, а вотъ товарищъ у меня есть, Гавриловымъ прозывается, въ одной батарее служимъ, такъ онъ, точно, годъ промался въ этой ротѣ, ну и сказывалъ. Волосы, вѣришь-ли, дыбомъ подымались слушаючи его: такіе тамъ порядки; нашто покурить — и того нельзя.

— А не можешь-ли познакомить меня съ Гавриловымъ? Я дамъ тебѣ за это на чай, а ему за то, что онъ и мнѣ разскажетъ про порядки въ ротѣ, хорошо заплачу.

Солдатъ призадумался.

— Чего-жъ ты еще думаешь? Вѣдь за это ни тебѣ, ни Гаврилову ничего худаго не выйдетъ?

— Да для че тебѣ про роту знать?

— Тамъ братъ мой сидитъ.

— Такъ отъ него и дознавайся, подхватилъ другой солдатъ.

— Самимъ арестантамъ некогда рассказывать: начальство торчитъ при свиданіяхъ.

— А намъ тоже не рязонть.

— Почему?

— Да хантъ то, што вышнее начальство встраииваетъ — супротивъ сциплины, а за нее беда!

— Свести меня съ Гавриловымъ вовсе не противъ дисциплины. Позови-же пожалуйста, его. Вотъ тебѣ за это.

— Спасибо. Коли найду Гаврилова въ казармѣ, вышлю. Подожди тутъ. — Онъ скрылся за ворота.

Прождавъ, напрасно, полчаса, мы дошли до крѣпости (питаделя), гдѣ повстрѣчали другихъ солдатъ, но и они, какъ только рѣчь заводилась о ротѣ — терялись: одно *название* роты всѣхъ видимо смущало. Слѣдуя по крѣпости за народомъ, мы очутились на крѣпостномъ валу. Тамъ стояли, на протяженіи полуверсты, поодаль другъ отъ друга, 3 часовыхъ съ ружьями, а среди нихъ копошилось нѣсколько арестантовъ, выносившихъ, по-двое, изъ воротъ: кто мусоръ, кто ушаты съ помоями. Мы приблизились къ часовому.

— Эй, купецъ, прочь отсюда! крикнулъ онъ намъ.

— Позволь, пожалуйста, поглядѣть: что тутъ такое?

— Уйди, говорю тебѣ, прочь, не то застрѣлю: у меня ружье, вѣдь, заряжено.

— За что-же ты меня застрѣлишь?

— А не ослушайся. Ты хочешь, вѣрно, подговорить арестантовъ бѣжать; такъ намъ, помни, приказано: ежели кто задумаетъ бѣжать — стрѣлай и правъ будешь. Ступай-же, говорю, отъ грѣха дальше, али тутъ-же растанешься у меня вверхъ таркашками.

— Я и въ помышленіи не имѣлъ подговаривать арестантовъ бѣжать; да этого и сдѣлать невозможно, еслибъ я и имѣлъ даже такой дурной умыселъ: я отъ нихъ, по-крайней-

мѣрѣ, на 100 шаговъ и ничего не говорю; поэтому ты и стрѣлять въ меня не смѣешь.

— Какъ всажу тебѣ пулю въ лобъ — такъ узнаешь, смѣю ли я стрѣлять, али нѣтъ, грозно заключилъ онъ и началъ вертѣть ружье.

Съ дуру, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ стрѣльнеть, подумали мы, видя его угрожающее приготовленіе, и ретаровались внизъ, обогнули крѣпость и попали, изъ другихъ ужъ воротъ, опять на валъ, близъ котораго протекаетъ Двина.

— Можно тутъ маленько постоять? обратились мы къ другому часовому.

— Отчего-жъ нельзя, — можно, отвѣтилъ онъ, человѣкъ лѣтъ за 30 на взглядъ. А ты, знать, не здѣшній?

— Да, прїѣзжій.

— Торговецъ вѣрно?

— Н-да.

— Издалеча?

— Не особенно.

— Газеты читаешь?

— Каждый день.

— А что въ нихъ про холеру пишутъ? перестала она, анафема, въ Тамбовской губерніи, али еще дебоширить?

— Судя по газетамъ — перестала.

— И слава Богу. А то я все безпокоился, уцѣлѣли-ли мои жена и дѣти малыя. Я, братецъ ты мой, тамбовскій, скоро въ безстрочный, ну и боюсь — не застану своихъ въ живыхъ, а тогда что-жъ мнѣ будетъ за житье? Вашему брату, кушцу, утѣха барышъ, капиталъ; а намъ дѣти, потому капиталовъ не имѣемъ. Особливо у меня малецъ, годовъ, таперя, 11 будетъ, — такъ пуще, я тебѣ скажу, души своей люблю его и жду не дожусь, коли увижу его. Вотъ и та-

перя про него вспоминаль: какой онъ должонъ бытъ бравнй, да смѣтливый — весь въ меня!

— А изъ какихъ это, скажи, брать, людей, арестанты?

— Все изъ нашего брата — солдатъ. Ихъ тутъ почитай полкъ.

— Вонъ двое лежать на землѣ; это имъ позволяется?

— Тамъ, въ казармѣ, обороны Богъ, а здѣсь не запрещаемъ, потому свой-же братъ. Нонѣ такая, я тебѣ скажу, строгость, что живо попадешь въ арестанты, стало быть надо жалость имѣть, все единственно какъ къ самому себѣ. Прежде провинился солдатъ — вздуютъ, али надаютъ въ зубы и все забыто, а нонѣ все въ штрафъ, да въ штрафъ, и глядь сюда попадешь, какъ, то ись, пить дадутъ. А промаячилъ тутъ срокъ, — такъ хоть и не выходи: ни его въ безстрочный, ни ему почтенья никакого: въ караулъ, примѣрно, въ казенному ящичку, — и то не пошлютъ, со двора одного не пустятъ, за честнаго не считаютъ, — словомъ никакой довѣрительности ему нѣтъ ни въ чемъ.

— А изъ какихъ, больше, солдатъ попадаютъ въ арестанты?

— Чаше всего изъ наемщиковъ, изъ писарей, изъ мастеровыхъ: они считаютъ себя, видишь-ли, умнѣ начальства и грубятъ, не слушаютъ, водкой забавляются, а нашему брату эти качества бѣда: солдатъ должонъ всѣмъ повиноваться и хошабъ за мѣсто старшаго палка стояла — и ее почитай, за свой умъ и фанаберію спрячь про отставку.

— Съ васъ, часовыхъ, не спрашиваютъ почему арестанты, какъ эти двое, мало работаютъ?

— Нѣтъ. Наше дѣло штобъ не убѣждали, а на счетъ работы у нихъ свое начальство есть.

— Не позволяешь-ли мнѣ съ лежащимъ вотъ на лѣво арестантомъ поговорить?

— Онъ тебѣ сродственникъ что-ли?

— Да. Племянникъ.

— А какъ онъ прозывается?

— Ивановъ, отвѣтили мы, на авось, зная что Ивановыхъ всего больше на Руси.

— Ну, братъ, врешь: онъ Фроловъ, изъ нашего полка, значить ты ему не сродственникъ, коли и прозвища его не знаешь.

— Ты, дѣйствительно, правъ, а только я хотѣлъ-бы спросить его про тутошнее житѣе ихъ: я любопытенъ.

— Напрасно: много будешь знать — скоро состаришься. А насчетъ Фролова я тебѣ вотъ что скажу: ежелибъ ты былъ жена его, али примѣрно братъ, дядя, отецъ, такъ ужъ и быть—позволилъ-бы ему покалякать съ тобой—душу отвести, а чужому не стоить: одно бездѣлье.

— Ну такъ не знаешь-ли ты, какъ ихъ содержать въ ротѣ?

— Знать-то знаю, да рассказывать долго. Одно только молвлю: коли про нихъ все знать да вѣдать, да во снѣ тебѣ, примѣрно, это самое пригрезится — безпремѣнно одурѣешь, а потомъ и на яву про свою торговлю забудешь.

— Ничего я этого не боюсь; будь добръ—расскажи, или всего лучше познакомъ меня съ какимъ-нибудь солдатомъ, который содержался въ ротѣ? Я тебя угощу на славу, да и про Тамбовскую губернію все расскажу: я вѣдь самъ оттуда родомъ и недавно былъ тамъ.

— Коли што про родину, да землякъ—изволь. Приходи завтра въ нашу казарму *), спроси меня (онъ сказалъ свою

*) Мы воспользовались приглашеніемъ и извлекли изъ него пользу.

фамилію) и мы все уладимъ, только чуръ объ этомъ никому ни гугу.

— Не сомнѣвайся землякъ—не выдамъ.

— Ладно. А теперь проваливай-ка, братъ, по дальше: афлеторъ смѣну ведетъ... съ Богомъ.

Мы повиновались; но, отойдя недалеко, встрѣтили двухъ арестантовъ. Одинъ изъ нихъ попросилъ у насъ милостыни.

— Охотно подамъ вамъ обонмъ; если вы мнѣ откровенно за это скажете — куда спрячете деньги, когда въ вашей одеждѣ нѣтъ никакихъ кармановъ, а въ рукахъ въ казарму пронести ничего, говорить нельзя: въ воротахъ отнимутъ.

— Сквозь ворота, открыто точно, ничего не пропустить, а вы, ваше степенство, пожалуйста, что обѣщали, и мы вамъ покажемъ куда спрячемъ; дайте только серебрянными.

Мы дали: одному — 20 коп., а другому 10 коп. и двѣ 5 коп. монеты. Первый засунулъ добычу въ ротъ и показалъ намъ ее подъ самую заднюю частію языка, а другой 10 к. — вложилъ въ ухо, изъ котораго торчали волосы, потомъ сошелъ съ дороги, къ рѣчкѣ, спустил невыразимыя, спряталъ пятаки, одѣлся, и оба оправились и пошли, благодаря насъ за милостыню, совершенно довольные.

II.

Въ рижской цитадели (крѣпости) всѣхъ, совершенно отдѣльных другъ отъ друга, каменныхъ, 2-хъ-этажныхъ зданій—до 30. Помѣщались въ этихъ зданіяхъ, между прочимъ, въ одномъ — юнкерское училище, въ другомъ — сборная команда, въ третьемъ — управленіе мѣстнаго воинскаго начальника, въ четвертомъ — самъ этотъ начальникъ, въ пятомъ—духовенство крѣпостнаго собора, въ шестомъ—инженеры, начальники: юнкерскаго училища, исправительной роты,

секретарь, фельдфебеля и канцелярія этой роты. За сими, ни старшіе, ни младшіе помощники начальника роты, ни священникъ казенными квартирами не располагали. Оттого всѣ они, люди недостаточные, жили, ради сбереженія своихъ средствъ, на московскомъ и петербургскомъ форштадтахъ—версты за двѣ-за-три отъ роты, куда ходили на службу, какъ мѣстные чиновники, съ 9-ти часовъ утра до 4-хъ пополудни, что крайне неудобно: они оставляли арестантовъ, подъ надзоромъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, на цѣлые полсутки... Въ интересахъ дѣла, было-бы весьма полезно перемѣстить офицеровъ и священника въ квартиры инженеровъ и начальника мѣстныхъ войскъ, жительство которыхъ въ цитадели не вызывалось рѣшительно никакою надобностью, тогда какъ отсутствіе изъ крѣпости офицеровъ роты порождало много неурядицъ. Они, напримѣръ, опаздывали приходомъ въ роту, спѣшили, по домашнимъ обстоятельствамъ, скорѣе уйти изъ нея, не въ состояніи были производить установленныхъ дознаній тотчасъ-же, послѣ совершенія кѣмъ-либо изъ подчиненныхъ имъ арестантовъ, или унтеръ-офицеровъ проступковъ, а потому нынѣ провинившіеся, въ теченіи значительныхъ промежутковъ (цѣлой, напримѣръ, ночи) легко успѣвали сговориться: какъ показывать, куда скрыть вещественныя доказательства ихъ преступленій и т. п.

Возвращаясь къ крѣпостнымъ зданіямъ, скажемъ, что въ самомъ послѣднемъ изъ нихъ, расположенномъ: заднимъ фасадомъ—къ крѣпостному валу, а переднимъ—къ стѣнѣ службъ, принадлежащихъ инженерамъ и начальнику исправительной роты, помѣщались, въ бывшемъ арсеналѣ, самая исправительная рота. Казарма эта огорожена была съ трехъ сторонъ одно-этажнымъ, каменнымъ-же, низенькимъ зданіемъ, окна коего выходили во дворъ общаго съ ними зданія. При-

сущей всѣмъ тюрьмамъ желѣзной ограды нигдѣ не было. Шагахъ въ 30 отъ арестантскаго помѣщенія, рядомъ, стояло другое, тоже каменное и двухъ-этажное зданіе, которое занимала упраздненная, въ 1867 г., рижская крѣпостная арестантская рота; зданіе это въ нашу бытность въ Ригѣ, приспособлялось для будущаго житія арестантовъ-же, одиночными заключеніемъ, а передѣлывали подъ руководствомъ военныхъ инженеровъ,—почти одни арестанты, съ 1869 года; подрядчикъ-же доставлялъ только потребные на этотъ предметъ матеріалы и 3-хъ—4-хъ мастеровъ. На полное приспособленіе зданій роты ассигновано было 40,000 руб., изъ этой суммы истрачено, въ 1869—1871 годахъ, 30,000 руб., такъ, что на окончательное устройство всѣхъ помѣщеній оставалось 10,000 руб., которые предполагалось употребить въ 1872 году, съ тѣмъ, чтобы рота получила, настоящій положеніемъ установленный, видъ. Не будучи архитекторомъ или инженеромъ, не рѣшаемся разсуждать о степени годности зданій и цѣлесообразности приспособленій, а ограничиваемся указаніемъ лишь стоимости работъ. Точно также станемъ дѣлать и въ описаніяхъ другихъ ротъ.

Подходя къ запертымъ воротамъ казармы, мы увидѣли, какъ часовой дернулъ протянутую чрезъ весь дворъ, въ казарму, проволоку, услышали сильный звонокъ, давшій знать, внутрь казармы, что не прошенный гость пришелъ. Иначе говоря: прервите арестанты, ваше занятіе, если оно не презентабельно; прифрантитесь, на сколько позволяетъ ваше облаченіе, и произведите, такимъ образомъ, на посетителя, пріятное впечатлѣніе. Мы все это говоримъ на основаніи долгаго опыта, почерпнутаго при изученіи жизни заключенныхъ. Такъ какъ посторонніе рѣдко заглядываютъ въ казармы, то, дабы видѣть ихъ обитателей, въ будничномъ положеніи,—необходимо, думается намъ, отмѣнить встрѣчи

посѣтителей звонками. Дворъ казармы довольно просторный, чистый; на немъ, въ одномъ углу, вбиты были четыре столба, по два переднихъ и заднихъ, на нихъ висѣчія перекладины, къ которымъ прикрѣплены были висѣчія 4 деревянные палки и 4-же веревки, для гимнастическихъ упражненій.

Въ верхнемъ этажѣ (входъ въ него былъ по деревянной лѣстницѣ, прямо въ комнату, безъ дверей) жили, въ одной огромнѣйшей комнатѣ, *все* арестанты, на двѣ половины (взводы), и хотя испытуемыхъ и отдѣляла отъ исправляющихся лѣстница, — тѣмъ не менѣе, до устройства разгородокъ немислимо было устранить сообщеніе между людьми. Кромѣ того, за отсутствіемъ дверей, въ комнату, снизу, проникалъ: зимою — холодъ, а осенью — вѣтеръ: до 500 чел. ходили, по разнымъ надобностямъ, взадъ и впередъ. Взводы раздѣлялись на капральства, которыя ввѣрены были надзору унтеръ-офицеровъ, тамъ же ночевавшихъ во время дежурства, а капральства на десятки, и надъ каждымъ наблюдалъ ефрейторъ изъ арестантовъ. Въ этой комнатѣ были, въ 5 рядовъ нары, на которыхъ спали арестанты, человекъ по 20, 50, 80-ти. Постелями имъ служили соломенники въ палецъ толщины и полъ-аршина ширины: они изъ ровно-подстриженной соломы, переплетены были поперегъ веревочками, чтобы солома не разсыпалась; подъ головы (ихъ раздѣляла, одинъ рядъ отъ другого — возвышенность досокъ нары) клали они по мочальной, въ наволочкѣ, подушкѣ, а покрывались толстыми, сѣраго сукна, одѣялами, безъ пододеяльниковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ арестанты вставали, и до того момента, когда ложились спать постельныя принадлежности лежали свернутыми трубкою въ ноголовьяхъ. Ни шкафовъ, ни сундуковъ, *для поклажи чего-либо*, не было. Между тѣмъ арестанты получали бѣлье и обувь не тогда, когда нужно ихъ надѣвать, — какъ въ граж-

данскихъ тюрьмахъ, — а сразу, *на руки*, по 3 рубашки и 2 пары сапоговъ *на годъ*, и по неизмѣннѣю мѣста, куда прятать это добро, одни — держали оное въ изголовьяхъ, откуда вещи иногда, случалось, пропадали, не отыскивались, и въ такомъ случаѣ лишившійся, напримѣръ, рубашки — на все остальное время года оставался только при двухъ; другіе — отдавали свое запасное имущество *на храненіе* унтеръ-офицерамъ, если они были съ ними въ *хорошихъ* отношеніяхъ; имущество, наконецъ, третьихъ, не заслуживавшихъ, по попятіямъ капральныхъ, никакого довѣрія, — хранилось въ взводныхъ цейхгаузахъ, до надобности. Мы посовѣтовали бы, для однообразія и устраненія неудобствъ, построить арестантскими же руками 2 — 3 шкафа, для храненія бѣлья всѣхъ, — но насъ увѣрили, что скоро будутъ готовы ночныя разъединенія, и тогда каждый пріобрѣтетъ возможность жить полнымъ хозяиномъ въ своей камерѣ; *но дѣйствительно-ли* онѣ ужъ готовы — не знаемъ, и потому считаемъ нелишнимъ удержать это замѣчаніе. Одѣяла и наволочки на видъ были такіа-же, какъ въ гражданскихъ тюрьмахъ.

Воздухъ въ комнатѣ былъ довольно свѣжій; сама она представлялась солдатскою казармою: стѣны крашены полу-бѣлой краской; мыли полъ ежесубботно швабрами, водою и опилками, покушавшимися по 15 коп. за кулъ, по 5 кулей въ недѣлю; на стѣнахъ висѣли, въ разныхъ мѣстахъ, выписки изъ правилъ гимнастики, о томъ, какъ надо величать персоналъ главнаго и ближайшаго начальства роты; градусники; запачканная карта Россіи, въ маленькомъ объемѣ; кратчайшія выдержки изъ положенія о ротѣ; а внизу, въ корридорѣ, черная доска, на которой ежедневно писалось мѣломъ число исправляющихся и испытуемыхъ арестантовъ, да въ футлярѣ часы.

Въ нижнемъ этажѣ были — мастерскія, двѣ (черезъ корридоръ) громадной величины, высокія, очень свѣтлыя ком-

заты; изъ нихъ въ одной—съ 9-ю весьма большими окнами по одну сторону—работали сапожники, столяры, бондари, токари и переплетчикъ, а въ одной половинѣ другой комнаты съ 15—18 такими-же, какъ въ первой, окнами на двѣ стороны—портные, сапожники, да выдѣлывавшіе, посредствомъ машины, длинные, тоненькіе прутики, которые рубились, потомъ, ужъ внѣ казармы, заказчиками, на коротенькіе и обмакивались въ сѣру, отчего становились спичками. Третья, такой-же величины и свѣтлости, комната (противъ портняжной) имѣла три разныхъ назначенія: по буднямъ, до послѣ обѣда—въ ней учились грамотѣ, завтракали, обѣдали и ужинали; за симъ, въ дни, когда арестанты празднуютъ, согласно положенію, раздвигалась, въ переднемъ углу, на колесахъ устроенная, досчатая, на двѣ половины, стѣна, и ввору мигомъ представлялась скрывавшаяся за этою стѣною православная церковь, которая этимъ оригинальнымъ способомъ становилась достаточною для помѣщенія болѣе 400 чел. Все зданіе было снабжено по этажамъ, водопроводами.

Въ трехъ-фасадномъ, одно-этажномъ, маленькомъ зданіи, огораживавшемъ казарму, помѣщались: въ одномъ—съ однимъ окномъ—кухня, да кладовая; въ противоположномъ ему—съ однимъ горномъ и двумя наковальнями, кузница, да унтеръ-офицеры, у которыхъ, однако, очень свѣтло было. Тутъ взоръ освѣждался: стояли деревянныя кровати, на нихъ лежали матрацы, простыни, ситцевыя одѣяла, по 2 и даже по 3 перовыхъ подушекъ, столики, сундуки, табуреты, вѣшалки, словомъ, вы узнавали, что обитатели владѣютъ движимою собственностію. Въ остальныхъ, наконецъ, двухъ (съ другаго ужъ хода) длинныхъ и узковатыхъ комнатахъ дѣлалось въ 1-й—46, а въ послѣдней—39 арестантовъ—пробки, которыми закупориваютъ бутылки съ винами, водками, пивомъ, медомъ и квасомъ. Окна хоть низкія и малыя, но

свѣту давали достаточно; тутъ же устроено было отхожее мѣсто, и, хотъ зловоніе и тянуло въ постоянной тоннвшуюся печь,—тѣмъ не менѣе воздухъ былъ тяжеловатый.

III.

Осужденный за которое-либо изъ вышепоименованныхъ преступленій солдатъ, на основаніи 55 ст. положенія, передается изъ полка, или команды, гдѣ онъ служилъ,—сперва—въ управленіе мѣстнаго воинскаго начальника, потомъ—въ центральный, для пересылающихся, гражданскихъ и военныхъ арестантовъ пунетъ; тамъ его заковываютъ, согласно 406 ст. уст. сл. вн. стр. т. VII. св. воен. пост., съ кѣмъ попало, въ однѣ наручники и на общій, въ числѣ 12 чел., пруть, а если онъ *«будетъ просить у начальника особаго снисхожденія»*, и послѣдній уважитъ эту просьбу—*«отдѣльно въ кандалы»*, и пойдетъ онъ такъ до мѣста расположенія роты, совершенно на одинаковомъ положеніи съ убійцами, грабителями и прочимъ отребьемъ человѣческимъ, причемъ виѣстѣ съ нимъ шлется *арматурный списокъ* вещей, на немъ находящимся, а *денги*, какія онъ имѣлъ—отправляются *прямо* въ ту роту, въ которую онъ назначенъ (54 и 56 ст.), такъ, что онъ въ пути не располагаетъ ни копѣйкою. Дорогою онъ, между тѣмъ, поневолѣ знакомится съ попутчиками, среди которыхъ всегда есть проходимцы, которые проводятъ обыкновенно параллель между ихъ и его преступленіями, доказывая, что онъ, сравнительно съ ними, — *«страдаетъ за-напрасно»*, смѣются надъ его простою, покорностью судьбѣ. Мало того: онъ видитъ, что товарищи ѣдятъ булки, на хранящіяся у партіоннаго ихъ деньги, а онъ хотъ тоже располагалъ ими въ полку, да въ ру-

ки не получилъ и, потому принужденъ довольствоваться скудною, казенною порціею; и слышитъ онъ совѣтъ продать лишнюю рубашку, обмѣнять крѣпкіе сапоги на рваные, ибо по прибытіи въ роту «у тебя ихъ все единственно отнимутъ, такъ лучше продай, обмѣняй и поѣшь булку, выпей водки, согрѣешься по крайности». И неопытные, слѣдуя этому совѣту, потомъ по прибытіи въ роту, горько *раскаиваются*, да ужъ поздно: въ ротѣ свѣрять принесенныя имъ вещи съ арматуромъ, и, коль скоро чего-нибудь не хватитъ—его, во 1-хъ, предадутъ снова дисциплинарному, въ ротѣ, или военному суду и въ первомъ случаѣ—посадятъ въ карцеръ, или накажутъ ударами 50 розогъ, а въ послѣднемъ—набавятъ срокъ содержанія въ ротѣ (ст. 285 воинск. уст. о наказ., т. VI св. воен. пост., изд. 1869 г.), а во 2-хъ, онъ вынужденъ будетъ ходить, какъ это случалось въ Ригѣ, въ рубашкѣ, нѣсколько мѣсяцевъ, до получения въ ротѣ годовыхъ вещей, несмотря на то, что онъ въ полку снабженъ вещами, какъ установлено 55 ст. полож. «*о вслужившимъ положенный срокъ*». Не доносятъ, впрочемъ, вещей незначительное меньшинство; тѣмъ не менѣе, отъ совѣстнаго путешествія съ общими этапами, терпятъ потомъ: казна—матеріальный убытокъ, а люди—за промотаніе вещей—наказанія, собственно потому, что послѣдняя часть 55 ст. положенія, «чтобы осужденные въ роты препровождались *отдѣльно отъ престантовъ, лишенныхъ правъ состоянія*», на практикѣ не исполняется. Хорошо еще, что теперь люди направляются недалеко въ роты, которыя расположены въ тѣхъ самыхъ округахъ, въ коихъ они осуждены, а то прежде этотъ путь былъ ужасенъ: въ Ригѣ были, напр., люди, пришедшіе, при старыхъ порядкахъ, изъ Перми, Астрахани, Кіева и т. п. отдаленныхъ мѣстностей.

Какъ только человѣкъ прибудетъ въ роту, его тотчасъ

же остригутъ на-голо, сбреютъ ему усы, бакенбарды, облачатъ его въ арестантскую куртку, брюки и шапку, да и отвѣдутъ въ одиночное заключеніе — карцеръ, на половину срока нахождения его въ числѣ испытуемыхъ, — самое меньшее на 2—4 мѣсяца (64 ст. пол.). Срокъ этотъ, онъ, по закону, обязанъ, правда, проводить «за работою въ карцерѣ, за слушаніемъ наставленій священника», — но покуда коморокъ не было — онъ, къ сожалѣнію, пребывалъ въ бездѣйствіи. Ощущенія перваго дня сказывались только чрезъ двое-трое сутокъ, когда человѣкъ отдохнулъ, выспался: тутъ онъ съ горестью вспоминалъ о потерянныхъ усахъ, бакенбардахъ; о томъ, что «грѣхъ испорожниться не въ указанномъ мѣстѣ, гдѣ висятъ образа» (въ карцерахъ вездѣ они есть), что онъ лишенъ всякаго сообщества, занятія, просилъ вынустить его въ казарму и получалъ въ этомъ категорическій отказъ. Отказъ этотъ заставлялъ многихъ внимательно заглянуть въ самихъ себя, въ свое будущее, пораздумать о своемъ положеніи и покориться необходимости, такъ, что большинство выходило изъ карцеровъ тихими, покорными... Нельзя, однакожъ, не замѣтить, что на нѣкоторыхъ это одиночное заключеніе вліяло неблагопріятно. Такъ, напр., человѣкъ сильно впечатлительный — впадалъ, отъ рѣзкаго переворота, въ грусть, уныніе, а иногда, и болѣзнь; другой, отчаянный — рвался, метался, и въ пылу раздраженія обругивалъ перваго, кто приблизится къ нему, либо и ударялъ, за что снова попадалъ подъ судъ и наказаніе...

— Шестилѣтняя, безпорочная служба моя пропала, говорилъ намъ одинъ; срокъ содержанія здѣсь мнѣ прибавленъ, розгами меня выдрали и мнѣ впереди нечего ждать ужъ хорошаго; а коли такъ — надо добиваться либо убѣжать, либо въ Сибирь угодить; убѣжать трудно: сотни глазъ гля-

дять за нами, а въ Сибирь шлютъ за важныя дѣла, — такъ вотъ и мнѣ надо сотворить важное дѣло, штобъ меньше тутъ мучиться...

— А не по своей ли ты милости мучаешься-то? перебилъ его сосѣдъ по карцеру. Нешто начальству ндравится законопачивать насъ въ эфти конуры? Извѣстно—нѣтъ, а иначе, нельзя, потому мы сами себя доводимъ до эфтого. Ивановъ, вонъ, смирно сидѣлъ и чрезъ мѣсяцъ его выпустили, а коли ты дебоширишь—и точно што сгнать тутъ, пожалуй, можешь: сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ. Меня тоже обѣщали слободить отсалава за поведе-ніе, ну и стараюсь угодить начальству, а оно, Богъ дастъ, и сжалиться надо мной. Такъ-то вотъ и ты, братецъ, перестань озорничать, и право лучше будетъ.

— А вѣдь онъ, дѣйствительно, резонно толкуеть, молвили мы раздраженному.

— Такіе-то резоны я ужъ не разъ слыхивалъ, только они мнѣ не по нутру...

— Значить, ты самъ себѣ вредишь.

— А пусть будетъ, что будетъ, заключилъ онъ и отвернулся.

Въ рижской ротѣ никто, впрочемъ, изъ арестантовъ не высиживалъ въ карцерѣ и половины слѣдуемаго срока: старыхъ карцеровъ было всего 8—10, а народъ ежедневно прибывалъ. Оттого рецидивистовъ *непременно* заключали въ карцеры, а при приѣмѣ остальныхъ въ канцеляріи (особыхъ: ни приѣмной, ни свидальной комнатъ, долженствующихъ быть, согласно 7 и 8 пун. 38 ст. положенія, тоже еще не было) имъ объясняли порядки роты, спрашивали ихъ: знаютъ ли они какое-либо ремесло, причемъ утвердительный отвѣтъ—велъ человѣка въ видѣ временнаго ограниченія правъ, прямо въ мастерскую и садилъ за работу, а при от-

рицательномъ отвѣтѣ — карцеръ гостепріимно ждалъ его, хотя на нѣкоторое лишь время. Впрочемъ, спасеніе отъ карцера собственно умѣньемъ владѣть иглою, или шиломъ — производилъ часто ропотъ среди тѣхъ, кто не мастеровой.

— Насъ обоихъ, то нсь меня и Сидорова, судъ приговорилъ за одинаковое дѣло на два года сюда, слышали мы жалобу; а тутъ я, за то, что не столяръ, — должонъ сидѣть въ карцерѣ, а онъ, благо портной — пошелъ себѣ къ товарищамъ денежки зарабатывать. Чтожъ это, скажите на милость, за порядки?

— Слышалъ чай, што карцеровъ на всѣхъ не хватаетъ, чавожъ тебѣ еще надоть?

— А справедливости, вотъ мнѣ что надо.

— Она и будетъ, когда выстроятся карцеры.

— А до тѣхъ поръ ждать? Да это... это...

— И пождешь, не велика фря, тебя можетъ здѣсь больше ждали, заключилъ примирившійся.

Нельзя не пожелать скорѣйшаго окончанія всѣхъ работъ по устройству помѣщеній роты, а въ томъ числѣ и карцеровъ: арестанты, какъ дѣти, чрезвычайно завистливы, ярме ревнители абсолютной справедливости; упомянутое ненормальное явленіе ихъ раздражаетъ.

IV.

Арестантскій день распадался на нѣсколько различныхъ дѣйствій. Такъ, въ нашу, по-крайней-мѣрѣ, бытности въ Ригѣ, — арестанты вставали, въ будни, въ 4 часа утра, умывались, убирались, перекликались и осматривались капральными унтеръ-офицерами, потомъ сводились въ столовую,

пѣли тамъ хоромъ молитву, получали на завтракъ каждый по куску хлѣба въ полфунта съ водою (хлѣбъ этотъ они обязывались *съѣсть непременно въ столовой*, а кто не хотѣлъ—тотъ лишался своей порціи), тотчасъ послѣ завтрака, если погода была хорошая—учились на дворѣ фронту и гимнастикѣ, съ полчася, унтеръ-офицерами и фельдфебелями; потомъ расходились; мастеровые и чернорабочіе—на работу, а часть испытуемыхъ—учиться грамотѣ до 11½ часовъ утра. По возвращеніи съ работъ и изъ класса, всѣ выстраивались въ казармѣ и направляющіеся шли, по барабанныму бою, въ столовую—обѣдать, а испытуемые, ожидали очереди на верху, сидя на нарахъ. Поѣвши, всѣ отдыхали, отнюдь не больше полчася, въ теченіи котораго тѣ, у которыхъ что-либо изъ гардероба расхунилось—починяли. Затѣмъ всѣ опять шли: мастеровые—работать, а группа направляющихся—въ классъ; причемъ кончали занятія: классные и тѣ, которые работали по перестройкѣ зданія, въ ротной и вольной кузницѣ, на огородѣ и таскали камни, копали землю, около собора (инженерному вѣдомству), въ 6½ и 7 часовъ вечера, а въ мастерскихъ—въ 8½ часовъ вечера. Да не подумаютъ, однако, читатели, что классные и чернорабочіе, въ ожиданіи возвращенія мастеровыхъ, отдыхали? — нѣтъ: они, сидя на нарахъ, подъ надзоромъ, унтеръ-офицеровъ, *ежедневно* разучивали, на память, какъ величать десяточныхъ, капральныхъ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей, взводныхъ офицеровъ, начальника роты, начальниковъ: мѣстныхъ войскъ и его штаба, округа и его штаба, начальника главнаго штаба, военнаго министра и всю Царскую фамилію. Затѣмъ въ 9-мъ часу ужинали, послѣ перекликались, узнавали нарядъ на работу на слѣдующій день, унтеръ-офицеры и фельдфебеля осматривали, цѣляли на нихъ одежда, обувь, и лица, кончивши все это—люди раз-

дѣвались и всѣ моментально засыпали. Праздничные-же дни отличались отъ будничныхъ тѣмъ, что арестанты вставали часомъ позже, читали священное писаніе до обѣдни, начинавшейся въ 10 часовъ, послѣ обѣдни обѣдали, а потомъ до ужина *дѣйствительно отдыхали*, въ полномъ значеніи этого слова.

Свиданій при насъ никто не имѣлъ съ родными, да таковыя, какъ мы дознались, и бывають чрезвычайно рѣдко: во 1-хъ, почти всѣ арестанты родомъ изъ великороссійскихъ губерній, откуда родственникамъ-простолюдинамъ, нѣтъ возможности добираться для свиданія съ ними; во 2-хъ, къ свиданію допускаются лишь, отлично себя ведущіе; въ 3-хъ, по аттестаціямъ десяточныхъ, капральныхъ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и взводныхъ офицеровъ, а добиться безусловнаго одобренія, во всѣхъ отношеніяхъ, 4-хъ—5 чел.—слишкомъ трудно; въ 4-хъ, видѣться надо съ родственникомъ въ присутствіи начальства, а это крайне стѣсняетъ бесѣду: нельзя ничего, чтобы хотѣлось, откровенно сказать, а приходится говорить въ общихъ чертахъ.

На продовольствіе арестантовъ отпускались солдатскій паекъ муки, крупы и соли; 2½ к. въ день на приварокъ, да для воспослѣженія рота располагала: а) отведеннымъ ей изъ городскихъ земель огородамъ, на которомъ сажали капусту, картофель, лукъ, огурцы, морковь, рѣпу и рѣдьку, и б) до 100 руб. въ годъ, вынимаемыхъ, какъ свидѣтельствуеъ отчетъ роты (20 іюня 1869 г.), изъ кружки, привѣшенной въ часовнѣ на Московскомъ форштадтѣ *).

На основаніи 79 и 80 ст. положенія, арестантамъ слѣдуетъ: всѣмъ—по 3 ф. хлѣба, 6 золотн. соли въ сутки, щей

) Въ 1871 году денегъ этихъ выннуто 359 р. 80 к.

или похлебки, приготовляемыхъ изъ овощей: въ скоромные дни — съ саломъ; въ постные — съ постнымъ масломъ; три раза въ недѣлю и въ высокаторжественные дни съ крошеннымъ мясомъ или рыбою, по $\frac{1}{4}$ ф. того или другого на человѣка; для пятя — квасъ, а исправляющимся, сверхъ сего, дважды въ недѣлю кашу; горячая пища всѣмъ въ обѣдъ и ужинъ. Закопъ отличаетъ, какъ видите, исправляющихся отъ испытываемыхъ *одною только кашею*; но въ Ригѣ варили при насъ: въ обѣдъ щи или похлебку испытываемымъ, совершенно неправильно, *всегда съ саломъ*, а исправляющимся вмѣсто мяса — со сбоемъ (печенка, селезенка, легкое, кишки и проч. части внутренностей животныхъ), а въ ужинъ жидкую кашницу — всѣмъ съ саломъ; квасъ же, какъ былъ замѣненъ, въ началѣ лѣта, вслѣдствіе существовавшей въ Ригѣ холеры, — сухарною водою, — такъ она и осталась до сентября включительно... Сало замѣнено было сбоемъ, постановленіемъ ротнаго комитета, въ 1868 году, «какъ болѣе выгоднымъ продуктомъ»; класть въ котель этого сбоя комитетъ опредѣлялъ по $\frac{1}{2}$ ф. на человѣка, а сала въ кашу и въ кашницу въ ужинъ на всѣхъ 7 ф. 36 зол. Внутренности животныхъ (сбой) содержатъ въ себѣ, какъ извѣстно, вообще мало жира, если онѣ и отъ лучшаго черкаскаго свята, но для арестантовъ покупался сбой второго, а иногда даже и третьяго сорта. Сбой этотъ, по буднямъ, мелко крошился, и люди ловили его въ чашкахъ, а въ праздники кусочки печенки, селезенки, легкаго и хрящика, натыкались на палочки и вручались арестантамъ, этими оригинальными порціями, въ руки. Русскіе простолюдины, производящіе тяжелую, какъ арестанты, работу, положительно не любятъ никакой вообще *легкой* пищи, каковою является супъ со сбоемъ, а имъ, по ихъ крѣпкому организму, — гораздо пріятнѣе съ устатку поѣсть болѣе питательную пищу съ *мясомъ*, ко-

торое, какъ бы оно ни было плохо,—во всякомъ случаѣ вкуснѣй похлебки со сбоемъ, утоляющей голодъ на короткое лишь время, а такъ какъ арестантамъ приходилось ждать ужина съ 12 до 8 часовъ вечера, то для поддержанія здоровья людей слѣдовало, думается намъ, замѣнить собой мясомъ, ежели это доселѣ еще не сдѣлано. Кашу, по воскресеньямъ и четвергамъ, на 6 человекъ отпускали по чашкѣ; ѣли ее люди съ такою жадностью, что офицерство, даже привыкшее къ этому зрѣлищу, охотно любовалось на него въ тысячный, быть можетъ, разъ.

Прежде арестанты получали ежедневно хлѣбъ,—каждый по 3 ф. *на руки*, причемъ однимъ, напримѣръ, кузнецамъ—не хватало, а у другихъ—портныхъ—оставался излишекъ, каковой они продавали, мѣняли на порціи себя—первымъ; а иногда первые просто крали у послѣднихъ; мало того, храня хлѣбъ въ казармѣ,—крошили оный, разводили нечистоту. Дабы устранить всѣ исчисленныя неурядицы, главный военно-гиремный комитетъ распорядился, чтобы арестанты ѣли хлѣбъ непремѣнно въ столовой «безъ *тѣсу*». Тѣмъ не менѣе, въ Ригѣ давали въ столовой хлѣбъ все-таки *каждому тѣсамъ*: на завтракъ $\frac{1}{2}$ ф., въ обѣдъ $1\frac{1}{2}$ ф. и въ ужинъ фунтъ. Отсюда и мы невольно переходимъ на сторону арестантовъ, полагая, что ѣсть безъ вѣса хлѣбъ—значить испечь караванъ, взвѣсить ихъ, нарэзати на ломти и подавать къ столу столько, сколько полагается въ день *на всѣхъ*; опасеніе же, что они съѣдятъ больше, нежели имъ полагается—напрасно: чего не доѣдятъ портные—пойдетъ въ желудокъ кузнецовъ, да и на пудъ 32 ф. и 48 золотниковъ муки (мѣсячный паекъ арестанта) полагается *законною* припеку 7 ф. 48 зол., а при хорошей мукѣ этого припеку бываетъ до 15 фунтовъ.

Особой бани при рижской рогѣ не было, а арестантовъ

водили дважды въ мѣсяцъ, въ торговую баню, платя за каждого по 2 коп.—24 коп. въ годъ; казна же отпускала, до введенія нормальныхъ штатовъ, по прежнему арестантскому положенію, лишь на мыло и вѣники по 28 коп. въ годъ, значить, отъ платы за баню оставалось 4 коп. на мыло и вѣники въ годъ. Ротный комитетъ добавлялъ, правда, изъ спеціальныхъ суммъ еще 12 к. до 42 к. въ годъ на человека,—но эта добавка столь мизерна, что арестанты получали самого существеннаго, въ данномъ случаѣ,—мыла, по кусочку въ грецкій орѣхъ величиною, на 2 человека, и этимъ количествомъ принуждены были не только сами мыться, но еще вымывать и смѣняемое съ себя въ это время бѣлье. Относительно банныхъ расходовъ, не можемъ, кстати, не занести и слѣдующей несообразности: на этотъ расходъ при неизмѣни бани отпускалось 28 коп., а когда будетъ *даровая казенная* баня, тогда установлено расходовать на одни вѣники и мыло по 35 коп. въ годъ. Спрашивается: коль скоро при готовой банѣ назначено 35 коп. на человека въ годъ, какъ же можно нанимать еще и *баню* на 28 коп? Но насъ, впрочемъ, увѣряли, что ожидается утвержденіе новой таблицы въ полномъ объемѣ и тогда устранится означенная аномалія, а теперь нельзя, будто-бы, утверждать отдѣльныхъ пунктовъ этой таблицы разновременно.

И такъ, кромѣ содержанія начальства, помѣщенія и отопленія этого помѣщенія, каждый арестантъ стоитъ казнѣ: на мясныя и рыбныя порціи, да на добавочныя кормовыя деньги 9 р. 12 коп., мука 18 руб., крупа 1 р. 75 к., соль 40 к.; баня, мыло и вѣники 42 коп.; обмундированіе 4 р. 24³/₄ коп.; бѣлье: носимое 1 р. 52 к., постельное и полотенца 1 р. 48 к., обувь 5 р. 30¹/₄ к., освѣщеніе камеръ и лѣстницъ 7 к., итого 42 р. 31 коп.

V.

Мастерскія роты, какъ гласятъ официальные источники, открылись тотчасъ по преобразованіи роты, въ ноябрѣ 1868 года, когда на-лицо было: испытуемыхъ—148, а исправляющихся — 183 чел., въ плохонькой мастерской, бывшей арестантской роты. За сямъ, среднимъ *) числомъ въ мастерскихъ работало:

	съ 18 ноября 1868 г. по январь 1869 г.	съ января 1869 г. по январь 1870 г.	съ января 1870 г. по январь 1871 г.	съ января 1871 г. по январь 1872 г.
Столяровъ и плотниковъ	13	6	4	19
Рѣзчиковъ	3	3	2	4
Бондарей	10	9	7	19
Обойщиковъ	1	1	1	2
Токарей	1	1	1	2
Маляровъ	1	1	—	2
Сапожниковъ	24	24	30	73
Портныхъ	31	31	28	68
Кузнецовъ и слесарей	5	5	5	10
Дѣлавшихъ: палочки для спичекъ	7	7	5	10
„ пробки для затыканія				
бутылокъ	—	—	—	75
„ колодки для шитья на				
нихъ сапоговъ	—	—	—	6

*) Мы принуждены ограничиться выводами «средняго числа», потому что не могли достать точныхъ цифръ: ихъ въ ротѣ нельзя было собрать.

	съ 18 ноября 1868 г. по январь 1869 г.	съ января 1869 г. по январь 1870 г.	съ января 1870 г. по январь 1871 г.	съ января 1871 г. по январь 1872 г.
Переплетчиковъ	—	—	1	5
Мурниковъ	—	—	—	6
Пильщиковъ.	—	—	—	6
Чернорабочихъ.	число неизвѣстно.			
Итого	96	88	84	307

Люди эти заработали на ремеслахъ: въ 1868 г. — 316 р. 7 к.; въ 1869 г. — 2,278 р. 92 к.; въ 1870 г. — 4,423 р. 33¹/₂ к., а въ 1871 г. 4,573 р. 43³/₄ к. *) Изъ этихъ суммъ употреблено на матеріалы: въ 1868 г. — 134 р. 84 к.; въ 1869 г. — 803 р. 65 к., въ 1870 г. — 906 р. 5 к., а въ 1871 г. 370 р. 65 к.; отчислено 10 проц. съ рубля въ пользу раб- ботавшихъ арестантовъ: въ 1868 г. — 84 р. 36 к.; въ 1869 г. 156 р. 38¹/₄ к.; въ 1870 г. — 351 р. 72 к., а въ 1871 г. слѣдовало отчислить 457 р. 34 к.; такъ, что если считать получившими заработокъ только тѣхъ, которые съ точностью показаны въ вышеприведенныхъ цифрахъ, то приходится на человека: въ 1868 г. — 87 коп.; въ 1869 г. 1 р. 77 к.; въ 1870 г. — 4 р. 18 к.; въ 1871 г. — 1 р. 45 к. съ дробью. Чистаго, наконецъ, отъ работъ барыша, обращеннаго въ специальную сумму, было: въ 1868 г. — 96 руб. 87 к.; въ

*) Кроме того чернорабочіе заработали 1,008 р. 15 к.; но какое назначеніе получили эти деньги не знаемъ, а потому и оставляемъ эту сумму безъ распределенія на какія-либо доли и нигуда не причисляемъ ее въ настоящей главѣ.

1869 г.—1,318 р. 88³/₄ к.; въ 1870 г.—3,165 р. 56¹/₂ к., а въ 1871 г.—3,745 р. 44³/₄ к., итого, за всѣ года, 8,326 р., 77 к., изъ коихъ, истрачено на инструменты прежде 162 р., 19¹/₂ к., да въ 1871 г. 79 р. 80 к., значить, остается 8,084 р. 77¹/₂ к., а работало, какъ сказано выше, 575 чел., слѣдовательно, каждый принесъ казны своими трудами пользу, въ 3 года 1 мѣсяць и 18 дней 14 р. 6. к. съ дробью. Затѣмъ мастеровые же и просто чернорабочіе, занимавшіеся перестройкою казармы (сколько именно человекъ не знаемъ, какъ отмѣчено выше) сработали: въ 1868 г.—на 2,252 р.; въ 1869 г.—на 4,923 р., въ 1870 г.—6,500 р., а въ 1871 г. на 5,925 р., 13 к., итого 15,600 р., 15 к., а вмѣстѣ съ 8,084 77¹/₂ к., образуются 27,684 р., 90¹/₂ к., чистой выгоды казны.

Мастерскія работы въ ротѣ производились по заказу частныхъ лицъ и на продажу; послѣднихъ было очень мало, потому, будто бы, что первыхъ очень много; оттого не было, дескать надобности прибѣгать къ нимъ. На продажу дѣлались ведра, табуретки, кадочки, скамейки и колодки для шитья сапоговъ, все самаго простаго свойства; заказывали же мебель, обувь, платье, прутники для спичекъ, пробки для затыканія бутылокъ. Стоимость работы опредѣлялъ, разъ въ году, ротный комитетъ, по соображенію съ мѣстными, на волѣ существующими, цѣнамъ, при чемъ спускалъ ее нѣсколько ниже, дабы: а) конкурировать съ частными мастерами и б) болѣе дешевою цѣною привлечь заказчиковъ. Такъ, въ 1870 году, за шитье сапоговъ: барскихъ, съ высокими голенищами, брали 1 р., 25 к., простолудинскихъ—60 коп., съ обыкновенными: съ первыхъ—1 р., а съ послѣднихъ—40 коп., за дѣтскіе сапожки 60 коп., за башмаки 20 к., цѣна же другимъ вещамъ надприм.: мебели, одеждѣ, зависѣла отъ взаимнаго соглашенія заказчика съ принимаемымъ заказъ. Принимали заказы въ канцеляріи роты взводные офицеры, которые записывали

въ книгу, что именно кто заказалъ, изъ чьего матеріала, за сколько,—если на вещь есть такса,—а буде нѣтъ—въ этой графѣ книги оставался пробѣлъ, до изготовленія вещи и исчисления употребленнаго на нее матеріала; если заказчика никто не зналъ, съ него, брали въ задатокъ, согласно 98 ст.—третью часть стоимости вещи, а знали—вѣрили безъ задатка. Потомъ, заведывающій мастерскими выписывалъ изъ этой книги въ свою, въ особые листы, въ родѣ ассигновокъ съ талонами, заказанные предметы и распоряжался: если матеріалъ заказчика—шьемъ, а если изъ матеріала роты—покупкою матеріала; засимъ вписывалъ матеріалъ въ особую книгу, отдавалъ оный въ дѣло, и по изготовленіи заказа—вычислялъ на ассигновкѣ и талонѣ (повздѣшнему, «квитка»), сколько причитается за матеріалъ, за работу, обрѣзывалъ квитку, и передавалъ ее, вмѣстѣ съ заказомъ, въ кладовую, откуда выдавался заказчику заказъ, и получались съ него деньги; но росписывались въ книгѣ почему-то очень рѣдкіе.

Работали арестанты охотно; учились ремесламъ прилежно; но сѣтовали на то, что изъ заработковъ имъ, пока они въ ротѣ, на руки денегъ не даютъ.

— Я, сударь, былъ еще въ прежнихъ арестантскихъ ротахъ, говорилъ намъ пожилой ужъ столяръ; тамъ мы зарабатывали по 700 р. въ мѣсяцъ, и хоша деньги эти и шли по разнымъ барманамъ, но начальство и насъ помнило: всегда удѣляло намъ по 3, по 5 руб. въ треть (4 мѣсяца) на человѣка,—на табакъ, на выпивку, либо и на дѣвчаты, а нонѣ работаемъ шитеро больше, а намъ въ руки ни гроша не попадаетъ...

— Теперь другіе, братецъ, настали порядки. Впрочемъ, законъ и теперь разрѣшаетъ вамъ покупать, въ большіе праздники, на заработчія деньги, булокъ, чаю, сбитню, чрезъ унтеръ-офицеровъ; чего жъ вамъ еще?

— Добиться этого разрѣшенія очинно мудрено: надо на-

чать просить съ капральнаго и доходить до полковника—это разъ, молвилъ сосѣдъ его, молодой человѣкъ,—а другое: дадутъ тамъ ундеру, примѣрно, гривенникъ, а онъ тебѣ принесетъ щепотку чаю и кусочекъ сахару на пятакъ, а другой наровитъ отжидить себѣ за дорогу. Заспоришь съ нимъ, онъ тебя-же упекетъ въ карцеръ на сутки, другіе, потому, говоритъ, грубишь; ну, поневолѣ и рукой махнешь и на самый, т. е., чай: отъ грѣха дальше!..

— Что тамъ ни толкуйте про нонѣшніе хорошіе порядки, а прежде гораздо лучше было, замѣтилъ первый. Бывало, настанетъ праздничный вечеръ—у насъ пиръ горой, а нонѣ мы точно въ гробу лежимъ молча и даже какіе такіе праздники есть—часто забываемъ.—Глядѣтъ ажно тошно какъ мудрятъ надъ нашимъ братомъ. Вотъ, что я вамъ доложу-съ...

— Мудрятъ, братецъ, за то, што мы рестораны, перебилъ третій; ну и хотятъ этимъ самымъ мудриначаньемъ добиться штобъ наше братье, какъ ты примѣрно, хоть въ другой-то ужъ разъ сюда не ворочались, а служили бы исправно до отставки. И дѣло: а то нако—человѣку 45 лѣтъ, а онъ все еще въ ресторанахъ проклажается! Вотъ я што никакъ десятиъ разъ толкую, а ему все нейдетъ, добавилъ онъ, обращаясь къ намъ.

Окружавшіе улынулись, а столяръ покраснѣлъ и пристыженный, потупилъ низко голову къ верстаку.

— А самъ-то за что здѣсь? спросилъ кто-то.

— Тоже проштрафился—убегъ со службы едуру. Только клянусь братцы, Богомъ, больше сюда не вернусь, хоша бы мнѣ околѣть пришлось на службѣ. Къ тому-жъ я не зналъ, что такое творится тутъ: мнѣ всего 24 года, служилъ я недолго; а онъ все, досконально зналъ да вѣдалъ, а все таки здѣсь обрѣтается.

И льготой, выраженной въ 106 ст., дѣйствительно, рѣд-

кіе пользовались: во 1-хъ, требовалось, чтобы человекъ былъ въ исправляющихся; во 2-хъ, чтобы 4—5 начальниковъ отлично аттестовали его; въ 3-хъ, трудно, увѣрили насъ, высчитывать доли изъ крошечныхъ заработковъ и вписывать эти мелочи по нѣсколькимъ книгамъ. Обставлено-же это въ такую тѣсную форму изъ опасенія, что если часто выдавать арестантамъ ихъ доли изъ заработковъ,—то солдаты, при тяжелой ихъ службѣ, постоянномъ безденежьи и неразуміи многихъ—станутъ нарочно, пожалуй, добиваться попасть въ роты, соблазнившись заработками.

Изготавливаемые мастеровыми издѣлія были крѣпки, прочны, но просты; мы видѣли одни только дамскіе сапоги, сдѣланные изящно. Портняжное, сапожное, бондарное, столярное и т. под.—ремесла обыкновенныя, а потому обратимся къ занятію, заключающему въ себѣ нѣчто любопытное.

Фабрикъ, въ которыхъ дѣлаютъ пробки, для затыканія бутылокъ, стѣлянокъ и т. под. посуды, въ Россіи только нѣсколько: въ Петербургѣ, Москвѣ, да въ Ригѣ, принадлежащая купцу Штуцу. Дѣлаются пробки изъ древесной коры, добываемой г. Штуцемъ, какъ передавалъ намъ его мастеръ, обучавшій этой работѣ арестантовъ, изъ Португаліи, а частью и изъ Франціи; обходился Штуцу пудъ коры, вмѣстѣ съ оплатою пошлинъ и провозомъ въ Ригу, въ длинныхъ, толстыхъ и тонкихъ плитахъ—1 р. 50 к. пудъ; ибо снова выростаетъ не ранѣе какъ въ 6—7 лѣтъ и потому дорога. И вотъ, Штуцъ, нуждаясь въ рабочихъ, нанялъ ихъ изъ арестантовъ по 20 к. въ день за человека, привезъ въ роту машины и особой конструкціи ножи, для рѣзки коры, верстаки, стулья, точильни и проч. снаряды, и при насъ работало въ двухъ отдѣленіяхъ 85 человекъ. Работа эта производилась слѣдующимъ образомъ: сперва машиною перерѣзывали длинныя плиты на короткія, толстыя—на тонкія, потомъ каждый бралъ

1869 г.—1,318 р. 88³/₄ к.; въ 1870 г.—3,165 р. 56¹/₂ к., а въ 1871 г.—3,745 р. 44³/₄ к., итого, за всѣ года, 8,326 р., 77 к., изъ коихъ истрчено на инструменты прежде 162 р., 19¹/₂ к., да въ 1871 г. 79 р. 80 к., значить, остается 8,084 р. 77¹/₂ к., а работало, какъ сказано выше, 575 чел., слѣдовательно, каждый принесъ казнѣ своими трудами пользу, въ 3 года 1 мѣсяцъ и 18 дней 14 р. 6. к. съ дробью. Затѣмъ мастеровые же и просто чернорабочіе, занимавшіеся перестройкою казармы (сколько именно человекъ незнаемъ, какъ отмѣчено выше) сработали: въ 1868 г.—на 2,252 р.; въ 1869 г.—на 4,923 р., въ 1870 г.—6,500 р., а въ 1871 г. на 5,925 р., 13 к., итого 15,600 р., 15 к., а вмѣстѣ съ 8,084 77¹/₂ к., образуются 27,684 р., 90¹/₂ к., чистой выгоды казнѣ.

Мастерскія работы въ ротѣ производились по заказу частныхъ лицъ и на продажу; послѣднихъ было очень мало, потому, будто бы, что дервухъ очень много; оттого не было, дескать, надобности прибѣгать къ нимъ. На продажу дѣлались ведра, табуретки, кадочки, скамейки и колодки для шитья сапоговъ, все самаго простаго свойства; заказывали же мебель, обувь, платье, прутки для спичекъ, пробки для затыканія бутылокъ. Стоимость работы опредѣлялъ, разъ въ году, ротный комитетъ, по соображенію съ мѣстными, на волѣ существующими, цѣнамъ, при чемъ спускалъ ее нѣсколько ниже, дабы: а) конкурировать съ частными мастерами и б) болѣе дешевою цѣною привлечь заказчиковъ. Такъ, въ 1870 году, за шитье сапоговъ: барскихъ, съ высокими голенищами, брали 1 р., 25 к., простолюдинскихъ—60 коп., съ обыкновенными: съ первыхъ—1 р., а съ послѣднихъ—40 коп., за дѣтскіе сапожки 60 коп., за башмаки 20 к., цѣна же другимъ вещамъ наприм.: мебели, одеждѣ, зависѣла отъ взаимнаго соглашенія заказчика съ принимаемымъ заказъ. Принимали заказы въ канцеляріи роты взводные офицеры, которые записывали

въ книгу, что именно кто заказалъ, изъ чьего матеріала, за сколько,—если на вещь есть такса,—а буде нѣтъ—въ этой графѣ книги оставался пробѣлъ, до изготовленія вещи и исчисления употребленнаго на нее матеріала; если заказчика никто не зналъ, съ него, брали въ задатокъ, согласно 98 ст.—третью часть стоимости вещи, а знали—вѣрили безъ задатка. Потомъ, завѣдывающій мастерскими выписывалъ изъ этой книги въ свою, въ особые листы, въ родѣ ассигновокъ съ талонами, заказанные предметы и распоряжался: если матеріалъ заказчика—шитьемъ, а если изъ матеріала роты—покупкою матеріала; засимъ вписывалъ матеріалъ въ особую книгу, отдавалъ оный въ дѣло, и по изготовленіи заказа—вычислялъ на ассигновкѣ и талонѣ (по здѣшнему, «квитка»), сколько причитается за матеріалъ, за работу, обрѣзывалъ квитку, и передавалъ ее, вмѣстѣ съ заказомъ, въ кладовую, откуда выдавался заказчику заказъ, и получались съ него деньги; но росписывались въ книгѣ почему-то очень рѣдкіе.

Работали арестанты охотно; учились ремесламъ прилежно; но сѣтовали на то, что изъ заработковъ имъ, пока они въ ротѣ, *на руки* денегъ не даютъ.

— Я, сударь, былъ еще въ прежнихъ арестантскихъ ротахъ, говорилъ намъ пожилой ужъ столяръ; тамъ мы зарабатывали по 700 р. въ мѣсяцъ, и хоша деньги эти и шли по разнымъ карманамъ, но начальство и насъ помнило: всегда удѣляло намъ по 3, по 5 руб. въ треть (4 мѣсяца) на человѣка,—на табакъ, на выпивку, либо и на дѣвчатъ, а нонѣ работаемъ впятеро больше, а намъ въ руки ни гроша не попадаетъ...

— Теперь другіе, братецъ, настали порядки. Впрочемъ, законъ и теперь разрѣшаетъ вамъ покупать, въ большіе праздники, на заработчія деньги, булокъ, чаю, сбитню, чрезъ унтеръ-офицеровъ; чего жъ вамъ еще?

— Добиться этого разрѣшенія очинно мудрено: надо на-

чать просить съ капральнаго и доходить до полковника—это разъ, молвилъ сосѣдъ его, молодой человѣкъ,—а другое: дадутъ тамъ ундеру, примѣрно, гривенникъ, а онъ тебѣ принесетъ щепотку чаю и кусочекъ сахару на пятачекъ, а другой наровить отжидать себѣ за дорогу. Заспорить съ нимъ, онъ тебя-же упекетъ въ карцеръ на сутки, другіе, потому, говорить, грубишь; ну, поневолѣ и рукой махнешь и на самый, т. е., чай: отъ грѣха дальше!..

— Что тамъ на толкуйте про нонѣшніе хорошіе порядки, а прежде гораздо лучше было, замѣтилъ первый. Бывало, настанетъ праздничный вечеръ—у насъ пиръ горой, а нонѣ мы точно въ гробу лежимъ молча и даже какіе такіе праздники есть—часто забываемъ.—Глядѣть ажно тошно какъ мудрятъ надъ нашимъ братомъ. Вотъ, что я вамъ доложу-сь...

— Мудрятъ, братецъ, за то, што мы рестанты, перебилъ третій; ну и хотятъ этимъ самымъ мудриначаньемъ добиться штобъ наше братье, какъ ты примѣрно, хоть въ другой-то ужъ разъ сюда не ворочались, а служили бы исправно до отставки. И дѣло: а то нако—человѣку 45 лѣтъ, а онъ все еще въ рестантахъ проклажается! Вотъ я што нивагъ десятый разъ толкую, а ему все неймется, добавилъ онъ, обращаясь къ намъ.

Окружавшіе улыбнулись, а столляръ покраснѣлъ и притѣженный, потупилъ низко голову къ верстаку.

— А самъ-то за что здѣсь? спросилъ кто-то.

— Тоже проштрафился—убегъ со службы сдуру. Только клянусь братцы, Богомъ, больше сюда не вернусь, хоша бы мнѣ околѣть пришлось на службѣ. Къ тому-жъ я не зналъ, что такое творится тутъ: мнѣ всего 24 года, служилъ я недолго; а онъ все, досконально зналъ да вѣдалъ, а все таки здѣсь обрѣтается.

И льготою, выраженной въ 106 ст., дѣйствительно, рѣд-

кіе пользовались: во 1-хъ, требовалось, чтобы человѣкъ былъ въ исправляющихся; во 2-хъ, чтобы 4—5 начальниковъ отлично аттестовали его; въ 3-хъ, трудно, увѣрили насъ, высчитывать доли изъ крошечныхъ заработковъ и вписывать эти мелочи по нѣсколькимъ книгамъ. Обставлено-же это въ такую тѣсную форму изъ опасенія, что если часто выдавать арестантамъ ихъ доли изъ заработковъ,—то солдаты, при тяжелой ихъ службѣ, постоянно безденежны и неразуміи многихъ—станутъ нарочно, пожалуй, добиваться попасть въ роты, соблазнившись заработками.

Изготавливаемые мастеровыми издѣлія были крѣпки, прочны, но просты; мы видѣли одни только дамскіе сапоги, сдѣланные изыщно. Портняжное, сапожное, бондарное, столярное и т. под.—ремесла обыкновенныя, а потому обратимся къ занятію, заключающему въ себѣ нѣчто любопытное.

Фабрикъ, въ которыхъ дѣлаютъ пробки, для затыканія бутылокъ, стѣляновъ и т. под. посуды, въ Россіи только нѣсколько: въ Петербургѣ, Москвѣ, да въ Ригѣ, принадлежащая купцу Штуцу. Дѣлаются пробки изъ древесной коры, добываемой г. Штуцемъ, какъ передавалъ намъ его мастеръ, обучавшій этой работѣ арестантовъ, изъ Португаліи, а частію и изъ Франціи; обходилса Штуцу пудъ коры, вмѣстѣ съ оплатою пошлины и провозомъ въ Ригу, въ длинныхъ, толстыхъ и тонкихъ плитахъ—1 р. 50 к. пудъ; ибо снова вырастаетъ не ранѣе какъ въ 6—7 лѣтъ и потому дорога. И вотъ, Штуцъ, нуждаясь въ рабочихъ, нанялъ ихъ изъ арестантовъ по 20 к. въ день за человѣка, привезъ въ роту машины и особой конструкціи ножи, для рѣзки коры, верстаки, стулья, точильни и проч. снаряды, и при насъ работало въ двухъ отдѣленіяхъ 85 человѣкъ. Работа эта производилась слѣдующимъ образомъ: сперва машиною перерѣзывали длинныя плиты на короткія, толстыя—на тонкія, потомъ каждый бралъ

по плиткѣ, рѣзалъ ее, округлялъ въ опредѣленную форму (сначала четырехугольную, а послѣ круглую) и сбрасывалъ въ нумерной ящикъ, предъ нимъ, на верстахъ расположенный; затѣмъ, когда ящикъ наполнялся—высыпалъ готовныя пробки въ мѣшокъ съ номеромъ его ящика и сдавалъ мастеру. Ножи, которыми рѣжутъ пробки, тонкіе, гнутся въ обѣ стороны, а концы ихъ—треугольные. Новичекъ въ этомъ занятіи, приступая къ нему—только обугливалъ куски пробки, а когда этому научивался—огруглялъ таковыя; выучивались порядочно въ мѣсяцъ, но за это время платы не производилось, а приловчившіеся дѣлали въ день до 3,000 штукъ. Съ стоимости каждой сотни пробокъ хозяинъ набавлялъ, въ видѣ награды, арестантамъ, за ихъ трудъ—по 2%, наприм., съ 20 к.—2 к. Мастеръ-нѣмецъ обходился съ арестантами мягко, гуманно, и потому они были весьма рачительны къ матеріальнымъ выгодамъ Штурца: понадобится ему къ сроку пробки—они непременно сработаютъ потребное ихъ количество. Цѣны пробкамъ опредѣлялись различныя, глядя по ихъ количеству и толщинѣ: обыкновенныя—отъ 70 к. до 1 р. 50 к. за 1,000, а для затыканія хорошихъ винъ дороже, такъ, что для шампанскаго даже по 25 р. тысяча; торговалъ Штурцъ пробками почти на два милліона руб. въ годъ, а барышъ его доходилъ до третьей части оборотной суммы.

Если-бъ выучившіеся пробочному мастерству арестанты всѣ оставались, по минованіи срока ихъ пребыванія въ ротѣ и по выходѣ въ отставку и безсрочный отпускъ, въ Ригѣ, Москвѣ и Петербургѣ (въ послѣднемъ зарабатываютъ до 30 р. въ мѣсяцъ), они могли-бы, конечно, навсегда обезпечить себя отъ нужды, но такъ какъ большинство ихъ расходится въ великороссійскія губерніи, гдѣ рѣдко бываетъ спросъ на этотъ трудъ, то ремесло многихъ пропадаетъ для нихъ безслѣдно. Оттого было-бы полезно въ ротѣ и другія ремесла,

которыхъ въ ней при насъ не было; напр. переплетное, слесарное, на каковыя есть *вездѣ* спросъ. Выслушавъ наше заявленіе объ отсутствіи въ ротѣ переплетной, слесарной, начальство доказывало намъ, что эти ремесла, по множеству ремесленниковъ въ Ригѣ, слишкомъ малоцѣнны, а также, что нельзя, будто-бы, найти для многихъ, незнающихъ никакихъ ремеселъ,—простой работы. Все это, думается намъ, однѣ отговорки, да равнодушіе къ своимъ обязанностямъ. Для рижской и либавской желѣзныхъ дорогъ требуется множество книгъ, проѣзжихъ билетовъ, накладныхъ, фактуръ и проч. мѣтокъ, составляющихъ работу весьма простую и въ то же время выгодную. Въ петербургскомъ, напримѣръ, исправительномъ заведеніи, малолѣтніе арестанты вырабатывали до 10,000 р. въ годъ на однихъ папкахъ и клееныхъ билетахъ, для петербурго-варшавской желѣзной дороги. И рижская, и либавская желѣзныя дороги выписываютъ эти, необходимые для нихъ предметы, тоже изъ Петербурга, слѣдовательно, стоило попросить начальствующихъ дорогами, и они охотно предоставили бы этого рода работу рижской ротѣ, которая для нихъ будетъ, удобнѣе: всегда подъ рукою. Далѣе, въ Ригѣ есть пенный буянъ, выдѣлывающій и упаковывающій въ кнпы ленъ, для отправки за границу. На буянѣ работаютъ сотни рабочихъ, выписываемыхъ подрядчиками *на свой счетъ* изъ внутреннихъ губерній Россіи. Добываются эти простые рабочіе слѣдующимъ, довольно труднымъ, способомъ. Подрядчики посылаютъ своихъ приказчиковъ, въ февралѣ и мартѣ, въ Калужскую и Тамбовскую губерніи, гдѣ они запрягаютъ рабочихъ, привозятъ ихъ даромъ, по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, къ апрѣлю, въ Ригу, гдѣ они остаются по 8-го ноября—до заморозковъ. Стоитъ это подрядчикамъ до 2-хъ—3-хъ тысячъ, причемъ нерѣдко рабочіе не прибываютъ, по разнымъ причинамъ, къ сроку; нынѣ, получивъ задатокъ—

исчезаютъ потомъ, а съ нѣкоторыми, отказывающимися работать, хозяевамъ приходится, неизбежно, судиться. Между тѣмъ, всѣ перечисленные нами серьезныя издержки, хлопоты подрядчиковъ были бы совершенно устранены, если-бъ рота предложила имъ свои исправныя рабочія руки, до двухъ-трехъ сотъ въ день, а дворъ роты на столько просторенъ, что въ самое хорошее для занятій время, — отъ апрѣля до сентября, — все это исполнили-бы съ обоюдною выгодой; мало того, арестанты и на зиму могли-бы имѣть этотъ производительный трудъ. Подрядчики увѣряли насъ, что съ удовольствіемъ отдавали-бы ротѣ эту работу, если-бъ начальство взялось *по условію* (имъ требуется доставлять за границу въ сроки) и главное держало себя съ ними, торговцами, не какъ начальство вообще, а «по простецки».

VI.

Грамотѣ арестантовъ должны обучать, на основаніи III ст. положенія, унтеръ-офицеры, подъ руководствомъ и въ присутствіи священника, или помощника начальника роты; въ помощь, впрочемъ, унтеръ-офицерамъ, «могутъ быть назначаемы, съ разрѣшенія начальника роты, отличнѣйшіе по поведенію грамотныя арестанты». На столько развитыхъ унтеръ-офицеровъ, которые могли-бы съ успѣхомъ быть учителями — въ самыхъ войскахъ, очень ограниченное число; посему, хотя *выборъ* унтеръ-офицеровъ въ роты и предоставленъ 30 ст. положенія начальнику роты, — но они этимъ правомъ на практикѣ не пользуются: войсковые начальники ~~желаемыхъ~~ унтеръ-офицеровъ не даютъ, говоря «такіе ~~самимъ~~ нужны», а посылаютъ такихъ, отъ которыхъ и имъ, и ротамъ, мало проку. Оттого въ рижской ротѣ учили арестантовъ грамотѣ ихъ же товарищи, подъ наблюденіемъ одного

изъ помощниковъ начальника роты. Далѣе, въ ротѣ находилось болѣе 10-ти арестантовъ изъ дворянъ, чиновниковъ; они учились въ уѣздныхъ училищахъ и даже гимназіяхъ, и здѣсь постановлены были учителями, а за обученіе ихъ избавили отъ *всякихъ* работъ, причемъ начальство дорожило ими, внушало и арестантамъ уважать ихъ, отчего многіе арестанты, говоря съ учителями, обходились съ ними на «*вы*», оказывали имъ кое-какія услуги. Учителя, до и послѣ обѣда, занимались исключительно въ классѣ, а прибывавшіе арестанты до-тѣхъ-поръ ежедневно учились грамотѣ,—по освобожденіи изъ карцеровъ, если они не были мастеровые,—покуда основательно не выучивались, а изъ исправляющихся учились по часу въ сутки, только не достаточно научившіеся. Людей старше 45-ти-лѣтняго возраста непринуждали учиться. Обучали по методѣ Столпянскаго; но руководства и книжки, изданныя Столпянскимъ, для первоначальнаго чтенія, страдаютъ тѣмъ, что пересыпаны выраженіями, употребляемыми въ *образованномъ* лишь обществѣ, а потому арестанты - *простомудины* долго не могли усвоить себѣ яснаго о нихъ понятія. Совершенно неграмотные, мѣсяца въ 4, выучивались порядочно читать и писать, благодаря усердію учителей, которые всячески старались развить товарищей.

— Скажи, пожалуйста, есть-ли вамъ расчетъ учиться грамотѣ? спросили мы разъ молодаго арестанта въ классѣ.

— Какъ-же-съ очень выгодно.

— Чѣмъ именно?

— А тѣмъ, напримѣръ, что учителей нашихъ не посылаютъ ни на какія чижолыя, грязныя работы, они всегда въ теплѣ, капральные ихъ *просятъ* писать за мѣсто себя дневники, начальство ихъ почитаетъ, а намъ и ласковое слово дорога, потому какъ мы рестанты.

Библіотека роты состояла изъ слѣдующихъ книгъ «Руко-

водство учителямъ» Столпянскаго; азбука, народная азбука, «Самообученіе народной рѣчи»; солдатскій букварь; арифметика начальныхъ школъ; арифметическія задачи, сокращенная русская грамматика, «Досугъ и Дѣло», «Земля, воздухъ и вода», повѣсти и рассказы Погосскаго, «Старое время на Руси», «Бесѣды о природѣ», «Чтенія для солдатъ», правительственныя распоряженія, естественная исторія животныхъ, «Французско-нѣмецкая война 1870—1871 годовъ», «Жизнеописаніе Суворова», сочиненія Д. А. Милютина и Полевого, краевая исторія Россіи, словарь, календарь, сборникъ солдатскихъ сочиненій, положенія о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, обязанности солдатъ по разводу часовыхъ, четьи-ми, нен, «Духъ христіанина», книга праздничныхъ, воскресныхъ каноновъ, собранія поученій отцовъ церкви, евангеліе, «Новая скрижаль», и нѣкоторыхъ другихъ, духовнаго содержанія, книгъ. Читали арестанты поименованныя книги не всегда охотно, во 1-хъ, недосугъ, а во 2-хъ, когда таковой находился—отдохнуть хотѣлось отъ житейскихъ тревоженій; иные брали книги и для того собственно, чтобы тайно вырвать изъ нея листки на заvertку табаку для куренія.

На бумагу, карандаши и проч. для классовъ издержано въ ротѣ, въ 1870 году, 3 руб. 96 коп.; въ 1869 г. писали грифелями на аспидныхъ доскахъ, а въ 1871 году итогъ еще не былъ свѣдѣнъ. Кромѣ того, для развитія въ арестантахъ вкуса къ изящному, для изощренія ихъ умственныхъ способностей, куплено рисунковъ французскаго изданія, моделей различныхъ ремеслъ на 100 руб., но бѣда въ томъ, что текстъ къ рисункамъ написанъ по французски-же и объяснить оный арестантамъ никто не могъ. Каковы были успѣхи въ развитіи арестантовъ грамотностью, наглядно показывается слѣдующая таблица:

Обученіе грамотѣ началось еще 1868 г., но свѣдѣній

не сохранялось; потому что учились въ томъ году не болѣе мѣсяца; заснмъ вотъ цыфры по этому предмету:

Арестанты дѣлились по грамотности на разряды, причемъ было въ 1869 г. въ 1870 г. въ 1871 г. Итого.

Перваго разряда— умѣвшихъ читать, писать и первыя 4 правила арифметики . .	93 ч.	92 ч.	84 ч.	269 ч.
---	-------	-------	-------	--------

Второго разряда— умѣвшихъ читать и писать	67 „	69 „	186 „	322 „
--	------	------	-------	-------

Третьяго разряда— умѣвшихъ только читать	81 „	90 „	91 „	262 „
---	------	------	------	-------

Четвертаго разряда— учившихся только читать	113 „	81 „	107 „	301 „
--	-------	------	-------	-------

Вовсе неграмотныхъ, или не учившихся оной	66 „	101 „	39 „	206 „
---	------	-------	------	-------

Въ числѣ арестантовъ 1871 г. было воспитывавшихся: въ гимназіяхъ—7, въ семинаріяхъ—6., въ уѣздныхъ училищахъ 20, а въ 1869 г. былъ одинъ изъ кандидатовъ Дерптскаго университета. Люди эти составляли персоналъ учителей.

VII.

Обязанность исправлять нравственность арестантовъ лежить, по закону (3 п. 11, 17 и 22 ст.) на начальниѣ роты,

его помощникахъ, завѣдывающихъ отдѣленіями, и на священникѣ. Каждый изъ отдѣленныхъ офицеровъ долженъ вести, согласно 18 ст., «дневникъ, на основаніи *собственныхъ* наблюдений и ежедневныхъ докладовъ фельдфебеля». Отдѣленные офицеры роты, не располагая, какъ мы говорили въ главѣ II, казенными квартирами, жили за 2 — 3 версты отъ роты, гдѣ не могли присутствовать во всякое время, а отсюда вытекало, на практикѣ, то, что офицеры мало знали ввѣренныхъ ихъ попеченію людей: всѣхъ до или болѣе 200 человекъ, и потому они принуждены были, касательно веденія дневника, во многомъ полагаться на фельдфебей и унтеръ-офицеровъ, людей, неопытныхъ, малограмотныхъ и, понятно, неспособныхъ вести установленныхъ и для нихъ особыхъ дневниковъ, которые писали, по ихъ приказанію, грамотные арестанты. Въ 15 — 20 книжкахъ капральныхъ, нами разсмотрѣнныхъ, мы не нашли никакихъ замѣчаній, кромѣ напримѣръ, противъ Иванова: «выбылъ въ 9-й десятокъ», «Петровъ въ Сибирь», и только; графы-же о характерахъ, способностяхъ людей — всѣ были чисты. Умственный кругозоръ самихъ офицеровъ былъ также весьма неширокъ, и дѣло перевоспитанія людей имъ было далеко не подъ силу: почти всѣ состарились на давнишнихъ началахъ службы, несовмѣстныхъ съ пенитенціарною наукою.

Такимъ образомъ, обыдиною жизнію арестантовъ—руководили преимущественно унтеръ-офицеры. Арестанты, твердо помня этотъ порядокъ, — всячески старались подлаживаться подъ ихъ систему дѣйствій, прислужиться имъ, кто чѣмъ въ состояніи; оттого, по свойственной всѣмъ людямъ слабости, и тутъ сила власти надъ одними—сокращалась, а надъ другими—довѣла въ большихъ, нежели слѣдовало бы размѣрахъ. Такъ, напримѣръ, фельдфебей давалъ арестантамъ, изъ благородныхъ, читать «Рижскій Вѣстникъ», «Инвалидъ»,

обходился съ ними хорошо, за то, что они писали всякіе списки, дневники. Другой унтеръ-офицеръ попался намъ разъ, возлѣ воротъ казармъ, подъ вечеръ, смущенный и все озирался вокругъ.

— Чего ты, братецъ, пугаешься? спросили мы его.

— Такъ, ничего-съ... Думаю, какъ пройти въ ворота.

— Развѣ ты, здѣшній, забылъ дорогу, что-ли?

— Не то-съ... Вотъ узелокъ... пожалуй, все пропадетъ, а наши средства крошечныя, ну и жаль остатніе гроши потратить...

— Да въ чемъ, скажи толкомъ, — дѣло-то? Если можно я, пожалуй, помогу тебѣ?

— Въ узелкѣ, видишь-ли, колбаса, двѣ селедки и табачекъ. Все это запрещено арестантамъ, а они люди-же—хотятъ, примѣно, покурить... Жалѣючи ихъ, своего-же брата, иной разъ и купишь имъ... А тамъ на дворѣ теперь начальникъ стоитъ.... ну и боюсь—отнять... взыщеть...

— Давай поддержи узелокъ, а ты ступай—явись, а потомъ когда начальникъ уйдетъ — выходи къ валу, я тебѣ отдамъ его, а чтобы ты не опасался, что я отжилю твое добро—вотъ тебѣ въ закладъ мой шарфъ.

— А не выдашь меня?

— Кому-жъ я тебя выдамъ, коли я твоихъ начальниковъ не знаю; къ тому-жъ они офицеры, а я, видишь, простой человекъ, какъ и ты.

— Ну такъ побереги же пожалуйста, узелокъ, а я живою рукой прилечу. Онъ взялъ кашне и ушелъ въ ворота, а мы съ узелкомъ къ валу. Прошло съ $\frac{1}{4}$ часа. Онъ явился, и мы получили другъ отъ друга каждый свое.

— Я тебѣ оказалъ услугу, отплати-же ты мнѣ теперь тѣмъ-же—разскажи, какая вамъ выгода отъ доставки арестантамъ табакъ?

— Здѣсь нельзя: неравно начальство пройдетъ—бада.

— Такъ пойдѣмъ въ трактиръ; тамъ, кстати, чаемъ тебя угощу: вы, вижу я, обижены, а я очень жалостливъ къ другимъ.

— Коли ежели такъ—очинно хорошо—идѣмъ.

Мы очутились въ грязномъ трактирѣ. Я велѣлъ подать чаю, водки, и приступилъ къ нему съ разспросами.

— Да жалованье наше маленькое, служба тяжолая: съ ранняго утра до поздняго вечера все на застѣжкѣ, а и вещи намъ надо, и денежкой про черныи день запастись хочется. Вотъ арестантъ достанетъ за воротами,—Христа ради, примѣрно, подадутъ ему 3—5 к., онъ съ грѣхомъ пополамъ, пронесетъ ихъ домой разъ, другой, третій, скопить 20—30 коп. и попросить купить ему полчетверки табаку. Стоить она въ лавкѣ будемъ говорить 5 коп., а ты съ него возьмешь 20—30 к.

— За что-жь, братъ, такъ много барыша?

— Да ему удовольствіе дѣлаешь а охоту, тѣшить—не бѣда вѣдь, и платить. Это разъ. Окромя того, ты и самъ тутъ въ большемъ страхѣ, какъ-бы не попасться, а за это отвѣчать у насъ, ухъ, какъ строго приходится,—почитай галунамъ; такъ, что-бъ ужъ, было, по крайности, хоть за что отдуваттса. Иначе, вѣрь, братецъ, совѣсти, никакъ, то-ись, нельзя.

— Ну, а если табакъ найдутъ у арестанта, спросятъ его: кто тебѣ, молъ, принесъ и онъ уважетъ прямо на тебя?

— Кто-жь ему, чудакъ ты эдакій, повѣрить? я отвѣчу „знать не знаю“, а ему, арестанту, у насъ вѣры, братъ, нѣтъ, хоша-бы онъ и расправду показаль.

— А деньги легко арестанты проносятъ въ казармы?

— Глядя по дежурному ундерцеру у воротъ: ротозей—пропустить, а ловкій—отыметь.

— Что-жъ вы дѣлаете съ деньгами, которые отнимаете?

— Преставляемъ дальше, въ казну запишутъ, а иногда пятиалтынный, али, примѣрно сказать. двугривенный, коли ежели попадетъ,—себѣ за труды оставляемъ и молчимъ; это и арестанту на руку: не взыщутъ съ него. Позавчера, вонъ, товарищъ вытащилъ, подь вечеръ, у арестанта, изъ подь языка цѣлый двугривенны, такъ арестантъ самъ-же просилъ его скрыть это отъ начальства: ему, видишь, скоро выходить изъ роты, ну и боялся, какъ-бы не задержали *).

— Такъ это вы, значить, молодцы. Выпей-ка еще рюмочку, да позабавь—разскажи мнѣ, пожалуйста, еще что-нибудь: я страхъ люблю слушать, какъ сокрушаютъ арестантовъ, потому отъ нихъ вамъ николи, чай, покою нѣтъ: сорванцы!

— Бядовый, я тебѣ скажу, народъ: одно слово рестанты! Тоже вотъ эдакій недавно былъ случай. У насъ рестанты работаютъ пробки. Когда устроили эту пробошную,—поставили въ ней надъ рестантами вольнаго мастера—нѣмца. Мастеръ этотъ и выхлопочи у хозяина давать рестантамъ на чай, чтобъ скорѣй работали. Рестанты, за это самое, и сдружались съ нимъ, съ нѣмцемъ-то, а нѣмецъ на насъ, ундерцеровъ, и никакого, то нсъ, вниманья не беретъ, а увидить, што жучимъ рестантовъ—такъ оретъ, нида чуть въ морду не лезетъ. Погоди, молъ, анафема, мы тебя подведемъ! И точно ловко поддѣли его, этого, слышь ты, нѣмца, благо такая оказія подвернулася. Выпускаютъ на волю рестантовъ, извѣстно, въ старенькихъ сапогахъ. Вотъ одинъ ловчакъ предъ выходомъ и упросилъ мастера—нѣмца не давать ему чаю, а купить замѣсто чая—сапоги. Нѣмецъ и купилъ. Мы про это

*) Это была та самая монета, которую мы подали арестанту милостыней.

дознались и доложили начальству, такъ оно такъ распудрило эстаго нѣмца, што ажно небу было жарко. И по дѣломъ: не суйся не въ свое дѣло, не якшайся съ рестантами.

Со введеніемъ, впрочемъ, нормальныхъ штатовъ есть, говорятъ, надежда на улучшеніе состава унтеръ-офицеровъ, которые будутъ получать, на всемъ готовомъ содержаніи, по 10 руб. жалованья въ мѣсяцъ, дозволится поступать въ эти должности по найму отставнымъ, безсрочнымъ, и такимъ образомъ устранится матеріальная нужда этихъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтается, полагають, возможность пріискать нравственныхъ и грамотныхъ непосредственныхъ начальниковъ арестантовъ.

Священникъ, человѣкъ больной, бесѣдовалъ съ арестантами по воскресеньямъ, по часу; говорилъ имъ рѣчи предъ переводами изъ испытуемыхъ въ исправляющіеся, напутствовалъ освобождаемыхъ, наблюдалъ за библіотекою, присутствовалъ изрѣдка въ ротномъ комитетѣ, да отправлялъ, по праздникамъ, богослуженіе, въ ротной церкви, такъ что дѣятельность его заключена была въ довольно узкихъ рамкахъ. Здѣсь, встати, отмѣтимъ, что въ ротѣ былъ хоръ пѣвчихъ, человѣкъ 10—12 изъ арестантовъ—дворянъ, чиновниковъ и писарей, людей, обладающихъ кое-какими познаніями; пѣлъ хоръ—сносно.

VIII.

Переходя ко взысканіямъ, налагаемымъ въ ротѣ на арестантовъ, за ихъ прегрѣшенія,—оговоримся, что тутъ, какъ и въ очеркахъ о другихъ ротахъ, не станемъ обсуждать правильно-ли примѣняется законъ: несообразности водились вездѣ и потому мы рассмотримъ этотъ предметъ послѣ, въ общихъ выводахъ.

Совершающіеся проступки арестантовъ въ ротѣ влекутъ за собою взысканія и наказанія, предусмотрѣнныя 119—122 ст. положенія; заключеніе въ свѣтлый и темный карцеръ на хлѣбъ-воду, въ оковы и до 100 ударовъ розогъ; въ тѣ же карцеры сажаютъ прибывающихъ въ роту (60 и 64 ст.). Карцеры эти (временные, помните, читатели, до устройства новыхъ), находившіеся въ нижнемъ этажѣ передѣлывавшагося флигеля, произвели на насъ самое тяжелое впечатлѣніе, не смотря на то, что мы изрядно приглядѣлись ко всякимъ тюремнымъ помѣщеніямъ... Подверглось взысканіямъ арестантовъ: *заключеніемъ въ карцеры отъ 3-хъ до 14 дней*: въ 1869 году — 32 чел.; въ 1870 году — 60 чел.; въ 1871 г. — 75 чел.; *розами отъ 25 до 100 ударовъ*: въ 1869 г. — 11 чел.; въ 1870 г. — 14 чел.; а въ 1871 г. — 18 чел., т. е. прогрессивно усиливались. Большинство проступковъ составляли куреніе табаку, ослушаніе и дерзость противъ унтеръ-офицеровъ. За сими, чтобы читатели знали, за какіе именно проступки, какія налагаются взысканія, — сообщимъ выдержки изъ штрафнаго журнала 1871 г. Такъ, 19 лѣтній юноша, изъ дворянъ, просидѣлъ въ карцерѣ 3 сутокъ за то, что, сидя въ столовой, смастерилъ изъ хлѣбнаго мякиша лошадку; другой, пойманный куращимъ въ отхожемъ мѣстѣ, — пробылъ въ карцерѣ 6 сутокъ; третій былъ тоже застигнутъ съ папиросою, сунулъ ее, съ огнемъ, въ ротъ, разжевалъ и выплюнулъ унтеръ-офицеру въ лицо, причемъ выразился: «жизнь твоя виситъ на волосѣхъ», получилъ за это 70 ударовъ и мѣсяць пробылъ въ карцерѣ; четвертый за то, что оскорбилъ унтеръ-офицера, лежа больнымъ въ госпиталѣ, — по выздоровленіи былъ наказанъ 50 ударами розогъ; пятый за утрату казеннаго полотенца — 50 ударами; шестой и седьмой «за подозрѣніе игры въ кости» — по 20 ударовъ. Начальникъ роты, просматривая журналъ отдѣленнаго офицера, написалъ, прав-

да, подъ этою статьею «одно подозрѣніе не соотвѣтствуетъ провинности», т. е., замѣтилъ офицеру неосновательность его распоряженія, но это произошло, къ сожалѣнію, *послѣ наказанія* арестантовъ, слѣдовательно, имъ отъ того не полегчало; восьмой—за непослушаніе и угрозу унтеръ-офицеру—100 ударовъ и 7 дней въ карцеръ на хлѣбѣ и водѣ; девятый—за явку съ работы нетрезвымъ—100 ударовъ и на 2 мѣсяца въ испытуемые изъ исправляющихся; десятый—за ослушаніе фельдфебеля 25; послѣдній, послѣ наказанія всталъ и добавилъ фельдфебелю: «благодарю васъ, что напились моею кровію»—ему прибавили за это еще 50 ударовъ; одиннадцатый—за то, что замахнулся на унтеръ-офицера орудіемъ, по рѣшенію суда, 200 ударовъ, причемъ ему увеличенъ срокъ пребыванія въ ротѣ на 4 года, и т. д., въ этомъ же родѣ.

IX.

Болѣли арестанты преимущественно чахоткою, открывавшеюся катарромъ легкихъ, застарѣлою венерическою, желудочною, катарральною и перемежающеюся лихорадками; развитію послѣднихъ отчасти способствовало и то, что людямъ, трудившимся днемъ внѣ казармы (при насъ вытаскивали, на примѣръ, камни изъ воды въ ненастную погоду) иногда негдѣ было, въ слякоть, просушить свои вещи, которыя они клали, съ этою цѣлію, на ночь подъ себя; вещи производили испарину, ознобъ, превращавшійся въ простуду, лихорадку; кромѣ того, житье въ плохихъ, *временныхъ* карцерахъ, и, наконецъ, — первоначальной, *скорой* медицанской помощи не откуда было прежде ждать: прикомандированный изъ госпиталя, пожилой докторъ посѣщалъ больныхъ не иначе, какъ по приглашенію, да и являясь—не особенно былъ полезенъ,

вслѣдствіе плохого пониманія русскаго языка. Всѣ эти не-
пріятныя явленія, съ окончательнымъ устройствомъ казармъ
и введеніемъ нормальныхъ штатовъ, устранятся: будутъ, увѣ-
ряли насъ, *постоянный* докторъ и ротный лазаретъ.

Говоря о больныхъ, не можемъ не занести въ наши очерки
и слѣдующаго факта. Гансъ Эрманъ, изъ крестьянъ Лиф-
ляндской губерніи, 27 лѣтъ, красивый, здоровый мужчина,
поступилъ, въ 1868 г., въ 6 резервный, пѣхотный баталіонъ,
откуда уволенъ былъ въ неспособные въ томъ-же году; за-
симъ, въ 1870 г., его вновь зачислили въ 96 дерптскій, пѣ-
хотный полкъ, и по конфирмаціи начальника мѣстныхъ войскъ
виленскаго округа, «за заявленіе болѣзни (хромалъ на пра-
вую ногу), съ цѣлю уклониться отъ службъ», онъ переве-
денъ въ штрафные; въ 1871 г., за то же заявленіе болѣзни
и проч. опять конфирмованъ помощникомъ начальника 25
пѣхотной дивизіи въ исправительную ужъ роту, на годъ и 6
мѣсяцевъ. Эрманъ и въ ротѣ то же хромалъ и никакія лекар-
ства не выпрямляли его ноги, на которую достаточно было
взглянуть простымъ глазомъ, чтобы убѣдиться, что она и
короче, и въ колѣнѣ, гораздо толще другой.

Находились на излеченіи въ госпиталѣ (нѣкоторые по
нѣсколько разъ) въ 1869 г.—302 чел., въ 1870 г.—250 чел.,
въ 1871 г.—266 чел.: изъ нихъ выздоровѣло: въ 1869 г.—
296 чел., въ 1870 г.—286 чел., въ 1871 г.—217 чел.; умерло:
въ 1869 г. 6 чел., въ 1870 г.,—14 чел., въ 1871 г.—23
чел.—Независимо того, въ 1870 году уволено въ продолжи-
тельный отпускъ, для поправленія разстроеннаго здоровья,
по окончаніи срока заключенія, вмѣсто возврата въ полкъ,
по такъ называемой II статьѣ, 50 чел., передано въ граж-
данское вѣдомство, за неспособностью ни къ какимъ рабо-
тамъ, для выдержанія въ тюрьмахъ опредѣленнаго для нихъ
приговорами срока пребыванія въ ротѣ, 28 чел.

Х.

Наружный видъ арестантовъ, вообще говоря, здоровый, бодрый; это были преимущественно молодые люди; но изъ нихъ запуганными, пришибленными выглядели почти всѣ бывшіе дворяне и чиновники, поступившіе въ службу по найму; люди эти составляютъ, по мнѣнію военныхъ, самый дурной элементъ въ войскѣ и самый большой процентъ преступниковъ: развратившіеся, потерявшіе, дескать, нравственное чувство, приличное званію занятіе, они хлынули въ солдаты, не примирались съ требованіями службы, совершали преимущественно подлоги и приходили въ исправительныя роты, но и тутъ оказывались худшими по поведенію, нежели простолюдины, попадающіе въ роты за преступленія, содѣянные, большею частію, въ запальчивости, въ пьяномъ видѣ, да по своему неразумію. Мы, разновременно, разговаривали со многими арестантами для того, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли они вселяютъ страхъ, и однажды провели, среди 429 чел. 4 часа сряду (въ воскресенье), причемъ изъ казармы *нарочно удалились всѣ до единова* изъ ихъ начальниковъ. И что-же? Мы не только не слышали грубаго слова, не замѣтили неприличнаго жеста,—но они вели себя столь сдержанно, что слышно было, какъ мухи летали въ воздухѣ.

Дабы читатели пріобрѣли возможность знать объ умственномъ кругозорѣ арестантовъ и ихъ *собственныхъ взглядахъ* на причины и послѣдствія постигшей ихъ участи, — предлагаемъ здѣсь и въ очеркахъ о другихъ ротахъ нѣкоторые изъ болѣе характерныхъ бесѣдъ, съ ними, заключенными. Въ арестантской семьѣ довольно людей, которые стараются представить, изъ своей персоны, фатальную жертву обществен-

нихъ неурядицъ; другіе изъ ложнаго стыда, ухарства и по упорности характера нерѣдко искажаютъ истину самымъ безцеремоннымъ образомъ. Давно зная это, мы, чтобы не впасть въ заблужденіе — провѣрили почти всѣ, приведенные здѣсь, и въ очеркахъ о другихъ ротахъ, рассказы съ документами рассказчиковъ и передаемъ тисненію лишь тѣ біографическіе очерки, которые болѣе или менѣе вѣрны съ бумагами, или близко подходятъ къ содержанію послѣднихъ, да характерно рисуютъ, личности, нравы, среду, изъ которой люди очутились въ ротахъ. Тѣмъ не менѣе, ни утверждая, ни отрицая правдивость слышаннаго отъ арестантовъ — предоставляемъ читателямъ самимъ разсудить насколько естественны эти, нигдѣ не утрированныя, а иные чуть ли не дословно передаваемыя нами рассказы.

Въ пробочной мастерской, среди 44-хъ закалившихся въ тревоженіяхъ фізіономій, взоръ нашъ невольно остановился на бѣлокурномъ, заморенномъ юношѣ, съ нѣжными чертами продолговатаго, исхудалаго лица, въ ситцевой рубашкѣ и съ завызанными тряпкою пальцами. Юноша этотъ вертѣлъ, видимо, чрезъ силу, ручку точильнаго колеса, на которомъ коренастый мужчина правилъ ножъ. Манера, осанка, — все говорило, что онъ въ чуждой для него сферѣ и не просто-людина.

— Вы изъ какого сословія? спросили мы юношу, стараясь придать голосу какъ можно больше мягкости, довѣрія.

— Изъ дворянъ-съ, тихо отвѣтилъ онъ, и багровая краска выступила на его щекахъ, и мгновенно, потомъ, смѣнилась блѣдностью.

— Какъ-же вы сюда попали?

— По милости матушки, продолжалъ онъ, дрожащимъ голосомъ.

— Вашъ отвѣтъ для меня, къ сожалѣнію, непонятенъ-

Будьте любезны, расскажите по-подробнѣй, какимъ образомъ постигло васъ такое несчастье?

— Извольте-съ. Отецъ мой умеръ, когда я еще былъ очень маленькимъ. Послѣ него, намъ остался въ Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ, въ 17-й линіи, свой домъ. Дѣтей кромѣ меня, у матери никого нѣтъ, да и не было. Когда, вмѣсто кантонистскихъ баталіоновъ, открылись военныя училища, мать и сбывла меня, въ 1859 г., на воспитаніе въ это училище, въ Москву, на казенный счетъ: она скупилась, видите ли, обучить меня на свои средства, которыхъ у нея было и есть довольно. Въ училищѣ я учился хорошо, такъ что по преобразованіи училища въ прогимназію—меня перевели туда, и я было готовился ужъ въ учителя, да вдругъ попалъ, по случаю бывшаго польскаго мятежа, въ писаря, въ полкъ, въ Ярославль. Въ полку мнѣ было трудно, скучно, тоска иногда просто одолѣвала, ни почитать, ни поговорить о чемъ-нибудь порядочномъ не съ кѣмъ было: офицерство гнушалось мною, за мое *писарство*, хотя я, по образованію, былъ ничуть не ниже многихъ изъ нихъ; свои братья, писаря, грубые невѣжды, потѣшались надо мною, унижали меня за мое *дворянское* происхожденіе. Переписывалъ я, переписывалъ разныя бумаги до тошноты, часто день и ночь наизвозъ, а ни радости, ни утѣхи, ни откуда и ни въ чемъ не видалъ. Съ горя, я сталъ, по-немногу, по примѣру товарищей, водку пить, а водка-то и привела меня сюда... Онъ заморгалъ рѣсницами глазъ, лицо его опять вспыхнуло и онъ смолкъ.

— Значить вы, въ нетрезвомъ видѣ, совершили какое-нибудь преступленіе?

— Я пилъ-то немного-съ, но разъ выпивши, поссорился съ товарищемъ за то, что онъ меня дразнилъ, и въ сердцахъ пустилъ въ него *ножомъ*, ранилъ его, меня посадили на гауптвахту, я пробылъ тамъ ровно годъ, покуда тануюсь

свѣдѣніе, а потомъ лишили всѣхъ правъ состоянія, осудили сюда на 3 года, заковали въ наручники и послали по этапу... Не пожалѣла-бы мать денегъ на мое образованіе — я бы, конечно, не попалъ сюда... Впрочемъ, такая ужъ знать судьба моя.

— А мать ваша знаетъ объ этомъ?

— Да-съ; когда я содержался, временно, въ С.-Петербургской пересыльной тюрьмѣ, я послалъ ей оттуда письмо, чтобы пришла ко мнѣ,—но она и этого не исполнила...

— Вѣрно, письма не получила?

— Нѣтъ, въ домъ отдали, да она тогда была, будто бы,—сказали солдату,—въ Новгородѣ.

— А здѣсь вы давно?

— Только еще два мѣсяца. Тяжело тутъ жить...

— А отчего у васъ палецъ завязанъ?

— Обрѣзалъ ножомъ-съ; никакъ не могу владѣть имъ и всѣ ужъ пальцы постепенно себѣ перерѣзалъ.

— Такъ вы попросились бы въ другую работу, напр., учиться портняжить: все бы вамъ легче было.

— Тутъ дѣлай, говорить, что велѣтъ, безпрекословно. Я и повинуюсь... Чакну... Въ груди все горитъ-съ...

Арестанту этому было 22 года.

Въ другой, пробочной-же, мастерской, гдѣ машиной округляли пробки, мы замѣтили худошаваго брянета, лѣтъ 24—26. Выраженіе его лица было тупое, апатичное. Онъ копошился около машины.

— Развѣ вы умѣете и поправлять машину? спросали мы его.

— Нѣтъ, не умѣю, а все-таки хочу поправить, точно также, какъ насъ неумѣющіе хотятъ исправить, съ ироніею началъ онъ. Люди о томъ вѣдь только, какъ вы вѣроятно знаете, и хлопочатъ: какъ бы все испортить, ради того, что-

бы потомъ имѣть право поправлять это ни на что негодное испорченное. Забавно право!

— Вы, однако, слишкомъ ужъ мрачно смотрите на жизнь и людей.

— Да, вполне мрачно, даже больше, если хотите, чѣмъ мрачно, и, повѣрьте, не безъ причины: я потерялъ въ жизни, все, чѣмъ она красна.

— Неужели-жъ и надежду на лучшее будущее? Вѣдь, безъ надежды на что-либо впереди — должно быть очень тяжело.

— Рѣшительно ни на что не рассчитываю, ничего не жду себѣ лучшаго, а живу такъ, какъ вотъ эта пробна: куда ее ни кинуть — туда она и полетитъ, кто ее ни кинетъ — для нея совершенно все равно; такъ и я. А чтобы вы не подумали, что я рисуюсь—я, если желаете, обстоятельно познакомлю васъ съ собою и познакомлю безъ всякихъ, повѣрьте, прикрасъ. Я одинъ изъ разочарованныхъ.

— Сдѣлайте одолженіе: я съ истиннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ васъ выслушаю.

— Отецъ мой, не богатый и не бѣдный помѣщикъ, живетъ недалеко отъ С — ска. Двѣ сестры мои замужемъ за значительными въ нашемъ околоткѣ, лицами. Я родомъ дворянинъ, научился кое-чему дома, потомъ, 16-ти лѣтъ, поступилъ, по желанію отца, въ юнкера. Въ службѣ мнѣ, по милости добрыхъ людей, не повезло, а я былъ нетерпѣливъ и покинулъ ее, не дождавшись эполетъ, противъ желанія родныхъ, — эполетъ, которые такъ нравятся провинціальнымъ барышнямъ. Это возстановило родныхъ противъ меня и я рѣшился жить своимъ умомъ. Попытался было въ гражданскую службу — тоже не удачно: не могъ примириться съ крючкотворствомъ и холопствомъ низшихъ противъ высшихъ, когда я эти высшіе были, въ сущности, та же мелочь, зараженная глупымъ чван-

слѣдствіе, а потомъ лишили всѣхъ правъ состоянія, осудили сюда на 3 года, заковали въ наручники и послали по этапу... Не пожадай-бы мать денегъ на мое образованіе — я бы, конечно, не попалъ сюда... Впрочемъ, такая ужъ знать судьба моя.

— А мать ваша знаетъ объ этомъ?

— Да-съ; когда я содержался, временно, въ С.-Петербургской пересыльной тюрьмѣ, я послалъ ей оттуда письмо, чтобы пришла ко мнѣ,—но она и этого не исполнила...

— Вѣрно, письма не получила?

— Нѣтъ, въ домъ отдали, да она тогда была, будто бы, — сказали солдату, — въ Новгородѣ.

— А здѣсь вы давно?

— Только еще два мѣсяца. Тяжко тутъ жить...

— А отчего у васъ палецъ завязанъ?

— Обрѣзалъ ножомъ-съ; никакъ не могу владѣть имъ и всѣ ужъ пальцы постепенно себѣ перерѣзалъ.

— Такъ вы попросились бы въ другую работу, напр., учиться портняжить: все бы вамъ легче было.

— Тутъ дѣлай, говорятъ, что велятъ, безпрекословно. Я и повинуюсь... Чакну... Въ груди все горить-съ...

Арестанту этому было 22 года.

Въ другой, пробочной-же, мастерской, гдѣ машиной округляли пробки, мы замѣтили худошаваго бронеца, лѣтъ 24—26. Выраженіе его лица было туное, апатичное. Онъ копотился около машины.

— Разбѣ вы умѣете и поправлять машину? спросили мы его.

— Нѣтъ, не умѣю, а все-таки хочу поправить, точно также, какъ насъ неумѣющіе хотятъ исправить, съ пропіею началъ онъ. Люди о томъ вѣдь только, какъ вы вѣроятно знаете, и хлопочатъ: какъ бы все испортить, ради того, что-

но и дворянскихъ правъ состоянія, т. е. правъ, которыхъ я вовсе не продавалъ никому, когда поступалъ въ службу по найму!.. И замѣчательнѣе всего то, что предалъ меня суду, за промотаніе мундира, тотъ самый командиръ, который предъ тѣмъ-же самымъ смотромъ рыскалъ, точно угорѣлый, отыскивая денегъ положить на два дня инспекторскаго смотра въ казенный ящикъ!.. Впрочемъ, что за глупое сраженіе меня съ нимъ, съ его высокоблагородіемъ, самимъ?! Онъ, облеченный свыше властію,—вправѣ былъ, какъ хотѣлъ, распоряжаться казенными суммами, а я, солдатъ, обязанъ былъ беречь и беречь какъ зеницу ока, мундиръ, потому что меня никто не облакалъ довѣріемъ, даже и на полтора рубля! Значить по дѣломъ вору и мука!.. Оторванный отъ своего круга, потерявшій дворянство, я теперь ужъ ничего не заслужу: нашему брату, по выходѣ отсюда, — надо заслужить сперва прощеніе штрафа, потомъ — при счастливыхъ ужъ обстоятельствахъ, унтеръ-офицерство — галуны. Но вѣдь эти галуны имѣютъ значеніе для кого? для крестьянина, который, вернувшись въ нѣкъ домой, — все-таки выше чинамъ, чѣмъ ушелъ въ службу, а для меня?... да для меня галуны сущіе пустяки!

— Могутъ, однако, и дворянство вернуть вамъ, напримеръ, при манифестѣ, за военное отличіе.

— Напрасно вы это и говорите: чтобы добиться такого прощенія—надо имѣть протекцію, деньги, а у меня ни того, ни другого нѣтъ; стало быть и подобныя розовыя мечти мнѣ ужъ не къ лицу. Я долженъ, по минованіи ерока заключенія, отслужить, изъ-за 1 р. 50 к., еще 15 лѣтъ, а служить штрафованному исправно—охъ, какъ тяжело: «служить бы радъ, да прислуживаться тошно»!... Поэтому, я ужъ рѣшился погибнуть... Я и отцу не писалъ съ тѣхъ поръ, какъ лишился своихъ правъ: не хочу огорчать его своимъ

за живымъ существованіемъ, а пусть онъ лучше думаетъ, что я давно уже околѣлъ. Да я нравственно и дѣйствительно околѣлъ!... Явиться доной бывшимъ арестантомъ, осрамить отцовскія сѣдины, сестеръ?! — нѣтъ, нѣтъ, ни за что въ свѣтъ!

— Ну, а какое впечатлѣніе производитъ на васъ здѣшнее житье?

— Никакого: я тутъ пробка и больше ничего. Одно, впрочемъ, меня тутъ отчасти еще занимаетъ — наше равенство: всѣ вертятся какъ бѣлки въ колесахъ, и только жалъ, нѣкоторые нарушаютъ, иногда, однообразіе своими глупыми шалостями, а то можно бы, не шутя говорю, заключить, что мы не люди, а — 450 пробокъ. Мы, повторяю, право очень похожи на пробки

— Развѣ васъ никогда нравственно не оскорбляетъ грубое, наприимѣръ, обращеніе?

— Нѣтъ: я, честнымъ словомъ увѣряю васъ, считаю себя отнюдь не больше — какъ пробкой, а пробка ни на что, разумеется, не можетъ обидѣться... Вотъ почему никто не въ состояніи пробудить во мнѣ какого-бы то ни было утѣшительнаго чувства. Мало того: люди въ одинаковомъ со мною положеніи, питающіе надежду на манну небесную — просто противники кажутся мнѣ.

— А есть тутъ такіе?

— Какъ же-съ, всякой породы есть по нѣсколько экземпляровъ. Вотъ, наприимѣръ, изъ дворянъ-же человекъ, и годами, и чиномъ старше меня; и плодомъ просвѣщенія вкушавъ, говоритъ онъ, много больше меня, а на самомъ дѣлѣ, — это пренаивнѣйшій ребенокъ. Онъ, наприимѣръ, и спитъ, и видитъ, что не сегодня — завтра, незримая сила не только исторгнетъ его изъ сей доли плача, но и возвеличитъ до высоты неизмѣримой, а покуда это чудо совершится, — хо-

дять точно ошпаренный, ко всѣмъ подвертывается, тонно школьникъ, ожидающій учительской похвалы, предъ всѣми егоситъ до приторности; а человекъ, трусащій предъ постигшей его бѣдой,—по моему, дрянъ, тряпка: любилъ кататься, любилъ и саночки возить. Больше, однако, толковать тецерь, извините, пожалуйста, мнѣ некогда: надо къ вечеру успѣть изготовить еще 500 пробоекъ—уроковъ.

Другой, на котораго разочарованный нападалъ, былъ средняго роста, подлилицый мужчина, кѣтъ 30 на видѣ, щегольски причесанный и съ закрученными, небольшими, рижаватыми усиками. Поговоривъ сначала о пустякахъ, мы постепенно, деликатно свернули на интересовавшій насъ предметъ.

— Жизнь моя полна самыхъ страшныхъ превратностей, началъ онъ, со вздохомъ. Дѣтство провелъ я безъ нужды, потому что у матери тогда былъ, въ Петербургѣ, на Пескахъ, собственный домъ, впоследствии проданный. Учился я, правда, не важно, но курсъ въ 8 гимназій, все-таки кончилъ и хотѣлъ, по примѣру товарищей, поступить въ военную службу: форма прельщала меня. Однако матушка настояла на своемъ—опредѣлила меня въ губернское правленіе. Я получилъ постепенно два чина, должность помощника столоначальника съ 23 руб. мѣсячнаго жалованья. И служить бы, да служить мнѣ, дураку, но не тутъ-то было: товарищи были ужъ офицерами, а имъ завадовалъ по легкомыслію, а они знай повторяли мнѣ: «брось ты это бумагомараніе и поступи въ юнкера—отлично будетъ». Думалъ я, думалъ, да и рѣшился. Смущало меня одно только безденежье, но я и это предствіе разрушилъ: вмѣсто того, чтобы пойти вольноопредѣляющимся—нанялся въ охотники за 700 руб., рассчитывая, что, по военнымъ законамъ, я, все-равно чрезъ 5 лѣтъ пойду въ юнкерское училище, выдержу экзаменъ и получу офи-

царство. Оказано—сдѣлано, и, къ прискорбію, безразсудно: меня назначили куда же бы вы думали? въ К—скій гарнизонный баталіонъ писаремъ, а оттуда перевели старшимъ писаремъ въ В—скую инвалидную команду. Начальствовалъ надъ этою командою старій бурбонъ, отъ котораго никому, въ томъ числѣ и мнѣ, просто житья не было: приходилось послѣ каждаго слова величать его «ваше благородіе», стоять предъ нимъ на вытѣжку, ждать по часу въ передней, являться къ нему по десяти разъ не только днемъ, но даже и ночью; лежить, лежить онъ, бывало, не спится ему отъ старости, крикнетъ деньщику «позови»; тотъ прибѣжитъ и тащить меня къ нему. Придешь, а онъ тѣмъ временемъ ужъ уснулъ, ну и ждешь, пока проснется — часть два... Потомъ, изъ команды выходили солдаты въ безсрочный, а изъ нихъ одинъ Зайцевъ былъ оставленъ въ В—гѣ на два мѣсяца, по его просьбѣ, для чего я переправилъ, признаться, отпѣтку о немъ въ книгѣ (подлогъ), а его нелегкая угораздила подраться, потомъ въ трактирѣ, съ жиданиномъ Маторнымъ, который, какъ человѣкъ денежный, пожаловался исправнику, а тотъ запросилъ начальника: почему Зайцевъ не ушелъ, да еще донесъ командиру баталіона? Затѣялось дѣло. Меня, якобы за подлогъ,—посадили въ острогъ, въ секретный номеръ, судьбище протянулось два года, 11 мѣсяцевъ и кончилось тѣмъ, что меня ошельмовали и въ наручникахъ доставили сюда, на 2 года. Хорошо еще, что тутъ я учу арестантовъ грамотѣ и за это освобожденъ отъ работъ, а то просто бы хоть ложись, да умирай.

— А правда-ли, что вы стараетесь всѣмъ угождать?

— Да иначе и нельзя: за грубость унтеръ-офицеру выдерутъ, а я розогъ страхъ какъ боюсь. Все перенесу, со всѣмъ примирюсь—но, чтобъ быть выдранымъ?... Нѣтъ, я

скорѣй готовъ голодать, нечистоты выносить за всѣми, петлю на шею надѣть, а чтобъ этого не случилось. Я и верчусь вотъ туда и сюда, вскакиваю и вздрагиваю предъ каждымъ унтеръ-офицеромъ, боюсь сердитаго нхъ взгляда, мнѣ и во снѣ часто чудится, что меня хотятъ драть; короче говоря, я на этомъ пунктѣ, пожалуй, даже тронусь...

— Однако вы же человѣкъ развитой, на котораго слова могутъ дѣйствовать несравненно лучше ровогъ, которому можно сдѣлать снисхожденіе, во вниманіе ну хоть къ преземному его званію.

— У насъ этого не бываетъ, а проштрафился—и 25 горючихъ непременно вѣнчать: здѣсь нѣтъ никому пощады, и дворянъ, и чиновниковъ не разъ ужъ драли при мнѣ. Оттого-то я и лезу изъ кожи, чтобъ только коронцы избавиться. И покуда, слава Богу, у начальства на хорошемъ счету. Тяжело-то, ужасно тяжело, да ничего вѣдь не подѣлалъ, законъ строгъ, а я... я, хоть и стыдно признаться—трусъ...

— Мать ваша жива еще?

— Право не знаю: я давно ужъ не имѣю о ней никакихъ свѣдѣній!

— Отчего жъ вы не напишите ей?

— Да, во 1-хъ, гривенника не имѣю на конвертъ; во 2-хъ, сомнѣваюсь, дойдетъ ли письмо, а въ 3-хъ, и главное, посылка отсюда писемъ сопряжена со множествомъ преградъ.

— Хотите, я напишу въ Петербургъ, чтобы передали вашей матери о васъ, и чтобы она прислала вамъ письмо?

— Сдѣлайте милость, я вѣкъ не забуду вашего вниманія ко мнѣ.

— Будьте увѣрены, исполню, а вы за это посвятите меня въ подробности вашей жизни.

— Извините: не могу, ей-Богу не могу-съ...

— Отчего?

— Боюсь узнатьъ, и меня за это выдеруть.

— Я никому не скажу, слѣдовательно, и опасенія ваши напрасны.

— Напротивъ — вѣрны: у насъ и стѣны съ ушами, по-
этому, если жалѣете меня—разспросите, ради Бога, лучше
кого-нибудь другого, напримѣръ, выходящихъ изъ роты *).

— А вы за что осуждены? спросили мы пожилаго чело-
вѣка.

— Богъ вѣсть... Я одиннадцать лѣтъ прослужилъ писа-
ремъ въ В—ской инвалидной командѣ. Старшій писарь Ж.
былъ немножко помѣшанный, меня не любилъ и все мнѣ
говаривалъ: «сживу я тебя со свѣта, право, сживу». Вотъ
одинъ разъ и сказалъ начальнику, будто-бы я повѣряю артель-
ныя книги, хочу открыть ихнія лашни, сдѣлать доносъ. По-
ручникъ А. вспылилъ ужасно. На эту-то бѣду мою, былъ де-
журнымъ солдатъ, который вмѣшался не въ свое дѣло, я его
погналъ вонъ, меня за это потащили въ карцеръ, я упалъ
на дверную закладку, ушибся объ нее и отъ боли бросилъ
ею въ него, солдата. За это меня отдали подъ судъ, 11 мѣ-
сяцевъ судили и дѣйствительно сжили со свѣту... пригово-
рили къ 3-хъ-годичному заключенію въ эту роту, съ поте-
рей всей 11-ти-лѣтней службы!

— Онъ хотъ толкнулъ, али тамъ вдарилъ дежурнаго и
угодилъ на исправленіе, заговорилъ другой, лѣтъ 35 на
видѣ, а я такъ вотъ пропадаю за свои собственныя деньги,
да за хворость. Пришелъ я, знаете-ли, въ солдаты. Вскорѣ,
посля, того, сестра прислала мнѣ 50 руб. Ротный коман-

*) Мать этого арестанта чрезвычайно обрадовалась, что сынъ ея еще
живъ. Разсказъ его обо всемъ, до найма его въ охотники, подтвердился.

диръ былъ капитанъ, О. прозывался; взялъ было ихъ, мон-то деньги себѣ. Я просить: «Пожалуйте, молю, мнѣ мои деньги», а онъ «рупъ получи». «Нѣтъ; говорю, всё желаю получить, потому мнѣ вещи справить надо, не то стану, докладываю ему, жалиться баталліонному». Отдалъ. На говоритъ, да помни, што я изъ тебя выбью эти 50 р.. Ну и зачалъ на меня нападать, да нападать; такъ, што мнѣ житья не было! Потомъ одна въ сердцахъ, во фронтѣ вдарилъ меня кулакомъ по носу и я кровью облился. Обозлился я, вижу не быть добру и бѣжать. Поймали, вздули и отправили въ другой полкъ. Послуживши маленько, меня ротный полюбилъ, а фельдфебель за это за самое и давалъ меня притѣснять. Ты, говоритъ онъ, ротному сучись. Это мнѣ было обидно, я съ горя напился, разругалъ его на всѣ корки и угодилъ сюда, на три года; отслужилъ здѣсь справно, вернулся и у меня на грѣхъ нога заболѣла. Я къ доктору, а онъ смѣется. «Врешь», говоритъ. Не долго думая, я опять убѣжалъ и опять вернулся вспять, сюда...

— Какъ же ты съ больною-то ногою рѣшился бѣжать?

— Съ дуру, сударь, съ дуру-съ! Я съ грѣхомъ пополамъ отмаячилъ верстѣ съ сотню и слегъ на гумнѣ, провалился тамъ, крадучись, недѣлю и потомъ попался въ капканъ...

— Чѣмъ же ты питался эту недѣлю?

— Да ползалъ, можно сказать на корачкахъ въ деревню, ночью—хлѣбъ добывать воровствомъ. Последний разъ стибрилъ было цѣлый каравай хлѣба, да крынку молока, но снявши это въ сѣняхъ съ полки, за что-то зацѣпился, уронилъ всю полку, она грохнулась о земл со всѣми горшками, въ избѣ услышали стукъ, выскочили съ огнемъ и скрутили меня, раба божья: я не успѣлъ удрать, потому нога вдостоль распухла. Э эх-хе-хе! И знаете-ли, отчего всё наши

горести? съ глупости нашей. Ей-Богу такъ, заключилъ онъ со вздохомъ и утеръ кулакомъ глаза.

Начальство увѣряло насъ, что этотъ арестантъ, и въ первый, и во второй разъ пребыванія въ ротъ, всегда вель себя безупречно.

— Позвольте, сударь, доложить вамъ и о моемъ дѣлѣ, заговорилъ худенькій арестантъ.

— Изволь.

— Я, значить, сданъ былъ въ некруты, прослужилъ въ 64 баталіонѣ въ Пензѣ, 4 мѣсяца. Шолъ однава по городу, нашелъ какую-то писанную бумагу, разобрать ее не могъ, потому какъ я неграмотный, и положилъ ее въ карманъ: родится, молъ, цигарку завернуть. Встрѣлся мнѣ послѣ того товарищъ, зашли мы съ нимъ выпить, а чрезъ то и опоздалъ я на перекличку. Федфебель саданулъ меня за это за самое по уху и отправилъ въ канцерь; тамъ обыскали меня, нашли эту самую анаоемскую бумагу, сказали, что ѣ убѣчь хотѣлъ, потому эта бумага была хальшивый, слышь, паспортъ, упекли подъ судъ, судили да рядили 2 года, да на 2-же года хватили въ роту, и я 4 мѣсяца плелся въ кандалахъ въ Ригу. Ну ладно ли это, могли ли изъ-за плеваго паспорта такъ обидѣть меня?

— Очень, братецъ, ужъ чудное дѣло твое и я признаюсь не вѣрю, чтобъ это такъ было.

— По моему мнѣнію въ его разсказѣ нѣтъ, напротивъ, ничего чуднаго: еслибъ онъ былъ грамотный, видѣлъ свѣтъ—этого бы съ нимъ, конечно, не случилось, замѣтилъ сидѣвшій рядомъ, красивый брюнетъ, лѣтъ 35, съ очень благообразными манерами.

— А вы видѣли свѣтъ? спросили мы брюнета.

— Онъ огонь и воду, и мѣдныя трубы прошелъ, да вотъ здѣсь и застрялъ, подтрунилъ кто-то.

— Расскажи-ка, братъ, еще разъ, гдѣ ты перобывалъ? молвилъ другой.

— Гдѣ-жъ вы, въ самомъ дѣлѣ, бывали то? повторили мы.

— Вездѣ. Моя исторія очень длинная, и, если не соскучитесь, такъ ужъ и быть, расскажу.

— Охотно послушаю, если ваша исторія, во 1-хъ, любопытная, а во 2-хъ, не вымышленная.

— То и другое, вѣрьте совѣсти, основательно. Я сынъ здѣшняго купца. Кончилъ курсъ въ училищѣ, а, 14 лѣтъ былъ отправленъ отцомъ на корабль за границу, югомъ. Доѣхавъ до Лондона, я тамъ и остался: Капитанъ корабля билъ меня и я не хотѣлъ вернуться съ нимъ назадъ. Въ Лондонѣ я жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ даровыхъ квартирахъ, которыя отыскалъ, благодаря знанію нѣмецкаго языка. Потомъ я нанялся на корабль, шедшій съ грузомъ въ Америку и вернулся въ Лондонъ черезъ годъ, въ теченіи котораго подучился англійскому языку; потомъ поступилъ на мѣсто — въ контору торговаго дома Томасъ Бенара, и на разныхъ корабляхъ плавалъ, въ теченіе 6 лѣтъ, въ Германію, Индію, Африку и обратно, во Францію и назадъ. Мнѣ было ужъ 22 года, деньжонокъ я скопилъ порядочно и все-таки сталъ скучать; чтобы разсѣяться — женился на англичанкѣ, пожилъ съ ней два года, но тоска по родинѣ измучила меня и я вернулся въ Ригу, а жена осталась, на время, въ Лондонѣ, при родителяхъ; мы уговорились такъ: если мои родители живы и дѣла ихъ хороши — выпишу ее къ себѣ; а нѣтъ, самъ вернусь въ Лондонъ. Бѣда, однако постигла меня совершенно неожиданно, и съ такой стороны, съ какой я менѣе всего ждалъ ее: Общество, за отлучку съ корабля, сдало меня, не въ зачетъ, въ солдаты, тотчасъ по явкѣ моей въ Ригу. Я съ величайшимъ трудомъ прослужилъ годъ и... и не выдержалъ — сбѣжалъ: не могъ вынести позора,

что меня выдрали за грубость фельдфебелю, во фронтѣ. Меня, однако, поймали, вновь наказали и сослали въ бывшую тутъ арестантскую роту...

— А скажите пожалуйста: каково тогда жилось арестантамъ?

— Различно. Мы дѣлились на кружки: по денежнымъ средствамъ, по понятіямъ и по поведенію. Кто ничего не имѣлъ—это мужики, солдаты,—тѣ ходили на инженерныя работы, трудились сверхъ урока и подрядчики за это давали имъ на водку; бродя по крѣпости, за крѣпостью и по городу—они собирали, кромѣ того, и милостыню. Кому родные помогали, какъ и мы, тѣ за деньги откупались отъ работъ; чиновнымъ начальство мироволило по разнымъ протекціямъ, да во вниманіе къ тому, что свой своему по неволѣ другъ. День проходилъ за настоящимъ и номинальнымъ трудомъ, а вечерами, ночами и праздниками, въ ротѣ дѣлалось свободно все, что угодно: и кутили, и въ карты играли, и съ женщинами возжались, и даже свои скрипачи, гармонисты были. А иные благородные только считались въ ротѣ, а жили въ городѣ, пиры задавали... Словомъ, всякій могъ найти себѣ утѣшеніе, какое ему нравилось.

— Ну, а объ нравственности арестантовъ наблюдали значить немного?

— Прежде о нравственности арестантовъ никто ужъ не толковалъ, теперь же объ исправленіи всѣ уши прожужжали, а между тѣмъ... между тѣмъ исправленіе нашей нравственности туго подвигается...

Какая-жъ этому, по вашему мнѣнію, причина?

Да причинъ много; но высказывать ихъ мы, открыто не удобно: я долженъ восхвалять начальство за то, что оно сжалилось надо мной и выпустило меня, подсудимаго, изъ карцера, на честное слово.

диръ былъ капитанъ, О. прозывался; взялъ было ижъ, монто деньги себѣ. Я просить: «Пожалуйте, молю, миѣ мои деньги», а онъ «рупъ получи». «Нѣтъ; говорю, всѣ желаю получить, потому миѣ вещи справить надо, не то стану, докладываю ему, жалиться баталліонному». Отдалъ. Наговорить, да помни, што я изъ тебя выбью эти 50 р.. Ну и зачалъ на меня нападать, да нападать, такъ, што миѣ житья не было! Потомъ снова въ сердцахъ, во фронтѣ вдарилъ меня кулакомъ по носу и я кровью облился. Обозлился я, вижу не быть добру и бѣжалъ. Поймали, вздули и отправили въ другой полкъ. Послуживши маленько, меня ротный полюбилъ, а фельдфебель за это за самое и давалъ меня притѣснять. Ты, говоритъ онъ, ротному сучись. Это миѣ было обидно, я съ горя напился, разругалъ его на всѣхъ корки и угодилъ сюда, на три года; отслужилъ здѣсь справно, вернулся и у меня на грѣхъ нога заболѣла. Я къ доктору, а онъ смѣется. «Врешь», говоритъ. Не долго думая, я опять убѣжалъ и опять вернулся вспять, сюда...

— Какъ же ты съ больною-то ногою рѣшился бѣжать?

— Съ дуру, сударь, съ дуру-съ! Я съ грѣхомъ пополамъ отмаячилъ верстѣ съ сотню и слегъ на гумнѣ, провалился тамъ, крадучись, недѣлю и потомъ попался въ капканъ...

— Чѣмъ же ты питался эту недѣлю?

— Да ползалъ, можно сказать на корачкахъ въ деревню, ночью—хлѣбъ добывать воровствомъ. Последній разъ сшибилъ было цѣлый караванъ хлѣба, да крынку молока, но связавши это въ сѣняхъ съ полки, за что-то зацѣпился, уронилъ всю полку, она грохнулась о землѣ со всѣми горшками и, въ пѣбѣ услышали стукъ, выскочили съ огнемъ и скрутили меня, раба божья: я не успѣлъ удрать, потому нога въ ость распухла. Э эх-хе-хе! И знаете-ли, отчего всѣ наши

выносить ежедневно, ежечасно, нравственную пытку — быть, арестантомъ, за полверсты отъ родныхъ, отъ своего достоянія. Клянусь вамъ, что все это, вмѣстѣ взято, для меня хуже самой лютой пытки! Пусть меня лучше разстрѣляютъ, повѣсятъ, а не держать тутъ: я хоть сію минуту готовъ умереть...

— Что же съ вашей женой стало?

— Да Богъ ее знаетъ: мы потеряли другъ друга навсегда хотя и очень дружно жили. Впрочемъ, я въ такомъ отчаяніи что мнѣ не до жены ужъ: въ пору собственные несчастія переживать...

XI.

Арестанты иногда бѣжали изъ роты, причемъ бѣглецъ изъ лютеранъ, латышей, рѣдко бывалъ пойманъ: приморскіе жители всегда ихъ укрывали. Одинъ, на примѣръ, 12 лѣтъ находился въ бѣгахъ, другой съ 1867 по 1871 годъ. И не только жители, даже администрація мирволила бѣглымъ. Такъ одинъ арестантъ бѣжалъ, былъ пойманъ, въ 1870 г., въ Ригѣ-же, сознался, что онъ арестантъ мѣстной роты, былъ отправленъ по подозрѣнію въ кражѣ лошадей на мѣсто преступленія — въ Митаву, въ кандалахъ, тамъ обвиненіе не подтвердилось и его освободили на волю, но онъ повторилъ кражу и чрезъ нее ужъ вернулся въ роту. Побѣги совершали преимущественно черезъ крышу низенькаго зданія, изъ оконъ; а одинъ ухитрился изъ церкви: въ то время, когда унтеръ-офицеръ, подходя пріобщаться, — оставилъ на вѣшалкѣ свою шинель, — арестантъ надѣлъ ее и благополучно ушелъ.

Для собранія большаго количества матеріаловъ, относившихся къ нашему путешествію, намъ пришлось бывать, между про-

— Расскажи-ка, братъ, еще разъ, гдѣ ты перебивалъ? молвилъ другой.

— Гдѣ-жъ вы, въ самомъ дѣлѣ, бывали то? повторили жи.

— Вездѣ. Моя исторія очень длинная, и, если не соскучитесь, такъ ужъ и быть, расскажу.

— Охотно послушаю, если ваша исторія, во 1-хъ, любопытная, а во 2-хъ, не вымышленная.

— То и другое, вѣрьте совѣсти, основательно. Я сынъ здѣшняго купца. Кончивъ курсъ въ училищѣ, я, 14 лѣтъ былъ отправленъ отцомъ на кораблѣ за границу, въгломъ. Добѣжавъ до Лондона, я тамъ и остался: Капитанъ корабля билъ меня и я не хотѣлъ вернуться съ нимъ назадъ. Въ Лондонѣ я жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ даровыхъ квартирахъ, которыя отыскалъ, благодаря знанію нѣмецкаго языка. Потомъ я нанялся на корабль, шедшій съ грузомъ въ Америку и вернулся въ Лондонъ черезъ годъ, въ теченіи котораго подучился англійскому языку; потомъ поступилъ на мѣсто — въ контору торговаго дома Томасъ Бонара, и на разныхъ корабляхъ плавалъ, въ теченіе 6 лѣтъ, въ Германію, Индію, Африку и обратно, во Францію и назадъ. Мнѣ было ужъ 22 года, деньжонокъ я скопилъ порядочно и все-таки сталъ скучать; чтобы разсѣяться — женился на англичанкѣ, пожилъ съ ней два года, но тоска по родинѣ измучила меня и я вернулся въ Ригу, а жена осталась, на время, въ Лондонѣ, при родителяхъ; мы уговорились такъ: если мои родители живы и дѣла ихъ хороши — выпишу ее къ себѣ; а нѣтъ, самъ вернусь въ Лондонъ. Бѣда, однако, постигла меня совершенно неожиданно, и съ такой стороною, съ какой я менѣе всего ждалъ ее: Общество, за отлучку съ корабля, сдало меня, не въ зачетъ, въ солдаты, тотчасъ по явлѣ моеи въ Ригу. Я съ величайшимъ трудомъ прослужилъ годъ и... и не выдержалъ — бѣжалъ: не могъ вынести позора.

просить отпуска, имъ отказали. Мы назвались ихъ родственникомъ, но тоже тщетно: старшій ихъ не уволилъ и потому пришлось бѣсѣдовать съ ними на дворѣ. Черезъ день мы, подъ вечеръ, опять зашли въ сборную команду къ знакомымъ, чтобъ поговорить съ ними еще разъ и дать имъ деньжонокъ на дорогу.

— Будьте отецъ родной—не погубите ваше—ство, вдругъ озадачили насъ старшій.

— Что тебѣ, дружокъ, нужно отъ меня; въ чемъ дѣло? наконецъ я посторонній для васъ.

— Стало извѣстно, что вы изволили быть тутъ и на- строго приказано держать ухо востро, потому какъ вы тай- ный левизоръ есть... Ежели, говорятъ, што выйдетъ— раз- жалую, да штобъ ресторановъ ни за какія, то нсь, блага дальше отхожаго не пущать. Простите ваше... голуны я, можно сказать, кровью добылъ и вдругъ разжалуютъ, не пустать въ безстрочный...

— Да я непонимаю, за что намѣриваются тебя обидѣть?

— За васъ-сь, потому какой не порядокъ можете за- мѣтите; кормъ, примѣрно, не казистый... тоже зачѣмъ съ ресторанами говорите...

Вѣдникъ до того былъ напуганъ, что мы съ трудомъ успокоили его; печатаемъ же эту характерную сцену исклю- чительно оттого, что онъ ужъ давно уволенъ, какъ насъ извѣстили, въ безсрочный отпускъ, слѣдовательно находится внѣ всякой опасности за свои «кровью добытыя» голуны.

ХЦ.

Ихъ въ виду, что солдаты, до осужденія ихъ въ испра- вительныя роты и по выпускѣ изъ нихъ въ полицію, служили

подъ непосредственнымъ начальствомъ офицеровъ, мы не могли, понятно, не интересоваться мнѣніями послѣднихъ, какъ о солдатахъ, такъ и о ротахъ. Мнѣнія эти мы вездѣ слышали совершенно свободныя.

За длиннымъ столомъ гостинницы сидѣло, рядомъ, 6 пѣхотныхъ офицеровъ. Мы помѣстились нарочно противъ нихъ и придумывали, какъ бы рѣчь завести на предметъ нашихъ занятій. Вдругъ къ столу подошелъ молоденькій подпоручикъ и сѣлъ возлѣ насъ.

— Гдѣ вы такъ долго запропастились? спросилъ подпоручика пожилой капитанъ.

— А отгадайте,—биромъ угощу.

— По амурнымъ, разумѣется, дѣламъ; я въ ваши годн тоже спуску не давалъ ни одной, а здѣсь, къ тому-жъ, нѣмочки очень податливы.

Собесѣдники усмѣхнулись.

— Ошиблись, возражалъ подпоручикъ; нынче не прежняя пора, когда офицеры ничѣмъ, кромѣ ловеласничества, не занимались: теперь есть множество вопросовъ, которые именно мы должны способствовать разрѣшить—раціонально.

— Самый жгучій для насъ вопросъ, подхватилъ кто-то, скоро-ли увеличатъ намъ жалованье, да разрѣшать-ли выдавать его помѣсячно*).

— Ни этимъ ли ужъ вопросомъ вы занимались?

— Нѣтъ, я еще далеко не настолько очерствѣлъ, чтобы всѣ свои помысленія сосредоточить лишь на личныхъ, матеріальныхъ своихъ интересахъ. Я былъ тамъ, гдѣ каждый изъ насъ долженъ часто бывать и внимательно всматрѣться

*) Въ 1872 г. вопросъ этотъ разрѣшенъ утвердительно.

во все, что тамъ совершается, ради пользы человѣчества, ради служебныхъ нашихъ обязанностей; короче, я былъ въ исправительной ротѣ, въ которую съ трудомъ, сознаюсь, проникъ.

— Ужъ вотъ-то много шуму изъ пустяковъ, рѣшилъ капитанъ. И вы, милый, напрасно,—повѣрьте моей опытности,—увлекаетесь; роты эти не исправляютъ, а развращаютъ солдатъ.

— Почему вы, однако, позволяете узнать, такъ полагаете? спросили мы капитана.

— Потому, что тамъ нашихъ солдатъ содержатъ какъ кадетъ: имъ даютъ казенныя, готовыя подушки, матрацы, одѣяла, бѣлье, завтраки, чай, ихъ водятъ на прогулки, ничѣмъ путнымъ не занимаютъ и все въ этомъ же родѣ, такъ, что солдатамъ въ полкахъ гораздо хуже жить,—по этому они и напрашиваются туда, чтобы лежебочничать.

— Вы это говорите на основаніи личныхъ наблюденій, или по слухамъ?

— Видѣть не видалъ, а слыхалъ отъ разныхъ офицеровъ, которымъ привыкъ, впрочемъ, вѣрить.

— Въ такомъ случаѣ, позволяете вамъ заявить, что передававшіе вамъ бытъ арестантовъ въ этомъ розовомъ свѣтѣ—вводили васъ въ крайнее заблужденіе.

— Въ этомъ заблужденіи и я, винюсь, до сегодняшняго дня находился, подхватилъ подпоручикъ. Люди въ ротѣ, съ 4-хъ, 5—утра до 9-ти часовъ вечера непрерывно работаютъ: мастеровые—въ мастерскихъ, а не мастеровые таскаютъ кирпичъ, бревна, пилать доски, вынимаютъ камни изъ воды, вывозятъ на тачечкѣ, мусоръ, да еще 2—3 часа въ день учатся грамотѣ. Все это я собственными глазами прослѣдилъ.

— Добавьте къ этому вотъ еще что: всякое дѣйст-

чимъ, въ солдатскихъ казармахъ сборной (пересыльной) команды. Придя туда въ первый разъ, мы увидѣли огромную комнату, въ которой находилось человѣкъ 100 солдатъ, валявшихся на голыхъ нарахъ; всѣ говорили громко, отчего былъ слышенъ одинъ лишь безсвязный общій гулъ. Табачный дымъ стоялъ столбомъ. Съ трудомъ отыскавъ бывшихъ арестантовъ, мы, чтобы поговорить съ ними, вызвали ихъ въ корридоръ.

— Ради вы, братцы, своему освобожденію?

— Ради то, конечно, ради, да не совсѣмъ: здѣсь насъ никуда ни на шагъ, до отправки на чугунку, не выпускаютъ: все еще арестантами считаютъ. И чудное это, какъ, подумаешь, дѣло: когда мы еще были настоящими арестантами, насъ посылали однихъ, безъ конвоя, на работы, въ городъ, цѣлый мѣсяцъ къ ряду, а теперь мы ужъ не арестанты, а солдаты, идемъ просто въ полкъ — а насъ держатъ почитай подъ замкомъ!.. Надо-бы, примѣрно, хоть ва-решки купить, али сапоги починить, потому дорога даль-няя, а они, сапоги-то, плохи,—а тутъ говорятъ попроси ко-го-нибудь изъ солдатъ кушить, а самъ за ворота не смѣй шагнуть. Вотъ наша воля-то какова. И такъ на всю жизнь арестантами и придется намъ кликаться!.. Эхм... ма!..

— Да и быть намъ, кажись, опять арестантами, подхва-тилъ другой.

— Какъ такъ?

— Да очинно просто: мы всѣ пѣхотинцы, а намъ изъ роты дали вотъ кавалерійскія брюки. Придемъ въ полкъ, въ этихъ брюкахъ, начальство прикажетъ: чтобы вы имѣли пѣхотныя брюки,—а гдѣ ихъ намъ взять, на какіе доходи купить, коля и гроша у насъ нѣтъ за душой? Ну, и по-чнутъ насъ шпиговать, прижимать такъ, что по-неволи взадъ въ справительную, вернешься...

Мы пригласили двухъ чай пить въ городъ. Они пош-ли

солдату пользы — самый загроубѣлый человѣкъ отнесется, я убѣжденъ, съ благодарностью къ тому, кто ихъ произнесъ. Мнѣніе это, надѣюсь, и всѣ вы, господа, близко стоящіе къ солдатамъ, отвергать не станете.

— Отчасти вѣрно, пожалуй и такъ, раздалось вокругъ.

— Вы, милостивый государь, стоите за солдатъ потому, что не знаете ихъ, докторальнымъ тономъ произнесъ, обращаясь къ намъ и глядя на подпоручика, тоже пожилой маіоръ; но ежелибъ были на *нашемъ* мѣстѣ — совершенно другое говорили бы; это вѣрно.

— Я хоть и не имѣю чести быть военнымъ, — тѣмъ не менѣе, смѣю вамъ доложить, что я тоже кое-что смыслю въ солдатскомъ бытѣ.

— А позвольте, однако, освѣдомиться, съ кѣмъ имѣемъ честь говорить? спросилъ обидчиво капитанъ; т. е. вашу *чел.* и фамилію?

Мы удовлетворили его любопытство.

— Бываютъ, надо сознаться, и статскіе, которые не хуже насъ понимаютъ солдатское положеніе, поддержалъ чей-то голосъ.

— Да этого, господа, мало, рѣшилъ подпоручикъ; теперь, въ настоящій моментъ, какой-то статскій, увѣрялъ меня офицеръ исправительной роты, пріѣхалъ изъ Петербурга и ужъ нѣсколько дней сряду бродитъ по казармѣ, роется въ дѣлахъ и нагналъ на товарищей моего тичероне и на него самого страхъ своимъ занятіемъ: небывалая деспотія, оказія. Это офицеръ самъ толковалъ мнѣ.

— О чемъ, вонзель черноокій, ораторствуете? перебилъ подпоручика, подошедшій къ столу артиллерійскій подполковникъ.

— Сообщаю собратамъ вѣсть, что какой-то статскій *чел.*

Петрограда занимается изученіемъ здѣшней нашей исправительной роты.

— Это весьма не дурно: дѣльный и внимательный статскій, если таковъ тотъ, о которомъ вы говорите, можетъ внести новую, освѣжающую мысль въ нашъ военный міръ. Еще что?

— Да которая система исправленія порочныхъ солдатъ лучше: прежняя-ли, карательная, или теперешняя — исправительная рота?

— Безъ сомнѣнія, нынѣшняя, отвѣтилъ подполковникъ, уже серьезно.

— Почему? спросили капитанъ и майоръ въ одинъ голосъ.

— Потому, что соотвѣтствуетъ духу времени, общечеловѣческому прогрессу.

— А я добавлю, потому еще, заговорилъ подпоручикъ, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, тайнаго суда, съ дарованіемъ гражданамъ различныхъ льготъ, намъ — *собственной* суда, — явилась необходимость возвысить хоть нѣсколько и солдатъ; и, ежели это доселѣ еще плохо исполнено, — то этому мы виноваты: во 1-хъ, мы сами еще не вполне просвѣтились, а во 2-хъ, не достаточно старались передать солдатамъ долю своихъ знаній. Мы напримѣръ немногое предпринимали противъ того, что возвращающихся изъ исправительныхъ ротъ солдатъ, ихъ толпищи, по невѣжеству, зовутъ арестантами, унижаютъ и мучатъ и изъ насъ, дѣлая то же самое, подчиняютъ худшимъ по поведенію солдатамъ, держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ, т. е. вторично наказываютъ за одно и то же преступленіе. Наконецъ, и въ исправительныхъ ротахъ арестантами начальствуютъ, какъ я замѣтилъ, старые развитые офицеры, а вливать новое вино въ старые мѣ

во все, что тамъ совершается, ради пользы человѣчества, ради служебныхъ нашихъ обязанностей; короче, я былъ въ исправительной ротѣ, въ которую съ трудомъ, сознаюсь, проникъ.

— Ужъ вотъ-то много шуму изъ пустяковъ, рѣшилъ капитанъ. И вы, милый, напрасно,—повѣрьте моей опытности,—увлекаетесь; роты эти не исправляютъ, а развращаютъ солдатъ.

— Почему вы, однако, позвольте узнать, такъ полагаете? спросили мы капитана.

— Потому, что тамъ нашихъ солдатъ содержатъ какъ кадетъ: имъ даютъ казенныя, готовыя подушки, матрацы, одѣяла, бѣлье, завтраки, чай, ихъ водятъ на прогулки, ничѣмъ путнымъ не занимаютъ и все въ этомъ же родѣ, такъ, что солдатамъ въ полкахъ гораздо хуже жить,—по этому они и напрашиваются туда, чтобы лежебочничать.

— Вы это говорите на основаніи личныхъ наблюденій, или по слухамъ?

— Видѣть не видалъ, а слыхалъ отъ разныхъ офицеровъ, которыхъ привлекъ, впрочемъ, вѣрить.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте вамъ заявить, что передававшіе вамъ быть арестантовъ въ этомъ розовомъ свѣтѣ—вводили васъ въ крайнее заблужденіе.

— Въ этомъ заблужденіи и я, вниюсь, до сегодняшняго дня находился, подхватилъ подпоручикъ. Люди въ ротѣ, съ 4-хъ, 5—утра до 9-ти часовъ вечера непрерывно работаютъ: мастеровые—въ мастерскихъ, а не мастеровые таскаютъ кирпичъ, бревна, пилятъ доски, вынимаютъ камни изъ воды, вывозятъ на тачкѣхъ, мусоръ, да еще 2—3 часа въ день учатся грамотѣ. Все это я собственными глазами прослѣдилъ.

— Добавьте къ этому вотъ еще что: всякое дѣйст-

— Охотно, только какъ это сдѣлать?

— Да попросимъ полковаго командира, чтобы добылъ намъ дозволеніе обзрѣть роту.

— Идетъ! раздалось нѣсколько возгласовъ.

— А то чтожъ мы, въ самомъ дѣлѣ, споримъ, не зная толкомъ, о чемъ, заключилъ капитанъ. Я хоть и не рассчитываю перемѣнить своего мнѣнія о солдатскихъ наказаніяхъ,—но тоже иду съ вами, господа, въ роту: не даромъ же за компанію и жидъ удавился.

Всѣ представители Марса встали и пошли изъ гостиной. Мы тоже последовали за ними и, къ сожалѣнію, больше ужъ не видали никого изъ нихъ: чрезъ трое сутокъ полкъ отправился на зимнія квартиры, въ другія мѣста.

солдату пользы — самый загроубѣлый человѣкъ отнесется, я убѣжденъ, съ благодарностью къ тому, кто ихъ произнесъ. Мнѣ нѣ это, надѣюсь, и всѣ вы, господа, близко стоящіе къ солдатамъ, отвергать не станете.

— Отчасти вѣрно, пожалуй и такъ, раздалось вокругъ.

— Вы, милостивый государь, стойте за солдатъ потому, что не знаете ихъ, докторальнымъ тономъ произнесъ, обращаясь къ намъ и глядя на подпоручика, тоже пожилой майоръ; но ежелибъ были на нашемъ мѣстѣ — совершенно другое заговорили бы; это вѣрно.

— Я хоть и не имѣю чести быть военнымъ, — тѣмъ не менѣе, смѣю вамъ доложить, что я тоже кое-что смыслу въ солдатскомъ бытѣ.

— А позвольте, однако, освѣδοчиться, съ кѣмъ имѣемъ честь говорить? спросилъ обидчиво капитанъ; т. е. вашу честь и фамилію?

Мы удовлетворили его любопытство.

— Бываютъ, надо сознаться, и статскіе, которые не хуже насъ понимаютъ солдатское положеніе, поддержалъ чей-то голосъ.

— Да этого, господа, мало, рѣшилъ подпоручикъ; теперь, въ настоящій моментъ, какой-то статскій, увѣряя меня офицеръ исправительной роты, пріѣхалъ изъ Петербурга и ужъ нѣсколько дней сряду бродитъ по казармѣ, роется въ дѣлахъ и нагналъ на товарищей моего чичероне и на него самого страхъ своимъ занятіемъ: небывалая деспотія, оказія. Это офицеръ самъ толковалъ мнѣ.

— О чемъ, вонтель черноокій, ораторствуете? перебилъ подпоручикъ, подошедшій къ столу артиллерійскій подполковникъ.

— Сообщаю собратамъ вѣсть, что какой-то статскій

ницу. Тронулись. Ни гдѣ низги не видать было, все спало мертвымъ сномъ. Вдругъ лошадь стала.

— Это что значитъ?

— Извѣстно што — грязь, отвѣтилъ извозникъ. Штобъ тебя провалъ взялъ! Сбился, стало быть, съ дороги, а у насъ въ грязи, вѣрите-ли, сударь, утонуть впору посередь улицы. О охъ-хо-хо!...

Онъ осторожно слѣзъ съ козелъ, взялъ лошадь за узду и кое-какъ разшевелилъ ее. Поѣхали дальше.

— Поѣжай, вонъ, на огонь: это, вѣрно, гостинница, молвили мы, завидѣвъ издали мерцанье фонаря.

— Надо-жь грѣху случиться — фонарь забылъ взять изъ дома, а то бы разглядѣлъ, куда ѣду. Мы завсегды со своими фонарями ѣдимъ ночью: городскихъ Митькой звали.

— Караулъ, грабятъ! караулъ, разбой! внезапно прозвенѣло у насъ въ ушахъ близъ гостинницы.

— Не трожь оретъ, замѣтилъ извозникъ, зная колошматять.

— Что вы кричите? спросили мы, поровнявшись съ гостинницею и увидѣвъ пожилаго человѣка въ военномъ пальто, безъ погонъ и въ фуражкѣ съ кокардою.

— Вотъ изволите видѣть, отвѣтилъ кричавшій, всего избили. (По лицу его сочилась, мѣстами, кровь). Вы, если желаете жить — не ночуйте тутъ, предупреждаю васъ, продолжалъ онъ. Я, отставной капитанъ Ц—чъ, честью въ этомъ увѣряю васъ.

— Да куда-же мнѣ дѣваться-то?

— Куда-нибудь, только тутъ не останавливайтесь: это разбойничій вертепъ.

— Вреть онъ, скотъ! не слушайте его, господинъ: у насъ отлично квартировать, заговорилъ выскочившій на подѣздъ мужчина.

— А кто избилъ этого господина?

— Да этотъ пьяница разбилъ у насъ посуду, а платить за нее отказался, ну ребята и попоштовали его за это самое, чтобъ помнить.

— Какъ-же ваши ребята смѣли его бить, вѣдь онъ капитаномъ называется.

— А што, што капитанъ? намъ все единственно. Это пьянчужка, ну и деремониться съ нимъ не стоитъ. Пошелъ прочь отселева! закричалъ онъ на капитана, а то смотри!... Заушу, гадина этакая!

— Слышите, слышите, какъ съ русскимъ капитаномъ поступаютъ?! обратился къ намъ Ц—чъ. Заступитесь пожалуйста!

— Извините: мнѣ не до васъ. Сгупайте въ полицію жаловаться.

— А!... такъ тебѣ «не до васъ». Понимаю... И это русскій дворянинъ... Такъ помни-же мое слово: переломають и тебѣ всѣ ребра. Караулъ, караулъ!... пуще прежняго заоралъ Ц—чъ, во все горло, потому что половые стали его толкать.

Забравшись въ номеръ, мы заперлись изнутри и расположились было спать, но уснуть долго не могли: окровавленная фязіономія Ц—ча такъ и стояла предъ нашими глазами...

II

Открылась динабургская рота 29 ноября 1867 г., внутри крѣпости (за 3 почти версты отъ города), въ Константиновской, № 49, казармѣ, которую прежде занимали пополамъ: нѣстная арестантская рота и полтора баталліона регуляр-

ныхъ войскъ, приходившихъ сюда для отправленія караульной службы. Казарма состоитъ изъ длиннаго трехъ-угольнаго и трехъ-этажнаго каменнаго, отличнаго зданія, расположеннаго крайнимъ къ задней части крѣпостнаго вала. Снаружи зданіе выглядитъ обыкновенною казармою: ограды, острогами свойственной, не было; предъ длиннымъ переднимъ фасадомъ—платформа гауптвахты; окна съ продолговатыми и довольно узкими стеклами и рѣшетками. Всѣхъ входовъ въ зданіе было три: рядомъ съ платформою, съ плаца и со стороны крѣпостнаго вала; первые два съ обыкновенными дверьми—парадные, а послѣдній—изъ воротъ—такъ называемый, черный; первый входъ велъ въ камеры, арестантами занимаемыя: второй—въ квартиры начальства роты, да въ ротную канцелярію, а послѣдній—во дворъ. У первыхъ-же двухъ входовъ стоялъ всегда часовой изъ числа караульныхъ, днемъ при тесакѣ, а ночью съ ружьемъ; черезъ послѣднія деревянныя ворота преимущественно только въѣзжали, и потому онѣ почти постоянно были затворены. Задняя часть зданія одно-этажная—состояла изъ сараевъ, бани, кузницы, слесарной и т. п. Дворовъ, разгороженныхъ высокимъ, деревяннымъ частоколомъ, было три; назывались они: 1-й—унтеръ-офицерскимъ, 2-й—испытуемаго, а 3-й—исправляющагося разрядовъ. По срединѣ средняго, въ нашу бытность въ Динабургѣ, приспособляли, на подмосткахъ, огромной величины чанъ, въ который набирали изъ проведеннаго туда водопровода воду; ни въ комнаты, ни въ кухни вода прямо не проходила, какъ въ Ригѣ, а ее носили изъ чана туда ведрами. Ни звонковъ при входахъ, ни свистковъ при унтеръ-офицерахъ, тутъ ужъ не было; точно также не было, къ сожалѣнію, и гимнастическихъ принадлежностей. Въ нижнемъ этажѣ—со входа съ плаца—помѣщались унтеръ-офицеры, ихъ кухни, столовая и кладовая; въ послѣдней, въ

ящикъ, разгороженномъ на клѣтки лежали, порознь, насыпанныя, мука, крупа и проч. Двѣ длинныя комнаты унтеръ-офицеровъ были опрятны: имѣлись столы, кровати, застланныя *стрими* суконными одѣялами, каковыми не располагали унтеръ-офицеры рижской роты. Во второмъ этажѣ жили старшіе помощники начальника роты, да, кажется, секретарь, а въ третьемъ—самъ начальникъ роты и канцелярія. Далѣе, съ платформы, внизу: направо—караулъ, налево—складъ, а прямо вверхъ, ступенекъ черезъ 10, входите, чрезъ желѣзныя двери, въ корридоръ, а изъ него, въ разныя стороны, въ камеры арестантовъ испытываемаго разряда.

Помѣщенія разрядовъ совершенно отдѣлены были другъ отъ друга, и люди въ нихъ состоявшіе, лишены, судя по расположенію помѣщенія, всякой возможности сообщаться между собою въ *самомъ* зданіи. Въ нижнихъ подвальныхъ этажахъ помѣщались, по разрядамъ-же, кухни и столовыя, въ однихъ и тѣхъ-же комнатахъ; столярныя, плотничныя, складъ лѣса и т. п. Во второмъ этажѣ камеры заняты были портняжными и сапожными мастерскими, въ которыхъ сидѣло около каждого стола человѣкъ 10—12, а за каждымъ верстакомъ 6—8 человѣкъ. Потолки во 2 и 3 этажахъ были деревянные, отчего въ верхнихъ этажахъ зимою, передавали намъ, холодновато: образующіяся въ сохнувшихъ доскахъ щели тянутъ вверхъ тепло. Стѣны покрашены были, полъ вымытъ бѣло, а подоконники ярко лоснились: они, покрашенные краскою, натирались сверху *воскомъ*. Лоскъ подоконниковъ добывался ежедневнымъ, утромъ, стираниемъ съ нихъ: сперва тряпкою пыли, потомъ натираніемъ воскомъ и въ заключеніе—пробками.

Комнатъ въ разрядахъ было: испытываемомъ—12, а исправляющемся—14; отчего не только люди размѣщены были

весьма просторно, — но еще нѣсколько комнатъ было свободныхъ: въ нихъ предполагалось устроить комерки для ночныхъ разъединеній. Въ большинствѣ комнатъ имѣлись большія, кое-гдѣ даже стоячія кюти со множествомъ иконъ — наслѣдствомъ арестантовъ упраздненной роты. Въ комнатахъ, на сплошныхъ нарахъ лежали, свернутые трубами, такіе-же, какъ въ Ригѣ, соломенники, на нихъ набитыя соломой-же подушки, на послѣднихъ свернуты симметрическимъ четырехугольникомъ сѣрыя одѣяла, а на нихъ, посрединѣ, арестантскія шапки. Воздухъ вездѣ былъ свѣжій. Отхожія мѣста также чисты какъ камеры, причемъ и подоконники и въ нихъ блестѣли отъ наведеннаго лоска! Приученіе людей къ опрятности — дѣло, конечно, похвальное, но курьезное патираніе подоконниковъ — непроизводительный трудъ, который слѣдовало бы отмѣнить, хотя начальство и считало этотъ лоскъ одною изъ главныхъ своихъ заслугъ...

На приспособленіе зданія ассигновано 34,000 руб., изъ нихъ отпущено въ 1869—71 г. по 10,000 р., всего 30,000 р.; такъ что, въ 1872 г., оставалось добавить 4,000 р. на постройку ночныхъ разъединеній, по изготовленіи коихъ зданіе должно было быть совершенно устроено.

III.

Вставали арестанты, въ сентябрѣ, напр., 1871 г., въ 4 часа утра, убирали камеры, умывались, молились, шли въ столовую, съѣдали по куску хлѣба и потомъ переходили: испытуемые — въ классъ, а исправляющіеся — въ мастерскія, полнымъ составомъ, за исключеніемъ такъ называемыхъ уборщиковъ, до 60-ти человѣкъ, которые оставались въ казармѣ зааравить арестантское добро. Далѣе, отсидѣвъ два часа въ

классъ, люди переводились въ мастерскія и работали тамъ обыкновенно до 11^{1/2} часовъ; потомъ въ 12 часовъ всѣ отправлялись, въ два раза, въ столовую—обѣдать, по словесной командѣ, а не съ боемъ въ барабанъ, какъ установлено 69 ст. положенія. Послѣ обѣда исправляющіеся отправлялись, на два часа въ классъ, а испытуемые въ мастерскія, куда являлись по минованіи двухъ часовъ, и исправляющіеся, и всѣ работали тамъ до ужина, а поужинавши—возвращались въ свои камеры, перекликались, пѣли отдѣленіями (въ испытуемомъ 10, а въ исправляющемся 11) молитвы и въ 9 часовъ ложились, наконецъ, спать. Вотъ весь будничныи день.

Праздничныи-же день рознился отъ будничнаго тѣмъ, что утромъ вставали немного позже, убирались, безъ завтрака, чинили свою одежду, выслушивали молебень, обѣдали, шли въ классъ, послѣ опять исправляли свою одежду или надобности по ротному хозяйству, и, наконецъ, отдыхали нѣсколько, ужинали и ложились спать.

На продовольствіе арестантовъ полагается пашекъ муки, крупы, на соль 60 коп. въ годъ на человѣка, на приварокъ 2^{1/2} коп. въ сутки, а въ добавокъ къ этому овощи съ казеннаго огорода, занимающаго 10,950 квадр. саж. Овощей собрано было:

	Въ 1869 году.	Въ 1870 году.	За 1871 г.
Капусты. .	3,809 ведеръ.	2,289 ^{1/4} ведра.	свѣдѣній
Бураковъ .	328 пудовъ.	162 пуд. 20 фун.	не оказа-
Картофеля.	38 четвер.	28 четв. 5 четв. 5 гарн.	лось.

На сумму 949 р. 15 к.

860 р. 15^{3/4} к.

Варили пищу, въ скромные дни, въ обѣдъ для ~~своихъ~~ съ говядиной, а въ ужинъ съ саломъ жидкую кашницу; горячая пища вкусомъ была лучше, нежели въ Ригѣ.

Хлѣба арестанты ѣли въ столовой сколько кто хотѣлъ,

т. е. выпекаемые караваи рѣзали на куски и подавали на столъ. Порядокъ этотъ, говорило начальство, невыгоденъ: съѣдали, случалось, больше 3 фунт., положенныхъ на чело-вѣка въ день. На вопросъ-же: какимъ способомъ покрывался переѣдъ,—мы получили отвѣтъ—«казною-же»: про-віантъ всегда требуется *опередъ* на мѣсяцъ, и когда не до-ставало хлѣба—брали изъ магазина, въ счетъ будущаго тре-бованія, муку, пекли хлѣбъ и ѣли его, а потомъ, при слѣ-дующей нехваткѣ, поступали такимъ-же точно порядкомъ и т. д. Намъ, напротивъ, кажется, что если и бывалъ пере-ѣдъ—онъ долженъ покрываться припекомъ, по казенному правилу, тѣмъ болѣе, что люди почти всѣ вели сидячую жизнь, слѣдовательно, больше 3 фунт. врядъ-ли въ состоя-віи были съѣсть.

На многихъ арестантахъ сѣрыя куртки были съ черными рукавами и такимъ-же четырехугольнымъ знакомъ на спи-нѣ—тоже наслѣдство бывшихъ арестантовъ арестантской роты. Куртки эти донашивались.

Въ баню, на дворѣ-же выстроенную, арестанты ходили дважды въ мѣсяцъ. Вмѣщалось въ банѣ сразу не болѣе 50 человѣкъ, а потому мылись въ ней по-очередно: одну суб-боту—испытываемые, а другую—исправляющіеся, а чтобы раз-рядъ успѣлъ перемыться въ одинъ разъ, арестантовъ то-ропили, не давали имъ проклажаться, тѣмъ болѣе, что по-слѣ нихъ мылись офицеры, унтеръ-офицеры: въ крѣпости другой бани нѣтъ, а въ городъ далеко отправляться сво-боднымъ лицамъ. Котлы въ банѣ были небольшіе и потому воду едва успѣвали нагрѣвать. Вѣшниковъ давали по 5—6 на 10 человѣкъ, а охотниковъ париться много, ну и не му-дрено, что случались недоразумѣнія изъ-за вѣшниковъ. Цифра денегъ на мыло, вѣшники и дрова для бани отпускалась,

какъ въ рижской ротѣ, малая: $1\frac{1}{7}$ коп. на человѣка на разѣ.

И такъ, существованіе арестанта, кромѣ содержанія начальства, помѣщенія и отопленія, обходилось казнѣ: на мясныя и рыбныя порціи 10 руб. $52\frac{1}{2}$ коп., мука 18 руб., крупа 1 руб. 7 коп., соль 60 к., баня, мыло и вѣники $28\frac{1}{2}$ к. обмундированіе 4 руб. $24\frac{3}{4}$ коп., бѣлье: носильное—1 руб. 52 коп., постельное и полотенца—1 руб. 48 коп., обувь. 6 руб. $30\frac{1}{4}$ коп., освѣщеніе камеръ и лѣстницъ 7 коп., итого 43 руб. 10 коп. въ годъ.

IV.

Мастерскія роты, открывшіяся въ 1868 году, судя по официальнымъ бумагамъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ. Работало мастеровыхъ:

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Самозинниковъ	122 челов.	59 челов.	53 челов.	89 челов.
Портныхъ	98 .	70 .	57 .	110 .
Плотниковъ	40 .	8 .	40 .	— .
Столяровъ	11 .	10 .	13 .	21 .
Шорниковъ	8 .	2 .	3 .	2 .
Вондарей	5 .	3 .	2 .	2 .
Слесарей	8 .	6 .	5 .	12 .
Кузнецовъ	6 .	5 .	5 .	4 .
Різчиковъ	1 .	— .	— .	2 .
Маларовъ	5 .	1 .	6 .	3 .
Печниковъ	4 .	6 .	4 .	— .
Пильщиковъ	5 .	5 .	5 .	8 .
Штукатуровъ	4 .	3 .	4 .	3 .
Кровельщиковъ	1 .	— .	— .	— .
Кожевниковъ	1 .	— .	1 .	— .
Перешетчиковъ	3 .	2 .	1 .	2 .

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Фельдшеровъ . . .	1 челов.	3 челов.	— челов.	— челов.
Часовыхъ для маст.	1 .	— .	— .	— .
Золотыхъ	1 .	»	— .	— .
Оружейниковъ . .	1 .	1 .	1 .	— .
Каменщиковъ . .	— .	— .	1 .	— .
Быллицниковъ . .	— .	— .	2 .	1 .
Иидниковъ . . .	— .	— .	2 .	3 .
Бронзовщиковъ . .	— .	— .	1 .	— .
Обойщиковъ . . .	— .	— .	— .	2 .
Токарей	— .	— .	— .	2 .
Колесниковъ . . .	— .	— .	— .	1 .
Крючечниковъ . .	— .	— .	— .	1 .
ИТОГО	295 челов.	184 челов.	176 челов.	263 челов.

Заработали всѣ эти люди: въ 1868 году—2,088 р. $\frac{3}{4}$ к., въ 1869 г.—4,144 р. 8 коп., въ 1870 году—1,707 р. 46 к., а въ 1871 году—5,497 руб. $72\frac{1}{4}$ коп. Изъ сихъ цифръ слѣдуетъ сбросить деньги: а) истраченные на инструменты и материалы: въ 1868 г.—148 руб. 5 к., въ 1869 году—177 р. 93 коп., въ 1870 году—446 руб. $35\frac{1}{2}$ к.; въ 1871 году—228 р. 2 к., да на покупку лампъ, для освѣщенія мастерскихъ,—425 р. и на керосинъ—220 р. 94 к., всего 873 руб. 96 коп.; б) отчисленные 10% въ пользу арестантовъ: въ 1868 году—54 р. 48 коп., въ 1869 году—526 руб. 56 коп., въ 1870 г.—158 р. $20\frac{1}{2}$ к., въ 1871 г.—523 р.; т. е., считая получившими заработкомъ всѣхъ выше перечисленныхъ, приходится: въ 1868 году на 295 чел. 54 р. 48 к.—по 21 к. съ дробью на каждого; въ 1869 году на 184 человека—526 р. 56 к.—по 2 руб. 86 к. съ дробью на человека, въ 1870 году на 176 чел. 158 руб. $20\frac{1}{2}$ коп.—по 89 коп. съ дробью, а въ 1871 году—на 263 чел. 523 р. по 2 руб. $78\frac{1}{2}$ коп. на каждого рабочаго въ годъ. За исключеніемъ, такимъ образомъ, указанныхъ расходовъ, оставалось-бы ба-

рышомъ ротѣ: въ 1868 г. — 1,885 р. 47³/₄ к., въ 1869 г. — 3,439 р. 59 к., въ 1870 г. — 1,102 р. 90 к., въ 1871 г. — 4,100 р. 76¹/₄ к., итого 10,528 р. 74¹/₂ к., но изъ капитала, имѣвшагося въ наличности къ январю 1870 года, удѣлено начальству роты вознагражденіемъ за ихъ трудъ, согласно 3 п. 101 ст. положенія, 792 р. 70 к., и въ 1871 г. — унтеръ-офицерамъ — 136 руб., итого 928 руб., 70 коп., такъ, что спеціальная сумма получила чистой выгоды отъ трудовъ 918 челов. — 9,600 р. 8¹/₂ к., т. е. по 10 р. за человѣка. Кромѣ того по приспособленію казармы въ 1870 году сработали на 2500 р. Сложивъ 9600 р. 8¹/₂ к. и 2,500 р., получится выгоды 12,100 р. 8¹/₂ коп. Выгода эта значительно увеличилась бы, еслибы прибавить заработокъ, приспособившихъ въ 1868 году, казарму 30 челов. и стоимость труда ходившихъ въ 1868—1870 г. на инженерныя работы отъ 100 до 200 челов. въ день, — но, къ сожалѣнію, въ ротѣ не оказалось никакихъ объ этомъ цифровыхъ данныхъ и потому не рѣшаемся дѣлать выводовъ гадательно.

На продажу въ мастерскихъ роты ничего не производилось, за отсутствіемъ, будто-бы, покупателей; ~~составляла~~ людяиъ, преимущественно женамъ инженеровъ, интендантскимъ и другимъ вѣдомствъ офицерамъ, чиновникамъ, чинили и шили обувь. Мелкіе заказы (на рубли) принималъ офицеръ, завѣдывавшій мастерскими, условливался въ цѣнѣ, и потомъ, докладывая о нихъ начальнику роты, принимавшему лично заказы на значительныя лишь суммы. Цѣны опредѣлялись не по однажды установленной таксѣ, а *вслѣдствіе* разъ по взаимному соглашенію заказчиковъ съ принимающими, отчего нерѣдко упускались самыя заказы: покуда вычисляли стоимость предметовъ, проходило не мало времени и заказчики предпочитали имѣть дѣло съ вольными мастерами.

Для записки заказовъ велась особая книга, въ которой

писалось: на одной страницѣ—что и за сколько заказано, а противъ нея—на другой расходъ матеріала; то и другое свидѣтельствовалось подписью начальника роты. Главную доходную статью роты составляли портняжная и сапожная мастерскія, а постоянною заказчицею для этихъ двухъ мастерскихъ являлась военнаго же вѣдомства мѣстная обмундировальная мастерская. Шили арестанты солдатскіе шинели и сапоги; неумѣвшіе выучивались хорошо шить скроенныя шинели въ 1—2 мѣсяца, а сапоги (переда вытягивались на машинѣ, а голенища стачивались въ самой мастерской) въ 3—4 мѣсяца; мастеръ съ ученикомъ изготовляли въ недѣлю—3—5 шинелей и 3—5 паръ сапоговъ; для тачанія рукавовъ и строчекъ на шинеляхъ—мастерская снабдила роту 3 машинами. Работали на урокъ. Въ этихъ, какъ равно и въ другихъ мастерскихъ, были старшіе изъ арестантовъ, свидѣтельствовавшіе доброкачественность работъ, до сдачи ея по принадлежности.

Въ нѣкоторыя мастерскія входъ былъ прямо со двора. Обстоятельство это отчасти оправдывало факты о томъ, что арестантамъ иногда удается выпить водки. Такъ, ко двору казармы приближался, разъ, солдатъ съ ружьемъ, которое онъ несъ чрезвычайно бережно, видимо стараясь, чтобы оно и не шелохнулось. Глядя на него сзади, намъ вдругъ явилась мысль: нѣтъ-ли въ ружьѣ чего-либо запретнаго?

— Что ты, служба, такъ осторожно несешь ружье? спросили мы его, поравнявшись съ нимъ. Вѣдь оно желѣзное, не разобьется.

— Не твою ума это дѣло, рѣзко отвѣтилъ онъ, и смутился. Несу ружье въ починку; вотъ тебѣ и весь сказъ.

— А въ ружьѣ-то, скажи пожалуйста, что? Двугривенный дамъ.

— Убирайся ты ко всѣмъ чертямъ со своимъ двугривеннымъ, возвысилъ онъ голосъ и ускорилъ шаги.

— Ну, два двугривенныхъ возьми, да только растолкуй: мнѣ это очень любопытно.

— Ишь тебя забираешь-то какъ! Отскочишь: эка невидаль—2 двугривенныхъ! Ступай своей дорогой.

— Мнѣ съ тобой по пути въ роту, и потому, покуда не узнаю, отчего ты такъ осторожно несешь ружье,—не отстану. Три, четыре двугривенныхъ получи, а удовлетвори, сдѣлай милость, мое любопытство.

— Говорять тебѣ, ничего нѣтъ въ ружьѣ, чего-жъ ты, какъ банный листъ, прилипъ ко мнѣ? Тьфу ты, пропасть такая!

— Рубль, вотъ, бумажку дамъ, только не бранись, а позволь дознаться. Вѣдь рубль хорошая цѣна?

— Н-да... конечно. Ну, давай бумажку, такъ ужъ и быть, дознавайся. Чуръ только, поклянись, што никому меня не выдашь.

— Изволь. А какъ влясться?

— Да говори: штобъ черти всѣ мои потрохи сожрали, коли ежели я кому промолвлюсь...

— О чемъ?

— Ну, про водку, что въ ружьѣ.

— Ладно. Для меня, однако, братъ, мало, что ты говоришь «водка»:—мнѣ въ этомъ самому надо убѣдиться—посмотрѣть, какъ и кто ее будетъ пить. Поэтому я ужъ за тобой пойду до конца. Деньги ты получишь, молчать я долженъ, стало быть и остерегаться меня ужъ нечего.

— Въ провожатые я тебя, архаровца, вовсе-бы не желалъ имѣть,—ну, да видно дѣлать нечего: иди!

Мы дошли, баласничая, до одной изъ мастерскихъ во дворѣ. Я пропустилъ солдата впередъ, а самъ издали сталъ

наблюдать и увидѣвъ, что едва онъ перешагнулъ порогъ— какъ арестанты бросились къ нему. Я поспѣшала туда же и произвелъ нѣкоторое замѣшательство: арестанты струсили было, увидѣвъ меня, имъ уже извѣстнаго человѣка. Я носовѣтовалъ имъ не стѣсняться меня, а дѣлать скорѣй, что имъ нужно. Одинъ нагулъ ружье, другой вынулъ немного изъ дула и взялся за ружье; товарищъ повторялъ ту-же операцию. Тогда, желая лично провѣрить слыханное, — и тоже приложился въ дулу и узналъ, что въ немъ дѣйствительно была вода. Потомъ еще трое вышли, очередаюсь съ товарищами до конца, такъ, что во всю длину пустаго ствола, входить, по словамъ арестантовъ, около полнитофа. Въ заключеніе, солдатъ понесъ обратно ружье, чрезъ дворъ, ворча во всеуслышаніе: «еще мастера, а нутра справить не могутъ». — Подобнымъ же способомъ мнѣ удалось узнать, что за крѣпостью, во рву, есть колодезь, куда арестанты ходили за водою, а близъ того колодца стоялъ всегда часовой изъ артиллеристовъ, который въ указанномъ мѣстѣ припасалъ нѣкоторымъ арестантамъ, въ особенности изъ артиллеріи, табакъ, на деньги, вкладываемыя арестантами подъ условленный камень.

Платила обмундировальная мастерская ротѣ, въ 1869 и 1870 г., за шитье шинели 11³/₄ к., гвѣтихъ брюкъ—5 коп., мундира 8 коп., пары сапоговъ 11³/₄ коп., а съ 1871 года надбавила плату за шинель до 15 к., за сапоги до 20 к., — Между тѣмъ, въ той-же швальнѣ работали ежедневно: мундирны—солдаты, *прислаемые* изъ различныхъ частей войскъ до 150 чел., да отъ 80—100 вольныхъ мужчинъ, женщинъ, дѣвицъ и мальчиковъ. Этимъ вольнымъ людямъ мастерская платила: за шинель—28 коп., за сапоги—30 коп., за брюки 10—13 коп., за башлыкъ 1 коп. Значительная разница въ платѣ за одинъ и тотъ-же трудъ арестантовъ и вольныхъ

людей происходила отъ того, увѣрили насъ, что воднищамъ людямъ надо, на получаемое вознагражденіе, имѣть квартиру, продовольствіе и проч., а арестанты живутъ на *свои средства*. Также точно поступали артиллерійскій и инженерный арсеналы, давая вольному мастеру по 80—90 коп., а на арестанта, когда ихъ брали, и то въ маломъ, почему-то, числѣ работать—по 40 коп. въ день. Съ одной стороны, взглядъ этотъ, безспорно, весьма гуманенъ,—но за то, съ другой нераціоналенъ: мастерская не филантропическое, а въ этомъ отношеніи чисто коммерческое учрежденіе, задача котораго равноудѣльно вознаграждать *достойный* трудъ, чей-бы онъ ни былъ. Противъ этого возражали, что арестантская работа хуже вольной: они дѣлаютъ все, дескать, зря, лишь-бы съ рукъ сошло. И этотъ аргументъ не выдерживаетъ, какъ мы сейчасъ докажемъ, серьезной критикой. Если арестанты работаютъ *по-нужѣ*,—то вѣдь и вольные люди работаютъ *не ради удовольствія*, а по крайней нуждѣ въ средствахъ къ пропитанію; а такъ какъ трудъ ихъ вознаграждался *по-нужѣ*,—то и ихъ стремленія были направлены, главнѣе всего, къ тому, чтобы изготовить побольше отдѣльных предметовъ и получить за нихъ елико возможно большее же матеріальное вознагражденіе; слѣдовательно, они торгались а въ этомъ случаѣ нельзя, разумѣется, ожидать изящной, аккуратной отдѣлки и отъ нихъ, точно также, какъ и отъ арестантовъ, съ которыми они находились въ одинаково почти грозныхъ условіяхъ; свободному человѣку, за нелюбимую работу,—отказывали въ ней, а арестантовъ сажали, за такого же рода дѣйствіе, въ карцеръ, причемъ штрафъ этотъ отдавалъ переводъ ихъ въ исправляющіеся и выходъ изъ заключенія. Относительно ротныхъ мастерскихъ существовала, наконецъ, и другая еще аномалія: еврей бралъ въ виленскомъ интендантствѣ подрядъ на поставку колець

— Вы сидите здѣсь въ наказаніе, а въ наказаніи этомъ заключается, между прочимъ, и лишеніе тѣхъ удобствъ, ласкомствъ, какія вы могли-бы имѣть на волѣ; такъ за что-же васъ еще награждать?

— А за *особливое*, примѣрно, стараніе. Иной разъ такъ сильно хочется селедочки поѣсть, что кажись-бы недѣлю за это, не разгибаясь, просидѣлъ-съ.

— На всякое, братецъ, хотѣніе бываетъ терпѣніе, подтрунивай другой. Ты это помни. А работать усердно долженъ и такъ, потому за что-же тебя казна кормить и воздается съ тобой? Зазнались мы, вотъ я что, по правдѣ скажу: прежде вонъ, бывало лупать, за все, про все, въ хвостъ и гриву, а нонѣ сюда шлютъ только; а тутъ еще грамотѣ учатъ, стараются добромъ выбить изъ нашей головы дурь, и того намъ мало. Забылъ, нешто, что батюшка вчера говорилъ, въ классѣ, про исправленье? Мы, ей-Богу, безчувственные!

— Пошелъ ужъ тараторить! Знаемъ мы, куда ты гнешь.

— То-то, знай край, да не падай. Терпѣть не могу неправды, да канюченья. Дебоширимъ, бѣгаемъ, пьянствуемъ, воруемъ, да еще холь насъ за это? Нѣтъ: насъ надо въ бараній рогъ согнуть!...

Возбудить въ арестантахъ искреннюю охоту къ труду не трудно, думается намъ, то же малыми и очень простыми способами: при переводѣ испытуемыхъ въ исправляющіеся принимать въ *серьезное* вниманіе степень ихъ трудолюбія и насколько они научились ремеслу; объ отлично работающих исправляющихся ходатайствовать, иногда, для усиленія между людьми соревнованія, о сокращеніи срока пребыванія въ ротѣ, напр., старшихъ мастеровъ; наконецъ, давать имъ, хоть иногда, чаю, какъ это дѣлается *ежедневно* въ Брестъ-

Литовскѣ. Такого рода поощренія принесутъ, безъ сомнѣній, благотворные плоды.

V.

Грамотѣ обучались, какъ сказано выше, всѣ по два часа въ сутки. Классы дѣлились на 4 разряда; учились: въ первомъ—азбукѣ и складамъ; во-второмъ—читать; въ третьемъ—писать грифелями и чернилами, а въ четвертомъ—первымъ четыремъ правиламъ ариметики. Выучивались этимъ наукамъ сносно: молодые—мѣсяцевъ въ 6—8, пожилые—въ годъ—полтора, а старики—никогда, за рѣдкими исключеніями. Первоначальное обученіе производилось по методѣ Столпянскаго. Обучали: азбукѣ и складамъ—священникъ, сразу человекъ по 100—150, а въ остальныхъ по 20—30, арестанты изъ писарей и солдатъ; всѣхъ этихъ учителей и ихъ помощниковъ въ ротѣ было при насъ 60 человекъ.

— Ты давно учишься грамотѣ? спросили мы одного старенькаго арестанта.

— Мѣсяцевъ никакъ 8 пробавляюсь тутъ.

— Отчего-жъ такъ долго надѣ узбукой корпиться?

— Да жизнь-то моя протекла анаѳемски severely: меня драли и розгами, и кошками, они-же и леньками прозывались по-флотски, и сквозь строй два раза прогуливался, ну и не до ученія. Напрасно, таперича, думаю я, батюшка (священникъ) и маится-то съ нами, безпардонными: изъ насъ не выйдетъ прова, хотя слушать его и занятно.

— А ты, дружокъ, какъ объ этомъ думаешь? спросили мы его сосѣда, то же старика.

— Будетъ-ли изъ нашего ученія толкъ или нѣтъ — не наше дѣло, но, по мнѣ, ходить въ классъ все-жъ лучше, чѣмъ въ швальню: тамъ стѣбайся за шитьемъ въ три пог-

дѣлаютъ по 12 коп. за колѣ; самѣ-же заказывали, этотъ колѣ ротѣ за 5 коп., и его еще благодарили за способствованіе къ развитію ротныхъ мастерскихъ, ибо рота, по закону, не вправѣ была добыть этотъ заказъ изъ первыхъ рукъ. Были и еще причины, препятствовавшія увеличенію заработковъ,—но мы поговоримъ о нихъ впоследствии—въ общихъ выводахъ.

Всѣ приведенныя дѣйствія краснорѣчиво выясняютъ причину малыхъ заработковъ мастеровыхъ роты. Оттого, чтобы устранить это ненормальное явленіе, представляется, на нашъ взглядъ очень полезнымъ: а) освободить служащихъ солдатъ отъ хожденія на работу въ шпальню и тѣмъ самымъ облегчить ихъ товарищей отъ исполненія, чаще обыкновеннаго служебныхъ обязанностей, а работу ихъ предоставить арестантамъ; б) обязать обмундировальную мастерскую отдѣлять, по приблизительному расчету, извѣстное количество работъ для арестантовъ *на нѣмѣй годъ впередъ*, и за симъ уже остающуюся *свободною*, — отдавать вольнымъ людямъ, какъ это дѣлалось въ Врестѣ-Литовскѣ; в) такъ какъ въ мастерской не было занятія для слесарей, кузнецовъ, токарей и т. п. мастеровыхъ, весьма пригодныхъ для производствъ инженернаго и артиллерійскаго арсеналовъ,—то *обязать* послѣднихъ не пренебрегать мастеровыми арестантами, а снабжать ихъ трудомъ; наконецъ г) установить правиломъ, чтобы всѣ перечисленныя учрежденія оплачивали арестантскій трудъ по достоинству *наравнѣ* съ вольными людьми. Всѣ эти нововведенія тѣмъ легче укрѣпить, что и мастерская, и арсеналы состоятъ въ одномъ, съ ротою, вѣдѣніи военнаго министерства. Эти-то, съ одной стороны, мелкія, съ другой — существенныя для роты мѣропріятія доведутъ дѣло, безспорно, до того, что арестанты, впоследствии, навѣрное будутъ окупать правительству стоимость своего содержанія, чего пра-

вительство главнымъ образомъ и добивается. Организация мастерскихъ на приведенныхъ началахъ является тѣмъ болѣе неизбежною, что въ Динабургѣ нѣтъ, положительно, никакихъ иныхъ способовъ добычи для арестантовъ производительныхъ занятій.

Выше мы сказали, что арестанты работали *на урокъ*. Обстоятельство это, въ связи съ подневольнымъ трудомъ, воть что производило на практикѣ. При обходѣ портняжной, мы неоднократно замѣчали, что нѣкоторые арестанты не прилежно занимаются своимъ дѣломъ.

— Отчего вы, братцы, лѣниво шьете? спросили мы одну группу.

— Да торопиться-то некуда; и сегодня шей, и завтра шей, и такъ безъ конца,—ну и думается, какъ-бы только урокъ изготовить, отвѣчали намъ; больше-же стараться не изъ-за чего.

— Да вѣдь вамъ-же отчисляется 10 коп. съ cadaго заработаннаго рубля?

— А когда мы эти деньги получимъ-то, позвольте узнать-съ?

— По выходѣ отсюда, въ полку.

— Да, еще когда штрафъ тамъ простать. Вотъ и беретъ насъ сумленье: первое—выйдешь-ли отселева, али тутъ захраснешь, коли на долгій, примѣрно, строкъ пришелъ, а ежели, положимъ, и вырвешься—другое—пошлетъ-ли Господь въ полку-то счастье—ослособиться изъ штрафованныхъ? Все это вѣдь еще на авось...

— Иное-бы дѣло, еслибъ недѣлю, мѣсяцъ хорошо отработалъ, подхватилъ другой; работа твоя исправная и начальство тебѣ-бы за это какую ни на есть милость сдѣлало, дало-бы; примѣрно скажемъ, хотъ сеledку, али табачку покурить... О! тогда-бы мы шибко работали!... это вѣрно-съ...

— Вы сидите здѣсь въ наказаніе, а въ наказаніи этомъ заключается, между прочимъ, и лишеніе тѣхъ удобствъ, лавомствъ, какія вы могли-бы имѣть на волѣ; такъ за что-жъ васъ еще награждать?

— А за *особливое*, примѣрно, стараніе. Иной разъ такъ сильно хочется селедочки поѣсть, что кажнсь-бы недѣлю за это, не разгибаясь, просидѣлъ-съ.

— На всякое, братецъ, хотѣніе бываетъ терпѣніе, подтрунивай другой. Ты это помни. А работать усердно долженъ и такъ, потому за что-же тебя казна кормитъ и возжается съ тобой? Зазнались мы, вотъ я что, по правдѣ скажу: прежде вонъ, бывало лупять, за все, про все, въ хвостъ и гриву, а нынѣ сюда шлютъ только; а тутъ еще грамотѣ учать, стараются добромъ выбить изъ нашей головы дурь, и того намъ мало. Забылъ, нешто, что батюшка вчера говорилъ, въ классѣ, про исправленье? Мы, ей-Богу, безчужденныя!

— Пошелъ ужъ тараторить! Знаемъ мы, куда ты гнешь.

— То-то, знай край, да не падай. Терпѣть не могу неправды, да канюченья. Дебоширимъ, бѣгаемъ, пьянствуемъ, воруетъ, да еще холь насъ за это? Нѣтъ: насъ надо въ бараній рогъ согнуть!...

Возбудить въ арестантахъ искреннюю охоту къ труду не трудно, думается намъ, то же малыми и очень простыми способами: при переводѣ испытуемыхъ въ исправляющіеся принимать въ *серьезное* вниманіе степень ихъ трудолюбія и насколько они научились ремеслу; объ отлично работающих исправляющихся ходатайствовать, иногда, для усиленія между людьми соревнованія, о сокращеніи срока пребыванія въ ротѣ, напр., старшихъ мастеровъ; наконецъ, давать имъ, хоть иногда, чаю, какъ это дѣлается *ежедневно* въ Брестъ-

Литовскѣ. Такого рода поощренія принесутъ, безъ сомнѣнія, благотворные плоды.

V.

Грамотѣ обучались, какъ сказано выше, всѣ по два часа въ сутки. Классы дѣлились на 4 разряда; учились: въ первомъ—азбукѣ и складамъ; во-второмъ—читать; въ третьемъ—писать грифелями и чернилами, а въ четвертомъ—первымъ четыремъ правиламъ ариметики. Выучивались этимъ наукамъ сносно: молодые—мѣсяцевъ въ 6—8, пожилые—въ годъ—полтора, а старики—никогда, за рѣдкими исключеніями. Первоначальное обученіе производилось по методѣ Столпянскаго. Обучали: азбукѣ и складамъ—священникъ, сразу человекъ по 100—150, а въ остальныхъ по 20—30, арестанты изъ писарей и солдатъ; всѣхъ этихъ учителей и ихъ помощниковъ въ ротѣ было при насъ 60 человекъ.

— Ты давно учишься грамотѣ? спросили мы одного старенькаго арестанта.

— Мѣсяцевъ никакъ 8 пробавляюсь тутъ.

— Отчего-жъ такъ долго надѣ узбуккой корпншь?

— Да жизнь-то моя протекла анаемерски скверно: меня драли и розгами, и кошками, они-же и леньками прозывались по-флотски, и сквозь строй два раза прогуливался, ну и не до ученья. Напрасно, таперича, думаю я, батюшка (священникъ) и маится-то съ нами, безпардонными: изъ насъ не выйдетъ прока, хотя слушать его и занатно.

— А ты, дружокъ, какъ объ этомъ думаешь? спросили мы его сосѣда, то же старика.

— Будетъ-ли изъ нашего ученья толкъ или нѣтъ—не наше дѣло, но, по мнѣ, ходить въ классъ все-жъ лучше, чѣмъ въ швальню: тамъ стибайся за штьемъ въ три поги-

бели, паяль зенки, а тутъ сидишь прямо и отдыхаешь, слушаючи батюшкины рѣчи. И ежелибъ онъ по-тихоньку, примѣрно, говорилъ—иной разъ охотно-бы уснуть.

— Батюшка ужъ боленъ отъ крику съ нами: все хочетъ вдолбить намъ грамоту, а ты дремать сюда шляешься, съ укоромъ замѣтилъ первый послѣднему. Стыдись, братецъ!

— Стыдъ не дымъ—глаза, братъ, не ѣсть, отвѣтилъ послѣдній. Да и не виновать-же я, въ-самомъ дѣлѣ, что охоты нѣтъ портняжить?

— Вотъ и толкуй съ нимъ! О себѣ только хлопочеть, а мнѣ, такъ, ей-Богу, батюшку жаль, надрывается по-напрасну.

— Отчего-жъ ты полагаешь «по напрасну?»

— Да въ башкѣ-то нашей одни ужъ опилки остались!... Скажите: растутъ зимой въ огородахъ огурцы, али нѣтъ?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Также точно Богъ и на все уставишь свое время; поэтому, по самому и мы, старики, ужъ негодны къ ученью; супротивъ божескаго устава никакъ ужъ не пойдешь, будь хоть семи пядей во лбу.

— Скажи, пожалуйста, откровенно: полезно научиться грамотѣ или нѣтъ? обратились мы съ вопросомъ къ молодому арестанту.

— На волѣ, али въ полку, вѣстимо дѣло, пользительно, отвѣтилъ онъ, а здѣсь и знай, и не знай ея, ежели не угодилъ въ писаря—одна честь: учителя наши въ-классѣ, вонъ, учать, а пройдетъ время — идутъ за-одно съ нами на всѣ тяжкія... А мы такой, доложу вамъ, народъ, што хотимъ лучше сейчасъ синицу получить въ руки, чѣмъ сулить намъ журавля въ небѣ. Право такъ. Жизнь наша, рестаантская, такая, што день промаячилъ, и слава те, Господи; а што

станется съ нами чрезъ 3 — 6 годовъ, объ евомъ мы и въ усь не думѣ.

— Потому не понимаешь своей пользы, дополнилъ старикъ. Научишься грамотѣ, человѣкомъ будешь, все разсудить съумѣешь, а нѣтъ,—сгинешь по тюрьмамъ, какъ мы, вотъ, вѣкъ свой загубили по безшабашности своей. Повѣрь моей опытности. Я, старый воробей, много пережилъ и глядячи на нонѣшніе порядки—не радуюсь имъ. Въ прежнихъ, примѣрно, рестантскихъ ротахъ, какъ въ кромѣшномъ, бывало, аду кипящъ: опричь сквернословья, драки, картежной игры, да пьянства — промежъ арестантовъ я ничего не видывалъ; начальство только драть ходило озорниковъ и то во дворъ казармы (въ самую казарму трусило и входитъ), а таперъ тебѣ и смиренство, и покой, и молитвы, и работа; и грамота, одно слово, чего хочешь получай.

— Какъ-же ты изъ прежней въ эту роту попалъ?

— Оставили дослуживать срокъ за худое поведенье: я въ старой ротѣ совсѣмъ изгадился чрезъ товарищей, а будь-бы прежде порядокъ, я бы, ей-Богу, отличнаго былъ поведенья и давно бы ужъ по волѣ гулялъ.

— Неужели ты въ настоящей ротѣ ни разу еще не про-штрафливался въ 3 года?

— Покуда, еще, слава Богу, нѣтъ, да и впередъ упаси Господи! Соблазновъ во сто кратъ меньше супротивъ прежняго.

Статистика арестантовъ по грамотности представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1868 г. 1869 г. 1870 г. 1871 г.

Перваго разряда, хорошо писавшихъ, читавшихъ и знавшихъ четыре правила ариметтики, было 40 ч. 118 ч. 58 ч. 70 ч.

<i>Второго</i> разряда, умѣвшихъ читать и писать, было . . .	113 ч.	101 ч.	46 ч.	63 ч.
<i>Третью</i> разряда, умѣв- шихъ только читать, было . .	92 »	101 »	91 »	184 »
<i>Четвертую</i> разряда, учив- шихся читать, было	63 »	146 »	— »	— »
<i>Пятую</i> разряда, неграмот- ныхъ, было	528 »	313 »	200 »	342 »
	835 ч. 781 ч. 391 ч. 659 ч. *)			

Книгъ въ ротѣ было 765 экземпляровъ. Такъ, независимо сотни чисто духовнаго и духовно-нравственнаго содержанія, были, между прочими: «Біографическіе очерки о жизни и дѣятельности» Петра Великаго, митрополита Платона, Ломоносова, Сперанскаго, Кулибина, Слѣпушкина, Сусанина, «Краткая русская исторія», «Освобожденіе Москвы въ 1812 г.», «Куликовская и Полтавская битвы», «Старое время на Руси», «О Владимірахъ: Мономахѣ, Святомѣ», «Земля, вода, воздухъ», «Міровѣдѣніе», «О злыхъ временахъ татарщины», «Какъ росло Московское княжество», «Небо и звѣзды», «Жизнь человѣка и его назначеніе», «Край крещенаго свѣта», «Дремучіе лѣса», «Русскія горы», «Кавказскія горы», «Русская земля, русскіе люди», «Какъ надо жить, — чтобы добро нажить, бѣду изжить», «Какъ спастись отъ скоропостижныхъ болѣзней», «Трудъ—кормить, лѣнь—портить», «До чего доводитъ чарочка», — книжки весьма полезныя по

*) Въ 1868 году учились грамотѣ только хотѣвшіе того; затѣмъ настоящая школа образовалась въ январѣ 1869 года; но съ наступленіемъ лѣта разстраивалась; люди посылались на внѣшнія работы на цѣлые дни, такъ продолжалось до 1872 года ежегодно.

простотѣ ихъ изложенія; басни, «Домашній Огородъ», «Досугъ и Дѣло», «Описаніе Севастопольской битвы», «Обязанности и права нижнихъ чиновъ», «О дисциплинарныхъ взысканіяхъ», «Солдатское Чтеніе», и, наконецъ, даже «Самодѣятельность» и «Словарь иностранныхъ словъ». Читали молодые арестанты всѣ перечисленные и имъ подобныя книжки съ большимъ любопытствомъ и охотою. На приобрѣтеніе книгъ и классныхъ принадлежностей истрчено, со времени открытія роты по 1-е января 1871 г.—170 р. 71 к., да въ этомъ году на 112 р. 71 к.

Не смотря, однако, на изобиліе книжекъ и всевозможныя старанія священника,—грамотность въ ротѣ, вообще говоря, неизмѣримо ниже была рижской; недостатокъ этотъ состоялъ, по нашему разумѣнію, вотъ въ чемъ. Во-первыхъ, въ Динабургѣ люди были преимущественно пожилые и болѣе 60-ти человѣкъ стариковъ, которые неспособны къ воспріятію научныхъ свѣдѣній, тогда какъ въ Ригѣ вовсе стариковъ не было, а пожилыхъ малость; преобладающій же элементъ молодежь. Во-вторыхъ, въ Ригѣ, почти всѣ учителя арестанты происхожденіемъ были изъ чиновниковъ, дворянъ, люди болѣе или менѣ развитые, учившіеся въ гимназіяхъ, уѣздныхъ училищахъ; въ Динабургѣ же не имѣлось такихъ ни одного, а изъ 60-ти учителей—вполнѣ способныхъ преподавать было, много, 5 человѣкъ. Въ-третьихъ, въ Ригѣ неграмотные учились дважды въ день, а въ Динабургѣ только по 2 часа въ сутки. Въ-четвертыхъ, въ Ригѣ учителя освобождались *отъ всякихъ другихъ занятій*, а въ Динабургѣ они не пользовались рѣшительно никакими, противъ учащихся, льготами, а это весьма серьезно, какъ мы видѣли, отражается на развитіи грамотности.

И такъ, дабы въ динабургской ротѣ улучшилась грамотность, необходимо: а) арестантовъ отъ 40-лѣтняго возраста

и выше совершенно освободить отъ ученія: этимъ способомъ священникъ получить возможность удѣлять больше времени на преподаваніе людямъ, желающимъ и способнымъ научиться; б) увеличить срокъ обученія: двухъ часовъ въ день очень недостаточно для усвоенія слышаннаго, а потому нѣкоторые, по слабопамятности, многое вскорѣ-же забывали, такъ что, если кому изъ приступавшихъ къ ученію сразу трое сутокъ не приходилось, бывать въ классѣ (просидѣли, напр., въ карцерѣ или отдыхали въ околоткѣ); тѣ начинали, какъ мы лично видѣли, совершенно сначала; в) учителей сократить числомъ; но, въ то же время, поставить ихъ выше, въ глазахъ арестантовъ—освобожденіемъ отъ работъ, напримѣръ, въ шпальняхъ, такъ какъ учащіеся, видя, что ихъ учителямъ «та же, какъ и имъ, во всемъ честь», лѣнились, по своему невѣжеству, учиться; наконецъ г) сами учителя, будучи поощрены, несравненно прилежнѣе стали бы за это заниматься своимъ дѣломъ.

VI.

Недостатокъ умственного развитія персонала начальства весьма ощутительно отражался на исправленіи нравственности людей, болѣе или менѣе порочныхъ, уклонившихся отъ пути истиннаго. Такъ, въ обращеніи офицеровъ съ арестантами не хватало ни желанія, ни умѣнья расположить ихъ къ себѣ, развить въ нихъ уваженіе къ справедливости, знаніямъ, къ старшимъ, подчинить ихъ *разумной* дисциплинѣ, которая присуща имъ, будущимъ солдатамъ. Въ то время, когда въ Ригѣ арестанты рѣшительно ничего не смѣли предпринимать помимо своихъ отдѣленныхъ унтеръ-офицеровъ, которые передавали объ ихъ просьбахъ фельдфебелямъ и лишь тѣ докладывали

отдѣленнымъ офицерамъ — здѣсь арестанты часто обращались, какъ мы видѣли, прямо къ офицерамъ, отчего власть унтеръ-офицеровъ неизбежно умалялась, да и не только арестанты не выгадывали, но и сами офицеры прогадывали: небрежный ихъ тонъ, жесткіе, отрывочные отвѣты отдаляли отъ нихъ ввѣренныхъ ихъ перевоспитанію людей. Изъ многихъ фактовъ, совершившихся на нашихъ глазахъ, укажемъ лишь на 2 — 3, наглядно подтверждающіе вышесказанное. Арестантъ просилъ офицера приказать отпустить нитокъ: «иначе нечѣмъ, добавилъ онъ, шить». «Молчи, дуракъ!» закричалъ на него офицеръ, обидѣвшись. Другой офицеръ приказывалъ арестанту, при другихъ, сочинить отъ его, офицера, имени письмо къ теткѣ, ибо онъ самъ былъ малограмотенъ! Эта же неспособность обращаться съ раздраженными людьми кончалась, иногда, самыми печальными катастрофами. Такъ, въ 1870 году, офицеръ приказалъ арестанту Нейману идти въ карцеръ, за нерадѣніе къ работѣ. Нейманъ ослушался, говоря, «что пусть его отправятъ въ каторгу, а если посадятъ въ карцеръ — онъ что-нибудь сдѣлаетъ надъ собою»; но фельдфебелю повиновался и пошелъ въ карцеръ; потомъ сказалъ унтеръ-офицеру: «ты меня будешь помнить», причемъ погрозилъ ему кулакомъ; наконецъ, сидя въ карцерѣ, разбилъ стекло въ окнѣ, дабы имъ зарѣзаться, какъ пояснилъ. Явился третій офицеръ и ударилъ его кулакомъ по лицу, за что Нейманъ отвѣтилъ ему тою-же монетою. За всѣ эти преступленія, совершонныя въ *одинъ день*, судъ приговорилъ Неймана *разстрѣлять*, но казнь эта была замѣнена каторгою на 20 лѣтъ, а офицеръ высидѣлъ мѣсяць на гауптвахтѣ. Жаль, во-первыхъ, что въ приговорѣ не было *разсказано*, съ чего началось это событіе, во-вторыхъ, какое-же должно быть значеніе офицера, которому арестантъ не повинуются, а фельдфебельское приказаніе исполняетъ без-

прекословно; въ третьихъ, сообразно-ли съ достоинствомъ офицера усмирять разсвирѣпѣвшаго отъ неудачъ арестанта кулакомъ? Вѣдь это значило просто напрашиваться на оскорбленіе: взволнованный человѣкъ, рѣшающійся на самоубійство, ни предъ чѣмъ, конечно, не остановится, слѣдовательно, самосохраненіе, благоразуміе побуждали офицера явиться къ Нейману съ кроткимъ *успокоеніемъ*, а не кулакомъ усмирять его и не доводить дѣло до совершившагося результата.

Въ числѣ первыхъ факторовъ исправленія нравственности порочныхъ людей вездѣ считается религія. Между тѣмъ рота открылась, какъ замѣчено выше, 29 ноября 1867 г., а церкви не было до 1872 года, что то же сильно беспокоило иныхъ арестантовъ, которые освѣдомлялись у насъ объ этомъ

— Позвольте, сударь, спросить у васъ, откроютъ намъ-туть церковь?

— Непремѣнно. А тебя для чего это интересуешь?

— Да у насъ одни молебны, по воскресеньямъ, служатъ въ классѣ, а я очень люблю побывать въ церкви, штобы показнись предъ Богомъ о грѣхахъ своихъ.

— Можешь молиться и за молебномъ, въ камерѣ: искренняя молитва Богу всегда угодна, гдѣ-бы человѣкъ не произносилъ ее: на всякомъ мѣстѣ Владычица его. Знаешь ты это?

— Да-съ. Только въ настоящемъ-то храмѣ пріятнѣй: отбросишь по боку всю суету мірскую, да и стоишь себѣ... ангелы вопіять, душа радуется, ну и молишься отъ всего, значить, сердца.

— Скоро, говорили мнѣ, устроятся церковь и тогда будете ходить и ко всенощнымъ, и къ обѣднямъ, по праздникамъ.

— Покорно благодаримъ за доброе ваше слово. Дай-то

Богъ поскорѣй, а то 4 года краду здѣсь живу и храма Божьяго не видалъ, херувимской не слыхалъ... Справляйся, говорятъ, справляйся, работой, смиренствомъ, точно на нѣмецкой фабрикѣ... Э эхъ-хе!...

— Если ты точно богомоленъ—это похвально, дѣлаетъ тебѣ честь, а только и роптать-то, братъ, грѣшно.

— И на солнышкѣ, сударь, ясномъ, то же, говорятъ, пятнышки водятся: всѣ мы люди, всѣ человѣки, и, по Божьему произволенію грѣшники...

Приведенная, дословная бесѣда съ пожилымъ ужъ арестантомъ невольно наводитъ на двоякаго рода мысль. Отчего было, до открытія постоянной церкви, не устроить въ одной изъ большихъ свободныхъ комнатъ походной церкви, какъ это дѣлается при расположеніи войскъ въ лагеряхъ? Это тѣмъ болѣе, кажется, возможно было, что всѣ церковныя принадлежности въ ротѣ давно ужъ имѣлись, а приспособленіе стоило-бы ничтожной издержки въ вѣскольکو рублей, при готовыхъ рабочихъ рукахъ. Или, почему-бы не водить арестантовъ фронтомъ къ ранней, напримѣръ, обѣднѣ въ крѣпостной соборъ, какъ это совершалось въ бобруйской ротѣ? Намъ объясняли, что это опасно: народъ разбѣжится. На это возразимъ; во 1-хъ, начальство располагало 25—30 унтеръ-офицерами, да 50-ю конвойными съ ружьями; во 2-хъ, если мало этихъ 80-ти караульныхъ — легко было, на 2—3 часа въ недѣлю, исходатайствовать, у кого слѣдуетъ еще добавочныхъ 100 конвойныхъ; наконецъ, въ 3-хъ, изъ бобруйскаго-же собора никто, однако, изъ арестантовъ не убѣгалъ изъ подъ конвоя, а новогеоргіевская рота ходила, въ хорошую погоду, цѣлымъ составомъ на фронтовыя ученья, версты за 2 отъ крѣпости, въ сопровожденіи однихъ лишь кадровыхъ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ, и, тѣмъ не менѣе, не было еще случая, чтобы кто-нибудь тагу далъ. Резюми-

руя все вышесказанное, остается неизбежно заключить, что начальство здѣшней роты поверхностно относилось къ душевнымъ потребностямъ арестантовъ, внутренній міръ которыхъ закрытъ былъ для него, а потому оно не вселило довѣрія къ себѣ; а высокое званіе перевоспитателей, безъ довѣрія къ нимъ перевоспитываемыхъ—явленіе слишкомъ безотрадное, долженствующее какъ можно скорѣе устраниться въ интересахъ дѣла.

Каждый разрядъ арестантовъ занималъ, какъ сказано въ III главѣ, въ окружности болѣе 10 комнатъ. По малочисленности унтеръ-офицеровъ, на ночь наряжался на разрядъ лишь одинъ дежурный, который разомъ физически не въ состояніи былъ, понятно, присутствовать въ 10, глядѣть дальше 2—3-хъ комнатъ, по прямой линіи расположенныхъ. Отлично зная эти неудобства, арестанты старались, разумеется, пользоваться ими для своихъ, возбраняемыхъ закономъ, дѣйствій, а дежурный (одинъ на 200—300 человекъ), ради полученія помощи—долженъ былъ пробраться чрезъ всѣ комнаты, корридоры внизъ, чрезъ дворъ, въ средину казармы къ дежурному офицеру, но покуда онъ совершалъ это путешествіе—минуть въ 15—въ камерахъ все принимало мирный характеръ...

— Какъ вы ночью стережете порядокъ? спросили мы унтеръ-офицера, сойдясь съ нимъ покороче

— Ночью словами больше дѣлаемся съ ними: видимъ, примѣрно, сигарки запалили, али вздорять промежь себя и крикнешь: «перестаньте, ребята, вѣдь это запрещено». Смирные живо все прекратятъ, а про буяновъ на утро докладываемъ начальству.

— А ночью никакихъ ужъ мѣръ сами не принимаете?

— Когда сходишь объявить офицеру, а когда и промолчавъ, глядя по дѣлу; самому же расправляться съ ними

— Есть, безспорно, во всѣхъ сословіяхъ люди, отступающіе отъ закона; но это, увѣряю тебя, такая-же ничтожная частица, какъ капля въ морѣ.

— Извините за попереченье: по моему, ничтожная-то частица и исполняетъ, можетъ статья, законъ, а всѣ остальные нѣтъ. Мнѣ ужъ 60 слишкомъ лѣтъ и я все узналъ, перебивавши на родинѣ, на службѣ, 3 раза въ бѣгахъ, въ 2-хъ арестанскихъ ротахъ, въ Финляндіи, въ Хокляндіи, въ Польшѣ и въ Сибири. Особливо многое мнѣ открылось въ Сибири: настоящіе-то хорошіе люди только и есть тамъ.

— Развѣ въ Россіи ты никогда не встрѣчалъ хорошихъ людей?

— Встрѣчать-то, правда, встрѣчалъ, да все не такіе. Они, какъ въ Сибири, за Иркутскомъ. Въ Россіи ежели-бъ всѣ жили толково, какъ въ Сибири, и арестантскихъ-бы ротъ никакихъ не надо, а то каждый наровитъ напако-стать сосѣду, брату и проч., о помощи-же никому и не за-мисля; никто не внемлетъ: мнѣ, дескать, выгоднѣй будетъ, коли ты пропадешь, а въ Сибири всякій соболѣзнуетъ не-счастію другого, всегда пособитъ чѣмъ можетъ, послѣднимъ подѣлится пополамъ.

— Если въ Сибири такъ и дѣлаютъ, какъ ты толкуешь, въ чемъ я, сознаюсь, сомнѣваюсь, то преимущественно, вѣдь, бывшіе ссыльные, каторжные, которые помнятъ свои соб-ственные несчастія, или же чаятъ чѣмъ-нибудь поживиться отъ варнаковъ, бѣглыхъ, и потому потворствуютъ имъ. Они-же, въ знакъ благодарности, ихъ-же потомъ обкрадываютъ, не то, бывали часто случаи, и просто убивали. За что, скажи, на примѣръ, алеуты, тунгусы и другіе инородцы подстрѣли-ваютъ бродягъ безжалостно, какъ звѣрей? За то, что они ихъ грабятъ, обираютъ по дорогамъ. Вотъ, братецъ, какой хваленый вашъ сибирскій народъ.

— Голодъ и погоня, извѣстно, не свой братъ, — надо излавливаться, питаться, и не попадать въ капканъ, а уничтожать его. Все-жъ таки въ Сибири лучше, нежели на Россіи. Три четверти гулящаго у насъ по волѣ народа сажай смѣло въ арестантскія роты: правъ будешь.

— Вмѣсто васъ, что-ли? т. е., васъ выпустить, а другихъ посадить?

— А хоша-бы и такъ, — будьте увѣрены, не ошибетесь: мы лучше многихъ вашихъ вольныхъ людей, когда хорошенько распознаете насъ; дайте-ка намъ свободу, работу по сердцу, да обходитесь съ нами по чести и увидите, что мы стоимъ этого, сами порадуемся нашему мирному житію, закончили онъ, сверкая помершими глазами.

— Но вы, вспомни, вѣдь преступники, а такіе люди должны вынести наказаніе за свои прегрѣшенія, а потомъ ступайте себѣ съ Богомъ.

— Тогда, когда вдосталь всѣ силы потеряемъ? Благодаримъ покорно! Лошадь о 4 ногахъ и та, вонъ, спотыкается, падаетъ, хозяева ее поднимаютъ, даютъ ей отдохнуть и она опять везетъ. Мы хотъ, люди, но тоже спотыкались, провинялись; но насъ за это прямо стегали прежде палками, плетьюми; это насъ ожесточало и мы повторяли свое: хотѣли, значить, отбояриться да, не могли: забыли, что съ сильнымъ не борись... Вотъ вся наша вина, а за нее околѣвать въ капканахъ, извѣстно, обидно.

— Вы, старики, достойны, правда, сожалѣнія, — но, все-таки, повторяю, скверно поступаете, сбивая молодыхъ съ толку. Вѣдь безъ водки-же можно обойтись?

— Разумѣется.

— Зачѣмъ-же вы научаете, какъ ловчѣе ее добывать?

— Чтوبъ показать, что мы не даромъ прожили вѣкъ въ бѣгахъ, да въ острогахъ, а научились уму-разуму; чтобъ

потѣшиться надъ начальствомъ, да, наконецъ, чтобъ и выпить, кручинушку заглушить.

— Не одни-же вы, однако, старпки, тутъ пьете?

— И молодые пьютъ, коли удастся провести начальство.

— Значить, вы вводите ихъ въ искушеніе? Ну для чего-же это?

— А компанією веселѣй отдуваться.

— Давно-ли ты обвинялъ русскихъ, что они безжалостны, будто-бы, другъ къ другу, а мѣжду тѣмъ самъ дѣлаешь тоже самое? Это стыдно предъ людьми и грѣшно предъ Богомъ!

— Грѣхъ—орѣхъ, а правда подъ судейскимъ столомъ. Такъ я это думаю.

— Развѣ ты не признаешь грѣха?

— Да я столько въ свою жизнь перетерпѣлъ, что всѣ свои грѣхи давно уже похерилъ. Да-съ.

— Молишься ты когда-нибудь Богу?

— Н-нѣ... Почитай нѣтъ.

— Отчего?

— Да, что-жъ молиться, коли не милуютъ?

— Не милуетъ тебя Богъ потому, что ты не раскаявшійся грѣшникъ. Человѣкъ ты ужъ старый, жить тебѣ остается немного, и потому выкинь-а лучше изъ своей головы всю дурь, а молись почаще Богу и Онъ тебя успокоитъ.

— Пускай уволютъ отсюда, стану благодарить Бога, что вынесъ на волю, а покуда здѣсь буду обрѣтаться, и молиться не за что.... Впрочемъ... такъ ужъ и быть, подумаю, пожалуй, на досугъ, объ вашихъ словахъ, насчетъ мненья, заключилъ онъ съкронею.

На этомъ разстались. Такіе, между тѣмъ, изуродованные субъекты первенствуютъ въ арестантской средѣ: ихъ

— Голодъ и погоня, извѣстно, не свой братъ, — надо излавливаться, питаться, и не попадать въ капканъ, а уничтожать его. Все-жъ таки въ Сибири лучше, нежели на Россіи. Три четверти гулящаго у насъ по волѣ народа сажай смѣло въ арестантскія роты: правъ будешь.

— Вмѣсто васъ, что-ли? т. е., васъ выпустить, а другихъ посадить?

— А хоша-бы и такъ, — будьте увѣрены, не ошибетесь: мы лучше многихъ вашихъ вольныхъ людей, когда хорошенько распознаете насъ; дайте-ка намъ свободу, работу по сердцу, да обходитесь съ нами по чести и увидите, что мы стоимъ этого, сами порадуемся нашему мирному житію, закончили онъ, сверкая помершими глазами.

— Но вы, вспомни, вѣдь преступники, а такіе люди должны вынести наказаніе за свои прегрѣшенія, а потомъ ступайте себѣ съ Богомъ.

— Тогда, когда вдосталь всѣ силы потеряемъ? Благодаримъ покорно! Лошадь о 4 ногахъ и та, вонъ, спотыкается, падаетъ, хозяева ее поднимаютъ, даютъ ей отдохнуть и она опять везетъ. Мы хотъ, люди, но тоже спотыкались, провинялись; но насъ за это прямо стегали прежде палками, плетями; это насъ ожесточало и мы повторяли свое: хотѣли, значить, отбояриться да, не могли: забыли, что съ сильнымъ не борись... Вотъ вся наша вина, а за нее околѣвать въ капканахъ, извѣстно, обидно.

— Вы, старики, достойны, правда, сожалѣнія, — но, все-таки, повторяю, скверно поступаете, сбивая молодыхъ съ толку. Вѣдь безъ водки-же можно обойтись?

— Разумѣется.

— Зачѣмъ-же вы научаете, какъ ловчѣе ее добывать?

— Чтوبъ показать, что мы не даромъ прожили вѣкъ въ бѣгахъ, да въ острогахъ, а научились уму-разуму; чтобъ

дующими свѣдѣніями: драли—по суду: въ 1869 г. 5, а въ 1870 г. 2 чел., въ томъ числѣ 1 за нанесеніе ножомъ раны товарищу 200 ударовъ розогъ, а безъ суда, въ 1868 г.: 1—за ослушаніе фельдфебеля 25 ударовъ, 2—за возвращеніе съ виѣшной работы нетрезвыми, 1—50, другому—75 ударовъ, шестой за игру въ карты въ госпиталѣ 50 ударовъ, седьмой—за кражу хлѣба въ столовой—50, восьмой—«за подозрѣніе игры въ кости» 30 ударовъ; въ 1871 г. три человека по 100 ударовъ за намѣреніе бѣжать изъ роты. Затѣмъ сажались въ карцеры, наприм., въ 1869 г., за храненіе у себя курительнаго, нюхательнаго табаку, кофе, цикорія—на 5 дней; «за объявленіе священнику нечѣстныхъ толковъ» (?), за кражу украденной и у другого отнятой селедки («воръ у вора дубину укралъ») на 5—7 сутокъ; въ 1871 году въ темный карцеръ на 3 сутокъ; за куреніе табаку; за громкій разговоръ, за ложный отвѣтъ старшему помощнику начальника роты: «вода изъ колодца», когда таковая была «изъ бассейна», на 5 сутокъ на хлѣбъ и воду; за отвѣтъ фельдфебелю: «для окраски печки есть бѣлильщики»; за взятіе-же съ пробнаго стола стакана, для питья воды, и за отдачу онаго добровольно унтеръ-офицеру, на 9 сутокъ въ темный-же карцеръ, съ переводомъ въ испытуемые на 3 мѣсяца; наконецъ, за кражу и продажу, за 50 к., обрѣзка, въ тотъ же карцеръ на 15 дней, съ переводомъ въ испытуемые.

Всѣхъ карцеровъ, расположенныхъ въ подвальномъ этажѣ было 38; изъ нихъ принадлежало: 24—войскамъ, расположеннымъ въ крѣпости, для сажанія, дисциплинарнымъ порядкомъ, провинившихся солдатъ, а 14—ротѣ. Въ карцерахъ довольно опрятно; широкія нары, століки и близъ дверей ящики, въ которыхъ находилась посуда для испражненія. Относительно карцеровъ заявимъ, что для войскъ слѣдовало

бы отвести таковыя въ другихъ многочисленныхъ зданіяхъ крѣпости, а ротные возвратитъ ей, для заключенія, на основаніи 64 ст. положенія, прибывающихъ, хотъ только рецидивистовъ, на *весь* половинный срокъ пребыванія ихъ въ испытуемыхъ, а то часто не бываетъ свободныхъ карцеровъ, даже и для этихъ преступниковъ, и они просиживаютъ въ одиночномъ заключеніи весьма короткіе сроки.

Проштрафливались преимущественно новички, не освоившіеся съ ротными порядками; рецидивисты же (ихъ было въ 1871 году, наприм., изъ 659 чел.—144 чел.) и особливо старики, избѣгали штрафа, вслѣдствіе тонкаго умѣнья ладить съ непосредственными своими начальниками. Это составляло иныхъ упорныхъ новичковъ и навлекало на нихъ гораздо сильнѣйшія, потомъ, невзгоды. Мысль эту подкрѣпимъ фактомъ.

Въ одномъ изъ карцеровъ содержался при насъ, за покушеніе на убійство, арестантъ 28 лѣтъ, изъ кантонистовъ, грамотный. Насъ увѣряли, что онъ бросается на всѣхъ и говоритъ, что кого-нибудь да непременно убьетъ, и потому намъ отсовѣтывали бесѣдовать съ нимъ; но мы поступили наоборотъ—вошли къ нему одни и притворили нарочно за собой дверь. Онъ мгновенно вскочилъ и какимъ-то отчаяннымъ голосомъ спросилъ:

— Что вамъ нужно отъ меня? Подите прочь!

— Мнѣ жаль тебя, потому я зашелъ поговорить съ тобою.

— Не о чемъ. Я всѣхъ ненавижу. Уйдите, говорю вамъ, куда цѣлы!

— Полно, дружокъ, злиться, а потолкуемъ-ка лучше по братски. Можетъ я тебѣ дамъ и хорошій совѣтъ, а чело-вѣкъ въ несчастіи не долженъ пренебрегать всѣми.

— Да о чемъ же, о чемъ же, буду я съ вами говорить, когда впервые вижу васъ?

— О томъ, напимѣрь, что къ тебѣ, говорятъ, страшно приблизиться: ты угрожаешь убить всякаго. Правда-ли это?

— Правда. И убью, непременно убью того, кто попадется мнѣ подъ руку!

— Если ты жаждешь совершить самое тяжкое изъ преступлений — убійство, — значить я и могу сдѣлаться 'этою жертвою, потому что я, какъ видишь, безоружный, незащитный.

— Ахъ, Господи ты, Боже мой!. Да что-же это такое?.. Да вы!.. Я не понимаю себя... Нѣ...ѣтъ... Да васъ-то за что-же убивать? Ну да... вы мнѣ худаго ничего не сдѣлали. Фу ты... Лицо его передергивалось.

— Въ такомъ случаѣ, побесѣдуемъ, пожалуйста, дружелюбно. Садись, а я возьмѣ тебя.

— Извольте-съ... проговорилъ онъ смягчаясь. Извините мою дерзость... Я страшно раздражонъ... Я шальной!!!

— Охотно извиняю. Я слышалъ, вы компанією хотѣли бѣжать изъ госпиталя?

— Собственно по этому дѣлу я, ей-ей, только въ чужомъ пиру опохмѣляюсь: я открылъ, что арестанты сдѣлали подкопъ, они нанесли мнѣ, вотъ, на рукахъ и на спинѣ семь ранъ, а потомъ меня же обвинили.

— Какимъ-же это способомъ открылъ ты объ ихъ намѣреніи?

— Лежали мы, видите-ли, въ госпиталѣ. Товарищи начали дѣлать подкопъ гораздо раньше моего прибытія, а при мнѣ кончили и требовали, чтобы я съ ними бѣжалъ. Сперва я было согласился, а потомъ, понемногу, раздумалъ. Тогда они пристали, чтобы я молчалъ: иначе, говорятъ: убьемъ тебя. Я ихъ урезонивалъ не бѣгать, да напрасно... Наступилъ ужъ вечеръ задуманнаго дѣла. Увидѣлъ я, случайно,

часовымъ за дверью нашей палаты, молоденькаго солдатика, просто мальчишку, и во мнѣ явилась жалость къ нему: за что-жъ, молъ, онъ-то, глупый, пострадаетъ — попадетъ въ исправительную роту? Нѣтъ, молъ: не допущу его погубить. Я подошелъ потихоньку къ двери и сказалъ ему: «не рото-зѣйничай: чрезъ полчаса всѣ убѣгутъ чрезъ готовый подкопъ, доложи скорѣй, кому тамъ знаешь», и вернулся къ своей койкѣ. Товарищи начали было ужъ лезть въ подкопъ, да отскочили, увидѣвши снаружи конвой... Въ яроста, они кинулись на меня и изранили меня... Потомъ, со злости, показали, будто и я хотѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ ними... Но тутъ подоспѣла собственно для меня другая бѣда: когда я лежалъ израненный, они принялись дразнить меня; «и тебѣ розогъ полтора ста попадетъ, безпремѣнно попадетъ»; а де-журный унтеръ-офицеръ, поддакивая имъ, — съ злорадствомъ добавлялъ: «докащику всегда вѣдь попадаетъ первый крутъ»... Я не вытерпѣлъ этой обиды и пустилъ въ него оловянною кружкою, да жалъ — промахнулся...

— Неужели-жъ хотѣлъ его убить?

— Да, желалъ, дѣйствительно желалъ убить его, или кого попало изъ моихъ враговъ, потому что во мнѣ здѣсь все убили. Я попалъ сюда, положимъ, за дѣло — за то, что укралъ изъ-подъ замка чужую вещь и думалъ тутъ терпѣливо загладить свой проступокъ; но потомъ убѣдился, что нельзя: чрезъ недѣлю послѣ прибытія сюда, я какъ-то по-журился съ товарищемъ; фельдфебель увидалъ, товарищу простилъ, а меня при всѣхъ на чемъ свѣтъ стоитъ разругалъ, да еще потребовалъ, чтобы я признался, что знаю, что это запрещено правилами. Я человекъ вспыльчивый, упрямый, отвѣтилъ ему, что не только я не знаю и никогда ни отъ кого не слышалъ никакихъ правилъ, но и самъ онъ врядъ-ли знаетъ ихъ. Меня за это мигомъ въ темный карцеръ за —

прятали. Я сталъ кричать, ломаться въ дверь, чтобъ меня выслушали, разобрали дѣло,—анъ, глядь, еще хуже: выдрали. Я въ госпиталь, а тамъ эта исторія случилась!.. И теперь набавятъ, говорятъ, три года сидѣть здѣсь, да еще 200 розогъ. Ну, да врутъ: я лучше пятерымъ еще голову снесу, чѣмъ приму розги, чѣмъ останусь тутъ 6 лѣтъ! Я, ей Богу, готовъ лучше хогъ сейчасъ-же къ столбу и умереть, только бы на своемъ поставить: такой ужъ у меня характеръ. Не думайте, что я хвалюсь этимъ: я тоже самое объявилъ суду и только повторяю вамъ. Глаза его страшно засверкали, багровый румянецъ покрылъ, мгновенно, его щеки, онъ заскрежеталъ зубами и, казалось, дѣйствительно готовъ былъ тотчасъ-же исполнить свое намѣреніе, но въ рукахъ не было ничего умерщвляющаго. Я ничего не прибавилъ и не убавилъ, потому вы не судья намъ, слышалъ я, заключилъ онъ съ азартомъ, немного помолчавъ. А васъ прошу, умоляю теперь объ одномъ—уйдите, уйдите ради Бога, отъ меня... неровенъ часъ... дьяволъ смущаетъ меня... а вы... вы все-таки мнѣ ничего худаго не сдѣлали... Уйдите-же!..

— Успокойся, дружокъ, уйду. И мы поспѣшили исполнить его просьбу, а его заперли, и мы слышали какъ онъ, въ ярости, грохнулся на нары и отчаянно застоналъ, зарыдалъ...

Подобнаго рода оказіи не рѣдки, какъ извѣстно, и въ образцовыхъ заграничныхъ тюрьмахъ, управляемыхъ знатоками человѣческаго сердца; поэтому тѣмъ менѣе основанія винить ограниченныхъ понятіями фельдфебеля или унтеръ-офицера, въ ихъ неспособности различить, съ кѣмъ они имѣли дѣло. Есть, впрочемъ, надежда, что когда, со введеніемъ нормальныхъ штатовъ, начальство арестантовъ будетъ матеріально обезпечено—роты пріобрѣтутъ возможность подобрать гораздо лучший составъ начальства. Касательно же

заключеннаго, добавимъ, что онъ на столько еще молодъ, и со смысломъ, что частныя, разумныя бесѣды съ нимъ по всей вѣроятности, привели-бы его къ примиренію съ своею бѣдою, которую онъ самъ-же себѣ навлекалъ пылкимъ, крутымъ своимъ характеромъ.

VIII.

Статистика болѣзней и смертности арестантовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Въ те- ченіи 1868 г.	Въ те- ченіи 1869 г.	Въ те- ченіи 1870 г.	Въ те- ченіи 1871 г.	Въ те- ченіи 1872 г.
Выздор. Пришло Умерло.	Осталось отъ 1868 г. и пришло въ 1869 г.	Выздор. Умерло.	Осталось отъ 1869 г. и пришло въ 1870 г.	Выздор. Умерло.	Осталось отъ 1870 г. и пришло въ 1871 г.
Выздор.	Умерло.	Выздор.	Умерло.	Выздор.	Умерло.
Осталось отъ 1871 г. и пришло въ 1872 г.					

Катарральной, гастри- ческой и ревматической горячками	И	143	127	14	81	74	5	33	33	—	—
Перемежающейся ли- хорадкой.	Н	104	93	8	53	50	1	44	—	2	—
Тифозною горячкою и тифомъ	Д	53	43	9	5	3	—	29	27	2	—
Желчнымъ и слизис- тымъ поносами.	Ф	40	41	6	26	23	3	56	50	—	6
Воспаленіемъ глазъ .	В	59	53	1	64	62	—	88	82	—	6
Острымъ катарромъ дыхательныхъ органовъ и гриппомъ.	С	.									
Воспаленіемъ зѣва .	Т	4	4	—	11	8	—	227	206	—	24
Воспаленіемъ легкихъ, плевры, сердца и сосу- довъ	Ф	28	26	2	6	4	1	19	18	—	1
	Н	37	26	9	12	6	1	57	52	5	—

	Въ те- ченіи 1868 г.	Въздор. Прибыло. Умерло.	Осталось отъ 1868 г. и прибыло въ 1869 г.	Въ те- ченіи 1869 г.	Въздор. Умерло.	Осталось отъ 1869 г. и прибыло въ 1870 г.	Въ те- ченіи 1870 г.	Въздор. Умерло.	Осталось отъ 1870 г. и прибыло въ 1871 г.	Въ те- ченіи 1871 г.	Въздор. Умерло.	Осталось въ 1872
Воспаленіемъ брѣш- ныхъ органовъ	И.	1	1	—	2	2	—	4	8	1	—	—
Рожею		4	3	—	2	2	—	10	10	—	—	—
Хроническимъ катар- ромъ кишечнаго канала.	I	17	16	—	14	13	—	60	58	2	—	—
Неправильностью въ отдѣленіи желчи	H	4	4	—	4	3	—	—	—	—	—	—
Золотухой и англій- скою болѣзнью.	В	10	8	—	5	4	1	24	23	—	1	—
Бугорчаткою.		80	60	17	82	64	16	18	8	10	—	—
Органическ. болѣзнью дыхательнаго снарада . .	Д	127	102	20	84	64	6	138	105	11	22	—
Органическ. болѣзнью сердца	В	2	1	1	—	—	—	3	1	1	1	—
Ревматизмомъ и ло- мотою.	В	28	26	1	11	6	—	149	139	—	10	—
Водянкою.		9	7	2	—	—	—	2	1	1	1	—
Цингой	С	34	31	3	2	2	—	78	77	—	1	—
Хронической сыпью . .		3	2	1	1	—	—	3	3	—	—	—
Худосочными язвами.	Ъ	29	23	4	13	8	—	51	49	—	2	—
Венерической		33	28	2	41	40	—	69	66	—	3	—
Чесоткою.	Т	2	2	—	1	1	—	5	5	—	—	—
Мѣстными болѣзнями шумовыхъ органовъ . .	В	8	8	—	2	2	—	5	5	—	—	—
Мѣстными болѣзнями головныхъ органовъ . .		5	5	—	3	3	—	2	2	—	—	—
Травматическими по- слѣдствіями наказаній . .	H	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ушибами		8	2	—	9	7	1	17	17	—	—	—

	Въ те- ченіи 1868 г.	Въ те- ченіи 1869 г.	Въ те- ченіи 1870 г.	Въ те- ченіи 1871 г.	Въ те- ченіи 1872 г.
	Выздоров. Прибыло. Умерло.	Осталось отъ 1868 г. и прибыло въ 1869 г.	Выздоров. Умерло.	Осталось отъ 1869 г. и прибыло въ 1870 г.	Выздоров. Умерло.
Ранами отъ огне- стрѣльнаго и холоднаго оружія	3	3	—	4	1
Вывихами	1	1	—	—	—
Выпаденіями	2	2	—	—	—
На испытаніи	4	4	—	2	2
Воспаленіемъ моче- выхъ органовъ	—	—	—	2	2
Варіолоидъ	—	—	—	1	1
Органическими болѣз- нями внутренностей	—	—	—	2	1
Опѣмѣніями	—	—	—	1	1
Ожогами	—	—	—	2	2
Воспаленіемъ подкож- ной кѣлѣчатки и нарыв- ами	—	—	—	8	5
Брайтовой болѣзнію и перерожденіемъ почекъ	—	—	—	—	—
Умственныиъ раз- стройствомъ	—	—	—	—	—
Грижею	—	—	—	—	—
Карбункуломъ и ве- редами	—	—	—	—	—
Доброкачественными опухолями	—	—	—	—	—
Ракомъ	—	—	—	—	—
Костюдомъ	—	—	—	—	—
Язвами	—	—	—	—	—
Итого	—	1485	100	992	35

Въ числѣ больныхъ бывали, иногда, и такіе, которые сами причиняли себѣ недуги. Такъ, въ карты, кости, на-примѣръ, играть въ казармѣ опасно, неудобно: некуда было прятать картъ, но въ госпиталѣ все это отчасти устранялось. И вотъ, ярые любители этого рода времяпровожденія достигали цѣли противоестественнымъ способомъ—расковыривали раны на тѣлѣ, и преимущественно на дѣтородныхъ частяхъ, ихъ отпавляли въ госпиталь, для пользованія, и тамъ они играли, у кого были—на деньги, а нѣтъ—на порціи говядины, булки, хлѣба; словомъ, ставили все, что могли, даже носы, ладони, спины, по которымъ выигравшій билъ скорбнымъ листомъ, руками, свернутою изъ полотенца веревкою, даже доскою, на которой прописывается имя и недугъ больного. Намъ удалось вкратѣ въ довѣріе къ одному изъ больныхъ и страстныхъ охотниковъ до игры въ карты (отъ него мы узнали вышеописанное), причемъ онъ, при одномъ словѣ «карты» — встрепенулся оживился, даже глаза его какъ-то странно заискрились.

— Самъ не знаю, отчего, а страхъ люблю играть; по двое сутокъ сряду не ѣвши бывалъ и голоду не чувствовалъ, восторженно говорилъ онъ. Сто розогъ готовъ принять, чтобъ 2—3 часа *свободно* проиграть. Я другимъ совсѣмъ человекомъ дѣлаюсь, сидя за картами; все, все въ жизни забываю, когда обдумываю: съ какой карты ходить, какъ ловчѣй обыграть другого. Я въ страженіяхъ бывалъ и меньше, ей Богу, дурѣлъ, чѣмъ въ арестантахъ — за картами, и вотъ почему: страхъ, знаете-ли, какъ-то всего тебя пріятно передергиваетъ; вотъ, вотъ, думаешь, идуть, накроутъ, прогонять въ роту, тамъ выдерутъ, руки дрожать, поджилки трясутся, въ глазахъ чертики бѣгаютъ, и вдругъ... и вдругъ выигралъ и остался невредимъ!.. Прелесть, что такое тогда творится со

жвой! И по неволѣ добиваешься всячески поиграть, потому одна въ жизни отрада. Вѣрьте Богу, такъ.

Съ устройствомъ въ ротѣ, лазарета, и картежная игра изгонится, конечно, изъ употребленія: будетъ собственно ротный за больными надзоръ, который несравненно строже чужаго, госпитальнаго. Въ госпиталь, впрочемъ, отправляли серьезныхъ, исключительно, больныхъ, а остальныхъ пользовали въ ротномъ околоткѣ, гдѣ бывало постоянно человѣкъ 30 — 40, преимущественно для возобновленія силъ; половина этихъ людей—старики.

IX.

Арестанты выглядѣли, вообще говоря, не совсѣмъ здоровыми; но держали себя гораздо смѣлѣе, нежели въ Ригѣ: тутъ дисциплина была менѣе строгая; среди нихъ были и кривые и одинъ даже на костыляхъ.

Въ классѣ мы, однажды, замѣтили, какъ учитель-арестантъ прекрасно диктовалъ собратамъ правила дѣленія. Мы съ нимъ заговорили и постепенно дошли до причины его паденія.

— Я вышелъ изъ спеціального класса инженернаго училища кондукторомъ въ то же вѣдомство, началъ онъ, краснѣя, отъ воспоминанія, кѣмъ былъ и кѣмъ стаѣ. Я былъ молодъ, неопытенъ, ожиданія мои — скоро попасть въ офицеры—не осуществились, по сердечнымъ обстоятельствамъ потерпѣлъ крушеніе, деньги водились въ изрядномъ количествѣ (я дѣлалъ чертежи, составлялъ сметы, проекты), я и опустился, сталъ пить... Потомъ вышелъ, по манифесту, въ отставку, работы лишился, источники мои какъ-то сразу иссякли, жить оказалось нечѣмъ, поддержать меня некому было, я и нанялся въ солдаты, попалъ въ полкъ, въ пи-

сара, началъ опять кутить, благо въ этомъ краѣ, — по дешевизнѣ водки, — денегъ немного на это надо. Меня сажали въ карцеры, оштрафовывали... и, къ сожалѣнію, бесполезно: во мнѣ не достало силы воли исправиться. И вотъ, однажды, адъютантъ поручилъ мнѣ купить два листа гербовой бумаги рублеваго достоинства. Я было купилъ листы, но, по своей омерзительной слабости, тотчасъ-же и пропилъ одинъ... Затѣмъ, спохватившись, что меня, какъ штрафовавшаго, за это непремѣнно выдерутъ и желая, съ одной стороны, избѣжать заслуженнаго, впрочемъ, наказанія, а съ другой — зная, что по закону можно достигнуть этой цѣли только добавленіемъ больше чѣмъ трехъ-дневной отлучки, — я пропилъ, кстати ужъ, и другой листъ, пропадалъ недѣлю и, въ концѣ концовъ, очутился здѣсь на два года, т. е. предпочелъ исправительную роту розгамъ, а что со мной будетъ впереди — не знаю...

Договаривая послѣднія слова, голосъ у него задрожалъ, а лицо покрылось багровою краскою. Вотъ иногда какъ здоровыя жизни разбиваются въдребезги.

— Дается тебѣ, братецъ, эта наука или нѣтъ? спросили мы дряхлаго, плѣшиваго, обязаннаго тряпкою арестанта, читавшаго книжку.

— Я еще до поступленія сюда былъ грамотнымъ.

— А откуда и за что ты осужденъ? Вообще расскажи, любезный, про свою судьбу.

— Извольте-съ, началъ онъ прерывистымъ голосомъ. Я сланъ въ солдаты 35 лѣтъ, изъ крестьянъ; 14 лѣтъ сряду прослужилъ безпорочно въ новоалександровской, прежде инвалидной, а теперь, по новому наименованію, въ уѣздной командѣ и ужъ готовился домой идти въ безсрочный, — какъ вдругъ здѣсь очутился...

— Сбѣдокурилъ что-нибудь?

— Дѣло, видите-ли, въ чемъ. Настоящихъ писарей въ командѣ разъ-два, да и обчелся, а писанья этого, проклятаго, много — очень, смѣю доложить вамъ, много-съ, ну и сажаютъ въ канцелярію всякаго солдата, который-бы могъ хоть какъ-нибудь, да писать. Такъ и меня забрали въ канцелярію, на послѣднемъ ужъ годѣ моей службы, благо я самоучкой научился не писать по-писарски, а пачкать, ей-ей пачкать, съ позволенія сказать. Одинъ нашъ солдатикъ и вздумай, чортъ его подери, жениться. Служилъ онъ по желтому билету, а жениться можно только по красному билету, до краснаго-же у него не доставало мѣсяца, ей-Богу одного мѣсяца! Вотъ ему-то и приспичило безпремѣнно въ петровскомъ мясоѣдѣ жениться. Онъ къ начальнику за разрѣшеніемъ, но тотъ отказалъ. Тогда онъ присталъ ко мнѣ: выдай, да выдай мнѣ билетикъ жениться. Думалъ я, думалъ да, съ дуру-то, и рѣшился... Написалъ и... и, наконецъ, выдалъ.

— Подложный, значить?

— Ну кто-же его тамъ знаетъ, какой; просто билетикъ пустяшный...

— Сколько-же тебѣ солдатикъ-то за это заплатилъ?

— Угостилъ; да, угостилъ, чтобъ ему ни дна, ни покрышки не было, окаянному... Прошло никакъ съ недѣлю. Вдругъ является въ канцелярію начальникъ такой сердитый, и прямо ко мнѣ: «ты, говоритъ онъ мнѣ, написалъ вотъ этотъ билетъ?» — «Точно такъ-съ», отвѣчаю я. «А подписалъ за меня ты-же?» — «Не могу знать-съ, ваше высокоблагородіе», молвилъ я, съ испугу. — «Знать-то ты, говоритъ, не знаешь, я дѣло, ясно, твое; такъ я-жъ тебя за это донесу!» И точно донекъ: подъ судъ отдалъ, а судъ засудилъ въ эту роту на три года. Вотъ я теперича и страдаю!.. Не приведется мнѣ, вѣрно, уже и жены, и дѣтей повидать.

— Такъ ты и женатый?

— Точно такъ-сѣ. У меня еще старушка мать жива, ей никакъ 86 лѣтъ. Она, жена, сынъ 30 лѣтъ, всѣ живутъ на родинѣ. Собственный домишка имѣемъ-сѣ.. И вотъ какая судьба моя!.. И изъ-за чего, подумаешь? Изъ-за поллисточка бумаги!.. О охо-хо!

— Тутъ не бумага, а подлогъ важень.

— То-то и въ судѣ все толковали: подлогъ, да подлогъ!.. Вотъ она, судьба-то, что дѣлаетъ!.. Подлогъ? Да я отъ роду и не слыхивалъ, что это за штука такая, этотъ подлогъ. Ну и узналъ... Лучше-бы мнѣ руки выломать, чѣмъ писать научиться...

— Ты, любезный, который разъ тутъ? спросили мы толстолицаго, коренастаго арестанта, въ большихъ очкахъ.

— Третій расъ. Отинъ расъ пылъ Бобруйскъ, а тва тють.

— Какія-же прегрѣшнія приводятъ тебя обратно?

— Всеи трей расъ за промтанъ касену шинель: пропи-
вайть, смѣясь отвѣчалъ онъ, 53 лѣтъ.

— Отчего-жъ ты именно шинель все пропиваешь?

— Свѣстно, отчифо: солдатъ ниту польше пропить, какъ шинель, и пропивайть яфо.

— А когда теперешній срокъ отбудешь — опять пропь-
ешь шинель или нѣтъ?

— Не мошеть наферно скасать; пошалу пропить.

— Здѣсь тяжело, строго; что-же ты не воздержись; вѣтъ ты ужъ старый человѣкъ?

— Э-то прафда. Я 18 годовъ отслужилъ, томой и косты пошалу не принсетъ; такой ужъ мой частью. Отъ польскій чунтъ сачался мой ньянствъ. Што тилайтъ, надо терпѣйтъ.

— А грамотѣ учишься?

— По нѣмецкожъ съ малъ снай, а по русской и шресъ

ешо 18 лить не обучайсь. Та, нишастью! И пасторъ такъ каврить, потому старый шольвникъ.

— Ты, говорили мнѣ, сквозь строй былъ гонень, обратились мы къ одному изъ стариковъ. Скажи пожалуйста: что, по твоему, легче перенести: битье-ли палками, или находиться въ одной изъ исправительныхъ ротъ, въ которыхъ ты въ двухъ ужъ перебывалъ?

— Сквозь строй, ваше вскроде, лучше, твердо отвѣтилъ онъ. Я и розогъ, и палокъ много перенесъ, и такъ о нихъ теперь думаю: больно только полчаса, часъ, покуда лупсуютъ, да сбрызнуть спину водкой; а потомъ, какъ остатнюю косушку—другую дадутъ, бывало, выпить, залъешь горе и чрезъ недѣлю какъ съ гуся вода, а въ ротахъ цѣлые годы мучайся, казнись. Да позвольте мнѣ теперь пройти чрезъ 500 и выпустите отсюда—истинное вамъ спасибо скажу. А то два года тутъ жить? Да это... это хуже всякихъ палокъ!

— Почему-же именно хуже?

— Потому все по стрункѣ ходи, спокою николи нѣтъ, всякую минуту чувствуешь, что арестантъ.

— А что-бы ты, молодецъ, предпочелъ: тутъ-ли оставаться, или быть прогнаннымъ сквозь строй и на прежнюю службу?

— Тутъ остаться выгоднѣй, ваше бродье, потому бога цѣлы, отозвался молодой арестантъ. Здѣсь все надѣешься отслужить свой срокъ и здоровымъ вернуться, а то расколомшятъ тебя всего и на што ты опосля будешь годенъ? Никуда, потому разбитый!..

— Слышишь, что, вотъ, онъ, говорить?

— Да это онъ съ дуру бовтсѣ. Нонѣшній народъ нѣженка, не то что въ старину. По моему, бояться сквозь строя нечего: у страха глаза только велики. Я и съ молоду

былъ такой же, какъ теперь—сухопарый, и все-таки *ты-смы* отходилъ сразу чрезъ зеленую, а съ такою-то жирною спиношней какъ у него, вонъ, и трусить! Да онъ навѣрняка 3000 прошелъ-бы и послѣ-бы только пить попросилъ.

— Ну, этого сказать нельзя: иной жирный гораздо меньше вытерпитъ, чѣмъ тошій, потому разной; бываютъ, люди, комплекціи, произнесъ высокій, сѣдой старикъ съ благообразною, продолговатою фizioноміею, на которой отъ впалыхъ щекъ и глазъ виднѣлся одинъ лишь орлиный носъ.

— А ты, старикъ, тоже вѣрно изъ гоненныхъ?

— Какъ-же-съ, бывшее дѣло...

— Твоя жизнь тоже, вѣроятно не безъ приключеній; будь другъ—познакомъ меня съ нею: я очень люблю слушать про старину.

— Съ удовольствіемъ. Я изъ солдатскихъ сыновей, штыковой, стало быть работы. Еще 10 лѣтъ взять былъ, въ 1816 г., въ кантонисты, въ Москву, потому сиротой остался: отца французы укололи въ 1812 году.

— Каково тогда было житье кантонистамъ?

— Кадетское: насъ тогда и учили, и содержали очень хорошо. Потомъ, съ 23 или 26, хорошенько не помню, котораго именно года, все круто перемѣнилось; пошли поронцы, ломка боковъ сильнѣйшая. Учился я хорошо и рассчитывалъ приготовиться въ учителя по тогдашнему, а нынче не знаю ужъ, какъ они и прозываются, анъ выбрали меня въ солдаты во 2 учебный карабинерный полкъ, въ Москвѣ-же. Это было въ тысячу, дай Богъ памяти... да, въ 1828 г. Тогдашняго солдатскаго житья не стану вамъ подробно пересказывать, потому, первое, забылъ ужъ многое, а второе, былъ, поминистъ, приказъ: девятирхъ убей, но 10-го выучи, и ладно. Поэтому служить было въ карабинерахъ—ухъ, ка-

ково! даромъ, что вся наука была маршировка, да ружейные приемы. За носокъ, стойку, и на 12 темповъ заряжай дули, не говорю ужъ кулаками, а и шомполами, налками, всякій часъ... Ежели день проходилъ, бывало, безъ битья, самъ удивляешься, какъ это такое чудо случилось. За тожь и выправка, и маршировка была — антикъ!.. Идешь, бывало, тихимъ шагомъ въ три приема, а на головѣ несешь стаканъ съ водой и воду не расплескаешь, не токма, чтобъ стаканъ уронить. А нынче посмотришь, вонъ, на ученье ажъ тошно станеть: только скорымъ, да вольнымъ шагомъ, какъ мужики, на весь слѣдъ, и пробавляются, да и того толкомъ не умѣютъ. Я, примѣрно, старикъ ужъ, а марширую и здѣсь почти лучше всѣхъ; это всякъ вамъ подтвердитъ.

— Правду говорятъ онъ?

— Вѣрно, точно-съ, подтвердило нѣсколько голосовъ. Старикъ образцовый маршировщикъ.

— Такъ вотъ я и пробилъ въ карабинерахъ до какого, бишь, дай Богъ памяти, года-то?... Да, 1845 г.; а въ этомъ году былъ выпущенъ въ армію, на ваканцію унтеръ-офицера, пришолъ въ орловскій пѣхотный полкъ, но вакансію мою, пока я плелся дорогой, ужъ заняли и меня опредѣлили, за ростъ, въ барабанщики. Едва научился я въ годъ барабанить — какъ пріѣхалъ новый командиръ, увидѣлъ меня, и вдругъ пришла ему фантазія сдѣлать меня горнистомъ. «Со временемъ, говорилъ онъ, будешь полковымъ штабъ-горнистомъ, потому твой ростъ, видность, осанка — все хорошо». Онъ вытянулся въ струнку, обвелъ вокругъ потухшимъ взоромъ, перевелъ духъ и продолжалъ. — Дѣлать было нечего принялся дуть въ рожокъ, и съ этихъ-то поръ и пошли на меня напасти. Наука выигрывать на рожкѣ сигналы мнѣ не далась, а меня изъ за нея шибко дубасили: лѣнишься,

говорили, а какое тутъ лѣпишься, коли грудь слаба и силъ не хватаетъ дуть на разные манеры. Вижу, дѣло мое дрянъ: унтеръ-офицерства не даютъ, хоть я ужъ 18 лѣтъ отка-талъ, да в обиднымъ показалось учиться быть горнистомъ на 38 году отъ роду. Призадумался я о своей судьбѣ, погоревалъ съ мѣсяцъ, потомъ обозлился, бросилъ свой ро-жокъ и бѣжалъ со службы изъ Харьковской, кажется, гу-берніи, въ 48 г., какъ разъ помню, предъ венгерскимъ по-ходомъ, а бѣжавши пробрался кое-какъ къ родинѣ и почти два года прожилъ, гдѣ день, гдѣ ночь. Потомъ... да, что, бишь, было такое потомъ?.. Да, потомъ, разъ, въ 1850, ка-жется, году, оплошалъ, поймали, наказали 300 розогъ и послали служить въ тамбовскій, коли не ошибаюсь, гарни-зонъ. Прослуживши тихо около 3-хъ лѣтъ, я спросилъ разъ писаря: сколько еще лѣтъ долженъ я служить до отставки? «10 отвѣтилъ онъ, потому ты штрафованный». Слова его точно кипяткомъ, вѣрите-ли, ошпарили меня. И я, не долго думая,—опять бѣжалъ. Въ 1854 году поймали меня при кражѣ вещей (надо-жъ было прощипываться чѣмъ-нибудь?), прогнали сквозъ строй, чрезъ 500 человекъ разъ, и послали служить въ Крымъ, на войну, значить. Я съ дороги тягу далъ, потому рѣшился больше ужъ не служить, былъ схва-ченъ, въ 1857, думается, году, въ Польшѣ, опять прошелъ сквозъ строй чрезъ 500 дважды и отправился въ Кіевскую арестантскую роту. Отбывши срокъ очутился на службѣ.... въ какомъ-же это гарнизонѣ? Да, въ Смоленскѣ, откуда опять бѣжалъ, былъ словленъ, проташенъ чрезъ 500 дважды и въ бобруйскую арестантскую роту на 4 года. Кончилъ срокъ, послали въ Ревель служить.

— И тамъ ты, конечно, тоже не ужился?

— Нѣтъ, и вотъ по какому ужъ случаю. Иду разъ по улицѣ и вдругъ встрѣчаю офицера. Онъ меня узналъ, оста-

новилъ и что же? Онъ былъ мнѣ когда-то товарищемъ въ карабинерахъ! Это меня просто ожгло всего: я вспомнилъ кто онъ, кто я, что и я бы, при другой судьбѣ, тоже да-но-бы ужъ могъ быть офицеромъ и опять махнулъ на волю, пробрался въ Сибирь, прожилъ тамъ кое-какъ пять лѣтъ, прослышалъ про манифестъ, присоединился къ другимъ такимъ-же, какъ я, дезертирамъ, пошли мы всѣ къ земскому засѣдателю и просили его сказать намъ про нашу участь. Онъ спросилъ за это по гривеннику. Мы сложились—дали, онъ прочиталъ, точно манифестъ, какую-то печатную тетрадку, объявилъ: «все всѣмъ прощается, ежели назоветесь настоящимъ званіемъ». Мы, съ дуру-то, повѣрили ему и попали въ западню: тою-жъ ночью насъ переловили и привели въ Енисейскъ, въ острогъ. Оттолъ я переселился на два года въ оренбургскую исправительную роту, а изъ Оренбурга, по многолюдству, да по старости лѣтъ, перевели насъ, полтора-ста человекъ, сюда, въ Динабургъ, на исправление... Вотъ, сударь, всѣ мои мытарства. Извините: можетъ перепуталъ какія названія городовъ или гарнизоновъ, но это не нарочно: память ослабла совсѣмъ, а все прочее, кажется, вѣрно.

— Какъ-же ты, человекъ толковый, понималъ, что побѣги жестоко преслѣдуются, а самъ продолжалъ бѣгать?

— Да я такъ судилъ: выслуги не дождешься, силы отняли, чего-жъ еще ждать? Нонче, вонъ, служба всего 6 лѣтъ и палки, и розги уничтожены, и, кажется, чего-бы легче служить? такъ нѣтъ-же, тоже бѣгутъ, а въ старину надо было 25 лѣтъ безотлучно откатать, да и тогдашній мѣсяцъ безпремѣнно слѣдовало равнять, какъ въ Севастополѣ, за годъ: трудно ужъ очень было.

— Что-же васъ, людей опытныхъ, побудило добровольно придти къ засѣдателю и повѣрить ему на слово?

— Хотѣлось домой хоть кости принести. Я хоть 6 лѣтъ прожилъ въ Сибири, и пора-бы, кажется, привыкнуть, а все тянуло въ Россію — потому житье-то стало чрезъ-чуръ ужъ плохое: прежде ходи, бывало, куда и какъ знаешь, ни о какихъ паспортахъ въ Сибири и помину не было, а потомъ subito прижали насъ, бродягъ. Мы, бывало, въ степи, въ тундры, а тамъ проклятые чучки, тептари, и давай съ винтовками охотиться на насъ, какъ на дикихъ кабановъ, а мы, безоружные, голодные, холодные, или падали, какъ снопы, отъ пуль и кинжаловъ, или мерли, какъ мухи, отъ стужи, да отъ голода: кору съ деревьевъ, вѣрите-ли, частенько грызли,—вмѣсто хлѣба; траву чавкали, какъ коровы; на разсвѣтъ, лизали, на поляхъ, языкомъ, губами—росу, вмѣсто питья. Вотъ что принудило насъ отдаться правительству...

— Что ты чувствовалъ предъ и во время гоненія сквозь строй?

— Да какъ бы это вамъ доложить по-яснѣй? Видѣвши, какъ гоняли другихъ—я дрожалъ какъ основной листъ и думалъ: Господи! какъ это они выносятъ, а на то мѣсто и самому пришлось, потомъ, выносить. Первый разъ, какъ я взглянулъ съ краю на фронтъ, съ палками въ рукахъ,—я оберъ отъ страху и очнулся ужъ какъ протащали рядовъ 20—30. Очнувшись, я упалъ, мнѣ дали перевести духъ, по нюхать спирту, я оправился, поднялся и... и... право ужъ не помню, кажется, проволокли меня дальше, а не шолъ я. Что было потомъ?... И теперь, 18 лѣтъ спустя, мурашки ажъно бѣгаютъ по кожѣ, какъ только вспомню, какъ тяжело мнѣ достался первый походъ по зеленой улицѣ. Другіе разы гораздо ужъ легче было—сноровку зналъ: покуда привязываютъ, бывало, руки, къ ружейному прикладу—дрожишь, умоляешь всѣми святыми солдатъ вести скорѣй, а какъ поведутъ—бросаешься изъ стороны, въ сторону, толкаешь впе-

редъ ведущихъ, чтобы не такъ ловко, плотно, палки попадали въ спину. Вести наряжали самыхъ, обыкновенно, здоровыхъ солдатъ, такъ и ихъ бывало осилишь. Какъ отбѣжишь рядовъ 10, въ глазахъ потемнѣетъ, голова одурѣетъ, кости затрещать, внутри спины все загорить, закипитъ, заболтыхается и... и такъ и отмаешься. Я всѣ три раза откажывалъ, впрочемъ, сразу. Гораздо пущая, бывала, боль послѣ гонянья, когда спину вспрыснуть водкой: тутъ готовъ бываешь и задавиться, и заколоться отъ муки, грызешь пальцы, ежишься, вытягиваешься, одно слово, дѣлаешься не знаю ужъ на что похожъ. Да вотъ еще что: зимой гораздо легче идти по зеленой, нежели лѣтомъ, и чѣмъ морозъ сильнѣй—тѣмъ меньше чувствуешь боль: покуда идешь, бывало, за городъ, али къ манежу въ отрепьяхъ, иззябнешь, а тамъ раздѣнуть до-нага и совсѣмъ окоченѣешь,—ну, и въ половину меньше чувствуешь боль.

— Въ какихъ ротахъ жить было вольнѣе,—въ прежнихъ или новѣйшихъ?

— Въ прежнихъ: тамъ работали на урокъ больше земляныя работы; урокъ задавался 5-мъ выкопать въ день земли на 2 сажени длины, на сажень ширины и на полсажени въ глубину. Постараемся кончить раньше, сработаемъ больше, подрядчикъ дастъ по чаркѣ водки, сбитню, не то и деньжонокъ, либо говядины. Особливо было привольно въ бобруйской: тамъ мы держали свою артельную лавочку, кабакъ, съ кирпичнаго завода, ходили въ городъ по трактирамъ, по дѣвкамъ, начальство насъ не притѣсняло: мы его задабривали деньгами, а ихъ добывали, какъ я уже говорилъ вамъ, легко. Тоже и въ Кіевѣ нельзя было жаловаться на начальство: оно брало себѣ наши пайковыя деньги и позволяло намъ наквитывать ихъ милостынею. Въ Кіевѣ на богомолье пропасть, бывало, прїѣзжало и приходило народу.

и всегда щедро награждали насъ повсюду, особливо около пещеръ, гдѣ мы часто работали. Товарищество въ обѣихъ ротахъ было прежде дружное: никто никого и ни за что не выдавалъ, а, напротивъ, другъ за друга стояли горой, никого въ обиду хоть и начальству не давали, а нынче что такое стало? Въ понѣшнемъ народѣ нѣтъ, какъ я вижу, ни отваги, ни желанія постоять за товарищество, а, наоборотъ, одинъ про другого сучить начальству, а оно держитъ насъ въ вѣсѣхъ...

— Чтобы ты теперь лучше для себя желалъ: отправиться, за дряхлостью, на поселеніе, въ знакомую тебѣ Сибирь, или въ гражданскій острогъ досидѣть срокъ и потомъ на всѣ четыре стороны?

— Лучше, еслибъ можно, на высылку, потому я, по слабости моему, не дойду ужъ, пожалуй, до Сибири.

— Что-жъ-бы ты, однако, сталъ дѣлать послѣ высылки?

— Хоть на четверенькахъ, а доползъ-бы непременно на свою сторону, съ оживленіемъ продолжалъ онъ, взглянулъ-бы на родныя поля, легъ-бы на мать сыру землю, поцаловалъ-бы ее, и тутъ же, кажись-бы, и померъ отъ радости— что донесъ свою буйную головушку на родину, чрезъ 20 хоть лѣтъ. Ахъ! какъ ужасно хочется на родину, на родину!.. Господи! потерпи еще моимъ грѣхамъ и приведи меня на родину! заключилъ онъ. Мутные глаза его засвѣтились, вся статная фигура его какъ-то нервно передернулась.

— Нѣтъ-ли среди васъ, стариковъ, еще кого-нибудь изъ знатоковъ чего-либо особеннаго, чего вы не знаете?

— Есть. Вонъ, влѣво-то, маленькій старичекъ сидитъ, все по церковному говоритъ и надо полагать, блаженный: все больше молчитъ.

— Миѣ указывали на тебя, почтеннѣйшій, какъ на за-

мѣчательнаго въ своемъ родѣ человѣка, обратились мы къ чрезвычайно щедруму, безволосому человѣку. Не имѣешь ли, дружокъ, расположенія потолковать со мной о своей участи? Съ твоими бумагами, предупреждаю, я ужъ знакомъ, значить, если, повторяю, желаешь,—долженъ говорить только правду.

— Ваше-ство, ваше скродіе! воскликнулъ онъ съ паесо-сомъ. Могъ-ли я, низайшій рабъ, уподобляющійся червю вапустному, мнить, что Царь небесный ниспошлетъ мнѣ, ничтожной, въ сей юдоли мрака, былинѣ—величайшую и сладчайшую благодѣнье свою? Ваше вскродіе, виновать—Пр-во! Миръ и преуспѣяніе...

— Постой, постой! Ничего не понимаю. Гдѣ это ты на-учился говорить церковнымъ нарѣчіемъ?

— Мой родитель славословилъ въ монастырѣ, я обрѣ-тался посередѣ Божьихъ людей, и они, иноки, внушили мнѣ мудрость Божию.

— Отбрось въ сторону всякія величанья и простымъ слогомъ Расскажи, сдѣлай одолженіе, про свою жизнь.

— Мои померкшія, отъ тяготы, очи больше 20 лѣтъ ужъ не зрѣли лица благодѣтельныхъ особъ, мои недостойныя уста ужъ 15 лѣтъ не глаголили инако, какъ съ воздаваніемъ почести земной особамъ, вращающимъ грѣшнымъ нашимъ міромъ. О нѣтъ, ваше...

— Да говори, пожалуйста, по граждански. Ты вѣдь понимаешь, что значить по граждански?

— Точно такъ-съ: въ мірѣ семъ обрѣтаюсь. (Онъ при-сѣлъ и задумался). Уста мои не отверзаются безъ возда-нія хвалы Господу Вседержителю...

— Будь другъ, отверзи ихъ и да глаголятъ они, мо-вили мы, стараясь поддѣлаться подъ его настроеніе.

— Во многомъ глаголеніи нѣсть спасенія, а азъ, много-

грѣшный, питаетъ дерзновенную мысль спастись въ уныніи, молитвѣ и молчаніи... Господь...

— Да сдѣлай-же милость, проглаголь хоть толикую малость о скорбномъ твоёмъ житіи, а если не хочешь—прощай: мнѣ некогда. Я сдѣлалъ видъ, что встаю.

— Видя вашъ обликъ Божій, я, да простить мнѣ Предвѣчный, повѣдую вамъ о своей скорби безконечной.

— Простить, навѣрное простить, говори только не по церковному.

— Отъ младости своя я приверженъ былъ ко храму Божью и посѣщалъ его съ любовью, возносилъ ко Творцу молитвы съ сладчайшимъ умиленіемъ... Виновать-сь, виновать. Въ 1845 году,—я повѣдаю вамъ все по порядку,—Господу Богу угодно было испытать крѣпость моего духа,—наслалъ на меня искушеніе: я похитилъ тѣльной утвари на 120 руб. ассигнаціями и грѣхъ этотъ искупилъ 35 ударами плетью въ стѣнахъ смоленскаго острога и отсылкою, въ оковахъ, уподобляющихся сандаліямъ, въ солдаты, въ витебское исправительное отдѣленіе...

— Что, по твоему, значить тѣльная утварь?

— Кажись, церковная, а по арестантски: у Ягорья копытку ободралъ, съ колокольни ревуна спихнулъ. Дѣло-то конечно, небольшое, отвѣтилъ сосѣдъ.

— Ну, въ витебское, пошелъ ты, отдѣленіе?

— Да-сь, привлекалъ я нозі въ это богопротивное отдѣленіе. Тамъ было все мерзость и запустѣніе: ни молиться, ни вести жизнь постную, уединенную, не позволяли. Дьяволъ тѣмъ временемъ зорко сторожилъ и манилъ меня въ лѣса дремучіе, въ поля необъятныя. Чрезъ годъ я бѣжалъ, скитался по пустынямъ, обителямъ и монастырямъ до 1852 года, а въ это время былъ настигнутъ, схваченъ въ Смоленскѣ, и заточенъ, яко бѣглый тать, въ темницу. Въ ка-

зematъ постигла меня немощь, и меня перемѣстили въ госпиталь. Откуда я возымѣлъ дерзновенный замыселъ опять бѣжать, чрезъ подкопъ, узниками вырытый, вмѣстѣ съ 14-ю человѣками товарищей по заточенію. Всѣхъ насъ переловили, и, что другихъ постигло — не знаю, а меня праведный судъ осудилъ къ истязанію 2,000 батогами, чрезъ длани воиновъ, да 20 лѣтъ тяготу нести въ кронштадтской арестантской ротѣ. Господь праведный воздалъ мнѣ по заслугамъ моимъ. Меня вывели на лобное мѣсто—столбовую, можайскую дорогу, выстроили 1,000 воиновъ, въ два ряда, дали каждому по батогу въ руки, повѣдали мнѣ участь мою, обнажили тѣлеса мои, грѣховныя, и привязали меня къ воинскому оружію...

— Скидывай, стало быть, порты и получай жалованье! вставилъ острякъ.

— Въ очахъ моихъ нечистая сила заиграла, въ ушахъ слышались громы небесныя, въ помраченномъ разсудкѣ стало онѣмѣніе, при видѣ этого сатанинскаго зрѣлища... Малость погода, поволокли меня, татя, по срединѣ воиновъ... Я падалъ ницъ, бренное мое тѣло летѣло клочьями, кровь брызгала, яко изъ ключа водотечнаго...

— Жирень, вѣрно, былъ, такъ надо-жъ было сдѣлать тебя, для твоей-же пользы, по овантажнѣй: худенькому легче бѣгать, опять замѣтилъ шутникъ.

— Не мѣшай, пожалуйста, остановили мы шутника.

— Это ничего-съ... я тоже вѣдь слыхивалъ барабанный — то бой: „бей его, рви его!“... Дѣло, доложу вамъ, самое обнаковенное, а онъ, ишь, какъ все это важно обставляетъ.

— Ну, дальше что, старичокъ?

— Господь потерпѣлъ моимъ грѣхамъ—я вынесъ тысячъ лозуновъ, и избѣннаго, бездыханнаго отвезли меня, на ко-

лесницѣ, въ тотъ-же госпиталь, гдѣ я возымѣлъ злой умыселъ. Стали лечить...

— Что-же ты въ это время чувствовалъ?

— Чувствительности никакой не имѣлъ: отшибли-сь, а былъ въ большомъ затрудненіи: я пролежалъ на локоточкахъ 25 дней, не обладая силами повернуться... Потомъ, когда мнѣ полегчало,—я сталъ просить добавить мнѣ скорѣй должный счетъ батоговъ...

— Для чего-же ты просилъ?

— Брешная жизнь тяготила меня и я возмнилъ отпра- виться, лучше, скорѣе, въ лоно авраамово, дондеже разуму моему, недостойному, все мерещилось, какъ войны стоятъ за мою спиною съ батогами, а это было нудно моему серд- цу, и я пожелалъ получить скорѣй, отъ законнаго правитель- ства, предопредѣленной мнѣ кары Господней и... и получилъ въ изобиліи... Послѣ, паки, пролежалъ, на локоточкахъ, 3 мѣсяца, въ чаяніи вознести духъ мой въ царствіе вѣчное,— но Господь праведный судилъ иначе: Онъ поддерѣпилъ мои силы и я привлачился въ Кронштадтъ, и смиренно согнулъ выю для ударовъ, Господомъ Богомъ мнѣ назначенныхъ, за великія моя прегрѣшенія... Въ 1853 г., когда Всемогущій под- вергъ за лукавую жизнь все русское царство унынью — на- слалъ иноземцевъ полонить наше царство—я дерзновенно из- рекъ Его Императорскому Величеству (онъ посѣтилъ нашу, алкавшую свободы роту) недостойную свою мольбу — лечъ костыми за русскую святыню. Царь Небесный сподобилъ меня лнцезрѣть Царя земнаго... Меня послали калить ядра, для встребленія гордаго антихристовъ царства народа. Потомъ, когда водворился миръ и братолюбіе, я чаялъ узрѣть воль- ный свѣтъ,—но Богу не угодно было даровать мнѣ сію вели- кую благодать: меня паки заточили въ свеаборгскую арестант- скую-же роту дослужить еще 5 лѣтъ. Тамъ все мнѣ претило:

духъ непокорства паки запылала во мнѣ, сатанинская сила, возликовала надо мной и увлекла меня въ странствіе...

— Какъ въ странствіе?

— Я не могъ осилить немощь свою и паки убѣжалъ-съ... Направилъ стопы свои промежъ странниковъ въ св. градъ Кіевъ, а оттуда повлачилъ нози свои по скитахъ, по монастыріямъ... Текли года, подвизался и азъ, многогрѣшникъ, по волнамъ житейскаго моря...

— Чѣмъ-же ты питался въ это время?

— Христовымъ именемъ. Не сѣялъ, не жалъ, а по благодати Господней, насыщался всегда.

— И какой-нибудь паспортъ имѣлъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: рабу Божью не потребна челоуѣчья мѣта.

— Слѣдовательно, тебя задержали за безпаспортность?

— Вѣрно-съ; это сотворилось въ Сибири, въ странѣ антихристовой, гдѣ люди—подобіе дьявола.

— Товарищи твои, напротивъ, говорятъ, что Сибирь благодатная страна.

— Для людей, приверженныхъ сатанѣ—истинно мудрая страна, а для странниковъ—скопище злыхъ духовъ.

— Не признаютъ, значить, ихъ носителями правды?

— Истинно такъ-съ: издѣваются надъ странниками, въ Божье слово не вѣрятъ, а бѣглыхъ укрываютъ-съ. Меня и словили, въ 1868 г., и паки заточили, и паки на тяготу обрели, въ 1868 г., въ оренбургскую исправительную роту, а изъ нея сюда приволокли, татя, въ оковахъ.

— Какое наказаніе тяжелѣе: плетью или сквозь строй?

— И то и другое очень близко къ сердцу-съ.

— Что больнѣе?

— Запamатовалъ-съ. И плеть, и батоги изрекъ законъ, а законъ челоуѣчій—предначертанъ закономъ Божьимъ-съ... И

владу я остатокъ дней своихъ въ томленьи, скудости, печали и воздыханіи о грѣхахъ своихъ-съ... Я ужъ не отъ міра сего..... Владыко...

— Онъ всегда такъ себя ведетъ? спросили мы его сосѣда.

— Да, поговорить, поговорить, да и невѣсть какую ахинею понесетъ.

— А ты откуда сюда попалъ?

— Отовсюду-съ.

— Это непонятно.

— Ежели не побрезгуете—скажу-съ.

— Сдѣлай, братъ, одолженіе: я слушаю.

— Сдали меня изъ мѣщанъ въ рекруты 35-ти лѣтъ, въ 1856 г., и послали въ матросы, когда я николи дотоль не видалъ ни моря, ни корабля. Матросская служба мнѣ не по нраву пришлась, и я тягу далъ. Меня словили чрезъ двѣ-три недѣли, высыпали 300 горячихъ леньковъ и поставили на старое мѣсто. Я малость подумалъ и сказалъ себѣ: „врете, не стану служить“, и опять убежъ, меня опять поймали, опять отодрали (300 ударовъ) и туда-же, въ матросы. Повалился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему, говорятъ, и голову сломить. Я третій разъ удралъ и тоже, чортъ возми, неудачно: схватили, протащили сѣвозъ зеленую, вѣдь, слышали, Улицу, чрезъ 500 человѣкъ дважды: взадъ—назадъ, отколошмятили всю печенку, селезенку, требуху и спровадили въ ошпиталь залечивать, стало быть спину, што излупсовали въ доскутъя. Пролежавши 5 мѣсяцевъ навзничъ, я, какъ кошка, ожилъ, и, не долго думая,—четвертый разъ махнулъ драматическаго ошпитала, пробрался по-маленьку, какъ заяцъ, въ Сибирь, прожилъ тамотко въ рабочихъ, смиренненько 5 годовъ, да на 6 сбрендилъ: хозяинъ мой, выпивши со мной толику малость,—затѣялъ сперва ссору, а потомъ и драку съ сосѣдомъ, и мы помяли ему, неча грѣха таять, изрядно бока. Онъ жаловаться. Становой цапъ меня, да и говорить: кто

ты таковъ есть? — Бѣжавшій отъ помѣщика, бацнулъ я, для сбереженья своей, значить, шкуры, да не впопадъ: осмотрѣли меня и нашли рубцы отъ палокъ на спинѣ. Вотъ какъ славно откатали, што и чрезъ 8 лѣтъ мѣтки остались!.. Дѣло, вижу дрянъ, ну и объявился солдатамъ, законопатили меня въ острогъ, и покуда собирали справки, правду-ли я сказалъ — прошло, почитай, *три* года. Потомъ осудили меня въ арестантскую роту, въ Оренбургъ, на 6 лѣтъ. Дорогою я всячески излавчивался удрать, да шельмецы, конвойные, зорко стерегли меня и какъ птичку привели и спрятали въ кѣтку.

— Для чего-же ты опять хотѣлъ бѣжать? Вѣдь ужъ тѣлесно за побѣги тогда перестали наказывать?

— Не хотѣлъ сидѣть въ арестантахъ и больше ничего. Оренбургскую роту назвали, послѣ, исправительной, какъ будто не все одно, что арестантская, что исправительная: жатье, ей Богу, вездѣ нашему брату скверное: я на своемъ вѣку пересидѣлъ и на обвахтахъ, и въ острогахъ, и въ кутузкахъ и... одинъ Богъ вѣсть, гдѣ я только не перевошпывался! Наконецъ, перетасили, вотъ ужъ года, кажется, полтора, сюда еще на исправленье, а ужъ какого отъ меня ждать исправленья? Какъ отъ козла молока! Ей, ей правда. А тутъ еще и грамотѣ зачали учить: вразумись, дескать, старина! Эдакіе, подумаешь... И остатнихъ годовъ не дають спокойно дожить.

— Не забывай, любезный, что грамотному человѣку всегда скорѣй можно найти мѣсто, занятіе, слѣдовательно, грамота полезна.

— Ну и учите тѣхъ, кто хочетъ, а меня увольте отъ этой мудрости: не хочу букваремъ свою башку ломать: довольно и того, што въ брюхѣ ошметки остались отъ всякой лупсовки.

— Ну, а теперь пересталъ думать о побѣгѣ?

— Ни Боже мой. Какъ только выпадетъ случай — многомъ удеру, потому здѣсь житья нѣтъ.

— Куда-же ты, по своей старости и слабосилію, дѣнешься, убѣжавши?

— Куда придется. Я только постараюсь убѣжать на волю, а тамъ пусть меня хоть собаки али волки сгрызутъ, это все одно, лишь-бы я былъ вольный: пора-же мнѣ, наконецъ, забастовать копѣтъ въ вѣткахъ: меня, горбатаго, могила только исправить.

Въ VI главѣ введенія къ настоящему обозрѣнію, мы объяснили, что всѣ старикки, находившіеся въ арестантскихъ ротахъ, при преобразованіи оныхъ въ исправительныя, были отправлены въ Сибирь на водвореніе, слѣдовательно, читатели вправѣ спросить: какъ-же ихъ въ Динабургѣ оказалось, потомъ, болѣе 60 человекъ? Вопросъ этотъ категорически разрѣшается вотъ какимъ образомъ. Ни въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ, ни въ положеніи объ исправительныхъ ротахъ не указано: выше какого именно возраста служащіе солдаты освобождаются отъ заключенія въ эти роты. А такъ какъ въ нестроивыхъ частяхъ войскъ и до сихъ поръ есть еще старослужащіе, то при осужденіи кого-либо изъ нихъ за преступленіе, наказуемое заключеніемъ въ означенныя роты, они неизбѣжно поступаютъ въ таковыя. За симъ, старикки, біографическія подробности, и разсужденія которыхъ мы передали выше, были пойманы въ Сибири *послѣ* открытія исправительныхъ ротъ, — а не покрывающіеся никакою давностію побѣги влекутъ, по закону, тоже въ сіи роты, — значитъ они и составляютъ контингентъ оныхъ. Военное министерство, замѣтивъ, вскорѣ по открытіи ротъ, появленіе въ нихъ стариковъ, создало (въ св. воен. пост. изд. 1859 г.) ст. 53, которою предписывалось: арестантовъ, оказавшихся, по дряхлости, ста-

рости или болѣзнямъ, совершенно неспособными къ работамъ въ ротахъ—передавать въ гражданское вѣдомство, не состоящихъ на обязательной службѣ—для поступленія съ ними по правиламъ о неспособныхъ арестантахъ гражданскихъ арестантскихъ ротъ, а состоящихъ на обязательной службѣ—для выдержанія въ тюрьмахъ до истеченія срока, на какой они были приговорены къ заключенію въ исправительныя роты и обращенія ихъ, потомъ, туда-же, куда дѣваются выбывающіе изъ гражданскихъ арестантскихъ ротъ, по минованіи срока, пребыванія ихъ тамъ, т. е., опредѣлять на жительства въ общества, къ которымъ они прежде принадлежали; буде-же общества не примутъ ихъ, водворять ихъ на жительства въ Сибири. На этомъ основаніи, были ужъ, однажды, 1870 году, исключены изъ ротъ старики и молодые больные, изъ коихъ гражданское вѣдомство: волноопредѣляющимся дозволило приписаться къ мѣщанскимъ обществамъ, а обязательно служившихъ задержало въ тюрьмахъ сверхъ срока, ибо общества, къ которымъ одни когда-то принадлежали, совершенно ихъ забыли и потому отказались отъ нихъ, а другіе, происходя, напр., изъ кантонистовъ, никогда не входили въ составъ какого-либо общества. Такимъ образомъ родился вопросъ: куда гражданскому вѣдомству дѣвать подобныхъ людей? Покуда вопросъ этотъ разрабатывался въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, люди сидѣли въ тюрьмахъ. Посему, военное министерство, 1 апрѣля 1871 г., измѣнило, законодательнымъ порядкомъ, 53 ст. въ томъ смыслѣ, чтобы больныхъ, необязательно служащихъ, передавать гражданскому вѣдомству, для поступленія съ ними по правиламъ о неспособныхъ исправительныхъ арестантскихъ гражданскихъ отдѣленій, а обязательно служившихъ—для отсылки въ Сибирь—

на водвореніе. Туда-то, отнынѣ и подлежатъ отправкѣ всѣ подобныя старики.

Х.

Изъ привилегированнаго сословія въ крѣпостяхъ вездѣ живутъ одни офицеры, тамъ служащіе. Понятно, слѣдовательно, что наше внезапное появленіе среди нихъ возбуждало ихъ любопытство, и такъ какъ военные люди, преимущественно, общительныя,—то мы вскорѣ-же и приобрѣтали знакомство многихъ, относившихся весьма сочувственно къ нашему путешествію. Погода стояла хорошая. Въ крѣпостномъ садикѣ ежедневно прогуливалось достаточно начальствующихъ. Однажды мы встрѣтили тамъ группу офицеровъ.

— Ну, какъ вы находите состояніе исправительной роты? спросило насъ нѣсколько голосовъ разомъ.

— Категорически отвѣчать не могу: я еще не все изучилъ въ ней, да и трехгодичнаго существованія роты на новыхъ началахъ слишкомъ еще мало для того, чтобы она вошла въ *настоящую* колею.

— Вы выражаетесь дипломатически, т. е., ни то, ни се, замѣтилъ капитанъ. Мы, здѣшніе обыватели,¹ судимъ о ротѣ по ея начальству, а оно, по своему мирозозерцанію и лѣтамъ, на нашъ взглядъ, швахъ,—значить, и исправляемые имъ, того-съ...

— Развѣ вы не заглядывали въсамую, такъ сказать *суть* роты?

— Это невозможная, для насъ, вещь, вставилъ майоръ. Начальство тотчасъ-же рѣшить, что покушаемся отбить у него мѣсто, а отсюда и вражда...

— Совершенно вѣрно-съ: я нѣсколько разъ, изъ любо-

пытства, задавалъ начальству нѣкоторые вопросы касательно роты и всегда, подтверждавъ капитанъ, получалъ такого рода непріязненные отвѣты: «мы въ ваши дѣла не вмѣшиваемся, стало-быть, и вы оставьте въ покоѣ наши; мы управляемъ по положенію, наша рота *для насъ* хороша», и т. д.

— Это совершенно естественно: начальство роты слишкомъ консервативно для этого *новаго* дѣла, замѣтилъ полковникъ.

— Бывая часто дежурнымъ по карауламъ, я захожу въ роту и постоянно замѣчаю, что офицеры, за тотъ незначительный трудъ, который они несутъ,—слишкомъ хорошо обеспечены: и жалованье большее получаютъ они, нежели армейскіе, и квартиры имѣютъ прекрасныя, да и дѣлаютъ... я право не знаю, что ужъ они тамъ дѣлаютъ. Я, напр., баталіонный командиръ, получаю, въ общей сложности, право, меньшее содержаніе, нежели въ ротѣ старшій помощникъ, на правахъ ротнаго командира. Теперь возьмите нашу службу: караулы, ученья, гимнастика, стрѣльба, обученіе солдатъ, тѣ-же 2 часа въ сутки, грамотности, и выходитъ, что мы несравненно больше обременены службою.

— Не забудьте, имъ, вѣдь, еще 3 года службы счи-
тается за 5 къ пенсіямъ, дополнилъ полковникъ..

— Преимущества эти оправдываются отчасти тѣмъ, что тѣхъ ихъ жизнь иногда подвергается опасности; въ полкахъ, напр., никогда не случается, чтобъ солдатъ бросился с ножомъ на начальника, а въ ротахъ, тюрьмахъ, это явленіе почти обыкновенное.

— Будьте увѣрены, на порядочнаго начальника никто никогда не покусится, а коли сами доводятъ людей до остервененія, значитъ, долгъ красенъ платежомъ, произнесъ майоръ. Я говорю это по опыту: я самъ завѣдывалъ, около 2-хъ лѣтъ, тобольскою каторжною тюрьмою, обходился с

людьми беспощадно строго, но справедливо, и, кромѣ расположенія къ себѣ, отъ нихъ ничего не заслужилъ. Да вотъ вамъ фактъ. Разъ одинъ убѣжалъ съ загородной работы. Поискали, поискали его, но ни гдѣ не нашли. Я упрекнулъ всѣхъ въ этомъ. Тогда 4 головорѣза вызвались найти его. Я отпустилъ ихъ однихъ *на честное слово*, и что-же? Черезъ день всѣ явились назадъ и привели еще бѣглеца.

— Глядя на занятіе офицеровъ роты, продолжалъ полковникъ, мнѣ думается, что нѣкоторые изъ этихъ занятій вовсе не офицерскія: принимать, напримѣръ, заказы, наблюдать за работами—дѣло прикащика, отставнаго солдата-мастера, а не офицера, который на этомъ мѣстѣ въ интересахъ самой казны, вреденъ: я спрашивалъ своихъ солдатъ, отчего они отдають сапоги шить евреямъ, а не въ роту и, какой же-бы вы думали отвѣтъ услышалъ я? „Съ евреями торгуешься, споришь, сколько хочешь, а въ ротѣ принимаетъ заказы офицеръ, а съ нимъ намъ нельзя торговаться, нельзя ему указывать, какъ что сдѣлать, а забражовать и подавно нельзя; ну и невыгодно туда ходить заказывать“. И совершенно логично при солдатской дисциплинѣ.

— Офицеры завѣдываютъ мастерскими временно до введенія нормальныхъ штатовъ; тогда-же этимъ будетъ заниматься непремѣнно частное лицо, по найму. Объясните мнѣ, господа, пожалуйста, откровенно: взглядъ на роты собственно войска?

— Да такой, что арестантамъ жить, будто-бы, лучше, нежели солдатамъ.

— И взглядъ этотъ, конечно, фальшивый, возразилъ капитанъ; но чтобы его разрушить, было-бы полезно распространить въ войскахъ подробныя свѣдѣнія о *дѣйствительномъ* положеніи ротъ *безъ всякихъ прикрасъ*. Тогда солдаты остерегались бы попадать въ роты, тогда какъ теперь до нихъ

доходятъ, напримѣръ, рассказы, что въ ротахъ отлично кормятъ, что арестанты работами сколачиваютъ себѣ деньгу на черный день, что они никакихъ ученій не знаютъ и т. д., въ этомъ же родѣ. Оттого нѣкоторые лѣнивые служить напращиваются на проступки, чтобы въ роты попасть. Такого рода свѣдѣнія полезны и самому начальству исправительныхъ ротъ, которому слѣдуетъ, кромѣ того, показать еще, въ рассказахъ, напримѣръ, характеры, чувства, потребности человѣческія, причины, приведшія ихъ въ роты; о томъ, какъ и что дѣлается въ другихъ ротахъ, для возбужденія въ нихъ соревнованія, самолюбія. А то начальство не знаетъ ничего этого: арестанты недовѣрчивы къ нему. Всего этого позволѣте ждать отъ васъ, пользующагося въ этомъ отношеніи свободою печати, независимостью сужденія.

— Насколько все это будетъ зависѣть лично отъ меня— я непремѣнно исполню.

— Я въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ этотъ напримѣръ,— скептикъ, возразилъ полковникъ. Потому и сомнѣваюсь, чтобы начальство ротъ стало читать вашу книгу. Меня, вонъ, офицеръ спросилъ разъ, что такое пенитенціарная система? Я ему вкратцѣ отвѣтилъ, онъ не понялъ, я ему посовѣтовалъ заглянуть въ лексиконъ, но онъ отказался: „не стоитъ, говорить, глаза портить“.

— Ну, а какого вы, господа, мнѣнія касательно способовъ исправленія нравственности арестантовъ?

— Во-первыхъ, на грамотность удѣлять не два, а 4 часа въ день, да, по крайней мѣрѣ, хоть часъ на бесѣды съ ними о предметахъ религіозныхъ, нравственныхъ, служебныхъ, общественныхъ, отозвался капитанъ; во-вторыхъ, работать заставлять молча, и, чтобы самый трудъ занималъ ихъ умъ; а въ третьихъ, и главное, обходиться съ ними гуманно доказывать имъ, общепонятнымъ языкомъ, всю пользу

деликатности сношеній, возвышенія, а не униженія чело-
вѣческаго ихъ достоинства.

— Сознавая достоинства грамотности, бесѣдъ и произво-
дательныхъ работъ, я отвергаю гуманность въ тѣсномъ смы-
слѣ этого слова: нашъ простой народъ долеко еще не до-
росъ до пониманія и правильной оцѣнки гуманности; поэто-
му арестантовъ надо держать, что называется, въ ежовыхъ
рукавицахъ; но быть одинаково справедливымъ ко всѣмъ
безъ исключенія. Это аксіома: такого начальника всѣ солда-
ты любятъ; но разъ вы одному помирволили, а другаго на-
казали, вы, будьте увѣрены, потеряли уваженіе въ ихъ глазахъ.
Это я говорю потому, что 15 лѣтъ провелъ среди солдатъ, въ
томъ числѣ 2 года съ арестантами и близко изучилъ ихъ
правы и взгляды.

— Такъ вамъ бы перейти начальниковъ исправительной
роты; вы бы тамъ принесли серьезную пользу.

— Радъ-бы, господа, въ рай, да грѣхи не пускаютъ: на
эти мѣста всегда много претендентовъ съ рекомендаціями
а у меня, простого маіора, армейца, нѣтъ такой заручки, ну
и перехожу форсированнымъ маршемъ изъ Калуги въ Вет-
лугу, изъ Варшавы въ Митаву... Такова жизнь настоящихъ
армейцевъ.

Всѣ засмѣялись. Издали показалось нѣсколько дамъ и
разговоръ на этомъ прекратился: кавалеры пошли къ нимъ
на встрѣчу.

НОВОГЕОРГІЕВСКАЯ

ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ РОТА.

I.

Пріѣхавъ къ воротамъ Новогоріевской крѣпости (35 верстъ отъ Варшавы) въ 9 часу вечера, мы услыхали чье-то приказаніе, кучеру остановиться, что тотъ мгновенно исполнилъ.

— Кто здѣсь ѣдетъ и куда? спросилъ жандармъ, отворивъ дверцы омнибуса.

— Я, надворный совѣтникъ N, а это купецъ, отвѣтилъ въ формѣ артиллерійской чиновникъ, указывая на насъ.

— Если вы принимаете меня за купца потому лишь, что я съ бородой,—то ошибаетесь: я то же чиновный.

— Пожалуйста паспортъ? обратился къ намъ жандармъ.

— Паспортъ у меня въ чемоданѣ, а растюковывать его въ потьмахъ, среди улицы, чтобъ достать паспортъ,—я крайне затрудняюсь.

— Безъ паспорта въ крѣпость не пропустимъ; а коли ежели желаете — пожалуйста въ комендантское правленіе тамъ разберутъ кто вы такой.

— Я явлюсь, завтра утромъ, къ самому коменданту,

теперь отпустите, пожалуйста, хоть до трактира: я сильно усталъ.

— Не можемъ, ваше-бродье: чужихъ запрещено, послѣ зари, впускать въ крѣпость. Паспортъ, либо въ комендантское правленіе отправимся, а не хотите исполнить ни того, ни другаго,—ворочайте оглобли назадъ.

Долго мы другъ другу возражали; наконецъ, споръ рѣшился въ нашу пользу: этому помогла *казенная* подорожная. Подѣхавъ къ единственному трактиру — мы попросили отвести намъ номеръ и дать чаю.

— Трактиръ номеровъ не имѣетъ, а чаю у насъ не пьютъ, отвѣтилъ буфетчикъ; номера-же для господъ *пріѣзжающихъ по службѣ* отводитъ комендантское правленіе.

— Гдѣ-же, скажите, останавливаются тутъ *частныя* лица?

— Въ самой крѣпости для такихъ лицъ нѣтъ нигдѣ мѣста: они пристають на «новомъ дворѣ» версты за 3 отъ крѣпости.

— Но я имѣю подорожную тоже по казенной надобности?

— Въ такомъ случаѣ пожалуйста ее, я отправлю въ комендантское прописать, а куда подождите здѣсь: можетъ и вамъ дадутъ казенный номеръ.

Намъ дѣйствительно отвели даромъ комнатку (съ кроватю и столикомъ), по величинѣ и обстановкѣ совершенно тождественную съ карцерами въ исправительныхъ ротахъ. Такъ какъ инаго помѣщенія достать было положительно негдѣ,— то мы и поселились въ указанномъ номерѣ *). Далѣе

*) На слѣдующее утро, благодаря чрезвычайной любезности, просвѣщеннаго коменданта, мы были перемѣщены въ хорошій, во всѣхъ отношеніяхъ, номеръ.

освѣдомившись, что въ крѣпости есть офицерскій клубъ, а въ немъ происходитъ, въ данный моментъ, балъ,—мы облачились живо, во фракъ, отправились туда, гостепріимно были впущены старшиною, и весьма ласково приняты комендантомъ. Клубная публика вся состояла изъ военныхъ и ихъ дамъ, и потому внезапное тамъ появленіе наше, никому до толѣ неизвѣстнаго *штатскаго*, обратило на насъ всеобщее вниманіе, послужило темою для многихъ и долгихъ разговоровъ.

Наступило утро и мы, въ обычной своей *простомодинской* одеждѣ, направились къ исправительной ротѣ,—возлѣ воротъ ея увидѣли унтеръ-офицера и спросили его: что такое за воротами?

— Рястанская, поштенный, рота.—А ты кто есть?

— Пріѣзжій.

— Торговецъ, стало быть?

— Да. А скажи, другъ любезный, каково живется, въ вашей ротѣ, рястантамъ.

— Извѣстно плохо, потому рястанты, ну воли и нѣтъ ни на волосъ.

— А кормъ рястантскій хорошій, али плохой?

— Ничего, ѣсть можно; мы ундеръ-церы, вмѣстѣ съ ними кормимся.

— А бьютъ ихъ, али нѣтъ?

— Допрежъ, ухъ какъ лупили, а нонѣ рѣдко, потому какъ есть новый начальникъ, милосливый къ рястантамъ—засудить, али бо въ карцей запрячить, коли нашъ братъ—дасть, примѣрно, сказать, въ зубы кому.

— Такъ рястантамъ, значить, вольготно?

— Шалишь братъ, штобъ вольготно: работой, да муштровкой знатно допекаютъ ихъ, да и розгачи инымъ по—
даютъ, коли што сбѣдокуратъ.

— Вотъ тебѣ, служба, на табакъ, поскажи мнѣ какая тамъ работа?

— Спасибо. Работа, братъ, всяческая есть. Не заказывать-ли чаво хошь?

— Отгадалъ, братецъ, ты мой, потому мы разнымъ товаромъ торгуемъ. Сапоги, примѣрно, шьютъ?

— Сколько тебѣ паръ надо?

— Перво-на-перво однѣ-бы: штобъ поносить, спробовать крѣпко-ли и фасонисто-ли шьютъ.

— Въ ефтомъ не сумлѣвайся: преотлично работаютъ.

— Дорогую, можетъ статья, цѣну берутъ?

— Супротивъ Аршавы дешево, очинно дешево, а можно смакпировать и еще дешевле. Хочешь я тебя научу, какъ это обстряпать?

— Научи—спасибо скажу, да еще на чай дамъ.

— Ступай ты прямо внизъ, въ контору. Тамъ ахвицеръ спросить, што тебѣ надо. «Сапоги молю заказать хочу», ваше бродье. Какія тебѣ юфтовня, али выростковня? переспросивъ онъ.

— Ну юфтовня.

— Такъ вотъ онъ и спросить 3 цалковыхъ, а ты скажи позвольте ваше бродье, допрежь мѣрку снять, съ мастеромъ потолковать, съ рестантомъ Лексѣевымъ. Явится Лексѣевъ, почнетъ мѣрку снимать, ты ему и сунь тихонько гривенникъ, онъ и объявить цѣну 2 цалковыхъ, дашь полтинникъ ахвицеру задатокъ и дѣло будетъ въ шляпѣ.

— А какъ замѣтить, что я Лексѣеву дамъ гривенникъ -- вѣдь пожалуй бѣду наживу?

— Гляди въ оба и не замѣтять.

Ладно. Мы отправились по указанію, продѣлали все благополучно, вернулись назадъ, поблагодарили ундера за совѣтъ и спросили его:

— А для че ты-то, другъ любезный, стоишь тутъ?

— Караулю анарала, што пріѣхалъ ночись шпектировать роту.

— Откуда-жъ пріѣхалъ анараль-то ефтотъ?

— Изъ самага, слышь, Питера, да и не военный, а цивилиный, и все-то ись, начальство сказывало, про рястантовъ знаегъ; одно слово дока. Ну и опасно.

Чего-жъ опасаться-то?

Чудакъ, ты, я вижу — не белъмеса въ нашей службѣ не смѣкаешъ. Чего опасно? Да всего! Анараль знаешъ, што можетъ сдѣлать не токма изъ насъ съ тобой, а и изъ начальства, коли ежели ему, што не пондравится? Въ порошокъ стереть, да по вѣтру и пустить!... Рястанты и обѣдали нонѣ, вонъ, за мѣсто 12, въ 10 часовъ. Вотъ оно, што значить анараль-то.

— Для чего же и обѣдали раньше?

— А штобъ къ 12 часамъ, какъ рихтникъ, всѣ въ мастерской сидѣли, къ явону, стало быть, анаральскому пріѣзду. Вотъ братецъ дѣла-то какіе.

— Што же анараль эвто велѣлъ, што-ли?

— А кто-жъ яво тамъ знаетъ. Только бядовый говорятъ. Ну и былъ же у насъ переполохъ!... все чистили, мыли, вбирали да наказали держись, говорятъ, бодрѣй, отвѣчать смѣлѣй, и все такое прочее, а мнѣ наказано: гляди, говорятъ, смотри въ оба. Ну и гляжу, штобъ невзначай не пріѣхалъ.

— А ежели прозѣваешь анарала?

— Оборони Богъ: беда... потому какъ я 16 годовъ вѣрой, правдой отслужилъ, а тутъ вся твоя служба мигомъ пропасть должна... Такъ лучше и не шни про анарала.

— Такъ знай-же, что ты дѣйствительно прозѣвалъ его.

— Што ты, што ты мелешь-то? испуганно молвилъ онъ, оглядываясь вокругъ. Тяпуиъ тебѣ на языке, да сорокъ

подъ языкъ за это! Ничѣмъ пужать—проваливай лучше мимо: не ровенъ часъ и. . до грѣха...

— Право прозѣвалъ: воображаемый генералъ, котораго ты караулишь—я, только я не генералъ и вовсе не буду инспектировать вашей роты.

— Шт...то...о? Онъ затрясся. Здается мнѣ ты... вы... ваше пресходство!... г. купецъ!... Да убирайся ты къ черту отсюда!...

— Успокойся: ничего тебѣ не будетъ худаго: я не бѣдовый, а смирный, жалостливый человѣкъ. Идемъ же...

— Позв-вольте... виновать... не мог-гу знать-сь... Отстань!... анаф-ома!...

Онъ еще пуще растерялся, заговорилъ какую-то чепуху, но не трогался съ мѣста. Безсмысленный видъ его вызвалъ въ насъ раскаяніе за сознаніе и потому мы поспѣшили вернуться во-свояси. Но и послѣ, при встрѣчахъ съ нами, онъ по прежнему продолжалъ конфузиться, пугаться насъ не смотря на то, что мы многократно успокаивали, увѣряли его, въ положительной безопасности.

II.

Зданіе, въ которомъ помѣщается рота повенское; построенно оно на арсеналъ, потомъ предназначено было къ помѣщенію, въ военное время, госпиталя, а на мирное обращено въ тюрьму. Зданіе это окружено, съ трехъ сторонъ, деревяннымъ, высокимъ, на 256 саж., частоколомъ и каменными, меньше чѣмъ на половину, протяженія, съ двухъ боковъ, стѣнами въ 48 саж., а задній фасадъ также частоколомъ и крѣпостнымъ, высокимъ, валомъ. На углу передняго фасада частокола висѣла, большая, черная, доска, на которой крупнымъ, печатнымъ шрифтомъ были перечислены 26 отраслей ремеслъ, производившихся арестантами роты на заказъ; не-

много по-отдалѣ калитка, а рядомъ ворота, сквозь которыя входили, въѣзжали во дворъ. На дворѣ, возлѣ калитки стояла будка, для часоваго, сзади ея маленькій домикъ, для караульщииковъ зимою; отъ будки была протянута внизъ, въ караульню, на столбахъ, проволока—звонокъ, а напротивъ деревянная баня, она же и прачечная. Въ боку бани были пристроены гимнастическія лѣстницы, шесты, счетомъ до 12. Первая половина ровнаго двора назначалась для фронтовыхъ ученій; тутъ-же вдоль всего частоккола 10—15 арестантовъ вили, посредствомъ машины, изъ пеньки, веревки. На другой половинѣ весьма покатаго внизъ, двора, разбивался *будущій* садикъ. Далѣе, внизу ужъ находилась казарма роты. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались: контора для приѣма *частныхъ* заказовъ, выставка готовыхъ издѣлій, карцеры, кухни: одна—для всѣхъ арестантовъ, другая—для лазаретныхъ больныхъ; цейхгаузъ для припасовъ, хлѣбопекарня, столовая отдѣльная для каждаго изъ разрядовъ; слесарня и кузница. Комнаты эти, за исключеніемъ 24 карцеровъ, всѣ высокія, потолки со сводами, а полъ въ кухняхъ и столовыхъ земляной. Во второмъ этажѣ очень просторныя, свѣтлыя мастерскія, по разрядамъ, при нихъ отдѣльныя: цейхгаузъ—для склада казенныхъ и арестантскихъ вещей, матеріаловъ и инструментовъ для работъ; лазаретъ, приемный покой, аптека, ванная и нѣсколько складовъ. Затѣмъ спали арестанты: испытуемые—въ 3-мъ, а исправляющіеся — въ 4-мъ этажахъ. Въ спальныхъ комнатахъ имѣлись деревянные (по 8—12 въ рядъ) коморки ночныя разьединенія — на 480 чел. Въ коморкахъ на полу песочницы у одной изъ стѣнъ, въ видѣ наръ, скамейка, на ней такой-же, какъ и вездѣ, соломенный, одѣяло, подушка, а на гвоздѣ полотенце и шапка; вмѣсто потолоковъ въ коморкахъ, были перекладины, съ широкими, поперегъ, коморокъ 5—7 отверстіями, сквозь которыя выходилъ и входилъ воз-

духъ.—Въ свободныхъ отъ коморокъ углахъ, приспособлены нары, каждыя на 2—4 чел.; тутъ спали арестанты, кончавшіе срокъ заключенія и готовившіеся къ освобожденію. На стѣнахъ, каждой мастерской, каждой камеры, каждой кладовой и лазаретныхъ комнатъ, виднѣлись надписи, на доскахъ, о томъ, чѣмъ и кто тамъ занимается, что хранится, какой разрядъ, что для пищи полагается, какое число людей живетъ, титулъ начальствующихъ надъ ротою. Все зданіе снабжено было водопроводами, по этажамъ; повсюду настоящіе, прекрасные ватерклозеты, въ нихъ, вдоль всѣхъ стѣнъ жестяные умывальники, а полъ покрытъ асфальтомъ. Короче говоря, какъ самое помѣщеніе роты, такъ и чистота, опрятность не оставляли желать ничего лучшаго, и производили, на свѣжаго человѣка, чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

Всѣ офицеры, священникъ, докторъ роты располагали квартирами, въ смежномъ съ ротнымъ, зданіи; тамъ-же жили и унтеръ-офицеры, изъ которыхъ при насъ было: штатныхъ 14 и прикомандированныхъ 11 чел.; въ ихъ комнатахъ далеко было до опрятности.

На приспособленіе зданія было предположено 25,000 р.; но дѣйствительно издержано въ 1869 г. — 10,000 р. и въ 1870 г. — 10,000 р.: на устройство бани, мастерскихъ, коморокъ, на утрамбовку двора, заборовъ и проч. мелочи. Этимъ и кончилась вся работа.

III.

Вставали арестанты, въ нашу бытность въ крѣпости, въ 4 часа утра, убирались, умывались, молились, завтракали и расходились до обѣда по мастерскимъ, за исключеніемъ уборщиковъ комнатъ, казармы, двора 100 чел. Въ 11 часовъ

прерывали работу, водворяли порядокъ въ мастерскихъ, которыя запирались, а люди шли въ 12 часовъ обѣдать; потомъ отдыхали четверть часа, въ своихъ коморкахъ, и отправлялись опять на работы до 6½ часовъ вечера; послѣ чего ужинали и затѣмъ расходились по камерамъ; по разрядамъ—заниматься грамотностью на полтора часа; а кончивъ это дѣло,—перекликались и ложились спать.

Бѣлье мыли 9 прачекъ - арестантовъ, не знавшихъ никакого ремесла. Излишнее же арестантское бѣлье, одежда и обувь, которыя люди приносили съ воли — хранились въ цейхгаузахъ, подѣ отдѣльными, для каждаго, ярычѣомъ и тѣ, кто пробывалъ въ ротѣ не болѣе 2 лѣтъ, — по выходѣ получалъ обратно каждый свое имущество. Верхняя одежда на людяхъ была крѣпкая, свѣжая. Въ банѣ арестанты мылись дважды въ мѣсяцъ, причѣмъ мыло давалось по 1 ф. на 34 чел., а въ общей сложности на мыло, вѣнникъ и топку бани тратилось изъ экономическихъ средствъ роты до 50 к. въ годъ.

Продовольствовались арестанты, кромѣ казеннаго пайка, во всемъ *хозяйственнымъ* способомъ. Короннаго секретаря, котораго законъ уполномочиваетъ хозяйничать въ ротѣ при насъ не было. Оттого одинъ изъ помощниковъ начальника роты покупалъ, по распоряженію начальника, предметы потребленія дважды въ мѣсяцъ, а каптенармусъ расходовалъ ихъ, глядя по надобности, подѣ наблюденіемъ начальства. Варили въ недѣлю: щи, супъ, похлебку: 4 дня — съ саломъ, а 3 дня — съ мясомъ, полагая на человѣка по ¼ ф., а сала на 566 чел. (это число содержалось при насъ) 19 ф.; кромѣ того, въ котелъ опускалось: капусты — по ⅓ части ведра; картофеля — по ⅓ гарнца; на ужинъ готовили попеременно гречневую, ячневую густую кашу, горохъ и похлебку. Ъли арестанты безъ различія разряда изъ одного котла; пили

дня въ недѣлю, въ обѣдъ—всѣ квасъ, а въ остальные дни—воду; кашу получали исправляющіеся трижды въ недѣлю. Овощи для приварка добывались съ ротнаго огорода, который пространствомъ въ 2 десятины и 1077 квадр. саж. Собрано съ этого огорода:

	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Картофеля . . .	35 корецъ.	90 корецъ.	51 кор.
Буряковъ. . . .	33 пуда.	—	45 пуд.
Капусты	1118 ведеръ.	—	1402 вед.
Луку	17 пуд.	17 пуд.	22 пуд.

Хлѣбъ раздавался въ общей массѣ по 3 ф. на человѣка,—ефрейторамъ, изъ арестантовъ, на ихъ десятки, а они ужъ рѣзали и дѣлили его товарищамъ порціями по 3 ф. въ день, т. е. правило безъ вѣса игнорировалось; но кормили арестантовъ удовлетворительно.

Все содержаніе арестанта, независимо начальства, помѣщенія и отопленія обходилось казнѣ: на мясныя и рыбныя порціи—10 р. 45³/₄ к.; мука—19 р.; крупа—1 р. 15 к.; соль—60 к.; баня, мыло и вѣшники—50 к.; обмундированіе—4 р. 24³/₄ к.; бѣлье: носильное—1 р. 52 к.; постельное и полотенца—1 р. 48 к.; обувь—5 р. 34¹/₄ к.; освѣщеніе ка-меръ и лѣстницъ—7 к., итого 44 р. 36 к. въ годъ. .

IV.

Мастерскія роты открылись, по преобразованіи роты, 1 іюля 1868 г., а работало въ нихъ къ концу годовъ:

	1869 г.	1870 г.	1871 г.
Сапожниковъ. . . .	35	43	88
Башмачниковъ	2	9	15

	1869 г.	1870 г.	1871 г.
Портныхъ	35	51	117
Плотниковъ	12	23	19
Столяровъ	18	15	38
Слесарей	8	9	14
Кузнецовъ	10	11	17
Шорниковъ	2	3	6
Маляровъ	2	3	9
Бондарей	1	5	12
Обойщиковъ	—	3	4
Токарей	1	5	6
Мѣдниковъ	1	—	—
Переплетчиковъ	1	4	9
Лакировщиковъ	2	—	—
Пильщиковъ	4	4	22
Колесниковъ	3	3	—
Работавшихъ володки, для			
шитья на нихъ сапоговъ . . .	—	2	—
Плетшихъ маты	3	—	4
Дѣлавшихъ гармоніи и			
скринки	—	2	6
Дѣлавшихъ корзинки	—	3	27
Рѣзчиковъ по дереву	6	—	10
Граверъ	—	1	1
Серебрянниковъ	—	3	7
Подеревщиковъ	—	—	5
Чинившихъ экипажи	—	—	6
Прядильщиковъ	—	—	14

140 чел. 213 чел. 456 чел.

Заработали всѣ эти люди: въ 1868 г. — 229
 94 коп.; въ 1869 г. — 1,059 р. 15½ коп.; въ 1870 г. —
 1,971 р. 96¼ к.; въ 1871 г. — 4,107 р. итого 7,368 5¾

Изъ означенныхъ цифръ слѣдуетъ скинуть: а) истраченныя на инструменты и матеріалы: въ 1868 г. — 237 р. 47¹/₂ к.; въ 1869 г.—222 р. 20 к.; въ 1870 г.—919 р. 5¹/₂ к., а въ 1871 г. по 1 октября—838 р. 23¹/₂ к.; б) отчисленныя въ пользу арестантовъ 10% съ рубля: въ 1868 г. — 22 р. 99 к.; въ 1869 г. — 82 р. 92 к.; въ 1870 г.—176 р. 89 к.; въ 1871 г.—410 р. 73¹/₂ к.; такъ что разложивъ эти деньги на число работавшихъ — выходитъ, что они получили: въ 1868 г.—145 чел. по 15 к. съ др.; въ 1869 г.—140 чел. по 1 р. 58⁵/₇ к.; въ 1870 г. 213 чел. по 83 к. съ др., а въ 1871 г. 456 чел. по 90 к. съ др. каждый; в) выданныя въ вознагражденіе начальству: въ 1868 и 1869 г. по 10% 469 р. 44 к., а за 1870 г. разрѣшено было по 20%. За снѣмъ въ 1868 г. было передержано изъ другихъ суммъ 30 р. 52¹/₂ к.; потому осталось чистымъ доходомъ: въ 1869 г. — 284 р. 59¹/₂ к.; въ 1870 г. — 666 р. 83³/₄ к.; въ 1871 г. — 2,858 р. 3 к., а всего за исключеніемъ передержки 1868 г. 30 р. 52¹/₂ к. 3,809 р. 46¹/₄ к.

Независимо сего по приспособленію казармы работало арестантовъ: въ 1869 г.—166 дней по 195 чел. въ день; въ 1870 г.—до 80 чел.; въ 1871 г.—80 дней по 45 чел. въ день; заработали эти люди: въ 1869 г.—1,153 р. 47³/₄ к.; въ 1870 г. 1,571 р. 31 к.; въ 1871 г. 2,732 р. 73 к. итого 5,457 р. 51¹/₄ к. Арестанты же ходили на инженерныя-крѣпостныя работы: въ 1868 г.—221 чел.; въ 1869 г.—216 чел. и въ 1870 г.—195 чел. въ день; но сколько они заработали-бы, еслибъ за ихъ трудъ полагалась плата—свѣдѣній не было въ ротѣ. Такимъ образомъ, соединивъ цифры заработковъ мастеровыхъ 3,809 р. 46¹/₄ к. и приспособлявшихъ зданіе—5,457 р. 51¹/₄ к. получается выгоды отъ роты за все время ея существованія 9,266 р. 98 к.

Помѣщеніе мастерскихъ, кромѣ кузницы и слесарной,

которые были темны, просторны, удобны, словомъ хороши. Инструментовъ, имѣлось довольно; было 3—4 швейныхъ машины. Работали арестанты разными вещи на варшавскій интендантскій складъ, да по заказу частныхъ лицъ. Преобладающій элементъ заказчиковъ—составляли солдаты и простолюдины; шли они туда потому исключительно, что начальство благоразумно распорядилось вывѣсить за воротами огромную доску съ надписью, что именно стоитъ, каждый изъ поименованныхъ на доскѣ 24 предметовъ арестантскаго издѣлія, и за одну лишь работу, и вмѣстѣ съ матеріаломъ; оттого всякій, посмотрѣвъ на доску—напередъ въ состояніи былъ сообразить: соотвѣтствуетъ-ли цѣна его средствамъ, желаніямъ и тогда ужъ дѣйствовалъ дальше.

Все предметы такимъ образомъ дѣлались по установленной таксѣ, которая показываетъ, что въ 1870 г. рота брала за офицерскія, напр., сапоги, съ длинными голенищами, изъ гамбургскаго товара 12 р.; за одно шитье ихъ—1 р.; за дамскія прюнелевыя ботинки 1 р. 65 к.; за одно шитье ихъ 25 к.; за офицерскій мундиръ 1 р. 25 к.; за дамское платье отъ 30 к. до 1 р. 50 к. (даже и такіе мастера были); за солдатское пальто и мундиръ по 30 к.; за форнированный коммодъ 3 р.; за такой-же диванъ 4 р. 50 к.; за гробъ до 60 к.; за большую гармонію изъ ротнаго матеріала 2 р. 50 к.; за кнутъ 5 к.; за золоченіе серебрянаго браслета и рѣзба на немъ 4 р. и т. д.

Частные заказы принимались въ особой комнатѣ, раздѣленной пополамъ: въ одной половинѣ—была выставка готовыхъ издѣлій и столы, конторка, около которыхъ писали писаря и офицеръ—пріемщикъ заказовъ, а въ другой—меньшей—цѣлые дни толпился народъ, приходившій, кто заказывать, кто получать заказъ; тутъ-же снимали арестанты съ заказчиковъ мѣрки на сапоги, напр., сюртуки и т. п., отчего

не представлялось значительной трудности и передать, что-нибудь арестанту и отъ него взять то, что ему удастся утаить казеннаго.

Матеріалы для мастерскихъ ѣздили, въ Варшаву, покупать: на значительныя суммы—самъ начальникъ роты, а на небольшія—въ недѣлю одинъ-два раза—*частный* коммиссіонеръ роты отставной солдатъ, который доставлялъ ихъ на 200—300 р. въ мѣсяцъ, при этомъ на счетъ стоимости матеріаловъ падали, по необходимости, и путевыя издержки покупателей. Такъ какъ всякаго рода заказовъ, было въ изобиліи, матеріаловъ выходило много, а помѣщенія для склада ихъ были обширны,—то гораздо, полагаемъ, полезнѣе или покупать матеріалы сразу на 6—8 мѣсяцевъ, или же хоть и по-немногу, но чрезъ *постояннаго*, въ Варшавѣ живущаго, коммиссіонера, изъ *первыхъ рукъ*, по контрактамъ. Отъ этихъ способовъ заготовки матеріаловъ выиграло бы дѣло: во 1-хъ, матеріалы въ обоихъ случаяхъ обходились бы дешевле: оптовые цѣны всегда и на все ниже, нежели въ мелочной *продажѣ*; во 2-хъ, постоянному покупателю вездѣ дѣлается уступка 10% съ договоренной цѣны; въ 3-хъ, работа не останавливалась бы за недостаткомъ матеріала, какъ это иногда случалось; въ 4-хъ, начальникъ роты избавился бы отъ излишнихъ отлучекъ отъ своей части, а достаточно было бы посылать расторопнаго унтеръ-офицера и онъ привозилъ бы все, что по цѣнамъ, съ магазиномъ, либо лавкою условленнымъ контрактомъ.

Собственно мастерскими завѣдывалъ вольнонаемный *техникъ*, развитой молодой человѣкъ, отлично ладившій съ арестантами, которые настолько уважали его, что въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, онъ ни разу ни на кого не жаловался начальству за нерадѣніе къ работѣ, или ослушаніе, лѣньность и проч.

прерывали работу, водворяли порядокъ въ мастерскихъ, которыя запирались, а люди шли въ 12 часовъ обѣдать; потомъ отдыхали четверть часа, въ своихъ коморкахъ, и отправлялись опять на работы до 6½ часовъ вечера; послѣ чего ужинали и затѣмъ расходились по камерамъ; по разрядамъ—заниматься грамотностью на полтора часа; а кончивъ это дѣло,—переключались и ложились спать.

Бѣлье мыли 9 прачекъ - арестантовъ, не знавшихъ никакого ремесла. Излишнее же арестантское бѣлье, одежда и обувь, которыя люди приносили съ воли — хранились въ цейхгаузахъ, подѣльными, для каждого, ярычкомъ и тѣ, кто пробывалъ въ ротѣ не болѣе 2 лѣтъ, — по выходѣ получалъ обратно каждый свое имущество. Верхняя одежда на людяхъ была крѣпкая, свѣжая. Въ банѣ арестанты мылись дважды въ мѣсяцъ, причежъ мыло давалось по 1 ф. на 34 чел., а въ общей сложности на мыло, вѣнникъ и топку бани тратилось изъ экономическихъ средствъ роты до 50 к. въ годъ.

Продовольствовались арестанты, кромѣ казеннаго пайка, во всемъ *хозяйственнымъ* способомъ. Короннаго секретаря, котораго законъ уполномачиваетъ хозяйничать въ ротѣ при насъ не было. Оттого одинъ изъ помощниковъ начальника роты покупалъ, по распоряженію начальника, предметы потребленія дважды въ мѣсяцъ, а каптенармусъ расходовалъ ихъ, глядя по надобности, подѣ наблюдениемъ начальства. Варили въ недѣлю: щи, супъ, похлебку: 4 дня — съ саломъ, а 3 дня — съ мясомъ, полагая на человѣка по ¼ ф., а сала на 566 чел. (это число содержалось при насъ) 19 ф.; кромѣ того, въ котель опускалось: капуста — по ⅓ части ведра; картофеля — по ⅓ гарнца; на ужинъ готовили попеременно гречневую, ячневую густую кашу, горохъ и похлебку. Ъли арестанты безъ различія разряда изъ одного котла; пили

дня въ недѣлю, въ обѣдъ—всѣ квасъ, а въ остальные дни—воду; кашу получали исправляющіеся трижды въ недѣлю. Овощи для приварка добывались съ ротнаго огорода, который пространствомъ въ 2 десятины и 1077 квадр. саж. Собрано съ этого огорода:

	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Картофеля . . .	35 корецъ.	90 корецъ.	51 кор.
Буряковъ. . . .	33 пуда.	—	45 пуд.
Капусты	1118 ведеръ.	—	1402 вед.
Луку	17 пуд.	17 пуд.	22 пуд.

Хлѣбъ раздавался въ общей массѣ по 3 ф. на человѣка,—ефрейторамъ, изъ арестантовъ, на ихъ десятки, а они ужъ рѣзали и дѣлили его товарищамъ порціями по 3 ф. въ день, т. е. правило безъ вѣса игнорировалось; но кормили арестантовъ удовлетворительно.

Все содержаніе арестанта, независимо начальства, помѣщенія и отопленія обходилось казнѣ: на мясныя и рыбныя порціи—10 р. 45³/₄ к.; мука—19 р.; крупа—1 р. 15 к.; соль—60 к.; баня, мыло и вѣшники—50 к.; обмундированіе—4 р. 24³/₄ к.; бѣлье: носильное—1 р. 52 к.; постельное и полотенца—1 р. 48 к.; обувь—5 р. 34¹/₄ к.; освѣщеніе камеръ и лѣстницъ—7 к., итого 44 р. 36 к. въ годъ. .

IV.

Мастерскія роты открылись, по преобразованіи роты, 1 іюля 1868 г., а работало въ нихъ къ концу годовъ:

	1869 г.	1870 г.	1871 г.
Сапожниковъ.	35	43	88
Башмачниковъ	2	9	15

камеры разставлялись столы, скамейки, народъ садился вокругъ и занимался. Освѣщали столы сверху висѣвшія, на проволокахъ лампы. Учились по букварямъ св. Синода, т. е. по методѣ, давно ужъ вытѣсненной изъ употребленія. Учили, какъ и вездѣ, арестанты товарищей, подъ руководствомъ священника, который хотя и зналъ почти всѣхъ арестантовъ по фамиліямъ, а половину и по нравственнымъ ихъ качествамъ, тѣмъ не менѣе, онъ поставленъ былъ въ физическую невозможность показать, вразумить, наставить изъ 566 и 100 чел. въ столь короткій промежутокъ времени. Мало того: въ ротѣ было довольно евреевъ и католиковъ, плохо понимавшихъ русскій языкъ. Писать учились на деревянныхъ, какъ въ госпиталяхъ, доскахъ, въ изголовьяхъ кроватей, палочками съ жидко разведеннымъ мѣломъ. Книжекъ для чтенія тоже мало было въ ротѣ. Вотъ каталогъ ихъ: чисто духовнаго содержанія 15—18 экземпляровъ, азбуки, «солдатскій букварь», «арифметика», «грамматика», «край крещенаго сѣвера», «о русской землѣ», «поученія», св. Попова къ подсудимымъ, «подвигъ солдата», «о здоровьи», «чтеніе для солдатъ», «досугъ и дѣло», «военный сборникъ», «біографія Суворова», «практическое упражненіе въ русскомъ языкѣ», «ремесленная газета», «дисциплинарныя правила» и только. На покушку классныхъ принадлежностей истрачено было: въ 1868 г.—8 р. 58 к.; въ 1869 г.—129 р.; въ 1870 г.—60 р. 5½ к.; въ 1871 г.—34 р. 98 к.

Отсутствіе необходимыхъ руководствъ, книгъ, для народнаго чтенія, хорошо грамотныхъ учителей—арестантовъ и вышеприведенныя неурядицы, сдѣлали, на практикѣ то, что грамотность была здѣсь въ загонѣ.

— Ты давно учишься? спросили мы арестанта, лѣтъ 30 на взглядѣ.

— Полтора года, отвѣтилъ онъ.

— И одни буквы только и выучилъ за все это время.

— Точно такъ-съ: по букварямъ трудно распознать, да и шумъ мѣшаетъ: слышите, какъ всѣ вслухъ читаютъ, а гулъ этотъ все дѣло портить.

— А ты тоже давно учишься?

— Годъ и 4 мѣсяца; только я плохо учусь по другому, совсѣмъ, случаю: я дважды утопалъ и со страху смерти—у меня вся память отнялась.

Въ ротѣ было, независимо того, нѣсколько положительныхъ идиотовъ, которые не въ состояніи ничего размышлять.

— Урокъ выучилъ? спросилъ при насъ священникъ хромаго еврея.

— Нихай сибѣ... нить.

— Отчего-жъ нить?

— Не годится.

— А что за такой отвѣтъ бываетъ?

— Дранцея. И хорсо.

— Хочешь, значить, за это розогъ?

— Н-да-съ... можно... нихай нацальство вздуеть.

— А сколько тебѣ дать ударовъ?

— Все равно... хочу...

— Ну 25, примѣрно, довольно?

— Благодарю, батуска, довольно и 25.

— А больно будетъ тебѣ отъ розогъ?

— Мозеть и будетъ... ницаво... деруть...

— Что же ты теперь дѣлаешь?

— Не знаю... хозу себе.

— Куда изъ этой комнаты пойдешь?

— Васа воля... пойду себе...

— Обѣдалъ ты сегодня?

— А-а! мозеть пустать... ѣсть можно.

— Спать хочешь?

— Ницаво, можно. Я такъ нагодъ присоля... Ундеръ по рукамъ вдарилъ. Просцайте. Нонце святло.

И такъ, увѣрали насъ, онъ *постоянно* себя велъ и никакія усилія, взысканія на него не дѣйствовали, слѣдовательно и обученіе грамотности такихъ субъектовъ напрасный трудъ.

Дабы грамотность подвинулась скорѣе впередъ—необходимо самое существенное—учить людей не послѣ дневнаго устатка, когда умъ и тѣло жаждать отдохновенія, а среди дня, группами, челов. по 50, да завести изрядное количество потребныхъ, для этой цѣли, принадлежностей, указанныхъ выше. Заклучимъ эту главу таблицей о числѣ учившихся, которыхъ было:

Въ 1869 г. Въ 1870 г. Въ 1871 г.

Первою разряда, умѣвшихъ читать, писать и знавшихъ ариметыку	122	23	68
Второю разряда, умѣвшихъ читать и писать . .	258	65	105
Третью разряда, умѣвшихъ только читать . . .	406	88	158
Четвертою разряда, учившихся читать	418	163	191
Совершенно неграмотныхъ было.	364	186	126
	1558	525	648

VI.

Прибывали въ роту осужденные къ содержанію въ ней разъ въ недѣлю, человѣкъ по 10 сразу. Ихъ приводили въ канцелярію, гдѣ повѣряли на нихъ казенное имущество, а

начальникъ роты самъ разспрашивалъ ихъ объ ихъ дѣлахъ, о томъ, кто какое знаетъ ремесло, внушалъ имъ исправиться, прилежно трудиться; потомъ ихъ отводили въ пріемную комнату, переодѣвали въ арестантскую одежду, а ту, въ которой они пришли, свертывали въ отдѣльные узлы, съ ярлычками и относили на храненіе въ цейхгаузъ; самихъ же отправляли по мастерскимъ, въ которыхъ начальникъ бывалъ ежедневно по два—три раза и потому лично зналъ многихъ арестантовъ. Относительно рецидивистовъ существовалъ вотъ какой порядокъ. Имъ давали оглядѣться въ общихъ камерахъ, а потомъ ихъ сажали періодически на два дня въ недѣлю въ карцеръ, до тѣхъ поръ, покуда миновалъ установленный 65 ст. положенія о ротахъ полсрока пребыванія въ испытующихъ. Періодичность заключенія имѣла гораздо лучшее вліяніе, нежели сразу: отсидѣвъ въ карцерѣ двѣ—три недѣли сразу — человекъ впадалъ, отъ бездѣйствія, въ апатію, терялъ способность чувствовать смыслъ этого наказанія, тогда какъ періодичность постоянно напоминала ему объ его преступленіяхъ.

— Это сидѣніе здѣсь въ карцерѣ тоску нагоняетъ, говорили намъ многіе рецидивисты; только приобыкнешъ къ товарищамъ — анъ тебя ужъ и прочь отъ нихъ тянутъ; отмаешься кое-какъ два дня, вернешся въ компанію, не успѣешь оглядѣться — три дня прошло и опять иди ужъ въ конуру, въ молчанку. Лучше бы ей-Богу выдрали, али законопатали залпомъ на мѣсяцъ, ничѣмъ такъ мучать.

Въ благопріятную погоду арестантовъ водили, цѣлымъ составомъ, разъ или два въ недѣлю, на фронтовія ученья, на плацъ, версты за двѣ за крѣпость, подъ звуки 4-хъ горнистовъ и 2-хъ барабанщиковъ изъ арестантовъ-же; сопровождалъ ихъ на эти ученья весь персоналъ роты безъ оружія и безъ конвоя. Тѣмъ не менѣе никогда еще не было

стараться вести себя на столько, по-крайней-мѣрѣ, осторожно, чтобъ «упаси Господи, не отдалили срокъ выпуска изъ роты».

На основаніи 57-й ст. положенія о ротахъ всѣ *собственные* вещи, приносимыя арестантами въ роту (напр. ситцевыя рубашки, фуфайки, жилетки и т. под. хламъ) подлежатъ продажѣ съ аукціоннаго торга, а вырученныя деньги—причисленію къ специальнымъ средствамъ роты. Въ Ригѣ, Динабургѣ и Бобруйскѣ это буквально исполнилось; здѣсь же напротивъ эта статья игнорировалась, по причинамъ, думается намъ, вполне уважительнымъ. Всякій законъ долженъ прежде всего вытекать изъ житейскихъ потребностей, но не быть навязаннымъ жизни вслѣдствіе какой-нибудь предвзятой комбинаціи. Людей, которые относятся равнодушно къ своему матеріальному достоинію конечно мало, но чѣмъ человѣкъ бѣднѣе, чѣмъ тяжелѣе ему досталась его собственность,—тѣмъ онъ, естественно, больше дорожитъ ею. Далѣе, нѣтъ сильнѣйшихъ ревнителей справедливости, какъ арестантовъ, которыхъ, хотябъ они прежде были отъявленные плуты,—пустышнѣйшее отступленіе отъ усвоенной ими въ тюрьмѣ идеи о справедливости—коробить. Многіе безропотно переносятъ какое угодно взысканіе, даже тѣлесное, если оно постигло ихъ за дѣйствительную вину; но ежели они не считаютъ себя виновными—самое незамѣтное нарушеніе ихъ правъ—возстановляетъ ихъ, ввергаетъ многихъ, и безъ того раздражительныхъ, въ изступленіе. За сдѣланное преступленіе опредѣлено наказаніе—содержаніе въ ротѣ извѣстнаго срока; лишеніе же той или другой *собственной* вещи (по 57 ст. положенія ротахъ) нельзя ужъ считать, частицею общаго наказанія, а это является какъ-бы придаточнымъ, въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ вовсе не предусмотрѣннымъ. Оттого ли арестанты въ обращеніи ихъ фуфакъ, рубашекъ, нагрудниковъ, въ казну видятъ явное нарушеніе

ихъ правъ на малоцѣнную собственность. А имѣя въ виду, что безсильная злоба всегда вѣдь дольше держится въ людяхъ, нежели сильная, способная отомстить, отвѣтять, то и 57 ст. вызываетъ въ людяхъ ропоть. Между тѣмъ переходя къ экономической сторонѣ вопроса узнаемъ, что и самая сумма, выручаемая за проданный арестантскій хламъ столь ничтожна (10—15 р. въ годъ въ ротѣ изъ 500—600 арестантовъ), что игра положительно не стоитъ свѣчь. Отсюда вытекаетъ несостоятельность 57 статьи, и то, что благоразумные начальники, во избѣжаніе раздраженія арестантовъ, принуждены изъять ее изъ практическаго употребленія. Вслѣдствіе приведенныхъ соображеній, здѣсь вещи арестантовъ не продавались, какъ объяснено выше, а при выходѣ ихъ возвращались имъ обратно и тѣмъ самымъ, при легкости солдатской одежды, зимою, осенью,—сберегали еще здоровье людей, отправлявшихся въ далекій путь вмѣсто одной казенной—въ двухъ рубашкахъ, въ фуфайкахъ, жилетахъ, гораздо больше согревающихъ тѣло, нежели одно форменное платье.

Священникъ роты, человѣкъ на столько понимающій свое значеніе и гуманный, что цѣлые дни проводилъ въ ротѣ и словомъ и дѣломъ помогая арестантамъ въ ихъ грустной долѣ, по праздникамъ говорилъ вразумительно, просто, проповѣди, наставлялъ своихъ духовныхъ сыновъ, на путь истинный и, повторяемъ, хорошо зналъ всѣхъ.

Въ ротѣ былъ хоръ пѣвчихъ изъ 12 арестантовъ; дирижировалъ хоромъ арестантъ, кончившій курсъ въ Петербургской духовной семинаріи; будучи губернскимъ секретаремъ и пѣвчимъ столычнаго Казанскаго собора, онъ свихнулся, по милости излишняго выпиванья, потерялъ мѣсто, нанялся въ солдаты, отъ прежней привычки не отсталъ и ъчутился арестантомъ. По воскресеньямъ арестанты-католики (ихъ было

при насъ 40 чел.) ходили, подъ командою унтеръ-офицера, молиться, въ костелъ, фронтомъ, какъ солдаты, безъ всякаго конвоя, а православные слушали обѣдню въ своей церкви, гдѣ всегда присутствовалъ комендантъ, Е. М. Жуковский, принимавшій самое горячее участіе въ нравственномъ исправленіи арестантовъ.

И вотъ, однажды, при насъ, послѣ обѣдни, выстроили на дворѣ роты всѣхъ арестантовъ, Е. М. Жуковский поздоровался съ ними, они прошли мимо него церемоніальнымъ маршемъ и опять стали колоною. Все молчало.

— Вызовите, батюшка, пожалуйста, сюда того арестанта, который лучше всѣхъ себя ведетъ, произнесъ генералъ, обращаясь къ близъ стоявшему священнику роты.

Физиономіи арестантовъ вытянулись, какъ-то оживились. Священникъ немного подумалъ, потомъ исполнилъ желаніе генерала. Предъ фронтомъ вышелъ, конфузясь, молодой арестантъ.

— За то, что ты лучше всѣхъ поведеніемъ—вотъ тебѣ просфору, которую далъ мнѣ батюшка въ церкви. Съѣшь ее, вмѣсто меня, и знай, что я дороже всего цѣню поведеніе. Ступай на мѣсто.

Арестантъ вспыхнулъ отъ оказанной ему чести, взялъ, дрожащею рукою, просфору, разинулъ было ротъ, чтобы что-то отвѣтить, но въ избыткѣ чувствъ не могъ, и потому робкою поступью отправился въ свою шеренгу.

— Помните ребята, что вы подверглись заключенію за свои провинности *по закону*; продолжалъ генералъ всѣмъ; значить должны искупить, загладить ихъ кротостію, повиновеніемъ, добрымъ поведеніемъ, прилежно учиться грамотѣ, мастерству, для своей-же пользы и Богъ дастъ вернетесь въ полки, благополучно дослужите сроки и станете честными, хорошими людьми, какъ и ваши товарищи въ войскахъ.

— Слушаемъ ваше-ство, ради стараться ваше-ство, огласило воздухъ единодушныя, радостныя крики арестантовъ.

— Ну что съѣлъ ты просвиру, которую получилъ утромъ отъ коменданта, спросили мы вечеромъ счастливица.

— Ни боже мой, отвѣтилъ онъ съ гордостью.

— Чтожъ ты станешь дѣлать съ нею?

— А беречь, какъ зѣнницу ока, потому награда отъ самаго вышшаго, какое тутъ только есть, начальства.

— Да вѣдь она засохнетъ, потеряетъ всякій вкусъ.

— Ничего-съ. Когда выйду отсюда—черезъ 3 мѣсяца,—бабушка отслужитъ мнѣ молебень, помолюсь за здоровье генерала и какъ перешагну порогъ роты, тогда и съѣмъ ее. Мы всѣ Богу молимся за генерала, потому онъ отличный къ намъ. И просвиры часто отдаетъ намъ. Одинъ мой товарищъ даже въ полкъ унесъ просвиру, что генералъ ему пожаловалъ.

— Довольны, вы, братцы, что комендантъ просвиру подарилъ вашему товарищу? освѣдомились мы отъ группы арестантовъ.

— То нѣтъ вотъ какъ по горлу благодарны генералу, потому какъ онъ цѣнитъ поведеніе, ну и стоитъ стараться. Нашему брату, арестанту, и ласковое слово, примѣрно, очень, очень дорого: мы вѣдь несчастныя и ласкою изъ насъ все сдѣлаете. Ей-Богу такъ.

Вотъ наглядное подтвержденіе безспорной истины, что гуманное отношеніе къ людямъ, какъ бы они ни были испорчены, всегда скорѣе способно исправить ихъ нравственность, нежели суровыя кары, къ которымъ прибѣгали многіе исправители, совершенно забывая, что держать въ повиновеніи, покорности ежевыми рукавицами, значитъ не обладать моральнымъ вліяніемъ на арестантовъ, а исправленіе безъ такого именно вліянія—немыслимо.

VII.

Изъ числа всѣхъ арестантовъ, въ ротѣ содержавшихся (круглымъ числомъ 600 челоѣкъ) проштрафилась: въ 1868 году—163 челоѣ., въ 1869 г.—213 челоѣка, въ 1870 г.—108 челоѣкъ, въ 1871 г.—123 челоѣкъ, изъ нихъ было тѣлесно наказано: въ 1868 г.—112 чел., въ 1869 г.—34, въ 1870 г.—21, а въ 1871 г. 45 чел. Наказанія эти налагались, между прочимъ, за слѣдующіе проступки: въ 1868 г.—за ударъ рядоваго лопатою 75; за найденный табакъ 15; за «*намѣреніе*» продать сапоги—25 ударовъ розогъ, тогда какъ намѣреніе не наказуемо; въ 1869 г. за кражу: подштанниковъ и холщеваго мѣшка по 50; за угрозу ударить унтеръ-офицера кирпичемъ 75 ударовъ; въ 1870 г. за кражу казеннаго кружка 30, за пьянство по 25; за «*намѣреніе*» выпить водки по 30; за покушеніе бѣжать 100 ударовъ; за принятіе краденнаго хлѣба 25; за продажу образца безъ позволенія начальства 50; за пьянство 10; за ослушаніе фельдфебеля, имѣніе денегъ и отвѣтъ офицеру: „лучше держите меня взаперти, не то я что-нибудь сдѣлаю» 100 ударовъ и на 3 мѣсяца въ испытуемые; за храненіе табаку, сахара, чаю, цикорія, селедки, лавроваго листа, для продажи по 20 розогъ; въ 1871 г. за кражу хлѣба у товарища и покушеніе бѣжать 100; за ослушаніе и грубость унтеръ-офицеру по 25; за торговлю гоняжьими порціями и табакомъ по 25; за то, что напился пьянымъ 100; за «*неправильную претензію*» 25; за укушеніе пальца товарищу, буйство и пьянство 100; за то, что «позволилъ себѣ» выпить водки 25; за самовольное сдѣланіе кіота, литографированіе, написаніе образовъ и торговлю ими 50, 25, 10 и 5 ударовъ четвернымъ; за промѣнъ табаку на порцію говядины 30 ударовъ и т. д.

Затѣмъ слѣдовали легчайшія наказанія заключеніе въ карцеры. Въ 1868 г. туда напрямѣръ попадали: за игру въ карты—одинъ на сутки, а другой на ночь — спать; за ударъ арестанта, за выраженіе про товарища „онъ все доноситъ начальству“ на сутки и на 2 недѣли въ кандалы; за то, что «самъ себѣ назначилъ ординарную порцію» на недѣлю въ темный карцеръ; за произнесеніе «у насъ столько начальства, что всѣхъ не перевѣшаешь» туда же; за разговоръ во время наставленія священника въ тотъ же карцеръ на двѣ недѣли, на хлѣбъ и воду, въ кандалы и съ переводомъ въ испытующе; въ 1869 г.: за утайку *собственнаго своего* товара, за куреніе табаку и воровство (чего, не означено) на недѣлю; за прожженіе куртки, продажи *собственнаго* издѣлія шкатулки—всѣ въ испытующе; за шумъ «со своимъ хозяйномъ» на 2, за «недосмотръ своего мастерства, чтò и была починка почина»; за то, что «попался въ табакъ»; за воровство «ротнаго сала»—на 2 суток; за найденный мѣшокъ на 11 сутокъ на хлѣбъ и воду. Въ 1870 г. за «дозволеніе себѣ сдѣлать умышленно жилетку изъ матеріала за казника, которой впоследствии не оказался»—на 6 сутокъ, за найденную казенную наволочку на 3 сутки и въ темный карцеръ, съ переводомъ въ испытующе. Въ 1871 г. тѣлесное наказаніе, къ сожалѣнію, пошло прогрессивно впередъ, причемъ оно иногда налагалось легкомысленно. Такъ, одного молодого человѣка наказали 100 ударами розогъ и заковали на мѣсяцъ въ кандалы за то, что онъ сказалъ унтеръ-офицеру: „я тебя убью“.

— Скажи пожалуйста, неужели ты бы дѣйствительно убилъ унтеръ-офицера? спросили мы его, бряцавшего кандалами.

— Гм... Да чтѣмъ же бы я его убилъ, коли у меня пѣтъ ни палки, ни камня, ничего чтѣмъ убить можно? наивно спрашиваетъ онъ.

себѣ: «прощай жена и дѣти, да и служба тоже: я больше вамъ не слуга» и убежѣ. Скрыться было некуда и опять известно, словили, судили, радили, да сюда же. Ежели-бъ въ другую, примѣрно, хотъ роту отправили, глядишь новые, можетъ статься, тамошніе порядки перемѣнили бы меня, а тѣфу ты, молъ, пропасть эдакая все старая, знакомая раба. Тоска сызнова загрызла меня, да такъ, что вѣрите-ли Богъ весь бѣлый свѣтъ мнѣ опротивѣлъ, сердце тоже приверещало, пустымъ оставаться не хотѣло, и замѣсто своихъ кровныхъ—полюбилося мнѣ бѣгать...

— Вѣдь будучи въ бѣгахъ ты долженъ былъ питаться Богъ вѣсть чѣмъ, долженъ былъ остерегаться всякаго встрѣчнаго, вздрагивать отъ всякаго шороха, постоянно размышлять одно—какъ бы не поймали, а вѣдь все это вмѣстѣ скверно, тяжело до крайности.

— Вы нашей арестантской жизни не знаете и потому вамъ кажется, что сидѣть здѣсь вольготно. А какъ я вамъ доложу какая тутъ одурь беретъ—вы и поймете, отчего мы стараемся удрать отсюда. Все, чѣмъ насъ занимаютъ—это работой. Я примѣрно портной. Съ ранняго утра до поздняго вечера шьешь руками, да глядишь глазами, а голова, а сердце тутъ не при чемъ, ну и поневолѣ сочиняешь разные планы, и, какъ не прикидываешь—все выходитъ утѣчь. Какъ эдакъ-то задумаешь—сейчасъ тебѣ цѣлый ворохъ занятія: день, недѣлю, иной разъ и двѣ ходишь по мастерской, по коридору и все ищешь гдѣ рѣшотка послабже, да и ищешь, помнишь, осторожно, крадучись, чтобъ и товарищамъ, и начальству не въ домѣкъ о твоёмъ помышленьи. Нашель. Тогда тебѣ надобенъ какой-нибудь, положимъ, подпилочекъ, а гдѣ его достать? Известно въ слесарной. Но какъ туда пробраться,—коли ты портной? Сызнова въ башкѣ у тебя забродить это, сочиняешь какую-нибудь враку, чтобъ

свести знакомство съ слесарями, побывать въ ихней мастерской, приглядѣться гдѣ какой лежитъ инструментъ, и покуда стибришь подпилокъ—разъ десять надуешь нѣсколько чело-вѣкъ. Есть у тебя, наконецъ, и подпилокъ. Чтобъ не открыли твою каверзу—подпиливаешь рѣпотку урывками, по-маленьку, опять же не одну недѣлю. Подпилилъ. И това-рищи и начальство бродить мимо твоего спасенья кажин-ный день, кажинный часъ и тѣ и другіе останавливаются возлѣ твоего окна, а ты замазалъ подпиленное мѣсто хлѣб-нымъ мякишемъ и глядишь въ оба и дрожишь ежеминутно какъ бы вся твоя египетская работа не пропала ни за по-нюшку табаку. На твое счастье никто не замѣчаетъ подвоха и ты доволенъ, радъ и думаешь: погодите еще маленько и я проведу васъ, безглазыхъ, ротозѣевъ. Все готово. Ждешь, ни дождеши разлюбезной тебѣ темной ночи. Кличутъ ужина-ть, доходишь до коллidora, увѣриши, что дѣло не испор-чено и въ столовую, но ужъ не ѣшь: кусокъ въ горло не лезетъ. Вернешся въ казарму, откленивши послѣдній разъ на повѣрті, прилягешь на нару и ждешь не дождеши ско-ро-ли народъ уgomонится. Все смолкло. Слезешь съ нары, оденешся, сапоги въ зубы и ползкомъ, на четверень-кахъ проберешся къ завѣтному окну, отворишь его, вы-нешъ, полегоньку, рѣпотку, вцѣпиши, какъ кошка, за во-досточную трубу и ѣдешь, ѣдешь, тихохонько внизъ, а на сердцѣ тужь, тужь,—стучить молоточекъ, а по-кожѣ то му-рашки дерутъ. Вотъ ты и на землѣ и опять ползкомъ, воз-лѣ стѣны, къ начальническимъ квартерамъ поближе,—потому ихъ часовые облаковенно не стерегутъ,—взойдешь въ ко-лidorъ,хватишь шинель нѣстоваго, али лакейскій сюрту-чишко, накинешь на плечи, куртку подъ мышку и смѣло къ воротамъ. „Отвори, молю часовой, полковника ждетъ ман-тильки въ гостяхъ“. Онъ тебя съ почтеньемъ и выпуститъ.

себѣ: «прощай жена и дѣти, да и служба тоже: я больше вамъ не слуга» и убегъ. Скрыться было некуда и опять, извѣстно, словили, судили, рядили, да сюда же. Ежели-бъ въ другую, примѣрно, хоть роту отправили, глядишь новые, можетъ статься, тамошніе порядки перемѣнили бы меня, а то тѣфу ты, молъ, пропасть эдакая все старая, знакомая рацея!. Тоска сызнова загрызла меня, да такъ, что вѣрите-ли Богу, весь бѣлый свѣтъ мнѣ опротивѣлъ, сердце тоже привередничало, пустымъ оставаться не хотѣло, и замѣсто своихъ кровныхъ—полюбилися мнѣ бѣгать..

— Вѣдь будучи въ бѣгахъ ты долженъ былъ питаться Богъ вѣсть чѣмъ, долженъ былъ остерегаться каждаго встрѣчнаго, вздрагивать отъ всякаго шороха, постоянно размышлять одно—какъ бы не поймали, а вѣдь все это вмѣстѣ скверно, тяжело до крайности.

— Вы нашей арестантской жизни не знаете и потому вамъ кажется, что сидѣть здѣсь вольготно. А какъ я вамъ доложу какая тутъ одурь беретъ—вы и поймете, отчего мы стараемся удрать отсюда. Все, чѣмъ насъ занимаютъ—это работой. Я примѣрно портной. Съ раннаго утра до поздняго вечера шьешь руками, да глядишь глазами, а голова, а сердце тутъ не при чемъ, ну и поневолѣ сочиняешь разные планы, и, какъ не прикидываешь—все выходитъ утечь. Какъ эдакъ-то задумаешь—сейчасъ тебѣ цѣлый ворохъ за нятія: день, недѣлю, иной разъ и двѣ ходишь по мастерской, по колыдору и все ищешь гдѣ рѣшотка послабже, да ищешь, помните, осторожно, крадучись, чтобъ и товарищамъ, и начальству не въ домѣкъ о твоёмъ помышленьи Нашель. Тогда тебѣ надобенъ какой-нибудь, положимъ, подпирокъ, а гдѣ его достать? Извѣстно въ слесарной. Но какъ туда пробраться,—коли ты портной? Сызнова въ башкѣ тебя забродить это, сочиняешь какую-нибудь враку, чтобъ

свести знакомство съ слесарями, побывать въ ихней мастерской, приглядѣться гдѣ какой лежитъ инструментъ, и покуда стибришь подпилокъ—разъ десять надуешь нѣсколько чело-
вѣкъ. Есть у тебя, наконецъ, и подпилокъ. Чтобъ не от-
крыли твою каверзу—подпиливаешь рѣшотку урывками, по-
маленьку, опять же не одну недѣлю. Подпилилъ. И това-
рищи и начальство бродить мимо твоего спасенья кажин-
ный день, кажинный часъ и тѣ и другіе останавливаются
возлѣ твоего окна, а ты замазалъ подпиленное мѣсто хлѣб-
нымъ мякишемъ и глядишь въ оба и дрожишь ежеминутно
какъ бы вся твоя египетская работа не пропала ни за по-
нюшку табаку. На твое счастье никто не замѣчаетъ подвоха
и ты доволенъ, радъ и думаешь: погодите еще маленько и
я проведу пастъ, безглазыхъ, ротозѣевъ. Все готово. Ждешь,
ни дождеши разлюбезной тебѣ темной ночи. Кличутъ ужин-
ать, доходишь до коридора, увѣрился, что дѣло не испор-
чено и въ столовую, но ужъ не ѣшь: кусокъ въ горло не
лезетъ. Вернешся въ казарму, отлепишься послѣдній разъ
на повѣркѣ, прилягешь на нару и ждешь не дождеши ско-
ро-ли народъ уgomонится. Все смолкло. Слезешь съ нары,
оденешься, сапоги въ зубы и ползкомъ, на четверень-
кахъ проберешься къ завѣтному окну, отворишь его, вы-
нешъ, полегоньку, рѣшотку, вдѣвшись, какъ кошка, за во-
досточную трубу и ѣдешь, ѣдешь, тихохонько внизъ, а на
середѣ тюкъ, тюкъ,—стучить молоточекъ, а по-кожѣ то му-
рашки дерутъ. Вотъ ты и на землѣ и опять ползкомъ, воз-
лѣ стѣны, къ начальническимъ квартирамъ поближе,—потому
ихъ часовые обнаковенно не стерегутъ,—взойдешь въ ко-
ридоръ, хватаешь шинель нѣстоваго, али лакейскій сюрту-
чишко, накинешь на плечи, куртку подъ мышку и смѣло къ
воротамъ. „Отвори, моля часовой, полковника ждетъ ман-
таликъ въ гостяхъ“. Ояъ тебя съ почтеньемъ и выпустить.

алибо бѣдокурить до тѣхъ поръ, покуда шею свернуть...
Такъ знать намъ на роду ужъ написано.

— А дѣйствительно поджогъ ты, какъ объявилъ, въ Врестѣ, казарму, послѣ 2-го побѣга, въ 1868 году?

— Да, поджогъ, только не значай обронилъ огонь, сѣно и вспыхнуло.

— Отчего-жъ ты только *теперь* признался, чрезъ три почти года спустя, а не прежде?

— Чтобъ очистить свою душу отъ грѣха; можетъ меня Богъ и караетъ—все славливаютъ—за скривательство, да за то, что кто-нибудь пострадалъ за меня.

— И знаешь, какое за поджогъ, полагается наказанье?

— Какъ-же—на каторгу.

— Туда тебѣ значить и хочется?

— Точно такъ-съ: тамъ вѣрно не то ужъ, что здѣсь—изъ дня въ день, изъ часа въ часъ одно и тоже цѣлые годы,—а это хуже всякой, для меня, пытки.

— И въ каторгѣ работа тоже одна навсегда, съ тою разницею, что гораздо тяжелѣе здѣшней, да еще въ кандалахъ весь срокъ ссылки.

— Пускай хуже: скорѣй околѣю.

— А пошолъ бы ты тепере повидаться съ женою, дѣтьми, ежелибъ тебя отпустили?

— Клянусь Богомъ нѣтъ.

— Почему? Неужели окончательно разлюбилъ я жену, и дѣтей?

— Разлюбить, положимъ, не разлюбилъ, но я бы отказался по другому, совсѣмъ, случаю: явился я домой—сейчасъ спросать: что я заслужилъ, а заслужилъ я кличку „арестантъ“, самую то есть поганную кличку,—ну и не резонъ мнѣ ихъ страмить, да и себя отдавать на посмѣшище. И не захочу глазъ домой показать.

Приведенныя разсужденія арестанта наглядно подкрѣпляютъ мнѣніе Тюремнаго Комитета о необходимости занимать арестантовъ *интересующими* ихъ работами. Кромѣ того, однихъ работъ весьма недостаточно, а нужно сверхъ оныхъ заручиться и другими, болѣе существенными средствами, — развитіемъ грамотности, чтеніемъ полезныхъ, поучительныхъ книгъ, осмысленными бесѣдами съ людьми о значенія солдатской службы, общечеловѣческихъ потребностей и проч. Монотонная же арестантская жизнь способствуетъ, добавимъ, и увеличенію числа больныхъ: нѣкоторые нарочно натираютъ глаза, причиняютъ раны на тѣлѣ, чтобъ попасть въ лазаретъ, гдѣ жизнь носить другой отпечатокъ.

VIII.

Больные здѣсь дѣлились на три категоріи: однихъ—ослабѣвшихъ отъ работъ—освобождали отъ оныхъ на нѣкоторое время по запискамъ доктора; другихъ — серьезно хворыхъ помѣщали въ лазаретъ, а безнадежныхъ къ выздоровленію переводили въ военный госпиталь. Статистика по этому предмету вотъ что намъ показываетъ:

Въ теченіи годовъ:

	1868 г.	1869 г.	1870 г.	1871 г.	Итого:
Болѣло	439 чел.	382 чел.	372 чел.	561 чел.	1754 чел.
Выздоровѣло	383 .	333 >	257 .	504 >	1477 >
Умерло	19 >	49 .	92 .	57 .	217 >

Лазаретъ, открытый на 40 кроватей, располагалъ 4-ми прекрасными комнатами, стѣны и полъ которыхъ отлично были выкрашены, одежда на больныхъ, постельныя принадлежности были весьма опрятны, аптека располагала достаточнымъ количествомъ медикаментовъ; очень вкусная, свѣ-

алибо бѣдокурить до тѣхъ поръ, покуда шею свернуть..
Такъ знатъ намъ на роду ужъ написано.

— А дѣйствительно поджогъ ты, какъ объявилъ, въ Врестѣ, казарму, послѣ 2-го побѣга, въ 1868 году?

— Да, поджогъ, только не значай обронилъ огонь, сѣно и вспыхнуло.

— Отчего-жъ ты только *теперь* признался, чрезъ три почти года спустя, а не прежде?

— Чтобъ очистить свою душу отъ грѣха; можетъ меня Богъ и караетъ — все славливають — за скривательство, да за то, что кто-нибудь пострадалъ за меня.

— И знаешь, какое за поджогъ, полагается наказанье?

— Какъ-же — на каторгу.

— Туда тебѣ значить и хочется?

— Точно такъ-съ: тамъ вѣрно не то ужъ, что здѣсь — изо дня въ день, изъ часа въ часъ одно и тоже цѣлые годы, — а это хуже всякой, для меня, пытки.

— И въ каторгѣ работа тоже одна навсегда, съ тою разницею, что гораздо тяжелѣе здѣшней, да еще въ кандалахъ весь срокъ ссылки.

— Пускай хуже: скорѣй околю.

— А пошолъ бы ты теперь повидаться съ женою, дѣтьми, ежелибъ тебя отпустили?

— Клянусь Богомъ нѣтъ.

— Почему? Неужели окончательно разлюбилъ и жену, и дѣтей?

— Разлюбить, положимъ, не разлюбилъ, но я бы отказался по другому, совсѣмъ, случаю: явись я домой — сейчасъ спросятъ: что я заслужилъ, а заслужилъ я кличку „арестантъ“, самую то есть поганную кличку, — ну и не резонъ мнѣ ихъ страмить, да и себя отдавать на посмѣшище. И не захочу глазъ домой показать.

— Это зависитъ отъ вашего, дружокъ, начальства, кому-жъ вамъ разрѣшено вѣдь ѣсть хлѣбъ *безъ масла*, стало быть ты можешь ѣсть и больше 3 фунт.

— У насъ дѣлать на десятки вѣсомъ, а начальство я ужъ много разъ пытался просить прибавки, да оно говоритъ: „по закону тебѣ слѣдуетъ только 3 фунт.—ихъ и ѣшь“. Богъ лучше знаетъ, что творить,—стало быть какъ же это люди сочиняютъ законы по 3 фунт. всѣмъ огуломъ, коли одному человѣку и 2 фунт много, другому 3 довольно, а третьему, какъ я примѣрно, и 6 фунт. мало?

— Погоди я уже поговорю съ вашимъ начальствомъ: можеть оно и удовлетворить тебя.

— Будьте отецъ родной—пожалуйте, жалобно молю оны.

Исполнивъ его просьбу мы были очевидцемъ, какъ онъ съѣдалъ 6 фунт. съ горячимъ приваркомъ, да выпивалъ, сверхъ того, еще по кружкѣ квасу сразу. Такъ продолжалось нѣсколько дней сряду и онъ былъ совершенно здоровъ. Докторъ обѣщалъ заняться изученіемъ этого физическаго, ненормальнаго явленія.

— Я билъ унцеръ Самогитскій полку, рассказывалъ другой больной, чухонецъ, съ отрѣзаннымъ пальцемъ. Ротну комдиръ велѣлъ продать прафьянту: (я билъ катенармисъ) я спрашивалъ: чимъ будемъ солдать кормлять? На расея, каврилъ, пойдемъ, другой будетъ прафьянтъ магазинъ. Протай шиво! Продайль, теньгу приставиль комдира. Посла фать хлѣбъ нить. Комдиръ велѣиль запсайть книга фмѣсто 3 куль 43 куль. Сполняить... Начальство узнавайть и подъ судъ опоихъ: фицеръ и мине; фицеръ отнайть чинъ, мине калунъ, фицеръ томой погнаить, мой рестанску рота 3 кода... фотъ какой прафту!.. фицеръ взяить теньгу, мой поскобляить книга и за то самой пострадалъ...

жая пища для больных готовилась особо, подъ надзоромъ доктора. Онъ, молодой человѣкъ, безукоризненно велъ свою часть, коротко зналъ арестантскій бытъ, внимателенъ былъ къ больнымъ и за все это многіе арестанты питали къ нему большое уваженіе. Оттого свободныхъ мѣстъ въ лазаретѣ почти не бывало. Туда же стремились, обыкновенно, и завзятые курильщики, благо тамъ нѣсколько свободнѣе «затянуться сигаркой», люди эти за отсутствіемъ денегъ добывали, иногда, табакъ за хлѣбъ, и охотно готовы были получать вѣсто 3—2, даже 1½ ф. хлѣба, лишь бы покурить. За то мы натенулись и на такого феномена, у котораго необычайный былъ аппетитъ.

Человѣкъ этотъ средняго роста, сухопарый, невзрачный, страдалъ главною болѣзнію и сѣтовалъ на то, что живетъ въ проголодь.

— Ты вѣрно мѣняешь хлѣбъ на табакъ, или тебѣ недодаютъ положенной порціи?

— Нѣтъ-съ, ни то и не другое: мнѣ 3-хъ фунт. мало и я часто въ карцеръ попадаю изъ-за хлѣба: краду его у то-варищей, потому всѣ 3 фунт. съѣдаю въ одинъ завтракъ...

— Неужели?

— Не разъ и по 6 фунт. оплеталъ-съ: налью въ чашку 2 кружки воды, кружку квасу, искрошу двѣ порціи хлѣба— 6 фунт., сяду и залпомъ все съѣмъ.

— И никакой, потомъ, тяжести, боли въ животѣ не чувствуешь?

— Никакъ-нѣтъ-съ. Такъ-то я вотъ и бьюсь: собираю крошки, крошки, кляичу кусочками и когда не хватаетъ — ворую... Это, знаю, грѣшно, скверно супротивъ товарищей, да что же мнѣ дѣлать, коли у меня такая широкая, нена-сытная утроба? Нельзя ли мнѣ получать по 6 ф. хоть въ день?

— Это зависить отъ вашего, дружокъ, начальства, кому-жъ вамъ разрѣшено вѣдь ѣсть хлѣбъ *безъ масла*, стало быть ты можешь ѣсть и больше 3 фунт.

— У насъ дѣлать на десятки вѣсомъ, а начальство я ужъ много разъ пытался просить прибавки, да оно говоритъ: „по закону тебѣ слѣдуетъ только 3 фунт.—ихъ и ѣшь“. Богъ лучше знаетъ, что творить,—стало быть какъ же это люди сочиняютъ законы по 3 фунт. всѣмъ огуломъ, коли одному человѣку и 2 фунт много, другому 3 довольно, а третьему, какъ я примѣрно, и 6 фунт. мало?

— Погоди я уже поговорю съ вашимъ начальствомъ: можетъ оно и удовлетворить тебя.

— Будьте отецъ родной—пожалуйте, жалобно молилъ онъ.

Исполнивъ его просьбу мы были очевидцы, какъ онъ съѣдалъ 6 фунт. съ горячимъ приваркомъ, да выпивалъ, сверхъ того, еще по кружкѣ квасу сразу. Такъ продолжалось нѣсколько дней сряду и онъ былъ совершенно здоровъ. Докторъ обѣщалъ заняться изученіемъ этого физическаго, ненормальнаго явленія.

— Я билъ унцеръ Самогитскій полку, рассказывалъ другой больной, чухонецъ, съ отрѣзаннымъ пальцемъ. Ротну комдиръ велѣлъ продать прафьянту: (я билъ катенармисъ) я спрашивалъ: чимъ будемъ солдатъ кормлять? На расез, ~~на~~ вриль, пойдемъ, другой будетъ прафьянтъ магазинъ. Протай шиво! Продайль, теньгу приставиль комдира. После фать хлѣбъ нить. Комдиръ велѣиль запсать книга фибсто 3 куль 43 куль. Сполнять... Начальство узнавать и подъ судъ опонхъ: фицеръ и мине; фицеръ отнять чинъ, мине ~~ка~~лунъ, фицеръ томой погнаить, мой рестанску рота 3 ~~ко~~да... фотъ какой прафту!.. фицеръ взять теньгу, мой ~~к~~оскобляить книга и за то самой пострадалъ...

Письменные свѣдѣнія этого арестанта подтверждали его рассказъ: онъ обвиненъ былъ вмѣстѣ съ офицеромъ въ совершеніи подлога при требованіи провіанта, за что обоихъ подвергли наказанію, рассказанному арестантомъ.

IX.

— Въ этой странѣ былъ, можетъ знаете, недавно, бунтъ поляковъ, началъ пожилой ужъ, коренастый мужчина. Въ ту пору я служилъ въ анфалидной командѣ, близъ австрицкой границы. Иду я, однава, лѣсомъ: (грибы собиралъ, много ихъ тогда народилось къ войнѣ). Вдругъ на меня налетѣла банда, фатила меня въ плѣнъ и хотѣла ужъ повѣсить, да я умудрился—объявилъ имъ: «погодите маленько—я вамъ покажу гдѣ порохъ лежитъ». Они сдуру повѣрили, и послали со мной одного поляка за порохомъ. Мѣста мнѣ были всѣ извѣстны, потому я и завелъ его въ лѣсъ подальше, велѣлъ, въ одномъ мѣстѣ, копнуть землю и когда онъ нагнулся — тарарухнулъ его, сналету по башкѣ, онъ и свалился съ копилковъ долой. Я мигомъ переодѣлся въ явоную форму, а его въ свою и ну улептыывать... благополучно перебрался за границу, въ Гастрію, можетъ слышали, присталъ тамъ къ старовѣрамъ, да и захрясъ у нихъ: полюбилась мнѣ одна дѣвка—кровь съ молокомъ, сталовѣры отговорили возвращаться назадъ, я и оженился и зажилъ себѣ, думая, когда поляки угомонятся — приду на свое мѣсто. Такъ прошло 7 лѣтъ. Потомъ кто-то про меня доведъ, меня сграбастали, судили и на 3 года сюда забрали.. Ежелибъ не поляки безмозглые, я бы таперя ужъ въ безсрочномъ былъ, а за мѣсто того пропадаю почитай занапрасно..

— Не напрасно, а за важную вину осужденъ ты, очень, право, еще легко: когда ты вырвался отъ поляковъ — дол-

цемъ... Съ горя я опять бушевалъ, въ козу меня забирали, ударилъ федфебеля и опять здѣсь на 3 годѣ... Мать умерла и мнѣ не жалко ее: сама меня не жалѣла...

— Онъ хотѣ дрался съ федфебелемъ, перебилъ тоже молодой человѣкъ, а я такъ изъ-за *полсвѣчки* тутъ.

— Не врешь ли братъ?

— Истиннымъ богомъ вѣтъ. Поступивши въ службу отъ сохи—со мной на первомъ же году и въ этой же крѣпости вотъ какая бѣда стряслась: стоялъ я на часахъ въ казармѣ, возлѣ царскихъ палатъ и взялъ тамъ изъ одной пустой комнаты полсвѣчки — освѣтиться послѣ, потому въ потемкахъ приходилось идти со смѣны. За это, за самое меня и приговорили на 3 года. Вотъ она полсвѣчка-то что значить... Э-х-хе!..

Прочитавъ приговоръ — мы убѣдились въ правдивости разсказа, но столь суровое наказаніе постигло этого арестанта потому собственно, что онъ совершилъ помянутую кражу будучи *часовымъ*, что считается высшимъ нарушеніемъ гарнизонной службы.

— Я такъ присягу, сударь, сломалъ, отозвался на вопросъ, тоже молодой человѣкъ.

— Что же это значить?

— Убегъ-съ, дней никакъ чрезъ 10 послѣ присылки въ полкъ: не пондравилось учиться. За всякую, то ись штуку нашего брата пруть въ исправительну. Енъ вотъ примѣрно изъ-за жинкя.

— Н-да-съ, изъ-за жены, съ ѣдкою иронією подтвердилъ пожилой, заморенный арестантъ. Я московскій мѣщанинъ, двѣ лавки имѣлъ съ пушнымъ товаромъ, торговалъ ангодно, одному жить скучно стало и захотѣлось хозяйкой обзавестись. На этотъ грѣхъ знавалъ я сосѣдку, бѣдѣющую старуху, изъ кантрыжныхъ чиновницъ, съ дочкой. Я къ ей

— Правда-ли, что ты, дружокъ, вслѣдствіе любви сюда попалъ? спросили мы стройнаго, красиваго молодаго человека, лѣтъ 22, съ деликатными манерами.

— Да-съ, коханка, да мать миня сбили...

— Какъ такъ?

— Скончивъ обученіе высшей школы Варшавы (я мѣща-
нинъ) я служилъ въ Ратуша писаромъ. На 19 году влюбился
я въ служонцу банкира Кронеберга, красивую евреечку и
она меня тоже миловала. Мы думали жениться. Я объявилъ
матери. «Чтобъ въ нашъ родъ жидовку? Ни за что, ни за
что», раскричалась она, потомъ мувила (сказала) это ксензу
и онъ мнѣ запретилъ смѣшивать свою католическую кровъ
съ еврейскою». Моя коханка разобидилась и отказалась смѣ-
нять свою вѣру на нашу до повѣчанья, а я не смѣлъ про-
тивъ матери пожениться. Мы пересердились трошку (немного).
Иду по Висловскому мосту, вижу коханку подъ ренчку съ
дозорцемъ (ренчка — рука, дозорецъ — городовою), мой го-
норъ былъ задѣтъ, я поругалъ ее и 9 дней не встрѣчалъ,
все ждалъ не покорится ли мнѣ, а она тоже имѣла гоноръ
и не хотѣла. Мать, сестра смѣялись надо мной. Я забѣсилъ,
пошолъ президенту города объявилъ желаніе въ москали,
служить царю, онъ похвалилъ и принялъ меня въ солдаты.
Я думалъ пошлютъ на расею, забуду и родныхъ и коханку,
а меня оставили въ Варшавѣ, въ полку, я встрѣчалъ ко-
ханку, она дразнила меня москалемъ, товарищи тоже... Якъ
же это мнѣ было нудно — я за вудку, по рестораціямъ, цу-
кернямъ, бранился съ начальниками, не приходилъ по 3—4
сутокъ въ казарму и за эти повиненціи прислали исправ-
ляться на годъ. Тутъ я писалъ въ канцеларію, смирно жилъ
и выпустили за 8 мѣсянцовъ назадъ въ полкъ. Солдаты про-
звали меня «рештантомъ», поляки «псякревымъ москалемъ»,
коханка разъ плунула на меня, сказала «слюбилась съ нѣм-

цемъ... Съ горя я опять бушевалъ, въ козу меня забирали, ударилъ федфебеля и опять здѣсь на 3 годѣ... Мать умерла и мнѣ не жалко ее: сама меня не жалѣла...

— Онъ хотѣ драгся съ федфебелемъ, перебилъ тоже молодой человѣкъ, а я такъ изъ-за полсвѣчки тутъ.

— Не врешь ли братъ?

— Истиннымъ богомъ вѣтъ. Поступивши въ службу этъ сохи—со мной на первомъ же году и въ этой же крѣпости вотъ какая бѣда стряслась: стоялъ я на часахъ въ казармѣ, возлѣ царскихъ палатъ и взялъ тамъ изъ одной пустой комнаты полсвѣчки — освѣтиться послѣ, потому въ потемкахъ приходилось идти со свѣны. За это, за самое меня и приговорили на 3 года. Вотъ она полсвѣчка-то что значить... Э-х-хе!..

Прочитавъ приговоръ — мы убѣдились въ правдивости разсказа, но столь суровое наказаніе постигло этого арестанта потому собственно, что онъ совершилъ помянутую кражу будучи часовымъ, что считается высшимъ нарушеніемъ гарнизонной службы.

— Я такъ присягу, сударь, сломалъ, отозвался на вопросъ, тоже молодой человѣкъ.

— Что же это значить?

— Убегъ-сь, дней никакъ чрезъ 10 послѣ присылки въ волю: не пондравилось учиться. За всякую, то ись штуку нашего брата пруть въ исправительну. Енъ вотъ примѣрно изъ-за жинки.

— Н-да-сь, изъ-за жены, съ ѣдкою проіею подтвердилъ пожилой, заморенный арестантъ. Я московскій мѣщанинъ, двѣ лавки имѣлъ съ пушинымъ товаромъ, торговалъ выгодно, одному жить скучно стало и захотѣлось хозяйкой обзавестись. На этотъ грѣхъ знавалъ я сосѣдку, бѣднѣющую старуху, изъ лантрыжнихъ чиновницъ, съ дочкой. Я къ ей

пошла за тебя по-неволѣ, слѣдовательно ты самъ накликалъ себя всю бѣду—не сдумавши расположить ее къ себѣ...

— По нашему за кого родители велятъ, за того и иди, а вышла—не кочевряжся, а держись нашихъ обычаевъ, потому они святы.

— Такіе-то, какъ ты проповѣдуешь, взгляды и дѣлаютъ браки несчастными, а при помощи побоевъ въ особенности: битье не исправляетъ, а пуще лишь озлобляетъ.

— По вашему, не спорю, можетъ статься и такъ, а по нашему коли ежели слова не берутъ—дуть надо: острастка, да боль свое возьмутъ. Такъ я это понимаю и ничѣму другому не вѣрю. Онъ перевелъ духъ, сердито заключилъ: больше, я вижу, мнѣ съ вами говорить не о чемъ: другъ дружку не переспоримъ и отвернулся.

Мы замѣтили страшно блѣднаго, молодаго человѣка и спросили его о причинѣ такой блѣдности.

— Я съ годъ ужъ ѣмъ только хлѣбъ съ водой, да съ кисломъ.

— Для чего-жъ ты себя моришь?

— Я видѣлъ, однажды, во снѣ блаженнаго человѣка и онъ мнѣ сказалъ: «братъ во крестѣ! ты многогрѣшенъ, постысь и въ царство небесное попадешь». Съ другаго же дня я и не дотрагивался ни до какого варева.

— Въ такомъ случаѣ ты такъ заморишься, что умрешь преждевременно.

— Тамъ лучше: приму, стало быть, вѣнецъ мучанинческій, а больше мнѣ, признаться, ничего и не нужно.

Намъ кажется, что и озлобленный на жему и постыжѣ, желавшій смерти, перешли бы на путь истинный, еслибъ начальство обратило на нихъ *серьезное* вниманіе—простыми, но чаще, вразумленіями ихъ въ несостоятельности ихъ взгля-

она у меня въ рукахъ. Сбѣжались половые, бутешники и меня, законнаго-то мужа, въ часть и сволокли. И такъ нѣсколько разовъ, а потомъ полюбовникъ ейной и давай мастерить противъ меня въ управѣ, заплатилъ три, говорили, сотенныхъ и меня унекли, яко-бы за буйство въ солдаты, не въ зачетъ, и живой рукой выпроводили въ Польшу. Я съ дороги удралъ, чтобъ и ее, окаянную, доканать, да и домъ сжечь: не миль тебѣ моль я, мужъ по закону Божью, такъ не доставайся же ни ты, ни мое доброе никому... Меня, одначе, поймали, вернули въ полкъ и посадили на абвахту. Тамъ я со злости еще нагрубилъ начальству и въ концѣ концовъ тутъ долженъ 3 года пробить. Вотъ тебѣ и божескій законъ: «жена да боится своего мужа, мужъ глава въ домъ!...» Правда, значить, антихристъ скоро придетъ, коли жена отъ мужа отбивается. Каково это по вашему, а?

— Очень печально. Только тебѣ бы ужъ лучше отступиться отъ жены во-время, если она такая...

— Эту-то пѣсню я, благодарю покорно, можетъ 100-й разъ ужъ слышу, да она не по мнѣ. Я какъ отбуду строкъ—безпремѣнно махну, какимъ ни-на-есть манеромъ, въ Москву и ее убью какъ собаку, да и домъ предамъ огню.

— За такія преступленія въ каторгу, не забудь, лѣтъ на 15 осылаютъ, и всю дорогу и на мѣстѣ въ кандалахъ держать, работать заставляютъ подъ землей, за всякую малость дерутъ безпощадно, кормятъ скверно и потому пожалѣй себя.

— Я такой человѣкъ, что ежели, что задумаю—ни предъ чѣмъ не остановлюсь, а сдѣлавши—пусть меня хоть каленымъ желѣзомъ жгутъ, жигы изъ меня, щипцами, пусть, вытягиваютъ, а ей покажу себя. Жена чтобъ отходила отъ мужа?.. Нѣ-ѣтъ-съ: издохни—а возлѣ него, противень онъ—и живи съ нимъ, ежели онъ тебѣ отъ Бога даденъ!...

— Силой миль не будешь; это вѣрная пословица, а она

пошла за тебя по-неволѣ, слѣдовательно ты самъ накликалъ себѣ всю бѣду—не сѹмѣвши расположить ее къ себѣ...

— По нашему за кого родители велятъ, за того и иди, а вышла—не кочевряжся, а держись нашихъ обычаевъ, потому они святы.

— Такіе-то, какъ ты проповѣдуешь, взгляды и дѣлаютъ браки несчастными, а при помощи побоевъ въ особенности: битье не исправляетъ, а пуще лишь озлобляетъ.

— По вашему, не спорю, можетъ статься и такъ, а по нашему коли ежели слова не берутъ—дуть надо: острастка, да боль свое возмуть. Такъ я это понимаю и ничѣму другому не вѣрю. Онъ перевелъ духъ, сердито заключилъ: больше, я вижу, мнѣ съ вами говорить не о чемъ: другъ дружкѣ не переспоримъ и отвернулся.

Мы замѣтили страшно блѣднаго, молодаго человѣка и спросили его о причинѣ такой блѣдности.

— Я съ годъ ужъ ѣмъ только хлѣбъ съ водой, да съ квасомъ.

— Для чего-жъ ты себя моришь?

— Я видѣлъ, однажды, во снѣ блаженнаго человѣка и онъ мнѣ сказалъ: «братъ во крестѣ! ты многогрѣшенъ, постись и въ царство небесное попадешь». Съ другаго же дня я и не дотрагиваюсь ни до какого варева.

— Въ такомъ случаѣ ты такъ заморишься, что умрешь преждевременно.

— Тѣмъ лучше: приму, стало быть, вѣнецъ мучанинчeskій, а больше мнѣ, признаться, ничего и не нужно.

Намъ кажется, что и озлобленный на жену и постникъ, желавшій смерти, перешли бы на путь истинный, еслибъ начальство обратило на нихъ *серьезное* вниманіе—простыми, по чаще, вразумленіями ихъ въ несостоятельности ихъ взгля-

комъ мѣстныхъ войскъ, на грамотность опредѣлено ровно 1½ часа въ сутки. Понятно, что законъ самъ возлагаетъ всѣ надежды на работы, слѣдовательно роты вовсе не исправительнаго характера...

— Позвольте, позвольте, господа, разрѣшить ваше препрательство 113 ст. самаго положенія о ротахъ, остановилъ хозяинъ, доставъ со стола книжку. Послушайте, что тутъ сказано: „постоянный трудъ и соблюденіе молчанія, *охраненіе отъ соблазна*, точное выполненіе правилъ въ содержаніи арестантовъ и обращеніи съ ними, *умственное и реміюзное* обученіе ихъ составляютъ основныя начала, помощью которыхъ можно достигнуть *нравственнаго исправленія* преступниковъ. Всѣ служащіе въ ротахъ обязаны прилагать всѣ старанія ко всестороннему примѣненію этихъ началъ къ *нѣреннымъ* ихъ *попеченію* арестантамъ“. Поняли, что все это значитъ? Въ этомъ же духѣ есть и другія еще статьи.

— Смыслъ и одной этой статьи обнимаетъ *весь* предметъ: законъ хочетъ, чтобы роты были не фабрикою, какъ у насъ, а школою, отвѣтилъ докторъ, а ежели такъ,—значитъ во 1-хъ изгоните изъ употребленія позорную кличку «арестантъ», а назовите какъ-нибудь иначе: со словомъ «арестантъ» не вяжется перевоспитаніе, а во 2-хъ пожалуйста не *простыхъ* неразвитыхъ начальниковъ, а воспитателей, *каковыхъ* изъ всѣхъ офицеровъ, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одного.

— Въ нашей арміи много просвѣщенныхъ офицеровъ; отчего же скажите, господа, пожалуйста, никто изъ нихъ не позывается въ исправительныхъ ротахъ?

— Причины тому весьма вѣскія.

— Не соблаговолите-ли объяснить ихъ мнѣ въ интереснѣйшій дѣла, которымъ я занимаюсь?

— Съ удовольствіемъ, отозвался капитанъ. Начну съ то-

— Помѣщеніе тѣхъ, которые живутъ въ подземелья, безъ свѣта—ужасное.

— А вѣдь тоже арестанты и преимущественно мелкіе воришки и контрабандисты.

— Было-бы послѣдовательно и нашихъ военныхъ сравнить, въ содержаніи, съ гражданскими арестантами, вставилъ майоръ, а то, за что-же это имъ такіе привилегіи?

— Между гражданскими и военными арестантами, или ротами, громадная, по закону, разница: гражданскія арестантскія роты—учрежденія *карательныя*, а военныя—*исправительныя*.

— По закону, согласенъ, такъ, вмѣшался докторъ; но въ дѣйствительности, не знаю какъ въ другихъ мѣстахъ, а наши военные немногимъ отличаются отъ гражданскихъ арестантовъ: послѣдніе занимаются уборкою крѣпости и другими наружными работами, а первые работаютъ же весь день въ казармѣ, 1½ часа въ сутки учатся грамотѣ, да иногда ходятъ на фронтовое ученье. Велика-ли тутъ разница?

— Гдѣ люди, тамъ и погрѣшности; оттого практика повсюду, часто, противорѣчитъ теоріи; тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать и благотворность теоріи, въ данномъ случаѣ—закона объ исправительныхъ ротахъ.

— Этого мы и не отвергаемъ; но насъ удивляетъ: почему-же законъ гласитъ одно, а принимается другое; для чего-же издавать законъ, коли онъ неисполнимъ? Вотъ что-съ.

— Смѣю васъ, господа, увѣрить, что законъ объ исправительныхъ ротахъ исполняется, возразилъ поручикъ. Да-съ исполняется почти буквально: въ положеніи, напр., о ротахъ, чуть-ли не 25 ст. сразу трактуютъ о работахъ, а о *нравственномъ* исправленіи людей, посредствомъ назиданій, обученія грамотѣ, всего-то, если память мнѣ не измѣняетъ, 2 статьи. По росписанію занятій, утверждаемому начальни-

— Наконецъ изъ ротъ офицерамъ никакая карьера ужь немислима: фонды ихъ слишкомъ ужь низко цѣнятся даже и въ арміи, прибавилъ Майоръ.

— Но вѣдь дѣльный помощникъ можетъ современемъ повыситься въ начальники ротъ, слѣдовательно и карьера сдѣлана—до полковника включительно дослужится.

— Нѣтъ-съ: начальниками до-сихъ-поръ всегда назначались свыше, посторонніе; тоже самое будетъ и впереди; и въ арміи, сколько я знаю, изъ старшихъ штабъ-офицеровъ развѣ одинъ изъ 200 получалъ свой полкъ; остальные же всегда назначались изъ пришедшихъ. А такъ какъ ротъ всего 15, а претендентовъ на нихъ есть и будетъ легіонъ,—то офицеръ такъ и захрасветъ штабъ-капитаномъ, много капитаномъ.

— Значить, чтобы привлечь въ роты хорошихъ офицеровъ—необходимѣе всего измѣнить порядокъ производства ихъ въ чины? Еслибы, напр., производить ихъ, какъ гражданскихъ чиновниковъ, оберъ-офицеровъ—черезъ 3, а штабъ-офицеровъ—черезъ 4 года (это, въ скобкахъ добавлю, ужь примѣняется къ офицерамъ Петербургской полиціи) нашлись бы потребные люди?

— Непремѣнно, подхватило нѣсколько голосовъ. Да чтобы дѣйствовали новыя штаты ротъ съ *достаточнымъ* содержаніемъ.

— И я, несмотря на то, что кончилъ курсъ въ артиллерійской академіи и капитанъ, черезъ 3—4 года могу получить батарею,—и то перешолъ бы при такихъ штатахъ въ исправительную роту въ наставники, какъ вы, докторъ, называли офицеровъ.

го, что всё люди болѣе или менѣе эгоисты; поэтому мы не прочь быть полезными ближнимъ въ такомъ лишь случаѣ, когда сами безобидно обставлены. Служба офицеровъ въ исправительныхъ ротахъ немножко, правда, выгоднѣй армейской матеріально,—но мы, современные офицеры, извините, чинолюбивы, тоже изъ корыстныхъ побужденій: офицерамъ исправительныхъ ротъ нѣтъ линейнаго производства. Возьмите двухъ поручиковъ полковаго и ротнаго и посмотримъ, что ждетъ ихъ въ перспективѣ. Первый чрезъ 10 лѣтъ будетъ непремѣнно майоромъ по очереди, а послѣдній дай Богъ, чтобъ былъ штабсъ-капитаномъ съ 2-хъ-3-хъ годовичнымъ старшинствомъ: награда у ротъ полагается въ годъ на 10 челов. одна, а начальствующихъ 8—10 челов. и отличиться имъ, чтобъ повыситься въ чинахъ, положительно нечѣмъ. Такимъ образомъ майоръ, баталіонный командиръ въ полку, а при счастливыхъ обстоятельствахъ и начальникъ отдѣльной части, а штабсъ-капитанъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу—все-таки останется помощникомъ начальника роты. Дальше-съ. Эмеритальная пенсія намъ назначается по чинамъ же, не забудьте. И вотъ майоръ чрезъ 10 лѣтъ выйдетъ, предположимъ въ отставку и получитъ этой пенсін почти вдвое больше, нежели штабсъ-капитанъ. По всѣмъ этимъ неоспоримымъ доводамъ порядочнымъ офицерамъ не расчетъ мѣнять полки на роты, въ которыхъ навсегда будетъ гнѣздиться только старый, неподходящій составъ, подобный настоящему.

— Безъ всякаго сомнѣнія, подтвердилъ полковникъ. Да вотъ вамъ фактъ: недавно въ роту перевелся старикъ, ка-валеристъ. Его спросили: ради чего онъ перемѣнилъ кукушку на ястреба? И что же-съ? «Дослужить, на спокой, до полной пенсін 3 года», пренаивно отвѣтилъ онъ. Это цѣль всѣхъ его, и ему подобныхъ, стремленій.

— Наконецъ изъ ротъ офицерамъ никакая карьера ужь немислима: фонды ихъ слишкомъ ужь низко цѣнятся даже и въ арміи, прибавилъ Маіоръ.

— Но вѣдь дѣльный помощникъ можетъ современемъ повыситься въ начальники ротъ, слѣдовательно и карьера сдѣлана—до полковника включительно дослужится.

— Нѣтъ-съ: начальниками до-сихъ-поръ всегда назначались свыше, посторонніе; тоже самое будетъ и впереди; и въ арміи, сколько я знаю, изъ старшихъ штабъ-офицеровъ развѣ одинъ изъ 200 получалъ свой полкъ; остальные же всегда назначались изъ пришлыхъ. А такъ какъ ротъ всего 15, а претендентовъ на нихъ есть и будетъ легіонъ,—то офицеръ такъ и захряснетъ штабъ-капитаномъ, много капитаномъ.

— Значить, чтобы привлечь въ роты хорошихъ офицеровъ—необходимѣе всего измѣнить порядокъ производства ихъ въ чины? Еслибы, напр., производить ихъ, какъ гражданскихъ чиновниковъ, оберъ-офицеровъ—чрезъ 3, а штабъ-офицеровъ—чрезъ 4 года (это, въ скобкахъ добавлю, ужь примѣняется въ офицерахъ Петербургской полиціи) нашлись бы потребные люди?

— Непремѣнно, подхватило нѣсколько голосовъ. Да чтобы дѣйствовали новыя штаты ротъ съ *достаточнымъ* содержаниемъ.

— И я, несмотря на то, что кончилъ курсъ въ артиллерійской академіи и капитанъ, чрезъ 3—4 года могу получить батарею,—и то перешолъ бы при такихъ штатахъ въ исправительную роту въ наставники, какъ вы, докторъ, называли офицеровъ.

— Иначе я, господа, и не понимаю цѣли существованія ротъ какъ съ настоящими наставниками: арестанты нравственно больные, нуждаются именно въ своего рода медикахъ. И людей, которые бы прониклись любовью къ этимъ падшимъ, пониманіемъ высокой ихъ обязанности перевоспитателей слѣдуетъ не только производить въ чины, но сравнять, въ служебномъ отношеніи, съ гвардейскими офицерами, возводить ихъ, пожалуй, въ флигель-адъютанты, если это званіе доставитъ имъ удовольствіе.

— Я во всемъ и со всѣми согласенъ, но съ маленькою оговоркою: чтобы будущіе перевоспитатели арестантовъ не были столь ярые ревнители своего дѣла, какъ нашъ почтенный эскулапъ.

— То есть, что вы, еще болѣе почтенный полковникъ, намѣрены заявить вашею оговоркою?

— А то, что у насъ довольно бываетъ больныхъ солдатъ потому, что нашъ докторъ ихъ балуетъ: люди, иногда, до зарѣзу нужны, а онъ держитъ ихъ въ госпиталѣ, вслѣдствіе своей гуманности.

— Ни чуть не бывало: я не выпускаю ихъ до окончательнаго лишь восстановленія ихъ физическихъ силъ, единственно ради того, чтобы вскорѣ же вторично ко мнѣ не возвращались. По моему, медицинскому взгляду, у меня нѣтъ ни офицеровъ, ни солдатъ, ни арестантовъ, а есть исключительно *больные* субъекты, которыхъ я и пользую, по правиламъ науки и моего призванія. А какъ долігъ красенъ плачемъ,—то и я, полковникъ, вправѣ тоже замѣтить вамъ, что вы нѣтъ-нѣтъ, да и прибавляете мнѣ работы ученіями

- Отчегожъ вы, горожане, не очистите этого болота?
- Не насе это дѣло.
- А чье же?
- Не вѣмъ; намъ и то ѣсть нечего: бѣдну.
- Есть же у васъ полиція?
- Полиція?.. Якъ же есть. Азь на сто вамъ полиція?
- Она обявана наблюдать за чистотою на улицахъ.
- Полиція чистоту? Ха-ха-ха!.. Оборони Богъ! Изъ ха-панцамъ насъ замутила...
- Чѣмъ евреи здѣсь занимаются?
- Шахрують, гандлюють, купують, пшедають.
- Что такое „шахрують“?
- Плюгують.
- За это вѣдь легко и въ острогъ угодить.
- И впадають, коли цто полиція захцеть, ми и боимся полиція: ристантську садать.
- Кстаті: тутъ есть арестантская рота?
- Есть. А зачимъ пану ристанты?
- Посмотрѣть какъ они живутъ.
- Гм... Ми такъ ховаѣмся отъ ристанской: оборони Богъ всадать. И ви не ходите...
- Хорошо или худо содержать въ этой ротѣ арестантовъ?
- Езели панъ хцеть знать—можно: фактори все раз-вѣдхаютъ за grosi: ми любимъ grosi.
- И много у васъ такихъ факторовъ?
- Много, ухъ якъ много. Когда билъ матезъ—евреи харсо деньго зработали: слюзили изразу и панамъ польскемъ и русскимъ полковникамъ. Тильку една назвали grosi, а една голони втерали: зачимъ мувилі полковникамъ про банды, а панамъ—про москали—ихъ пафъ, пафъ, изъ пулемъ, изъ веревкой на дереву вѣсали.

БРЕСТЬ-ЛИТОВСКАЯ

ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ РОТА.

I.

Варшавскій поѣздъ желѣзной дороги прибылъ въ Брестъ въ сумеркахъ. Отъ станціи до города версты двѣ. Народно-населеніе города состоитъ почти исключительно изъ однихъ лишь евреевъ: ихъ насчитываютъ до 25000 человѣкъ. Извозчики тоже евреи. Поѣхавъ, съ однимъ изъ нихъ въ городъ, на простой телѣгѣ, мы были удивлены двумя обстоятельствами: общественнаго освѣщенія не было, а всякій прохожій и проѣзжій освѣщалъ себѣ дорогу собственнымъ, въ рукахъ несеннымъ, или везеннымъ фонаремъ, да сплошною грязью, образовавшеюся отъ дождя. Ъхали, мы ѡхали, да вдругъ лошадь стала.

— Ой, вей, вей, жалобно застоналъ возница, тщетно стегая свою клячу, которая не трогалась съ мѣста. Подоздите, позалуста, панъ, трошку: я приведу другой лѣшадь, а то одинъ не вивезетъ: болото.

Мы согласились. Онъ слезъ съ козелъ и опираясь на толстую палку—попелся къ избамъ, а чрезъ 10—15 минутъ вернулся верхомъ на другой лошади, запретъ ее въ пристяжку и мы кое-какъ выбрались изъ болота.

вправо—въ кухню. Лѣстницы, ведущія въ верхній этажъ, подъоконники, чаны, бочки для воды, которую возили на лошадахъ изъ рѣки, ведра—все это было выкрашено малиною краскою, т. е. цвѣтомъ тюремнаго и судебного вѣдомствъ.

Открылась исправительная рота 23 декабря 1867 г. Жили арестанты по разрядамъ: исправляющіеся—въ бывшемъ монастырѣ, а испытуемые—въ пристроенномъ къ нему очень давно ужь зданіи. Полъ въ нижнемъ этажѣ монастыря изъ плиты, а потолокъ подпертъ балками. Всѣхъ камеръ въ обоихъ разрядахъ было 4. Въ спальной камерѣ исправляющихся въ углубленіи, помѣщенъ былъ иконостасъ, возлѣ котораго отправлялось богослуженіе. Нары вездѣ сплошныя; человекъ на 5, 10, 15 и болѣе, и посреди комнаты и по стѣнамъ, вокругъ; на нарахъ также, какъ въ другихъ ротахъ, лежали соломенники, одѣяла, подушки и полотенца. Вслѣдствіе недостаточности помѣщенія народъ былъ сгущенъ, и, хотя по уходѣ людей на работы—растворались окна, двери, для очистки воздуха, но вечеромъ, когда они возвращались домой—воздухъ былъ ненормальный. Мастерскія помѣщались: въ нижнемъ этажѣ пристройка—столярная, токарная, колесная и бондарная, а въ куполѣ бывшаго монастыря (сдѣланнаго третьимъ этажомъ)—портняжная, сапожная и люди, плетшіе корзины, щетки; въ этой мастерской, по недостатку оконъ, рано темнѣло, а потому тамъ зажигали огни въ то время, когда на дворѣ было еще совершенно свѣтло. Карцеровъ въ обоихъ этажахъ имѣлось по 12. Деревянная ротная баня находилась впереди казармы, наискось караульнаго, деревяннаго же домика. Канцелярія роты расположена была сзади казармы, за оградой, въ деревянномъ же домикѣ, рядомъ съ которымъ были цейхгаузъ, кладовня, гдѣ хранилось, въ отличномъ порядкѣ, казенное и арестантское имущество. Никто изъ начальствующихъ въ ротной казармѣ не жилъ:

— Зачѣмъ же они такъ недобросовѣстно поступали?

— Нузда,—ну и хѣли назять болѣе гросей.

Едва мы помѣстились въ сквернѣйшемъ номерѣ корчмы, какъ насъ осадила толпа факторовъ съ предложеніями: кто развѣдать о чемъ угодно, кто посредничать при покупѣ, продажѣ чего бы то ни было, а кто съ вопросами: „цѣво панъ хцеть?“ На разспросы: что побуждаетъ ихъ именно факторствовать — всѣ они отвѣчали одно и тоже „болѣе зить нецѣмъ“. Впослѣдствіи мы убѣдились, что они правы: производительности никакой нѣтъ и масса евреевъ цѣлый день бѣгаетъ изъ города въ крѣпость и обратно (версты 3 въ одинъ конецъ) за какія-нибудь 5—10 коп., на которыхъ содержать семейства изъ 6—8 членовъ.

II.

Зданіе, занимаемое исправительною ротою до 1830 года было католическимъ женскимъ монастыремъ «Бригидокъ», потомъ, по закрытіи монастыря, въ него поселили 2 крѣпостныя арестантскія роты, а по преобразованіи ихъ въ исправительныя—послѣдняя тутъ и осталась. Зданіе это каменное, 2-хъ-этажное, съ трехъ сторонъ огорожено было высокимъ, деревяннымъ частоколомъ. На чистомъ, пескомъ усыпаннымъ дворѣ, были: влѣво—близъ частокола—обѣденные столы и рядомъ каменная, недавно построенная кузница; вправо, возлѣ казармы—два деревянныхъ отхожія мѣста (вмѣсто нихъ возводились, при насъ, новыя, каменныя, сзади казармы), гимнастическія принадлежности, машины: парильная—для сушки лѣса и жестяная—для чистки картофеля; тамъ же сарайчикъ для сушки бѣлья. Входы въ казарму три: прямо—въ мастерскія, влѣво — въ арестантскія помѣщенія, а

что хотѣли, на прикитавшіяся имъ кормовыя, а изъ арестантовъ назначались, ежедневно, люди, по очереди, въ помощь каптенармусу, наблюдать, чтобы все опредѣленное количество припасовъ дѣйствительно шло по принадлежности и за малѣйшее отступленіе дежурные отвѣчали; если же они оказывались бессильными удержать порядокъ—имѣли право безбоязненно заявить о томъ дежурному офицеру и даже присутствовавшему всегда, утромъ и вечеромъ въ ротѣ, самому ея начальнику, что иногда и дѣлали. Довѣріемъ этимъ арестанты сильно дорожили, потому что этимъ возвышалось ихъ нравственное достоинство, да и пища ихъ всегда была хорошая. Хлѣба люди ѣли дѣйствительно, сколько кто хотѣлъ, *безъ отса*; оттого ни недостатка, ни воровства хлѣба не существовало. Капусты хватало съ ротнаго огорода на круглыя годы. Говадина и нѣкоторые другіе припасы приобрѣтались по контракту; пудъ говядины стоилъ въ 1871 г. 1 р. 75 к. Пища была несравненно лучшая и разнообразнѣе, нежели во всѣхъ другихъ ротахъ: варили попеременно щи, похлебку, горохъ, кашницу гречневую, ячневую, пшонную, всегда довольно густую и съ саломъ; за обѣдомъ всѣ пили квасъ; кашу давали три раза въ недѣлю однимъ исправляющимся, но когда испытуемые работали на холоду, въ сыкость, тогда и имъ попадала каша. Столовая, она же и классная, вмѣщала въ себѣ не болѣе 75—100 чел., поэтому въ ней ѣли только въ *настоящую* зиму, поочередно; въ остальное же время обѣдали и ужинали на дворѣ, стоя возлѣ столовъ. Арестанты выстраивались на дворѣ въ 4 ряда, по командѣ, и по бою въ барабанъ, или сигналу горныста «на молитву», стройно пѣли ее и рядами же подходили къ трапезѣ. Евреи и магометане,—первыхъ до 40, а послѣднихъ до 30 чел.,—не употребляя сала, а отчасти и гомдины—варили себѣ пищу особо.

переселились, выслушивали приказъ по ротѣ о всѣхъ случаяхъ происшедшихъ въ теченіи минувшаго дня и дѣйствіяхъ, назначенныхъ на слѣдующій день, и въ 9 ложились спать. Воскресные и праздничные дни отличались отъ будничныхъ тѣмъ, что по уборкѣ, утроемъ, казарни—все слугали желебенъ, учились: до обѣда—грамотѣ, послѣ обѣда—фронту, гимнастикѣ, опять грамотѣ и затѣмъ отдыхая, читали свое имущество, ежели у кого что расхунилось.

Рота располагаетъ огородомъ въ 5610 квадр. сажень; собрано съ огорода:

	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Луку: . .	20 пуд.	41 пуд. 1 ф.	14 пуд.
Бураковъ .	40 четв.	69 чет. 3 чл.	120 кваш. ведеръ.
Картофеля.	52 >	59 > 4 >	14 четв.
Капусты. .	30,527 вочней.	49,392 вочня.	2,662 кваш. вед. *)

Въ котель клалось на каждые 100 чел.: мяса 3 раза въ недѣлю, по 25 ф., т. е. по $\frac{1}{4}$ на каждого; сала 5 ф.; капусты $2\frac{1}{2}$ ведра; крупы 25 ф., 50 зол., муки 3 ф. 32 зол.; картофеля $7\frac{15}{16}$ гарнца; постнаго масла 4 ф. 16 зол.; соли $8\frac{1}{2}$ ф.; перцу 15 зол.; лавроваго листа 15 зол.; луку $6\frac{1}{2}$ ф. и воды $17\frac{1}{2}$ ведеръ. Приведенное нами росписаніе предметовъ довольствія вышло, для всеобщаго свѣдѣнія, въ кухнѣ. Варилась пища для унтеръ-офицеровъ и для арестантовъ въ одной и той же кухнѣ, только въ разныхъ котлахъ; унтеръ-офицеры ѣли, по собственному усмотрѣнію,

*) Кроме того въ теченіи всего лѣта 1871 г. въ котель добавлялись, для улучшенія пищи, свѣжая капуста и зелень. На обскѣненіе огорода истрачено въ этомъ году 73 р. 63 к., а такъ какъ лишней капусты продано было на 28 р., то все продукты стоили только 45 р. 63 к.

что хотѣли, на причитавшіяся имъ кормовыя, а изъ арестантовъ назначались, ежедневно, люди, по очереди, въ помощь каптенармусу, наблюдать, чтобы все определенное количество припасовъ дѣйствительно шло по принадлежности и за малѣйшее отступленіе дежурные отвѣчали; если же они оказывались бессильными удержать порядокъ—имѣли право безбоязненно заявить о томъ дежурному офицеру и даже присутствовавшему всегда, утромъ и вечеромъ въ ротѣ, самому ея начальнику, что иногда и дѣлали. Довѣріемъ этимъ арестанты сильно дорожили, потому что этимъ возвышалось ихъ нравственное достоинство, да и пища ихъ всегда была хорошая. Хлѣба люди ѣли дѣйствительно, сколько кто хотѣлъ, *безъ тѣса*; оттого ни недостатка, ни воровства хлѣба не существовало. Капусты хватало съ ротнаго огорода на круглыя годы. Говядина и нѣкоторые другіе припасы приобрѣтались по контракту; пудъ говядины стоилъ въ 1871 г. 1 р. 75 к. Пища была несравненно лучшая и разнообразнѣе, нежели во всѣхъ другихъ ротахъ: варили попеременно щи, похлебку, горохъ, кашницу гречневую, ячневую, пшопную, всегда довольно густую и съ саломъ; за обѣдомъ всѣ пили квасъ; кашу давали три раза въ недѣлю однимъ исправляющимся, но когда испытуемые работали на холоду, въ сыякость, тогда и имъ попадала каша. Столовая, она же и классная, вмѣщала въ себѣ не болѣе 75--100 чел., поэтому въ ней ѣли только въ *настоящую* зиму, поочередно; въ остальное же время обѣдали и ужинали на дворѣ, стоя воокрѣпъ столовъ. Арестанты выстраивались на дворѣ въ 4 ряда, по командѣ, и по бою въ барабанъ, или сигналу горниста «на молитву», стройно пѣли ее и рядами же подходили къ трапезѣ. Евреи и магометане,—первыхъ до 40, а послѣднихъ до 30 чел.,—не употребляя сала, а отчасти и говядины—варили себѣ пищу особо.

Обходился каждый арестантъ въ годъ, кромѣ отопленія, освѣщенія зданія и содержанія начальства: на мясныя и рыбныя порціи 10 р. 23 к., мука 19 р., крупа 1 р. 75 к., соль 60 к., баня, мыло и вѣшники 30 к., обмундированіе 4 р. 24³/₄ к., обувь 5 р. 30¹/₄ к.; бѣлье: носильное 1 р. 52 к., постельное и полотенца 1 р. 48 к.; освѣщеніе камеръ и лѣстницъ 7 к., итого 44 р. 50 к. въ годъ.

IV.

Мастерскія роты открывались въ Мартѣ 1868 г., причѣмъ работало:

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.	Въ 1872 г.
Портныхъ	94 чел.	66 чел.	88 чел.	84 чел.	93 чел.
Сапожниковъ	104 »	72 »	89 »	102 »	80 »
Отоляровъ	11 »	5 »	10 »	10 »	11 »
Плотниковъ	29 »	13 »	94 »	16 »	12 »
Мѣдниковъ	1 »	— »	— »	— »	— »
Кузнецовъ	4 »	5 »	6 »	10 »	8 »
Бондарей	6 »	3 »	3 »	5 »	5 »
Слесарей	12 »	6 »	7 »	3 »	3 »
Печниковъ	9 »	6 »	6 »	4 »	4 »
Вашмачниковъ	— »	— »	— »	9 »	6 »
Переплетчиковъ	5 »	1 »	2 »	2 »	2 »
Моляровъ	10 »	3 »	3 »	5 »	4 »
Колесниковъ	2 »	3 »	8 »	3 »	3 »
Обойщиковъ	4 »	1 »	1 »	1 »	2 »
Штукатуровъ	— »	— »	2 »	2 »	6 »
Плетшихъ корзины, маты и т. под.	4 »	1 »	2 »	14 »	13 »
Пильщиковъ	7 »	5 »	6 »	5 »	14 »
Паяльщиковъ	2 »	1 »	1 »	3 »	2 »
Бондарей	— »	— »	3 »	5 »	5 »
Мостовщиковъ	— »	3 »	4 »	2 »	2 »

вались безукоризненно шить: брюки, рубашки, камзолы въ 1—3 недѣли при внимательныхъ указаніяхъ. Арестанты же чернили, особымъ способомъ, сшитыя ими сапоги, за особое уже вознагражденіе. Ради поощренія трудолюбивыхъ мастеровыхъ, швальня отпускала имъ ежедневно, въ 9 часовъ утра, по кружкѣ чаю, сверхъ указанной платы за трудъ. Чай этотъ пили они съ хлѣбомъ, принесеннымъ изъ роты на завтракъ; за чай работали отлѣчно; лѣнтившихся же лишали чаю, а ежели они и за-сяжъ не исправлялись—ихъ са-жали въ карцеръ; но это случалось слишкомъ рѣдко.

Вторая категорія работала, какъ и третья, въ ротѣ, на заказъ всякому, разные предметы. Такихъ людей было: сапожниковъ—5, башмачниковъ—6, колесниковъ—2, плетельщиковъ корзины и щетокъ—9, токарь—1, маляръ—1, столяровъ—9, бондарей—4 чел. Цѣны заказаннымъ предметамъ опредѣлялись по взаимному соглашенію начальства съ заказчиками по такому расчету, чтобы каждый арестантъ зарабатывалъ до 20 к. въ день. Заказы дѣлали почти исключительно жены офицеровъ различныхъ частей войскъ, въ крѣпости квартировавшихъ. Задатокъ брали только съ такихъ заказчиковъ, которыхъ начальство не знало.

Третья категорія работала собственно для роты: 5 сапожниковъ, 9 портныхъ, 3 маляра, 2 слесаря, 7 кузнецовъ и 2 столяра. Портные и сапожники обшивали, обчиляли товарищей неумѣлыхъ, а эти мыли бѣлье первыхъ и т. п. Къ послѣдней категоріи рабочихъ причислялись 24 уберщика камеръ, двора, кухни и проч., да 50 чел., ежедневно посланныхъ, по распоряженію коменданта, пилить дрова для отопленія квартиръ всѣхъ служившихъ въ крѣпости чиновъ. Распоряженіе это слѣдовало бы, полагаясь, отнѣнить: арестанта, независимо того, что мокнуть, забнуть безвозмездно—не могутъ быть подѣ строгимъ, на этой работѣ, надзоромъ, а

это чувствительно отражается на исправленіи ихъ нравственности, къ чему начальство главнѣе всего должно стремиться.

Каждою мастерскою завѣдывалъ особый унтеръ-офицеръ, который цѣлый день находился при арестантахъ. Заказы записывались въ отдѣльную книгу и выдавались подѣ росписку заказчиковъ. Для болѣе успѣшной работы рота имѣла 4 швейныхъ, и, какъ мы выше замѣтили, парильную, картофелеочистительную машины, а въ кузницѣ вмѣсто обыкновенныхъ мѣховъ — вентиляторъ. Предметы эти на столько практичны, что ихъ слѣдуетъ ввести и въ другихъ ротахъ, а чтобы это подтвердить — познакомимъ съ ними читателей. Парильная машина устроена такъ: въ землѣ печь, на ней длинный, деревянный ящикъ, посрединѣ котораго вставленъ чугунный котелъ; въ немъ вода, на свободная, внутри ящика, въ бокахъ, мѣста, кладутся бревна, затопляется печь, огонь нагреваетъ воду и покуда она мутная — бревна сушатся, а какъ только вода станетъ *сѣтлою* значить бревна высохли, готовы къ употребленію; весь процессъ кончается въ 5 сутокъ, тогда какъ при сушкѣ лѣса на перекладахъ, въ мастерскихъ, уходятъ цѣлые мѣсяцы. Другая машина чанъ, ведеръ въ 6 ёмкостью; внутрь его вставлены двѣ, изрядной величины, жестяныя терки, съ зубцами снаружи; въ отверстіе высыпается картофель, терки вертятся рукою и рубцы терокъ живо соскребаваютъ скорлупу съ картофеля, такъ что вмѣсто работавшихъ надъ картофелемъ при ручной чисткѣ 15 — нынче довольно и 3 рабочихъ. Въ кузницѣ, въ 3 горна надуваетъ огня, вмѣсто мѣховъ, вентиляторъ съ поддувальникомъ, устроенный на колесѣ, съ ремнями, которые вертитъ одинъ человекъ; приспособленіе вентилятора стоило 73 р., тогда какъ 3 мѣха нельзя купить дешевле 200 р., не считая ихъ ремонта, что тоже дороже вдесятеро ремонта вентилятора.

вались безукоризненно шить: брюки, рубашки, камзолы въ 1—3 недѣли при внимательныхъ указаніяхъ. Арестанты же чернили, особымъ способомъ, сшитыя ими сапоги, за особое ужъ вознагражденіе. Ради поощренія трудолюбивыхъ мастеровыхъ, швальня отпускала имъ ежедневно, въ 9 часовъ утра, по кружкѣ чаю, сверхъ указанной платы за трудъ. Чай этотъ пили они съ хлѣбомъ, принесеннымъ изъ роты на завтракъ; за чай работали отлично; лѣнлившихся же лишали чаю, а ежели они и за-снѣ не исправлялись—ихъ сажали въ карцеръ; но это случалось слишкомъ рѣдко.

Вторая категорія работала, какъ и третья, въ ротѣ, на заказъ всякому, разные предметы. Такихъ людей было: сапожниковъ—5, башмачниковъ—6, колесниковъ—2, плетельщиковъ корзинъ и щетокъ—9, токарь—1, маляръ—1, столяровъ—9, бондарей—4 чел. Цѣны заказанныхъ предметовъ опредѣлялись по взаимному соглашенію начальства съ заказчиками по такому расчету, чтобы каждый арестантъ зарабатывалъ до 20 к. въ день. Заказы дѣлали почти исключительно жены офицеровъ различныхъ частей войскъ, въ крѣпости квартировавшихъ. Задатокъ брали только съ такихъ заказчиковъ, которыхъ начальство не знало.

Третья категорія работала собственно для роты: 5 сапожниковъ, 9 портныхъ, 3 маляра, 2 слесаря, 7 кузнецовъ и 2 столяра. Портные и сапожники обшивали, обчиляли то-варищей неумѣлыхъ, а эти мыли бѣлье первыхъ и т. п. Въ послѣдней категоріи рабочихъ причислялись 24 уборщицы камеръ, двора, кухни и проч., да 50 чел., ежедневно посылавшихся, по распоряженію коменданта, пилить дрова для отопленія квартиръ всѣхъ служившихъ въ крѣпости чиновъ. Распоряженіе это слѣдовало бы, полагаемъ, отменить: арестанты, независимо того, что мокнуть, забнуть безвозмездно—не могутъ быть подъ строгимъ, на этой работѣ, надзоромъ, а

это чувствительно отражается на исправленіи ихъ нравственности, къ чему начальство главнѣе всего должно стремиться.

Каждою мастерскою завѣдывалъ особый унтеръ-офицеръ, который цѣлый день находился при арестантахъ. Заказы записывались въ отдѣльную книгу и выдавались подъ росписку заказчиковъ. Для болѣе успѣшной работы рота имѣла 4 швейныхъ, и, какъ мы выше замѣтили, парильную, картофелеочистительную машины, а въ кузницѣ вмѣсто обыкновенныхъ мѣховъ — вентиляторъ. Предметы эти на столько практичны, что ихъ слѣдуетъ ввести и въ другихъ ротахъ, а чтобы это подтвердить — познакомимъ съ ними читателей. Парильная машина устроена такъ: въ землѣ печь, на ней длинный, деревянный ящикъ, посрединѣ котораго вставленъ чугунный котелъ; въ немъ вода, на свободныя, внутри ящика, въ бокахъ, мѣста, кладутся бревна, затопляется печь, огонь нагреваетъ воду и покуда она мутная — бревна сушатся, а какъ только вода станетъ *свѣтлою* значить бревна высохли, готовы къ употребленію; весь процессъ кончается въ 5 сутокъ, тогда какъ при сушкѣ дѣла на перекладинахъ, въ мастерскихъ, уходятъ цѣлыя мѣсяцы. Другая машина чанъ, ведеръ въ 6 ёмкостью; внутри его вставлены двѣ, изрядной величины, жестяныя терки, съ зубцами снаружи; въ отверстіе высыпается картофель, терки вертятся рукою и рубцы терокъ живо соскребаваютъ скорлупу съ картофеля, такъ что вмѣсто работавшихъ надъ картофелемъ при ручной чисткѣ 15 — нынче довольно и 3 рабочихъ. Въ кузницѣ, въ 3 горна надуваетъ огня, вмѣсто мѣховъ, вентиляторъ съ поддувальникомъ, устроенный на колесѣ, съ ремнями, которые вертитъ одинъ человекъ; приспособленіе вентилятора стоило 73 р., тогда какъ 3 мѣха нельзя купить дешевле 200 р., не считая ихъ ремонта, что тоже дороже вдесятеро ремонта вентилятора.

Мастерскія роты развиты были, вообще говоря, слабо, о чемъ нельзя не пожалѣть, — но это зависѣло отъ чисто мѣстныхъ условій, какъ-то: отъ отсутствія въ Брестѣ промышленности, отъ бѣдности народонаселенія и главное отъ тѣсноты ротной казармы: негдѣ было положительно ни власть матеріаловъ для производства работъ, ни рассадить людей работать сообразно потребностямъ, — т. е. недоставало мѣста для открытія нѣкоторыхъ одинаковыхъ мастерскихъ въ каждомъ разрядѣ отдѣльно.

Версть за 6—7 отъ крѣпости былъ казенный, военнаго же вѣдомства, кирпичный заводъ, гдѣ работали солдаты дисциплинарной команды, хотя заводъ этотъ находился въ арендѣ на коммерческомъ правѣ у инженеровъ *). Работа эта такъ сильно отягощала людей, что они завидовали житію арестантовъ, а зависть эта порождала то, что въ исправительную роту поступали многіе солдаты дисциплинарной команды посредствомъ преступленій, верѣдко, нарочно содѣянныхъ. Вотъ, въ подкрѣпленіе этой мысли, рассказъ арестанта; рассказъ вполнѣ, какъ мы узнали, достовѣрный.

— Гдѣ легче жить: здѣсь, или на заводѣ? спросили мы арестанта.

— Супротивъ завода тутъ лучше: тамъ мы работали въ чистомъ полѣ, а тутъ въ теплѣ; тамъ ѣли скверно, а здѣсь хорошо; тамъ таскали кирпичи и по праздникамъ, а тутъ — отдыхаемъ воскресенье; тамъ почитай ничего намъ не платили, а тутъ, што положено — наше; тамъ насъ драли, а здѣсь — это рѣдкость. Разница-то и большая. Прослышалъ я про тутошнее житіе, подумалъ, подумалъ, да и убегъ, про-

- *) Въ концѣ 1871 г. дисциплинарная команда распущена, вслѣдствіе открывшихся безпорядковъ на заводѣ.

щатался недѣлю, чтобъ вышелъ побѣтъ, явился в меня от-
дали подѣ судѣ. Я объявлялъ суду: «ниште, молѣ, меня куда
угодно, а только на III. низу не пойду», а чтобъ силой не
стали — затянулъ шѣсню при судѣ во все горло, чтобъ зна-
чить виноватѣй быть. Я это сдѣлалъ съ отчаянности. Ну и уго-
дилъ сюда, въ роту-то, и ожилъ, слава Богу. Супротивъ 'полна
тутъ, конечно, во сто вратъ хуже, а супротивъ дисциплинарной
команды — гораздо лучше.

V.

Грамотѣ арестанты учились съ 1868 г., причемъ было:

Въ 1868 г. Въ 1869 г. Въ 1870 г. Въ 1871 г. Къ 1872 г.
осталось.

Перваго разряда, хорошо писавшихъ и знавшихъ арифметику	57 ч.	23 ч.	21 ч.	44 ч.	37 ч.
Второго разряда, умѣвшихъ читать и писать	68 .	59 .	59 »	99 »	48 .
Третьяго разряда, умѣвшихъ только чи- тать	72 .	71 .	98 .	204 .	116 »
Четвертаго разря- да, умѣвшихъ читать.	146 »	249 .	239 »	470 .	189 .
Пятымъ разрядомъ назывались неграмот- ные	393 .	42 .	30 .	101 .	41 .

Книгъ для чтенія и обученія грамотѣ было маловато.
Такъ, кромѣ слишкомъ 400 экземпляровъ чисто духовнаго
содержанія, въ ротѣ имѣлись: «досугъ и дѣло», «совѣты
учителямъ новобранцевъ», «сказанія», «отечественная война»,
«поученія», св. Попова, «доля», «правительственные рас-
поряженія», «сборникъ прозы и стиховъ», «современныя

извѣстія», «календаря», «словаря», «музыкантъ», «земля, вода и воздухъ», «о лунѣ, солнцѣ и звѣздахъ», «о природѣ и ея явленіяхъ», «назидательное чтеніе», «о Суворовѣ», «про старое время на Руси», «е присягѣ и правахъ нижнихъ чиновъ», «арифметикѣ», «грамматикѣ», книгъ для первоначальнаго чтенія, азбуки, изданія Столпянскаго, «разказы про иѣмцевъ, французовъ и про войну между ними» и т. п. На классныя и перечисленныя учебныя принадлежности—истрачено въ 1868 г.—52 р. 20 к.; въ 1869 г.—109 р. 99 к.; въ 1870 г.—32 р. 9¼ к., а въ 1871 г.—66 р. 27¾ к.

Учились арестанты грамотѣ, какъ сказано выше, по полтора, два часа утромъ, до обѣда, по классамъ: первый—со вторымъ, третій—съ четвертымъ, а не по разрядамъ, опять таки по недостатку мѣста въ казармѣ. Учили: по методѣ Столпянскаго—самъ начальникъ, которому помогали, и котораго за отсутствіемъ замѣняли—молодой арестантъ изъ почталіоновъ, а остальныхъ, кое-что уже умѣвшихъ священниковъ и арестантовъ же грамотные; въ числѣ послѣднихъ не было не только чиновныхъ, дворянъ, но и изъ писарей никого. Учителя-арестанты освобождались отъ черныхъ работъ за свои занятія и это имѣло въ немъ уваженіе со стороны товарищей. Писать учились и на аспидныхъ доскахъ, и на бумагѣ чернилами, глядя по способностямъ; учившіеся по методѣ Столпянскаго и писавшіе, сидѣли вокругъ столовъ, а прочіе на нарахъ, вставъ или стоя въ намѣрахъ, по тѣлотѣ послѣднихъ; вовсе не учились люди старые, тупые и нѣкоторые изъ горцевъ и евреевъ, которые плохо владѣли русскимъ языкомъ. Выучивались средніе чины: читать и писать—въ годъ, а только читать—мѣсяцевъ въ 6—8; особенно трудно давалась штука горцамъ и евреямъ, тѣмъ же менѣе и они, какъ русскіе, охотно учились, особенно у самаго начальника.

Полезно, полагаемъ, было-бы, переимѣнить время класса на утро, или послѣ обѣда: утомившись работою, въ теченіи 4—5 часовъ, — люди теряютъ способность скоро научиться тѣмъ болѣе, что большинство ужъ и ѣсть хочетъ. Надѣмся, что это указаніе послужитъ основаніемъ къ измѣненію часа обученія грамотности. Точно также необходимо дополнить ротную бібліотеку значительнымъ количествомъ удобопонятныхъ книгъ, такъ много изданныхъ въ Петербургѣ „Товариществомъ общественной пользы“.

VI.

Прибывавшихъ въ роту арестантовъ начальникъ М. М. Саврасовъ принималъ лично, расспрашивалъ ихъ о причинѣ, привлекушей ихъ въ роту, объяснилъ имъ цѣль пребыванія въ ротѣ, порядки, наставлялъ ихъ вести себя безупречно, добавляя, что за противное ихъ, постигнуть наказанія; проступки арестантовъ разбиралъ и взысканія за нихъ опредѣлялъ самъ; самъ же писалъ прямо на блѣ журналы ротнаго комитета, приказы по ротѣ. Чтобы не подвергаться нареканіямъ въ пользованіи чѣмъ-либо казеннымъ или арестантскимъ—онъ *ничего* лично не приходовалъ и не расходовалъ, а установилъ правиломъ всѣ денежныя бумаги и книги подписывать вмѣстѣ съ нимъ. Старшимъ его помощникамъ и секретарю, который завѣдывалъ ротнымъ хозяйствомъ на точномъ основаніи 24 ст. положенія *о ротахъ*; все что въ ротѣ дѣлалось—было *ясно*; чтобы офицеры не стѣснялись свободно подавать голосъ въ Комитетѣ—завелъ ящики съ шарами для закрытой баллотировки щекотливыхъ вопросовъ, недоразумѣній. Ничего подобнаго мы ни въ одной ротѣ не видали. За 6 недѣль до окончанія срока на-

хожденія въ ротѣ (согласно закону) люди отпускались на работы въ крѣпость безъ конвоя. Собственное имущество арестантовъ также, какъ въ Новогеоргіевскѣ, выдавалось имъ по освобожденіи изъ роты обратно, а не продавалось съ аукціона, какъ въ прочихъ ротахъ. Отличавшимся хорошимъ поведеніемъ и трудолюбіемъ арестантамъ исправляющагося разряда въ большіе праздники и во время говѣнья давался чай, и, какъ ихнія, такъ и испытуемыхъ письма часто отправлялись по адресамъ на счетъ ихъ заработка, придерживаясь 109 ст. положенія о ротахъ. Къ нѣкоторымъ арестантамъ пріѣзжали жены, а одна и съ 3 малыми ребятами, и, такъ какъ имъ нечѣмъ было жить,—то стараніями начальника они добывали себѣ мѣста, а первое время жили въ кухнѣ его квартиры, что мы лично видѣли.

Въ свою очередь арестанты, видя истинное попеченіе и заботливость о себѣ со стороны начальника—превозносили его до такой степени, что онъ «лучше отца роднаго»; эти слова мы слышали по-крайней-мѣрѣ отъ 100 челов., съ которыми разновременно толковали. А на сколько все сказанное отражалось на нравственномъ ихъ исправленіи—подкрѣпимъ фактами. Изъ роты, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вышло въ гренадерскій полкъ 15 чел. и командиръ этого полка пріѣзжалъ, потомъ, *нарочно* благодарить начальника за то, что бывшіе арестанты оказались прекрасными солдатами. Казна отпустила на покрытіе крыши 90 р. По ротнымъ свѣдѣніямъ въ числѣ арестантовъ не было ни одного кровельщика, поэтому были приглашены вольные, которые не брали за работу меньше 150 р. Тогда начальникъ выстроилъ роту, объяснилъ арестантамъ свое критическое положеніе и добавилъ: «ребята! выручьте, пожалуйста, скажите: не можетъ-ли кто изъ васъ покрыть крышу?» И что же? Изъ фронта выступило 8 чел., числившихся чер-

поробочими и знавшими кровельное ремесло (многіе скрываютъ свои знанія: одни—изъ желанія прежде осмотрѣться, другіе—отъ лѣни, а третьи просто по охотѣ нѣмъ мастерствомъ заняться) и въ нѣсколько дней сдѣлали очень хорошую крышу.

Евреевъ-арестантовъ водили, по субботамъ, молиться въ городскую синагогу, что благотворно дѣйствовало на ихъ нравственность: тамъ они, видя единоплемениковъ,—вспоминали родныхъ, раввины поучали ихъ, послѣ богослуженія, и они легче переносили свое заключеніе.

Въ ротѣ былъ хоръ пѣвчихъ изъ 14 человекъ; обучать арестантовъ пѣнію знатокъ этого дѣла молодой артиллерійскій офицеръ Ф. А. Мюхгеймеръ безвозмездно; пѣлъ хоръ весьма стройно, толкомъ, и, помудра рота не располагала собственною церковью—хоръ ходилъ пѣть въ городской соборъ. Дѣйствовавшихъ въ хорѣ освобождали за это отъ наружныхъ работъ и награждали чаемъ, булками. Въ числѣ пѣвшихъ были одинъ *матемикъ*, въ ротѣ выучившійся пѣть по нотамъ, да сѣдовласый казакъ (Кубанскаго войска), занимавшій должность помощника регента и попирававшій ноги. Казакъ этотъ, высокій, бравый, съ густыми, сѣдыми бакенбардами, внушалъ къ себѣ невольное уваженіе; ему было 50 лѣтъ; пришелъ онъ въ роту по офиціальнымъ бумагамъ за подлогъ и отлучку съ назначеннаго ему мѣста пребыванія. Улучивъ удобное время мы съ нимъ заговорили про Кавказъ. Лишь только онъ услышалъ названіе своей родины—лицо его оживилось, выплыли щеки вспыхнули.

— Ну, а за что ты—почтеннѣйшій попалъ сюда?

— За грѣхи сударь, за грѣхи Богъ наказалъ меня, на старости лѣтъ, вотъ и очищаюсь поведеніемъ.

— Да какъ дѣло-то было?

— Очень просто. Мы, казаки, народъ простой и рубимъ

правду матку съ плеча, какъ непріятелей, въ бою. Я вамъ и расскажу все по порядку. Былъ я на льготѣ—дома. Не только наша станица, но и на 100 верстѣ въ окружности всѣ знали, что я грамотѣй, зажиточный человѣкъ, и, какъ въ бою, такъ и дома, смѣлый, ничего не боюсь и не прочь постоять за своего брата, ежели ему жутко. Разъ и приходится ко мнѣ землякъ, человѣкъ знакомый, по гоньбѣ за черкесами, и рассказываетъ про свою бѣду. Потерялъ билетъ, на отлучку ему данный, выправить другой дорого стоитъ: надо съѣздить во Владикавказъ и назадъ, да и тамъ потратиться, а ему нельзя, не торговалъ, упустилъ время. Ну вотъ онъ и пристае ко мнѣ написать ему новый билетъ. Я хорошо знаю, что онъ не сгинетъ никуда: человѣкъ порядочный, потому-къ фальшивые билеты, наворотіе отлучки, у насъ въ большомъ ходу и никто изъ за нихъ ничего не теряетъ. Подумалъ я, подумалъ, да благословясь, изъ жалости, и накаталъ ему билетъ. Онъ сказалъ мнѣ назадное спасибо и ушелъ съ билетомъ, потомъ гдѣ-то наткнулся съ нимъ на станичнаго начальника—Есаула. Тотъ увидѣлъ мою руку (онъ со мной не разъ тѣгался изъ-за виноградниковъ и я его за поясъ затыкалъ на бумагахъ), обрадовался случаю отомстить мнѣ за прежнія неудачи и задержать его съ билетомъ, а онъ, казакъ-то, струсилъ и выдалъ меня съ головой. Я было тягу отхлопотываться отъ бѣды въ Тифлисъ, а Есаулъ тѣмъ временемъ упекъ меня подъ судъ за билетъ, да за 2-хъ-недѣльный отъѣздъ изъ станицы, безъ спросу. Помня, что гдѣ рука—тамъ и голова—я и признался во всемъ.

— Значить, хлопоты не принесли пользы?

— Не могъ, видите ли, скоро, отыскать хорошаго брехача (ходатая) и вернулся во свояси. За это меня и катили на 5-ти-лѣтнее мытарство... Вся станица меня жалѣла,

всѣ совѣтывали просить помилованія у намістника,—но казачья честь, да ретивое во мнѣ разгорѣлось и я, даромъ; что была мать, жена, 5 дѣтей—на отрѣзъ отказался затѣвать просить пощады: виновать—казните, но покориться у насъ не въ обычаѣ. Мало того: еслибъ обратиться къ намістнику,—спросили бы объ моемъ поведеніи Есаула, и хоть онъ и клялся, что отлично аттестуетъ,—но ежелибъ простили,—хвастался-бы, потомъ, что онъ мнѣ помогъ, а это было-бы мнѣ позорно,—поэтому я и предпочелъ понести свою голову на плаху... И заковали меня въ наручники и проводили меня, молодца, со слезами, нѣсколько станицъ, и побрелъ я на чужбину горемыкать, на закатѣ дней... Черезъ 6 мѣсяцевъ прибылъ сюда, принялся работать до седьмого пота, ни въ чемъ еще, слава Богу, не преступалъ закона и живу, какъ видите, и не ропщу: чему быть—тому не миновать. Одно меня пугаетъ—какъ бы меня, за старостью, не послали на поселеніе въ Сибирь, а ежели да это стѣнется—я буду просить дать мнѣ лучше какъ милости, пул въ лобъ: я живу одною надеждою—вернуться въ свою дѣдовскую хату и поправить разстроеншееся, безъ меня, и зѣяство.

— А велико оно у васъ?

— Больше 40 штукъ скота, 3 виноградныхъ сада и пчелы, а все это по младости дѣтей постепенно гибнетъ... В чемъ мнѣ хочется домой и по другому еще случаю: дока своимъ, что казачья моя голова уцѣлѣла и отъ этихъ выгодъ. О! коли это удасться мнѣ—я сочту это лучше: себя наградою за всю мою боевую жизнь.

— Солдаты отправляютъ въ свои полки, а васъ—въ войско, конечно, домой пошлютъ, тѣмъ болѣе, что бирь отправляютъ только негодныхъ ни къ какой и

а вы работаете, значить и опасаться вамъ нечего. Ну а какъ встрѣтитесь съ Есауломъ?

— Ежели Богъ приведетъ— скажу ему: коли Богъ не выдастъ, свинья не съѣла и больше ничего.

— Но вѣдь это будетъ для него оскорбленьемъ и онъ опять затѣветъ, пожалуй, дѣло?

— Нѣтъ: по нашему эти слова не обидны, да онъ и обижаться не станетъ: ему и то ужъ жутко достается изъ за меня,—вся станица зарокъ дала не только никакихъ дѣлъ съ нимъ не вести,—но и не говорить ни слова кромѣ служебнаго и твердо это исполняетъ, какъ дѣти мнѣ пишутъ. А мнѣ и это отрадно: помнить, значить, меня добромъ. Да, сударь, легче бы мнѣ во сто кратъ въ бою сотню пуль принять, 4 во мнѣ было ужъ; легче бы противъ сотни горцевъ одному стать, нежели вспомнить, какъ меня заковывали и какъ семья безъ меня мается, какъ стадо безъ пастуха.

— А гдѣ вы пѣть научились?

— Дома, еще въ дѣтствѣ, у попа; онъ же научилъ меня и ноты писать и спасибо ему за это: теперь все пригодилось арестанту, потерявшему все, все... Эхма! крикнулъ онъ съ горечью. Жизнь пережить не поле перейти. Вотъ она пословица-то какъ вѣрна!..

VII.

Изъ наличнаго числа арестантовъ подверглось взысканіямъ и наказаніямъ: въ 1868 г.—173 чел., въ 1869 г.—495 чел., въ 1870 г.—284 чел., въ 1871 г.—327 чел.

Самые проступки заключались чаще всего:

Въ 1868 г. Въ 1869 г. Въ 1870 г.

Въ брани и ссорѣ съ това- рищами	—	13 чел.	10 чел.
» проносѣ въ казарму и курениі табаку.	274 чел.	298 »	125 »
» послушанія	23 »	19 »	17 »
» сокрытіи воспрещенныхъ вещей.	16 »	10 »	2 »
» картежной и другихъ играхъ	39 »	9 »	7 »
» воровствѣ, продажѣ и порчѣ казенныхъ вещей, ...	10 »	9 »	26 »
» кражѣ другъ у друга вещей	18 »	6 »	10 »
» дражѣ	19 »	15 »	17 »
» грубости.	21 »	9 »	7 »
» уклоненіи отъ работъ и лѣности	— »	17 »	16 »
» употребленіи, будучи на инженерныхъ работахъ, водки да нетрезваго со- стоянія	— »	10 »	3 »
Тѣлесно было наказано	4 »	17 »	14 »

а въ теченіи 1871 года только 8 чел., а остальные заключались въ темныя, свѣтлыя карцеры, на хлѣбъ и воду, переводились изъ исправляющихся въ испытыемыя, чрезъ что имъ отдавался срокъ освобожденія изъ роты и т. под. Изъ просмотрѣнныхъ нами штрафныхъ журналовъ роты отъ ея основанія мы узнали, что до 1871 г. штрафы записывали въ книгу отдѣленные и дежурные офицеры, фельдфебеля, а иногда даже унтеръ-офицеры; судить же о степени умственнаго развитія этихъ перевоспитателей легко потому, какъ

они писали. Въ 1868 г. напр. значится: «по кафій маднію начальника роты за отлючку спосажонъ топлей карцей на дни сутка» подпоручикомъ Н; «за кража сухна шивинку употребить нижний работъ» и т. под. Системы въ наложеніи наказаній очевидно никакой не держались, потому что сък-ли за игру, напр., въ карты 50, за продажу рубахи и дурное поведеніе 15, за «безнадежное поведеніе» 50, за драку въ госпиталь 20, за умышленную порчу карцера и входъ къ товарищу 100 ударами розогъ.

Въ 1869 г. розгами наказывали «за неосновательную жалобу помимо ближайшаго начальства»; за куреніе табаку 3 раза послѣ выпуска изъ карцера; за промотаніе сапожнаго товара; за намѣренную порчу матеріала, который хотѣлъ употребить въ свою пользу; за грубость и угрозу конвойному кирпичомъ, за воровство подборовъ, казеннаго матеріала, за вынутые изъ брюкъ подкладки — всѣмъ по 50 ударовъ; за 6-ти-кратное куреніе табаку и плохое поведеніе 100; за утайку 2-хъ караваевъ хлѣба 50, съ переводомъ въ испытуемые; за расковыряніе себѣ носа и грубость доктору 50 ударовъ и т. под.

Въ 1870 г. «за возбужденіе лѣни» 2, за продажу казеннаго сукна; за сшитыя 2 пары рукавицы изъ казеннаго сукна; за дерзость противъ унтеръ-офицера; за подговоръ написать прошеніе и отсылку его тайнымъ образомъ — по 25; за ослушаніе унтеръ-офицера во фронтъ 75; за отказъ идти полъ 15; за «собраніе въ полкъ казенныхъ обрѣзковъ» 15, съ отдаленіемъ срока выпуска изъ роты на недѣлю и т. под.

Въ 1871 г. за обруганіе унтеръ-офицера и дерзкія выраженія, употребленныя при арестантахъ 50, съ переводомъ въ испытуемые и съ заключеніемъ въ темный карцеръ на хлѣбъ и воду на 7 сутокъ; за то, что душилъ товарища по

подозрѣнію въ похищеніи табаку, найденнаго удупившаго 50 ударовъ, съ переводомъ въ испытуемые на 2 мѣсяца.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ 1871 г. порядокъ наложенія взысканій получилъ должное направленіе, причѣмъ розги почти изгнаны изъ употребленія. Судя по вышеприведеннымъ цифрамъ розги и прежде, дѣйствовали, правда, рѣдко,—но насъ увѣряли, что въ книгу записывалось не больше половины дѣйствительно наказанныхъ, дабы отчетность выглядѣла покрасивѣе; но въ 1871 г. несмотря на то, что наказано было только 8 челов.—~~мало~~—проступки вообще уменьшились количествомъ; ясно, слѣдовательно, что розги не служатъ способомъ къ удержанію людей отъ проступковъ. Наконецъ въ бытность нашу въ Брестѣ никто не сидѣлъ въ карцерахъ за какія бы то ни было прегрѣшенія, тогда какъ въ другихъ ротахъ мы видѣли такихъ проинтрафифшихся довольно.

Всѣхъ карцеровъ въ ротѣ 24, по 12 въ этажѣ и пополамъ свѣтлые и темные. На дверяхъ каждаго надписи: кто за что и на какое время посаженъ; въ карцерахъ висятъ на день, запирающіяся, нары, табуретъ, столикъ и полочка для склада имущества, хлѣба; стѣны чисто были выкрашены, но воздухъ сыроватый, а въ нижнемъ этажѣ, вдобавокъ еще чувствовалось холодно; происходило то и другое оттого, увѣряли насъ, что зданіе вообще плохое и потому никакія мѣры не помогаютъ окончательно высушить казарму. Сидѣвшіе въ карцерахъ, особливо внизу, рѣдко раздѣвались, а такъ какъ нары примощены къ стѣнѣ, то дабы предохранить животъ и спину отъ сырости—люди опоясывались полотенцомъ. Рецедивистамъ, заключавшимся на долго въ карцеры давали подушки и одѣяла, а остальнымъ—однѣ подушки. Пищу получали люди сквозь окошечко, прорубленное въ дверяхъ карцеровъ; но въ ужинъ горячаго приварка,

они, на основаніи закона, не имѣли; свѣту днемъ довольно въ свѣтлыхъ карцерахъ; сажались въ карцеры не дольше какъ на 14 дней за проступки, въ ротѣ сдѣланныя; продолжительное сидѣнье въ карцерахъ развивало въ людяхъ чахотку, водянку, и, какъ свидѣтельствоvalo само начальство, выпускавшее многихъ оттуда раньше срока, прежде бывали случаи смерти послѣ 4-хъ-мѣсячнаго заточенія. Содержавшіеся въ карцерахъ сначала ничего не дѣлали, а потомъ, за кротость и смиреніе имъ, по ихъ просьбѣ, давалась работа—шитье, напр., мѣшковъ для шпальни. Занятію люди очень ради были.

— Съ утра до ночи сидѣть сложа руки—одурь беретъ, говорили намъ арестанты; по этому по самому пусть хоть позволяютъ песчинки считать и тому довольны будемъ; иначе или рыхнешся, или какую ни на есть бѣду сотворишь, чтобы вырваться изъ ефтой могилы.

Никакой работы не давали нѣкоторымъ рецидивистамъ въ наказаніе за то, что они, прибывъ въ роту, при разспросахъ, скрывали прежнюю свою судимость, наивно полагая, что коль скоро они въ *этой именно* ротѣ не были, значитъ никто не знаетъ о нихъ, тогда какъ все это прописывалось въ приговорахъ, копія съ которыхъ доставлялись въ роты изъ войскъ. Въ штрафномъ журналѣ 1871 г., мы вычитали слѣдующаго рода оригинальные, по содержанію, проступки. Именно: арестантъ, видя какъ другой пилъ чай, сказалъ ему: «ты здѣсь чаекъ распиваешь, а дома жена и дѣти твои безъ хлѣба сидятъ», послѣдній обидѣлся упрекомъ перваго, поссорился съ нимъ и за это оба пробыли въ карцерѣ двое сутокъ. Возили, въ тачкахъ, песокъ къ казармѣ. Одинъ привезъ 3 тачки и отказался идти еще за пескомъ. Унтеръ-офцеръ молвилъ ему: «вези, тебѣ говорятъ, 4 тачку». „Не буду: за 3 ф. хлѣба, которые я получаю въ сутки, и 3-хъ

тачекъ довольно". Проступки эти заинтересовали насъ и мы розыскали затѣявшаго ссору и не хотѣвшаго песокъ возить.

— Мы зейлаки, пояснилъ намъ первый; я зналъ нищету его семьи, совѣтовалъ ему приэкономить лучше вонѣйку для ребятъ, а онъ напротивъ все только объ своей утробѣ хлопоталъ. Глядячи на это я и не выдержалъ характера — попекалъ ему чайкомъ, потому это барское, а не наше, мужицкое, лакомство. Товарищи засмѣались, ему стало стыдно, онъ и давай ругаться.

— Ты, говорятъ, очень буйный человѣкъ: бранишь всѣхъ, угрожаешь всѣмъ, грызешь куртку и т. п.; правда-ли это? спросили мы другаго, сильно замореннаго, совершенно одичалаго, нѣзенькаго арестанта, лѣтъ 20, еврея Юдильевича (онъ, говорили намъ, истощился отъ онанизма).

— Я? удивленно спросилъ онъ. Нѣ-ѣтъ: я зависимъ ширинъ цалвикъ, а мине виводать изъ терпенья, — ну и никакъ наказантъ: я терплю.

— Кто-жь тебя выводить изъ терпѣнья?

— Кто?... гм... я цалвикъ деликатный, билъ въ синагогѣ на насъ праздникъ рогшоана-тройцу, вишалъ румку воды по закону насему, еврейскому, мой голова и закрутился. Прависцй обругивалъ мине за то. Я его тозе, потому рассердился. Онъ мине вдарилъ. Я шлишу больно изъ гораца свазалъ ему: „я тебѣ изкирипомъ баску хвацу“. Звѣсно въ карцеръ марсь. Стозь дилать? Иду, сизу. Унцеръ приходитъ и беротъ изъ окну мой хлѣбъ. Ни трозъ говору. Не шлухасть. Ни трозъ говору, мине 3 ф. изъ казну шлѣдоваетъ и мой хлѣбъ, послѣ изѣймъ, а нѣтъ — товарищу подару: цалвикъ тозе ѣсть хочеть, а я хоцу самъ распорядитъ своимъ хлѣбомъ.

— Что-же онъ у тебя послѣдній кусокъ отбиралъ?

— Нѣ-ѣтъ: онъ приносъ новый, а тотъ остался у насъ. —

отъ вчерасній день, и мой. Въ казенномъ ящику можетъ миллионъ лезить, а никто не беретъ; зацѣмъ же мой хлѣбъ брать? Берсть. Ругаюсь: езели собаку дразнать, кость отнимають—ланть, кусноть, а я цалѣмъ, буду молчать,—могу лепнуть: въ мине сердце горячее. Усолъ изъ хлѣбомъ, мине запорил, я изъ гора куртку гризъ, пѣтому болше ницево не подѣлаесъ. Тавай, гавру, голву, нитку, засить можно куртку, пуштое, а мине грозать розги дать. Сумлю, потому сто ве мине дѣлать? Нецево—подъ замкомъ дѣлать. Цимъ же я финовать? Тфи!... Шкверно.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— 21 годъ посолъ. Мине сдали солдаты 15 годовъ било, а кагальные заплатили доктору 30 р. и обставили 19 годовъ. И нихай 19 будетъ: мине тозе самое не легце. Наборъ биваетъ въ солдаты, а не въ рѣштанскихъ ротъ, и отецъ мине ростилъ, училъ не для рѣштанскихъ ротъ; за цто-зе я рѣштантъ? Не хоу бить рѣштантомъ!

— Еслибъ ты не сдѣлалъ преступленія въ то время, когда былъ въ солдатахъ, тебя не послали бы въ арестантскую роту. Въ чемъ-нибудь да ты провинился же, въ полку?

— Такъ изъ ницево: я троску вѣвзаль, пѣтому цизало било слюзить, ну на 3 года и засудили. Я полтора года отслюзилъ тутъ харсо и довольно шправлялся. Нацальство могло отисать глывну комтетъ: есть зольдать мольдой Юдильвичъ, позилъ 1½ года змирно, никого не обизаль, будетъ порадошно слюзить полку, выпустить нузно и конецъ. А то зиви безпримѣнно 3 года, коли я справился въ одинъ годъ, а другой и въ 5 не справится! Какъ же это можно такой порадокъ? Ползу никому нѣтъ, сто я 3 года буду зить здѣсь, а мине оцень цизало, а мой отецъ пляцетъ, еврей тозе: видѣли! мине синагога, залѣють, какой маяцникъ погробнеца...

Не харсо, охъ какъ не харсо!... Люде я 5 годовъ полку от-
слюзу, ницѣмъ одинъ въ ршштантахъ.

— Но ты же убѣжалъ изъ поля?

— Скудно било, цизало. Ницѣмъ въ ршштанты—люде би
въ другой полкъ, потому въ одномъ худъ, въ другомъ хо-
росъ буду. Нихай випустать—присагу дамъ цѣсно слюзять.
Я такъ завшиимъ зоддаты, только разницу мой куртка, а не
синель. По заповѣдамъ обизать людей грѣхъ, а ршштанты
обизену; по заповѣдамъ люди надо на волѣ зить, а не въ
ршштантахъ. Зацимъ зе не сполнають заповѣды?

— А зачѣмъ вы совершаете преступленія?

— Та, приштуленья? Ну харсо, харсо, приштуленья.
Такъ кто шмирно зиль годъ—и слите полкъ, а то товариши
усли, я нѣтъ, мине такъ скудно и езели я сплеховаль—изъ
мине будетъ 1½ года наказанье. Я такъ узъ и рѣсилъ: не
випустать—удитса не буду, работать тозе: я цалвикъ дан-
катный, сердце горячее мѣю, все изниль... Здѣсь много рѣ-
штантовъ затасковали, продолжалъ онъ, обращаясь къ това-
рищу; пожилому человѣку. Правда-а?

— Это Богъ вѣсть... А по мнѣ такъ мы сами виноваты
во всемъ, отнесся онъ къ намъ.

— Ви тилько поглядите народъ залко. Мнѣ госпиталь
идти надо, а сизу: срокъ отцитають, ну и цимъ долше зить
ротахъ луце околеу. Говорать я изъ разуму вихозу. Скажите
правда это? Я такъ не знаю, мине такъ изъ голову мисли
шкверну.

— Я тоже, братъ, не знаю, что у тебя въ головѣ.

— Всѣ говорятъ, что онъ свихнулъ маленько съ панта-
лыку, пояснилъ товарищъ. Мы всѣ его жалѣемъ: онъ добракъ
и простакъ, одно слово дурашинный парнишка, часто не ѣсть
ничего, возьметъ примѣрно, хлѣба на завтракъ, поддержать
его въ рукахъ и отдать кому-нибудь. Спросить его: отчего

передавалъ намъ исторію своего паденія, что мы не рѣшались разсказывать ее читателямъ. При насъ было больныхъ: въ окологѣ—4, да въ госпиталѣ 6 чел., цифры эти тоже говорятъ въ пользу заботливости о сбереженіи здоровья людей, по сравненію съ другими ротами, въ которыхъ больныхъ было самое меньшее—впятеро больше описываемой.

— Ахъ! ежелибъ не въ Сибирь меня, по неспособности моей, погнали, а на родину бы—я бы сразу забылъ свое горе, заговорилъ, въ окологѣ, дряхлый пожилой человѣкъ. Казнѣ я все, вѣдь, единственно больше ужъ негоденъ, такъ, чтожъ ей даромъ нянчиться со мной? Покуда до сибиря доплетусь—я въ 10 ошпиталяхъ перебиваю, однѣхъ кормовыхъ, да на лекарство пропасть денегъ изведутъ, а для чего? Чтобы я околѣлъ безпремѣнно въ Сибири, а не на родинѣ!...

— Легко быть можетъ дорогою, на свѣжемъ воздухѣ, поправившись, въ Сибири сдѣлаешься осѣдлымъ, свободнымъ, а воля всякому дорога. Такъ зачѣмъ же ты отчаиваешься? Это грѣхъ.

— Грѣхъ то, точно грѣхъ, да доля то моя очинно ужъ горькая. Ни отца, ни матери николи не видывалъ: сиротой остался, въ чужихъ людяхъ батрачимши выросъ, въ солдаты сдали за общество, потому заступиться было некому; служилъ, служилъ вѣрой правдой 15 годовъ, на 16-мъ опустилъ, по ошпшкѣ, арестанта, осудили сюда на 2 года, содрали галуны, нашивки, протащили съ капказа, 6½ мѣсяцевъ краду плелся, всю душу дорогой изъ меня вытянули, а теперь опять иди!.. Куда, зачѣмъ не спрашивай, а иди; иди!.. О Господи мой милостивый, пошто ты меня не приберешь разомъ, пошто черкесская пуля не сразила меня ни въ одномъ изъ страженій?...

Въ 1868 г. Въ 1869 г. Въ 1870 г.

Отъ воспаленія легкихъ . . .	1 ч.	1 ч.	—
» кровяного поноса . . .	1 »	—	—
» хроническаго кишечнаго катарра	8 »	4 »	—
» бугорчатки легкихъ и гнойнаго катарра легкихъ	38 »	33 »	26 ч.
» цынги	1 »	—	—
» водянки	1 »	—	1 »
» костоѣдовъ и худосочій язвъ	1 »	3 »	—
» рака	1 »	—	1
» апоплексіи и разныхъ видовъ паралича . . .	—	—	1 »

Итого . . . 58 ч. 43 ч. 29 ч.

Всѣхъ серьезныхъ больныхъ отправляли, для пользованія, въ военный госпиталь, а первоначальную помощь оказывали въ такъ называемомъ околодокѣ, въ ротѣ. Околодокъ этотъ состоялъ изъ 2-хъ маленькихъ, довольно темныхъ, комнатъ; спали въ нихъ люди на тюфякахъ, положенныхъ на деревянные кровати; пищу они получали общую, арестантскую; слабосильные зимою тутъ отдыхали, а лѣтомъ—помѣщались на огородѣ, въ деревянныхъ 2-хъ избушкахъ, гдѣ на вольномъ, свѣжемъ воздухѣ,—они перемѣнялись, занимаясь по-сильною работою, или вовсе ничего не дѣлали, если здоровье не позволяло. Лечили околодочныхъ прикомандированный изъ госпиталя докторъ и фельдшеръ; помогали же обоимъ арестантъ нѣмецъ, учившійся: сперва—въ Берлинскомъ, а потомъ—въ Дерятскомъ университетѣ. Человѣкъ этотъ лѣтъ 30, весьма видный мужчина, такъ безсвязно, туманно

судили одни адиторы не то, што нынѣ, при всемъ народѣ. О! ежели-бъ меня, примѣрно, пересудить съ-взнова?—Я ей Богу бы оправдался.

— Дѣло однажды рѣшеное—по закону вновь не перевершается; поэтому тебѣ остается только покориться судьбѣ, тѣмъ болѣе, что вполне виновать; потомъ...

— Снова терпѣть, снова покоряться? вмѣшался другой, молодой человѣкъ. Всѣ насъ учать терпѣть, покоряться и молчать—но никто, удивительно не подумаетъ, какъ жутко это, когда мы кругомъ обижены.

— Напрасно никого не обижаютъ.

— А меня, напримѣръ? За то, что я укралъ у горца вещь, по нуждѣ въ деньгахъ, на сапоги,—годъ судили, 6 мѣсяцевъ гнали на цѣпи, какъ собаку, сюда, здѣсь опредѣлили пробыть 3 года, а мнѣ не давали жалованья за двѣ трети 66 г. и аммуниціи, и ничего.

— Ты бы заявилъ претензію.

— Попытался 10 разъ и все безъ толку.

— Ты жаловался, вѣрно, ужъ поздно; оттого и не уважили твою жалобу.

— И рано и поздно жаловался, а все равно безъ толку. Тутъ, извините моею смѣлости, важно не жалованье, а несправедливость...

— Равной для всѣхъ на свѣтѣ справедливости и невозможно достигнуть, но все-таки скажу: ты слишкомъ озлобленно смотришь на все и потому тебѣ и кажется, что для васъ всѣ несправедливы.

— Эту мораль я ежедневно разучивалъ еще въ военномъ училищѣ, гдѣ имѣлъ несчастье воспитываться и гдѣ великобѣдно обдѣльивавшіе днемъ свои дѣлишки—вечерами наставляли насъ быть честными, бранили на чемъ свѣтъ стоитъ нечестныхъ людей. Да что далеко заходить. Спросите пожа-

Отчаянный тонъ его рѣчи и фізіономія вчуже за сердце щемили...

Въ ротѣ былъ, передавали намъ за достовѣрное, и противоположнаго свойства арестантъ, казакъ, который имѣлъ терпѣніе юдѣ ходить на костылѣ притворяясь, что у него ногу свело. Медики освидѣтельствовали его, нашли, что у него жилы сведены, назначили его тоже въ неспособность и его перевели въ гражданскую тюрьму, съ тѣмъ, чтобы по минованію срока отпустить домой. Когда было все окончательно утверждено, наканунѣ отправки, вдругъ случайно замѣтили, что онъ несетъ костыль въ рукахъ. Затѣмъ, когда ему подлежало ужъ выходить за ворота—ему сказали: «отдай-ка сюда костыль?» «извольте», отвѣтилъ онъ и ровно пустился на обѣихъ ногахъ въ путь.

IX.

— За что ты попалъ сюда? спросили мы пожилаго ужъ арестанта.

— За свой кусокъ хлѣба.

— Какъ такъ?

— Очинно просто-съ. Я служилъ на Кавказѣ, въ Кабардинскомъ, значить, полку. Ротный командиръ былъ у насъ богатый, нашими крохами не живился, а велѣлъ экономію дѣлиться всѣмъ унтеръ-офицерамъ. Такъ мы и дѣлили нѣсколько лѣтъ сряду. Вдругъ поступаетъ новый командиръ и всю экономію требуетъ записывать въ какую-то книгу для запаса. Мы и сговорились не отдавать; а какъ я былъ капитанармусомъ—онъ шибче всѣхъ осерчалъ за это на меня, смѣнилъ меня. Я со злости-то шибко надерзилъ ему и меня за все это заслали сюда на три года, потому у насъ въ тѣ поры

шадь была въ тѣлѣ. Гляжу зима—лошади холодно, голодно, ржетъ, точно человѣкъ плачетъ, и жалко мнѣ ее таково стало и прикармливалъ я ее хозяйскимъ кормомъ, покуда попался въ овсѣ, и пришелъ сюда на два года.

— А сколько полагалось лошади въ день казенной дачи корма?

— Этого доподлинно не знаю-сь. До насъ только и доходило что я вамъ докладывалъ, а лошадь была больно прожорливая.

— Отчего-жъ ты не докладывалъ начальству, что лошади корму мало, а кралъ?

— Ошибся; въ этомъ я точно виноватъ.

— Ну, а если тебя выпустятъ, дадутъ лошадь, а ей опять мало корму—пустишься ты опять на прежній поступокъ, или нѣтъ?

— Самъ лучше стану голодать, а чтобъ лошадь была сыта, потому она достать не можетъ, а коли мнѣ нечѣмъ будетъ ей помочь—стащу, простите, опять овсеца, сѣнца: я лошадь люблю пуще всего на свѣтѣ и жалѣючи ее—могу на все рѣшиться...

— А я хоша и не приверженъ къ скотинѣ, какъ вотъ онъ, а за гусей попалъ въ роту, перебилъ, улыбаясь, третій.

— За какихъ гусей?

— Въ нашемъ полку офицеры содержали по цѣлому стаду гусей. У баталіоннаго командира однава пропало 4 гуся. Я не ночевалъ, грѣшенъ дома,—подгулявши былъ,—и похитилъ на похищеніе гуся и продалъ его. Маіоръ узналъ это, отдалъ меня подъ судъ, а я и пришелъ въ роту на 2 года 9 мѣсяцевъ за гусей. Поглядите мою контрамацію и сами увидите, что всему бѣда гуся проклятые.

— Моя оказія такъ страшлась изъ-за злота, подхватилъ четвертый; потому по дѣломъ мнѣ вору и муна. Были мы съ това-

рищемъ хватимши, шатались по улицѣ, наткнулись на еврейскую синагогу, померещилось намъ что это корчма, а либо дѣвки живутъ—въ ней. Товарищъ влезъ въ окошко, да тамотко и уснулъ, а я пождалъ, пождалъ его, та тоже прилегъ на травѣ. Потомъ онъ проспался, зажегъ огня и очумѣлъ было, потомъ опомнился, сломалъ кружку, забралъ изъ нея 2 злота, вылѣзъ, далъ мнѣ одинъ, а другой злотъ себѣ взялъ. Тутъ же мы и попались. Жиды было простили насъ, а законъ нѣтъ. Ну извѣстно судили и въ рестанты его на 3, меня за то, что подсадилъ въ окно и получилъ злотъ, на 2 года. Когда намъ прочли рѣшеніе—товарищъ говорилъ мнѣ: «убѣжимъ». «Нѣтъ, молъ не хочу, да и тебѣ не совѣтую». Онъ не послушался убега, былъ пойманъ, опять сужонъ и на каторгу ушелъ: предлогъ такой имѣлъ, да и замысловатая у него была башка, а я себѣ думаю: Господь потерпитъ грѣхамъ, отбуду справно срокъ и домой еще вернусь...

— Легко отбить 2 году, езеи одинъ, а каково семей—
ному цаловѣку? спросилъ пожилой еврей.

— А развѣ ты семейный?

— Зона и 5 дѣтел имѣю, а за земскаго стразника про-
палъ. Я 23 года отслужалъ вѣрой и правдой горвистомъ
въ подку, зилъ аккуратно, скопилъ 1000 рублей, вышолъ
безсрочный, вернулся на родину, въ арсавскую губернію,
и занялся торговлей. Стразникъ сталъ меня притѣснять: за-
днимъ я торгую безъ дозволенія, и такъ подвелъ, что съ мен-
я присудили 3 рубля штрафъ, я не отдавалъ ихъ, потому
за цто. Пришли брать мое вещь, зона не давала, стразникъ
зацалъ ее ругать, толкнулъ, она родила на 7 мѣсяцъ и за-
болѣла. Я вступился за зону—спалася съ нимъ и укусилъ
ему хороо палецъ. Уѣздникъ начальникъ меня судить. —
Писарь просилъ 30 копѣекъ, «дамъ, говорить, отставн-
ой

паспортъ, что тебѣ присоль». Я не хотѣлъ и меня посадили и судили какъ безсрочнаго. Зона хлопотать: въ 1½ года прозвела и просудила весь капиталъ, подала 80 залобъ и все напрасно: меня въ арестанты отправили на 1½ года, а зону въ тюрьму на 4 мѣсяца... Тапераца гдѣ моя зона, дѣти, не знаю; всѣ 23 года службы пропали и езели Богъ помозетъ виду живой отсюда—опять служить послють, подѣ начальство къ рекрутамъ, они будутъ звать «рестантскій лобъ», придется молчать, или второй разъ въ роту...

— А по мнѣ хотъ 30 разъ пускай шлютъ, служить не стану, солдатомъ быть не хочу: надоѣло.

— Отчего-же тебѣ надоѣло?

— Потому воли хочется, а ее мнѣ никто не даетъ. Мнѣ хочется жить по своему—а всѣ заставляютъ жить по ихнему. Когда это мнѣ противно, особливо солдатство.

— Отчего же ты солдатство особенно не любишь?

— Отъ всего. Я жилъ въ Петербургѣ у золотыхъ дѣлъ мастера подмастерья. Пропали у него 58 рублей, подозрѣнїе пало на меня. Меня посадили въ тюрьму, в, хотъ я правда и взялъ деньги,—но прокутивши ихъ, не сознался. Однако что-же сдѣлалъ со мной хозяинъ? Онъ упрости общество сдать меня въ солдаты за его семью, заплатилъ за квитанцію 465 рублей, по-просту общество продало, а хозяинъ купилъ меня, человѣка!.. Горько это мнѣ показало, я былъ еще мальчишкой, напился, съ досады, сталъ шутить, бѣжалъ со службы, поймали, отодрали и этимъ разомъ вдосталь порѣшили со мной: я рѣшительно поклялся не служить и хотъ бы изъ меня жилы тянули, хотъ бы меня маленькимъ желѣзомъ жгли—сдержу это слово... Я 4 раза ужъ бѣгаю и стану продолжать это дѣлать до-тѣхъ-поръ, откуда или не освободятъ меня, или не сошлютъ въ ка-

торгу, или не разстрѣляютъ. Да и иначе нельзя: вернулся я, напр. послѣдній разъ въ полкъ въ одной рубашкѣ: другую пропиль. Прошу фельдфебеля дать другую — молчить, ротнаго — распекаетъ, а баталіонный командиръ — драть. Что же это такое? Стоить-ли служить по-пустому? Нѣтъ и нѣтъ!

— Полно тебѣ упорничать по пустому: сила солому ломить, заговорилъ пожилой, величавой наружности арестантъ. Упорство дѣло дрянъ, это я по себѣ знаю.

— Стало быть убѣдился, что оно ведетъ только къ худшему?

— Вѣрно-съ. Я служилъ ундерцеромъ въ Измайловскомъ полку и былъ у начальства на хорошемъ счету. Пошли, мы, въ 1863 году, въ Польшу. Мятежъ кончился и мнѣ шибко пондравилась одна полька; бравая такая, папенька, кровь съ молокомъ, глаза точно смоль, черныя, жгучія, говорить какъ по писанному, одно слово образцовая дѣвка. Денегъ я имѣлъ почитай тысячу рублей. Жили мы въ одномъ домѣ. Думалъ я, думалъ какъ мнѣ со своимъ сердцемъ быть — надрывается: шибко ужъ очень втрескамшись былъ въ польку, а она не поддавалась и за деньги. Вотъ я разъ и говорю ей: хочешь за меня за мужъ? хочу, говоритъ. Я къ ротному командиру, тотъ отговаривалъ, да не могъ и доложить баталіонному. Полковникъ тоже отсовѣтывалъ, говоритъ: «вотъ тебѣ на выборъ: или фельдфебелемъ сдѣлаю, въ офицеры, потомъ, произведу, или женись и солдатомъ навсегда останешься». Ну и женился, пожили мы въ ладахъ всего-то съ мѣсяцъ, а тамъ жена отъ меня тягу, да и деньги всѣ захватила съ собой. Я въ розыскъ, нашелъ ее — съ поляками валандается, притащилъ домой, задалъ ей взлупку и думалъ на томъ покончить, анъ нѣтъ — опять удрала. Я въ ней души не чаялъ и съ горя зашилъ, зашилъ безъ просына, буянилъ и попалъ въ прежнюю арестантскую роту на 2 года. Годъ пробылъ,

заработать порядочно денегъ: я знатный сапожникъ и отъ другаго года откупился чрезъ писарей, вышелъ въ армію, сталъ служить хорошо. Ну и простили мнѣ штрафъ. Тутъ одинъ баринокъ дознался про мои деньги и занялъ у меня 400 рублей. Вышло мнѣ, наконецъ, въ безстрочный ѣ я за два дня до отправки къ нему: пожалуйста молъ долгъ мнѣ: на дорогу надо. «Какой, говоритъ тебѣ, арестантская морда, долгъ? Я, говоритъ, тебя каналья, мерзавецъ опять въ арестанты упеку». Кричалъ это онъ на меня при товарищакъ. Росписки у меня отъ него никакой не было: на честное, барское, слово давалъ—помѣщику. Меня это такъ разобидѣло, что я пошелъ прямо въ корчму, выпилъ съ товарищами, напился, ушелъ къ дѣвкамъ, прокутилъ тамъ все, что имѣлъ, перебилъ всѣхъ, кто мнѣ попадался на встрѣчу, пропадалъ 2 недѣли, отыскался, надѣлалъ дерзостей офицеру и вернулся сюда на 5 лѣтъ.

— Отчего же ты не удержался эти два послѣднихъ хоть дня?

— Такая ужъ скверная, дикая натура у меня. Какъ меня разобидать, такъ я звѣремъ дѣлаюсь. Намъ, русскимъ, и въ арестантахъ жить, впрочемъ, еще можно; а вотъ евреямъ, и особливо татарамъ съ Кавказа — точно бѣда: языкъ нашъ мало понимаютъ, пищи нашей не ѣдятъ: вѣра запрещаетъ; къ строгостямъ не привычны, къ работамъ тоже, потому дома у нихъ всяческая свобода, ну и таютъ, бѣдняжки, точно воскъ... Вонъ пригнѣрно татаринъ въ углу стоитъ, тихій такой, что и воды не замутишь, а осужонъ въ роту за убійство, да идучи сюда дорогой его самого чуть не уволокли солдаты конвоя. Говорятъ князь и богачъ.

— Вы давно съ Кавказа? спросили мы указанного.

— Годы четыре. Кавкасъ?.. О, моя родина... Глаза его замскрелись отъ удовольствія.

- Остались у васъ на Кавказѣ родине?
- О — о!.. Отыць, цытыры брата, скоть, много скоть, садовъ, хорошъ хозяйство... О аллахъ!..
- Шамя вы знали?
- О-о-о!.. Мы гуньбъ барайтъ.
- А слышали вы, что онъ умеръ?
- Наусто?..
- Да, умеръ, въ Меккѣ, съ годъ тому назадъ.
- Въ Мекку? Какъ Шалымъ попадайтъ Мекку?
- Его уволили туда на поклоненіе Гробу Магомета.
- Карсо, карсо... Спасмбо, спасмбо за вѣсть...
- А за что вы сосланы?
- Чечынецъ порыгайтъ, ударайтъ мой бокъ саско. Мн-мо. Я кынсаль ударайтъ, отсыкъ лажко, сплоховайтъ.
- Васъ, говорятъ, гдѣ-то дорогою чуть не убили; правда-ли это?

— Истинно. Катеринславъ саболылъ, отыслалъ болница. Солдатъ взаль 10 копѣекъ принести табакъ, не прынось. Сказаль: пуду салытса. Онъ нацалству сказаль-было, я круска его вбытъ. Меня схватать, 50 розга и острогу полосытъ... Я поялся, сапыртъ косымать нутра рубаску. Рядомъ сидѣли тва малцыка, задралыся. Сумъ. Конвойны офи-серъ, солдаты мой камора, отпырытъ. Я не отпырайтъ боялся выдрать будетъ. Оны пафъ, пафъ, пулы, срывали тверъ, были русьями проколотъ сывотъ скросъ стыкомъ...

Изъ прочтеннаго нами дѣла о немъ, мы узнали, что онъ дворянинъ Бекъ-Ахметъ-Ханновъ 30 лѣтъ, за покушеніе убить старшину аула, при исполненіи тѣмъ служебныхъ его обязанностей, былъ, въ 1867 году, приговоренъ въ Брестъ-Литовскую военно-исправительную роту на 5 лѣтъ, съ тѣмъ, что если онъ хорошо поведетъ себя — по минованіи срока возвратитъ его на родину, въ противномъ же случаѣ — от-

править въ Сибирь, на поселеніе. Далѣе онъ, идучи по этапу, остановился, за болѣзнію, въ Екатеринославѣ, въ замкѣ, гдѣ въ ночь на 26 Іюля 1868 года, среди арестантовъ произошелъ бунтъ и конвойные стали усмирять ихъ штыками, причемъ прокололи Ханнову животъ. Затѣмъ онъ же былъ преданъ суду по обвиненію въ сопротивленіи караулу; но новый военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло 18 марта 1871 года оправдалъ Ханнова, а о противозаконныхъ дѣйствіяхъ караульнаго офицера поручика Яковлева постановилъ: передать на обсужденіе подлежащаго начальства. Такъ что Ханновъ пробылъ, остановленный для сужденія, въ Екатеринославѣ 2 года, 7 мѣсяцевъ и 22 дня; о зачетѣ какого времени въ срокъ его заключенія въ законѣ не предусмотрено, поэтому начальство роты полагало сдѣлать объ этомъ особое представленіе установленнымъ порядкомъ.

Х.

Однажды мы, по заведенному порядку, бесѣдовали въ офицерской компаніи о положеніи ротъ.

— Знаете-ли отчего въ другихъ исправительныхъ ротахъ не совсѣмъ-то клентся? спросилъ насъ полковникъ. Оттого, что эти роты слѣдовало бы подчинить одному, напр. Главному Тюремному Комитету, а не такъ, какъ теперь—онѣ состоятъ въ вѣдѣніи этого Комитета, Главнаго Штаба, командующаго войсками, начальника мѣстныхъ войскъ, да комендантовъ, какъ начальниковъ крѣпостей и какъ предсѣдателей мѣстныхъ тюремныхъ комитетовъ, а у семи нянекъ, дитя, какъ говорится, всегда безъ глазу.

— Полки состоятъ подъ начальствомъ еще большаго числа инстанцій и тѣмъ не менѣе въ нихъ все обстоитъ

благополучно; ради чего же полагаете, собственно исправительныя роты выдѣлить изъ общаго порядка подчиненности?

— Да эти роты далеко, кажется, не то, что простыя войска, поэтому и заведѣваніе ими должно бы сосредоточить въ однихъ рукахъ, чтобы всѣ они имѣли однообразное, стройное направленіе, тогда какъ разные инспекторы, и особливо незнакомые близко съ наукою исправленія, — держатся разныхъ же взглядовъ на роты, требуютъ отъ нихъ различныхъ, иногда одно другому противорѣчащихъ дѣйствій.

— Мысль эта совершенно вѣрная; подхватилъ капитанъ. Я былъ членомъ ревизіоннаго комитета въ двухъ ротахъ и покуда дознался въ чемъ суть — потратилъ много времени, а потомъ перечитывая дѣла, журналы, приказы и проч. былъ удивленъ тѣмъ, что инспектировавшіе роты во многомъ не были солидарны между собою. Такъ, они отъ ротнаго начальства требовали: одинъ — чтобы всѣ, безъ исключенія арестанты учились грамотѣ; другой — чтобы грамотой занимались только молодые, а третій — желалъ замѣнить грамотность гимнастикою, фронтовою выправкою, на томъ основаніи, что арестанты, будущіе — не учителя, а солдаты и грамотность для нихъ роскошь. Учить грамотѣ одинъ настаивалъ по новѣйшей методѣ Столыпнскаго, другой смотрѣлъ на эту методу съ предубѣжденіемъ, какъ на что-то анти-религіозное и предпочиталъ учить по старомоднымъ букварямъ св. Синода, а третій не обращалъ никакого вниманія ни на какую методу. Потомъ, одинъ восхищался чистотою и опрятностію въ зданіи, находя, что это приучить арестантовъ къ порядку, къ чистоплотности; другой считалъ эту чистоту вредною, потому что въ солдатскихъ казармахъ не было и половины той чистоты и опрятности, какая была въ ротѣ; отсюда онъ выводилъ заключеніе, что солдаты, чтобы приобрѣсть этотъ комфортъ

будутъ *нарочно* совершать преступленія, чтобы попасть въ роты, а третій въ этомъ вопросѣ оставался совершенно нейтральнымъ, т. е. ни за, ни противъ чистоты. О нравственности арестантовъ одинъ судилъ по ихъ выправкѣ, по доброму виду, доказывалъ, что малограмотные унтеръ-офицеры должны знать насквозь каждого арестанта ихъ капральствъ, произносили имъ, высокопарнымъ слогомъ, длинныя рѣчи объ ихъ обязанностяхъ; рѣчи, которыхъ никто изъ его слушателей, разумѣется, не понималъ; другой считалъ нравственными всѣхъ тѣхъ арестантовъ, которые не попадались въ ротѣ, въ проступкахъ, а третій даже не здоровался съ арестантами, считая ихъ недостойными привѣтствія. Въ наказаніе одинъ приказывалъ держать арестантовъ въ карцерахъ, розогъ не употреблять и на куреніе ими табакъ смотрѣть снисходительно; другой признавалъ нужнымъ заставлять провинившихся больше работать, отдавать имъ срокъ выхода изъ роты, а за куреніе взыскивать съ нихъ наизощрающимъ образомъ, т. е. соединять заключеніе въ карцеры съ розгами и съ задержаніемъ лишняго времени въ ротѣ, такъ какъ куреніе, по его мнѣнію, верхъ безнравственности: человеку надо прежде достать денегъ, а какъ негдѣ, — значить что-нибудь украсть, потомъ подговорить кого-нибудь купить табакъ, хранить его и тѣмъ самымъ подстрекать другихъ на проступки; третій же видѣлъ въ карцерахъ—мѣсто отдохновенія, въ отдаленіи срока заключенія—способъ уклоняться отъ тяжелой, сравнительно съ ротной, полковой службой, а потому приказывалъ всѣхъ и за все безъ изъятія драть розгами. Какъ же, спрашивается, оставалось поступать начальству ротъ, при столь рѣзкомъ разномысліи инспектировавшихъ роты? Начальство во-1-хъ, одинаково зависѣло отъ всѣхъ, во-2-хъ, само ни обладало ни точными знаніями предмета, ни даже общимъ образованіемъ. Мало того: одинъ, напр.,

инспекторъ писалъ въ штрафномъ журналѣ «наказанія налагаются слабо», а другой «наказанія опредѣляются не соотвѣтственно проступкамъ», т. е. слабо-ли или сильно—догадывайтесь сами. Ну и по-неволѣ въ дѣйствіяхъ ротнаго начальства виднѣлся какой-то сумбуръ. Все это, безъ всякаго сомнѣнія, устранилось бы, ежелибъ начальство подчинялось одному учрежденію, однимъ лицамъ, которыя давали бы тонъ, направленіе.

— А отчего же скажите, господа, пожалуйста, въ ротѣхъ нѣтъ образованныхъ офицеровъ?

— Да во-1-хъ, отъ причинъ, вамъ, сейчасъ, капитаномъ, представленныхъ, заговорилъ поручикъ, т. е. идти служить туда, гдѣ не разберешь какъ за что взяться — не резонъ; во-2-хъ, оттого, что въ случаѣ надобности въ перемѣнѣ службы не скоро ее найдешь: изъ арестантской роты рѣдкій полкъ возьметъ офицера, вслѣдствіе, правда, пустаго предразсудка, но предразсудка, къ сожалѣнію, вѣрнѣе существующаго у насъ. Наконецъ, въ-3-хъ, кому изъ офицеровъ надѣло, или трудно, по семейнымъ, напр., обстоятельствамъ, оставаться во фронтѣ—тотъ можетъ пристроиться въ какомъ-нибудь штабѣ, въ судебномъ и въ особенности въ интендантскомъ вѣдомствѣхъ. Я налегаю особенно на интендантство потому, что въ этомъ вѣдомствѣ не требуется даже и образованія. Прежде, я помню, управлявшіе комиссаріатскими, провіантскими комиссіями, ихъ помощники, члены, смотрителя сортовъ, магазиновъ, — всѣ были чиновники, а нынче не только всѣ эти мѣста, — но даже должности чиновниковъ для усиленія, или для увеселенія, какъ они называются, — вездѣ офицеры, изрядно обезпеченные: послѣднія, такъ сказать, спицы въ колесницѣ, чиновники для увеселенія получаютъ больше 1,000 рублей въ годъ, — прапорщикъ не меньше армейскаго майора.

— Оттого-то въ арміи постоянно и не достаетъ офицеровъ, молвилъ полковникъ, а недостатокъ этотъ чувствительно отражается на самой нашей службѣ и поселяетъ въ насъ зависть къ разнымъ смотрителямъ складовъ, магазиновъ, не говоря ужъ о завѣдывающихъ напр., обмундировальными мастерскими. Да это и естественно; здѣшній, положимъ, хозяинъ мастерскихъ полковникъ получаетъ до 4,000 рублей въ годъ, въ дѣйствіяхъ своихъ совершенно самостоятеленъ, а я, полковникъ же, гораздо старше его, и въ службѣ, и въ чинѣ, полковой командиръ не получу и 2,000 рублей въ годъ, кругомъ въ подчиненіи, въ зависимости, да и разныхъ строевыхъ, комисаріатскихъ, провіантскихъ и проч. книгъ, бумагъ ежедневно подписываю врядъ-ли меньше его.

— На все это я, господа, скажу вамъ, что въ Петербургѣ разсматривается вопросъ о томъ, чтобы военные чины больше ужъ не занимали нестроевыхъ должностей, такъ что всякій, кто захочетъ служить въ какой-нибудь мастерской — долженъ будетъ переименоваться въ соответствующій гражданскій чинъ.

— Вотъ это дѣльно, хорошо; пусть, по-крайней-мѣрѣ, хоть скинуть долой нашъ мундиръ всѣ господа, желающіе сидѣть въ кабинетахъ, канцеляріяхъ, мастерскихъ, магазинахъ, сортахъ и имъ подобныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, эта мѣра удержитъ многихъ, особливо молодыхъ офицеровъ во фронтѣ, значить намъ легче будетъ.

— Вернемтесь, однако, господа, къ предмету нашего разговора, отъ котораго мы уклонились — къ ротамъ. Насколько вы вникаете въ солдатскій бытъ?

— На столько, на сколько это возможно, отозвался капитанъ. Мы, напр., знаемъ, кто изъ нашихъ солдатъ какого поведенія, способностей по фронту, по грамотности и это намъ кажется довольно; довольно не потому, чтобы мы лѣни-

лись глубже изучагь ихъ,—повѣрьте чести нѣтъ,—а просто потому, что солдаты не любятъ, чтобы офицеры интимничали съ ними, и, добавлю, терпѣть не могутъ тѣхъ изъ насъ, которые рѣшаются лѣзть въ ихъ внутренній міръ, въ душу къ нимъ. Серьезность обращенія, краткость объясненій и безпристрастіе вполнѣ ихъ удовлетворяетъ. Я знаю, напр., маіора, который въ свою бытность ротнымъ командиромъ, не прощалъ никогда никакого солдатскаго проступка, даже билъ многихъ, подѣ горячій часъ, собственноручно,—но солдаты были безъ ума отъ него, и отчего бы вы полагали? Оттого, что застѣгла кого-нибудь, положимъ, нужда въ рублѣ, обидѣлъ кого-нибудь унтеръ-офицеръ, фельдфебель—онъ идетъ прямо къ ротному, въ полной увѣренности, что онъ ему поможетъ, что онъ его защититъ.

— Но такой способъ нарушалъ вѣдь нѣкоторую долю дисциплины? рядовой долженъ жаловаться чрезъ своего капральнаго, фельдфебеля, а не прямо ротному?

— Это вѣрно: но въ то же время это маленькое отступленіе обезпечивало безусловно справедливость и за это никто насъ не упрекнетъ.

— Дальше-съ. Унтеръ-офицеры и солдаты живутъ въ казармѣ, на сколько мнѣ удалось узнать,—совершенно одинаковою жизнію, т. е. въ однихъ и тѣхъ же комнатахъ спать, одно и то же ѣдятъ, располагаютъ, какъ въ имущественномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи одинаковымъ достоинствомъ, со двора ходятъ съ рядовыми вмѣстѣ, ведутъ съ ними дружбу, выпиваютъ вмѣстѣ и т. п., а при такомъ порядкѣ вещей столкновенія, иногда, просто, вѣдь, неустранимы? Между тѣмъ, я видѣлъ въ исправительныхъ ротахъ много арестантовъ, сосланныхъ туда за оскорбленіе унтеръ-офицеровъ. По этому не слишкомъ-ли ужъ сурово такое наказаніе?

— Это зависитъ оттого, замѣтилъ все время молча слу—

шавній маіоръ, какъ смотрѣть на дѣло. Съ одной стороны,— при маломъ развитіи нашихъ солдатъ,—ссылка въ исправительную роту, рядоваго за то, напр., что онъ поколотилъ, въ корчмѣ, унтеръ-офицера, какъ это случалось,—наказаніе, разумѣется, наистрожайшее: прежняя служба рядоваго вся пропала, а это ужасно ихъ мучаетъ,—но съ другой стороны наказанія только вѣдь и поддерживаютъ дисциплину, безъ которой войско существовать не можетъ. А какъ рядовой всегда долженъ помнить чинопочитаніе, стало быть иначе ничего и не подѣлаешь, тѣмъ болѣе, что это по закону, а законы мы не сочиняемъ, а только исполняемъ безъ всякихъ разглагольствованій.

— Мнѣніе, ваше, маіоръ, съ пропускомъ, поправилъ капитанъ, а пропускъ тотъ,—что подѣ судѣ отдаемъ за подобіе, сказанному, проступки не всякаго рядоваго заурядъ, а только такихъ, которые ужъ рѣшительно отъ рукъ отбились, слѣдовательно послѣдній его проступокъ увлекаетъ его подѣ наказаніе и за всѣ предшествовавшіе проступки, т. е. одинъ дается ему отвѣтъ за семь бѣдъ.

— У насъ въ полку, случилось, извините, не такъ, какъ у васъ въ артиллеріи, возразилъ маіоръ, а именно, какъ я говорю. И это оттого, думаю, что сочиняютъ приказы не со всѣми опытные господа.

— Не намъ ли ужъ предоставить это занятіе? подтрунилъ капитанъ.

— Нѣтъ-съ, я далеку отъ этого желанія, а полагаю, что еслибъ, въ важныхъ хоть только случаяхъ, спрашивали нашего мнѣнія, то мы бы пользу принесли: зная солдатскій бытъ по практикѣ—мы могли бы дать такіа свѣдѣнія, чрезъ которыя правильно разрѣшались бы многія затрудненія.

— Я присоединяюсь къ мнѣнію маіора и вотъ почему, произнесъ полковникъ. Я, положимъ, полковой командиръ,

долженъ сознаться, положительно не въ силахъ знать всѣхъ солдатъ полка. Вдругъ ротный командиръ подаетъ мнѣ рапортъ о преданіи суду солдата, за извѣстный проступокъ. Проступокъ, вижу я, не очень важенъ и разсуждая, что можно бы поступить иначе — зову ротнаго командира, высказываю ему свою мысль и коли онъ сговорчивый человекъ — улаживаемъ дѣло. Но бываютъ такіе ротные командиры, которые нерѣдко принимаютъ совѣтъ за личное оскорбленіе, полагая, что я, напр., прохаживаюсь на счетъ незнанія ими служебныхъ ихъ обязанностей и наставляютъ на своемъ, въ ущербъ себѣ же: чѣмъ больше судится солдатъ изъ роты, тѣмъ неблагопріятнѣе является мнѣніе объ ея командирѣ. Тогда предоставляю суду разобрать дѣло, чтобы остаться нейтральнымъ. Что такое дисциплина, какъ широки ея предѣлы — объ этомъ нѣтъ, къ сожалѣнію, никакой обстоятельной книги. Оттого во всякомъ солдатскомъ проступкѣ непременно замѣшивается доля нарушенія дисциплины, а какъ она душа войска, — то наказанія, случается, получаютъ характеръ суровости. Я не могу, напр., подписать ни одного приказа объ отдачѣ подъ судъ солдата за промотаніе казенной вещи безъ боли въ сердцѣ, а дѣлать нечего — подписываю: законъ.

— Не является-ли въ васъ жалость, потому что вы смотрите на такія дѣла съ экономической точки зрѣнія?

— Совершенно вѣрно. Времена нынче такія, что только курицы не пьютъ, а люди всѣ грѣшны. Вотъ солдатъ зашелъ въ корчму, — а ихъ въ этомъ краѣ пропасть, — выпилъ рюмку, другую и охмѣлѣлъ, а жида, пользуясь его слабостью, не задумываются снять съ него не только шинель, но даже кепи, которая ни на что ужъ имъ негодна. Потомъ, денегъ выкупить вещь у него не хватило и онъ или является въ роту и подвергается дисциплинарному взысканію, или если онъ совѣстливый, либо въ особенности бывалъ на замѣчаніи —

скрывается на нѣсколько дней и тогда очутился подъ судомъ, а тамъ и въ исправительной ротѣ. Солдаты, судя по наблюденіямъ, всего больше жалѣютъ такихъ товарищей и всегда готовы изъ своихъ крошечныхъ средствъ исправить утраченныя вещи, точно также, какъ мы, офицеры, при промотаніи нашимъ братомъ казенныхъ денегъ,—стараясь пополнить ихъ въ складчину, и тѣмъ самымъ избавить виновнаго отъ тяжелыхъ послѣдствій.

— Какъ же при такихъ оказіяхъ быть?

— Этотъ законъ нѣсколько бы видоизмѣнить, произнесъ капитанъ, т. е. сдѣлать напр. такъ: за промотаніе *оружія* судить настоящимъ порядкомъ, а за *одежду, обувь*—предоставить взыскивать дисциплинарнымъ порядкомъ, да исправлять вещи на счетъ артельныхъ денегъ виновнаго; а буде у него ихъ нѣтъ—заставить его заработать стоимость вещи; это тѣмъ болѣе возможно, что вся солдатская обмундировка стоитъ, по казенному расчисленію, не болѣе 10 рублей; а утрачиваются обыкновенно только отдѣльные предметы и всего чаще башлыки, старые мундиры, сапожный товаръ.

— Стоящія каждая не больше, кажется, рубль?

— Да. Между тѣмъ за это солдатъ лишается нашивки, а нею службы, отправляется въ исправительную роту на годъ, на два...

— Не подумайте однако, что такая участь постигаетъ каждого, нѣтъ — она выпадаетъ на долю предпочтительно, повторяю, только окончательно дурныхъ поведенію солдатъ.

— Но вѣдь можетъ, при случайныхъ, неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, распространиться и на сноснаго вообще человѣка?

— Разумѣется: грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ.

— А такъ какъ лучше десятихъ виновныхъ простить,

нежели одного невиннаго наказать—то законъ этотъ всетаки ненормальный?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Объ этомъ-то и говоримъ.

Всѣ смолели. Разговоръ послѣ перемѣнился.

БОБРУЙСКАЯ

ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ РОТА.

I.

Изъ Брестъ-Литовска мы отправились въ Бобруйскъ, для выгоды во времени, на перекладныхъ, по старому волинскому шоссе, проведенному почти на 400 верстъ чрезъ сплошной лѣсъ, славившійся еще недавно „шалостями“, а такъ какъ этою дорогою чрезвычайно рѣдко ѣздить и насъ постигли, въ пути, приключенія, то не совѣтуемъ путешествовать, по этому тракту одному, и въ особенности безъ оружія. Днемъ иногда еще попадаютъ, впрочемъ, мелкіе этапы, которые тоже наводятъ уныніе.

Такъ, мы встрѣтили трехъ солдатъ, ведшихъ закованныхъ въ наручники 3-хъ мужчинъ и 2-хъ женщинъ; всѣ они были одѣты въ лохмотья, а у одного изъ сапогъ торчали пальцы, тогда какъ на дворѣ были заморозки и рѣзкій вѣтеръ.

— Подайте, сударь, христа-ради, хоть три копѣйки, обратился къ намъ оборванный.

— Почему именно 3 копѣйки?

— На чарку, значить, ваше степенство, водки, вмѣшался конвойный. Потому стужено, да и вѣтеръ боковой, ну такъ штобъ не замерзъ. А коли, ежели этакій грѣхъ случится и мнѣ бѣда—а чѣмъ, скажите на милость, я тутъ виноватъ, коли ему не дали казенныхъ вещей? На родину, говорятъ, идешь судиться, тамъ, пускай, тебя и одѣваютъ... Пожалѣйте, баринъ, хоть меня-то, подарите ему что-нибудь.

Мы дали, что могли, и партія направилась прямо къ корчмѣ.

— И намъ поднеси, смотри, Ерофенчъ, водки! не то просили, не то требовали арестантки.

— Сами можете достать, отвѣтилъ имъ мужской голосъ, кажется, арестанта.

— Да гдѣ и какъ достать?

— Не будешь глуха, въ корчмѣ кто-нибудь дастъ... Неужто не понимаешь?

— И то правда: не съ жиру бѣшусь, а штобъ живой остаться.

Въ Бобруйскъ мы прибыли подъ вечеръ, устроились, отдохнули и въ 6 часу слѣдующаго утра ужъ были на улицѣ—искали знакомства; встрѣтили офицера, заговорили съ нимъ о постороннихъ предметахъ; потомъ свернули, незамѣтно, на исправительную роту.

— А вы по какому, извините нескромный вопросъ, случаю пріѣхали сюда? Не по постройкѣ-ли будущей желѣзной дороги?

— Отгадали. Мнѣ нужно развѣдать: можно-ли найти здѣсь рабочихъ, т. е., нельзя-ли, напримѣръ, будетъ употребить на стилку полотна арестантовъ здѣшней исправительной роты?

— Познакомьтесь съ начальствомъ роты, предложите

ему *отодня* условія и достигнете цѣли; арестантовъ дають и на вольную работу.

— Благодарю васъ за совѣтъ, которымъ воспользуюсь сегодня-же.

— Обождите лучше нѣсколько дней, покуда въ ротѣ все приметъ обычный характеръ.

— А развѣ теперь тамъ какая-нибудь суматоха?

— Какъ-же-съ: вчера пріѣхалъ какой-то свитскій, говорятъ, генералъ, а потому тамъ цѣлую ночь водворяли порядокъ, чтобы показать товаръ лицомъ, и теперь не до работъ.

— Да что-жъ начальство генерала, что-ли, не видало, что закопошилось?

— Какъ не видать? многихъ видывали, да этотъ, *переходный въ штатское платье*, не иначе, толкуютъ всѣ, явился сюда, какъ по какому-нибудь важному доносу.

— Сколько лицъ, скажите пожалуйста, начальствуетъ надъ ротой?

— Нѣсколько, и всѣ они ежегодно объѣзжаютъ роты, чтобы ввести въ нихъ пенитенціарную систему, которую одинъ изъ нихъ же, болтають досужіе люди, и выдумалъ; да толку мало: одинъ въ полѣ не воинъ.

— Такъ не онъ-ли и пріѣхалъ-то вчера?

— Нѣтъ: его здѣсь знаютъ въ лицо, а пріѣзжаго никто никогда не видалъ. Кромѣ того, о пріѣздѣ обыкновенныхъ инспекторовъ всегда получается извѣстіе заблаговременно и къ нимъ смотрю готовятся исподволь. Впрочемъ, быть можетъ, реформаторъ пригласилъ кого-нибудь помочь бѣдѣ, и если такъ,—это дѣлаетъ ему истинную честь.

— Вы, хорошо, очевидно, знаете всѣ здѣшніе обычаи, поэтому я рѣшаюсь просить васъ разъяснить мнѣ, хоть впоследствии, кое-что о ротѣ: новыя учрежденія меня вообще интересуютъ.

— Съ удовольствіємъ. Я даже думалъ представиться прїѣзжему и посвятить его во всѣ здѣшнія неурядицы, какія знаю,—да опасаюсь, во 1-хъ, прослыть доносчикомъ, а во 2-хъ, выйдетъ-ли толкъ: прїѣзжій не простой, вѣдь, смертный, а съ такими господами надо быть осторожнымъ...

— Послѣдняго обстоятельства опасаться вамъ кажется, нечего: нынче генералы занимаются дѣломъ, какъ я знаю, весьма добросовѣстно, прїѣзжему правда понравится.

— Да вы, развѣ, его знаете?

— Н-да-съ, немного знаю: мы сюда ѣхали вмѣстѣ. Не измѣните своего обѣщанія, снабдить его *тѣсными* свѣдѣніями о здѣшнихъ порядкахъ — поговорю объ васъ съ нимъ.

— Охотно представлю наиправдивѣйшую лѣтопись мѣстныхъ событій, лѣтопись, которую веду на память, отъ скуки, изо дня въ день, цѣлыхъ три года сряду.

— И прекрасно. А мнѣ, въ видѣ взятки, за представленіе васъ къ нему, сообщите теперь-же хоть что-нибудь любопытное.

— Такъ какъ накрапываетъ дождь и гулять непріятно, а я холостякъ,—то пойдемте лучше ко мнѣ чай пить и я вамъ передамъ кое-что изъ своей лѣтописи.

— Съ удовольствіємъ.

Придя къ нему—мы стали чай пить. Немного погодя, онъ развернулъ толстую тетрадь и сталъ читать, а я, слушая,—отмѣчалъ себѣ, на память, факты. Прошло съ часъ. Я всталъ, чтобъ уйти.

— Когда-же вы меня съ генераломъ-то сведете? напомнилъ онъ.

— Никогда: вы съ нимъ уже знакомы.

— Какъ такъ?

— Очень просто: мнимый генералъ—вашъ покорный слуга.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Честное слово, а если не вѣрите—вотъ вамъ мой документъ.

Онъ прочелъ бумагу и молвилъ: очень радъ: вы мнѣ сразу понравились.

Мы пожали другъ другу руки, опять усѣлись, и такимъ образомъ былъ добытъ ключъ къ самому источнику, изъ котораго мы почерпнули, потомъ, довольно свѣдѣній.

II.

По обнаруженіи приказа по военному вѣдомству о преобразованіи крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ въ исправительныя, въ Бобруйскѣ было на лицо арестантовъ: военно-срочныхъ—1,251, гражданскихъ—50, бродягъ—8, безсрочныхъ—19 и каторжныхъ—35, итого 1,363 человекъ. Жили эти люди въ нѣсколькихъ различныхъ мѣстахъ крѣпости. За сямъ ихъ разсортировали по категоріямъ и почти всѣхъ гражданскихъ отправили въ Сибирь, да въ гражданскія тюрьмы, а оставшихся размѣстили по отдѣленіямъ: 1-е и 2-е—въ одномъ, 3-е—въ другомъ, 4-е—въ третьемъ, а 5-е—въ четверомъ острогахъ крѣпости (послѣднее на кирпичномъ заводѣ) и въ этомъ положеніи рота оставалась до 25 августа 1870 года. Тогда она вновь была пересортирована и размѣщена: всѣ испытуемые—въ заводскомъ острогѣ, а исправляющіеся—во вновь для сего избранную казарму, въ которой до того квартировалъ 118-й шуйскій пѣхотный полкъ, да помѣщались церкви какъ этого, такъ и 117 ярославскаго полковъ и оружейная мастерская бобруйскаго крѣпостнаго полка.

И такъ рота расположена была въ двухъ мѣстахъ. Кирпичный заводъ, на которомъ жили испытуемые, отъ крѣпости въ 4-хъ верстахъ, а за $\frac{1}{4}$ версты отъ него—находилась обнесенная, частоколомъ деревянная, одно-этажная казарма, построенная десяти лѣтъ тому назадъ; жилье по близости казармъ было только въ одну сторону, тоже за $\frac{1}{4}$ версты—форштадтъ. Самая казарма выглядѣла весьма ветхою, въ нѣкоторыхъ углахъ бревна были прогнивши насквозь и подобныя мѣста замазывались, ежегодно, глиною, часто чинились и все напрасно: негодное никакъ не превратишь въ порядочное. Въ этой казармѣ были 4 комнаты, потолки, подпертые въ нихъ столбами, закоптѣли, повыгнулись отъ времени и тяжести насыпанной сверху земли; печки, похожія лишь на изразцовыя, огромной величины, мало держали въ себѣ тепла; въ окнахъ малаго размѣра стекла—потускнѣли; рѣшотки—заржавѣли; сплошныя нары, на которыхъ люди спали—въ 3 комнатахъ были слишкомъ громоздки, въ углахъ комнатъ ощущалась изрядная сырость, особенно усиливавшаяся весною и осенью отъ дождей, слякоти и арестантской, мокрой одежды и обуви: все это просушивали на плечахъ и около печей. На нарахъ лежали днемъ свернутые четырехугольниками постельники, суконныя одѣялы и подушки. Кухня, она же и кладовая, помѣщалась на дворѣ, сзади казармы, въ каменномъ зданіи; тамъ же было деревянное отхожее мѣсто. Карцеровъ при казармѣ не было, а потому провинившихся или пересылали въ крѣпость, или наказывали другимъ способомъ. Верхняя одежда арестантовъ—сѣрые куртки, были съ черными рукавами и такимъ же, на спинѣ, позорнымъ тузомъ; на шапкахъ также черно-сѣрые кресты. Были арестанты въ одной изъ занимаемыхъ ими комнатъ, которая считалась и классомъ.

Исправляющіеся жили въ крѣпости, въ двухъ-этажномъ

и трехъ фасадномъ каменномъ зданіи, обнесеннымъ съ двухъ сторонъ двора высокою, каменною же стѣною. На обширномъ дворѣ, при насъ, прорыты были два колодца, для добыванія воды, для мѣшанія глины, груды кирпича, дерева; почти уже кончилась постройка слесарни, кузницы и бани, въ которой было предположено мыться сразу не болѣе 25 человѣкамъ. Устроена была баня весьма непрактично: всѣхъ арестантовъ, по нормальному штату, въ ротѣ полагается 1,200 человѣкъ. Чтобы это число успѣло, по 25 человѣкъ, пере-мыться и перестираться, какъ въ ротѣ дѣлалось, каждый свое бѣлье, требуется, самое меньшее, по часу на группу, такъ что, если баня будетъ дѣйствовать съ 9 часовъ утра и до 8 вечера—14 часовъ сряду, и тогда перебиваются въ банѣ только 350 человѣкъ въ день, а для всѣхъ понадобится топить ее 3—4 сутокъ непрерывно, что не выгодно: во 1-хъ сожжется лишнихъ 10—15 сажень дровъ, во 2-хъ, уборкою, топкою бани, носкою дровъ будутъ заняты, въ теченіи 3-хъ сутокъ, 30 человѣкъ, которые, при просторной банѣ, могли-бы быть обращены на другое, полезное дѣло. До постройки ротной бани арестантовъ водили въ крѣпостную, за валъ. Въ нижнемъ этажѣ казармы помѣщались мастерскія, кухни, унтеръ-офицерскія отдѣльно отъ арестантской, кладовыя, карцеры, околodокъ, а въ верхнемъ въ одной половинѣ—канцелярія, дежурная комната, въ другой — арестанты, сзади ихъ — унтеръ-офицеры, въ третьей — готовились деревянные каморки для ночныхъ разъединеній, каковыхъ при насъ было готово 242, изъ коихъ по 20—30 будутъ, посредствомъ одного болта, придѣланнаго съ краю, сразу отворяться; тамъ-же, внизу, дѣлались каменные кельи для одиночнаго заключенія, причемъ возведено ихъ было 20; церковь также устраивалась съ хорами. Столовыхъ комнатъ (онѣ же и классы) было двѣ, очень просторныя, вверху, куда носили пищу

въ бакахъ изъ кухни, снизу; это зимой неудобно: повуда ее проносили, чрезъ лѣстницу,—она остивала. Въ казармѣ было нѣсколько совершенно пустыхъ, большихъ комнатъ и одна—рядомъ со столовою. Поэтому полезно было-бы перевести въ нихъ, напримѣръ, мастерскую снизу, а тамъ сдѣлать столовую; классъ же могъ остаться и въ настоящемъ его мѣстѣ, даже и при обращеніи онаго, напримѣръ, въ портняжную.

Въ тѣхъ многихъ жилыхъ арестантскихъ камерахъ, окна коихъ выходили на площадку, къ Михайловскимъ воротамъ, вслѣдствіе отсутствія стѣны, стекла были замазаны известью, отчего въ нихъ господствовалъ полумракъ, вредный для глазъ: люди, по выходѣ во дворъ, терпѣли рѣзкую перемену свѣта, рѣжущую глаза. Кромѣ того, отъ этого, невыдерживающаго критики способа устранить арестантовъ отъ соблазнительныхъ зрѣлищъ, солнце не проникало во внутрь казармы, гдѣ увеличивалась и безъ того существовавшая сырость. Гораздо, кажется, рациональнѣе было-бы придѣлать къ окнамъ, снаружи жестяныя, съ просвѣтами, такъ называемыя, заслонки. Потолки въ нѣкоторыхъ комнатахъ выгнулись, мѣстами, внизъ. Двери, рамы, нары, преимущественно старинныя со штукатурками. Не только въ самыхъ отхожихъ мѣстахъ,—но и въ корридорахъ, и даже въ иныхъ ближайшихъ къ нимъ комнатахъ, воздухъ былъ тяжелый, а въ огромной комнатѣ, гдѣ сидѣли портные, пахло распаренными вѣниками. По изслѣдованіи причины этого послѣдняго явленія, оказалось, что подъ этою комнатою протекали, въ люкъ, нечистоты.

Постельныя принадлежности на общихъ нарахъ были такія-же, какъ и вездѣ. Въ изголовьяхъ каждаго хранились: запасное бѣлье, полотенце, портянки и прочее; но ничего изъ этого имущества не похищалось, увѣряли насъ, потому, что если у одного что-либо пропадетъ—взысканію подвергался весь десятокъ съ ефрейторомъ во главѣ, а такая кру-

говая порука воздерживала, будто-бы, арестантовъ отъ шалостей. Система эта, на нашъ взглядъ, неправильная: 10—15 человѣкъ, пробывшіе цѣлый день въ мастерской, отнюдь не должны отвѣчать за то, что кто-нибудь одинъ заберется въ камеру и украдетъ вещь; это тѣмъ болѣе ненормально, что всѣ новѣйшія законодательства гласятъ, что всякій несетъ кару за свои *личныя* только преступныя дѣянія.

Отоплялось зданіе и освѣщался дворъ, также какъ въ Брестѣ, матеріалами, получавшимися отъ мѣстнаго комендантскаго управленія, что представляло такія-же, какъ тамъ, затрудненія, долженствующія устраниться, ибо занимаетъ много времени и рабочихъ рукъ.

На приспособленіе казармы опредѣлено было первоначально 50,000 руб., изъ коихъ уже отпущено, въ 1870 г., — 10,000 р., въ 1871 г. — 14,000 р. = 24,000 р., оставалось dorасходовать еще 26,000 р., такъ что едва-ли кончатся всѣ работы и въ 1873 году.

III.

Во всѣхъ обозрѣнныхъ нами ротахъ, со времени ихъ открытія, дневное распредѣленіе времени арестантовъ ежегодно утверждалось начальниками мѣстныхъ войскъ; но такъ какъ росписанія эти повсюду игнорировались, то мы *излагали* образъ дѣйствій арестантовъ такимъ, какимъ онъ намъ представлялся въ дѣйствительности. Здѣсь мы встрѣтили совершенно иное. До 8 апрѣля 1871 г., вслѣдствіе неизмѣня общей казармы и соответствующихъ положенію о ротахъ условий содержанія, арестанты ходили, преимущественно, на инженерныя, крѣпостныя лишь работы, а съ 8 апрѣля ротное начальство хотъ и объявило, правда, самимъ имъ соз-

данное распределение занятій, — но самыя занятія производились, все-таки, иначе. Такъ, въ ноябрѣ 1871 г., исправляющіеся вставали въ 5-мъ часу утра, сгонялись въ столовую, съѣдали по куску хлѣба и отправлялись на работу до 11 часовъ; потомъ обѣдали, а пообедавши, — возвращались, чрезъ полчаса, опять на работу до 7; въ это время ужинали, переходили на полтора часа въ классъ, потомъ перекликались въ камерахъ, молились и въ 9 ложились спать. Испытуемые же вставали въ 5, и съ 6 часовъ утра, до 5 часовъ вечера дѣлали и переносили сдѣланные кирпичи, потомъ ужинали, послѣ часа полтора занимались грамотой и ложились спать. Воскресные дни рознились отъ будничныхъ хожденіемъ исправляющихся къ ранней обѣднѣ, дважды въ классъ и на фронтовое ученіе.

Состояло на лицо арестантовъ роты при насъ: испытуемыхъ—158, исправляющихся—237, итого 395 человѣкъ; изъ нихъ занимались по ротному хозяйству или, выражаясь по военному, — было въ расходѣ 52 человѣка. На дневное продовольствіе арестанта полагалось, кромѣ хлѣба: въ обѣдъ—говядины $\frac{1}{4}$ фунта; капусты $\frac{1}{30}$ ведра; муки 5 золотниковъ; луку 1 злотникъ; въ ужинъ: пшена или похлѣбной крупы, $\frac{1}{60}$ гарнца, сала 3 золотника, а въ постъ масла постнаго тоже 3 золотника, и т. п. Со времени преобразованія роты, до 1 мая 1869 г., всѣ, безъ исключенія, съѣстные припасы поставлялись въ роту подрядчиками; съ послѣдняго же времени приобрѣтались говядина, сало, масло постное, снятки, капуста и бураки—чрезъ поставщиковъ, а соль, крупа, горохъ и перецъ хозяйственнымъ способомъ. Огородомъ рота стала располагать только съ 19 апрѣля 1871 года, на за-сѣвъ онаго сѣменами издержано было 63 рубля; а собрано съ него: картофеля 65 четвертей 4 четверика; луку 25 пудовъ; рѣдьки 27 пудовъ, 32 фунта; капусты 563 пуда, 7

фунтовъ; овса 14 четвертей, 4 четверика (лошадей въ ротѣ, замѣтимъ, не было ни одной) и овсяной соломы 3 воза. Горячая пища была значительно лучшая, нежели въ Ригѣ, такая-же, какъ въ Динабургѣ; на ужинъ варили кашницу овсяную, пшеную; да, изрѣдка, горохъ. Хлѣбъ раздавали вѣсомъ: по полъ-фунта — на завтракъ, по полтора фунта — на обѣдъ и по 1 фунту — на ужинъ. Какъ хлѣба, такъ и приварка, положеннаго закономъ, здѣшнимъ арестантамъ положительно было мало: они выскребывали баки до-суха, подбирали всѣ крошки со столовъ, вслѣдствіе особенно трудной, подвижной работы, которою занимались, и о существѣ которой будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ—ниже.

Стоимость арестанта въ годъ, за исключеніемъ отопленія, освѣщенія зданія и содержанія начальства, простиралась въ годъ: на мясныя и рыбныя порціи 10 руб. 23 коп.; мука 19 руб.; крупа 1 руб. 15 коп.; соль 60 коп.; баня, мыло и вѣшники 28¹/₂ коп.; обмундированіе 4 руб. 24¹/₄ к.; обувь 5 р. 30¹/₄ к.; бѣлье: носильное 1р. 52 к.; постельное и полотенца 1 р. 48 к.; освѣщеніе камеръ и лѣстницъ 7 к.; итого 43 руб. 88¹/₄ коп. въ годъ.

IV.

Мастерскія роты открылись еще въ 1868 году, а работало въ нихъ:

	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Сапожниковъ	75 челов.	85 челов.	30 челов.
Портныхъ	67	74	30
Плотниковъ	11	19	6
Столяровъ	16	13	6
Шорниковъ	3	3	—
			20*

Кузнецовъ	14	"	23	"	6	"
Маляровъ	4	"	3	"	—	"
Печниковъ	4	"	10	"	—	"
Слесарей	7	"	12	"	6	"
Бондарей	5	"	11	"	6	"
Пильщиковъ	7	"	27	"	—	"
Колесниковъ	1	"	2	"	—	"
Бѣлильщиковъ	1	"	—	"	—	"
Обойщиковъ	5	"	2	"	—	"
Переписчиковъ	5	"	2	"	—	"
Кровельщиковъ	2	"	4	"	—	"
Позолотчиковъ	1	"	—	"	—	"
Мѣдниковъ	2	"	1	"	—	"
Штукатуровъ	3	"	7	"	—	"
Литографовъ	2	"	—	"	—	"
Токарей	—	"	1	"	—	"

135 челов. 299 челов. 90 челов.

Заработали эти люди на ремеслахъ и по очисткѣ отхожихъ мѣстъ: въ 1868 г. — 366 руб. 8 коп.; въ 1869 г. — 1,758 руб. 62 коп.; въ 1870 г. — 940 руб. 19 коп.; въ 1871 г. — 1,998 руб. Изъ этихъ суммъ: а) истрачено на матеріалы и инструменты въ 1868 г. — 245 руб. $7\frac{3}{4}$ коп.; въ 1869 г. — 813 руб. 86 коп.; въ 1870 г. — 370 руб. $74\frac{3}{4}$ коп., а въ 1871 г. — 246 руб. 10 коп.; б) отчислено въ пользу унтеръ-офицеровъ (офицерамъ не давалось ничего, вслѣдствіе малой цифры заработковъ) въ 1870 г. — 70 руб. 46 коп., да арестантамъ: въ 1868 г. — 32 руб. $9\frac{1}{2}$ коп.; въ 1869 г. — 94 руб. $74\frac{3}{4}$ к.; въ 1870 г. — 34 руб. 69 коп.; въ 1871 г. — 199 руб., причемъ на долю каждаго причиталось заработка: въ 1869 г. — по 70 коп., съ дробью; въ 1870 г. — до 12 коп.; въ 1871 г. —

по 2 руб. 21 коп. съ др. Затѣмъ ротѣ пришлось барыша: въ 1868 г.—88 руб. 90³/₄ к.; въ 1869 г.—850 руб. 1¹/₄ коп., въ 1870 г.—464 руб. 29¹/₄ коп.; въ 1871 г.—1,552 руб. 90 коп., а за всѣ года вмѣстѣ—2,956 руб. 11¹/₄ к. Кромѣ того, заработано арестантами, приспособившими зданіе роты: въ 1870 г. *)—до 3,600 руб., такъ что общій итогъ выгоды простирается до 6,556 руб. 11¹/₄ к. Посвящавшимъ-же свой трудъ инженерному вѣдомству, въ теченіи годовъ: 1868—6,935; 1869—до 400, 1870 г.—до 316 чел. въ годъ, а въ 1871 г. по 25 чел. въ день—вознагражденія опредѣляемо не было.

Вопросъ о плохомъ развитіи мастерскихъ и малыхъ арестантскихъ заработкахъ разъясняется вотъ какими причинами. До 25 августа 1870 г., рота была разбросана въ нѣсколькихъ казармахъ, гдѣ невозможно было организовать работы на правильныхъ началахъ; потомъ по 1872 г., включительно большинство арестантовъ продолжали работать инженерному вѣдомству—кирпичъ для крѣпостныхъ надобностей, все это время бесплатно. Далѣе, Бобруйскъ отстоитъ отъ всякаго центра производительности на значительномъ разстояніи: отъ Бреста—400, отъ Витебска 400, отъ Вильны—до 500 верстъ, все по *сухотпутной*, замѣтите, дорогѣ, отчего рота не располагала возможностью пріобрѣсть хоть сколько-нибудь выгодныхъ гуртовыхъ заказовъ; окрестные жители—крестьяне, не нуждаются въ чужомъ трудѣ; самый-же Бобруйскъ населенъ 22,000 бѣднѣйшихъ евреевъ, которые, будучи мастерово-

*) Сколько заработали въ 1871 г. неизвѣстно; но арестантамъ плотникамъ, столярамъ, не входившимъ въ число показанныхъ янше въ таблицѣ выдано, въ этомъ году 583 р. 53 к.

умѣвшихъ читать и
писать 68 » 108 » 96 » 264 » 536 »

Третьяго разряда,
умѣвшихъ только чи-
тать 152 » 106 » 140 » 335 » 733 »

Четвертаго разря-
да, учившихся читать. 865 » 185 » 440 » — » 1490 »

Пятымъ разрядомъ
назывались вовсе не-
грамотные . . . 185 » 558 » 344 » 487 » 1232 »

Не училось грамотѣ въ 1871 г. стариковъ 26; горцевъ 12; тупыхъ 6 и больныхъ 7 чел., а въ числѣ, показанныхъ въ первомъ разрядѣ было учившихся: въ гимназіяхъ—2; въ духовныхъ семинаріяхъ 12; въ училищахъ: уѣздныхъ—20; военныхъ—7; приходскихъ 16 и для бѣдныхъ дѣтей въ Петербургѣ—2 чел.; итого 59 чел. хорошо грамотныхъ.

Въ 1871 г. на обученіе грамотности полагалось, по распредѣленію времени, 1½ часа въ сутки *вечеромъ*. Исправляющіеся учились въ двухъ отдѣльных, просторныхъ, классныхъ комнатахъ (онѣ-же и столовые), а испытуемые въ маленькой столовой, да въ камерахъ, на нарахъ и возлѣ нихъ. Въ классахъ исправляющихся висѣли на стѣнахъ простаго издѣлія картинки изъ св. писанія и двѣ-три географическія карты, но и эти предметы убирались на время ревизіи роты: они считались излишнею роскошью, для арестантовъ не подобающею, какъ передавали намъ изъ вѣрнаго источника. Училъ, по методамъ Столпянскаго и Корфа, священникъ съ помощію грамотныхъ арестантовъ; въ праздничные дни учились днемъ. Такъ какъ разряды расположены были въ разныхъ мѣстахъ, то священникъ являлся поочередно одинъ вечеръ къ испытуемымъ,—а другой—къ исправ-

ляющимся; когда-же онъ отсутствовалъ—учили арестанты, подъ надзоромъ очень стараго лѣтами и познаніями офицера... Учителя-арестанты никакими привилегіями за обучение здѣсь также не пользовались. Кромѣ того арестанты употреблялись на тяжелыя работы: напр. испытываемые та-скали, цѣлые дни, кирпичи, а до половины исправляющихся—землю, бревны и проч.,—всѣ подъ открытымъ небомъ; возвращались они въ казармы вечеромъ, нерѣдко, въ мокрой одеждѣ, просушить ее тотчасъ негдѣ и некогда было, такъ какъ ихъ посылали: испытываемыхъ—ужинать и послѣ въ классъ, а исправляющихся, проголодавшимися,—прямо въ классъ. Все это въ совокупности вело къ тому, что одни—вовсе не выказывали успѣховъ въ грамотности, а другіе съ трудомъ выучивались азбукѣ въ 5—7 мѣсяцевъ. Порядочно же читать и сносно хотя понимать прочитанное—не меньше какъ въ теченіи года.

— Что ты такое читаешь, любезный? спросили мы одного изъ такихъ учениковъ.

— Священную исторію-сь.

— Почитай-ка въ слухъ нѣсколько строкъ.—Онъ исполнилъ.

— Понялъ-ли ты, о чемъ именно читалъ?

— Кое-что понялъ, точно такъ-сь...

— Такъ Расскажи-же своими словами.

— Слушаю-сь. Евреи шли изъ халдейской въ ханскую землю.

— Какая это была халдейская земля?

— Жидовская, да татарская.

— А ханаанская чья?

— Русская.

— Зачѣмъ-же евреи шли оттуда?

— Искать помѣщенія.

— Развѣ имъ негдѣ было жить?

— Они, знаете-ли, хотѣли поселиться безпремѣнно вмѣстѣ, въ *казармѣ*, ну и потащились въ Рассею: у насъ всегда было много казармъ.

Писали всѣ исключительно грифелями на аспидныхъ доскахъ. Намъ показывали, какъ величайшую рѣдкость, двухъ арестантовъ, въ два мѣсяца научившихся читать.

— Ты можешь быть еще до поступленія сюда знать грамотѣ, да сказывался незнающимъ, какъ многіе дѣлаютъ, чтобы присмотрѣться впередъ къ порядкамъ, или чтобы потомъ сразу добиться вниманія начальства?

— Ни, Боже мой. Я не зналъ даже какая цифра на столбовой верстѣ что означаетъ. Всему выучился здѣсь; а бы можешь еще лучше читать, да глаза плохо видятъ.

— Отчего?

— Да отсиѣлъ мѣсяцъ въ темномъ карцерѣ, вышелъ на дворъ, солнце вдарило мнѣ, въ глаза, они у меня помутились, да такъ и остались попорченными...

— А показывался ты доктору?

— Какъ-же-съ; только онъ объявилъ мнѣ: «ничего, говоритъ, помочь не могу: что-то лопнуло въ зрачкахъ».

— Ты-бы отправился въ госпиталь; тамъ, быть можетъ, и вылечили-бы твои глаза.

— Вылечать, либо нѣтъ—это еще Богъ вѣсть, а время, которое тамъ пробудешь, вычтутъ изъ срока, такъ ужъ пусть я лучше такъ останусь: глаза и здѣсь поправятся.

— А отчего у тебя, любезный, рука такъ сильно дрожитъ, когда ты пишешь?

— Потому тысячу кирпичей въ день вдвоемъ перетаскиваемъ, ну грихель-то и скачетъ въ рукѣ, сколько я его ни удерживаю.

Пособій для обученія грамотности, относительно, было мало. Собственно духовнаго содержанія книгъ 55 экземпляровъ, а свѣтскія: «Краткая исторія Россіи», «Робинзонъ Крузе», «Наставленія къ подсудимымъ и осужденнымъ», Начальный курсъ географіи, «Грамотѣи», «Чтеніе для солдатъ», «Уроки русской грамматики», «О войнѣ 1812 г.», хрестоматія, «Вечернія бесѣды съ крестьянами», арифметики изданія Столпянскаго, Добровольскаго, басни русскихъ баснописцевъ, «Дѣдушка домовой», «Притоки Волги: Ока, Сура и Кама», «Петръ Великій», «Сборная книжка», «О здоровьи», «Наши богатыри», «Земля, вода, воздухъ», «Князь Потемкинъ-Таврическій», «Суворовъ», «Ермакъ, покоритель Сибири», «О богатырѣ Алешѣ Голопузомъ», сказка—повѣсть «Сорочьи гнѣзда», Тишь да глядь — божья благодать», «О природѣ и ея явленіяхъ», «Словарь иностранныхъ словъ», «О винтовкахъ скорострѣльной и обыкновенной», «О передовыхъ постахъ», «Сказаніе о мести княгини Ольги за смерть мужа», «Объ обязанностяхъ и правахъ воинскихъ чиновъ», «О цѣльной стрѣльбѣ», «Правительственныя распоряженія», «Правила о наказаніяхъ, состоящихъ на срочной службѣ солдатъ», «О службѣ въ гарнизонѣ и войскахъ вообще», «Новая солдатская игра: походъ куда велятъ», «Объ уходѣ за лошадью»; проекты: воинскаго устава, о строевой пѣхотной службѣ, объ одиночномъ ротномъ, баталіонномъ ученіяхъ, таблицы въ рамкахъ, о наказаніяхъ, справочная солдатская книжка, правила для обученія гимнастикѣ, положеніе о военно-исправительныхъ ротахъ, наставленіе для солдатъ, пословицы и поговорки и т. под. книжки.

На покупку перечисленныхъ пособій для обученія, а рав-

но досокъ, грифелей, карандашей, бумаги и проч. истрачено: въ 1868 г.—95 руб. 60³/₄ коп., въ 1869 г. — 68 руб. 36¹/₂ коп.; въ 1870 г.—200 руб. 41¹/₄ коп., а въ 1871 г.—102 руб. 15 коп.

Предъ классными комнатами исправляющихся была большая комната, которая, въ наше по-крайней-мѣрѣ, пребываніе въ Бобруйскѣ, вечерами не освѣщалась: въ нее проникалъ свѣтъ чрезъ двери класса. Едва я, однажды, вошелъ въ нее, дверь изъ класса вдругъ захлопнулась и я, услышавъ, что кто-то на цыпочкахъ приближается ко мнѣ—остановился въ недоумѣніи, вспомнивъ, что мѣстные арестанты, путемъ новыхъ преступленій, стремятся вырваться изъ роты, но, оправившись—спросилъ, кто идетъ?

— Мы, шопотомъ отвѣтили голоса.

— Да кто вы?

— Арестанты.

— Сколько-же васъ тутъ?

— Шестеро-съ.

— Отворите, братцы, пожалуйста дверь: ничего не вижу.

— Не нужно: мы хотимъ поговорить съ вами.

— Въ потьмахъ не могу: Богъ вѣсть, какія у васъ намѣренія, а при мнѣ, кромѣ карандаша, ничего вѣдь, помните, нѣтъ.

— Еслибъ изъ нашихъ кто тутъ встрѣлся—точно-бы... тово-съ... а вамъ мы рады, — ну и не сумлевайтесь—пальцемъ васъ не тронемъ.

— Спасибо, братцы, за вниманіе ко мнѣ. Я вѣрю вашему слову, а все-таки пойдемте лучше въ классъ: тамъ, при свѣтѣ, поговоримъ, о чемъ хотите; опасаться меня вамъ, честное слово, нечего.

— Мы и опасаемся не васъ... съ кѣмъ вы подольше по—

говорите, — тѣхъ послѣ допрашиваютъ, о чемъ рѣчь шла и замѣчаютъ на память...

— Пожалуйста скорѣй въ задній уголъ: тамъ и потолкуемъ, нетерпѣливо сказалъ кто-то.

— Я не помню, гдѣ этотъ уголъ, да идти туда, кажется, не зачѣмъ: все-равно, и тутъ темно.

— Говорятъ вамъ, идите — такъ слушайте! требовалъ кто-то.—Давайте руку—доведу, продолжалъ другой голосъ.

— На, отвѣтилъ я рѣшительно; помните только одно—лежащего не бьютъ...

— Ради Бога, не сумлевайтесь, перебилъ кто-то: у насъ, у кажиннаго, есть и хрестъ на шеѣ, и хоть малость смѣлкаки.

Мы отошли шаговъ 20 и остановились. Люди начали, скороговоркою, толковать, кто во что гораздъ. Я замѣтилъ имъ, что изъ такой бесѣды ничего не упомяну и предложилъ имъ говорить по одиночкѣ.

— Мнѣ, позвольте, примѣрно, спросить: не бывали-ли вы въ Ягорьевской крѣпости? заговорилъ кто-то дрожащимъ голосомъ.

— Былъ, съ мѣсяцъ тому назадъ.

— Такъ не видали-ли тамъ моей дочки, Анисьи? Она въ горнишнихъ живетъ у водяной мелкаціи капитана. Все сердце, вѣрите ли, изныло по ней, потому дѣвчонкѣ всего то 15 годковъ, глупа, безъ родителей... ну, и мудрено-ли сбить ее съ панталыку.

— Къ сожалѣнію, не только твоей Анисьи, но даже и водяной медикаціи капитана никакого не видалъ. Чѣмъ бесполезно сокрушаться по ней, — ты-бы лучше написалъ ей письмо: по закону вы имѣете на это право.

— Мы про законы не извѣстны, самъ писать не умѣю, попросить некого, да и начальство позволить-ли? Изъ-за писемъ у насъ такая, недавно, вышла было радея, што и заикаться боязно; къ тому-жъ и денегъ нѣтъ на кондрмарку.

— Я, пожалуй, помогу тебѣ: пошлю, завтра-же, утромъ въ Новогеоргіевскъ депешу и покуда я здѣсь, отвѣтъ придетъ навѣрное.

— Сдѣлайте божескую милость, вѣкъ стану помнить...

— Чу! шпоры бряччатъ, слышите, идутъ, идутъ! испуганно заговорило нѣсколько голосовъ разомъ и всѣ опрометью разбѣжались, такъ что я не успѣлъ спросить сердобольнаго родителя ни о фамиліи капитана, ни объ его собственной. Едва они скрылись въ классъ, какъ, дѣйствительно, дежурный офицеръ явился. Слѣдомъ за нимъ и я вошелъ туда-же, вглядывался пристально въ фізіономіи людей, разспрашивалъ многихъ: не они-ли были моими таинственными собесѣдниками, просилъ указать отца, но все было тщетно: не только въ тотъ вечеръ, но и потомъ не удалось облегчить сердце отца.

VI.

Начальство роты и тутъ было точно такое же, какъ вездѣ... Впрочемъ, намъ удалось подмѣтить, въ этой ротѣ, такія особенности, какихъ мы въ другихъ ротахъ не встрѣчали.

Такъ, ротная церковь еще строилась, поэтому исправляющихъ водили ко всеобщимъ и раннимъ обѣднямъ въ крѣпостной соборъ, подъ конвоемъ, а испытуемые никогда не слышали полного богослуженія, вслѣдствіе отдаленности ихъ жительства отъ храма; то-же самое будетъ, въ прискорбію,

дѣлаться относительно испытываемыхъ до окончательнаго устройства казармы, года чрезъ два-три, если ихъ притомъ освободятъ отъ занятій по выдѣлкѣ кирпича. Пѣвчіе собора, 10—12 арестантовъ, помѣщались, за свои знанія, отдѣльно отъ прочихъ, вмѣстѣ съ околадочными; ходили они въ церковь въ солдатскихъ шинеляхъ и получали за каждую службу по 25 коп.; на эти деньги священникъ, руководитель хора, покупалъ имъ чай въ праздники. Пѣли пѣвчіе не важно, не смотря и на то, что въ обученіи ихъ священнику помогала пожилой арестантъ, изъ дьячковъ. Мы полюбопытствовали: какъ онъ попалъ въ роту и получили слѣдующее разъясненіе.

— По выходѣ изъ семинаріи, я былъ назначенъ дьячкомъ въ сельскую церковь Могилевской губерніи—на родину, сообщилъ онъ намъ. Попъ бралъ себѣ всѣ доходы, а какъ мнѣ жить было нечѣмъ, то я, съ горя, и сталъ, по семинарской еще привычкѣ, выпивать лишнюю чарочку и въ этомъ видѣ ругаться съ попомъ и со всѣми, кто мнѣ досаждалъ. За это попъ жаловался на меня, нѣсколько разъ, архіерею, который вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія и распорядился сдать меня въ солдаты. Это было въ 1856 году *). Въ солдатахъ я прошелъ весь курсъ, куда съ трудомъ повысился въ писаря. Писарская служба вольготная была, и я забылся, запивалъ, и, однажды, поддался искушенію—составилъ солдаткѣ фальшивый паспортъ. Это открылось и меня осудили въ роту на 3 года. Вотъ моя участь...

— Вы холостой?

— Къ несчастію, женатый и дома еще горюетъ обо мнѣ старуха-мать.

*) Законодательное запрещеніе сдавать церковныхъ служителей въ солдаты послѣдовало въ 1858 году.

Евреевъ, въ ихъ праздники, отдѣляли молиться въ особую комнату. Горцы, не употребляющіе сала, варили себѣ отдѣльно, причемъ съ ними ѣлъ постоянно и одинъ еврей.

Кадровые унтеръ-офицеры жили: испытуемаго разряда — рядомъ съ арестантскими камерами, а исправляющагося — сзади ихъ, тѣ и другіе въ 2—4 шагахъ. Поверхностно судя, это казалось бы хорошо: они ближе могли слѣдить за нравственностью заключенныхъ, чаще вразумлять ихъ; но дѣйствительность говоритъ, къ сожалѣнію, иное: унтеръ-офицеры, люди, сравнительно съ арестантами, свободные, не всегда воздерживались отъ излишней выпивки, отъ приноса и домей водки, курили, а то и другое представлялось всевидящимъ арестантамъ соблазномъ, отъ котораго имъ трудно было устраниваться, а потому менѣе дорожившіе собою люди, впадали, иногда, по общему теченію обстоятельствъ, въ прегрѣшенія. Унтеръ-офицеры, не обладая никакими понятіями о системѣ содержанія арестантовъ, о собственномъ значеніи, тоже доводили себя до того, что изъ нихъ въ короткое, напримѣръ, время разжаловали до 10-ти человѣкъ, отдавали подъ судъ нѣкоторыхъ, которые умножали собою арестантскую семью, эта оказія вдостоль уронило унтеръ-офицеровъ въ глазахъ арестантовъ и они смотрѣли на первыхъ, какъ на равныхъ себѣ несчастныхъ.

Въ ротѣ не было ни одной казенной лошади. Оттого арестанты ежедневно возили на себѣ, не смотря ни на какую погоду: изъ рѣки — воду, съ дровянаго двора — дрова; съ поля — песокъ; носили на заводъ, и обратно, имущество. Многіе это дѣлали, правда, охотно, но потому, что, прогуливаясь, имъ удавалось въ пути получить милостыню, покурить, не то и выпить. Зато, не мало было и такихъ, тяготились этими обязанностями.

— Насъ и людьми-то врядъ ли здѣсь считаютъ, высказы-

вали они намъ. Запрягаемся, по 12-ти человекъ, въ телѣгу и точно лошади, возимъ воду, песокъ, всё на насъ глядятъ, смѣются и намъ это совѣстно, обидно... кажись-бы скрозь землю лучше провалиться, чѣмъ такую тяготу нести..

Въ ротѣ нерѣдко случалось, что подлежащіе выпуску, за минованіемъ срока ихъ заключенія, или высылки въ Сибирь и въ другіе города, въ качествѣ обвиняемыхъ, свидѣтелей, задерживались лишнее время. Первые—по несвоевременному исполненію 131 ст., объ освидѣтельствованіи ихъ за 2 мѣсяца до срока и объ отсылкѣ статейныхъ о нихъ списковъ начальству мѣстныхъ войскъ, а послѣдніе—вслѣдствіе предписанія самаго начальства войскъ отъ 14-го января 1869 года, № 345, о томъ, чтобы „не исполнять ничьихъ требованій о высылкѣ арестантовъ, по какимъ-бы то ни было причинамъ, прежде полученія на это согласія, о чемъ и приказывалось спрашивать предварительно бумагами“. Готовившіеся къ освобожденію роптали на задержаніе ихъ въ ротѣ лишнее время, потому что такому человеку каждый часъ кажется тяжелымъ, томительнымъ, а отъ поздней явки послѣднихъ, т. е. призываемыхъ свидѣтелями, или обвиняемыми — казна несла напрасные расходы. Въ Могилевѣ, на примѣръ, предположено 1-го февраля открыть засѣданія временнаго военнаго суда по дѣлу, въ которомъ самонужнѣйшій свидѣтель арестантъ бобруйской роты Ивановъ. Судъ посылаетъ заблаговременно изъ Вильно бумагу начальнику бобруйской роты о присылкѣ Иванова въ Могилевъ, согласно маршрутному разсчету, къ вышеозначенному числу. Настаетъ день суда, но Ивановъ, ожидающій разрѣшенія начальства мѣстныхъ войскъ отправиться въ путь—не прибылъ и судоговореніе откладывается; судьи бесполезно проѣздили, получивъ прогонныя, суточные и проч. деньги, а подсудимый остается въ ожиданіи разрѣшенія его участи на гауптвахтѣ

два три мѣсяца до слѣдующаго прїѣзда суда; Ивановъ же, по полученіи 10-го февраля разрѣшенія, безцѣльно ужъ прогуливается, въ оковахъ въ Могилевъ и обратно, мѣсяць теряетъ въ дорогѣ, а казна за это время лишается его рабочихъ рукъ. Между тѣмъ, 529 и 690 ст. военно-судебнаго устава гласятъ, что свидѣтели высылаются въ судъ немедленно; посему, и предсѣдатель суда назначаетъ время засѣданія, соображаясь съ отдаленностью мѣста пребыванія вызываемыхъ въ суду лицъ, слѣдовательно, ничьего особаго разрѣшенія на отправку свидѣтеля-арестанта законъ не требуетъ. А коль скоро такъ, то въ интересахъ казны и ускоренія правосудія желательна отиѣна разбираемаго нами предписанія, какъ распоряженія неправильнаго, безцѣльно тормозящаго дѣло.

Вышеуказанныя несообразности восстанавливали арестантовъ, ввергали иныхъ въ отчаяніе и они, стремясь выйти какъ-нибудь изъ этого положенія, — впадали, по неразумію, въ крайности — совершали болѣе тяжкія преступленія, мечтая, что за таковыя ихъ сошлутъ въ Сибирь, на каторгу, гдѣ легче, наивно полагали они, будто-бы, живется. Начальство, зорко слѣдя за арестантами и подавляя въ нихъ всякое проявленіе воли, духа, въ свою очередь тоже впадало въ крайности, преслѣдуя ихъ не только за содѣянные ими преступленія, но, случалось, и за воображаемыя: не будучи знакомомъ съ уголовнымъ уложеніемъ, оно предавало, иногда, суду за такія дѣянія, которыя невмѣняемы.

При насъ, напр., судился во временномъ окружномъ судѣ арестантъ «за покушеніе убить унтеръ-офицера». Покушеніе это заключалось въ томъ, что онъ, Ц., лежа въ госпиталѣ — употребилъ, въ разговорѣ съ товарищами, объ одномъ унтеръ-офицерѣ выраженіе: *«ей надо убить»*. Обстоятельство это дошло до свѣдѣнія начальства роты и оно выходъ Ц.

изъ госпиталя сочло *«приготовленіемъ»* его къ убійству унтеръ-офицера», предало его суду и заключило, до судебнаго разбора, въ карцеръ, гдѣ онъ просидѣлъ 4 — 5 мѣсяцевъ *сраду*. Приѣхалъ временный судъ и насталъ день судоговоренія. Ц., лѣтъ 28-ми, средняго роста, истощенный, отвѣтилъ на вопросъ предсѣдателя: «это были одни пустыя слова». И судъ, не обладая рѣшительно никакими къ обвиненію данными,—оправдалъ его. Фактъ этотъ, наглядно подкрѣпляя нашу мысль, не требуетъ, полагаемъ, никакихъ комментариевъ.

Здѣсь, встати, заявимъ, что при судоговореніи о Ц. произошло грустное событіе, отчасти характеризующее благородство души арестанта. Въ залѣ суда присутствовало много офицеровъ, въ качествѣ публики. Когда ввели подсудимаго и стали читать обвинительный актъ и формуляръ подсудимаго—одинъ изъ офицеровъ, капитанъ, упалъ въ обморокъ, а приведенный въ сознаніе, рассказалъ, что въ подсудимомъ случайно узналъ *роднаго своего брата*, котораго считалъ офицеромъ, ибо о производствѣ его ему сообщилъ юнкеръ того полка, въ которомъ служилъ его братъ. Судьба Ц. насъ сильно заинтересовала, мы розыскали его, потомъ, въ ротѣ и вотъ его біографія.

— Я дворянинъ Минской губерніи, кончилъ курсъ, какъ и всѣ бѣдные дворяне, въ уѣздномъ училищѣ, поступилъ въ гражданскую службу, на 8 рублей жалованья въ мѣсяцъ, пережѣнилъ нѣсколько присутственныхъ мѣстъ и остановился на должности писца-же у минскаго прокурора. Вдругъ поднялся мятежъ, въ 1863 г., и меня, какъ католика, уволили отъ службы. Дѣваться было некуда, я отправился сюда, въ Бобруйскъ, искать счастья чрезъ брата: онъ здѣсь служилъ въ полку, но онъ жилъ только однимъ жалованьемъ, самъ ничего не значилъ и потому посоветовалъ мнѣ отпра-

виться къ старшему брату (насъ всѣхъ 4). Я пошелъ къ нему, въ Черниговъ, да напрасно: онъ, богатый, отказался меня принять, говоря, что у него своя семья и проч. Разбитый въ своихъ надеждахъ, вернулся я во-свойси и съ горы нанялся, за еврейское семейство, въ солдаты, хотя и былъ давно ужъ коллежскимъ регистраторомъ. Это было въ 1868 году. Сдѣлавшись солдатомъ, я попалъ въ новороссійскій драгунскій полкъ, гдѣ меня посадили младшимъ писаремъ въ полковую канцелярію. Дѣлопроизводство, къ которому я привыкъ съ малолѣтства, примирило было меня съ собою; но сослуживцы-писаря возмущали меня: влички «наемщикъ», «безмозглый полякъ», «отставной дворянинъ», «продажный чиновникъ» — преслѣдовали меня ежечасно, Богъ вѣсть за что и про что... Терпѣлъ я, терпѣлъ, да не выдержалъ... Старшій писарь Д. называлъ меня разъ, при другихъ, *дуракомъ*, а его тѣмъ-же. Онъ пожаловался казначею, а тотъ разсердился за это на меня, и, какъ вспыльчивый человекъ — велѣлъ мнѣ отправиться на гауптвахту. Я было оправдываться ослушаться, но напрасно. На гауптвахтѣ меня увидѣлъ полковой командиръ, полковникъ Л. и по настоянію казначея набавилъ срокъ моего ареста. По выпускѣ съ гауптвахты мнѣ служить стало еще невыносимѣе отъ тѣхъ же мелкихъ, но очень чувствительныхъ обидъ. Я бѣжалъ, явился въ штабъ съ жалобою на притѣсненія, но меня предали суду и опять посадили на гауптвахту. Тамъ меня постигла новая бѣда: товарищи по заключенію задумали было бѣжать, пристали ко мнѣ за содѣйствіемъ. Я, какъ они, раздраженный неудачами, помогъ было одному составить фальшивый паспортъ. Хотя бѣжать и никому не удалось, — однакожъ обвиненіе тѣмъ временемъ усилилось. Дѣло обо мнѣ доходило до главнаго военного суда, который рѣшилъ: за то, что я, младшій писарь, оскорбилъ старшаго писаря, не исполнилъ безпре-

кословно, приказанія казначея, бѣжалъ, утратилъ казенныя вещи, — лишить меня всѣхъ правъ состоянія и отдать сюда, въ роту, на три года. Все это, увѣряю васъ, истинная правда! Вы можете въ этомъ убѣдиться, если потрудитесь прочесть конфирмацію обо мнѣ.

— Но вѣдь Д. не вправѣ-же былъ назвать и васъ дуракомъ?

— Да, это тоже вѣрно. И главный судъ призналъ и Д., и Я., и Л. виновными въ неприличномъ обращеніи со мною и постановилъ: передать ихъ поступки на разсмотрѣніе подлежащаго ихъ начальства. Но вѣдь мнѣ то отъ этого не легче стало.

— А вы, будучи въ ротѣ, знали, что братъ вашъ здѣсь служить, или нѣтъ?

— Зналъ, даже не разъ видывалъ его, идучи на работу, или за водою, запряженнымъ въ телѣгу, вмѣсто лошади.

— Отчего-жъ вы не сообщили ему о своемъ положеніи: онъ, быть можетъ, выпросилъ-бы какую-нибудь льготу для васъ у начальства?

— Открыться-то мнѣ было выше силъ: я самъ пропасть, да еще брата опозорить: онъ офицеръ, ротный командиръ, а я?... я арестантъ!... Что говорили-бы ему его товарищи офицеры, какими глазами смотрѣли-бы на него его роты солдаты, которые ходятъ конвоировать насъ, арестантовъ? Ему бы это доставило большія непріятности. Поэтому я и молчалъ...

Прочитавъ конфирмацію, мы убѣдились, что онъ *точно* передалъ намъ суть своего дѣла, привлекая его въ роту.

— Каково, скажите пожалуйста, дѣйствуютъ на нравственность людей здѣшніе порядки, работа? спросили мы

другаго арестанта изъ чиновниковъ, бывшаго квартальнаго надзирателя.

— Порядка тутъ меньше, чѣмъ въ полкахъ: туда часто поступаютъ умные, хорошіе офицеры, бывають мягкосерднє фельдфебеля и подъ ихъ руководствомъ солдаты учатся, ведутъ себя аккуратно; у насъ же почти всѣ офицеры изъ закрытыхъ арестантскихъ ротъ—старики, обращаются съ нами также, какъ съ прежними арестантами, тогда какъ тѣхъ ссылкою наказывали за убійство, поджоги и т. п., а насъ шлютъ сюда для исправленія за разные кражи, побѣги, пьянство и т. п. Работа унимаетъ насъ до того, что намъ бы рѣдко дурное въ голову приходило, ежели-бъ насъ не смущали унтеръ-офицеры: они сами торгуютъ, напримѣръ, и табаконъ, и водкой.

— А какъ они проносятъ въ казарму водку, когда и ихъ въ воротахъ осматриваютъ?

— Во-первыхъ, они вѣдь другъ друга обыскиваютъ, а воронъ ворону глазъ не клюетъ. Во-вторыхъ, кто въ ссорѣ съ очереднымъ у воротъ, дежурнымъ, — тому не мудрено и надуть его, если непременно захочетъ принести водки.

— Не можете-ли указать мнѣ какого-нибудь *особеннаго*, ловкаго способа проноса водки въ казарму?

— Я знаю, напримѣръ, подъ великимъ секретомъ, что унтеръ-офицеръ (фамилія) проноситъ водку въ тесакѣ?

— Какъ въ тесакѣ?

— Прослѣдите за нимъ хорошенько и сами узнаете секретъ, а мнѣ неудобно рассказывать.

Поблагодаривъ его за бесѣду, мы тотчасъ-же принялись наблюдать за указаннымъ намъ унтеръ-офицеромъ, и едва чрезъ день, подъ вечеръ, желаніе наше осуществилось. Узнавъ, что унтеръ-офицеръ пошолъ со двора *въ форму*, мы

около часа бродили по улицѣ, въ ожиданіи его возвращенія. Наконецъ, онъ показался издали. Замѣтивъ, что онъ идетъ тихо и рукою поддерживаетъ висѣвшій у него на портупеѣ, на боку тесакъ, мы свернули за уголъ, и лишь только онъ приблизился къ намъ—остановили его вопросомъ:

— Несешь водку?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣтилъ онъ, растерявшись. Я... помилуйте...

— Не ври: у тебя, я знаю, въ тесакѣ водка, покажи мнѣ ее и будь увѣренъ, что я тебя не выдамъ.

— Виновать-съ... никогда больше не буду-съ, заговорилъ онъ, покраснѣвъ до ушей.

— Открой же мнѣ секретъ-то?

— Извольте, слушаю-съ, только пощадите, будьте отецъ родной...

Онъ вынулъ изъ футляра черенокъ, подъ которымъ торчалъ на четверть пальца длины желѣзный тесакъ; остальное же желѣзо было отпилено. Мы приподняли футляръ, попробовали изъ него и убѣдились, что тамъ была водка; при этомъ узнали, что въ длину всего футляра входитъ кварта. Затѣмъ пристыдили владѣльца тесака, выслушали его божбу, что это послѣдній разъ онъ дѣлаетъ, дали ему слово „не погубить его“, отпустили и увидѣвъ, что онъ благополучно прошелъ въ казарму, мимо часового — вернулись во-своихъ.

VII.

Штрафные журналы велись писарскою рукою; отчего въ нихъ не замѣтно было курьезныхъ отмѣтокъ; но за то вкрадывались другія несообразности: истекшій годъ, напримѣръ, въ одномъ журналѣ кончился декабремъ, а наступившій на-

чался мартомъ; въ наложеніи наказаній господствовала непоследовательность, неравномѣрность. Журналовъ этихъ никто не провѣрялъ. Поэтому одинъ отдѣленный за куреніе табаку сажалъ въ карцеръ, а другой за то же самое—наказывалъ *постоянно* розгами, потому, впрочемъ, увѣряли насъ, что на заводѣ, гдѣ расположенъ былъ испытуемый разрядъ—не имѣлось карцеровъ, а отправлять провинившихся собственно изъ-за неимѣнія карцеровъ въ крѣпость—игра, дескать, не стоила свѣчъ. Въ подтвержденіе вышесказаннаго, приведемъ статистику.

Изъ наличнаго числа арестантовъ роты подвергалось взысканіямъ и наказаніямъ въ теченіи годовъ: 1868 — 277 чел.; 1869 — 259 чел.; 1870 — 162 чел.; 1871—154 чел.; въ томъ числѣ тѣлесно было наказано: въ 1868 — 121 чел.; въ 1869—60 чел.; въ 1870—42 чел.; въ 1871—30 чел. Тѣлесныя наказанія назначались:

Въ 1868 году: за картежную игру 50 — 30 ударовъ; за воровство у товарища рубашки, подплатниковъ и 20 к. денегъ — 50; за пьянство на инженерныхъ работахъ — 50; за самовольную продажу хлѣба — 10; за дерзость офицеру и драку съ кашеваромъ—50; за дерзость-же офицеру въ пьяномъ видѣ—250, по рѣшенію начальства мѣстныхъ войскъ, и въ испытуемые на 3 мѣсяца; за шумъ, безпорядокъ въ отдѣленіи—50; за храненіе непозволительныхъ вещей—10; за пьянство во время нахожденія въ банѣ—50—30; за неправильное объясненіе претензій о неполученіи изъ прежняго мѣста служенія вещей—двоимъ по 25; за обмѣнъ новыхъ сапоговъ на старыя—75; за *намыреніе* принести въ камеру воды—20; за пьянство—75, съ переводомъ въ испытуемые; за драку—20; за ослушаніе унтеръ-офицеру—30; за воровство (чего—не сказано) по 25; за кражу хлѣба—25; за умышленную растрату проданной рубашки — 20; за нарушеніе порядка очередной

возки воды — 15; за утрату полусапоговъ — 50 ударовъ; за приобрѣтеніе водки, во время работъ подъ каланчею—двоимъ по 35; за то, что будучи пьянымъ сопротивлялся офицеру—100; за приобрѣтеніе водки, опьяненіе ею, сопротивленіе отдѣленному офицеру—100, за побой арестанта лопатою, на работѣ — 50; за начинаніе драки—10; за неумѣстныя выраженія и ослушаніе офицеру—20; за запирательство—20; за содѣйствіе къ продажѣ сапогъ, дерзкія выраженія — 20; за приносъ водки — 35; за храненіе запрещенныхъ вещей—35; за невниманіе во фронтѣ — 15; за картежную игру — 50 и въ испытующе; за пьянство, скривательство, откуда брали водку, шумъ, браненіе унтеръ-офицера и фельдфебеля, намѣреніе ударить унтеръ-офицера — 100; за ослушаніе инженернаго вахтера—четверымъ по 15; за обмѣнъ шапки—15, а 3-мъ по 30; за куреніе табаку ; за намѣреніе бѣжать—50 и въ испытующе на 3 мѣсяца; за промѣнъ рубашки — 25; за неправильную претензію въ неполученіи аммуниционныхъ дегегъ — 10; за уклоненіе отъ работы, съ утонченною грубостью вахтеру—25; за промотаніе голенищъ—30; за ложное показаніе работъ, пьянство—75 и въ испытующе на 3 мѣсяца; за начатую ссору — 10; за кражу съ башни мѣшка и 11½ фунтовъ воска, 60 аршинъ холста, 40 золотниковъ прядильной бумаги по 35; за утрату подкладки съ куртки—25; за драку—25; за перемѣну зимней одежды на лѣтнюю по 35; за невыносъ положеннаго числа кирпича и за брань по 10; за промѣнъ сапоговъ—по 30 двоимъ; за лѣнивую работу—по 25; за ударъ ножомъ арестанта — 100; за пьянство, ударъ коломъ присмотрщика—100 и 35; за пьянство въ день выхода изъ госпиталя—по 25 двоимъ; за дерзкія выраженія офицеру—35 и въ испытующе; за приобрѣтеніе трубки, храненіе и куреніе табаку по 20, 15 и 10 ударовъ 16 человекъ.

Въ 1869 году: за пьянство — 75, 50; за игру въ деньги,

карты, юлку, орлянку, кости—по 35; за продажу казенных сапоговъ—50; за пьянство—35; за невыполненіе урочной работы—10; за побѣгъ—50; за ослушаніе фельдфебеля—20; за продажу наволочки—по 10; за ослушаніе—по 70, 15; за кражу подштанниковъ—20; за побой арестанта—20; за ослушаніе—70, 80, 20; за нарушеніе порядка, ложное показаніе, съ цѣлію скрыть истину—15; за воровство рубашки у фельдфебеля—20; хлѣба—20; за своевольное нарушеніе порядка, при раздѣлѣ изъ котла пищи, вылітіемъ изъ посуды обратно—15; за покупку у торговли яблоковъ на 1 к. и заявленіе, что нашолъ—на 6 сутокъ въ карцеръ; за неисполненіе приказанія унтеръ-офицера ѣхать за водою—10; за кражу хлѣба—30 и 15; за то что, кончивъ урочную работу, хотѣлъ идти въ казарму раньше неокончившихъ—20; за кражу рукавицъ—25; за ударъ по головѣ арестанта—30; за споръ—30; за дерзкій отвѣтъ унтеръ-офицеру въ госпиталѣ—50; за пьянство, шумъ, ложное показаніе—100 и 25 и въ испытуемые; за возведеніе на себя небывалыхъ преступленій, ради уклоненія отъ работъ—75; за ослушаніе фельдфебеля—35; за буйство—50; за промѣнъ рубахи—по 15; за сорваніе кожаной обшивки на наручникахъ и согнутіе первыхъ звеньевъ цѣпи—35; за отвѣтъ: „зачѣмъ мнѣ на нихъ показывать—это ребята наши, свои“—50; за выраженіе противъ приказанія унтеръ-офицера: „не растягиваться“—„ну заплакалъ“—35; за намѣреніе бѣжать—75; за промотаніе казенныхъ вещей—100; за *намѣреніе* растратить обувь и ложное показаніе по—50 и въ испытуемые; за храненіе и куреніе табаку по 50, 30, 20 и 15, болѣе 10 чел.

Въ 1870 году: за ссору—10; за сохраненіе денегъ, пьянство и неповиновеніе—70, 75; за неисполненіе приказаній—70, 75; за ссору—по 15; за *намѣреніе* продать казенныя голенища—30; за уклоненіе отъ работъ, ослушаніе фельд-

фебеля—по 15; за буйство, ударъ кирпичемъ арестанта—15; за порчу книгъ—15, за *намяреніе* присвоить себѣ чужіе подштанники—30; за ослушаніе унтеръ-офицеру—10; за явку нетрезвымъ—50 и въ испытуемые; за уклоненіе отъ работъ и ослушаніе фельдфебеля—15; за ударъ вахтера палкою—50 и увеличеніе срокъ содержанія въ ротѣ; за пропускъ воды, ложное показаніе—20; за сохраненіе денегъ—15; за воровство (чего?), за сломаніе тачки—75; за уклоненіе отъ работъ, за ослушаніе фельдфебеля—25; за кражу перчатокъ приказчика, который условился съ укравшимъ заплатить ему за возвратъ ихъ, вынулъ деньги, но тотъ выхватилъ у него 5 р. бумажку, — скрылся и потомъ далъ ложное показаніе—35; за взятіе чужой вещи, съ *намяреніемъ* утаить—15; за храненіе и куреніе табаку по 15, 10, 20 ударовъ.

Въ 1871 году: за пьянство—100; за игру въ карты—50 и въ испытуемые; за драку—по 25 четыремъ; за покушеніе бѣжать—75; за пьянство—50; за небрежность при работѣ—35; за ропотъ, недовольство хлѣбомъ—по 25; за утрату рубахи, покушеніе бѣжать—80; за поврежденіе мѣста заключенія—75; за порчу книгъ—25; за прибытіе съ работы безъ чувствъ пьянымъ—26 и т. д.

Всѣхъ карцеровъ было при насъ 14; сажались въ нихъ репедивисты на весь срокъ, если карцеры были свободны; въ противномъ случаѣ, они отправлялись на заводъ и ждали тамъ, покуда кого-нибудь выпустятъ и тогда заключались поочередно; люди неисправимаго, по понятію начальства, поведенія, находились въ карцерахъ періодически, т. е. 10 дней въ заточенія, а 10 на заводѣ. По наполненіи-же карцеровъ одними репедивистами, и когда таковые, въ то же время, прибывали вновь въ роту—ихъ наказывали, иногда, розгами причѣмъ люди пожилые предпочитали это наказаніе заключенію, а молодые, не извѣдавшіе еще боли розогъ, — страшно

ихъ бояться; особенный страхъ розги внушаютъ къ себѣ въ еврейхъ, горцахъ, которые готовы лучше годъ просидѣть въ карцерѣ, нежели вынести хоть только 10 ударовъ. Каморки, называемныя карцерами, сами по себѣ хороши, но воздухъ въ нихъ былъ тяжелый: миниатюрныя окошечки въ карцерныхъ дверяхъ отворялись лишь на *одну* часъ въ теченіи сутокъ, а въ остальное время тамъ, вдобавокъ ко всему, еще было темно, такъ что, и за серьезныя, и за малыя погрѣшности, всѣ одинаково лишались свѣта. На неподвижныхъ нарахъ карцеровъ или ровно ничего не постилалось, или валились вещи вмѣсто постелей, а въ одномъ былъ тюфякъ, составлявшій, какъ объявилъ содержавшійся тамъ Вейзбургъ, собственность его товарища-арестанта.

Сидѣвшіе въ карцерахъ никакою работою не занимались, вслѣдствіе темноты и отсутствія всякихъ приспособленій. Пуще всего поразило насъ то, что всѣ, безъ изъятія, содержавшіеся въ карцерахъ были столь сильно озлоблены, что мы нигдѣ ничего подобнаго не замѣчали. Чтобы судить о причинахъ такой ярости, приведемъ разговоръ съ однимъ изъ заключенныхъ.

На доскѣ двери его карцера значилось, что онъ посаженъ за игру въ кости.

— Расскажи, пожалуйста, что это за игра?

— Самая простая: на маленькой восьми-угольной косточкѣ надѣланы разнаго цвѣта точки — на манеръ картъ; на какую точку желаетъ поставить — про ту и объявишь играющимъ. Потомъ нѣсколько косточекъ бросаютъ на столъ зря, какъ пошло, и повѣряютъ: если косточка ляжетъ на задуманный бокъ и твою точкою вверхъ — значить выигралъ, нѣтъ — проигралъ. Вотъ и весь фокусъ. Игра эта называется „юлеа“.

— А играете на деньги?

— Чаще—да, по копейкѣ, по двѣ, не больше: у насъ денегъ не водится; играемъ и на иглоу, для починки одежды, на кусочекъ мыла, для мытья рукъ: казенное даютъ только на мытье бѣлья, а иногда и просто на кусокъ украденнаго изъ столовой хлѣба.

— Но вѣдь для игры надо выбрать время, котораго у васъ мало; надо, кромѣ того, сторожить, какъ-бы начальство не замѣтило, опасаться за это взысканія, словомъ, вся-то такая ничтожная игра не стоитъ, такъ сказать свѣтъ?

— Это вѣрно-съ. Но и страхъ наказанія, и пустяшный выигрышъ, или проигрышъ насъ развлекаютъ: *казенная* жизнь наша такая скучная, однообразная, что безъ какого-нибудь *собственной* дѣла одурь беретъ. Послѣдній разъ я, впрочемъ, игралъ просто съ отчаянія.

— Что-же это такое случилось съ тобою?

— Да въ послѣдній день моего здѣсь пребыванія я былъ *имянинникъ*, пошелъ, въ шинели, въ церковь, помолился Богу, а по окончаніи обѣдни выпилъ съ радости, что выхожу изъ роты,—въ кабакѣ стаканчикъ водки, одинъ только, ей-Богу, стаканчикъ, ради ангела, и возвращался въ роту. Вдругъ встрѣчаюсь въ воротахъ съ начальствомъ. Оно замѣтило у меня растрепанные волосы, а растрепалъ ихъ мнѣ унтеръ-офицеръ при обыскѣ (у насъ даже въ волосахъ роются не несемъ-ли водки, табаку), посадило меня за пьянство въ карцеръ и лишило выпуска изъ роты... Надо-жъ было такому грѣху случиться... Эхх-хе!.. Четыре года провелъ я тутъ безпорочно, а въ послѣдній день изъ-за рюмки водки все пропало!... *) Характера, безропотно перенести такую горькую долю, во мнѣ не хватило и я сталъ бѣдокурить... и... и... не вырваться, кажется, мнѣ ужъ отсюда!...

*) Событіе это, по наведенной нами справкѣ, оказалось справедливымъ

— Веди себя скромно, осторожно и освободять, а отчаяваться не слѣдуетъ.

— Да терпѣнія, ей Богу, не хватаетъ: мнѣ 40 лѣтъ, 20 лѣтъ я прослужилъ,—былъ писаремъ во флотѣ,—11 мѣсяцевъ въ Севастополѣ; по замиреніи, вмѣсто отставки разжаловали, за подлогъ, я со стыда убѣжалъ и попалъ сюда. Здѣсь я первый ввелъ грамотность; работалъ безъ усталы, и что-же? Я ужъ 9 мѣсяцевъ лишнихъ мучаюсь, а все оттого, думаю, что я знаю много кое-чего...

— Совершенно вѣрно-сь, вмѣшался сосѣдъ его по карцеру, тоже пожилой ужъ человѣкъ. Я скоро отпущусь въ Каменногорскую крѣпость, стало быть мнѣ все равно, но и я подтверждаю, что здѣсь жить нельзя: тяжелая работа, наказанія,—все это сдѣлало насъ звѣрями. Курить, водку пить, напимѣръ, запрещаютъ, а унтеръ-офицеры торгуютъ тѣмъ и другимъ. Одинъ продастъ табакъ и скажетъ объ этомъ другому, а тотъ отниметъ его, тебя накажутъ, а онъ этотъ-же табакъ третьему, потомъ, продастъ, пошлетъ четвертаго, который отниметъ и т. д. Табакъ продаютъ они хоть и по той-же цѣнѣ, какъ на рынкѣ—5 копѣекъ пачку, но эта пачка обернется чрезъ 10 рукъ и полтинникъ готовъ, да и выкурятъ ее они-же, унтеръ-офицеры. Это насъ раздражаетъ и мы бросаемся на нихъ съ чѣмъ попало *).

— За что ты осужденъ въ Каменногорскъ?

— За побѣгъ изъ госпиталя и покушеніе убить солдата.

за исключеніемъ того, что онъ признанъ былъ начальствомъ *изрядно* выпившимъ. Самъ комендантъ, почтенный генералъ, съ сожалѣніемъ относился къ этому арестанту.

*) Въ числѣ содержавшихся въ карцерахъ было нѣсколько человѣкъ, осужденныхъ въ Усть-Каменногорское каторжное отдѣленіе, за покушеніе на жизнь унтеръ-офицера.

Я ужъ въ ротъ третій разъ: въ полку нашему брату—штрафованному—тоже житья нѣтъ. Выйдешь, напримѣръ, изъ роты оборваннымъ, а въ полку требуютъ, чтобъ былъ одѣтъ хорошо, понадобятся рабочіе—кого послать?—штрафныхъ, таскать вещи—штрафныхъ, возить провіантъ—штрафныхъ; словомъ, все дыры нами затыкаютъ, вѣчно подъ конвоемъ, на помочахъ. Безпорочный вовсе не явится на перекличку—ничего, а штрафной опоздаетъ 5 минутъ—въ карцеръ, розги ему, потому арестантъ; этой кличкой всю внутренность истреплютъ; ну и бьешься, бьешься, да и, ей Богу, по неволѣ убѣжишь..

— А какая причина повудила тебя бѣжать изъ госпиталя?

— Тоска, смертная тоска—увидѣть *большой* свѣтъ. Мы сговорились вдвоемъ, подкопались подъ полость, пролѣзли внизъ, ощупью пробрались въ конецъ, кажется, подвала, опять проломили полъ, и очутились въ карцерѣ, гдѣ сидѣлъ солдатъ госпитальной команды. Онъ какъ увидалъ насъ—хотѣлъ закричать, да мы ему сказали: «не пугайся насъ: мы такіе-же несчастные, какъ и ты, стало быть, лучше молчи—дай намъ выйти». Онъ не согласился, мы пригрозили ему ломомъ и онъ смолкъ. Тогда мы, по одиночкѣ, пролѣзли сквозь окошко его карцера въ однихъ рубашкахъ, вышли на дворъ, влѣзли на ограду, соскочили съ нея внизъ на 3 сажени вышины, я упалъ, разбилъ себѣ губы объ камень, а всетаки ушелъ; трое сутокъ шлеялся почти нагой и голодный по лѣсу, но потомъ не выдержалъ, самъ вернулся: ну и осудили...

— А что, еслибъ тебѣ предложили на выборъ: здѣсь остаться, или въ каторжное отдѣленіе идти, чтобы ты выбралъ? спросили мы другаго, молодаго еще человѣка изъ кантонистовъ.

— Въ каторгу.

— Странно: здѣшніе порядки и житье тебѣ хорошо ужъ, разумѣется, извѣстны, а что ждетъ тебя дорогою и въ самой каторгѣ—ты вѣдь, сознайся, не знаешь? Почему-же предпочитаешь тащиться 6,000 верстъ въ оковахъ?

— Очень просто: худшей каторги, чѣмъ тутъ, нигдѣ, увѣряютъ арестанты, бывшіе въ Сибири, нѣтъ, а я полагаю и быть не можетъ.

— Ошибаешься: тамъ несравненно хуже, нежели здѣсь: всегда въ кандалахъ, въ безлюдьи, сроковъ заключенія тамъ не сокращаютъ; наказываютъ телѣсно до 300 ударовъ розгами, плетью, по усмотрѣнію смотрителя; отбывши срокъ заключенія, люди оставляются навсегда въ Сибири на поселеніи, а такъ какъ поселенцевъ тамъ множество,—то они живутъ въ чрезвычайной нуждѣ: имъ трудно найти себѣ работы, занятій; тамъ, наконецъ, бывають такіе морозы до 40 и больше градусовъ, мятели, ураганы, что заноситъ избу, дороги и люди замерзають не дождавшись помощи: жилиа очень рѣдки. Вотъ, братъ, вкратцѣ, какова Сибирь. И мнѣ кажется, въ ротахъ гораздо лучше.

— Быть можетъ, въ другихъ ротахъ и лучше, но въ нашей—нѣтъ. Чтобъ добиться у насъ, напр., сокращенія срока,—человѣкъ долженъ прожить годъ ангеломъ: работать безъ усталы, ни предъ кѣмъ рта не разинуть; чтобъ человѣкъ никогда не покурить, а не курить иному, по привычкѣ, большіе розогъ. На экзаменѣ въ канцеляріи, 8 начальниковъ начнутъ его шпиговать вопросами: кто у тебя десятичный ефрейторъ, отдѣленный офицеръ, начальникъ роты, докторъ? и т. д., точь въ точь, какъ, бывало, въ кантонистахъ. Разница только та, что тамъ допрашивали почти всегда одни только кантонисты-же, а тутъ офицеры забавляются этимъ, да еще пресерьезно дознаются про самихъ себя,—

точно не знаютъ, кто они, либо ты ихъ впервые видишь. Иные съ досады и перевираютъ имена ихъ, чины, и за это ихъ оставляютъ на заводѣ. Драли у насъ, правда, только до ста, но наши 50 стоили другихъ 100 ударовъ: на скамейкѣ, съ разстановками, по австрійски, какъ начальство говорило. Вчуже за сердце щемить, а стой да казнись,—чтобъ чувствовалъ значить...

— Но вѣдь наказывали за преступленія, слѣдовательно, зная объ этомъ, всякій долженъ воздерживаться, а тогда не станутъ, безъ сомнѣнія, и наказывать.

— Еслибъ драли *всѣхъ* виноватыхъ — мы бы и не заивались: виновать—отдувайся, а то одинъ, напимѣръ, разбѣлъ два карцера пьяный—его только обругали, а другой—глядѣлъ какъ товарищи играли въ карты, ему всыпали полсотню горячихъ, зачѣмъ не сослѣтничалъ, тогда какъ мы держимся другъ за друга, и кто кого выдастъ,—тому, какъ доносчику, бѣда отъ товарищей. На заводѣ, мы съ апрѣля по октябрь, съ 4 ч. утра до 5 часовъ вечера рыли землю, копали, таскали, мѣсили ногами глину, выворачивали ее изъ подъ камней—на жарѣ, на дождѣ, а съ октября по апрѣль, съ 6 ч. утра до 6 часовъ вечера, опять женодождѣ, на морозѣ, переносили эти изготовленные кирпичи на версту разстоянія. Урокъ задавали намъ большой и выработать его было тяжело, особливо въ слякоть и зимою: ноги вязли въ глинистомъ грунтѣ, еле-еле выкорабкивались изъ сугробовъ... Придешь, бывало, съ работы и тебѣ ни согрѣться ни просушиться толкомъ некогда, кромѣ развѣ воскресенья, когда весь день бываешь въ камерѣ, ну, вещи хорошенько и просохнуть. Ъли цѣлый годъ одни щи: да и тѣ... Вечеромъ похлебаешь бывало дубовыхъ щей, теплота разойдется по жиламъ и спать хочется, а тебя садятъ за букварь, поучаютъ читать во все горло... Не повѣрите, пожалуй, а.

... этот смелый страх розги внушают къ себѣ въ
... готовы лучше годъ просидѣть въ
... хотя только 10 ударовъ. Каморки,
... сами по себѣ хороши, но воздухъ
... миниатюрныя окошечки въ карцер-
... лишь на одну часъ въ теченіи су-
... время тамъ, вдобавокъ ко всему, еще
... и за серьезныя, и за малыя погрѣш-
... лились свѣта. На неподвижныхъ
... ни ровно ничего не постилалось, или ва-
... постелей, а въ одномъ былъ тюфякъ,
... содержавшіяся тамъ Вейзбургъ,
... товарищ-арестанта.

... никакой работой не занимались,
... всякихъ приспособленій. Пуще
... что всѣ, безъ изъятія, содержавшіеся
... столь сильно озлоблены, что мы нигдѣ
... Чтобы судить о причинахъ
... разговоръ съ однимъ изъ заклю-

... значилось, что онъ посаженъ

... что это за игра?

... за маленькой восьми-угольной косточекъ
... точки — на манеръ карты; на ка-
... — про ту и объявишь играю-
... косточекъ бросаютъ на столъ зря,
... если косточка ляжетъ на заду-
... вверх — значить выигралъ,
... фокусъ. Игра эта называется

...

— Чаше—да, по копѣйкѣ, по двѣ, не больше: у насъ денегъ не водится; играемъ и на иголку, для починки одежды, на кусочекъ мыла, для мытья рукъ: казенное даютъ только на мытье бѣлья, а иногда и просто на кусокъ украденнаго изъ столовой хлѣба.

— Но вѣдь для игры надо выбрать время, котораго у васъ мало; надо, кромѣ того, сторожить, какъ-бы начальство не замѣтило, опасаться за это взысканія, словомъ, вся-то такая ничтожная игра не стоитъ, такъ сказать свѣчь?

— Это вѣрно-сь. Но и страхъ наказанія, и пустяшный выигрышъ, или проигрышъ насъ развлекаютъ: *казенная* жизнь наша такая скучная, однообразная, что безъ какого-нибудь *собственнаго* дѣла одурь беретъ. Послѣдній разъ я, впрочемъ, игралъ просто съ отчаянія.

— Что-же это такое случилось съ тобою?

— Да въ послѣдній день моего здѣсь пребыванія я былъ иманинникъ, пошелъ, въ шинели, въ церковь, помолился Богу, а по окончаніи обѣдни выпилъ съ радости, что выхожу изъ роты,—въ кабакѣ стаканчикъ водки, одинъ только, ей-Богу, стаканчикъ, ради ангела, и возвращался въ роту. Вдругъ встрѣчаюсь въ воротахъ съ начальствомъ. Оно замѣтило у меня растрепанные волосы, а растрепалъ ихъ мнѣ унтеръ-офицеръ при обыскѣ (у насъ даже въ волосахъ роются не несемъ-ли водки, табаку), посадило меня за пьянство въ карцеръ и лишило выпуска изъ роты... Надо-жъ было такому грѣху случиться... Эхх-хе!.. Четыре года провелъ я тутъ безпорочно, а въ послѣдній день изъ-за рюмки водки все пропало!... *) Характера, безропотно перенести такую горькую долю, во мнѣ не хватило и я сталъ бѣдокурить... и... и... не вырваться, кажется, мнѣ ужъ отсюда!...

*) Событіе это, по наведенной нами справкѣ, оказалось справедливымъ

осторожно и освобождать, а отча

Богу, не хватает: мнѣ 40 лѣтъ, 20
писаремъ во флотѣ,—11 мѣся-
запретѣн, вмѣсто отставки раз-
оттуда убѣжалъ и попалъ сюда.
утомленность; работалъ безъ усталы,
лишнихъ мучаюсь, а все от-
много кое-чего...

вмѣшался сосѣдъ его по кар-
человѣкъ. Я скоро отправлюсь въ
стало быть мнѣ все равно, но
жизнь нельзя: тяжелая работа,
насъ звѣрами. Курить, водку
а унтеръ-офицеры торгуютъ
продать табакъ и скажетъ объ
отнять его, тебя накажутъ, а онъ
потомъ, продать, пошлетъ чет-
и т. д. Табакъ продаютъ они
какъ на рынкѣ—5 копѣекъ пачку,
чрезъ 10 рукъ и полтинникъ готовъ,
унтеръ-офицеры. Это насъ раз-
на нихъ съ чѣмъ пошло *).

судены въ Каменногорскѣ?

въ госпиталѣ и покушеніе убить солдата.

онъ признанъ былъ начальствомъ *маршно* вы-
дѣлать. почтенный генералъ, съ сожалѣніемъ отно-
реститу

содержавшихся въ карцерахъ было нѣсколько человѣкъ,
Усть-Каменногорское каторжное отдѣленіе, за покушеніе
фактора.

БЫЛО БОЛЬНЫХЪ.

	Въ теченіи 1868 г.		Въ теченіи 1869 г.		Въ теченіи 1870 г.		Въ теченіи 1871 г.		Оставшихся въ Умерло.
	Вновь забо- лѣло.	Оставшихся въ Умерло.	Вновь забо- лѣло.	Оставшихся въ Умерло.	Вновь забо- лѣло.	Оставшихся въ Умерло.	Вновь забо- лѣло.	Оставшихся въ Умерло.	
Катарральными, гастри- ческими и ревматическими горячками	14	289 252 —	48 *) 308 330 —	77 410 —	72 — —	—	—	—	—
Перенесшихся лихо- радокъ	7	93 57 —	43 40 36 —	— 93 89 —	— 177 —	—	—	—	—

*) Относительно всего этого столбца цифръ, показывающихъ наличныхъ больныхъ, оставшихся въ началу 1869 года, мы должны замѣтить, что въ вѣдомости за 1869 годъ наличность эта показана уже совершенно иначе и почти ни въ одной цифрѣ не сходится съ показанною у насъ по вѣдомости 1868 года. Оставляя всю отвѣтственность въ такомъ непостижимомъ разнорѣчии однихъ и тѣхъ-же чиселъ на стар- шемъ врачѣ бобрѣйскаго крайпостнаго полка, который, повидимому, подчинявалъ вѣдомости, не читая, мы замѣтимъ только, что взявъ остатокъ изъ вѣдомости 1868 г., потому что считаемъ показанныя въ ней чи- сла заслуживающими большаго вѣроятія, чѣмъ тѣ, которыя писаны въ слѣдующемъ году—вѣроятно наобумъ, въ изъясненіе излишнихъ трудовъ по раскляпыванію старыхъ отчетностей. Но такъ какъ, загнѣвъ, и всѣ про- чіе остатки обозначаются невѣрными, то мы принуждены опустить въ нашей таблицѣ числа, показывающія остатокъ больныхъ по родамъ болѣзней, ограничиваясь указаніемъ (внизу) общаго итога оставшихся въ лазаретѣ. Быть можетъ, мы и такимъ способомъ не избѣгли ошибокъ, но что же дѣлать, когда отчетность арестантскихъ ротъ велась такъ странно.

БЫЛО БОЛЬНЫХЪ.

	Состояло въ 1868 г.	Въ теченіи 1868 г.	Въ теченіи 1869 г.	Въ теченіи 1869 г.	Въ теченіи 1870 г.	Въ теченіи 1871 г.	Въ теченіи 1872 г.
Тифомъ и тифозными горячками	1	17 41 4	3	46 27 41	—	29 83 2	—
Кровянымъ поносомъ. .	—	—	—	23 18 6	—	13 14	—
Желчными и слизистыми поносами.	4	27 24 —	7	55 47 —	—	100 100 —	—
Воспаденіемъ мозга и его оболочекъ	—	3 4 2	—	5 2 3	—	3 — 2	—
Воспаденіемъ глазъ . .	9	46 43 —	42	144 146 —	—	98 97 —	—
Острымъ катарромъ дыхательныхъ органовъ . .	7	66 60 —	43	40 39 —	—	79 79 —	—
Воспаденіемъ гѣла . .	3	6 6 —	3	— 3 —	—	4 1 —	—
Воспаденіемъ легкихъ и плевры	5	44 40 2	7	45 25 9	—	74 74 2	—
Воспаденіемъ брюшныхъ органовъ.	2	19 13 4	4	33 26 2	—	33 33 2	—
Воспаденіемъ мочевыхъ и половыхъ органовъ. . . .	4	2 1 —	2	11 9 2	—	3 3 1	—
Рожда	1	2 2 —	1	7 7 —	—	18 19 —	—

точно не знаютъ, кто они, либо ты ихъ впервые видишь. Иные съ досады и перевираютъ имена ихъ, чины, и за это ихъ оставляютъ на заводѣ. Драли у насъ, правда, только до ста, но наши 50 стояли другихъ 100 ударовъ: на скамейкѣ, съ разстановками, по австрійски, какъ начальство говорило. Вчуже за сердце щемить, а стой да казись,—чтобъ чувствовалъ значить...

— Но вѣдь наказывали за преступленія, слѣдовательно, зная объ этомъ, всякій долженъ воздерживаться, а тогда не стануть, безъ сомнѣнія, и наказывать.

— Еслибъ драли *всѣхъ* виноватыхъ—мы бы и не занялись: виновать—отдувайся, а то одинъ, на примѣръ, разбилъ два карцера пьяный—его только обругали, а другой—глядѣлъ какъ товарищи играли въ карты, ему выпали полсотню горячихъ, зачѣмъ не сосплетничалъ, тогда какъ мы держимся другъ за друга, и кто кого выдастъ,—тому, какъ доносчику, бѣда отъ товарищей. На заводѣ, мы съ апрѣля по октябрь, съ 4 ч. утра до 5 часовъ вечера рыли землю, копали, таскали, мѣсили ногами глину, выворачивали ее изъ подъ камней—на жарѣ, на дождѣ, а съ октября по апрѣль, съ 6 ч. утра до 6 часовъ вечера, опять же на дождѣ, на морозѣ, пероносили эти изготовленные кирпичи на версту разстоянія. Урокъ задавали намъ большой и выработать его было тяжело, особливо въ слякоть и зимою: ноги вязли въ глинистомъ грунтѣ, еле-еле выкорабкивались изъ сугробовъ... Придешь, бывало, съ работы и тебѣ ни согрѣться ни просушиться толкомъ некогда, кромѣ развѣ воскресенья, когда весь день бываешь въ камерѣ, ну, вещи хорошенько и просушить. Ъли цѣлый годъ одни щи: да и тѣ... Вечеромъ похлебаешь бывало дубовыхъ щей, теплота разойдется по жиламъ и спать хочется, а тебя садятъ за букварь, по-нукаютъ читать во все горло... Не повѣрите, пожалуй, а.

ВЫЛО ВОЛЬНЫХЪ.

Морозомъ и старческ.

автоновымъ огнемъ . . .

Чесоткою

Анолекиев мозган дру-
гихъ частей

Травматическими послѣд-
ствиями названій (т. е.
ран , нанес. розгами) . . .

Ушибами

Ранами

Переломами

Выпятими

Отмороженіемъ членовъ.

Воспаленіемъ подкожной
кѣтки и нарывами . . .

Состояло къ 1868 г.	Въ теченіи 1868 г.	Оставалось къ 1869 г.	Въ теченіи 1869 г.	Оставалось къ 1870 г.	Въ теченіи 1870 г.	Оставалось къ 1871 г.	Въ теченіи 1871 г.	Оставалось къ 1872 г.
	Вновь забо- дѣло. Умерло.	Вновь забо- дѣло. Умерло.	Вновь забо- дѣло. Умерло.	Вновь забо- дѣло. Умерло.	Вновь забо- дѣло. Умерло.	Вновь забо- дѣло. Умерло.	Вновь забо- дѣло. Умерло.	Вновь забо- дѣло. Умерло.
—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	1 1 —	1	3 3 —	—	2 1 —	—	—	—
—	1 — 1	—	1 — 1	—	—	—	—	—
—	2 1 —	1	1 1 —	—	—	—	—	—
1	14 14 —	1	6 4 —	—	7 9 —	—	3 —	—
—	8 7 —	1	2 2 —	—	1 1 —	—	—	—
—	1 1 —	—	—	—	—	—	—	—
—	1 1 —	—	—	—	1 —	—	—	—
—	1 1 —	—	1 1 —	—	—	—	—	—
—	4 28 23 —	9	33 31 1	—	23 21 1	—	104 —	—
4	—	—	—	—	—	—	—	—

БЫЛО БОЛЬНЫХЪ.

	Состояло въ 1868 г.	Въ теченіи 1868 г.	Оставалось въ 1869 г.	Въ теченіи 1869 г.	Оставалось въ 1870 г.	Въ теченіи 1870 г.	Оставалось въ 1871 г.	Въ теченіи 1871 г.	Оставалось въ 1872 г.
	Вновь заболѣвшіе.	Въздорождающіе.	Умершіе.	Вновь заболѣвшіе.	Въздорождающіе.	Умершіе.	Вновь заболѣвшіе.	Въздорождающіе.	Умершіе.
Обжогамъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Паучьимъ болѣзнью. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мѣстными болѣзнями									
большихъ суставовъ. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вывихеніями.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Умствен. расстройствомъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Старческ. изнуреніемъ. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—
На испытаніи	1	4	3	2	5	2	1	—	—
	4	3	—	2	5	2	1	—	—
И Т О Г О.	97	863	722	63	475	4130	948	449	208
		4683		2253		1028	998	99	139
						1476	108	75	
						3073			

Причина многочисленности больных и умиравших кроется въ томъ, что арестанты изнурялись работою до того, что въ теченіи, напр., апрѣля 1871 г. въ госпиталѣ было 240 чело-
вѣкъ, изъ коихъ умерло 22 чело-
вѣка. Въ 1871 г., для раз-
слѣдованія причинъ болѣзненности и смертности арестантовъ,
собиралась особая комиссія изъ мѣстныхъ докторовъ и на-
ходила, что тому и другому сильно способствовали, между
прочимъ «недостатокъ питательной пищи, сапоги съ корот-
кими голенищами, получаемыми арестантами, работающими
на воздухѣ во всякую непогоду, — отъ 8 до 12 часовъ въ
сутки; житье ихъ на кирпичномъ заводѣ, — въ ветхомъ, зимою
холодномъ, зданіи, безъ вентиляціи; въ крѣпостномъ помѣ-
щеніи ихъ, также недоставало теплоты, свѣжаго воздуха;
свѣта; была сырость; кромѣ того тонкіе своды потолка въ
верхнемъ этажѣ промерзали, и хотя объ этомъ еще въ 1868 г.
инженеры составили актъ, — но явленіе это и до сихъ поръ
еще не устранено; — уныніе, тоска, въ которыя люди впа-
дали вслѣдствіе угрызенія совѣсти, чрезмѣрной суровости
обращенія съ ними; отсутствіе отдыха, днемъ, для возстанов-
ленія потраченныхъ въ работахъ силъ; неосвобожденіе отъ
занятій слабосильныхъ, выписка изъ госпиталя людей, не
окончательно поправившихся; недостатокъ вниманія къ мораль-
ному положенію заключенныхъ».

При этомъ, считаемъ необходимымъ дополнить сказанное
тѣмъ, что въ назначеніи арестантамъ, на заводѣ, уроковъ
работы — начальство руководствовалось правиломъ, установ-
леннымъ бобруйскимъ плацъ-маіоромъ, для *прежней* арестант-
ской роты. Правило это, преподанное его приказомъ отъ 14
іюля 1864 г., за № 196, заключается въ томъ, что каждый
арестантъ долженъ нести на себѣ, или на носилкахъ, тяжести
до 3-хъ пудовъ и дѣлать, при переноскѣ, вотъ сколько обо-
ротовъ.

БЫЛО БОЛЬНЫХЪ.

Катарральными, гастри-
ческими и ревматическими
горчичами 14 259 252 — 48 *) 308 330 — — 77 140 — — 72 — — —
Перенесавшаяся лихо-
радою. 7 98 57 — 43 40 36 — — 93 89 — — 477 — — —

*) Относительно всего этого столбца цифръ, показывающихъ наличныхъ больныхъ, оставшихся къ началу 1869 года, мы должны замѣтить, что въ вѣдомости за 1869 годъ наличность эта показана уже совершенно иначе и почти ни въ одной цифрѣ не сходится съ показанною у насъ по вѣдомости 1868 года. Оставляя всю ответственность въ такомъ непостижимомъ разнорѣчии однихъ и тѣхъ-же чиселъ на старшемъ врачѣ бобруйскаго крѣпостнаго полка, который, повидному, подлинсывалъ вѣдомости, не читая, мы замѣтимъ только, что взяли остатокъ изъ вѣдомости 1868 г., потому что считаемъ показанныя въ ней числа заслуживающими большаго вѣроятія, чѣмъ тѣ, которые писаны въ слѣдующемъ году—вѣроятно наобумъ, во избѣжаніе излишнихъ трудовъ по расчлениванію старыхъ отчетностей. Но такъ какъ, заѣмъ, и всѣ прочіе остатки оказываются невѣрными, то мы принуждены опустить въ нашей таблицѣ числа, показывающія остатки больныхъ по родамъ болѣзней, ограничиваясь указаніемъ (внизу) общаго итога оставшихся въ лазаретѣ. Быть можетъ, мы и такимъ способомъ не избежали ошибокъ, но что же дѣлать, когда отчетность арестантскихъ ротъ велась такъ странно.

Въ теченіи 1868 г.	Въ теченіи 1869 г.	Въ теченіи 1870 г.	Въ теченіи 1871 г.	Оставлось къ 1872 г.
Новыхъ забо- лѣло. Вызко- ропорѣло. Умерло.	Новыхъ забо- лѣло. Вызко- ропорѣло. Умерло.	Новыхъ забо- лѣло. Вызко- ропорѣло. Умерло.	Въ забо- лѣло. Вызко- ропорѣло. Умерло.	Оставлось къ 1872 г.
Остатокъ къ 1868 г.	Остатокъ къ 1869 г.	Остатокъ къ 1870 г.	Остатокъ къ 1871 г.	

нія нравственности. Оттого слѣдовало бы установить новый, сообразный съ духомъ *мыслинаго закона* о ротѣ порядокъ опредѣленія уроковъ работъ, глядя по физическимъ силамъ арестантовъ.

Въ разрядѣ исправляющихся были особыя, въ нижнемъ этажѣ, двѣ комнаты, называвшіяся: одна—аптекою, а другая—околодекомъ; въ послѣднюю арестанты приходили за первоначальною медицинскою помощію, и, получивъ ее—отправлялись работать, а на заводѣ позволяли отдохнуть отъ трудовъ, ежели человѣку очень ужъ не въ моготу становилось. Медика на заводѣ не было, а онъ пріѣзжалъ туда изъ крѣпости. За симъ всѣхъ серьезныхъ больныхъ отправляли въ госпиталь.

Въ нашу бытность въ Бобруйскѣ, больные арестанты занимали въ госпиталѣ прекрасныя 4 комнаты. Разспрашивая больныхъ объ ихъ недугахъ, мы узнали, что кромѣ приведенныхъ причинъ были еще и другія. Именно, здоровье нѣкоторыхъ разстраивалось отъ сидѣнія подъ предварительнымъ слѣдствіемъ, по году и больше, на гауптвахтахъ, въ дурныхъ каморкахъ; отъ долгаго слѣдованія въ роту, по этапу, въ оковахъ; отъ содержанія въ темныхъ ротныхъ карцерахъ, въ одиночномъ заключеніи, цѣлыми мѣсяцами сряду и т. п.

Обходя госпитальныхъ больныхъ арестантовъ, мы со многими изъ нихъ, понятно, разговаривали.

— Нутро все изныло, слабымъ голосомъ говорилъ намъ пожилой ужъ человѣкъ, не могшій встать съ кровати; работавши, я чувствовалъ слабость, но перемогался все: не хотѣлось идти въ ошпиталь—время болѣзни вычитаютъ изъ срока, а мнѣ желалось его скорѣй кончить,—ну и надорвался, слегъ, и врядъ-ли ужъ встану... Да и слава Богу: одинъ хоть коонецъ. А то, бывало, взглянешъ на свою каторжную куртку, шапку съ черными, точно съ покойниками, крестами и сердце

обольется кровью: человекъ не желѣзо—чувствуетъ, что его постигло...

— А за что ты въ роту попалъ?

— Я вмѣстѣ съ капральнымъ напился... послѣ того онъ зачалъ меня задирать, я надавалъ ему въ зубы, въ казармѣ, онъ пожаловался и меня осудили на полтора года... Иной выпишется изъ ошпиталя, ему бы отдохнуть недѣлку и онъ сталъ бы опять человекомъ, а у насъ—шалишь... Недовернулся—бѣда, перевернулся—тоже... Опять же запрягаешься, замѣсто лошадей, въ телѣгу, тащишься въ лямкѣ по вѣрности, всѣ думаютъ—ты душегубъ какой, а твои глаза не глядятъ со стыда, готовъ бы сквозъ землю провалиться... Охъ, Господи!... Пошли поскорѣй смерть, заключилъ онъ, закрывъ глаза.

— Вотъ и насъ, горцевъ, тоже гонать роты.

— А за что васъ сослали въ роту?

— Башкамъ сбылъ долой чапанца: онъ мой сестра захватать себѣ.

— Вамъ бы на него пожаловаться, а не убивать его: убійство запрещено закономъ.

— Нѣтъ: нашъ законъ—башкамъ долой. Русскимъ-бы надѣбъ насъ, горцевъ, передѣлать, да и свои законы велѣтъ слушать... А то мы, по своему закону, дылаемъ и будемъ роты приходить.

— А играете здѣсь въ карты? спросили мы третьяго, просто скелета—молодаго человѣка.

— Случается отъ скуки: ни поговорить, не о чемъ, ни почитать нечего, и поневолѣ явятся карты. Зато-же и попадаетъ намъ за это развлеченье... Лежалъ я здѣсь простудой. Кто-то досталъ карты и мы стали играть въ свои козыри. Это, какъ водится, подмѣтили и насъ, хворыхъ, на другое-же утро выписали, а въ ротѣ опредѣлили намъ по 50 розогъ.

Я просилъ, умолялъ не драть меня, даже къ доктору обращался, да тотъ говорить: «вижу, что ты плохъ, да ужъ поздно—въ приказѣ объявлено». Ну и отодрали... На мнѣ одна кожа да кости... Три раза я впадалъ въ обморокъ, три раза давали мнѣ пить, а съ 50-ти ничего не сбавили... Черезъ три дня я и вернулся сюда, во мнѣ открылась чахотка, меня ужъ назначили и въ неспособные, да кажется, напрасно: не дойду я домой, гдѣ-нибудь на эганѣ околѣю...

— Вы упомянули „почитать здѣсь нечего“. Значить вы грамотный?

— Какъ-же-съ. Я еще до поступленія на службу зналъ хорошо читать, писать, ариметику, грамматiku, исторію, географію, даже рисовать умѣлъ: я всему научился въ генеральскомъ домѣ, гдѣ мои родители служили прислугою.

— Слѣдовательно ваши родители были крѣпостные?

— Да-съ. Я учился вмѣстѣ съ генеральскими дѣтьми дома, у хорошаго учителя; даже по-французски кое-что понималъ. У насъ всю дворню учили не только грамотѣ,—но и деликатному обхожденію.

— Какимъ-же манеромъ вы въ солдаты попали?

— Да какъ крестьянъ освободили, генералъ нашъ военный былъ, умеръ,—царство ему небесное, прекрасный былъ человекъ,—а его наслѣдники тотчасъ-же насъ всѣхъ повзгнали. Я остался съ матерью и меньшимъ братомъ. Отвели намъ мѣсто, а построиться было не на что. Думали мы, думали, что съ собой сдѣлать, на а тотъ грѣхъ наборъ. Одинъ крестьянинъ и предложилъ намъ избу готовую, чтобъ я пошелъ, за его семейство, въ солдаты. Желая предоставить матери, на старости лѣтъ, хоть собственную конуру,—я согласился. Поплакали мы и разстались. Мать точно предчувствовала, провожая меня словами: «не увижусь больше съ тобою на этомъ свѣтѣ»; но я, по глупости своей, не вѣрилъ этому.

Я думалъ: какъ можно, чтобы я, человѣкъ съ понятіями, грамотный, умѣющій съ кѣмъ угодно обойтись, кому угодно служить—не вышелъ, не только въ унтеръ-офицеры,—но и въ офицеры; даже и такая блажь приходила мнѣ въ голову. Между тѣмъ—арестантомъ сталъ!...

— Отчего же вы, въ самомъ дѣлѣ, такъ опустились?

— Издали все кажется хорошо, а приблизившись и разочаруешься въ этомъ воображаемомъ хорошемъ. Тоже самое и со мной случилось. «Служба нынче легкая, обхождение благородное», слышалъ я много разъ, а какъ пришелъ въ полкъ, такъ по сравненію съ *волею*—свѣта Божьяго не взвидѣлъ. Потомъ сталъ получать отъ матери письма,—то, что ее обижаютъ сосѣди, то, что она въ нуждѣ—ѣсть нечего, и я совершенно потерялся, съ горя грубилъ, не исполнялъ приказаній, короче говоря, свихнулся съ дороги; поддержать было некому, моего горя никто не признавалъ, я и сталъ пить и... и... въ пьяномъ видѣ, стыдно вымолвить, совершилъ кражу со взломомъ... Въ горѣ для насъ одна, вѣдь, утѣха—пьянство, а оно неизбѣжный спутникъ преступленій... Меня подъ судъ отдали, и я опомниться не успѣлъ еще толкомъ, какъ здѣсь, въ арестантской ротѣ, очутился.. Эта торная дорога постигаетъ не мало солдатъ, неумѣющихъ мириться со своимъ положеніемъ. Люди впечатлительные, привыкшіе къ *свободѣ*, достатку,—мы и есть—искупительныя жертвы...

— Мнѣ кажется, напротивъ, умные солдаты должны скорѣе подчиняться службѣ, могутъ помогать развитію неучившихся товарищей, объясняя имъ на досугѣ, напр., назначеніе ихъ призванія, долгъ службы, обязанности гражданина и проч.

— Все это, повторю вамъ, издали только такъ кажется, а попробуйте окунуться въ самую суть—увидите, что все это несбыточныя мечты. Офицеры держатъ себя чрезвычайно далеко отъ солдатъ, требуютъ точнаго только исполненія

своихъ приказаній. Солдаты всегда заняты, живутъ въ недостаткахъ: во всему казенному надо кое что и своего достать, а какъ не откуда, то иногда и... и, извините, воруютъ. Поэтому имъ не до слушанія проповѣдей; да ежели-бъ и имѣли досугу, это тоже немислимо: молодой солдатъ не можетъ указывать старымъ, и особливо унтеръ-офицерамъ, какъ, что лучше надо дѣлать: это считается, въ глазахъ ихъ, униженіемъ ихъ достоинства, даже нарушеніемъ дисциплины, такъ какъ, по дисциплинѣ, младшій долженъ слушать старшаго, а не наоборотъ. Право такъ.

— Ну, а въ нашей ротѣ можно исправиться?

— Врядъ-ли: начальство плохо различаетъ смирнаго — отъ буяна, понимающаго — отъ дурака, мошенника — отъ несчастнаго; товарищество, тоже, у насъ, скверное, работа тяжелая, ѣда скудная, житье подъ замками, одежда — позорная, ну, возможно-ли, при этихъ условіяхъ, исправленіе? Напротивъ: начальство и арестанты — два заклятыхъ врага. Начальство старается сокрушить арестантовъ, а арестанты стараются вывертываться; оно насъ обманываетъ, мы его; оно насъ за это наказываетъ, а мы еще пуще ухитряемся хоть чѣмъ-нибудь да насолить ему. Я трижды прочиталъ положеніе объ ротахъ, и убѣдился, что законъ хорошъ, но не для насъ наше начальство, всячески усиливается держать насъ въ ежовыхъ рукавицахъ, а это ужъ не человѣколюбиво, какъ законъ велитъ. Легче-ли начальству оттого, напр., что отсчитало мнѣ 50 ударовъ, отъ которыхъ я не сегодня — завтра умру? Разумѣется, нѣтъ. Между тѣмъ я ей-Богу, вдесятеро скорѣй раскаялся-бы, если-бъ меня за «свои козыри» толково пристыдили при всѣхъ, если-бъ заставили, напримѣръ, каждый день по 100 поклоновъ положить у образа предъ ротою, или если-бъ въ карцерѣ продержали мѣсяцъ. Тамъ-бы я, на досугѣ, вспомнилъ про мать,

сообразилъ-бы, что коли играть не велятъ—значить это по закону, и смирился-бы, а то я обозлился на начальство, что оно наказало меня больного, и прежняго уваженія къ нему не питаю, да и другихъ тому-же наставляю... Тоже самое и съ работами. Работай, работай, приказываетъ начальство, полагая этимъ исправить насъ. Отчего не работать—мы отъ работы не прочь, да знайте же, господа, мѣру, дайте работу по сердцу, по силамъ. Нашимъ словамъ о хворости не вѣрять до тѣхъ поръ, покуда ноги протягиваемъ... Ничего этого высшее начальство, конечно, не знаетъ, да и узнать ему неоткуда: инспектируютъ роту одни и тѣ же лица. Къ смотрамъ готовимся мѣсяца по 2 сряду, приказаніямъ, наставленіямъ, какъ вести себя при инспекторахъ—нѣтъ конца. Приѣдутъ они, обойдутъ казарму, оглянутъ насъ, спросятъ: «не имѣете-ли претензій?» нехотя отвѣтимъ: «никакъ нѣтъ-съ», чтобы напрасно и даже въ ущербъ себѣ-же, не толковать; обрезаютъ книги, бумаги, и маршъ во-свойси... Одинъ изъ нихъ даже и не здоровался прежде съ нами. Разъ мы были выстроены рядомъ съ унтеръ-офицерами. Онъ подошелъ къ намъ и произнесъ: «здорово, ребята». Мы, полагая, что привѣтъ относится и къ намъ—гаркнули: «здравія желаю». И что-же? «Не съ вами, арестантами, здороваюсь я, крикнулъ намъ инспекторъ, а съ унтеръ-офицерами, честными солдатами, а вы, преступные, не смѣйте отвѣчать мнѣ!» Отъ этого оскорбленія кровь, вѣрите-ли, застыла въ жилахъ многихъ изъ насъ. Во время обѣда, между нами пошла было рѣчь встрѣтить его, послѣ обѣда, въ классѣ, ножами, но желаніе жить—за него навѣрное перевѣшали-бы многихъ—остановило насъ отъ рѣшеннаго-было нападенія.

— Онъ вѣрно былъ возстановленъ противъ васъ, или нездоровъ былъ, а въ болѣзни вѣдь всѣ раздражительны, и потому вамъ не чего было обижаться.

— Нѣтъ, онъ нѣсколько разъ: только съ начальствомъ и разговаривалъ; стало быть, резонно-ли было претендовать ему на что бы то ни было?

— Вы могли-бы высказать свои претензіи другому.

— Тоже не расчетъ: послѣ его отъѣзда гораздо хуже было-бы намъ жить... Я говорю это по опыту... Это всякій арестантъ вамъ подтвердить... Радъ-бы еще потолковать съ вами: вы, говорить, посланы узнать правду про наше житье,— радехонекъ-бы всю душу свою выложить вамъ, да извините, ради Бога,— больше не могу: дыханіе захватываетъ... Одно прибавлю: мнѣ все равно ужъ умирать, и я ни въ чемъ не совралъ: не хочу грѣшить предъ кончиною, и, если я хоть что-нибудь преувеличилъ или исказилъ, чтобы мнѣ матери не взвидѣть, причаститься не сподобиться...

— Лягте и успокойтесь. Благодарю васъ за бесѣду и будьте увѣрены, что она не пропадетъ даромъ.

— Я и нѣ могилѣ лежа возрадуюсь, ежели моя правда, святая правда, принесетъ хоть какую-нибудь пользу несчастнымъ арестантамъ.

Съ тяжелымъ, гнетущимъ чувствомъ оставили мы госпиталь. Собесѣдникъ нашъ, по отзыву докторовъ, дѣйствительно былъ въ безнадежномъ состояніи; дни его, отъ чахотки, были уже, такъ сказать, сочтены.

IX.

— Отчего ты, братецъ, такъ медленно шьешь? спросили мы, однажды, пожилаго ужъ арестанта, который едва шевелилъ дратвой.

— Оттого, что я отъявленный лѣнтаяй.

— Отчего же ты лѣнишься?

— Да лѣнтаемъ уродился. Драть бы меня кажинный день,—такъ я-бы, авось, поправился, а то ни къ чорту, то-ись, не гоюсь дарма, что 40 лѣтъ прожилъ на бѣломъ свѣтѣ, да еще въ этикіе-то годы въ арестанты, скотъ, угодилъ! Хоша и больно отъ розогъ, а, ей-Богу, съ нами одно средство—пороть, да пороть насъ, какъ ѿдорову козу.

— А за чтожъ ты въ арестанты-то угодилъ?

— Извѣстно за что — за многократное поведеніе, да за пьянство анаемское. Вотъ ежелибъ сразу всю-бы эту водку выпить и штобъ больше ея не было—мы можеть-бы и остепенились, а то куда ни повернешься—все корчма, да корчма, ну и алкаешь водку-то безъ конца. Ослабнетъ человѣкъ — слабже его нѣтъ, окрѣпнетъ — крѣпче его нѣтъ, ну, чортъ знаетъ, на что все это похоже! Вотъ хотъ-бы я, примѣрно: былъ въ полку мастеровымъ, слободы имѣлъ довольно; сработаешь, бывало, штуку, продашь, да съ денежками и закатишься въ корчму, да мало того, што двое-трое сутокъ кутишь, да мутишь, такъ еще наровишь и подраться съ кѣмъ-нибудь: руки, видите-ли, чешутся. Ну, начальство и терпѣло, терпѣло, да и шаркнуло меня, дьявола, сюда; и подѣломъ вору и мука: потому никакъ не совладать. Бѣда, доложу вамъ, съ нами начальству: мы отъ рукъ вѣдь совсѣмъ отбиваемся!.. Народъ, одно слово, плевка порядочнаго не стоитъ. Право, драть, да драть насъ надо, а то никогда не исправимся: мы скоты, которыхъ только палкой и проймешь.

— Ты, значить, себя не жалѣешь?

— Нѣтъ, потому не стою. Я, наоборотъ, жалѣю начальство, што оно съ нами, точно съ малыми ребятами, нянчиться, а мы безчувственные, замѣсто благодарности, хуже пакостимъ.

— Экъ расходился-то какъ! замѣтилъ сосѣдъ его, тоже пожилой человѣкъ; ужъ будто всѣ такъ и скоты?

— Вѣстимо, всѣ; не ты-ли, примѣрно, хорошій-то чело-

вѣкъ? Врешь братъ, — хорошіе люди въ арестанты не попадаютъ. За што тебя Господь, примѣрно, сподобилъ сюда?

— Да толкомъ и самъ не разберу, за што: такая ужъ знать, судьба моя.

— Нечего на зеркало пѣнять, коли рожа кривая. Вотъ я што тебѣ ужъ сто кратъ, кажись, говорилъ.

— Не можетъ-же быть, чтобы ты въ самомъ дѣлѣ, не зналъ, за что тебя осудили?

— Какъ не знать? знаю, да ужъ какъ-то мудрено очень все это вышло, и я, ей-ей, въ толкъ не возьму. Отслуживши я 15 годовъ, пошолъ, прежде безстрочнаго, въ побывку—дознаться, все-ли дома въ порядкѣ. Прихожу—матка жива, а жена померши, а послѣ нея 2 дѣвчаты. Матка и говоритъ мнѣ. «Хотѣла дѣвчушки и не отъ тебя, да Богъ ей, женѣ-то моей, дескать судья, а дѣвчонокъ прими за своихъ, потому онѣ не причинны матерному грѣху». Ладно, молъ, коль такъ; а чтожъ мнѣ, спрашиваю я матку, дѣлать таперь тутъ безъ жены? «А женись, говоритъ, на другой». Да гдѣ-жъ, молъ, ее, другую-то взять? «А поищи, говоритъ; бабъ и дѣвокъ—хоть прудъ пруди». Мнѣ, молъ, городскую нужно, потому какъ я привыкъ по городскому. «Ступай, говоритъ, коли такъ, въ городъ, тамotka и найдешь». Ну я пошолъ, а штобъ даромъ не балыкатся—поступилъ служителемъ въ ошпиталь. Гляжу, у лекаря работница здоровая дѣвчина. Я къ ней, и обсказалъ ей все. «А хочешь, говоритъ, я за тебя пойду замужъ?» Сдѣлай, молъ, милость — беру. Хорошо. Обзнакомились мы съ ней, два мѣсяца прожили вмѣстѣхъ: вижу—баба по мнѣ. Иди, молъ, говорю ей, таперь ко мнѣ домой, поживи маленько тамъ съ маткой, а тѣмъ временемъ я получу билетъ, подоспѣю за тобой, перевѣнчаемся и дѣло будетъ въ шляпѣ. «Нѣтъ, говоритъ она, шалишь: чичась перевѣнчайся, а то какъ я этакъ чужая пойду нивѣсть куда». И то,

молъ, рязонтъ. Дать я ей 10 цалковыхъ, да и говорю: отойди отъ мѣста и торгуй покеда. Взяла она деньги, да и пропила ихъ, мой-то гроши, слышите, и пропила! Я 15 годовъ скоплялъ 130 руб., до водки николи и не дотрогивался, а она, наво, что удрала? Пропила! Злость меня страшная забрала, я ее поколошмятилъ, да ѣ объявилъ: коли ежели ты не умѣла нажить, а умѣла только пропить чужія денежки,—такъ и отойди ты отъ меня къ лѣшему! «Какъ, говорить она, отойди, а вѣнчаться-то, а два-то мѣсяца за что ты?... А отъ мѣста зачѣмъ меня сманилъ? Нѣтъ, врешь: я къ начальству тебя потяну за обманъ, я, говорить, судьбище съ тобой затѣю, благо теперь судъ скорый, а для насъ, бабъ, и милосливый». Вижу, дѣло плохо: баба бой и хучь куда полезетъ. Подумалъ, подумалъ, да и помирился съ ней. Съ ефтихъ-то поръ она и зачала меня дразнить водкой: «выпей, да выпей—скусно», твердить. А бабы вѣдь сатанинской породы: чего захотятъ—добьются; ну и соблазнила меня... Сталъ я выпивать, а она одна и пристала ко мнѣ: «да долго-ли же еще мнѣ ждать твоего билета? Солдаты вонъ продастъ отставку, купи у него, да и пойдемъ домой». Привела солдата съ паспортомъ, подпоила меня, да анаемскими ласками подбила купить за 10 цалковыхъ отставку. На другой день я снзнова натюкался съ ней и сталъ было ужъ приготовляться въ дорогу. Денегъ осталось мало, а она все зудитъ выпить, да выпить. Я въ сердцахъ и саданулъ ее въ ухо, а она, окаянная, не говоря худова слова—шастъ къ смотрителю и доложила обо мнѣ. Чичась ко мнѣ обыскъ: наши, извѣстно, хальшивый паспортъ, да еще сивенькую, тоже, слышь, хальшивую: она же, поскудная, откуда-то сдачей принесла. Меня цапъ-царапъ, да на обвахту, да подъ судъ, да сюда на 1½ года. Эвакимъ-то манеромъ я всю свою службу, да еще 130 цалковыхъ потерялъ по

ейной милости, штобъ ей ни дна, ни покрывки не было, мерзавкѣ этакой!...

— Ну, что-же ты правъ, что-ли? спросилъ казнившій всѣхъ. Нѣтъ: виновать, какъ и всякъ другой, а виновать вотъ почему: тебѣ, олуху, не для-че было якшаться съ городской бабою, ебли ни бельмеса не смыслишь; потомъ, съякшавшись съ ней, не слѣдъ было таять передъ ейнымъ хвостомъ, благо зналъ, что у бабы только волосъ дологъ, а умъ-то вѣдь коротокъ. А коли ты во всемъ опростоволялся и пеняй, значить, на себя, што ты дурень неотесанный, даромъ, что 15 годовъ откаталъ. По всему-то и выходишь ты то же скотиной.

— Ну, а вотъ онъ виновать или нѣтъ, какъ ты думаешь? спросили мы его, указывая на близъ сидѣвшаго.

— Обнаковенно, виновать, потому правыхъ, говорю вамъ, въ роты николи не шлютъ.

— Виновать-то и я, точно, виновать, только все-жъ, думается, не очинно шибко. Я служилъ въ Черниговѣ, въ 20-мъ пѣхотномъ баталіонѣ, и работалъ вмѣстѣ съ другими въ швальнѣ. Завѣдывалъ нашей швальней казначей. Осерчалъ онъ за что-то на полковника и подучилъ насъ жаловаться на него. Полковникъ узналъ это, выстроилъ насъ человекъ 50 и сталъ всѣхъ допрашивать: будемъ-ли жаловаться. Мы, обнаковенно, молчимъ. Онъ зачалъ переспрашивать по одиночкѣ, мы и стали пенять: зачѣмъ обижаютъ насъ. Онъ отдѣлилъ нѣсколько человекъ и велѣлъ отправить ихъ на абвахту. Мы за нихъ заступаться, „они, молъ, правду сказывали“. Насъ за это подѣ судъ, 2 года содержали на абвахтѣ, а потомъ на 5 лѣтъ сюда приволокли. Конечно, ежели-бъ судилъ новый судъ—мы-бы, пожалуй, и оправдались, а то адиторишки эфти контрамарціи какъ блины пекутъ завсегды.

сообразилъ-бы, что коли играть не велятъ—значить это по закону, и смирился-бы, а то я обозлился на начальство, что оно наказало меня больнаго, и прежняго уваженія къ нему не питаю, да и другихъ тому-же наставляю... Тоже самое и съ работами. Работай, работай, приказываетъ начальство, полагая этимъ исправить насъ. Отчего не работать—мы отъ работы не прочь, да знайте же, господа, мѣру, дайте работу по сердцу, по силамъ. Нашимъ словамъ о хворости не вѣрятъ до тѣхъ поръ, покуда ноги протягиваемъ... Ничего этого высшее начальство, конечно, не знаетъ, да и узнать ему неоткуда: инспектируютъ роту одни и тѣ же лица. Къ смотрамъ готовимся мѣсяца по 2 сряду, приказаніямъ, наставленіямъ, какъ вести себя при инспекторахъ—нѣтъ конца. Приѣдутъ они, обойдутъ казарму, оглянутъ насъ, спросятъ: «не имѣете-ли претензій?» нехотя отвѣтимъ: «никакъ нѣтъ-съ», чтобы напрасно и даже въ ущербъ себѣ-же, не толковать; обривзуютъ книги, бумаги, и маршъ во-своихъ... Одинъ изъ нихъ даже и не здоровался прежде съ нами. Разъ мы были выстроены рядомъ съ унтеръ-офицерами. Онъ подошелъ къ намъ и произнесъ: «здорово, ребята». Мы, полагая, что привѣтъ относится и къ намъ—гаркнули: «здравія желаю». И что-же? «Не съ вами, арестантами, здороваюсь я, крикнулъ намъ инспекторъ, а съ унтеръ-офицерами, честными солдатами, а вы, преступные, не смѣйте отвѣчать мнѣ!» Отъ этого оскорбленія кровь, вѣрите-ли, застыла въ жилахъ многихъ изъ насъ. Во время обѣда, между нами пошла было рѣчь встрѣтить его, послѣ обѣда, въ классѣ, ножами, но желаніе жить—за него навѣрное перевѣшали-бы многихъ—остановило насъ отъ рѣшеннаго-было нападенія.

— Онъ вѣрно былъ возстановленъ противъ васъ, или нездоровъ былъ, а въ болѣзни вѣдь всѣ раздражительны, и потому вамъ не чего было обижаться.

присмотрѣ», отдалъ мнѣ сумку, и сказалъ: «веди этапъ дальше». «Потрудитесь, молъ, запечатать сумку». «Не надо» говоритъ. «Ступай»; да еще прибавилъ: «П. не надо стеречь». Ну я и пошелъ себѣ. А П. взялъ да со второй станціи и убѣжалъ отъ меня; чрезъ 13 дней его словили и всѣхъ насъ 3-хъ судить и сюда: П. на годъ, К.—на 3, а меня на полтора года, такъ, что мы и прибыли сюда всѣ вмѣстѣ. К. здѣсь чахотка заѣла, П. ужъ вышелъ, а я еще остаюсь по его милости. Я, малограмотный, почему зналъ, что чиркалъ К. въ бумагахъ, а не давалъ ему сумки я не смѣлъ: онъ у насъ всегда всѣмъ управлялъ за начальника. И К. я, впрочемъ, не сильно виню: онъ ни единой полушкой не покорыстовался отъ П., а освободилъ его отъ присмотра просто изъ жалости къ нему: добрую душу имѣлъ, а П., замѣсто благодарности, вотъ какъ подвелъ и его, и меня. И дивн-бы дуракъ былъ этотъ П., не понималъ-бы, что дѣлалъ, а то благородный, ученый, а какъ напакостилъ намъ, не пожалѣлъ даже жены и дѣтей К.: тройня безъ призора осталась. К. человѣкъ думчивый, и вторился съ эстаго въ чахотку. Вотъ горе-то какое.

— Горе, не спору, да настаивалъ обличитель; только какъ же ты не совѣмъ виноватъ,—коли былъ конвоиромъ и такъ ротозейничалъ, што упустилъ арестанта? Вѣстимо кругомъ виноватъ! И вы, сударь, не вѣрьте, пожалуйста, нашимъ розсказнямъ: всѣ, кого ни спросите — безпремѣнно станутъ сваливать бѣду съ больной головы на здоровую, то ись никто не хочетъ покозниться, потому дурацкій въ насъ ндравъ, а за это за самое и пороть надо...

— Позволтѣ мнѣ крестится въ русска вѣра? озадачилъ насъ арестантъ. Я мусылманинъ.

— Обратись объ этомъ къ священнику и онъ устроитъ.

— Я говорилъ, да не выходить: говорить не сбавать за это срокъ житья здѣсь...

— Да, это правда: за переходъ въ православіе только въ прежнихъ арестантскихъ ротахъ сокращали срокъ, а въ нынѣшнихъ этого нельзя: законъ не разрѣшаетъ.

— Такъ я и крестится не жалею.

— Это какъ хочешь.

— И вѣрой, какъ видите, торгуемъ; вотъ мы каковъ народъ, вставилъ обличитель. У насъ всѣ помѣшаны на выгодѣ для себя только, а стоимъ ли мы вниманія—никто и подумать не хочетъ. Одно слово скоты неотесанные!

— А могу я вамъ секретъ открыть? отнесся однажды къ намъ, молодой арестантъ, еврей, въ заводской казармѣ.

— Да. Въ чемъ-же онъ заключается?

— Я поджогъ музикову избу въ прошломъ году въ Швенцянскомъ уѣздѣ.

— Для чего-же ты поджогъ?

— Всерчахъ на него, што не далъ хлѣба.

— Развѣ тебѣ нечего было ѣсть?

— Точно такъ-съ. Я билъ солдатъ полку, получили письмо—отецъ умеръ, просился отпускъ, получить наслѣдству,—не пустили. Я и вдралъ. Дорогой просилъ деревня музика хлѣба—не далъ, вдарилъ еще. Я подождалъ ночь, поджегъ и дальше... Пришелъ домой Швенцяны, позвалъ маленьку и мине схавили, въ кандалы, отослали полку и сюда на два съ половиной года. Тутъ цизало тоскать кирпичи, ѣсть мало, завтракать вилять ночью, кусокъ глотку не лезить... Я и открываю вамъ секретъ...

— А знаешь-ли, что за поджогъ въ каторгу ссылаютъ?

— Шлихаль—Сибирь гонять.

— Въ Сибирь-то, дѣйствительно, въ Сибирь, только помни, не на поселеніе, а въ каторгу.

— Нихай сибѣ каторга. Иду.

— Отчего-же ты не открылъ своего секрета тогда, когда тебя судили за побѣгъ, а именно теперь?

— Я думалъ здѣсь зить можно, визу нѣтъ, ну и хочу отдѣлаться отъ роты. Нихай сибѣ каторгу.

— Ишь прыткій какой! замѣтилъ старикъ, подслушавъ послѣднія слова еврея. Напрасно, братъ, хочешь ты на каторгу: какъ многіе, и ты ошибаешься, что тамъ лучше; нашему брату, арестанту, повѣрь, вездѣ скверно. Слыхалъ я про каторгу, и про поселеніе, самъ много кое-гдѣ перебивалъ на своемъ вѣку и вызналъ, что тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ, а какъ только куда появимся, вездѣ станеть скверно. На что ужъ хвалили въ рабочей бригадѣ, на чугункѣ, и то послѣ оказалось ни на что не похоже.

— А ты развѣ былъ въ рабочей бригадѣ?

— Какъ-же-съ. Тамъ-то я и свихнулся вдостоль съ панталыку: ходили мы оборванные, работали много, деньги водились, я и сталъ засыпаться, т. е. пить, а пьяному, знамо дѣло, и море по колено: ну, и воровать, грубить, хотѣлъ даже съ обвахты, за 40 копѣекъ, паспортъ купить, да бѣжать, анъ вышла труба—на 4 года въ Бобруецъ..

— Ты холостой?

— Женатый, женатый-съ... Были у меня, доложу вамъ, и жена, и два сына, да сказывали, перемерли, а такъ-ли—Богъ ихъ вѣдаетъ: я ужъ на все махнулъ рукой и порѣшилъ, гдѣ ни жить, а жить надо, поколь Господь приберетъ; да бѣда въ томъ, что смерть-то не идетъ ко мнѣ; а ужъ пора, давно-бы пора: мнѣ 60 лѣтъ. И удивительно, подумаешь, какъ это на свѣтѣ все устроено: иной молодежь, богатъ, знатенъ, какъ сыръ въ маслѣ купается, заболѣваетъ, толпа докторовъ его лечить, а онъ все-жъ-таки помретъ; а другой, какъ вотъ я, примѣрно сказать, еле ноги

волочить, впроголодь жить, работает что ни на есть тяжелую работу, мокнет на дождь, мерзнет на морозъ— всѣ, одно слово, напасти на него сыплются, а живетъ себѣ, да и не живетъ, а только небо, вѣдь, коптитъ, и то кончины ему нѣтъ. Чудеса Господни!...

— Скажите пожалуйста сколько мнѣ времени надо быть на заводѣ? перебилъ молодой, красивый арестантъ-малороссъ.

— На сколько времени ты осужденъ?

— На годъ, за кражу 13-ти рублей у полковника, когда былъ у него вѣстовымъ.

— Если ни въ чемъ не проштрафился—4 мѣсяца. Однако, зачѣмъ-же ты кралъ? вѣдь, это грѣшно.

— Што-жъ дѣлать, коли такая блажь нашла на меня.

— Ты грамотѣ учень?

— Какъ-же-съ, и читаю, и пишу, что угодно.

— А родители есть у тебя?

— Есть и батька, и matka, въ Полтавской губерніи.

— Писалъ ты имъ, что за кражу заключенъ въ исправительную роту?

— Нѣтъ, не писалъ, да и писать не можно.

— Почему?

— Мнѣ стыдно, а имъ будетъ обидно, што я въ арестантахъ. Какъ я вспомню про родителей—ажно кошки на сердцѣ скребутся и иногда хотъ въ петлю лезть готовъ, да веревки негдѣ сыскать, чтобы задавиться на ней; а кабы была веревка, я-бы, можетъ быть, давно ужъ порѣшилъ съ собою...

Мы стали искать свою шапку, чтобы удалиться.

— Посидите съ нами еще хотъ маленько, заговорили разомъ нѣсколько голосовъ. Вы-бы поразузнали...

— Вамъ пора и на покой: завтра рано вставать.

— Мы съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ и не спамши пойдемъ на работу, только-бы душу отвести, покалякать съ вами по-просту, да по-дольше.

— А васъ, говорятъ, слѣдуетъ бояться: многіе, какъ вы знаете, наравятъ все убивать кого попало, чтобы въ Сибирь угодить, а я здѣсь почти въ потьмахъ, одинъ среди васъ— 150 человѣкъ... Помните, какъ вахтера кирпичомъ угостили и какъ разозлились?...

— Волоска вашего никто не тронетъ: мы не звѣрье какое, а люди тоже съ сердцемъ! прервало нѣсколько голосовъ разомъ.

— То ись, если кто вамъ не токма что, а только дурное слово молвить—отсчитайте мнѣ сію-же минуту 500 горячихъ, австрицкихъ, вмѣшался старикъ. Головой въ этомъ ручаюсь, потому знаю нашъ народъ. Нашему начальству засиживаться тутъ конечно, не приходится...

Дѣлать было нечего—мы остались и еще около часа пробесѣдовали со многими о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, касавшихся преимущественно міра заключенныхъ; потомъ, когда мы уходили, намъ желали всѣхъ благъ, земныхъ и небесныхъ.

Х.

Клубъ—мѣсто отдыха и развлечения офицеровъ во всѣхъ крѣпостяхъ—былъ здѣсь очень тѣсный, обставленъ плоховато. Оттого офицеры часто удалялись въ городъ, въ просторный трактиръ. Узнавъ это, и мы разъ зашли въ трактиръ потолковать объ интересовавшемъ насъ предметѣ съ офицерами, которыхъ застали тамъ 8 человѣкъ.

— Ну, что вы благополучно вчера добрались съ завода? спросилъ насъ молодой поручикъ.

— Врешь, братъ, вполне виновать, настаивалъ само-обличитель. И ты моли еще Бога за адиторовъ, што легко рассказали, потому это вы бунтъ затѣяли, а за эдакую штуку и къ разстрѣлу водятъ. Я вамъ скажу прямо, обратился онъ къ намъ, што ежели кого и стоитъ пожалѣть, такъ это татаръ: они по своему горячему ндразу, да по ихнему закону, за все про все убиваютъ другъ дружку, а ихъ за это шлютъ въ роты, и они тутъ мрутъ, точно мухи. Вотъ онъ, напримѣръ, навѣрное скоро умереть.

— Истина гаворытъ, отозвался исхудалый черкесъ, лѣтъ подъ 30. Мы за все башкамъ долой. Я просилъ зыда огню. «Не дамъ: субботу». Давай говору. «Нѣтъ тыбѣ огонь». Свигну ухо показалъ. Я хватилъ пистолу и въ бокъ... Мой братъ тозе гаура убилъ, зачимъ опонлъ коня. Оба присланы здѣсь; братъ умиралъ. Климать намъ здѣсь не годна. Было 100 черкеса, тапаръ 17: всѣ умирали, Сибирь шли.

— А вы, магометане, здѣсь ѣдите говядину?

— Нѣтъ. Мы варимъ особо, кушаемъ вмѣстѣ съ евреями: онъ тоже не кушаетъ говядину. Въ горахъ еврей кнжалъ, а тутъ вмѣстѣ ядимъ. Нэволя.

— Э, эх... же... слышалось вблизи. Горе наше горькое.

— Въ чемъ, скажи на милость, твое горе?

— Въ томъ, что я ни за понюшку табаку сгинулъ.

— А онъ, вонъ, слышалъ, чай, всѣхъ васъ винить во всемъ.

— Ну меня врядъ-ли и онъ, злючка, завинитъ. Былъ я унтеръ-офицеромъ въ нѣжинской командѣ и водилъ этапъ. Только разъ послали со мной писаря изъ духовнаго званія, П.; въ бумагѣ было оговорено противъ него «подъ при-смотромъ». Приходимъ на этапъ, писарь К. взялъ у меня сумку, и, какъ всегда прежде,—распечаталъ ее, посмотрѣлъ бумаги и объ П., по его просьбѣ, зачеркнулъ слова «подъ

удалось дѣло сдѣлать хорошенько. Съ этою-же цѣлію я и сюда, вѣдь, господа, пришелъ, т. е. узнать вашъ, офицеровъ разныхъ частей войскъ, взглядъ на роту. Могу-ли я надѣяться на откровенное ваше мнѣніе?

— Вполнѣ, нецрѣмѣнно; намъ женпроваться нечего: этого требуетъ долгъ совѣсти, раздалось нѣсколько голосовъ.

— Искренне благодарю васъ за довѣрчивость.

— Чокнемтесь впередъ, я, знаете, за что? За уменьшеніе въ рядахъ войскъ преступленій и за улучшение быта арестантовъ.

— Идетъ, прекрасная, благая мысль.

Подали вина. Мы усѣлись вокругъ стола, выпили, закурили папирсы, сигары. Славные, истинно русскіе были это люди, на душѣ которыхъ не было никакого темнаго пятна.

— Ну-съ, допрашивайте. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады снабдить васъ, для пользы человѣчества, началъ капитанъ.

— Бываль-ли кто изъ васъ въ другихъ ротахъ?

— Я былъ въ рижской, отозвался одинъ. А я, продолжалъ другой, въ воронежской и кронштадтской. Ну, а я въ херсонской и новогоріевской, кончилъ третій.

— Передавали-ли вы другъ другу тѣ мысли, впечатлѣнія, какія сохранились въ вашей памяти о тѣхъ ротахъ?

— До мелкихъ подробностей: эти роты вѣдь всѣхъ насъ одинаково живо интересуютъ.

— А какою представляется вамъ здѣшняя рота, по сравненію ея съ другими, вами, господа, видѣнными?

— Самою худшею, во всѣхъ отношеніяхъ.

— Суровою жизнію и работами, пояснилъ капитанъ, здѣшнимъ арестантамъ малость развѣ легче, чѣмъ каторжнымъ, которыхъ я караулилъ въ виленской центральной тюрьмѣ, прошлою зимою, а 4 года тому назадъ въ Сибири, откуда едва вырвался.

— Я говорилъ, да не выходить: говорить не сбавать за это срокъ жптя здѣсь...

— Да, это правда: за переходъ въ православіе только въ прежнихъ арестантскихъ ротахъ сокращали срокъ, а въ нынѣшнихъ этого нельзя: законъ не разрѣшаетъ.

— Такъ я и крестится не жалаю.

— Это какъ хочешь.

— И вѣрой, какъ видите, торгуемъ; вотъ мы каковъ народъ, вставилъ обличитель. У насъ всѣ помѣшаны на выгодѣ для себя только, а стоимъ ли мы вниманія—никто и подумать не хочетъ. Одно слово скоты неотесанные!

— А могу я вамъ секретъ открыть? отнесся однажды къ намъ, молодой арестантъ, еврей, въ заводской казармѣ.

— Да. Въ чемъ-же онъ заключается?

— Я поджогъ музыкову избу въ прошломъ году въ Швенцянскомъ уѣздѣ.

— Для чего-же ты поджогъ?

— Всерчахъ на него, што не далъ хлѣба.

— Развѣ тебѣ нечего было ѣсть?

— Точно такъ-съ. Я билъ солдатъ полку, получили письмо—отецъ вмеръ, просился отпускъ, получить наслѣдству,—не пустили. Я и вдралъ. Дорогой просилъ деревня музика хлѣба—не далъ, вдарилъ еще. Я подозревалъ ночь, подзегъ и дальше... Пришелъ домой Швенцяны, позилъ маленьку и мне схалили, въ кандалы, отослали полку и сюда на два съ половиной года. Тутъ цизало тоскать кирпичи, ѣсть мало, завтракать вилать ночью, кусокъ глотку не лезить... Я и открываю вамъ секретъ...

— А знаешь-ли, что за поджогъ въ каторгу ссылаютъ?

— Шлихаль—Сибирь гонять.

— Въ Сибирь-то, дѣйствительно, въ Сибирь, только помни, не на поселеніе, а въ каторгу.

а въ подлогахъ писарей само начальство прежде пріучало. Прежде ихъ, напримѣръ, *заставляли* подписывать всѣ книги за отсутствовавшихъ офицеровъ, когда наступалъ инспекторскій смотръ, или срокъ отсылки книгъ, а офицеровъ, которымъ слѣдовало подписывать, не было на лицо въ полковомъ штабѣ. Скажу больше: я помню полковаго командира, который терпѣть не могъ книги подписывать, а потому *требовалъ*, чтобы писаря *непрерывно* умѣли подписываться подъ его черкъ; ну, тѣ и расчеркивались за него на разныхъ документахъ. И этимъ подлогамъ никто не придавалъ рѣшительно никакого значенія. Точно также казначей, квартермистры, сплошь да рядомъ мало понимали бумаги и во всемъ, поневолѣ, полагались на писарей, которые и заправляли всѣмъ безконтрольно; теперь-же все это совершенно иначе пошло.. Оттого и писарямъ жутко..

— И у насъ въ полку, подхватилъ штабсъ-капитанъ, также, помню, дѣливалось до введенія контрольных палатъ. А какъ завелись эти палаты, хозяйственные комитеты, учеты, да формальность,—такъ старые грѣшки и начали сказываться: писаря,—да и мы, офицеры, сберегли, еще, признаться, кое-какія прежнія замашки... писаря и оказываются, по этому, въ исправительныхъ ротахъ, какъ очистительныя жертвы прежней нашей распушенности.

— Да и теперь, друзья, мы, сознайтесь, не слишкомъ еще далеко ушли на пути прогресса, если судить по *отдельнымъ*, разумѣется, фактамъ, а не въ общихъ чертахъ. Прежде всѣ нареканія въ суровости приговоровъ падали исключительно на аудиторомъ, а нынче намъ самимъ предоставили судить солдатъ. И что-же? Мы иногда рѣшаемъ участь солдатъ гораздо суровѣе аудиторомъ. Когда я служилъ, съ годъ тому назадъ, въ Новогеоргіевскѣ, солдатика, который былъ всего-то два-три мѣсяца на службѣ, за кражу *марки* свѣчки,

во время нахождения часовымъ, послали на три года въ исправительную роту. И выходитъ: повуда мы не у дѣла—мы гуманны и либеральны, а какъ намъ попадетъ дѣло въ руки—мы и сами не прочь забыть эти хорошія слова.

— Да преступленіе-то важное: стоя на часахъ украсть—высшее нарушеніе гарнизонной службы, дисциплины.

— Все это, не спорю, такъ, но солдатикъ, помните, былъ очень молодой, мѣсяцы въ службѣ, да и цѣнность похищеннаго гроша мѣднаго не стоила, слѣдовательно, вънемъ дѣйствовала не испорченность натуры, не корысть, а просто глупость, совершенное незнаніе службы, непониманіе своего назначенія, какъ часовому. А все это, въ совокупности, давало суду, по вовискому-же уставу, право на полнѣйшее снисхожденіе къ подсудимому, т. е. довольно было за-глаза—осудить его на годъ только. Приговоръ этотъ, замѣтите, и самихъ офицеровъ поразилъ, особенно артиллеристы возставали противъ него съ яростью. Вамъ, вѣрно, показывали этого арестанта, какъ диковинку? спросилъ насъ ораторъ.

— Да, я видѣлъ его и согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, которое поддерживалъ, добавлю, и очень умный Новогеоргиевскій комендантъ. Я знаю, однако, что и здѣсь есть арестантъ за упускъ препровождавшагося, по этапу, солдата, который бѣжалъ вслѣдствіе подлога, сдѣланнаго писаремъ, и судъ приговорилъ самаго бѣжавшаго—на годъ, писаря—на полтора, а конвойнаго—на два года, тогда какъ за послѣдняго было то, что онъ почти неграмотный; что писарь всегда распорядился, вмѣсто начальника этапа, а бѣжавшій былъ человекъ образованный и менѣе всѣхъ пострадалъ. Какъ это рѣшеніе понимать?

— Тоже изъ несообразныхъ. Но я никакъ не могу согласиться съ мыслию, чтобы за упускъ арестанта слѣдовало посылать исправляться поведеніемъ: представьте себѣ, чело-

вѣкъ десять лѣтъ сразу велъ себя безупречно, служилъ исправно и вдругъ упустилъ случайно, какъ это тоже бываетъ, арестанта, и его хватать въ роту—исправлять поведеніе. Да причежь-же, господа, тутъ поведеніе? Для такихъ людей должно, думается мнѣ, установить другое совсѣмъ наказаніе; напримѣръ, отдалить ему срокъ увольненія въ безсрочный на годъ, на два, но никакъ не посылать его въ роту, гдѣ онъ содержится съ отъявленными ворами, пьяницами и т. п. отребьемъ. Какъ вы объ этомъ позагааете?

— Вполнѣ съ вами согласенъ: законъ этотъ и меня занимаетъ своею ненормальностью.

— Слава Богу, что я хоть въ васъ нашелъ единомысленика, а то они, вонъ, не хотятъ признать этой аномалии.

— Поясните-ка, господа, мнѣ еще вотъ что: отчего-же являются приговоры въ родѣ тѣхъ, о какихъ мы сейчасъ толковали?

— Охотно. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Харьковѣ, что-ли, т. е., въ центральныхъ постоянныхъ судахъ, засѣдаютъ всегда, сколько извѣстно, по 2—3 *постояннымъ* судей, основательно знакомыхъ съ закономъ, съ рѣшеніями главнаго суда, и они рѣже, полагаю, впадаютъ въ ошибки, въ заблужденія. Къ намъ же пріѣзжаютъ въ 4—5 мѣсяцевъ разъ временные суды изъ одного члена, помощника прокурора и секретаря. Въ судъ этотъ назначаютъ членами изъ разныхъ частей войскъ по ротному, положимъ, командиру. Настаетъ день и часъ засѣданія. Являемся въ судъ, безъ всякаго понятія о дѣлахъ, которыя привезли съ собою членъ съ помощникомъ прокурора. Посвящать насъ во всѣ премудрости члену некогда: ему надо въ 3—4 дня кончить 5—10 дѣлъ, онъ и торопится скорѣй домой къ женѣ, дѣтямъ, потому не выгодно вдвойнѣ проживаться. Поэтому онъ намъ наскоро передаетъ суть дѣла, мы его, иногда, не

пойдемъ сразу и сядемъ за столъ слушать. Обвиняемые, свидѣтели, все это нерѣчистые солдаты, наши подчиненные, и потому каждое слово надо отъ нихъ вытягивать. Прокуроръ хорошо знаетъ дѣло, ловко подведетъ ему итоги, тогда какъ защитники, большею частію неопытные юноши сбиваются, не успѣваютъ освоиться съ своими кліентами—отчасти помогаютъ путаницѣ. Произнесутся рѣчи и мы удалимся совѣщаться. Но, во-первыхъ, какой я могу *свободно* подать голосъ, когда я не приобрѣлъ еще точнаго, подробнаго понятія ни о дѣлѣ, ни о томъ, какое наказаніе ждетъ подсудимаго; во вторыхъ, сознаться при всѣхъ объ этомъ—значить сконфузить себя предъ всѣми вообще, и предъ знатокомъ членомъ въ особенности; въ третьихъ, если я и отброшу въ сторону самолюбіе и заявлю мнѣніе по совѣсти—членъ меня закидаетъ цитатами изъ кассационныхъ рѣшеній главнаго суда, изъ рѣшеній, начать читать которыя мнѣ ужъ не время, не мѣсто; въ четвертыхъ, многимъ изъ насъ и до сихъ еще поръ чудится, что ссылка въ исправительную роту удивительно легкое наказаніе, въ сравненіи съ палочнымъ, и что отъ этого страдаетъ дисциплина, которую они поддерживаютъ согласіемъ во всемъ съ членомъ. Значить, поневолѣ приходится подчиниться члену, который въ торопяхъ сдѣлаетъ промахи, и уѣдетъ, а мы разойдемся во-свояси, до слѣдующаго пріѣзда временнаго суда, въ который попадутъ членами другіе ужъ офицеры, тоже не спеціалисты въ законахъ. Вотъ, ей Богу, вѣрнѣйшая причина приговоровъ, страдающихъ несоразмѣрностью съ виною наказаній.

— Какъ-же, однако, устранить эти промахи?

— Ихъ устранить время, практика, а покуда судъ вновь—опять скажу, неизбежны искупительныя жертвы..

— Но вы вѣдь должны-же читать и воинскій уставъ, и печатающіяся въ „Инвалидѣ“ дѣла, кассационныя рѣшенія,

а изъ всего этого не трудно научиться правильно судить?

— Въ томъ-то и бѣда, что между тѣмъ, что должно дѣлать и тѣмъ, что въ дѣйствительности дѣлается—не малая разница. А такъ какъ никто изъ насъ не похвалится, что онъ Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ,—то слабости человѣческія подъ часъ и отзываются на спинахъ ближнихъ.

— А какія существуютъ отношенія между вами, офицерами и солдатами?

— Вѣрнѣе только начальниковъ и подчиненныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

— Почему же не болѣе пространныя?

— Во-первыхъ, мы сами стоимъ въ опредѣленныхъ границахъ къ своимъ начальникамъ, и произвольно ничего, даже хорошаго, предпринять не можемъ; во-вторыхъ, солдаты твердо помнятъ прежніе порядки и никакъ не могутъ отвыкнуть отъ усвоенныхъ ими издавна и аккуратно передающихся старыми молодымъ солдатамъ привычекъ дичиться насъ, не довѣряться намъ. Поэтому, наше стремленіе быть имъ полезнымъ—въ ихъ глазахъ есть исключительно *приказаніе*, исходящее отъ начальства, безъ всякаго обсужденія: для чего именно это дѣлается. Мы и не въ силахъ развить въ нихъ самостоятельнаго мышленія, даже и въ ихъ частныхъ и личныхъ дѣлахъ.

— Правдивость сказаннаго поручикомъ я подтверждаю вамъ фактомъ, поддержалъ капитанъ. Фактъ этотъ подтвердитъ вамъ и комендантъ. Дѣло въ томъ, что въ полкъ поступилъ, года 3 — 4 тому назадъ, молодой штабсъ-капитанъ, отлично образованный, въ высшей степени честный, гуманный. Какъ только дали ему роту, такъ онъ, съ перваго-же дня, всецѣло отдался заставшей въ его головѣ идее—превратить роту въ образцовую: съ ранняго утра до позд-

ного вечера (ходилъ домой чай пить и обѣдать на часъ, на два) проводилъ онъ все время въ казармѣ съ солдатами; то толковалъ имъ правила стрѣльбы, то законы, уставы, то училъ ихъ читать, писать, то самъ писалъ отъ нихъ письма къ роднымъ; то наставлялъ ихъ, входилъ во всѣ ихъ нужды и потребности, тратилъ на это половину своего жалованья и т. п. Поступалъ онъ, замѣтите, съ солдатами во всемъ ласково, деликатно, тихо; любилъ ихъ точно отличный отецъ своихъ дѣтей. Глядя на его дѣйствія, товарищи изумлялись его терпѣнію, настойчивости, а начальство считало его достойнѣйшимъ офицеромъ, и цѣнило его качества чрезвычайно высоко; да и было за что: онъ, въ короткое, напряжѣннѣе время, подробнѣйшимъ образомъ изучилъ характеры, наклонности, способности всѣхъ 150 человѣкъ. И что-же? Рота начала роптать противъ него, а потомъ — какъ разъ предъ инспекторскимъ смотромъ, — до того возненавидѣла его, что отказалась даже здороваться съ нимъ. Событіе это поразило всѣхъ. Пріѣхалъ генералъ, нашелъ роту во всѣхъ отношеніяхъ, разумѣется, лучшею. Полковой командиръ доложилъ ему о случившемся. Онъ выстроилъ роту въ каре, удалилъ всѣхъ начальниковъ и спросилъ солдатъ: не имѣютъ-ли они какихъ претензій? „Никакъ нѣтъ-съ“, отвѣтили они. „Довольны-ли вы ротнымъ командиромъ?“ продолжалъ онъ. „Никакъ нѣтъ“, единогласно отзывались всѣ. „Что-же онъ васъ обкрадываетъ?“ „Никакъ нѣтъ-съ; даже свои деньги тратитъ на насъ“. „Чего-же вамъ еще нужно?“ „Житія нѣтъ отъ него“. „Бьетъ, ругаетъ онъ васъ, или ученьемъ допекаетъ?“ „Никакъ нѣтъ-съ“. „Скверный онъ человѣкъ, что-ли?“ „Никакъ нѣтъ-съ, очинно хорошій“. „Такъ, скажите-жъ, наконецъ, прямо: отчего вы имъ недовольны?“ „Цѣлые дни въ казармѣ сидитъ, спокою не даетъ, — все толкуетъ, какъ, что надо дѣлать; ажно житія нѣтъ“. Генералъ

а къ подлогамъ писарей само начальство прежде приучало. Прежде ихъ, напримѣръ, *заставляли* подписывать всѣ книги за отсутствовавшихъ офицеровъ, когда наступалъ инспекторскій смотръ, или срокъ отсылки книгъ, а офицеровъ, которымъ слѣдовало подписывать, не было на лицо въ полковомъ штабѣ. Скажу больше: я помню полковаго командира, который терпѣть не могъ книги подписывать, а потому *требовалъ*, чтобы писаря *непретѣнно* умѣли подписываться подъ его почеркъ; ну, тѣ и расчерчивались за него на разныхъ документахъ. И этимъ подлогамъ никто не придавалъ рѣшительно никакого значенія. Точно также казначей, квартирмейстры, силошь да рядомъ мало понимали бумаги и во всемъ, поневолѣ, полагались на писарей, которые и заправляли всѣмъ безконтрольно; теперь-же все это совершенно иначе пошло... Оттого и писарямъ жутко..

— И у насъ въ полку, подхватилъ штабсъ-капитанъ, также, помню, дѣливалось до введенія контрольных палатъ. А какъ завелись эти палаты, хозяйственные комитеты, учеты, да формальности,—такъ старые грѣшки и начали сказываться: писаря,—да и мы, офицеры, сберегли, еще, признаться, кое-какія прежнія замашки.. писаря и оказываются, по этому, въ исправительныхъ ротахъ, какъ очистительныя жертвы прежней нашей распушенности.

— Да и теперь, друзья, мы, сознайтесь, не слишкомъ еще далеко ушли на пути прогресса, если судить по *отдельнымъ*, разумѣется, фактамъ, а не въ общихъ чертахъ. Прежде всѣ нареканія въ суровости приговоровъ падали исключительно на аудиторовъ, а нынче намъ самимъ предоставили судить солдатъ. И что-же? Мы иногда рѣшаемъ участь солдатъ гораздо суровѣе аудиторовъ. Когда я служилъ, съ годъ тому назадъ, въ Новогеоргіевскѣ, солдатика, который былъ всего-то два-три мѣсяца на службѣ, за кражу *тарка* свѣчки,

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.

поймемъ сразу и сядемъ за столъ слушать. Обвиняемые, свидѣтели, все это нерѣчные солдаты, наши подчиненные, и потому каждое слово надо отъ нихъ вытягивать. Прокуроръ хорошо знаетъ дѣло, ловко подведетъ ему итоги, тогда какъ защитники, большею частію неопытные юноши сбиваются, не успѣваютъ освоиться съ своими кліентами—отчасти помогаютъ путаницѣ. Произнесутся рѣчи и мы удалимся совѣщаться. Но, во-первыхъ, какой я могу *свободно* подать голосъ, когда я не приобрѣлъ еще точнаго, подробнаго понятія ни о дѣлѣ, ни о томъ, какое наказаніе ждетъ подсудимаго; во вторыхъ, сознаться при всѣхъ объ этомъ—значитъ сконфузить себя предъ всѣми вообще, и предъ знатокомъ членомъ въ особенности; въ третьихъ, если я и отброшу въ сторону самолюбіе и заявлю мнѣніе по совѣсти—членъ меня закидаетъ цитатами изъ кассационныхъ рѣшеній главнаго суда, изъ рѣшеній, начать читать которыя мнѣ ужъ не время, не мѣсто; въ четвертыхъ, многимъ изъ насъ и до сихъ еще поръ чудится, что ссылка въ исправительную роту удивительно легкое наказаніе, въ сравненіи съ палочнымъ, и что отъ этого страдаетъ дисциплина, которую они поддерживаютъ согласіемъ во всемъ съ членомъ. Значитъ, поневолѣ приходится подчиниться члену, который въ торопяхъ сдѣлаетъ промахъ, и уѣдетъ, а мы разойдемся во-своихъ, до слѣдующаго пріѣзда временнаго суда, въ который попадутъ членами другіе ужъ офицеры, тоже не спеціалисты въ законахъ. Вотъ, ей Богу, вѣрнѣйшая причина приговоры, страдающихъ несоразмѣрностью съ виною наказаній.

— Какъ-же, однако, устранить эти промахи?

— Ихъ устранить время, практика, а пока судъ вновь—опять скажу, необходимы искупительныя жертвы..

— Но вы вѣдь должны-же читать и воинскій уставъ, и печатающіеся въ „Инвалидъ“ дѣла, кассационныя рѣшенія,

Выводъ этотъ врядъ-ли можетъ быть оспариваемъ въ виду того, что фронтовой солдатъ стоялъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ: въ 1869 г.—125 р. 32 к.; въ 1870 г.—124 р. 42 к., считая въ этой суммѣ оружіе, аммуницію, порохъ для стрѣльбы,—предметы, арестантамъ неприсвоенные.

Роты, располагая огородами, собрали съ нихъ овощей:

Въ 1869 г. Въ 1870 г. Въ 1871 г.
Свѣдѣній не получено.

Рижская: . . .

Динабургская:

(5 дес. 150 кв. с.).

Капусты. . . .	3,809 ведр.	2,289 ¹ / ₄ ведр.	Свѣдѣній
Бураковъ . . .	328 пуд.	162 п. 20 ф.	не
Картофеля. . .	38 четв.	28 чт. 5 чк. 4 гарн.	оказалось.

Новогеоргиевская:

(2 дес. 1,077 кв. с.).

Картофеля. . .	35 корецъ.	90 кор.	51 кор.
Капусты. . . .	1,118 вед.	—	1,402 вед.
Луку.	17 пуд.	17 пуд.	22 пуда.
Бураковъ . . .	33 „	—	45 —

Врестъ-Литовская:

(2 дес. 810 кв. с.).

Луку.	20 пуд.	41 п. 1 ф.	14 пуд.
Бураковъ . . .	40 четв.	69 четв. 3 чкв.	120 кваш. в.
Картофеля. . .	52 „	59 „ 4 „	14 четв.
Капусты . . .	30,527 кочн.	49,392 кочн.	2,662 кваш. в.

Бобрыйская:

(4 дес. 426 саж., от-
ведены 19 апрѣля
1871 г.).

Овса.	—	—	14 четв. 4 чкв.
Картофеля. . .	—	—	65 „ 4 „
Луку.	—	—	25 пуд. —
Рѣдьки	—	—	57 „ —
Брюквы	—	—	12 „ 32 ф.
Капусты. . . .	—	—	563 „ 7 „
Овсянной соломы	—	—	3 воза.

ного вечера (ходилъ домой чай пить и обѣдать на часъ, на два) проводилъ онъ все время въ казармѣ съ солдатами; то толковалъ имъ правила стрѣльбы, то законы, уставы, то училъ ихъ читать, писать, то самъ писалъ отъ нихъ письма къ роднымъ; то наставлялъ ихъ, входилъ во всѣ ихъ нужды и потребности, тратилъ на это половину своего жалованья и т. п. Поступалъ онъ, замѣтите, съ солдатами во всемъ ласково, деликатно, тихо; любилъ ихъ точно отличный отецъ своихъ дѣтей. Глядя на его дѣйствія, товарищи изумлялись его терпѣнію, настойчивости, а начальство считало его достойнѣйшимъ офицеромъ, и цѣнило его качества чрезвычайно высоко; да и было за что: онъ, въ короткое, напри-
мѣръ, время, подробнѣйшимъ образомъ изучилъ характеры, наклонности, способности всѣхъ 150 человѣкъ. И что-же? Рота начала роптать противъ него, а потомъ — какъ разъ предъ инспекторскимъ смотромъ, — до того возненавидѣла его, что отказалась даже здороваться съ нимъ. Событіе это поразило всѣхъ. Пріѣхалъ генералъ, нашелъ роту во всѣхъ отношеніяхъ, разумѣется, лучшею. Полковой командиръ доложилъ ему о случившемся. Онъ выстроилъ роту въ каре, удалилъ всѣхъ начальниковъ и спросилъ солдатъ: не имѣютъ-ли они какихъ претензій? „Никакъ нѣтъ-съ“, отвѣтили они. „Довольны-ли вы ротнымъ командиромъ?“ продолжалъ онъ. „Никакъ нѣтъ“, единогласно отзывались всѣ. „Что-же онъ васъ обкрадываетъ?“ „Никакъ нѣтъ-съ; даже свои деньги тратитъ на насъ“. „Чего-же вамъ еще нужно?“ „Житья нѣтъ отъ него“. „Бьетъ, ругаетъ онъ васъ, или ученьемъ допекаетъ?“ „Никакъ нѣтъ-съ“. „Скверный онъ человѣкъ, что-ли?“ „Никакъ нѣтъ-съ, очинно хорошій“. „Такъ, скажите-жъ, наконецъ, прямо: отчего вы имъ недовольны?“ „Цѣлые дни въ казармѣ сидитъ, спокою не даетъ, — все толкуетъ, какъ, что надо дѣлать; ажно житья нѣтъ“. Генералъ

Новогеоргиевской . . .	20,000 р.
Брестъ-Литовской . . .	30,000 »
Бобруйской . . .	24,000 »

143,000 р.

Совершенно готовы были къ 1872 г. казармы одной только Новогеоргиевской роты и то лишь потому, что помещеніе, ею занятое, прежде стояло пустымъ и новымъ; притомъ же въ ротѣ этой вовсе не было устроено камеръ для ночнаго заключенія, что потребовало бы по-крайней-мѣрѣ вдвое больше издержекъ, чѣмъ показано выше.

Продовольствіе, обмундированіе, баня, мыло, вѣнники, остиженіе камеръ и лѣстницъ для каждаго арестанта ежегодно обходились въ ротѣхъ:

Рижской	42 р. 31 к.
Динабургской	43 » 10 »
Новогеоргиевской	44 » 36 »
Брестъ-Литовской	44 » 50 »
Бобруйской	43 » 88 ¹ / ₄ »

Въ ротѣ, гдѣ комплектъ арестантовъ 600 чел., личный составъ начальства составляли слѣдующія лица, получавшія содержаніе по временному штату *):

	Жалованье по чинамъ.	Столовыхъ.	Итого.
Начальникъ, полковникъ . . .	670 р.	980 р. 70 к.	1650 р. 70 к.

Помощники начальника:

Старшіе:

Маіоръ	470 »	280 . 20 .	750 . 20 .
Капитанъ	420 »	280 . 20 .	700 . 20 .

Младшіе:

6 поручиковъ по 330 р. жало-

*) 7 августа 1872 г., послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе ввести, съ 1873 г., нормальные штаты въ Кронштадтской, Рижской, Динабургской, Новогеоргиевской и Брестъ-Литовской ротѣхъ.

ванья и 138 р. столовыхъ каждый. 1980 р.	828 р. —	2808 р. —
Священникъ 600 »	— —	600 »
Секретарь 200 . 70 к.	140 . 4 к	340 . 74 к
2 фельдфебеля по 36 р. каждый. 72 . — .	—	72 . — .
31 унтеръ-офицеровъ по 25 р.		
35 к. каждый. 785 . 85 .	—	785 . 85 .
Писаря:		
2 старшихъ по 25 р. 35 к. каждый. 50 . 70 .	—	50 . 70 .
2 младшихъ » 21 . 15 . .	42 . 30 .	42 . 80 »
2 барабанщика по 5 р. 40 к. каждый 10 . 80 .	—	10 . 80 .
2 цирюльника по 6 р. 45 к. и		
на мыло, бритвы и ножницы по		
7 р. каждый 26 . 90 .	—	26 . 90 .
12 офицерскихъ деньщиковъ по		
2 р. 50 к. каждый 27 . — .	—	27 . — .

Итого. 5,356 р. 25 к. 2,509 р. 11 к. 7,865 р. 36 к.

Разложивъ итогъ послѣдней графы на 600 арестантовъ, ради которыхъ существовалъ этотъ персоналъ, увидимъ, что на долю каждого падаетъ 13 р. 10⁵/₆ к.; если же прибавить къ этой цифрѣ вышепоказанные 43 р. 10 к., то оказывается, что каждый арестантъ обходился казнѣ въ 56 р. 20⁵/₆ к. въ годъ, не считая стоимости: а) дровъ, отпускавшихся на-турою на отопленіе зданій и варку пищи; б) освѣщенія лѣстницъ и дворовъ роты; в) полушубковъ, рукавицъ, полагающихся на зиму, на каждые 10 чел. по одному и по одной парѣ; г) земли, отведенной подъ ротные огороды, и сѣмянъ, употребившихся на засѣвъ этихъ огородовъ; д) обмундированія, прокормленія и вооруженія унтеръ-офицеровъ, и наконецъ е) офицерскихъ квартиръ, а за неимѣніемъ таковыхъ— количества выдаваемыхъ имъ (по чинамъ) и священнику квартирныхъ денегъ и проч. Такимъ образомъ если-бы мы могли выразить въ точныхъ цифрахъ всѣ эти расходы, то вышло-бы, что арестантъ стоилъ казнѣ не менѣе 100 р. въ годъ.

Выводъ этотъ врядъ-ли можетъ быть оспариваемъ въ виду того, что фронтовой солдатъ стоилъ, по официальнымъ свѣдѣнiямъ: въ 1869 г.—125 р. 32 к.; въ 1870 г.—124 р. 42 к., считая въ этой суммѣ оружіе, аммуницію, порохъ для стрѣльбы,—предметы, арестантамъ неприсвоенные.

Роты, располагая огородами, собрали съ нихъ овощей:
Въ 1869 г. Въ 1870 г. Въ 1871 г.

Рижская: . . .

Свѣдѣній не получено.

Динабургская:

(5 дес. 150 кв. с.).

Капусты. . . .	3,809 ведр.	2,289 ¹ / ₄ ведр.	Свѣдѣній
Бураковъ . . .	328 пуд.	162 п. 20 ф.	не
Картофеля. . .	38 четв.	28 чт.5 чк. 4 гарн.	оказалось.

Новогеоргиевская:

(2 дес. 1,077 кв. с.).

Картофеля. . .	35 корецъ.	90 кор.	51 кор.
Капусты. . . .	1,118 вед.	—	1,402 вед.
Луку.	17 пуд.	17 пуд.	22 пуда.
Бураковъ . . .	33 „	—	45 —

Брестъ-Литовская:

(2 дес. 810 кв. с.).

Луку.	20 пуд.	41 п. 1 ф.	14 пуд.
Бураковъ . . .	40 четв.	69 четв.'3 чкв.	120 кваш. в.
Картофеля. . .	52 „	59 „ 4 „	14 четв.
Капусты . . .	30,527 кочн.	49,392 кочн.	2,662 кваш. в.

Бобрыйская:

(4 дес. 426 саж., от-
ведены 19 апрѣля
1871 г.).

Овса.	—	—	14 четв. 4 чкв.
Картофеля. . .	—	—	65 „ 4 „
Луку.	—	—	25 пуд. —
Рѣдьки. . . .	—	—	57 „ —
Брюквы. . . .	—	—	12 „ 32 ф.
Капусты. . . .	—	—	563 „ 7 „
Овсянной соломы	—	—	3 веза.

Дрестантова мастеровых въ ротата было:

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Въ Рижской	96 чел.	88 чел.	84 чел.	307 чел.
» Динабургской	295 »	184 »	176 »	263 »
» Новогорьской	24 »	140 »	213 »	456 »
» Брестъ-Литовской	210 »	195 »	261 »	290 »
» Бобринской	—	135 »	299 »	90 »

Заработали эти люди на ремеслахъ въ ротата:

Въ Рижской	316 р. 7	к. 2,278 р. 92	к. 4,423 р. 33	к. 4,573 р. 43 ³ / ₄ к.
» Динабургской	2,088 »	⁹ / ₄ » 4,144 » 8	» 1,707 » 46	» 5,497 » 72 ¹ / ₄ »
» Новогорьской	229 » 94	» 1,059 » 15 ¹ / ₂ »	» 1,971 » 96 ¹ / ₄ »	» 4,107 » — »
» Брестъ-Литовской	1,634 » 46 ³ / ₄ »	» 2,330 » 85 ¹ / ₄ »	» 5,309 » —	» 6,519 » 9 ¹ / ₂ »
» Бобринской	366 » 8	» 1,758 » 62 »	» 940 » 19 »	» 1,998 » — »

Изъ показанных цифръ, роты издержали:

а) На материалы, инструменты и прочие предметы для работъ:	
Рижская	154 р. 84 к. 803 р. 65 к. 906 р. 5 к. 370 р. 65 к.

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Динабургская	148 р. 5 к.	177 р. 93 к.	446 р. 35 1/2 к.	873 р. 96 к.
Новогеоргиевская	237 > 47 1/2 >	222 > 20 >	919 > 5 1/2 >	838 > 23 1/2 >
Брестъ-Литовская	117 > 20 >	782 > 41 1/2 >	403 > 16 >	1,437 > 18 1/4 >
Бобруйская	245 > 7 3/4 >	813 > 86 >	370 > 74 3/4 >	246 > 10 >
б) Отчислено 10% съ рубля въ пользу работавшихъ арестантовъ:				
Въ Рижской ротѣ	84 р. 36 к.	156 р. 38 1/4 к.	351 р. 72 к.	457 р. 34 к.
» Динабургской »	54 > 48 >	526 > 56 >	168 > 20 1/2 >	523 > — >
» Новогеоргиевской »	22 > 99 >	82 > 92 >	176 > 89 >	410 > 73 1/2 >
» Брестъ-Литовск. »	41 > 48 >	210 > 18 1/4 >	233 > 93 1/2 >	510 > 76 1/2 >
» Бобруйской »	32 > 9 1/2 >	94 > 74 3/4 >	34 > 69 >	199 > — >

Такимъ образомъ на домо казенно работавшую арестанта пришло въ роты:

Въ Рижской	87 к.	1 р. 77 к.	4 р. 18 к.	1 р. 45 к.
» Динабургской	21 >	2 > 86 >	> 89 >	2 > 78 1/2 >
» Новогеоргиевской	15 >	1 > 58 >	> 83 >	> 90 >
» Брестъ-Литовской	1 р. 29 3/4 >	1 > 75 >	1 > 30 >	1 > 46 * >

Въ Бобринской 70 р. до 12 к. 2 р. 21 к.

в) Выдано начальству ротъ въ
вознагражденіе за способствова-
ніе развитію мастерскихъ:

	С в ѣ д ѣ н і я	н е	п о л у ч е н и я
Рижской	—	792 р. 70	р. 136 к.
Динабургской	469 р. 14	коп.	— > — >
Новогеоргиевской	—	487 р. 29	>
Брестъ-Литовской	—	70 > 46	>
Бобруской	—		

Отъ заработковъ мастерскихъ
ротъ осталось чистаго дохода:

Въ Рижской	96 р. 87 к.	1,318 р. 88 ³ / ₄ к.	3,165 р. 56	к. 3,745 р. 44 ³ / ₄ к.
> Динабургской	1,885 > 47 ² / ₄ > 3,439 > 53	> 1,102 > 90	> 4,100 > 76 ¹ / ₄ >	
> Новогеоргиевской	—	284 > 59 ¹ / ₂ >	666 > 83 ³ / ₄ >	2,858 > 3 >
> Брестъ-Литовской	1,475 > 78 ³ / ₄ > 1,338 > 25 ¹ / ₂ >	4,184 > 62 ¹ / ₄ >	5,081 > 91 ¹ / ₄ >	
> Бобруйской	88 > 90 ³ / ₄ >	850 > 1 ¹ / ₄ >	464 > 29 ¹ / ₄ >	1,552 > 90 >

Итого выходы от мастеровых ротъ за все время ихъ существованія:

Въ Рижской . . .	8,084 р. 77 1/2 к.,	за человѣка по 14 р. 6 к. съ дробью.
» Динабургскъ . .	9,600 » 3 1/2 »	» 10 » 45 »
» Новогорскъ . .	3,809 » 46 1/4 »	» 4 » 84 »
» Брестъ-Лит. . .	12,080 » 57 3/4 »	» 12 » 63 »
» Бобруйской . .	2,956 » 11 1/4 »	» 5 » 64 »
	36,530 р. 96 1/4 к.	

Кромѣ того, арестантами сработано по приспособленію зданій въ роты:

Въ Рижской.	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
» Динабургской	2,252 р.	4,923 р.	6,500 р.	5,925 р. 13 к
	Приспособили вольнонаемнаго- 2,500 »			
	божіе, а арестанты ходили на			
	кѣпостныя работы.			
» Новогорскіевской	1,153 р. 47 3/4 к.	1,571 » 31 к.	2,732 » 73 »	
» Брестъ-Литовской	4,845 р. 68 3/4 к.	6,079 » 57 1/2 »	9,002 » 99 »	2,063 » 11 1/2 »
» Бобруйской	Приспособили вольнонаемнаго- 3,600 «			
	божіе, а арестанты ходили на			
	кѣпостныя работы.			

*Итого арестанты заработали, приспособля казармы за весь
года в ротях:*

Въ Рижской	19,600 р.	15 к.
» Динабургской	2,500 »	— »
» Новогоріевской	5,457 »	51 ³ / ₄ »
» Брестъ-Литовской	22,531 »	86 »
» Бобруйской	3,600 »	— »

53,689 р. 2³/₄ к.

*А всего мастеровые и приспособляніе зданія принесли пользу
своими трудами в ротях:*

Въ Рижской	27,684 р.	92 ¹ / ₂ к.
» Динабургской	12,100 »	3 ¹ / ₂ »
» Новогоріевской	9,266 »	98 »
» Брестъ-Литовской	34,611 »	93 ³ / ₄ »
» Бобруйской	6,556 »	11 ¹ / ₄ »

90,219 р. 99 к.

*Грамоты учим арестантов во
естьх ротать, причемъ было:*

*а) Умѣвшихъ читать, писать и
знавшихъ 4 правила арифметики:*

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Въ Рижской		63 чел.	92 чел.	84 чел.
„ Динабургской	40 чел.	118 „	58 „	70 „
„ Новогоріевской		122 „	23 „	68 „
„ Брестъ-Литовской	57 „	23 „	21 „	44 „
„ Бобруйской	125 „	105 „	91 „	84 „

б) Все неграмотныхъ:

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Въ Рижской		66 „	101 „	39 „
„ Динабургской	528 „	313 „	200 „	342 „
„ Новогоріевской		364 „	186 „	126 „
„ Брестъ-Литовской	393 „	42 „	30 „	101 „
„ Бобруйской	185 „	558 „	344 „	487 „

*На классная принадлежности и
книги для чтенія роты истрани:*

Рижская

3 р. 96 к.

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Динабургская	Со времени открытия роты по 1871 г.	170 р. 71	к. 112 р. 71	к.
Новогеоргиевская	8 р. 58	к. 129 р. —	к. 60 " 5 ¹ / ₂ "	34 " 98 "
Брестъ-Литовская	52 " 20	" 109 " 99	" 32 " 9 ³ / ₄ "	66 " 27 ³ / ₄ "
Бобруйская	95 " 60 ³ / ₄ "	68 " 36 ¹ / ₂ "	200 " 41 ¹ / ₄ "	102 " 15 "

Изъ наличнаго числа арестантовъ совершили проступки и подвергались взысканіямъ въ ротѣ:

Рязской	32 чел.	60 чел.	75 чел.
Динабургской	175 "	249 "	319 "
Новогеоргиевской	163 "	213 "	108 "
Брестъ-Литовской	173 "	495 "	284 "
Бобруйской	277 "	259 "	162 "
			387

Изъ означеннаго числа провинившихся были тѣлесно наказаны въ ротѣ:

Рязской	11 "	14 "	18 "
Динабургской	Точныхъ цифръ въ ротѣ не было.		
Новогеоргиевской	112 чел.	34 чел.	21 чел.
Брестъ-Литовской	44 "	17 "	14 "
			8 "

	Въ 1868 г. 121 чел.	Въ 1869 г. 60 чел.	Въ 1870 г. 42 чел.	Въ 1871 г. 30 чел.
Вобруйской				

Изъ находившихся въ ротѣ арестантовъ было:

Въ Рижской	302	250	266	
„ Динабургской	1,485	992	1,263	
„ Новогоріевской	382	372	561	
„ Новогоріевской	439	450	108	
„ Брестъ-Литовской	1,198	2,284	1,656	
„ Вобруйской	1,683			
„ Вобруйской				

Изъ числа заблужденныхъ арестантовъ умерло въ ротѣ:

Рижской	6	14	23	
Динабургской	100	35	40	
„ Динабургской	40	92	57	
Новогоріевской	43	29	38	
Брестъ-Литовской	149	99	105	
Вобруйской	63			

Движение дымовозводства въ ротѣ происходило въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) входящихъ нумеровъ было въ ротѣхъ:

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Рижской		1,794	2,512	
Динабургской		2,984	2,710	3,348
Новогеоргиевской	1,720	1,076	3,107	4,689
Брестъ-Литовской	2,464	2,754	1,897	1,854
Вобруйской	5,438	4,901	3,728	3,938

б) исходящихъ нумеровъ было въ ротѣхъ:

Рижской	3,259	2,662		
Динабургской	3,463	2,967		3,170
Новогеоргиевской	2,037	3,155		4,752
Брестъ-Литовской	3,287	2,591		2,413
Вобруйской	4,947	3,837		4,020

Читатели безъ сомнѣнія обратили вниманіе на сдѣланные нами, въ вышеизложенной таблицѣ, отмѣтки о неполученіи изъ ротъ нѣсколькихъ свѣдѣній, а равно объ оставленныхъ, въ разныхъ мѣстахъ таблицы, пробѣлахъ. То и другое произошло оттого, что ротамъ, тотчасъ по ихъ открытіи, не было преподано подробныхъ правилъ: какъ и что именно записывать, а потому онѣ, обремененныя, ктому-жъ, значительною перепискою или не могли, или даже избѣгали пунктуально все излагать на бумагѣ и изъ частныхъ замѣтокъ группировать общіе выводы. Подробная провѣрка *всѣхъ денежныхъ* цифръ въ самыхъ ротамъ чрезвычайно усложнило бы нашу работу; поэтому мы принуждены были воспользоваться цифрами такъ, какъ добыли ихъ изъ первыхъ, впрочемъ, рукъ—ротъ. Отсюда понятно, что мы не можемъ ручаться за *безусловную* *вѣрность* всѣхъ денежныхъ цифръ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ противорѣчатъ соответствующимъ, значащимся въ официальныхъ отчетахъ главнаго военно-тюремнаго комитета. Словомъ, если въ означенныхъ цифрахъ окажутся какія-нибудь ошибки,—то отвѣтственность за это слагается на источники—роты.

II.

Кончивъ обзоръ того состоянія пяти исправительныхъ ротъ, въ которомъ мы ихъ видѣли, — перейдемъ къ указанію общихъ мѣропріятій, отъ введенія которыхъ зависитъ, по нашему убѣжденію, успѣхъ благихъ предначертаній—исправленія нравственности людей, заключаемыхъ, за совершенныя ими преступленія, въ эти роты. Какъ извѣстно всякій физическій недугъ гораздо легче лечить, когда узваны причины, вызвавшія его и намъ, по аналогіи, необходимо разсмотрѣть, предварительно, солдатскій бытъ.

Гдѣ бы солдатъ ни жилъ, онъ самъ производитъ для себя все, что входитъ въ составъ его быта, ибо никакой прислуги ему не полагается. Уборка казармы, очистка двора ея, поддержка аммуниціи, обмундировки, постели и т. под.,— все это лежитъ на его обязанности. Чѣмъ у солдата новѣе одѣяло, чѣмъ чище портупоя, наволочка,—тѣмъ выше стоитъ онъ въ глазахъ начальства: заботливость, опрятность, свидѣтельствуютъ о степени его прилежанія,—заслуги, оцѣниваемой установленными повышеніями и отличіями. Перемѣны въ жизни солдата, въ году, три: лагерь, отдыхъ и зимнія квартиры.

Перемѣны эти заключаются въ слѣдующемъ:

Лѣтомъ, во время нахождения солдатъ въ лагеряхъ, они встаютъ, обыкновенно, въ 4, отнюдь не позже 5 часовъ утра; одѣвшись, они подвергаются осмотру и перекличкѣ, а затѣмъ чаще всего отправляются на стрѣльбу, за 2—4 версты отъ своихъ палатокъ. Вернувшись оттуда, чрезъ 3—4 часа времени, они чистятъ задымившіяся ружья, запылившуюся аммуницію, потомъ обѣдаютъ, починаютъ, отдыхаячи казенное свое имущество; послѣ того идутъ опять на фронтовое, гимнастическое или на фехтовальное ученія. По окончаніи того или другаго дѣйствія, солдаты моютъ пропотѣвшее бѣлье, которое сушатъ на заднихъ линіяхъ палатокъ, ужинаютъ, вновь подвергаются перекличкѣ, узнаютъ распредѣленіе будущаго дня, и наконецъ ложатся спать. Оказывается, что досуга у нихъ не больше 3-хъ—4-хъ часовъ въ день; досугъ этотъ употребляется преимущественно на хозяйственную часть. Кромѣ того, на солдатъ возлагаются, въ лагеряхъ, усиленные караулы, разводы съ церемоніями, форпостная служба; ихъ водятъ на смотры, парады, на малые и большіе маневры, нерѣдко продолжающіеся сряду недѣлю, въ теченіе которой они переходятъ значительное разстояніе,

въ ранцахъ, набитыхъ багажемъ, т. е. несутъ на плечахъ 1—2 пуда сотни верстъ. И все это они переносятъ стойче, весело, въ перемежку съ пѣснями. Иной разъ дождь насквозь промочитъ ихъ, а они радуются, говоря «славный дождь,—урожай будетъ, наши въ деревнѣ поправятся.»

Изъ лагерей солдаты арміи (мы вездѣ лишь о нихъ говоримъ) отправляются на квартиры, въ казармы, по городамъ, деревнямъ, и, прибывъ на мѣсто, получаютъ отдыхъ на мѣсяцъ, на два. Не думайте, однакожъ, чтобы этотъ отдыхъ былъ дѣйствительнымъ для нихъ отдыхомъ, т. е. чтобы они могли въ это время предаваться сибаритству? Нѣтъ: изъ всѣхъ ихъ занятій, въ этотъ періодъ не бываетъ однихъ только *учений*, которыя замѣняются распускомъ солдатъ, днемъ на *воинныя работы*, дабы они къ недостаточнымъ казеннымъ матеріальнымъ ихъ средствамъ — своимъ физическимъ трудомъ добыли восполненіе, необходимое для удовлетворенія остальныхъ ихъ нуждъ. Тутъ энергія ихъ не знаетъ предѣловъ. Сапожникъ, съ раннего утра до позднего вечера, не разгибаясь, шьетъ и чинитъ сапоги, портяной—бѣлье, нагрудники и т. под., тотъ и другой работаютъ для товарищей, таскающихъ въ это время бревна, камни и пр.

Съ наступленіемъ зимы, начинаются всякаго рода фронтныя ученья, занятія грамотностью, теоріею стрѣльбы, разборка, сборка оружія и т. под., по капральствамъ, по ротамъ, не то и баталіонно, для чего, если расположены по деревнямъ, сходятся въ сборные пункты, на взирая ни на морозы, ни на вьюги. Въ деревняхъ солдаты, чтобы ихъ хозяева, получающіе только паекъ, лучше кормили, помогаютъ на досугѣ молотить, дрова рубить, снѣгъ сгребать, и т. д. Деревенская жизнь дѣйствуетъ на солдатъ, въ общихъ чертахъ, благотворно: независимо нѣкоторой свободы

личности, эта жизнь, среди первобытныхъ занятій, освѣ-
щаетъ въ нихъ память родину, родныхъ и они сравниваютъ
свое прошлое съ настоящимъ, строятъ планы будущности и
т. д. Съ иными, впрочемъ, слабохарактерными, происходитъ
и недоброе: живое воспоминаніе о волѣ, мысль объ утра-
ченной возможности жить *своимъ* умомъ — зарождаетъ въ
нихъ уныніе и тоску; размышлять горе не съ кѣмъ и они
получаютъ къ своему званію антипатію, которая приводитъ,
какъ читатели узнаютъ ниже, къ дурнымъ результатамъ.

Такимъ образомъ, разнообразная солдатская жизнь въ
безпрестанномъ подчиненіи—трудная доля. Тѣмъ не менѣе
солдаты, вообще говоря, скоро привыкаютъ къ этой жизни:
самое разнообразіе дѣйствій занимаетъ ихъ; кромѣ того они
видятъ, что и обремененное разнообразными занятіями на-
чальство, въ предѣлахъ предоставленной ему власти, возна-
граждаетъ ихъ прилежаніе, а все это, вмѣстѣ взятое, возбуж-
даетъ въ нихъ энергію, соревнованіе, сплочиваетъ ихъ ближе
другъ къ другу и оттого среди нихъ столь быстро крѣп-
нетъ и развивается духъ корпораціи, что въ годъ-два изъ
большинства крестьянъ создаются такіе *солдаты*, превра-
тить которыхъ обратно въ крестьянъ ужъ немыслимо: ус-
военныя ими правила, взгляды—на всю жизнь остаются въ
нихъ безъ измѣненія. Мало того: нѣкоторымъ солдатамъ внѣ
службы скучно, нерѣдки случаи, что и любовь къ женѣ и
дѣтямъ въ нихъ охлаждается, среди кипучей дѣятельности.
Особенно хороши солдаты при начальникахъ развитыхъ,
умныхъ возбуждать въ нихъ уваженіе къ ихъ призванію,
обходящихся съ ними строго, но *безпристрастно*, оказы-
вающихъ имъ довѣріе, поощряющихъ въ нихъ молодечество,
въ служебномъ смыслѣ, а въ минуты душевной невзгоды,
матеріальныхъ лишеній, позволяющихъ имъ обращаться за

словомъ утѣшенія и за помощью, «къ отцу родному,» какъ солдаты называютъ многихъ своихъ начальниковъ.

«Въ семьѣ не безъ уroda», говоритъ пословица. Это изрѣченіе отражается, понятно, и на военномъ сословіи. Въ нашей арміи считается солдатъ, всѣхъ наименованій, больше 700,000 чел., а на этотъ составъ положено, въ 15 исправительныхъ ротахъ 7060 мѣстъ заключенія, да въ Тобольскомъ и Усть-Камменногорскомъ каторжныхъ отдѣленіяхъ 800 мѣстъ,—слѣдовательно изъ 700,000 арміи до 8000 уродовъ-преступниковъ составляютъ процентъ незначительный. Тѣмъ не менѣе рождается вопросъ: предшествовавшая-ли, до поступленія въ солдаты, жизнь изуродовала ихъ, служба-ли, или же въ этомъ повинна сама природа?

Первая категорія преступниковъ, по мнѣнію большинства солдатскихъ начальниковъ, которыхъ мы видѣли, въ продолженіи своего странствія, по крѣпостямъ, не одну сотню, и съ которыми много бесѣдовали на эту тему — состоитъ изъ дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ и солдатскихъ сыновей, поступившихъ въ службу по *найму*. По словамъ начальниковъ люди эти — самый вредный элементъ въ войскѣ: они грубы, лѣнивы, пьяницы, небрежно относились къ своимъ обязанностямъ, не подчинялись начальникамъ, совершали преступленія, вовлекая и другихъ въ таковыя. Отрицать это грустное явленіе мы не станемъ: дѣйствительно въ солдаты большею частію нанимались личности, которые вслѣдствіе тунеядства, дурнаго поведенія — нигдѣ не находили себѣ мѣстъ и работы, а потому не думая о многомъ, рассчитывали службою гарантировать себѣ по крайней мѣрѣ хоть *пропитаніе*. Убѣдившись же, потомъ, что за это прокормленіе требуютъ труда, да еще усиленнаго, они предавались прежнимъ порокамъ. Но сопоставивъ это явленіе съ практикою, — невольно приходѣмъ къ заключенію, что

едва-ли уместно обвиненіе *всѣхъ* наемщиковъ въ приписываемыхъ имъ худыхъ качествахъ; при этомъ, для подкрѣпленія нашей мысли, приведемъ примѣры изъ солдатскаго же быта. Солдаты изъ простолюдиновъ неразвитой, малограмотный, либо и вовсе не грамотный—не въ состояніи, разумѣется, подвергнуть критикѣ какое бы то ни было распоряженіе, приказаніе начальника, и потому, съ малолѣтства обезличенный, приученный повиноваться всякому, выше его поставленному—онъ исполняетъ *все*, что угодно, безпрекословно, что вполнѣ, конечно, согласуется съ дисциплиною. Солдаты же изъ чиновниковъ, всегда хоть немного да развитой, слышатъ приказаніе, кажущееся ему, по его понятіямъ, нелогичнымъ—способенъ къ резонерству, къ возраженію, тѣмъ болѣе, что въ бытность его въ гражданской, напр., службѣ, гдѣ тоже есть извѣстнаго рода дисциплина—ему приходилось высказывать свои замѣчанія на приказанія и это, однакожъ, не влекло за собою никакихъ тяжелыхъ для него послѣдствій. Изъ 10 простыхъ солдатъ развѣ одинъ обидится, если на него прикрикнуть, если обозвать его крѣпкимъ словомъ, либо и пнутъ; но едва ли трое изъ 10 солдатъ-чиновниковъ, съ которыми до ихъ поступленія въ солдаты всѣ деликатно обращались, — вынесутъ такое униженіе хладнокровно; остальные же навѣрное возмутятся этимъ обхожденіемъ никакъ солдаты, а какъ люди, къ этому не привыкшіе, и, какъ бы низко они ни пали морально—въ нихъ все-таки еще сохранилась нѣкоторая доза самолюбія, или такъ называемаго дворянскаго гонора. Наконецъ нѣкоторые легкомысленные наемщики, представляя себѣ службу въ розовомъ свѣтѣ, въ послѣдствіи, попавши въ нее, разочаровывались въ ней, и, преслѣдуемые создавшимися въ ихъ умахъ призраками,—ожесточались, и въ этомъ состояніи становились еще пуще щепетильными, что скорѣе дѣлало ихъ

преступными. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ или другіе протесты, возраженія тамъ, гдѣ установлено пунктуально творить волю пославшаго, иногда казались оскорбительными для начальниковъ, которые сгоряча подводили эти прегрѣшенія подъ категорію преступленій противъ дисциплины, а совершившихъ таковыя новаторовъ,—подъ строгую кару закона, какъ это видно, напр., изъ 323—325 стр. очерковъ.

Защита наемщиковъ вовсе не входитъ, повторяемъ, въ нашу задачу, такъ какъ въ будущемъ наниматься въ солдаты воспрещено Высочайшимъ повелѣніемъ, обнародованнымъ въ приказѣ Г. Военнаго Министра, отъ 15 Декабря 1871 года. Но мы сочли полезнымъ высказаться по этому предмету, въ виду готовящейся общей воинской повинности, по введеніи каковой реформы армія *сразу* получитъ массу мыслящихъ солдатъ, изъ которыхъ многіе, до-тѣхъ-поръ, покуда не проникнутся духомъ дисциплины, навѣрное станутъ также критически относиться къ нѣкоторымъ приказаніямъ менѣе ихъ образованныхъ начальниковъ. Не дай Богъ, конечно, чтобы они за это попадали въ исправительныя роты. Впрочемъ, врядъ-ли обойдется безъ такихъ искупительныхъ жертвъ: въ арміи еще довольно офицеровъ съ узкими, своеобразными понятіями о подчиненныхъ, являясь говоря давнишняго закала, а они, ярые ретрограды, доселѣ еще стоятъ въ оппозиціи противъ современныхъ требованій прогресса... Мы говоримъ это потому, что во всѣхъ частяхъ войскъ чувствуется изрядный недостатокъ образованныхъ и близко знакомыхъ съ солдатскимъ бытомъ, офицеровъ; въ этомъ увѣряли насъ не только командиры отдѣльных частей, но и самыя высокопоставленныя, въ военной іерархіи, лица, вполнѣ ужъ, разумѣется, въ этомъ отношеніи компетентныя. И такъ, остается горячо желать, чтобы нашлись, какъ можно скорѣе, такіе разумныя мѣры

которыя до введенія всеобщей солдатчины спустили бы въ лету указанную нами ненормальность, для блага человѣчества и въ интересахъ самой военной службы.

Вторую категорію преступниковъ составляютъ люди слабыя, предрасположенные къ чахоткѣ и меланхолическаго характера; люди, которымъ не только исполненная непрерывной работы служба тяжела, но и самая жизнь, нерѣдко, немала; а какъ служить имъ всетаки приходится наравнѣ съ товарищами, то они, постепенно ослабѣвая физически и морально, — начинаютъ пить. Между тѣмъ матеріальныя средства ихъ ничтожны, и потому они проматываютъ, обыкновенно, казенныя вещи, безъ которыхъ явиться въ роту имъ трудно: ихъ ждетъ позоръ, кара. И вотъ одинъ, — самолюбивый, бѣгутъ со службы, славливаются, приводятся обратно, и попадаютъ подъ судъ, а другіе, не обладающіе самолюбіемъ, робко возвращаются, во-свося, раздѣтыми, смиренно сгибаютъ вью, высиживаютъ не мало времени въ карцерахъ, подвергаются перечисленію въ штрафныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и несравненно строжайшему, нежели безпорочныя, надзору. Тѣхъ и другихъ такое положеніе еще больше тяготитъ, они окончательно подавливаютъ въ себѣ честь, совѣсть, и тихое пристанище ихъ въ исправительной ротѣ, гдѣ они находятъ утѣшеніе хоть въ томъ, что чувствуютъ себя избавленными, наконецъ, отъ походовъ, карауловъ, стрѣльбы, фехтованья и многихъ другихъ обязанностей, сопряженныхъ съ *фронтвою* службою. Болѣе быстрому переходу ихъ въ исправительныя роты способствуетъ, отчасти, та же тѣлесная немощь ихъ: тѣмъ солдатъ здоровѣе, — тѣмъ больше многіе начальники дорожатъ имъ, и тѣмъ снисходительнѣе бываютъ къ его проступкамъ; человѣкъ же маловыносливый, часто болѣющий, огорчаетъ нѣкоторыхъ начальниковъ не столько вслѣдствіе *собоузнанія* о немъ, сколько по присущему каждому чув-

ству эгоизма: высшее начальство перѣдко судить о степени попеченія начальника о вѣреннѣхъ ему солдатахъ по числу больныхъ въ его части. Оттого хилому солдату несравненно меньше помирволятъ, нежели здоровому. Мы не разъ слышали, какъ разные (неразвитые, конечно) начальники выражали удовольствіе, узнавъ, что преданный суду слабосильный солдатъ осужденъ въ исправительную роту: «наконецъ таки избавимся, говорили они, отъ него, а то часто лежитъ въ госпиталѣ, *по нашимъ спискамъ* — одеѣ непріятности черезъ него».

Третья категорія совмѣщаетъ въ себѣ двѣ фракціи. Одна— это солдаты пылкой, неуживчивой натуры, дѣйствительно отбивающіеся отъ рукъ, вслѣдствіе своего чрезвычайъ подвижнаго характера, и отвращенія къ подчиненію. Этого сорта люди сознательно совершаютъ преступленія, попадаясь въ воровствѣ, мошенничествѣ, дерзостяхъ противъ начальства. Другая же фракція состоитъ изъ людей, одержимыхъ тоскою по роднѣ, близкимъ сердцу людямъ, и мирнымъ, *сельскимъ* занятіямъ. Болѣзнь эта *ностальгія* (*nostalgia*) въ нихъ особенно сильно развивается, когда они квартируютъ въ деревняхъ и видятъ то, чѣмъ сами владѣли столь недавно, что такъ мило ихъ сердцу и отчего они, противъ воли, удалены. Идиллія деревенскаго быта разстраиваетъ ихъ нервы, они дѣлаютъ все зря, машинально, многого, по забывчивости, вовсе не исполняютъ, потому что мысли ихъ витаютъ вдалекѣ отъ ихъ обыденной жизни; послѣ многократныхъ дисциплинарныхъ взыскацій, покорно ими переносимыхъ,—они доживаютъ до двоякаго рода несчастій: или осуждаются за уклоненіе отъ службы, прямо въ исправительныя роты, или же полковые суды приговариваютъ ихъ, за проступки, какъ штрафованныхъ, къ тѣлесному наказанію. Выслушавъ приговоръ, они мгновенно воспаляются при мысли о пред-

стоящей имъ физической боли и, не зная на комъ сорвать свою досаду, — обругиваютъ персоналъ суда и отсылаются, потомъ, все-таки въ исправительныя роты. Бранятъ они судъ вотъ почему: 356 ст. воен. суд. уст. предписываетъ суду спрашивать осужденнаго: «доволенъ-ли онъ приговоромъ»; проще выражаясь: доволенъ-ли онъ тѣмъ, что ему отсчитаютъ 50 ударовъ розогъ? Хладнокровный, понятливый человѣкъ ограничится короткимъ отвѣтомъ: «нѣтъ»; человѣкъ же впечатлительный, въ груди котораго давно уже кипитъ злоба, или человѣкъ, по невѣжеству своему немогущій сообразить, что его караетъ законъ, а не *судьи*, которые служатъ только выразителями постановленій закона—услышавши это публично, при постороннихъ зрителяхъ,—прямо набрасывается на судей, предполагая, что его будущая физическая боль—дѣло ихъ власти, ихъ злосердечія.

Здѣсь, кстати, скажемъ, что не малое число оскорбленій суда можетъ быть предотвращено, если не экспромптомъ объявлять подсудимому приговоръ, какъ это дѣлается на практикѣ, а предварительно мягко, съ тактомъ, посвятить его въ смыслъ закона, т. е. *приготовить* къ выслушанію постигшей его участи слегка, осторожно. Какъ ни прискорбно, что проступки солдатъ влекутъ за собою тѣлесное наказаніе, однако нельзя не замѣтить, что въ солдатахъ начинаетъ обнаруживаться сознаніе собственного достоинства; помимо боли физической, они считаютъ позоромъ для себя это наказаніе, и дабы избавиться отъ него—многіе штрафованные въ содѣянному ими преступленію, за которое имъ предстояло тѣлесное наказаніе,—постоянно прибавляютъ побѣгъ, и по совокупности преступленій попадаютъ въ исправительныя роты (см. 168 стр.). Очевидно, что они предпочитаютъ часовой физической боли годы печальной неволи. Явленіе это, полагаемъ, можетъ служить доказательствомъ существованія въ

людяхъ чувства самолюбія, которое даетъ положительную надежду на то, что если съ умѣньемъ взятыя за нравственную сторону такихъ солдатъ, то не мудрено вселить въ нихъ отвращеніе ко злу и къ безчестнымъ поступкамъ.

Четвертая категорія, состоящая изъ *случайныхъ* преступниковъ, распадается на нѣсколько разрядовъ; унтеръ-офицеры и ефрейторы не на много отличаются познаніями отъ простыхъ рядовыхъ; въ лагеряхъ, въ казармахъ, въ деревняхъ— всѣ они живутъ и дѣйствуютъ вездѣ и всегда вмѣстѣ, интересы у всѣхъ нихъ одни и тѣ же, а отсюда невольно вытекаютъ и неизбежныя, между ними, столкновенія. Положимъ, что пріятеля-земляки не могли въ чемъ-нибудь мирно согласиться, поссорились. Унтеръ-офицеръ *заставилъ* молчать рядового, который, помня прежнюю дружбу, — считъ это приказаніе для себя обиднымъ и въ сердцахъ обругалъ, не то и толкнулъ унтеръ-офицера. Такимъ образомъ онъ оказывается виновнымъ въ оскорбленіи своего начальника и нарушеніи дисциплины. Унтеръ-офицеръ ведетъ компанію солдатъ со двора, заходитъ съ рядовымъ къ его, либо своей женѣ, возлюбленной; оба угощаются водкой и подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, одинъ, въ разговорѣ, задѣваетъ другаго за живое. Это естественно возбуждаетъ въ томъ гнѣвъ, выражающійся въ ссорѣ, не то и дракѣ. Унтеръ-офицеръ жалуется по начальству и рядовой признаетъ виновнымъ въ нарушеніи дисциплины, посредствомъ оскорбленія унтеръ-офицера. Таковъ первый и наиболѣе многочисленный составъ преступниковъ. Другой разрядъ тоже довольно значительный, заключаетъ въ себѣ людей, караемыхъ за упускъ арестантовъ, во время конвоирования ихъ въ пути, или стоянія на часахъ, возлѣ воротъ или дверей, изъ коихъ заключенные ухитрились бѣжать. Третій разрядъ состоитъ изъ лицъ, которые, встрѣтившись начальнику въ нетрезвомъ видѣ, не отдали ему долж-

ной чести и были за это остановлены съ приказаніемъ явиться въ роту и доложить фельдфебелю о своемъ проступкѣ, или отправиться прямо подъ арестъ, но отказались исполнить это, да еще въ запальчивости отвѣтили начальству дерзостью. Четвертый разрядъ — мастеровые, наказываемые за пьянство запоемъ и неповиновеніе. Пятый разрядъ артельщики, несущіе наказаніе за растрату артельныхъ денегъ, за утайку и присвоеніе себѣ доли припасовъ и писаря за подлоги, пьянство, и буйства. Шестой же разрядъ составляютъ унтеръ-офицеры и фельдфебеля, подвергаемые наказанію за превышеніе власти, за сокрытіе преступленій, вслѣдствіе полученія за это взятокъ, и за употребленіе подчиненныхъ на работы изъ своекорыстныхъ выгодъ.

Сводя итогъ солдатскимъ преступленіямъ, мы видимъ, что ихъ набирается счетомъ 10, кромѣ прелюбодѣянія, за которое иногда уличенные въ немъ тоже попадали въ роты; но преобладающія преступленія суть: 1) пьянство; 2) утрата казенныхъ вещей; 3) грубость, дерзость и оскорбленіе начальниковъ; 4) воровство и 5) подлоги, утайка и присвоеніе чужой (артельной) собственности.

Переходя къ вопросу о наказаніяхъ, постигающихъ солдатъ за перечисленные преступленія, — мы съ сожалѣніемъ должны замѣтить, что недостатокъ вниманія иныхъ офицеровъ къ сердечнымъ чувствамъ, наклонностямъ солдатъ, поверхностное знаніе внутренняго, казарменнаго быта подчиненныхъ, а равно спартанскій взглядъ на службу нѣкоторыхъ пессимистовъ — ускоряютъ ссылку солдатъ въ исправительныя роты. Мысль эту читатели вѣроятно раздѣляютъ съ нами, вспоминая почти стенографически воспроизведенныя нами, въ очеркахъ, бесѣды съ офицерами и упорное мнѣніе ретроградовъ о томъ, что солдатъ грубъ, невѣжествененъ, и потому вразумлять его слѣдуетъ не гуманными, школьными, а суро-

выми средствами, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ являются розги, ибо всякій, дескать, суррогатъ только ро-
няетъ дисциплину, дѣйствительно, составляющую, не спо-
римъ, альфу и омегу благоустройства войскъ.

На основаніи 50 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, осужденіе солдата изъ простолюдиновъ въ исправительную роту, сопровождается лишеніемъ его всѣхъ преимуществъ, службою приобрѣтенныхъ, т. е. въ сущности, лишеніе права, до прощенія штрафа, по возвращеніи изъ роты въ полкъ и по прибытіи въ немъ года на унтеръ-офицерство, безсроч-
ный отпускъ и отставку. Изъ этихъ преимуществъ солдаты особенно дорожатъ двумя послѣдними: человѣку, пробыв-
шему 8—10 лѣтъ подъ непрерывнымъ контролемъ, есте-
ственно хочется воли, хочется пожить собственнымъ умомъ,
и вдругъ онъ лишается этой желанной имъ, цѣлые годы, надежды! Оттого фizioноміи находящихся въ ротахъ аре-
стантовъ, которые незадолго до наступленія имъ очереди
идти въ безсрочный,—впали въ преступленія, страшно иска-
жаются, голосъ ихъ дрожитъ и сами они трясутся—при вспо-
минаніи объ утраченной возможности выйти на волю. Скорби
и сѣтованія такихъ арестантовъ значительно усиливаются,
когда они узнаютъ, что въ ротѣ есть товарищи, присла-
ные за такіе же, какъ они, преступленія на меньшій, чѣмъ
они, срокъ.

И дѣйствительно: перечитавъ не одну сотню конфирма-
цій, приговоровъ, мы убѣдились, что наказанія за положи-
тельно тождественныя преступленія опредѣлялись судами
нерѣдко далеко неравномѣрно. Приведемъ, на выдержку,
нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ наши слова. Въ роту
попали за убійство два горца, но одинъ—на 2, а другой—
на 4 года; за кражу (со взломомъ) овса: одного-кавалери-
ста—осудили на годъ, а другаго—на 3 года, тогда какъ

цѣнность похищеннаго составляла всего нѣсколько руб. и одна сумма отъ другой разнилась лишь копѣйками. За нанесеніе рядовымъ, въ пьяномъ видѣ, побоевъ унтеръ-офицерамъ присудили: одного — на 1½, а другаго — на 3 года и т. д. Между тѣмъ, принимая во вниманіе сказанное на 216 страницѣ, о томъ, какъ страстно ищутъ арестанты справедливости, — приговоры, подобные указаннымъ, вредно отражаются на характерѣ нервныхъ людей, которые твердятъ: «когда скоро наказаніе за побѣгъ и утрату вещи, по закону, назначено на 2 года сюда — значитъ и мнѣ и ему долженъ быть одинакій срокъ, а не ему меньше меня на годъ». Многимъ, мы увѣрены, покажется смѣшнымъ, что арестанты ропшутъ на несправедливость, когда они сами служатъ ходячимъ протестомъ противъ справедливости. Такимъ лицамъ отвѣтимъ, что какъ-бы человекъ ни былъ преступникъ, какъ бы низко ни палъ онъ нравственно, — онъ все-таки считаетъ себя лучшимъ, чѣмъ онъ есть. Впрочемъ это психологически неоспоримая истина, можетъ быть по-крайней-мѣрѣ на половину ослаблена самымъ легальнымъ способомъ: слѣдуетъ объяснять арестантамъ, что во всѣхъ статьяхъ воинскаго устава о наказаніяхъ выражено: «заключить въ роту отъ такого-то до такого-то срока», причемъ выборъ того или другаго срока предоставленъ, 826 ст. военно-судебнаго устава, судейскому «*внутреннему убѣжденію*, основанному на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла»; что убѣжденіе это составляется изъ впечатлѣнія, какое произвели на судей подсудимый, свидѣтели и суть дѣла, во время судоговоренія. Что же касается вышеуказанныхъ случаевъ неравномѣрнаго опредѣленія сроковъ заключенія, то они вызываютъ желаніе, чтобы практика военныхъ судовъ скорѣе выработала болѣе точную градацію наказаній.

Солдатъ, осужденный за какое-либо изъ выше перечи-

сленныхъ преступленій въ исправительную роту долженъ быть препровожденъ туда, согласно послѣдней части 55 ст. положенія о ротахъ, „отдѣльно отъ арестантовъ, *мишенихъ правъ состоянія*“. Постановленіе это, клонящееся къ тому, чтобы солдаты, въ пути, не являлись съ криминальными преступниками, не заражались ихъ пороками, вполне осмысленное: солдаты не теряютъ *всѣхъ правъ состоянія* и изъ ротъ возвращаются обратно въ полки, по прежнему, солдатами. Къ сожалѣнію, практика не только игнорируетъ это постановленіе, но ставитъ осужденнаго въ гораздо худшее еще положеніе, какъ мы подробно изложили на 68 и 69 страницахъ и какъ сейчасъ докажемъ. Солдаты отсылаются въ общую, для всѣхъ, безъ различія, вѣдомствъ и категорій преступниковъ—пересыльную тюрьму (отдѣльныхъ тюремъ *собственно для военныхъ* въ Россіи, покуда, еще нѣтъ, а тамъ, въ силу 406 ст. уст. сл. внутр. стражи, т. VII св. воен. пост. его заковываютъ, съ кѣмъ попало, въ однѣ наручники и на общій, въ числѣ 12 человѣкъ, пруть, и отправляютъ въ дорогу. Если же солдатъ «будетъ просить у начальника особаго снисхожденія» и послѣдній уважитъ его просьбу, то, въ видѣ облегченія, его заковываютъ въ отдѣльныя ножныя кандалы и ведутъ въ этихъ цѣпяхъ до мѣста, причемъ, дорогою, благодаря худому сообществу, онъ падаетъ нравственно еще ниже, промотаетъ какую-нибудь изъ значащихся на немъ вещей, и тогда потерпѣть: казна—матеріальный убытокъ, а осужденный—по прибытіи въ роту—новое наказаніе. Притомъ и исправлять его нравственность окажется уже неимоვნно труднѣе: самое заковываніе оставляетъ въ людяхъ, по мнѣнію всѣхъ свѣдущихъ людей, неизгладимое впечатлѣніе на всю жизнь, ибо глубоко унижаетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ. Кромѣ того заключеніе въ оковы, по буквальному выраженію 2 п. 171 ст. уст.

о содерж. подъ стражею, т. XIV св. граж. зак. и 2 п. приложенія къ 30 ст. уложенія о наказаніяхъ, изданія 1866 года, считается *тѣлеснымъ наказаніемъ*, которому, однако, солдаты, да и всѣ прочіе люди, пересылающіеся по этапу, подвергаются, простымъ, административнымъ порядкомъ, причиною чему служитъ несостоятельность редакціи двухъ статей гражданскаго и военнаго законовъ.

Вопросъ о неправильной заковкѣ, имѣющей тождественное примѣненіе какъ къ гражданскимъ, такъ и къ военнымъ простолюдинамъ, подробно рассмотрѣнъ нами въ изданной, въ 1871 г., книгѣ *«Жизнь заключенныхъ»* и доселѣ не подвергся никакому измѣненію; поэтому здѣсь не излишне будетъ привести, вкратцѣ, изъ нашей книги нѣкоторыя разсужденія, пополнивъ ихъ кое-чѣмъ по отношенію собственно къ солдатамъ.

Согласно 2 части 171 ст. уст. о содержащ. подъ стражею *), осужденные въ каторжную работу должны быть заковываемы въ ножныя кандалы, исключая лицъ изъ привилегированныхъ сословій, поименованныхъ въ 1 и 2 п. 171 и 172 ст., по продолж. 1864 и 1868 годовъ, къ уст. о содерж. подъ стражею и 2—12 пункт. приложенія къ 30 ст. уложенія о наказаніяхъ. Далѣе, по первымъ частямъ 224 ст. уст. о содерж. подъ стражею и 406 ст. уст. сл. внутрен. стражи «въ пути люди идутъ въ оковахъ, или безъ нихъ, смотря потому, какъ они отправлены съ мѣста, а на ссыльныхъ, кои слѣдуютъ безъ оковъ, предписывается налагать легкіе желѣзные, ручные пруты»,—т. е. наручники (96 ст. Уст. о ссыл. и 463 ст. уст. сл. внутрен. стр.). За симъ 224 ст. уст. содерж. подъ стр., и середина 406 ст. уст. сл. внутрен.

*) См. *«Жизнь заключенныхъ»*, стр. 153.

стр., предоставляютъ «*усмотрѣнію*» гражданскаго начальства, завѣдывающаго пересылкою, облегчать тѣхъ изъ пересылаемыхъ по этапамъ людей, которые не требуютъ *особыхъ* мѣръ предосторожности, назначая препровожденіе ихъ безъ оковъ». Наконецъ, примѣчаніе къ 224 ст. уст. о содержан. подъ стражи и 406 ст. уст. сл. внутренней стражи гласятъ: «если арестанты, идущіе безъ оковъ, слѣдуютъ по этапной дорогѣ (надо замѣтить, что ни по этапной дорогѣ никто и никогда не идетъ, въ качествѣ арестанта),—то для предупрежденія побѣговъ (военный же законъ прибавляетъ: и для сокращенія числа конвоя) на нихъ налагаются ручныя желѣзные пруты». Впрочемъ, дозволяется, заключаютъ упомянутыя примѣчанія и статья, «и на ссылаемыхъ за *мелкія* преступленія арестантовъ накладывать ножныя кандалы, какія полагаются для *важныхъ* преступниковъ, вмѣсто приковыванія ихъ къ пруту, если токмо они того *пожелаютъ* и будутъ *просить* у начальства, какъ особаго снисхожденія».

Итакъ, изъ цитированныхъ нами гражданскихъ и военныхъ законовъ явствуетъ, что кандалы предназначены исключительно для каторжныхъ, а наручники для ссыльных; но наручники же надѣваются и на взѣхъ остальныхъ маловажныхъ преступниковъ. Другими словами, къ ссыльнымъ приравнены и безпаспортные, и просрочившіе паспорта, и внѣшніе, пересылаемые на родину, и непринятые обществами бывшіе арестанты, отправляющіеся на водвореніе въ Сибирь, и высилающіеся въ деревни для участія въ вынутахъ рекрутскаго жребія, и для занятія должностей по крестьянскому самоуправленію, и, наконецъ, солдаты, отправляемые въ исправительныя роты, словомъ *все*, безъ различія людей, «*идущіе по этапной дорогѣ*». Ради чего же, спрашивается, весь этотъ народъ подвергается тѣлесному наказанію? «Для предупрежденія побѣговъ и для сокращенія числа конвоя», отвѣчаетъ дѣйствующій законъ.

Теперь посмотримъ, на сколько законъ исчерпываетъ вопросъ своимъ краткимъ отвѣтомъ. Оковы существуютъ вообще какъ средство противъ побѣговъ. Между тѣмъ, убѣжать закованному *отдѣльно* въ ножныя кандалы, при полной *свободѣ* обѣихъ рукъ, несравненно вѣдь легче и удобнѣе, нежели привинченному въ наручники, за руку, съ другимъ и на прутѣ по 12 человѣкъ. Понятно, что самое предписаніе о томъ, чтобы вести тяжкихъ преступниковъ въ ножныхъ, а менѣе преступныхъ ссыльныхъ въ ручныхъ оковахъ—противно цѣли самой заковки: законъ гораздо больше старается предупредить побѣгъ каторжника, чѣмъ ссыльнаго; несмотря однакожъ на это, законъ самъ даетъ первому большую возможность къ побѣгу, нежели послѣднему. Путешествіе въ наручникахъ представляетъ собою гораздо болѣе тяжелое мученіе, нежели въ кандалахъ; правосудіе очевидно имѣетъ въ виду, чтобы каторжникъ сильнѣе чувствовалъ результаты своего преступленія, чѣмъ ссыльный. Тѣмъ не менѣе законъ предписываетъ облачать въ наручники лишь второстепенныхъ, третьестепенныхъ и еще меньшихъ преступниковъ, идущихъ по этапной дорогѣ. Сознавая въ то же время, что несправедливо заковывать въ наручники мелкихъ правонарушителей, по сравненію съ тяжкими преступниками, — законъ предоставляетъ имъ право просить о перемѣнѣ крайне неудобныхъ наручниковъ на кандалы. Какъ ни странна эта льгота, приравнивающая мало-важныхъ преступниковъ къ тягчайшимъ, однако ея добиваются почти всѣ мелкіе законнонарушители и вполнѣ основательно, такъ какъ при сковываніи въ наручникахъ попарно, оба невольные компаніона становятся въ сильнѣйшую зависимость другъ отъ друга. Никакое дѣйствіе каждаго изъ нихъ не можетъ быть совершенно безъ того, чтобы не обеспокоить, въ большей или меньшей степени, то-

варища по наручникамъ. Вотъ почему всѣ умоляютъ зако-
вывать ихъ въ кандалы, но и мольба ихъ остается тщет-
ною: при удовлетвореніи ихъ просьбъ вся партія преврати-
лась бы въ массу каторжниковъ, слѣдующихъ каждый по-
рознь, причемъ пришлось-бы еще болѣе увеличить число
конвойныхъ. Освобождать же отъ наручниковъ людей, не-
требующихъ особыхъ мѣръ предосторожности, гражданское
начальство считаетъ себя не въ правѣ, во первыхъ потому,
что ни умственныхъ, ни нравственныхъ ихъ качествъ, ни
степени виновности близко не знаетъ (копій съ пригово-
ровъ съ ними неимѣется); во вторыхъ, и главное,—за силою
примѣчаній къ 220 ст. уст. содерж. подъ стр. и къ 371 ст.
уст. сл. внутр. стр., которыя гласятъ, что «при передачѣ
стражѣ людей, для пересылки по этапу, отъ нея, стражи,
не должно требовать препровожденія людей не въ родѣ
арестантовъ»—безъ наручниковъ. Слѣдовательно, приведен-
ныя примѣчанія уничтожаютъ собою тѣ части 224 ст. уст.
содер. подъ стр. и 406 ст. уст. сл. внутр. стр., по кото-
рымъ: «отъ *усмотрѣнія* гражданского начальства зависитъ
облегчать тѣхъ изъ пересылающихся по этапамъ, кои не
требуютъ особаго надзора, назначая препровожденіе ихъ
безъ оковъ».

Такимъ образомъ изъ-за предполагающагося опасенія
какъ-бы люди не разбѣжались,—да изъ-за уменьшенія числа
конвойныхъ не гуманно, кажется, заковывать людей, нака-
зывать ихъ тѣлесно, когда подлежащій судъ не обрекъ ихъ
на это. Отсюда необходимо измѣнить цитированные нами
законы о заковкѣ, въ томъ смыслѣ, чтобы обычные зако-
нонарушители, въ томъ числѣ и осужденные въ исправитель-
ныя роты, избавлены были отъ заковки, какъ люди, не ли-
шенные *всѣхъ* правъ состоянія. Если же наручники призна-
ются неизбежною принадлежностью всякаго пересылающа-

гося по этапу, то нужно, по крайней мѣрѣ, измѣнить хоть законъ касательно перевозки неважныхъ арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ, освободивъ ихъ въ это время отъ наручниковъ, но предоставивъ, пожалуй, партіоннымъ офицерамъ право заковывать, въ наказаніе, тѣхъ изъ нихъ, которые станутъ въ пути буйствовать, нарушать правила благочинія. Ко введенію этой реформы не встрѣчается положительно никакихъ ужь препятствій: арестанты, согласно примѣч. къ 220 ст. уст. о содерж. подъ стр. и 9 п. приложенія къ 16 ст. уст. о ссыльныхъ, по продолж. 1863 г., *бѣдуютъ запертыми* въ вагонахъ и въ каютахъ, причемъ никто изъ нихъ ни подъ какимъ предлогомъ не выпускается изъ заперты, стало быть убѣжать никому и безъ того никогда не удастся. Мало того: предлагаемая нами мѣра вооружить партіонныхъ властью надъ арестантами, властью, которою они, по собственному ихъ сознанію, не пользуются при нынѣшнихъ условіяхъ перевозки этаповъ. Солдатамъ-же, *бѣдующимъ въ исправительныя роты*, за претерпѣнные ими физическія страданія, слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, хоть засчитывать время путешествія въ срокъ пребыванія въ испытующихъ, въ ротахъ, гдѣ заковка въ кандалы служитъ наказаніемъ за проступки (122 ст. положенія ротахъ).

III.

Разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, сопровождающія солдатъ до исправительныхъ ротъ—перейдемъ къ самымъ ротамъ. Первый вопросъ, возникающій послѣ внимательнаго взгляда на роты состоитъ въ томъ: какой характеръ имѣютъ онѣ? карательный или исправительный? По существу—скорѣе первый, чѣмъ послѣдній. Но насъ могутъ спросить:

почему мы такъ думаемъ? Въ такомъ случаѣ отвѣтимъ: во 1-хъ на основаніи фактовъ, изложенныхъ въ предыдущихъ очеркахъ, не только не утрированныхъ, но еще *во многомъ смягченныхъ* противъ дѣйствительности и во 2-хъ по причинамъ, которыя будутъ выставлены ниже.

Перевоспитать человѣка возможно лишь тогда, когда онъ, по складу предшествовавшей своей жизни и умственному кругозору, способенъ воспринять внушаемые ему взгляды. Предѣлъ человѣческаго развитія, по мнѣнію специалистовъ, ограниченъ между 35—40 годами отъ роду; затѣмъ развитіе это останавливается, а съ 50 лѣтъ умственные способности начинаютъ клониться къ упадку. Между тѣмъ ни въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ, ни въ положеніи о ротахъ нигдѣ не объяснено: выше какого именно возраста солдаты не должны быть ссылаемы, за преступленія, въ роты? На оборотъ: побѣги, напр. изъ службы, на основаніи 102 ст. воинскаго устава, не покрываются *никакою* давностью: сколько бы лѣтъ солдатъ ни прожилъ въ бѣгахъ, онъ, по-поимкѣ, согласно 133, 136, 49 и проч. ст. ссылается именно въ исправительную роту на срокъ отъ 1 года до 4 лѣтъ, а при увеличивающихся вину обстоятельствахъ и до 6 лѣтъ. Мы видѣли въ 5 исправительныхъ ротахъ не одну сотню совершенно—дряхлыхъ и положительно ни на что ужъ неспособныхъ (стариковъ, бывшихъ дезертировъ), изъ которыхъ многіе скрывались по 10 и даже болѣе лѣтъ сряду, въ далекихъ окраинахъ Россіи, но потомъ всетаки попались въ руки правосудія и пришли исправлять свою нравственность въ эти роты. Насъ увѣряли, правда, что помянутыхъ стариковъ сбудутъ, еще до наступленія срока ихъ заключенія, въ Сибирь—на водвореніе, по 135—139 ст. положенія,—но это отнюдь еще не гарантируетъ роты отъ наплыва

въ нихъ такихъ же субъектовъ въ будущемъ. До тѣхъ поръ покуда 102, 133, 136, 49 и прочія статьи воинскаго устава сохранять свою силу,—дезертиры всегда будутъ составлять неизбѣжный контингентъ ротъ, ибо люди лѣнивые къ службѣ, чувствующие антипатію къ подчиненію, навѣрное стануть, по прежнему, дѣлать побѣги, причесь, на сколько возможно, дальше отъ помѣщиковъ. Будучи же пойманы они очутятся въ ротахъ, въ которыхъ они есть и будутъ не только напраснымъ бременемъ и помѣхою,—но еще и вреднѣйшимъ элементомъ: старый возрастъ и предшествовавшія житейскія ихъ похорожденія вытѣсняють всякую надежду на нравственное ихъ перерожденіе. Мы видѣли, на 154—158 стр., что они еще развращаютъ товарищей. Независимо сего эти старики отъ невзгодъ, перенесенныхъ ими въ бѣгахъ,—до того разстраиваются и *физически*, что, не будучи въ силахъ работать,—постоянно прозябають въ ротныхъ окоlodкахъ, да госпиталяхъ, умножая собою число больныхъ въ ротахъ. Вслѣдствіе такихъ неотразимыхъ соображеній является потребность установить предѣлъ возраста, напр. 40 лѣтъ,—далѣе котораго не осуждать солдатъ собственно въ исправительныя роты.

Точно также въ каждой ротѣ бываетъ не одинъ десятокъ арестантовъ, людей часто и молодыхъ, но хромыхъ, слѣпыхъ, съ грыжами, даже идіотовъ; весь этотъ сбродъ является туда преимущественно за уклоненіе отъ службы, умышленнымъ причиненіемъ себѣ болѣзней, увѣчья и т. под., чтобы этими способами избавиться отъ службы *).

Въ ротахъ люди эти дѣлятся на двѣ категоріи: одни—

*) Преступленія эти предусмотрены 130—132 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ.

слабоумные служат посмѣшищемъ для всѣхъ товарищей, въ глазахъ которыхъ они комедіанты, доставляющіе при всякихъ удобныхъ случаяхъ, развлеченіе и забаву, среди однообразной жизни, такимъ образомъ они отвлекаютъ и прочихъ отъ занятій. Другіе, физически изувѣченные, состоятъ, обыкновенно, безсмѣнными уборщиками камеръ, карцеровъ, и очень довольны, что обрѣли наконецъ спокойныя должности; объ исправленіи тѣхъ и другихъ—обученіемъ грамотности, вселеніемъ въ нихъ религіозно нравственныхъ правилъ, не можетъ быть и рѣчи: начальству даже и при желаніи, не хватаетъ времени и на то, чтобы прилежно заниматься съ сотнями здоровыхъ арестантовъ, подлежащихъ возвращенію въ полки. Пользуясь тѣмъ, что начальство не находитъ нужнымъ и возможнымъ обращать на нихъ вниманіе—калѣки эти слоняются изъ угла въ уголъ, періодически переселяясь въ госпиталь—отдохнуть. Таковъ образъ жизни этихъ людей, о бесполезности ссылки которыхъ въ роты подтверждаютъ, мы увѣрены, всѣ начальствующіе, не смотря на боязнь, внушеннаго чувствомъ самосохраненія, разглагольствованія ихъ о томъ, что нѣтъ арестантовъ, которые не перевоспитались бы подъ ихъ руководствомъ.

Исправительныя роты учреждены, какъ явствуетъ изъ 8-й, 3 и 5 п. 11, 12, 18, 22, 82, 84 110 и 112—118 ст. положенія, главнѣе всего для *исправленія* солдатъ, одержимыхъ *порочными, безнравственными наклонностями*. Тѣмъ не менѣе въ роты часто попадаютъ люди, преступленія которыхъ далеко не подходятъ подъ разрядъ безнравственныхъ. Преступленія эти заключаются, напр., въ упускъ караульными арестантовъ (160 и 2 п. 162 ст. воинскаго устава), а равно въ оскорбленія фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ, ефрейторовъ, либо и рядовыхъ, бывшихъ, въ данный моментъ, начальниками (п. в. ст. 110 и 111 воинскаго устава), т. е. въ на-

рушеніяхъ воинской дисциплины. Наказанія, назначаемыя перчисленными статьями закона кажутся самымъ военнымъ начальникамъ чрезъ-чуръ суровыми. Изъ множества извѣстныхъ намъ, въ этомъ родѣ, фактовъ, остановимъ вниманіе читателей на слѣдующихъ:

Солдатъ, 20 лѣтъ, прослуживъ годъ съ небольшимъ—былъ назначенъ конвоировать арестантовъ, причемъ одинъ, на бѣду, оказался его землякомъ. Они поговорили о родныхъ, о знакомыхъ, старая дружба и общаніе давали конвойному увѣренность, что землякъ не погубитъ его и потому онъ стерегъ его безъ требующейся бдительности, но тотъ, воспользовавшись довѣріемъ товарища—убѣжалъ дорогою и за это конвойный пришелъ въ исправительную роту на 2 года.

Однажды осенью, вечеромъ, солдатъ былъ на часахъ, на дворѣ тюрьмы. Дождь шелъ проливной, вѣтеръ дулъ сильный, на дворѣ была темнота непроницаемая: фонари не висѣло. Въ эту-то непогоду, когда часовой стоялъ въ будкѣ, одинъ изъ арестантовъ ухитрился влезть, на стоявшую возлѣ стѣны, бочку, а съ нея на низенькую крышу зданія, откуда и ушелъ; за это часового отдали подъ судъ за упускъ арестанта и осудили на 3 года въ роту *).

Унтеръ-офицеръ былъ старшимъ въ тюрьмѣ конвойнымъ, и, въ противность § 98, 100—103 воинскаго устава о службѣ въ гарнизонѣ—позволилъ отлучиться, на нѣкоторое время, изъ тюрьмы, *палачу*; дѣло обнаружилось и виновный сосланъ въ исправительную роту, хотя палачи вездѣ, какъ извѣстно, считаются, скорѣе въ числѣ служителей, нежели арестантовъ тюрьмы.

*) Случай этотъ былъ при насъ въ одномъ городѣ, и мы въ тотъ самый вечеръ, лично были въ тюрьмѣ.

Почти всѣ преступленія разсматриваются судомъ съ двухъ сторонъ: совершено-ли оно умышленно, или неумышленно; въ случаѣ признанія умысла — мѣра наказанія усиливается, а при убѣжденіи въ неумышленности — наказаніе облегчается. Этотъ совершенно правильный взглядъ, проведенъ во всѣ законѣ: по степени вины — отвѣтственность. Что конвойные, упустившіе арестантовъ виновны въ нарушеніи правилъ караульной службы — противъ этого мы и не думаемъ спорить; насъ занимаетъ совершенно другой вопросъ: какое отношеніе имѣетъ *поведеніе* конвойнаго къ данному событію? Если известно, что конвойный бывалъ *прежде* замѣченъ, положимъ, пьянымъ и будучи, потомъ, въ нетрезвомъ же видѣ, упустилъ арестанта, то онъ дѣйствительно можетъ быть признанъ человекомъ *дурнаго поведенія* и достойнымъ *исправленія*, т. е. ссылки въ роту. Но вѣдь циркулярнымъ предписаніемъ Главнаго Штаба 1867 г. № 13, начальники обязаны «назначать для присмотра и сопровожденія арестантовъ людей, *поведеніемъ непорочныхъ и благонадежныхъ*»; слѣдовательно солдатъ, бывший до случившагося съ нимъ несчастія — безупречнаго поведенія — долженъ считаться впадшимъ въ преступленіе вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, а нравственность его тутъ ни при чемъ. Если же такъ, — то въ подобныхъ случаяхъ исправлять собственно *поведеніе*, нѣтъ, очевидно, надобности. Намъ могутъ сказать, что такіе конвойные и караются легче — по 159 ст., — но въ такомъ случаѣ надо помнить, что примѣчаніе къ 160 ст. считаетъ «особыми обязанностями караульной службы такія обязанности, для исполненія которыхъ учрежденъ караулъ, а какъ караулъ существуетъ для наблюденія, чтобы арестанты *не убыли*, — то рѣшеніями главнаго военнаго суда (1870 г. № 180, 1871 г. №№ 37, 48, 51 и 57) и разъяснено, что «если вслѣдствіе нарушенія *особыхъ* обязанностей караульной службы будетъ

нобы арестанта, то слѣдуетъ *возвышать* на 1 или на 2 степени *высшую* мѣру *строжайшаго* наказанія, изъ числа опредѣленнаго въ 159 — 161 ст. и затѣмъ уже это наказаніе можно, при уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, — понизить на 1 или на 2 степени», т. е. проще говоря — буде конвойный упустилъ арестанта, — ему никоимъ образомъ не миновать исправительной роты. Потомъ, по прибытіи въ роты, поименованной категоріи люди поступаютъ въ общую семью арестантовъ, содержащихся тамъ за воровство, за непробудное пьянство, за подлоги, мошенничества и проч., вполнѣ ужъ *безнравственныя* дѣянія. Находясь въ этой средѣ, новоприбывшіе становятся невольными зрителями товарищескихъ ухищреній, слушателями ихъ разсказовъ, отчего въ однихъ, легкомысленныхъ — постепенно умаляются честныя ихъ качества, а другіе, впечатлительныя — впадаютъ въ уныніе, чахотку и умираютъ преждевременно *). Этотъ двоякаго рода грустный исходъ бываетъ съ бѣльшинствомъ осужденныхъ за упускъ арестантовъ, по свидѣтельству почти всѣхъ ихъ благомыслящихъ начальниковъ.

Въ ротахъ есть также много арестантовъ, осужденныхъ, по 111 ст. воинскаго устава, за оскорбленія унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ, но чрезвычайно рѣдко за тѣ же преступленія противъ фельдфебелей: послѣдніе держатся на далекомъ разстояніи отъ простыхъ солдатъ, живутъ въ *отдѣльныхъ*, отъ нихъ коморкахъ и потому избавляются отъ оскорбленій. Преступленія эти совершаются преимущественно въ казармѣ, либо въ трактирахъ и другихъ публичныхъ заведеніяхъ. Причины, вызывающія таковыя, подробно объяснены

*) Такъ, въ Ригѣ былъ арестантъ Горбачевъ, который кончилъ жизнь послѣ 4½ мѣсяцевъ пребыванія въ ротѣ.

нами выше, а потому, не желая повторяться, — дополнимъ ихъ комментаріями къ означенной 111 ст. Комментарія эти заключаются въ слѣдующемъ: „Начальствующія лица изъ нижнихъ чиновъ, т. е. унтеръ-офицеры, выходятъ изъ солдатской же среды и живутъ вмѣстѣ съ ними; тѣхъ и другихъ связываютъ общіе интересы, которые могутъ ихъ ставить, и дѣйствительно ставятъ, — во враждебное другъ къ другу положеніе, даже и независимо отъ служебныхъ отношеній, но не безъ вліянія на эти отношенія“. „Все это (развиваютъ свою мысль комментаторы) при не достаткѣ образованія между нижними чинами вынуждаетъ быть *снисходительные* къ нимъ, при опредѣленіи наказаній за нарушеніе *простыми* солдатами чинопочитанія относительно унтеръ-офицеровъ“.

Опираясь на эти, вполне справедливыя комментаріи, не трудно низвести рассматриваемое преступленіе на степень *проступка*, достойнаго только дисциплинарнаго взысканія, — но мы отказываемся отъ этого именно ради охраненія дисциплины, а ограничимся заявленіемъ, что далеко не всѣхъ подобныхъ преступниковъ слѣдовало бы ссылатъ въ исправительныя роты, для улучшенія ихъ поведенія, какъ вслѣдствіе вышесказаннаго, касательно поведенія солдатъ, упустившихъ арестантовъ, такъ и потому, что эти прискорбные случаи происходятъ чаще всего экспромптомъ, среди общей пирушки, при дѣлежѣ какихъ нибудь казенныхъ вещей, денегъ, въ пылу охмѣленія, запальчивости, раздраженія.

Сюда же слѣдуетъ причислить и нижнихъ чиновъ, осужденныхъ за превышеніе власти (147 ст. воинскаго устава). Фельдфебель, прослуживъ 11 лѣтъ, отпустилъ на нѣкоторое время на работы, новобранца, за вознагражденіе, которое подѣлилъ со своимъ начальникомъ; за это онъ отправленъ въ роту на 4 года. Если бы онъ былъ *дурною* поведенія, то, разумѣется, не былъ бы вплоть до осужденія фельдфебе-

лемъ, а гораздо раньше былъ бы смѣщенъ въ унтеръ-офицеры, потомъ разжалованъ въ рядовые; но такъ какъ ничего подобнаго съ нимъ *своевременно* не случилось, то собственно *поведеніе* его не имѣетъ, кажется, ничего общаго со сдѣланнымъ имъ преступленіемъ и въ ротъ налегать на его нравственность мало смысла *).

И такъ, дезертиры старики, причинившіе себѣ болѣзнь, увѣчья, ради избавленія отъ службы; солдаты, упустившіе арестантовъ; оскорбившіе унтеръ-офицеровъ и злоупотребившіе предоставленною имъ властью,—все эти люди подлежатъ, какъ мы старались доказать, *не нравственному исправленію, а карательному взысканію*; достаточною же, въ этомъ смыслѣ, карою многіе дѣльные, просвѣщенные начальники, признаютъ: а) для дезертировъ-стариковъ — поселеніе въ отдаленныхъ, пустынныхъ окраинахъ Россіи; б) для упустившихъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, арестантовъ; для оскорбителей унтеръ-офицеровъ, ефрейторовъ и временныхъ старшихъ рядовыхъ, а равно и для уклоняющихся отъ службы—отдаленіе срока выхода въ безсрочный отпускъ, въ отставку, съ переводомъ въ нестроевыя, госпитальныя, провіантскія, комиссаріатскія, инженерныя, артиллерійскія и имъ подобныя команды, въ которыхъ они и съ физическими недостатками могутъ продолжать службу съ успѣхомъ. Самую набавку срока слѣдовало бы соразмѣрять съ тѣмъ періодомъ, какой нынѣ положенъ воинскимъ уставомъ для пребыванія арестантовъ этого рода въ исправительныхъ ротахъ. Наконецъ в) идіотовъ, какъ не отвѣчающихъ [никакимъ условіямъ] службы, исключать въ неспособные и тѣмъ самымъ избавить какъ ихъ отъ напрасныхъ страданій, до которыхъ они до-

*) Такой именно арестантъ былъ въ Ригѣ.

ведены невольно, такъ и казну отъ лишннихъ, непронзводительныхъ расходовъ на ихъ содержаніе въ строю или въ ротахъ.

Впрочемъ, ежели предлагаемая нами, съ общаго голоса, мѣра покажется слишкомъ либеральною — то можно обратить нѣсколько ротъ (напр. Бобруйскую, гдѣ житье арестантовъ тяжелѣе, нежели въ прочихъ ротахъ) въ *карательная* учрежденія, для содержанія людей, виновныхъ въ преступленіяхъ исключительно *противъ* воинской дисциплины.

Прекративъ тѣмъ или другимъ способомъ ссылку въ исправительныя роты людей, тамъ неумѣстныхъ — можно будетъ передавать туда для *нравственнаго* исправленія остальныхъ, дѣйствительно позорящихъ свое званіе безчестными, безнравственными преступленіями. Тогда, съ значительнымъ уменьшеніемъ численности арестантовъ въ ротахъ получится полная возможность психологически изучить слабыя стороны ихъ характеровъ и дѣйствовать на нихъ сознательными мѣрами, принятыми во всѣхъ государствахъ, гдѣ плодотворные результаты пенитенціарной науки достаточно ужъ проявились, окрѣпи въ общественномъ мнѣніи, которое является самымъ безпристрастнымъ судьей гуманнхъ реформъ.

IV.

Говоря о пенитенціарной наукѣ, нельзя не замѣтить, что провести ее безошибочнымъ путемъ въ жизнь могутъ только люди, ясно понимающіе ее, искренно преданные ей, этой важной наукѣ. Отсюда рождается вопросъ: каковъ же въ ротахъ персоналъ начальства — исправителей? Исправители эти, за рѣдкими исключеніями (см. 262 стр.) не удовлетворяли своему назначенію, отвѣтимъ мы словами официальныхъ документовъ, которымъ Военное Министерство повѣрило на

столько, что стало уже подыскивать другихъ лицъ. Отчего же, однако, это случилось? спросить читателя; неужели въ нашей арміи нельзя было отыскать 60 — 80 подходящихъ офицеровъ или чиновниковъ, *) для такого новаго дѣла? Да, не нашлось; но это произошло по естественнымъ, впрочемъ, причинамъ. Во первыхъ людей, чувствовавшихъ въ себѣ призваніе служить правительству и обществу въ качествѣ искоренителей человѣческихъ пороковъ не приглашали, а сами они на этотъ трудъ не напрашивались, потому что дорога казалась имъ скользкою: роты подчинены многимъ инстанціямъ и лицамъ, располагающимъ правомъ распоряжаться въ нихъ безусловно; отсюда значить о самостоятельности дѣйствій не могло быть и рѣчи. Во вторыхъ ротныя должности и матеріально не обезпечивали безбѣднаго существованія съ семействами, даже въ провинціальныхъ городахъ, да и не удовлетворяли ничьего тщеславія. Оттого роты и поступили въ вѣдѣніе людей, или не симпатизировавшихъ реформѣ, или не могшихъ дать себѣ отчета о томъ, чего именно отъ нихъ требуютъ.

Впрочемъ, чтобы читателямъ показать внутренній смыслъ связаннаго и согласить ихъ съ нашимъ мнѣніемъ по сему предмету, — разберемъ, по порядку, положеніе ротнаго начальства и потомъ сдѣлаемъ соотвѣтствующіе выводы.

Содержаніе положено было по временному штату въ ротѣхъ, наибольшихъ по составу: начальнику—1,650 р., помощникамъ: старшему если капитанъ—700 р. 20 к., младшему поручику—468 р., кромѣ квартиръ или квартирныхъ денегъ: первому—285 р. 70 к., второму—171 р. 72 к., а послѣднему

*) По нормальному штату и чиновники допускаются къ должностямъ начальниковъ ротъ и ихъ помощниковъ.

114 р. 28 к. въ годъ. Средства, очевидно, малыя. Потомъ, въ арміи производятъ офицеровъ, въ слѣдующіе чины, по вакансіямъ, вслѣдствіе частаго открытія которыхъ поручикъ, чрезъ 10 лѣтъ, непремѣнно будетъ маіоромъ, а по этому чину *) можетъ сдѣлаться командиромъ отдѣльной части. Въ исправительныхъ же ротахъ линейнаго производства вовсе нѣтъ, отличиться нечѣмъ, — а потому поручикъ чрезъ то, что въ годъ полагается на роту одна только награда, а начальства минимумъ 6 человекъ, — чрезъ 10 лѣтъ врядъ ли попадетъ и въ капитаны. Наконецъ полныя: пенсія — за 35 лѣтъ и эмеритура за 10-ти-лѣтніе взносы маіора превышаютъ таковую же капитанскую на 87 р. въ годъ, слѣдовательно и тутъ убыточно. Правда, офицерамъ исправительныхъ ротъ считается 3 года за 5 лѣтъ службы, но вѣдь за эту привиллегію на нихъ возлагается столько обязанностей по закону и долгу человеколюбія, что при аккуратномъ исполненіи ихъ имъ некогда будетъ даже и выпастись. Мало того, начальствующимъ въ ротахъ лицамъ приходится ежедневно, ежеминутно видѣть недовольныя фізіономіи, остерегаться какъ бы кто не пырнулъ ножомъ въ бокъ и т. п. Вотъ настоящее положеніе офицеровъ по временному штату; по нормальному же, который введенъ въ дѣйствіе съ 1873 года въ 5 ротахъ: (Кронштадтской, Рижской, Динабургской, Новогеоргиевской и Брестъ-Литовской) получаютъ: начальники — до 2,500 руб., а помощники до 1,260 р., за то трудъ ихъ значительно увеличился отъ сокращенія числа офицеровъ въ ротахъ.

Ротное начальство состоитъ въ зависимости отъ главнаго

*) Въ военномъ вѣдомствѣ безъ соотвѣтствующаго классу должности чина нельзя получить и должности, по *фронтовой* части.

военно-тюремного комитета, Главнаго Штаба, командующихъ войсками, начальниковъ мѣстныхъ войскъ округовъ; въ крѣпостяхъ—комендантовъ, въ городахъ—губернскихъ воинскихъ начальниковъ, мѣстныхъ временныхъ военно-тюремныхъ, ревизіонныхъ комитетовъ и наконецъ (по отчетности) отъ контрольных палатъ. Всѣ поименованныя мѣста и лица располагаютъ бѣльшимъ или меньшимъ вліяніемъ на ходъ дѣла, на личный составъ, который оттого долженъ стараться *всѣмъ угодить*. При такой обстановкѣ люди хорошо развитые, способные, на которыхъ вездѣ большой спросъ,—врядъ ли, понятно, стануť помогатьея должностей въ ротахъ.

На основаніи всего сказаннаго и внимательнаго изученія дѣла, намъ кажется, что для того, чтобы начальствующіе въ ротахъ дѣйствительно отвѣчали всѣмъ условіямъ, необходимо: а) увеличить содержаніе офицеровъ на столько, чтобы самый младшій чиновъ получалъ не менѣе 1,500 р. въ годъ; б) производить ихъ въ слѣдующіе чины, по аналогіи съ гражданскими чиновниками, чрезъ 3 и 4 года, какъ это сдѣлано для офицеровъ, служащихъ въ штатѣ С.-Петербургской Городской Полиціи; в) привлечь въ роты и гражданскихъ чиновниковъ, стараясь смѣшивать ихъ съ офицерами, дабы сдерживали другъ друга, дабы одни пополняли знанія другихъ; г) *прямо* на должности *никого* не назначать, если они не заявили себя ничѣмъ выдающимся на *этомъ именно поприщѣ*, а для подробнаго изученія ими дѣла, для узнанія степени ихъ расположенія къ нему и терпѣливости—образовать одну роту изъ 100 арестантовъ, а весь персоналъ изъ людей вполне опытныхъ, и къ этой ротѣ прикомандировать желающихъ служить по тюремному вѣдомству, вѣннвъ имъ въ непремѣнную обязанность вести *подробные* дневники своимъ наблюденіямъ, вынесеннымъ изъ сношеній съ арестантами, а равно о мѣрахъ, какія оказались хоро-

шими для искорененія въ нихъ пороковъ; затѣмъ ежедневно разсматривать эти дневники въ ротномъ комитетѣ, въ присутствіи всего персонала, а по истеченіи полугода подвергать претендентовъ *публично, въ присутствіи постороннихъ лицъ* экзамену и по одобреніи $\frac{2}{3}$ членовъ комитета—назначать ихъ на должности, причемъ о вакансіяхъ сосредоточить свѣдѣнія какъ въ этой ротѣ, такъ и въ главномъ Тюремномъ Комитетѣ. Словомъ, необходимо готовить людей заблаговременно къ должностямъ, какъ это дѣлается не только во многихъ заграничныхъ тюрьмахъ,—но и въ «Петербургской Земледѣльческой колоніи и ремесленномъ пріютѣ для малолѣтнихъ преступниковъ».

Арестантовъ въ каждой изъ ротъ, раздѣленныхъ на 3 разряда, множество (700, 400 и 200 чел.). Полагаютъ, что тщательное изученіе ихъ прошлой и настоящей жизни, угаданіе и введеніе мѣръ къ ихъ нравственному и умственному исправленію нельзя возложить лишь на 3-хъ—6-ти офицеровъ*); поэтому ближайшими ихъ помощниками являются унтеръ-офицеры. Хотя начальникамъ ротъ, и будетъ, какъ говорятъ, скоро разрѣшено нанимать хорошихъ, т. е. грамотныхъ и добросовѣстныхъ отставныхъ и безсрочныхъ солдатъ, но во 1-хъ, содержаніе ихъ не превыситъ 200 р., а такую сумму получаютъ сторожа любого присутственнаго мѣста центральныхъ городовъ; въ столицахъ же городовые, надзиратели, вахтеры, швейцары и т. п. (все это отставные и безсрочные солдаты) имѣютъ до 300 р. и болѣе въ годъ, слѣдовательно поступать въ исправители арестантовъ едва ли найдется много охотниковъ, тѣмъ болѣе, что имъ и самимъ придется

*) И въ англійскихъ, и въ швейцарскихъ тюрьмахъ персоналъ чутил не на половину меньше нашихъ.

подчиниться самымъ строгимъ условіямъ дисциплины, не-
пріятной для свободныхъ людей.

Оттого громадное большинство исправителей придется
замѣщать, по-прежнему, унтеръ-офицерами, *обязанными* слу-
жить тамъ, гдѣ прикажутъ. Далѣе, выборъ унтеръ-офице-
ровъ предоставленъ, 30 ст. положенія о ротахъ,—ихъ на-
чальникамъ, изъ войскъ того округа, въ районѣ котораго
расположена рота, а назначаются они—начальникомъ мѣст-
ныхъ войскъ. Поверхностно разсуждая, все это кажется
чрезвычайно удобно, просто: повидимому, стоитъ только
собрать справки о лучшихъ унтеръ-офицерахъ любого полка,
и они явятся къ услугамъ. Совершенно противоположное
говоритъ практика, отрицающая силу 30 ст.: во 1-хъ, на-
чальникъ роты, прежде неслужившій въ данной мѣст-
ности,—не можетъ *лично* знать никакихъ унтеръ-офицеровъ;
значить, выборъ ужъ затрудненъ; во 2-хъ, освѣдомившись,
чрезъ кого нибудь, о томъ, что въ такомъ-то полку есть
отличный унтеръ-офицеръ Петровъ, онъ, начальникъ, вой-
детъ съ представленіемъ о назначеніи его къ начальнику
мѣстныхъ войскъ; тотъ снесется съ полковымъ командиромъ,
а послѣдній, если свѣдѣнія вѣрны—отвѣтитъ, что Петровъ
первый кандидатъ въ фельдфебели, или завѣдываетъ отдѣль-
ною частью, которую нельзя тотчасъ передать другому, или
болѣнъ, или изъ лучшихъ по грамотѣ учителей полка (та-
ковы постоянно бываютъ отзывы) и т. п. Словомъ, переводъ
Петрова не можетъ состояться единственно потому, что хо-
рошіе унтеръ-офицеры строевымъ ротамъ, баталіонамъ, пол-
камъ самимъ нужны. Когда же полкамъ даются приказанія
назначить въ роту по 2, положимъ, унтеръ-офицера, не
поименовываая кого именно, то жребій падаетъ на большихъ,
неспособныхъ къ фронту унтеръ-офицеровъ, либо отбираютъ
такихъ рядовыхъ, которыхъ не жаль, производить ихъ въ

унтеръ-офицеры и посылають въ роты, гдѣ съ ними никакого ладу нѣтъ, гдѣ за ними самими нуженъ весьма бдительный надзоръ.

Такъ какъ настоящимъ порядкомъ немислимо достать соответствующихъ унтеръ-офицеровъ, то является надобность замѣнить его другимъ способомъ комплектованія ротъ, а таковымъ представляется, безспорно, особая школа при той же ротѣ, гдѣ будутъ учиться тюремновѣдѣнію офицеры. Организовать эту школу легко, слѣдующимъ образомъ. Изъ всякаго военнаго округа послать по 6—8 молодыхъ, расторопныхъ унтеръ-офицеровъ или рядовыхъ въ школу и учить ихъ въ ней въ теченіи года: религіозно-нравственнымъ предметамъ, грамотѣ; знакомить ихъ съ сущностью законовъ, до исправительныхъ ротъ относящихся, съ манерою безпристрастнаго наблюденія за арестантами; съ достоинствами разныхъ ремеселъ и т. п. По минованіи года слѣдуетъ тщательно экзаменовать ихъ, и тѣхъ, которые будутъ признаны усовершенствовавшимися и чувствующими въ себѣ призваніе къ тюремной службѣ—разсылать по ротамъ; тѣхъ, которые этого не пожелаютъ,—отправлять обратно въ полки, а въ школу собрать новыхъ и дальше поступать тѣмъ же порядкомъ. Главнѣе всего сохранить за ними полную *свободу* выбора, ибо совать людей въ роты, противъ ихъ согласія, несообразно съ тою пользою, которая отъ нихъ ожидается. Учить ихъ могутъ прикомандированные офицеры, подъ руководствомъ кадровыхъ офицеровъ. Совведеніемъ общей воинской повинности и уменьшеніемъ, по сему, сроковъ обязательной службы придется поставить школу еще выше, чтобы нашлись охотники поступить въ нее изъ свободныхъ людей. Подобная школа, существующая въ Рейхсгаузѣ, при Суровомъ Домѣ, близъ Гамбурга, снабжаетъ ежегодно многія тюрьмы прекрасными приставниками. Затѣмъ, дальнѣй-

шее комплектованіе ротъ офицерами и унтеръ-офицерами, *со стороны*, необходимо разъ навсегда *воспретить*, а назначенія изъ числа прикомандированныхъ и школы сосредоточить въ Главномъ Тюремномъ Комитетѣ. Само собою разумѣется, что если предлагаемая нами реформа будетъ одобрена, то сообразно сему придется исправить редакцію 10, 16 и 30 ст. Положенія о ротахъ.

V.

Обращаясь къ порядку содержанія арестантовъ въ ротахъ, остановимся на предписаніи 63 ст. положенія о группировкѣ арестантовъ въ ротныхъ *отдѣленіяхъ* сообразно «знанію ими одинаковыхъ *мастерствъ*». Работать люди должны *всегда* подъ надзоромъ особыхъ унтеръ-офицеровъ; слѣдовательно въ это время, при запрещеніи 92 и 113 ст. *говорить*, имъ ничего другъ-другу не удастся сообщить; самая же интимная ихъ жизнь происходитъ ночью. Тогда-то сосѣди по нарамъ, по карцерамъ, по коморкамъ (состоящимъ изъ досчатыхъ стѣнокъ), знакомятся между собою, т. е. передаютъ: какъ кто прежде служилъ, что творилъ, какое преступленіе привело кого въ заключеніе и т. п. Разсказами изъ чуждой для каждого изъ нихъ сферы—воспламеняется ихъ чуткое ко всему, выходящему изъ обычнаго уровня, воображеніе, и тѣмъ самымъ во 1-хъ они отвлекаются отъ настоящаго ихъ положенія, а во 2-хъ въ лицахъ, заключенныхъ въ роты за малыя преступленія возбуждается, нерѣдко, сожалѣніе, о томъ, отчего и они не надѣлали такихъ большихъ бѣдъ, за которыя ужъ «стоило бы, по крайности, хоть отдуваться». Неоспоримость сказаннаго приводитъ къ заключенію, что редакцію 63 ст. слѣдуетъ измѣнить въ

томъ смыслѣ, чтобы арестанты были размѣщаемы въ отдѣленіяхъ, какъ въ гражданскихъ тюрьмахъ, по *категоріямъ преступленій*, дабы осужденный за воровство не спалъ рядомъ съ пропившимъ казенную вещь, убійца (горцы) съ пришедшимъ за пьянство, совершившій подлогъ съ бѣжавшимъ изъ полка и т. п., отчего устранится вредное вліяніе дурнаго сообщества.

Коморки для ночныхъ разъединеній препятствуютъ развиту среди арестантовъ педерастіи; но устраняемое этимъ способомъ одно зло—порождаетъ другое, еще худшее, именно онанизмъ, которому люди, *запертые врозь* въ неосвящаемыхъ коморкахъ, свободно предаются, истощая себя до идиотизма. Правда, совершенно остановить фیزیологическія отправления человѣческаго организма нельзя; и потому какія бы, въ этомъ отношеніи, мѣры ни были приняты противъ заключенныхъ,—если ихъ природа нуждается въ извѣстномъ актѣ—они всегда найдутъ суррогатъ. Тѣмъ не менѣе педерастію, при спаньѣ на общихъ нарахъ, гораздо удобнѣе предупредить и преслѣдовать, нежели онанизмъ: во 1-хъ камеры освѣщаются, дежурный ходитъ взадъ и впередъ и зоркій глазъ его непременно замѣтитъ всякое движеніе арестантовъ; во 2-хъ легко мѣнять *ежевечерно* постели людей, т. е., чтобы никто заблаговременно не зналъ, гдѣ именно ляжетъ онъ спать. Если же ни у кого не будетъ *постоянныхъ* сосѣдей, то и порокъ значительно уменьшится. Потомъ, изолированное состояніе арестантовъ при коморкахъ отражается на нихъ неблагопріятно по возвращеніи въ полкъ, гдѣ солдаты снятъ большею частію на общихъ нарахъ; привыкнувъ въ ротахъ къ собственной коморкѣ, бывшіе арестанты тяготятся перемѣною, съ которою имъ приходится свѣкаться. Объ этомъ свидѣлствуютъ многіе начальники и медики, причемъ послѣдніе считаютъ онанизмъ раз-

рушительнѣйшимъ, для здоровья заключенныхъ обстоятельствомъ. Посему коморки, не смотря на ихъ стоимость, не совсѣмъ оправдываютъ предполагавшуюся отъ нихъ практическую пользу.

Спать арестанты, какъ читатели помнятъ, на соломенникахъ, въ палецъ толщины и полъ аршина ширины; соломенники дѣлаются изъ ровно подстриженной соломы и переплетаются поперегъ, веревочками, чтобы солома не разсыпалась. Соломенники эти могутъ служить не болѣе, какъ по полугоду: веревочки перетираютъ солому, которая производитъ пыль, сорится, разсыпается. Когда солома обомнется отъ веревочекъ дѣлаются, у лежащихъ на нихъ, рубцы на бокахъ. Поэтому и цѣлесообразнѣе и выгоднѣе было бы, кажется, устроить точно такія же постели—гамаки, какія во французскихъ пенитенціарныхъ и въ Варшавской уголовной тюрьмахъ.

Сколочены 4 круглыя, толстыя палки, посреди которыхъ оставлено пустое мѣсто въ ростъ человѣка; къ палкамъ прикрѣпляется веревками, на кольцахъ, грубый холстъ, чрезъ выметанныя, въ 4-хъ концахъ, круглыя дырочки, человѣкъ ложится на натянутый холстъ—въ люльку. На этомъ холстѣ и мягко спать, и не нужно постилать простыни, а также нечего опасаться появленія ни насѣкомыхъ, ни пыли, ни сора, производимаго растирающеюся соломою; на открытомъ, для всѣхъ, холстѣ нельзя ничего спрятать, какъ это можно въ соломенникѣ. Когда холстъ загрязнится, то стоитъ только отвязать его съ колецъ и замѣнить другимъ; старый же вымывается, точно простыня. Холстъ можетъ служить 2 года, иногда и больше, а смоленныя веревки по 5—7 лѣтъ безъ всякаго ремонта. Постели эти можно дѣлать и висячія, какъ въ корабельныхъ каютахъ.

Уборка комнатъ, карцеровъ, лѣстницъ, отхожихъ мѣстъ,

дворовъ, разноски дровъ, воды, прислуживаніе въ кухнѣ и т. под. черныя работы, все это составляло, во всѣхъ ротахъ, специальность избранныхъ для того арестантовъ, которые освобождались отъ всякихъ другихъ занятій. Такихъ *постоянныхъ* уборщиковъ бываетъ въ ротахъ отъ 30 до 100 человѣкъ, изъятыхъ отъ умственного и нравственнаго исправленія, ради котораго они очутились въ ротахъ. Впрочемъ, въ Брестской и Новогеоргіевской ротахъ въ уборщики назначались люди старыя, либо неспособныя къ грамотѣ; тутъ былъ, значитъ, смыслъ освобожденія ихъ отъ прочихъ дѣлъ; за то въ Динабургской, напр., ротѣ въ уборщики выбирались нарочно молодые, крѣпкіе здоровыя люди, которые такимъ образомъ выходили изъ роты ни чему не наученными, что противорѣчитъ 12 ст. положенія. Что же касается остальныхъ арестантовъ, то они къ черной работѣ не прикасались, оставаясь все время пребыванія въ ротахъ бѣлоручками, а это не соответствовало ихъ будущности: въ полкахъ на черныя работы наряжаются по очереди, *все*, безъ различія, простые рядовые. Оттого человѣкъ, проведеншій въ ротѣ 2—3 года, напр. за верстакомъ, по прибытіи въ полкъ, чувствовалъ, понятную, безглявность къ грязной работѣ, отъ которой многіе изъ нихъ старались отлынивать всѣми неправдами, за что подвергались неизбежнымъ взысканіямъ. Доводы эти, неоспоримо, полагаемъ, вызываютъ потребность возстановить точный смыслъ 67 и 108 ст. положенія, чтобы *все*, кромѣ учителей грамотности, и въ ротахъ *занимались, по-очередно*, хозяйственными работами и не отставали отъ товарищей въ умственномъ и ремесленномъ развитіи, служащихъ, по 113 ст., «средствомъ исправленія ихъ нравственности»

Приученіе людей, въ ротахъ, къ опрятности дѣло, разумѣется, хорошее, но изысканная чистота (напр. лощенные

подоконники, ватерклозеты) опять-таки не сообразна съ положеніемъ, предстоящимъ людямъ въ полкахъ, гдѣ ничего этого нѣтъ и гдѣ они съ грустью вспоминають о прежнихъ удобствахъ, здѣсь не обрѣтаемыхъ. Полагаемъ, что арестантовъ должна окружать такая же точно обстановка, какая существуетъ въ полкахъ, съ тѣмъ, чтобы она имѣла самый аккуратный видъ, принаровленный къ ихъ быту.

Человѣкъ прилично одѣтый всегда развязнѣе, спокойнѣе встрѣчается съ другимъ: онъ знаетъ, что на него не взглянуть съ кислою гримасою. Напротивъ: одѣтый въ лохмотьяхъ всегда представляется униженнымъ, унылымъ: его тяготитъ высокомерный взглядъ встрѣчнаго, котораго отталкиваетъ отъ него его рубище. Тоже самое, по аналогіи, испытываютъ арестанты, по сравненію ихъ съ солдатами. Сѣрые куртки, шапки на нихъ—составляютъ униженіе ихъ нравственнаго чувства. Мало того: куртки вредны и для здоровья: человѣка посадили въ карцеръ, гдѣ одѣла не полагается, и ему не чѣмъ накрыться ночью. Намъ замѣтять, что это и есть часть наложеннаго на него взысканія. Да, это вѣрно; но вѣдь и наказаніе ссылкой въ роты не должно отражаться дурно на здоровьѣ человѣка: его наказываютъ ради исправленія, а не для того, чтобы онъ захворалъ отъ него, какъ это бывало въ дѣйствительности, когда онъ попадалъ, напр. по 64 ст. на 3—5 мѣсяцевъ въ сырой и по большей части холодный карцеръ и вслѣдствіе немѣня одѣла схватывалъ горячку, или лихорадку, тогда какъ еслибъ у него была шинель, или сюртукъ—онъ бы предохранили его отъ болѣзни. Далѣе, изъ-подъ куртки, при работахъ, постоянно выбивается рубашка; когда человѣкъ, работая на холоду—наклонится, то куртка поднимается, ему въ спину проникаетъ вѣтеръ, морозъ, а ежели онъ, кто-мужъ, еще вспотѣлъ, то не трудно простудить позвоночный

столбъ, приобрѣсти ревматизмъ. Въ нѣкоторыхъ ротахъ многіе арестанты при насъ еще носили куртки и шапки съ позорными тузами, несмотря на то, что 15 ноября 1868 г. состоялось рѣшеніе Главнаго Тюремнаго Комитета объ отмѣнѣ позорныхъ знаковъ на одеждѣ арестантовъ исправительныхъ ротъ. Званіе казенныхъ деньщиковъ въ 1871 г. упразднено, а потому, чтобы отличить арестантовъ отъ солдатъ было бы лучше присвоить имъ деньщичью форму, или форму гражданскихъ арестантовъ, напр. петербургскихъ.

Солдатамъ полагаются сапоги съ длинными голенищами, а арестантамъ коньки, т. е. почти башмаки, которые тоже вредны для здоровья, по отзывамъ компетентныхъ въ этомъ отношеніи медиковъ (см. 346 стр.). А коль скоро доводи специалистовъ основательны, то желательно, чтобы арестантамъ давали такіе полусапоги, какіе *прежде* носили солдаты.

Положеніемъ Главнаго Тюремнаго Комитета отъ 12 февраля 1871 г. постановлено: хлѣбъ арестантамъ ѣсть *безъ вѣса*. Это положеніе исполнялось на мѣстахъ различно. Въ одной ротѣ арестанты получали, въ руки, утромъ, по 3 ф. *на цѣлый день*, причемъ начальство считало, что это и означаетъ «безъ вѣса». Въ другой ротѣ ефрейторамъ изъ арестантовъ отпускали, на завѣдываемые ими десятины: по $\frac{1}{2}$ ф. — на завтракъ, по $1\frac{1}{2}$ ф. — на обѣдъ и по 1 ф. — на ужинъ на человѣка, предоставляя людямъ ѣсть изъ этого общаго количества хлѣба каждый разъ столько кто хотѣлъ. Въ третьей ротѣ отъ положенныхъ 3 ф. отдѣляли по $\frac{1}{2}$ ф. съ человѣка въ экономію, а остальные $2\frac{1}{2}$ ф. раздавали, и т. д. Въ одной только Брестской ротѣ дѣлежъ хлѣба производился совершенно правильно: дневная, на всѣхъ, порція хлѣба откладывалась въ сторону, рѣзалась на ломти и изъ нея люди ѣли *волю* въ завтракъ, обѣдъ и ужинъ, въ столовой, и, несмотря на это все-таки была экономія:

портные, напр., съѣдали не болѣе 2 ф., а кузнецы — по 3, даже по 3½ ф., а такъ какъ послѣднихъ сравнительно съ первыми немного, то всѣ были сыты, да еще оставалась, повторяемъ, экономія. Точно также сидѣвшіе въ карцерахъ въ однихъ ротахъ получали къ ужину горячую пищу, а въ другихъ вѣтъ, потому что въ 79 и 80 ст. положенія, а равно 58 ст. положенія о военныхъ тюрьмахъ (на послѣднюю сдѣлана ссылка въ первой) ничего не упоминается про ужинъ. П. 3 ст. 79 предоставляетъ арестантамъ пить квасъ; но всегда ли, или только періодически—3 п. 79 ст. не разъясняетъ; оттого на практикѣ этотъ пунктъ исполнялся широко лишь въ Брестской ротѣ, гдѣ арестанты постоянно пили квасъ; въ остальныхъ же квасомъ арестанты пользовались гдѣ 5, гдѣ 3, а гдѣ лишь два постныхъ дня въ недѣлю. Поэтому полезно разъяснить ротамъ: а) что выдача хлѣба безъ вѣса означаетъ приемъ, принятый въ брестской ротѣ; б) что ко~~м~~ скоро, въ 79 и 80 ст. не сказано, что сидящимъ въ одиночномъ заключеніи и на ужинъ полагается горячая пища, то они лишены права на нее, какъ дѣлается въ той же Брестской ротѣ; в) ежели въ 3 п. 79 ст. прямо выражено, что арестантамъ полагается квасъ, то значитъ, что его слѣдуетъ давать постоянно, безъ различія времени. Здѣсь же добавимъ, кстати, что самую пищу слѣдуетъ, какъ въ Брестской ротѣ, разнообразить: однѣ и тѣ же щи, какъ въ нѣкоторыхъ ротахъ варили, слишкомъ скоро приѣдаются.

Постановленіе 74 ст. о посылкѣ арестантовъ въ баню только 2 раза въ мѣсяцъ не позволяетъ содержать людей въ чистотѣ и опрятности Кузнецы, слесари, сапожники, маляры, въ теченіе одного дня перепачкиваются хуже, чѣмъ портные въ 14 дней; тѣмъ не менѣе имъ дважды въ мѣсяцъ приходится на грязное тѣло надѣвать чистое бѣлье, ходить въ церковь неряхами, ибо вымыться можно лишь въ

банѣ. Поэтому не мѣшало бы водить хоть однихъ чернорабочихъ въ баню еженедѣльно; при этомъ возвысить количество денегъ на вѣшники и мыло по-крайней-мѣрѣ до 60 к. на человѣка въ годъ, чтобъ иногда вымывать лицо или руки мыломъ, котораго на послѣдніе случаи вовсе не полагается, а отмыть варъ, краску, сажу одною водою—чрезвычайно мудро. До какой степени арестанты дорожатъ чистотою, видно изъ того, что они нерѣдко ссорятся, дерутся въ банѣ изъ-за куска мыла, которое, при случаѣ, даже воруютъ другъ у друга.

Хотя въ распредѣленіи дневнаго занятія арестантовъ во всѣхъ ротахъ назначается время на фронтовья и гимнастическія упражненія,—однако на самомъ дѣлѣ эти упражненія очень рѣдко бывали; мало того: въ Динабургской и Бобруйской ротахъ мы не видали даже и гимнастическихъ принадлежностей. Принимая во вниманіе, что арестанты, будучи солдатами, непрерывно находились на свѣжемъ воздухѣ, въ движеніи, а въ ротахъ лишены того и другаго, необходимо, для соблюденія гигиеническихъ условій, согласно 109 ст., непремѣнно ежедневно учить ихъ фронту или гимнастикѣ, чтобъ они кому жъ не забыли этихъ наукъ.

VI.

Правильный, безошибочный взглядъ на арестантскій трудъ тогда лишь установится, когда разрѣшится, главнѣйшій, въ этомъ отношеніи, вопросъ: должна-ли рота считаться простою фабрикою, обладающею надежною машиною въ 1000, 1500 человѣческихъ силъ; или она служить домою покаянія, разсадникомъ добродѣтелей? Въ первомъ случаѣ пусть арестанты работаютъ, въ ротѣ, на основаніи 87 ст.,

10 часовъ въ сутки, даже больше, всякаго рода вещи, лишь бы добыть денегъ, много денегъ, ради которыхъ задавайте имъ работу на урокъ, сверхъ урока, словомъ поступайте коммерчески—эксплоатируйте вашу рабочую силу, но за то ужъ не говорите, что вы это дѣлаете для умственного и нравственнаго возвышенія той самой силы, которою располагаете. Если же роты, какъ явствуетъ изъ духа положенія о нихъ, должны служить домоу покаянія, исправленія испорченныхъ людей, которыхъ, кромѣ нравственнаго исправленія, желательно научить также и ремеслу, какъ средству противъ праздности, и избавить, вполнѣдствіи, отъ матеріальной нужды,—то примите въ руководство совершенно другія правила: ограничьте число рабочихъ часовъ, отмѣните работы *на урокъ* и т. под. Говоря это, мы знаемъ, что идемъ въ разрѣзъ съ порядками, господствующими въ созданныхъ на новыхъ, повидимому, началахъ, тюрьмахъ, которыя съ ревностью не по разуму прославлены господами, очарованными мишурнымъ блескомъ повизни. Тюрьмы эти: одна—морскаго и двѣ—гражданскаго вѣдомства; изъ нихъ двѣ въ Петербургѣ, а послѣдняя—въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе мы настаиваемъ на своемъ по причинамъ, признаннымъ уважаемыми настоящими знатоками тюремовѣдѣнія, въ томъ числѣ Исправительнаго Совѣта С.-Петербургскаго тюремнаго замка *).

Попробуйте хорошенько вникнуть въ суть прославленныхъ тюремъ и вы убѣдитесь, что независимо отъ внѣшняго, бьющаго въ глаза порядка, онѣ ничто иное, какъ прежніе рабочіе дома, гдѣ почти все время арестанты посвящаютъ занятіямъ въ мастерскихъ. Поднятіе нравственнаго

*) См. Правит. Вѣстникъ, 1873 г. № 33 и 34.

уровня падшихъ заключенныхъ оказывается во всѣхъ трехъ тюрьмахъ громкою лишь фразою: на обученіе арестантовъ грамотѣ *дарится* часъ, полтора въ сутки, а бесѣды съ ними о добрѣ и злѣ только позволяютъ, тоже какой-нибудь часъ по воскреснымъ, табельнымъ днямъ, отчего во внутренній міръ заключенныхъ не попадетъ ничего, развивающаго умъ, укрѣпляющаго характеръ, облегчающаго душу отъ накопившейся въ ней горечи житейской суеты. Все отличіе этихъ тюремъ отъ рабочихъ домовъ ограничивается тѣмъ, что изъ заработка удѣляются людямъ копѣйки на чай; что спать они не на общихъ нарахъ, а въ отдѣльныхъ коморкахъ, и по выходѣ изъ заключенія выносятъ съ собою малую толику денегъ—плоды ихъ тяжелыхъ трудовъ. Все это подтвердить, мы увѣрены, всякій, недовольствующійся верхушками въ реформахъ; всякій, способный глубже всмотрѣться въ дѣло. Мало того: мы знаемъ не мало лицъ, близко стоящихъ къ названнымъ тюрьмамъ и эти лица сами сознаются, что тюрьмы еще сносны лишь какъ почивъ, какъ учрежденія новыя, но не отвѣчаютъ даже элементарнымъ правиламъ исправленія, какъ называются оффиціально, т. е. представляются миражемъ людямъ опытнымъ. А эти люди (Исправительный Совѣтъ Тюремнаго Замка) въ своемъ отчетѣ утверждаютъ, что «ограниченіемъ круга дѣйствій арестантовъ только въ мастерскихъ они превращаются въ жалкихъ автоматовъ, которые при соприкосновеніи съ дѣйствительностью неминуемо возвращаются на путь преступленій. Физическій трудъ долженъ служить, по мнѣнію Совѣта, только восполняющимъ нравственное воспитаніе, факторомъ, а отнюдь не поглощать все время заключенныхъ, не оставляя имъ досуга, для размышленія о моральныхъ достоинствахъ человѣка».

Убѣжденные, что и исправительныя роты должны быть

именно школою, въ которой преподаваніе грамотности и правилъ нравственности стояло-бы на первомъ планѣ, а остальные дѣйствія только бы дополняли собою этотъ планъ, мы горячо желаемъ, чтобы этихъ ротъ миновала общая ошибка касательно работъ. Желаніе наше тѣмъ болѣе, кажется, легальнымъ, что и 113 ст. положенія, между прочимъ, гласитъ: «охраненіе отъ соблазна, *умственное и ремесленное обученіе составляютъ основныя начала*, помощію которыхъ можно достигнуть *нравственнаго исправленія* преступника». Вотъ почему мы вполне солидарны съ мнѣніемъ Новогеоргіевскаго Тюремнаго Комитета (см. 208 стр.) о томъ, что занятіе арестантовъ ремесломъ слѣдуетъ представить ихъ *собственному влеченію*, выбору, дабы оно интересовало ихъ умъ, изощрило ихъ воображеніе и тѣмъ самымъ удаляло отъ господствующей въ арестантской средѣ скуки, способствующей увеличенію числа проступковъ. А такъ какъ занятіе создано для того, чтобы человекъ *научился* ремеслу, то исполненіе заказа на урокъ не мыслимо: работающему приходится торопиться, а въ этомъ случаѣ самое ученіе парализируется: во 1-хъ страхомъ быть наказаннымъ за невыполненіе къ сроку предмета, а во 2-хъ слишкомъ продолжительнымъ, ежедневнымъ сидѣніемъ въ мастерскихъ, въ ущербъ другимъ занятіямъ.

Предлагаемое нами уменьшеніе числа рабочихъ часовъ въ день и уроковъ работъ легко можетъ вызвать замѣчаніе, что эти мѣры повлекутъ за собою значительное пониженіе и безъ того мизернаго заработка арестантовъ. На это, не лишнее смысла замѣчаніе отвѣтимъ, что во 1-хъ, за дѣльными придется лишь усилить надзоръ, а во 2-хъ если и окажется незначительный, матеріальный убытокъ, то онъ будетъ ощущаемъ лишь нѣкоторое время, пока ротныя мастерскія получаютъ правильную организацію; но когда аре-

арестанты приобретутъ солидныя познанія въ ремеслахъ, то они будутъ аккуратнѣе, изыщнѣе отдѣливать вещи и тѣмъ самымъ привлекутъ большее число заказчиковъ. Далѣе, приохотившись къ ремесламъ они перестанутъ витать умомъ за предѣлами тюрьмы, а это одно изъ благотворныхъ средствъ къ улучшенію ихъ нравственности, какъ въ самыхъ ротахъ, такъ и внѣ оныхъ, ибо порядочное знаніе мастерства спасетъ многихъ отъ новыхъ преступленій; въ сущности только ради одного этого и учреждены роты.

Переходя, за симъ, къ вопросамъ: отчего въ ротахъ мало бываетъ мастеровыхъ, частныхъ заказовъ, заработковъ, скажемъ сперва нѣсколько словъ о тѣхъ мелкихъ препятствіяхъ, которыя задерживаютъ развитіе мастерскихъ, а потомъ укажемъ на мѣры, способныя, по нашему мнѣнію, искоренить эти ненормальныя явленія.

Начнемъ съ того, что арестанты, хотя и простые люди, сплошь да рядомъ неграмотные,—тѣмъ не менѣе они инстинктивно понимаютъ свое грустное положеніе. Оттого многіе, прибывъ въ роты, на вопросъ принимавшаго ихъ начальника (въ нѣкоторыхъ ротахъ эта обязанность лежала на дежурныхъ: офицерѣ, фельдфебелѣ, или унтеръ-офицерѣ), не знаютъ-ли они какого-либо ремесла,—отвѣчали отрицательно, изъ осторожности, желая напередъ оглядѣться: какъ, что въ ротѣ дѣлается, и при какомъ занятіи «вольготнѣе». Отрицательный отвѣтъ приводилъ ихъ прямо въ одиночное заключеніе; отсидѣвъ тутъ срокъ безъ всякаго дѣла, новоприбывшіе по присоединеніи ихъ, въ послѣдствіи, къ прочимъ арестантамъ, назначались обыкновенно въ ученики какого-нибудь мастерства. Узнавъ потомъ, что мастеромъ быть выгоднѣе, они исподволь, чтобы не подвергнуться взысканію за ложный отвѣтъ, переходили къ специальному своему ремеслу; такъ, нѣкоторые перемѣняли 3—4 мастерскія въ 3—5

мѣсяцевъ, покуда попадали наконецъ на свое мѣсто *); протекавшее же время пропало для нихъ даромъ.

Сокрѣпленію арестантами своихъ знаній особенно помогали два обстоятельства. Письменные о нихъ свѣдѣнія, въ томъ числѣ послужные списки, въ которыхъ, между прочимъ, означаются мастерства, никогда не присылались въ роты одновременно съ арестантами, всегда гораздо позже; случилось даже чрезъ годъ, такъ что и о срокахъ, на какіе подобныя арестанты прибывали въ роты начальство освѣдомлялось отъ нихъ только самихъ. Кромѣ того и въ спискахъ многихъ арестантовъ не прописывалось вовсе: знаютъ-ли они мастерства. Всю эту несообразность легко устранить строгимъ распоряженіемъ по всемъ войскамъ, чтобы онѣ отправляли въ роты письменныя свѣдѣнія на арестантовъ непременно одновременно съ передачею этихъ людей на этапъ; да чтобы въ спискахъ прописывали мастерства. Тогда ротному начальству не для чего будетъ спрашивать арестантовъ, а останется только заглянуть въ заранее полученный списокъ (почта идетъ вѣдь неизмѣнно быстрее этаповъ) и направить арестанта въ ту или другую мастерскую, безъ всякихъ затрудненій.

На основаніи 93 ст. положенія роты вправѣ нанимать «для содѣйствія завѣдывающимъ работами, вольнонаемныхъ мастеровъ». Это весьма раціональное право на практикѣ почти повсюду игнорировалось: ротныя начальства, не въ обиду будь имъ сказано, не привыкли деликатно обращаться съ *вольными* людьми, не привилегированнаго происхожденія;

*) Быстрая смѣна мастерскихъ случалась, впрочемъ, рѣдко, и только для счастливыхъ: куда посадятъ, тамъ и работай.— таково правило, которымъ руководствовались вездѣ, кромѣ Бреста.

мало того: они считали для себя неприличнымъ имѣть «содѣйствіе» отъ какого-нибудь мѣщанина. Вотъ, на выдержку, два случая, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію.

Наемный мастеръ — столяръ, отставной унтеръ-офицеръ, входилъ въ ротныя ворота и выходилъ изъ нихъ, по своимъ обязанностямъ, чуть-ли не 10 разъ на дню, причемъ каждый разъ дежурные, стоявшіе у воротъ, обыскивали его съ ногъ до головы и тѣмъ понапрасну отнимали у него довольно много времени. Это не только отвлекало его отъ дѣла, но и роняло въ глазахъ его учениковъ-арестантовъ, съ которыми его сравнивали. Просилъ онъ многократно освободить его отъ обысковъ, но тщетно: начальники относились къ его домогательствамъ недоувѣрчиво. Терпѣніе его, наконецъ, лопнуло и онъ пробѣжалъ сквозъ ворота необысканнымъ. Дежурный у воротъ унтеръ-офицеръ доложилъ объ этомъ начальнику, тотъ позвалъ столяра и началъ его, *волею* распекать, какъ распекалъ *служащихъ* унтеръ-офицеровъ, арестантовъ. Столяръ попробовалъ было возразить, но его заставили молчать. Тогда онъ категорически отказался отъ мѣста, говоря «эдакъ того и гляди, еще въ карцеръ попадешь за свой честный трудъ». Нельзя, при этомъ, не замѣтить, что если столяръ не вселялъ къ себѣ довѣрія, — то держать его не слѣдовало и 3-хъ дней, а коль скоро онъ былъ безупреченъ, какъ свидѣтельствовали офицеры, то не было, разумѣется, никакого повода обыскивать, унижать его, заслуженнаго война, на старости лѣтъ. Въ другой ротѣ былъ содѣйствователемъ въ мастерскихъ развитой, всегда прилично одѣтый молодой человѣкъ, спецiальность по многимъ ремесламъ, но къ несчастію — мѣщанинъ. И за это низкое его званіе офицеры говорили ему «ты», и вообще выказывали къ нему явное пренебреженіе. Кончилось тѣмъ, что онъ

крупно, однажды, поспори́лъ съ офицеромъ и покинулъ мастерскую, которой съ любовію посвящалъ все свое время.

Приведенные факты наглядно характеризуютъ положеніе ротныхъ мастеровъ, которые, будучи людьми свободными, конечно, не желали безусловно подчиняться воинской дисциплинѣ; отсюда же ясно, почему они не уживались въ ротахъ; арестанты же отъ товарищей долго не выучиваются ремесламъ. Недостатокъ ремесленниковъ въ ротахъ объясняется еще тѣмъ, что вездѣ довольно народа занято постоянно непроизводительнымъ трудомъ: въ однихъ ротахъ—въ качествѣ уборщиковъ, а въ другихъ—ежедневною пылкою и возкою, на далекомъ разстояніи, дровъ, воды и имущества (см. 250 и 320 стр). Имѣя въ виду, что такія занятія составляютъ *отъишнюю* работу,—ихъ слѣдуетъ непременно отмѣнить, дабы сохранить силу 83 ст., возбуждающей арестантамъ работать «въ ограды тюрьмы». Точно также число уборщиковъ необходимо уменьшить на половину.

Отсутствіе значительныхъ вольныхъ заказовъ въ ротахъ зависѣло частію отъ естественныхъ, а преимущественно отъ искусственно-установившихся въ ротахъ недостатковъ. Населеніе всѣхъ крѣпостей состоитъ изъ военныхъ, а прилегающихъ къ крѣпостямъ городовъ—изъ бѣдныхъ евреевъ, еле перебивающихся, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ. Оттого заказчиками остаются семейства офицеровъ, да нижніе чины, причемъ тѣ и другіе стоятъ въ исключительныхъ, странныхъ условіяхъ. Слабонервные, капризные барыни, задумавъ заказать, напримѣръ, обувь,—пугались даже мысли идти въ роту, видѣть толпы арестантовъ, представлявшихъ ихъ экзальтированному воображенію либо злодѣями, либо глубоко несчастными. Поэтому они соглашались заказывать тогда только, когда къ нимъ *на домъ* присылали башмачника снять мѣрку; такъ какъ вольныхъ учителей не было,—то остава-

мало того: они считали для себя неприличнымъ имѣть «содѣйствіе» отъ какого-нибудь мѣщанина. Вотъ, на выдержку, два случая, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію.

Наемный мастеръ — столяръ, отставной унтеръ-офицеръ, входилъ въ ротныя ворота и выходилъ изъ нихъ, по своимъ обязанностямъ, чуть-ли не 10 разъ на дню, причемъ каждый разъ дежурные, стоявшіе у воротъ, обыскивали его съ ногъ до головы и тѣмъ понапрасну отнимали у него довольно много времени. Это не только отвлекало его отъ дѣла, но и роняло въ глазахъ его учениковъ-арестантовъ, съ которыми его сравнивали. Просилъ онъ многократно освободить его отъ обысковъ, но тщетно: начальники относились къ его домогательствамъ недовѣрчиво. Терпѣніе его, наконецъ, лопнуло и онъ пробѣжалъ сквозь ворота необысканнымъ. Дежурный у воротъ унтеръ-офицеръ доложилъ объ этомъ начальнику, тотъ позвалъ столяра и началъ его, *вообще* распекалъ, какъ распекалъ *служащихъ* унтеръ-офицеровъ, арестантовъ. Столяръ попробовалъ было возразить, но его заставили молчать. Тогда онъ категорически отказался отъ мѣста, говоря «эдакъ того и гляди, еще въ карцеръ попадешь за свой честный трудъ». Нельзя, при этомъ, не замѣтить, что если столяръ не вселялъ къ себѣ довѣрія, — то держать его не слѣдовало и 3-хъ дней, а коль скоро онъ былъ безупреченъ, какъ свидѣтельствовали офицеры, то не было, разумѣется, никакого повода обыскивать, унижать его, заслуженнаго воина, на старости лѣтъ. Въ другой ротѣ былъ содѣйствователемъ въ мастерскихъ развитой, всегда прилично одѣтый молодой человекъ, спеціальность по многимъ ремесламъ, но къ несчастію — мѣщанинъ. И за это низкое его званіе офицеры говорили ему «ты», и вообще выказывали къ нему явное пренебреженіе. Кончилось тѣмъ, что онъ

крупно, однажды, поспорилъ съ офицеромъ и покинулъ мастерскую, которой съ любовію посвящалъ все свое время.

Приведенные факты наглядно характеризуютъ положеніе ротныхъ мастеровъ, которые, будучи людьми свободными, конечно, не желали безусловно подчиняться воинской дисциплинѣ; отсюда же ясно, почему они не уживались въ ротахъ; арестанты же отъ товарищей долго не выучиваются ремесламъ. Недостатокъ ремесленниковъ въ ротахъ объясняется еще тѣмъ, что вездѣ довольно народа занято постоянно непродвигательнымъ трудомъ: въ однихъ ротахъ—въ качествѣ уборщиковъ, а въ другихъ—ежедневною пылкою и возкою, на далекомъ разстояніи, дровъ, воды и имущества (см. 250 и 320 стр). Имѣя въ виду, что такія занятія составляютъ *отъишнюю* работу,—ихъ слѣдуетъ непременно отмѣнить, дабы сохранить силу 83 ст., возбуждающей арестантамъ работать «въ ограды тюрьмы». Точно также число уборщиковъ необходимо уменьшить на половину.

Отсутствіе значительныхъ вольныхъ заказовъ въ ротахъ зависѣло частію отъ естественныхъ, а преимущественно отъ искусственно-установившихся въ ротахъ недостатковъ. Населеніе всѣхъ крѣпостей состоитъ изъ военныхъ, а прилегающихъ къ крѣпостямъ городовъ—изъ бѣдныхъ евреевъ, еле перебивающихся, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ. Оттого заказчиками остаются семейства офицеровъ, да нижніе чины, причемъ тѣ и другіе стоятъ въ исключительныхъ, странныхъ условіяхъ. Слабонервные, капризные барыни, задумавъ заказать, напримѣръ, обувь,—пугались даже мысли идти въ роту, видѣть толпы арестантовъ, представлявшихъ ихъ экзальтированному воображенію либо злодѣями, либо глубоко несчастными. Поэтому они соглашались заказывать тогда только, когда къ нимъ *на домъ* присылали башмачника снять мѣрку; такъ какъ вольныхъ учителей не было,—то остава-

лось командировать арестанта. Тутъ опять являлось двоякаго рода препятствіе: съ одной стороны барыня, нежелающія или не могущія видѣть арестантовъ отказывались предоставлять имъ работы, а съ другой—начальство, опасавшееся нарушить законъ посылкою арестанта (по необходимости и это дѣлалось), само отказывалось принять работу. Въ свою очередь солдаты стѣснялись заказывать ротѣ, вслѣдствіе того, какъ указано на стр. 191 и 310, что пріемщики заказовъ—офицеры, съ которыми имъ, по дисциплинѣ, неудобно торговаться. Затѣмъ, всѣхъ вообще тяготила длинная процедура заказа, напрасныя ожиданія составлявшихся условій, несвоевременная явка заказоприимателя (см. 135 и 310 стр.) и т. п. проволочки, подвергаться которымъ за свои же деньги никому, разумѣется, не хотѣлось.

Пренебреженіе къ арестантской работѣ нерѣдко основывалось лишь на пословицѣ «хорошая слава лежитъ, а худая бѣжитъ». Человѣкъ принесъ въ роту свой матеріалъ, положимъ, на куртку; за цѣлостью такихъ матеріаловъ въ нѣкоторыхъ ротахъ почему-то меньше было надзору, нежели за казенными; арестанты, пользуясь этимъ случаемъ, утаивали, иногда, лоскутокъ сукна, или, вмѣсто цѣлаго, соштовывали кусочки, а изъ цѣлаго нашивали для себя, на продажу, тайкомъ, галстуки, рукавички. Владѣлецъ сукна, узнавъ объ этомъ, рассказывалъ, въ видѣ новости, знакомымъ и репутація арестантскаго труда вскорѣ настолько помрачалась, въ глазахъ многихъ, что число заказчиковъ быстро сокращалось. Всякій сталъ опасаться, чтобы и съ нимъ не повторилась подобная же исторія, совершенно забывая, что и вольные мастера поступаютъ съ заказчиками ничуть недобросовѣстнѣе. Немалымъ тормазомъ бывалъ также недостатокъ вниманія начальства къ отдѣлкѣ издѣлій и непониманіе толку въ ремеслахъ. Въ Динабургской, напр., ротѣ зайняли,

однажды, арестантовъ шитьемъ башмаковъ, каковыхъ изготовили 500 паръ и опредѣлили цѣну парѣ въ рубль, 1 р. 20 к. (дешевле рыночнаго). Горожанки живо раскупили паръсто, но чрезъ день толпами стали осаждать роту, увѣряя, что вмѣсто кожаныхъ стелекъ и приборовъ, въ башмаки былъ вставленъ, какъ оказалось, полусгнившій кровельный толь, отъ котораго подошвы, разумѣется, отваливались на первой полверстѣ ходьбы. Однако денегъ никому назадъ не отдали, башмаковъ не передѣляли; понятно, что всѣ закалялись что-либо покупать въ ротѣ. Вслѣдствіе этого объ оставшихся несбытыми башмакахъ начальство, изъ самосохраненія, увѣряло, будто-бы ихъ не раскупаютъ по причинѣ слишкомъ сильной конкуренціи со стороны мѣстныхъ сапожниковъ—евреевъ, назначающихъ за свой товаръ черезчуръ низкія цѣны.

Работали арестанты кропотливо, медленно, безъ прилежанія, какъ мы лично видѣли; этому также есть много причинъ. Въ одномъ, напр., мѣстѣ на 20 столеровъ былъ одинъ рубанокъ, два долота, а какъ работа всѣхъ одинаковая, то многимъ приходилось, сложя руки, ждать, пока имъ по очереди, достанется нужный инструментъ. Въ другомъ мѣстѣ арестантъ сдѣлалъ столъ и на предложенный ему при насъ офицеромъ вопросъ: почему столъ еще неотполированъ? отвѣчалъ, что лаку нѣтъ. „Подай смѣту и получишь“, приказалъ офицеръ. „Я, виновать, не знаю, что такое смѣта“, молвилъ арестантъ. „Спроси священника“, заключилъ офицеръ и пошелъ дальше, а арестантъ остался стоять вытаращивъ глаза, и ломая голову надъ словомъ „смѣта“, впервые, вѣроятно, услышанномъ имъ.

Работа на урокъ и что понало, а не по выбору самихъ работающихъ, равнодушіе къ слишкомъ малому заработку, который будетъ выданъ Богъ вѣсть когда, безразличное от-

ношеніе ко всѣмъ ремесленникамъ, хорошіе-ли они, или плохіе, лишь бы работали—все это поселяло въ арестантахъ, какъ мы говорили выше лѣнь, апатію. Отсутствіе же точныхъ, удобопонятныхъ правилъ веденія отчетности по мастерскимъ (этихъ правилъ доселѣ еще, къ сожалѣнію, не преподано ротамъ), нерѣдко ставило мѣстное начальство въ крайне затруднительное положеніе, изъ котораго оно не въ силахъ было выйти. По неволѣ въ отчетности все какъ-то путалось, не было общей, однообразной системы: въ одной ротѣ за норму числа ремесленниковъ брали число, состоявшее на лицо 1 Января, а сколько ихъ перебывало *въ теченіи цѣлаго года*—до этого не было никакой возможности добраться; въ другой ротѣ вѣрность стоимости заказа, правильность сдѣланныхъ вещей и полученныхъ денегъ удостоверялъ начальникъ своею подписью въ книгѣ; въ третьей—въ полученіи заказовъ изъ мастерскихъ росписывался офицеръ, завѣдывавшій мастерскими; въ четвертой [Брестской ротѣ, росписку эту дѣлали сами заказчики; и только этотъ способъ согласенъ съ 96 ст. положенія.

Совокупность всего, сказаннаго, сильно вліяло на то, что въ попечители мастерскихъ никто изъ мѣстныхъ коммерсантовъ не хотѣлъ поступать, что объясняется еще и слѣдующимъ обстоятельствомъ. Начальство ротъ считало себя вполне компетентнымъ *во всемъ*, что касается ротъ, и потому не желало не только посвящать попечителей въ свои операціи и расчеты, но даже не хотѣло принимать совѣты отъ нихъ, постороннихъ людей, не носящихъ *форменной одежды*. Въ этомъ смыслѣ намъ довелось слышать искреннюю рѣчь одного изъ попечителей, человѣка просвѣщеннаго и въ коммерціи популярнаго. Попечитель этотъ попытался было заняться дѣломъ, но убѣдившись, что это не по вкусу начальству,—ретировался и съ тѣхъ поръ больше уже не заглядывалъ въ роту.

Перечисленные нами неурядицы безъ всякаго сомнѣнія уничтожатся, если будутъ сдѣланы надлежащія измѣненія въ административныхъ распоряженіяхъ и нѣкоторыхъ, къ этому предмету относящихся, статьяхъ положенія о ротахъ. Измѣненія эти по нашему крайнему разумѣнію, должны заключаться въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ обязать роты *непретѣнно* имѣть вольнонаемныхъ учителей-мастеровъ, а чтобы они не были въ загонѣ—предоставить имъ не только самостоятельно учить арестантовъ ремесламъ, но подѣ денежнымъ, на случай начета, залогомъ—принимать заказы въ самыхъ ротахъ и внѣ оныхъ, раздавать работы арестантамъ, оцѣнивать стоимость и качества изготовленныхъ предметовъ подѣ наблюденіемъ попечителей и начальниковъ ротъ. Одному изъ помощниковъ начальниковъ ротъ можно бы поручить полицейскій надзоръ за арестантами во время работъ, покупку, совмѣстно съ мастеромъ, или чрезъ попечителя, матеріаловъ, выдачу заказовъ по принадлежности, полученіе причитающихся за нихъ денегъ и записываніе этихъ денегъ на приходъ. Это нововведеніе дало бы надлежащій ходъ ремесленнымъ операціямъ ротъ, которыя пріобрѣтутъ популярность среди всѣхъ сословій. Кромѣ того, вслѣдствіе раздѣленія труда между названными лицами, офицеры будутъ въ состояніи усилить свою дѣятельность на нравственное перевоспитаніе арестантовъ; солдаты же перестанутъ дичиться ротъ, получивъ возможность свободно договариваться съ мастеромъ, предѣ которымъ нѣтъ надобности стѣсняться. Въ этомъ духѣ необходимо измѣнить 93 и 95 ст. положенія, оставивъ согласно послѣдней статьѣ на долю ротнаго Комитета опредѣлять: какого рода заказы могутъ быть исполняемы арестантами, но вмѣсто словъ „самые заказы принимаются начальникомъ роты“ (это въ дѣйствительности чрез-

вычайно рѣдко исполнялось вслѣдствіе недосуга) вставить слова „при участіи мастера и попечителя.“

Во-вторыхъ необходимо обязать ротные компеты не менѣе двухъ разъ въ годъ опредѣлять стоимость арестантскихъ издѣлій съ матеріаломъ и безъ онаго, при чемъ таксу эту публиковать въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, а о болѣе употребительныхъ вещахъ вывѣшивать печатные-же преісы куранты на казенныхъ зданіяхъ и въ ротахъ, для всеобщаго свѣдѣнія. Далѣе, за испорченный или пропавшій матеріалъ заказчика надобно подвергать виновныхъ такой же отвѣтственности, какъ за казенный, сообразно тому, какъ установилъ Новогеоргіевскій комитетъ, т. е. чтобы заказчикъ былъ исполнѣ удовлетворяемъ ротою изъ заработка виновнаго, или изъ специальныхъ средствъ, смотря по обстоятельствамъ. Это устранить порчу матеріала частныхъ лицъ и опасеніе послѣднихъ за цѣлость ихъ имуществъ.

Въ третьихъ, слѣдуетъ отмѣнить существующее запрещеніе ротамъ вступать въ подряды съ казною; часть же того количества запасныхъ вещей (шинели, брюки, сапоги и т. под.), какое заготовляютъ нынѣ, на основаніи 90, 95 и 96 статьи IV ч. I т. св. воен. пост., изд. 1869 г., обмундировальныя мастерскія хозяйственнымъ способомъ, предоставить получать ротамъ *прямо* изъ Интендантствъ или же обязать, по крайней мѣрѣ, хотъ мѣстныя обмундировальныя мастерскія *прежде* всего отчислять столько работы, чтобы ея хватало на всѣхъ арестантовъ на круглый годъ, и только остальную, затѣмъ, изготовлять въ самыхъ мастерскихъ, какъ это дѣлалось въ Брестѣ, причемъ сообразно этому исправить 93 ст. той же IV ч. I т. св. воен. пост. Этимъ путемъ могла бы быть достигнута троякаго рода цѣль: арестанты были бы всегда за дѣломъ, подрядчики потеряли бы возможность эксплуатировать арестантскій трудъ, какъ указано на 139

стр. о кольяхъ для палатокъ и значительное число солдатъ оставались бы на лицо во фронтѣ, вмѣсто нахождения въ мастерскихъ въ командировкѣ.

Въ четвертыхъ, при отпускѣ казною обмундировальнымъ мастерскимъ, для шитья вещей—суконъ, холста, сапожнаго товара, полагается, такъ называемый прикрой, употребляемый, согласно 98 ст 4. ч. I т., въ дѣло, взамѣнъ слѣдующаго, по нормальнымъ табелямъ, количества матеріаловъ, стоимость которыхъ составляютъ прикроечный капиталъ. Изъ этого капитала выдаются, по силѣ 2 и 3 п. 99 ст., до 25% въ награду завѣдывающимъ мастерскими и прочимъ чинамъ оныхъ. Чтобы возбудить въ арестантахъ прилежаніе къ труду,—было-бы, полагается, рационально, выдавать и ротамъ изъ этого капитала хоть по 10% (сообразно стоимости слѣланнхъ вещей, на награды служащимъ и на покупку работающихъ въ мастерскихъ арестантамъ чаю (послѣднее дѣлалось въ Брестской ротѣ: 257 стр.) и въ этомъ смыслѣ измѣнить указаннныя пункты 99 ст. Потомъ, отличающимся стараніемъ и изыщущею отдѣлкою издѣлій можно бы разрѣшать, въ извѣстное время, на счетъ этихъ же денегъ, куреніе табаку въ особой комнатѣ, подъ наблюденіемъ унтеръ-офицеровъ. Этимъ способомъ, наверное на половину уменьшится число совершающихся нынѣ въ ротахъ проступковъ. Независимо сего, тѣхъ арестантовъ, которые своими знаніями по части ремеселъ приносятъ существенную пользу мастерскимъ (напр. научили ремеслу нѣсколько человѣкъ) переводить, какъ позволяютъ 61 и 66 ст. положенія, 2—4 мѣсяцами ранѣ установленнаго срока изъ испытуемыхъ въ исправляющіеся, а буде они находятся въ числѣ послѣднихъ, то-для возбужденія среди арестантовъ соревнованія—ходотайствовать, но нѣсколько разъ въ годъ, о сокращеніи срока пребыванія ихъ въ ротахъ.

Наконецъ, въ пятыхъ, необходимо преподавать ротамъ простыя, но прочныя правила относительно того, какъ вести по мастерскимъ отчетность, которую подчинить, на общемъ основаніи, ревизіи контроля.

Созданіе этихъ правилъ всего лучше бы предоставитъ самому контролю, или по-крайней-мѣрѣ, составить ихъ хотъ при участіи онаго. Мы, съ своей стороны, руководствуясь опытомъ, полагаемъ достаточнымъ завести въ ротахъ по двѣ книги: заказную и матеріальную. Заказная должна быть съ графами: въ первой № по порядку заказа; во второй отмѣтка о томъ, когда полученъ заказъ; въ третьей—отъ кого; въ четвертой, что заказано; въ пятой изъ чьего матеріала; въ шестой—стоимость работы съ матеріаломъ или безъ онаго; въ седьмой—сколько получено задатка; въ восьмой—сколько человекъ работало надъ приготовленіемъ заказной вещи; въ девятой—во сколько дней исполненъ заказъ; въ десятой сколько составляетъ весь заработокъ; въ одиннадцатой сколько отчислено денегъ въ пользу роты; въ двѣнадцатой—сколько идетъ въ пользу работавшихъ арестантовъ; въ тринадцатой—рописка казначея роты въ приѣмъ этихъ денегъ. Въ матеріальной книгѣ можно бы сдѣлать графы: 1) нумера по порядку покупки матеріала; 2) когда и что именно куплено; 3) на какую вещь сколько и какого именно употреблено матеріала; 4) стоимость каждаго предмета; 5) общая ихъ цѣнность, если нѣсколько однородныхъ предметовъ; 6) сколько составляетъ общій барышъ за трудъ, за исключеніемъ цѣнности употребленнаго матеріала; 7) когда заказъ сданъ въ цейхгаузъ. Оправдательными документами должны служить: а) ежедневныя рапортички о числѣ рабочихъ по каждой мастерской; б) мѣстныя рыночныя цѣны матеріаловъ; в) такса работамъ; г) выборки изъ приказовъ по ротѣ о прибыли и убыли людей, о распредѣленіи денегъ

между казною и арестантами; д) счеты лавочниковъ, у кого, что и когда именно куплено, — и наконецъ; е) расчетныя книжки рабочихъ, книжки, которыя хорошо бы завести для арестантовъ.

IV.

Система преподаванія арестантамъ грамотности также вызываетъ на серьезныя размышленія. Изученіе грамоты (3 п. 89 ст. положенія) есть, безспорно, одинъ изъ главныхъ факторовъ исправленія нравственности, какъ справедливо гласить 113 ст. положенія. Мысль эта оправдывается даже фактами изъ арестантскаго же быта. Такъ, въ Бобруйскѣ, при пасѣ, въ одну недѣлю было 4 покушенія на жизнь унтеръ-офицеровъ, съ единственною цѣлю попасть въ каторгу, которая представлялась арестантамъ благополучнымъ избавленіемъ отъ жизни въ ротѣ; но, какъ только имъ, въ теченіе недѣли, стали ежедневно читать статьи закона о положеніи каторжныхъ, то покушеній не стало: узнавъ, что въ каторгѣ хуже, арестанты отказались отъ прежнихъ своихъ заблужденій. Между тѣмъ 110 ст. предписывается учить арестантовъ грамотѣ «въ воскресные, праздничные дни и въ *прочее, свободное* отъ работъ и строеваго ученія время». Всѣ праздники арестантовъ составляютъ, по 85 ст., 52 воскресенья, да 19 табельныхъ дней, итого 71 день въ году. Практика роть показала намъ, что занимались арестанты грамотностью въ праздники не цѣлые дни, а часъ, два, либо совсѣмъ отдыхали послѣ недѣльнаго труда. Вслѣдствіе неопредѣленія въ 85 ст., съ точностью: сколько именно времени слѣдуетъ удѣлять ежедневно, въ будни, на грамотность, — ротное начальство, заботившееся исключительно о мастерскихъ (кромѣ Риги и Бреста), на умственное развитіе арестантовъ усту-

вечеромъ, когда людей, отъ усталости, клонитъ ко сну. На обученіе грамотѣ нужно удѣлять, по крайней мѣрѣ, по 3 часа въ день, на каждую отдѣльную группу, считая въ томъ числѣ и всѣхъ мастеровыхъ, которые должны для этого освободиться отъ работъ по крайней мѣрѣ хоть по часу въ день. Необходимо обязать священниковъ съ псаломщиками вести, изо дня въ день, постоянно, 2 книги съ графами: одну о томъ, при какихъ знаніяхъ, или безъ нихъ, каждый арестантъ поступилъ въ классъ; какіе успѣхи оказывалъ, во время ученія, часто ли и на долго ли покидалъ классъ за болѣзнію, или вслѣдствіе сидѣнія въ карцерѣ; какія знанія вынесъ арестантъ съ собою по освобожденіи изъ заключенія. Въ другой книгѣ должны быть помѣщаемы свѣдѣнія о раздаваемыхъ арестантамъ книгахъ, для чтенія, указывая фамиліи читателей, причемъ, по возвращеніи ими книгъ, по возможности, разспрашивать ихъ, что они поняли изъ прочитаннаго, разъяснять имъ недоумѣнія, смыслъ и значеніе книгъ и все это вкратцѣ записывать въ книгу, противъ фамиліи читавшаго. Обѣ такія книги могли бы дать превосходный матеріалъ, какъ для сужденія о дѣятельности учителей, такъ равно и для составленія отчетовъ о степени умственнаго развитія арестантовъ и о результатахъ ихъ обученія. Нынѣшнюю систему представленія отчетовъ о грамотности (къ 1 Января состояло такого — то разряда столько, такого-то столько и т. д.) замѣнить другою, — установивъ, чтобы изъ вѣдомости видно было: сколько человѣкъ чему именно учились въ теченіе *цѣлаго* года; сколько изъ нихъ чему и какъ *научилось*; сколько изъ научившихся проштрафливалось, выбыло въ войска и затѣмъ, сколько къ Январю осталось. Изъ такихъ вѣдомостей сами собою явятся выводы о степени полезности ротныхъ школъ.

Установленное 115 ст. чтение книг вслух, по праздникамъ, надо-бы возложить на священника и псаломщика поочередно; причемъ они должны популяризовать читаемое ими. Наконецъ, библіотеки ротъ необходимо значительно пополнить общеупотребительными сочиненіями, выборъ и выписку которыхъ предоставить усмотрѣнію священника съ псаломщикомъ, какъ наставникамъ школъ. Свобода выбора въ этомъ отношеніи необходима отчасти и для того, чтобы напрасно не тратились казенныя деньги, какъ это, къ сожалѣнію, случалось. Нѣкому, напр., диллетанту тюремновѣдѣнія пришла фантазія выписать, для каждой изъ ротъ, на 120 р., рисунковъ различныхъ ремесленныхъ издѣлій французскаго изданія, наивно полагая, что арестанты станутъ по нимъ дѣлать мебель на манеръ Тура и Гамбса; но на практикѣ вышло маленькое недоразумѣніе: диллетантъ упустилъ изъ виду, что не только арестанты, но и начальство не понимало французскаго текста. Кончилось тѣмъ, что гравюры, въ отличномъ переплетѣ, были спрятаны и показываются исключительно во время смотровъ, а въ ротахъ руководствуются, при надобности, указаніями выписываемой за 3 руб. «Ремесленной газеты». Былъ и такой примѣръ, что начальникъ края прислалъ, въ одну роту, въ 1870 г., для раздачи арестантамъ, 400 экземпляровъ молитвенниковъ; послѣдніе пролежали въ шкафу ротной канцеляріи, въ тѣхъ, нераспечатанными, около 2-хъ лѣтъ, вслѣдствіе желанія начальства сберечь ихъ въ цѣлости, на случай спроса свыше. Въ библіотекахъ ротъ полезно также имѣть и газету, напр., всего ближе касающуюся войскъ «Русскій Инвалидъ», по которому можно знакомить арестантовъ со вновь издающимися военными законами, съ переменами въ составѣ и управленіи полковъ, куда арестанты выходятъ изъ ротъ и т. п. Иначе даже старые солдаты, по прибытіи въ полки, не зная о происшедшихъ тамъ,

впродолженіи ихъ долгаго отсутствія, переи́знахъ, становятся совершенными новичками во многихъ отношеніяхъ.

VIII.

Идея, положенная въ основаніи положенія о ротахъ совершенно вѣрная, справедливая; но бѣда въ томъ, что примѣнители положенія къ практикѣ, не понявъ его духа—держались буквы, отчего дѣло приняло не правильное направленіе. Безспорно и то, что самая трудная задача персонала ротъ состоятъ въ исправленіи нравственности людей, ввѣренныхъ его перевоспитанію. Надежными двигателями къ достиженію означенной цѣли, являются—религія, строгое, но гуманное обхожденіе, и разумныя, правдивыя дѣйствія *самаго* начальства арестантовъ,—которые ищутъ не только житейской, но и абсолютной справедливости по отношенію ко всему, что ихъ окружаетъ.

Религія есть предметъ сердца, совѣсти человѣка. Арестанты-простолюдины, вообще говоря, очень религіозны и въ религіи часто находятъ утѣшеніе своей скорби. Достаточно пристально взглянуть, въ церкви, съ какимъ они благоговѣніемъ стоятъ, крестятся, владутъ земные поклоны; или прислушаться, вечеромъ, къ ихъ пѣнію, по камерамъ, молитвъ, чтобы настойчиво утверждать вышесказанное. Слѣдовательно ихъ религіознымъ чувствомъ надо дорожить, его надо развивать, очищать отъ невѣжественныхъ предразсудковъ, вселяя въ нихъ ясныя, свѣтлыя понятія о религіи, создающей нравственность, а отнюдь не насиловать ихъ совѣсть, не относиться индифферентно къ ихъ воззрѣніямъ. Наставителямъ арестантовъ въ религіи, священникамъ надлежитъ пользоваться, со стороны свѣтской власти надъ арестантами, *полнымъ уваженіемъ*, дабы этимъ способомъ укрѣпить въ людяхъ

довѣріе, расположеніе къ священникамъ. Къ прискорбію мы располагаемъ фактами, доказывающими противоположное.

На стр. 150 читатели видѣли, что арестанты не бывали въ церкви по цѣлымъ годамъ. Мало того: арестантовъ посылали въ той же ротѣ въ баню не предъ исповѣдью, а послѣ нея, даже по принятіи ими св. причастія; въ баню-же гоняли ихъ по воскресеньямъ, въ томъ расчетѣ, чтобы изъ рабочихъ субботныхъ дней не пропадало по нѣсколько часовъ. Когда мытье въ банѣ перенесено было, наконецъ, на субботу, то по воскресеньямъ арестантовъ заставляли работать; вмѣсто слушанія богослуженія, предъ смотрами,—занимали ихъ маршировкой. При насъ, однажды, арестанты другой роты стояли за обѣдней, въ церкви. Вдругъ явился офицеръ, началъ ихъ осматривать и замѣтивъ на одномъ нечищенные сапоги, тутъ же сперва распекъ его, а потомъ, погнавъ вонъ, въ камеру, исправить замѣченную погрѣшность, какъ-будто отъ нея зависѣло все благосостояніе роты. На говѣніе полагается, 85 ст. положенія, 3 дня, для каждого человѣка; но есть рота, начальство которой поняло смыслъ этихъ словъ закона такъ, что *вся рота* обязана цѣликомъ отговѣть *сразу* въ 3 дня и согласно такому мнѣнію распоряжалось. Оттого священникъ въ два дня принужденъ былъ исповѣдывать по 300 чел. въ день, т. е. пробесѣдовать съ каждымъ не болѣе нѣсколькихъ секундъ. Священники производятъ, положимъ, исповѣдь вообще скоро, но во-1-хъ, людей юридически честныхъ, безупречныхъ, во-2-хъ, такихъ преимущественно, которые правильно понимаютъ значеніе исповѣди и въ-3-хъ, по своему развитію не нуждаются въ продолжительныхъ наставленіяхъ. Совсѣмъ противоположное представляютъ арестанты, люди невѣжественные, сбившіеся съ пути истиннаго, люди, на которыхъ можетъ повліять лишь осмысленное, прочувствованное слово увѣщанія, которымъ

необходимо провести параллель между тѣмъ, что они прежде дѣлали и что должны дѣлать въ будущемъ, чтобы вновь не впасть въ пороки, въ преступленіе, а на это надо порядочно времени, меньшее по 10 минутъ на человѣка.

Наконецъ бывали начальники, которые, видя, что арестанты симпатизируютъ священникамъ, старались уничтожить это хорошее вліяніе. Такъ, въ третьей, напр., ротѣ, священникъ ежедневно хаживалъ по мастерскимъ, садился то тамъ, то сямъ, возлѣ арестантовъ и бесѣдовалъ съ ними, изучалъ ихъ бытъ, нравы, обычаи, что достойно, разумѣется, только одобренія. Тѣмъ не менѣе начальству не понравился образъ дѣйствій священника (ему почудилось что священникъ контролируетъ его распоряженія касательно *работъ*), а потому оно сочло его бесѣды отвлеченіемъ людей отъ занятій и выпроводило его на его мѣсто—лишь въ классъ, да по праздникамъ въ спальныя камеры. Въ четвертой ротѣ арестантъ попросилъ, однажды, священника принять участіе въ скорѣйшему освобожденію его изъ роты, гдѣ онъ пробылъ, вслѣдствіе упущенія ротнаго начальства, нѣсколько мѣсяцевъ лишнихъ. Священникъ сталъ хлопотать предъ тѣмъ-же начальствомъ объ удовлетвореніи законной просьбы арестанта, но начальство это рѣшило, что священникъ вторгается въ чужую сферу, захватывая непринадлежащую, будто-бы, ему власть и запретило ему ходатайствовать за арестантовъ о чемъ-бы то ни было, увѣряя что это нарушаетъ воинскую дисциплину. Начальство заявило, что арестанты о всѣхъ своихъ нуждахъ обязаны, дескать, просить, согласно 117 ст. положенія, исключительно чрезъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ—унтеръ-офицеровъ, офицеровъ и только! Тамъ-же въ нашемъ присутствіи, священникъ, однажды, просилъ не подвергать провинившагося въ храненіи табаку молодого арестанта, ни разу еще не испытываго

боли розогъ, тѣлесному наказанію и при этомъ указывалъ, что наказаніе можетъ худо отозваться на дальнѣйшемъ его поведеніи. Докторъ поддерживалъ священника, но неудачно: начальство рѣшило отсчитать арестанту 75 ударовъ. И что же? Черезъ три дня послѣ наказанія, дотолѣ смиреннѣйшій арестантъ, совершилъ новый, ужъ гораздо важнѣйшій предшествовавшаго проступокъ, говоря, что, обезчещенный наказаніемъ,—онъ не въ силахъ перенести обиды безропотно и ни предъ чѣмъ уже не задумается, лишь бы вырваться изъ роты въ Сибирь или на каторгу, все равно!...

Здѣсь-же, встати отмѣтить, что, кромѣ Бреста, вездѣ, между начальствомъ роты съ одной и священниками и докторами съ другой стороны, существовалъ антагонизмъ во всемъ. Происхожденіе этого антагонизма слѣдуетъ приписать естественному впрочемъ, обстоятельству: доктора и священники люди образованные, развитые, никакъ не могли примириться со взглядами на значеніе ротъ офицеровъ, обладавшихъ только фронтовыми познаніями, что крайне недостаточно для перевоспитателей порочныхъ людей.

Для подтвержденія мысли о малоспособности большинства видѣнныхъ нами исправителей къ ихъ профессіи, — приведемъ, на выдержку, для большей наглядности, лишь нѣсколько изъ множества собранныхъ нами характерныхъ фактовъ. Одинъ фактъ—ссылка арестанта въ каторгу на 20 лѣтъ, за нанесеніе удара офицеру, извѣстенъ читателю изъ 149 стр. О малограмотности ротныхъ офицеровъ—читатели также, можетъ быть помнить, изъ 221 и 269 стр. И вотъ, ныне, опасаясь показывать *свои* письменныя произведенія вышему начальству, заводили себѣ изъ арестантовъ секретарей, которые формулировали штрафы арестантовъ въ черновыя книги, а офицеры собственноручно только переписывали съ нихъ въ бѣловыя; о донесеніяхъ-же, рапортахъ и

говорить нечего: безъ сочиненной кѣмъ-либо черновой—офицеры оказывались, случалось, въ серьезномъ затрудненіи. Словомъ арестанты-секретари кое-гдѣ вели переписку нѣкоторыхъ начальниковъ отдѣленій,—а такъ какъ всѣ люди, по природѣ, болѣе или менѣе эгоисты, то и арестанты-секретари друзей своихъ облегчали, а враговъ отягощали, безбоязненно располагая вліяніемъ, даже властью надъ толпою. Узурпаторы эти бывали, иногда, до того сильны, что и унтеръ-офицеры относились къ нимъ не иначе, какъ съ почтеніемъ: никто изъ послѣднихъ не въ состояніи былъ замѣнить офицеру такихъ секретарей.

Курить табакъ арестантамъ возбраняется 72 ст. положенія, но чтобы жить въ ладу съ людьми, замѣчавшими недостатки своихъ начальниковъ (и на солнцѣ вѣдь есть пятна) одинъ изъ такихъ господъ, при входѣ въ казарму, всегда нарочно громко кашлялъ, давая тѣмъ знать, чтобы, на время, покуда онъ пройдетъ, перестали курить. Независимо арестантовъ и начальству тоже возбраняется 41 ст., курить табакъ не только въ камерахъ, столовыхъ и мастерскихъ, но и въ корридорахъ. Тѣмъ не менѣе, мы лично были очевидцемъ, какъ нѣкій офицеръ, курия въ корридорѣ сигару, подозвалъ страстного курильщика-арестанта и три раза сряду повторялъ ему, улыбаясь: «а вѣдь славную курю я сигару? Вотъ бы и тебѣ этакъ затянуться, да, шалишь, нельзя: ты арестантъ». Лицо арестанта искажалось отъ раздраженія, но онъ выслушалъ сказанное и молча пошелъ на свое мѣсто. И офицеръ, надо сознаться, дразнилъ арестанта не по злости, нѣтъ:—онъ слылъ добродушнымъ человѣкомъ,—а просто, по наивности своей не вѣдалъ, что творить. Далѣе: арестантъ сбился однажды, съ ногъ, идучи во фронтѣ изъ столовой; замѣтившій это офицеръ вдругъ разсердился, схватилъ арестанта за горло и закричалъ: «я тебя задушу», при-

правляя свои выраженія бранью. «Вы, ваше благородье, не имѣете права меня удупнить», хрипло напомнилъ ему арестантъ. Отвѣтъ этотъ такъ странно поразилъ офицера, что онъ тотчасъ-же приказалъ фельдфебелю свести арестанта къ священнику, чтобы тотъ сдѣлалъ ему «пастырское наставленіе», что фельдфебель и исполнилъ, къ изумленію священника. У нѣкоего шпиривителя происходилъ пиръ, причемъ двѣ барышни (одна—дочь хозяина) изъ ревности вцѣпились другъ другу въ волосы и стали драться, что, впрочемъ, нерѣдкость въ благородныхъ семействахъ. Родитель, увидѣвъ эту потасовку, не придумалъ ничего лучшаго, какъ позвать арестантовъ разнимать дравшихся, отчего это событіе тотчасъ стало извѣстнымъ всей арестантской семьѣ. Другой начальникъ до того боялся арестантовъ, что постоянно входилъ къ нимъ въ камеры съ кистенемъ въ карманѣ и съ желѣзною палкою въ рукѣ. Арестанты это отлично знали и смѣялись надъ трусостью своего начальника. Вновь прибывшій на службу въ роту офицеръ явился, по порядку, къ коменданту и на вопросъ: ради чего онъ перевелся въ роту, смѣло отозвался «дослужить здѣсь, на спокоѣ, 2 года, до полной пенсіи». Былъ и еще старикъ, которому поручили, однажды купить матеріалы, но онъ полученные на это деньги прогулялъ.... Полагаемъ, что довольно и приведенныхъ фактовъ, для характеристики состава офицеровъ ротъ; если бы продолжать это повѣствованіе, то намъ пришлось бы исписать не одну страницу, передавая и смѣшные, и грустные біографическіе очерки... Ругань и даже битье арестантовъ, запрещенныя 5 и 11 ст., тоже, нерѣдко, происходили въ ротахъ.

Намъ могутъ, правда, замѣтить, что все это мелочь, единичные случаи. На это мы возразимъ, что вся жизнь ротъ слагается изъ мелочныхъ событій, составляющихъ цѣлую,

незыблемую систему, неблагопріятно отражающуюся на нравственномъ исправленіи людей. Всѣмъ признано, что только человѣколюбивое обращеніе съ арестантами примиряетъ этихъ людей съ ихъ участью, благотворно дѣйствуетъ на ихъ умъ и сердце, тогда какъ грубая, суровая манера, напротивъ, ожесточаетъ ихъ, доводитъ многихъ до криминальнѣйшихъ преступленій... Говоря это, мы невольно вспоминаемъ печальное событіе, однажды, видѣнное нами во время нашей практики. Вахтеръ не додавалъ арестантамъ часть положеннаго имъ количества хлѣба, заставлялъ ихъ работать свыше силъ, всякія ихъ жалобы предупреждалъ доносами на нихъ же. Люди долго терпѣли, но вышли, наконецъ, изъ себя и кто-то кирпичемъ уложилъ вахтера на мѣстѣ. Присутствовавшій при этомъ офицеръ сталъ ругать ихъ, они схватили по кирпичу въ руки и офицеръ едва спасшись бѣгствомъ отъ нихъ,—пемедленно донесъ кому слѣдовало о «бунтѣ». На мѣсто происшествія явился другой начальникъ и, увидѣвъ разъяренную толпу, съ кирпичами въ рукахъ,—*дружески* предложилъ имъ возстановить порядокъ. Арестанты мигомъ повиновались: простой русскій человѣкъ таковъ, что ласкою, добромъ изъ него хоть веревки вей; это подтвердитъ всякій, практически знакомый съ народнымъ духомъ.

Склонность къ сознанію своей виновности, къ исправленію, къ помощи ближнему, въ дисциплинированныхъ военныхъ арестантахъ неизмѣримо выше, нежели въ гражданскихъ, жившихъ до заключенія *собственнымъ умомъ*. Посылка, напр., изъ ротъ писемъ къ роднымъ сопряжена съ значительными, по 106 ст. положенія *), затрудненіями; нѣко-

*) Право это предоставлялось только людямъ, находящимся въ исправляющихся и хорошаго поведенія. т. е. когда заведывающіе: отдѣленіями унтеръ-офицеры, фельдфебеля, офицеры, мастерскими и священники еди-

торымъ это даже просто запрещается за провинности; но это легко устраняется въ госпиталѣ. Поэтому многіе, какъ намъ достовѣрно извѣстно, растирали себѣ глаза, расковыривали раны на тѣлѣ, отирались, для леченія, въ госпиталь, писали тамъ и оттуда отирали письма домой, и потомъ возвращались назадъ, въ роты. Другіе, имѣвъ возможность вести корреспонденцію съ родными, этого, напротивъ, не дѣлали, стыдась сообщать правду—что заключены въ роты за преступленія; третьи не хотѣли причинять близкимъ сердцу людямъ печали разсказами о своемъ положеніи. Человѣкъ, сокрушавшійся объ участи дочери (317 стр.), когда онъ самъ находился въ горѣ—есть человѣкъ, безъ сомнѣнія, способный стать порядочнымъ. Арестанты со скорбію присутствуютъ, при тѣлесныхъ наказаніяхъ товарищей, съ восторгомъ прощаются съ освобожденными изъ ротъ, напутствуя ихъ самыми горячими пожеланіями. Многіе арестанты Новогеоргіевской роты съ гордостью передавали намъ, что они изъ своего продѣловствія согласились пропитывать семью, пришедшую издадека къ одному изъ ихъ товарищей. Съ признательностью отзывались арестанты Брестской роты о своемъ начальникѣ, пріютившемъ у себя въ квартирахъ арестантскую жену, съ малолѣтними дѣтьми. Во время свирѣпствовавшаго голода, къ участію въ пожертвованіяхъ приглашены были и Динабургской роты арестанты, изъ которыхъ располагавшіе собственными деньгами *добровольно* отдавали кто четверть, кто половину, а кто и все свое достояніе, доходившее до 5 р.; изъ немогшихъ-же, по безденежью, помочь голодающимъ сожалѣли, что остаются

погласно одобрять это поведеніе, что не всегда можетъ случиться. Недавно ст. 106 измѣнена впрочемъ: право переписки съ родными распространено и на арестантовъ *разряда испытующихъ*.

безучастными. И только одинъ, имѣвшій 2 р. отказался было отъ пожертвованія, говоря, что самому деньги нужны, — но товарищи такъ проняли его, что онъ потомъ самъ упрашивалъ взять его капиталъ и лишь тогда успокоился, когда желаніе его было удовлетворено *).

Не составляютъ-ли приведенные факты интересныя черты въ нравахъ арестантовъ, не отзывчивы ли они на доброе чувство, полезное дѣло? Полагаемъ—да!

Чѣмъ ближе стоитъ воспитатель къ своимъ воспитанникамъ, тѣмъ меньше между ними преградъ, тѣмъ плодотворнѣе вліяніе перваго на развитіе послѣднихъ. Взаимное довѣріе, пониманіе другъ друга всегда тѣснѣе сплавиваютъ людей; отсутствіе же этихъ элементовъ не только не располагаетъ послѣднихъ къ откровенности съ первыми, но неминуемо порождаетъ въ нихъ скрытность и вызываетъ оппозицію. Если въ исправительныхъ ротахъ кто и можетъ похвалиться сознательнымъ отношеніемъ къ арестантамъ, ихъ симпатію къ себѣ,—то (за рѣдкими, какъ въ Брестѣ, исключеніями) священники и доктора; офицеры же большею частію удовлетворялись лишь вышнимъ къ нимъ почтеніемъ арестантовъ, да свѣдѣніями, собиравшимися подъ сурдиною, чрезъ унтеръ-офицеровъ: секретарей-арестантовъ и другихъ старавшихся выслужиться наущничествомъ, получившимъ тамъ право гражданства.

Далѣе по 18 ст. положенія помощники начальниковъ ротъ обязаны вести дневники о поведеніи ввѣренныхъ имъ отдѣленій арестантовъ, на основаніи *собственныхъ* наблюдений и ежедневныхъ докладовъ фельдфебелей, а унтеръ-офицеры, согласно постановленію главнаго тюремнаго комитета

*) Вся арестантская лепта составила болѣе 70 р.

отъ 10 марта 1870 г., должны вести книжки, въ которыхъ есть графа для отмѣтокъ объ *изученіи характера* арестантовъ ихъ капральствъ. Изъ обонхъ указанныхъ источниковъ предполагалось черпать достовѣрные свѣдѣнія о нравахъ арестантовъ и о степени ихъ способности къ нравственному перерожденію.

Вопросъ объ изученіи характера людей, да еще порочныхъ, есть вопросъ чрезвычайно важный, преимущественно психологическій; причемъ удачное разрѣшеніе его обуславливается индивидуальными качествами тѣхъ, которые посвятили себя этому дѣлу; яснѣе говоря, этого могутъ достигнуть только люди, *истинно* развитые, преданные своимъ обязанностямъ и имѣющіе непрерывныя сношенія съ субъектами, надъ которыми производятъ этотъ процессъ. А такъ какъ мудрая задача эта далеко превышала силы и способности большинства видѣнныхъ нами исправителей, все мирозерцаніе которыхъ не шло далѣе командованія *во фронтъ* солдатами и приказаній, отдаваемыхъ чрезъ фельдфебелей,—то и нечего, понятно, удивляться, если привычка, создававшаяся долготѣнью, однообразною службою—перенесена была стариками-офицерами и въ роты, гдѣ они водворили рутинный формализмъ, доходившій до того, что нѣкоторые офицеры не знали даже фамилій многихъ изъ подчиненныхъ имъ арестантовъ. Поэтому и дневники, и книжки выражали не сущность дѣла, а лишь его *форму*.

Офицеръ являлся утромъ, въ казарму. Фельдфебель встрѣчалъ его, рапортовалъ ему о благополучіи, докладывалъ, что арестантъ (положимъ, Степановъ) нагрубилъ унтеръ-офицеру. Офицеръ освѣдомлялся, какъ это произошло (иногда и этого даже не дѣлалось) и приказывалъ: а) Степанова отвести, на 3 дня, въ карцеръ, б) событіе занести въ штрафной журналъ; в) въ дневникъ проставить противъ фамилій, буквы: Степанова—

д, остальных—х *) и все готово. Смотра на значеніе дневниковъ съ такой узкой точки зрѣнія, они, очевидно, оказывались лишними: коль скоро проступокъ Степанова формулированъ въ штрафномъ журналѣ, а всѣ прочіе арестанты, ни въ чемъ не провинившіеся, награждены огуломъ буквою х,—то небыло резона вести дневника, тѣмъ болѣе, что изъ прописывавшихся въ нихъ буквъ не дѣлалось никакихъ выводовъ.

Положеніе полуграмотныхъ унтеръ-офицеровъ по отношенію къ изученію арестантскихъ характеровъ весьма комично: въ одной ротѣ въ ихъ книжкахъ графа о характерѣ людей была, какъ мы видѣли, вовсе пустая; въ другой эти книжки составлялись, исключительно предъ смотрами, секретарями изъ арестантовъ; въ третьей ихъ вели послѣдовательно, по просьбѣ унтеръ-офицеровъ, грамотные арестанты-же, или штатные писаря; въ четвертой—Брестской—офицеръ вносилъ въ книжки отмѣтки, сообразно графамъ, по штрафному журналу, что разумѣется ближе всего къ истинѣ; такъ какъ проступки человѣка наглядно показываютъ его характеръ; въ пятой это дѣлалось какъ случится. Самимъ унтеръ-офицерамъ жутко становилось затверживать, предъ смотрами, то, что въ книжкахъ прописывалось и чего они дотолѣ не знали.

Однимъ изъ средствъ къ нравственному исправленію преступниковъ служатъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ теоретиковъ, одиночное заключеніе и безусловное молчаніе: преступникъ предается, дескать, самосозерцанію и съ теченіемъ времени

*) Въ дневникѣ прописываются имена и фамиліи всѣхъ арестантовъ, а въ 30 графахъ ежедневно противъ фамилій буквы х и д, означающія хорошо, дурно.

придетъ къ заключенію въ своей виновности, раскается и нравственно обновится. Правило это введено и въ положеніе объ исправительныхъ ротахъ (92 и 113 ст.). Несмотря однакожъ, на это, мы смѣло заявляемъ, что если эта теорія и привьется, съ пользою, въ Россіи, на практикѣ,—то исключительно въ примѣненіи къ людямъ образованнымъ; на безграмотныхъ же, часто до послѣдней крайности невѣжественныхъ простолюдиновъ она будетъ вліять слабо, чтобы не сказать болѣе. Человѣкъ образованный, развитой,—сидитъ ли онъ за бумагою, за книгою, или за выкладкою — онъ всегда мысленно работаетъ. Будучи даже бѣднымъ, онъ все таки располагаетъ отдѣльною конуркою, въ которой живетъ *одинъ*. Поэтому, сознательно понимая свое положеніе,—онъ, по прежней привычкѣ, способенъ къ самосозерцанію, безмолвію. Но простолюдинъ, вся жизнь котораго отдается физическому труду,—не въ силахъ дать себѣ отвѣта на родившуюся въ головѣ мысль, и единственное его спасеніе—въ отвѣтѣ другаго, тѣмъ болѣе, что простолюдины въ деревняхъ, въ казармахъ, въ мастерскихъ и т. под. мѣстахъ всегда гибздаются массами въ одѣхъ комнатахъ. Любой тюремный дѣатель подтвердитъ, что арестанты немовѣрно тяготеютъ: развитые—сообществомъ, а невѣжды—отсутствіемъ его; тѣ и другіе часто умоляютъ не поступать съ ними противъ усвоенныхъ ими привычекъ, причемъ нерѣдко случаи потери разсудка содержащимися въ одиночномъ заключеніи *).

Оттого запрещеніе арестантамъ дѣлаться мыслями, впечатлѣніями *на словахъ* производить разнообразныя послѣдствія. Такъ, смѣтливые, бойкіе люди бесѣдуютъ между со-

*) Противъ одиночнаго заключенія высказано и въ передовой статьѣ «Спб. вѣдом.» 1873 г. № 109.

бою мимкою, придуманными жестами, знаками, однимъ имъ понятными. Другіе — трусливые, тупые, отъ молчанія впадаютъ въ уныніе, въ меланхолію и даже въ идіотизмъ *). Третьи, непримиримые, кипучаго темперамента люди, нарушаютъ непрерывно запретъ, подвергаются за это взысканіямъ, которыя только усиливаютъ въ нихъ ожесточеніе, парализирующее возможность исправленія ихъ нравственности. Кромѣ того ограниченіе это, при несоотвѣтствующихъ своему назначенію унтеръ-офицерахъ, влечетъ за собою еще неурядицу: одинъ арестантъ заговорилъ, но слышавшій это унтеръ-офицеръ промолчалъ; про другаго-же, по чему-либо ему не нравящагося, онъ донесъ по начальству. Съ виновнаго взыскали и бѣда: арестанты пуще всего возмущаются, видя покровительство начальства однимъ и преслѣдованіе другихъ ихъ товарищей; тутъ ихъ озлобленіе не знаетъ границъ, а это тоже отражается все на томъ же исправленіи нравственности. Въ этихъ видахъ намъ кажется достаточнымъ сохранить правило молчанія въ церкви, за молитвами, за столомъ, на ученьяхъ, въ классѣ, при перекличкѣ, да по 92 ст., въ мастерскихъ; во время же *отдыха* не мѣшало бы дозволить *всегда* разговаривать, конечно, безъ шума и крика; въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ измѣнить 73 ст. положенія.

Арестанты, люди сбившіеся съ надлежащаго пути, относятся ко всему, ихъ окружающему, съ предубѣжденіемъ, во всемъ стараются отыскать темную сторону, соотвѣтствующую ихъ настроенію. Особенно подозрительно смотрятъ они на начальство по предметамъ ихъ содержанія. Чтобы распутать

*) Морское министерство само созналось въ этомъ, еще въ 1871 г., касательно арестантовъ этого вѣдомства исправительной тюрьмы въ Петербургѣ, отчего тогда же сочло необходимымъ отмѣнить, на половину, молчаніе.

этотъ гордіевъ узелъ, возвыситъ ихъ въ собственныхъ глазахъ, полезно распространить на всѣ роты порядокъ продовольствія, принятый въ Брестской тюрьмѣ (253 стр.), каковымъ порядкомъ и начальство, и арестанты одинаково довольны. Важнымъ, въ этомъ смыслѣ, подспорьемъ можетъ служить расширеніе смысла 118 ст., т. е., чтобы имъ читать „не время отъ времени *извлеченіе* изъ заключающихся въ положенія постановленій“, а хоть разъ въ 2 недѣли, но по одной, по двѣ главы положенія по порядку *все*, что въ немъ изложено. Это дастъ имъ возможность узнать обстоятельно весь смыслъ и все значеніе ихъ содержанія въ ротахъ. Потомъ, при переводахъ изъ испытываемыхъ въ исправляющіеся, можно подвергать ихъ экзамену, чтобы убѣдиться въ знаніи ими этого, ихъ касающагося, положенія. Точно также самые переводы производить не толпами, а по-немногу, причемъ: а) не ограничиваться соображеніемъ, что коль скоро чловѣкъ ни разу не проштрафился, то онъ достоинъ перевода, а строго оцѣнивать: какъ онъ занимался грамотностію, ремесломъ, какія и къ чему именно пріобрѣлъ наклонности и б) сохранять въ *тайнѣ* отзывы членовъ объ оставленныхъ отъ перевода, а то сами офицеры передавали, случалось, арестантамъ, что ихъ не перевели по настояніямъ, напр., священниковъ, докторовъ, противъ которыхъ и возстановляли, этимъ способомъ, многихъ арестантовъ.

Состоящимъ въ разрядѣ исправляющихся позволяется 106 ст., изъ заработковъ расходовать, „въ видѣ награды за хорошее поведеніе до половины денегъ на отправку писемъ и покупку, въ высокаторжественные дни и большіе праздники, булокъ, чаю и сбитня“. Въ теченіе долгаго странствія по ротамъ, мы нигдѣ, кромѣ Бреста, къ удивленію нашему не видѣли, при самыхъ тщательныхъ поискахъ, чтобы арестанты пили чай, ѣли булки или писали *открыто* письма.

къ роднымъ. Происходило это оттого, преимущественно, что изъ мелочныхъ заработковъ затруднительно было высчитать копейки и выписывать ихъ по нѣсколькимъ книгамъ, какъ насъ увѣрялъ самый развитой, образованный изъ начальниковъ, на предложенный ему вопросъ.

Будки въ арестантскомъ положеніи, по нашему мнѣнію—лишній предметъ роскоши; о предоставленіи имъ чая за искусную и старательную работу въ мастерскихъ, мы говорили выше; поэтому здѣсь намъ остается разсмотрѣть вопросъ о перепискѣ, свиданіяхъ арестантовъ «съ родными и посторонними лицами», что дозволяется 75 ст. положенія. Моральная связь съ семьею посредствомъ словесныхъ или письменныхъ съ нею сношеній, безъ сомнѣнія дѣйствуетъ благотворно, часто на самыхъ даже закоренѣлыхъ злодѣевъ: она смягчаетъ нравственныя и физическія страданія. Исходя изъ основной идеи о цѣли существованія ротъ — *исправленія* нравственности арестантовъ, нельзя не пожелать, чтобы они какъ можно чаще переписывались и видѣлись съ родными. Между тѣмъ 75 ст. разрѣшаются свиданія «*съ крайнею разборчивостію, сколь можно рѣже и только тѣмъ арестантамъ, которые этого заслуживаютъ*»; касательно же корреспонденцій въ 72 ст. выражено, что «*посылать и получать письма они могутъ не иначе, какъ съ разрѣшенія и черезъ посредство своего начальства, употребляя на это часть заработка, лишь въ видѣ награды за хорошее поведеніе арестантовъ*» (106 ст.). Эти стѣснительныя условія порождали на практикѣ то, что *личныя* свиданія арестантовъ съ приходившими къ нимъ, часто издалека, женами, составляли рѣдкіе случаи; люди смиренные или вовсе не вели корреспонденцій, внутренне грустя по семьѣ; или отсылали и получали письма келейно, чрезъ унтеръ-офицеровъ, не то, какъ случалось, и чрезъ офицеровъ, за излишнюю запрещенную закономъ

услугу; наконецъ смѣлчавъ причпиали себѣ раны и ходили въ госпиталь, для большаго удобства отсылки и получки писемъ. Сильна же должна быть сердечная потребность человѣка въ извѣстіи о положеніи семьи, если онъ рѣшается ковырять гвоздемъ собственную руку или ногу, для достиженія задуманной цѣли! И каковы же плоды этой переписки? Получить арестантъ письмо отъ родителей съ упреками за совершенное преступленіе, съ описаніемъ ихъ печали, о постигшей его участи, и въ немъ хоть временно появится угрызеніе совѣсти, сознаніе своей виновности не только предъ закономъ и начальствомъ, но и предъ родными, которыхъ онъ заставляетъ плакаться на судьбу. Пришлетъ арестанту жена извѣстіе, что она живетъ благополучно, а оставленная имъ грудная дочка подрастаетъ, «цалуется его заочно не щетно разъ», любитъ бабушку, гоняетъ скотину въ поле; что сама жена и дочка молятъ Бога о скорѣйшемъ освобожденіи его, изъ неволи, и онъ умилился, вспомнивъ, что онъ не бобыль, не совсѣмъ еще пропащій человѣкъ и т. д. Оба эти случая вызовутъ въ арестантѣ покорность, стараніе къ работѣ, къ изученію грамотности и т. п. Мы многократно бывали очевидцемъ, что полученіе арестантами писемъ отъ родныхъ составляло торжество не только для тѣхъ, кто получалъ, но и для многихъ ихъ сожителей: послѣдніе съ живымъ интересомъ слушали чтеніе этихъ писемъ, даже упрашивали товарищей «дать почитать што дома дѣлается», т. е. то, что ихъ отнюдь, повидимому, не касалось. Счастливыцы съ энтузіазмомъ, съ гордостью, сообщали товарищамъ о своихъ домашнихъ дѣлахъ, горячо обсуждали содержаніе будущихъ отвѣтовъ, съ совѣтами какъ и гдѣ выгоднѣе, напр., купить лошадь, сбыть лишній хлѣбъ, и т. д. Письма береглись ихъ владѣльцами, какъ драгоцѣнное сокровище.

Опираясь на эти факты, приходимъ къ заключенію въ необходимости измѣнить смыслъ 75 ст.; вмѣсто выраженій: «свиданія дозволяются съ *крайнею разборчивостію, сколько можно рѣже*» поставитъ «не чаще раза въ мѣсяцъ», какъ въ исправительной тюрьмѣ Морскаго вѣдомства, а въ 106 послѣ словъ «за *хорошее поведеніе*» добавить: «не болѣе раза въ два мѣсяца». Сроки эти мы ставимъ долгіе, чтобы не затруднять начальство рогу частымъ занятіемъ по означеннымъ предметамъ. Видоизмѣненіемъ этимъ, устранится неопредѣленность права вести корреспонденцію; уменьшится число больныхъ, время леченія которыхъ выкачивается изъ срока ихъ заключенія; увеличится количество рабочихъ рукъ и число учащихъ грамотъ; арестанты скорѣе будутъ исправляться, а ихъ родители, жены, родственники не потеряютъ ихъ изъ виду, какъ это случалось при затруднительной перепискѣ съ ними, на что всѣ одинаково ропщутъ. При этомъ надлежитъ развить въ арестантахъ сознаніе обязанности переписываться съ родителями и женами, такъ какъ нѣкоторые на это не рѣшались изъ ложнаго стыда сообщить правду о себѣ. Въ этомъ всего быстрѣе могутъ успѣть священники путемъ чисто духовной аргументаціи на счетъ связи семейственной.

Будучи совершенно безпристрастнымъ ко всѣмъ, мы должны отмѣнить нѣчто неприятное и для иныхъ священниковъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые арестанты, стремясь пріобрѣсть, на всякій случай, расположеніе священниковъ, просятъ ихъ служить молебны, причемъ вознаграждаютъ ихъ за этотъ трудъ далеко не по состоянію отъ копѣекъ до 1—2 р., изъ своихъ скудныхъ средствъ. Чтобы устранить подозрѣніе противъ священниковъ въ послабленіи арестантамъ за матеріальныя, — хотябъ и безкорыстныя имъ приношенія, — полезно вовсе запретить арестантамъ въ теченіе своего пребыванія въ ротахъ платить священникамъ за мо-

лебны, панихиды, предоставивъ только покупке свѣчь, просфоръ, да предъ выходомъ изъ ротъ вознаграждать священниковъ за напутствіе не больше 50 копѣекъ съ человѣка.

До воспослѣдованія Указа Сената 24 іюля 1816 г. люди, содержавшіеся въ острогахъ, именовались «колодниками» и «невольниками»; съ тѣхъ же поръ они называются, по 6 ст. Уст. о содерж. подъ стр., т. XIV св. гражд. зак., а равно по 3 п. 11 и многимъ послѣдующимъ статьямъ положенія объ исправительныхъ ротахъ, «арестантами». Слово это происходитъ отъ другаго «арестъ», каковому подвергаются люди, обвиненные въ маловажныхъ проступкахъ, влекущихъ за собою одно лишь лишеніе свободы на короткое время (Улож. о наказаніяхъ 1008, 1367 и проч., Военскій Уставъ о наказаніяхъ 7 п. 4 ст., Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями 3 п. 1 ст. и Дисциплинарный Уставъ). Въ исправительныя же роты заключаются нижніе чины за преступленія, предусмотрѣнныя приложеніемъ къ 6 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, выходящихъ за предѣлы власти полковыхъ и имъ подобныхъ командировъ и судовъ; причемъ, по отбытіи въ ротахъ, опредѣленныхъ приговорами сроковъ, люди эти поступаютъ опять на службу (прил. къ 6 ст. в. у. и 3 ст. положенія о ротахъ). Званіе «арестантъ» считается до того позорнымъ, что даже люди, выходящіе изъ гражданскихъ тюремъ на волю и могущіе жить, по прежнему, *собственнымъ умомъ*, нескоро избавляются отъ этой клички, щемящей ихъ за сердце. Неймовѣрно чаще этотъ эпитетъ прилагается къ солдатамъ по возвращеніи ихъ въ полки, товарищами и даже меньшими изъ ихъ начальниковъ. Безпрерывное напоминаніе о горькомъ прошломъ обращаетъ ихъ, вспылчивыхъ, въ рецидивистовъ, что убыточно для правительства и губительно для самихъ солдатъ. Имѣя въ виду, что собственно названіе

не содержитъ въ себѣ никакого исправительнаго характера, — казалось бы цѣлесообразнымъ замѣнить его другимъ, напр. «исправительный», согласно тому, что они осуждаются на исправленіе въ роты; это будетъ правильнѣе и по аналогіи съ измѣненнымъ названіемъ прежнихъ ротъ.

Прекрасное постановленіе Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета отъ 15 ноября 1869 года, о предоставленіи арестантамъ, по ирландской тюремной системѣ, полусвободы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не соблюдалось; потому надо бы настоять, чтобы оно непремѣнно исполнялось, какъ средство для узнанія, на сколько въ человѣкѣ окрѣпло пониманіе его положенія.

Доказавъ выше несостоятельность существующихъ дневниковъ, мы думаемъ, что вмѣсто нихъ и инструкцій унтеръ-офицерамъ, достаточно однихъ журналовъ, но съ тѣмъ, чтобы въ нихъ, на подобіе докторскихъ скорбныхъ листовъ, значились обстоятельныя свѣдѣнія о времяпрепровожденіи каждаго арестанта. Если докторъ любой больницы успѣваетъ ежедневно осмотрѣть, выслушать 50—70 паціентовъ, прописать имъ лекарства и діету, да еще изложить въ листѣ всѣ происшедшія перемѣны, то едва-ли тяжелѣйшую задачу предстоитъ разрѣшить офицерамъ, по отношенію къ разумному веденію дневниковъ. Мы находимъ излишними употребленныя въ 18 ст. положенія послѣднія выраженія, что дневники ведутся «на основаніи *ежедневныхъ докладовъ фельдфебелей*». Обязать офицеровъ *лично* трудиться надъ дневниками, значить—отнять у нихъ право надѣяться на фельдфебелей и заставить ихъ *сознательно* смотрѣть на свое назначеніе; этимъ путемъ они гораздо больше приблизятся къ арестантамъ, причемъ уничтожится другое зло-наушничество, происходящее отъ незрѣлости фельдфебелей и унтеръ-офице-

ровъ, неумѣющихъ справиться съ возложеннымъ на нихъ трудомъ.

Предлагая поручить веденіе дневниковъ непременно самимъ офицерамъ, мы имѣемъ въ виду еще другое полезное предложеніе,—именно при выпускѣ арестантовъ на службу,—посылать въ полки, въ числѣ препровождаемыхъ о нихъ документовъ, свидѣтельства о нравственныхъ качествахъ, степени грамотности и знаніи ремеслъ, чтобы полковое начальство сразу могло видѣть, какими людьми предстоитъ ему руководить. Но такія рекомендательныя свидѣтельства, которыя заключали бы въ себѣ безпристрастную правду—тогда только и возможны, когда они будутъ основаны на дневникѣ, составленномъ по *личнымъ* наблюденіямъ офицеровъ. Наконецъ, надобно поручить полкамъ ежегодно доносить Главному Тюремному Комитету о послѣдующей службѣ и образѣ жизни всѣхъ солдатъ, пришедшихъ къ нимъ изъ исправительныхъ ротъ. Донесенія должны заключать въ себѣ рубрики: а) въ какой ротѣ, за какое преступленіе, кто содержался; б) сколько именно времени; в) какъ былъ аттестованъ въ выпускномъ свидѣтельствѣ; г) когда прибылъ въ полкъ; д) какъ служилъ; е) остался-ли на службѣ, или уволенъ, или опять впалъ въ преступленіе, и въ послѣднемъ случаѣ—ж) въ чемъ преступленіе состояло и чѣмъ именно вызвано. Главный же Комитетъ, сгруппировавъ эти донесенія, получить полныя статистическія данныя о томъ, въ какой изъ ротъ лучше, или хуже люди содержались, приобрѣтали тѣ, или другія наклонности. Это дастъ комитету возможность: 1) судить, между прочимъ, и о качествахъ персонала ротъ; 2) доискаться причинъ малодѣтельности онаго, и 3) принять противъ персонала, который окажется непригоднымъ для тюремной службы, соотвѣтствующія мѣры.

Начальство исправительныхъ ротъ пользуется служебны-

ми правами: начальникъ—полковаго, а помощники—ротныхъ командировъ (14 и 1 п. 19 ст. положенія). При этомъ имъ предоставлено подвергать арестантовъ за ихъ проступки: первому (по 15 ст.) наказаніямъ, предусмотрѣннымъ 121 и 222 ст., а послѣднимъ (по 2 п. 19 ст.) взысканіямъ, опредѣленнымъ въ 120 и 122 ст., тогда какъ въ войскахъ такого же рода проступки дѣлятся на 2 категоріи и первая—маловажныя караются по 8, 9, 27—33 ст. дисциплинарнаго устава *) изд. 1869 г., а вторая — по серьезнѣе—согласно 347 ст. Военно-Судебнаго Устава полковыми судами. Потомъ, начальникъ роты въ правѣ наказать арестанта до 100, а его помощника до 30 ударовъ розгами (122 ст.); въ войскахъ же, штрафованныхъ солдатъ предоставлено тѣлесно наказывать: полковому командиру—до 50, а ротному—до 15 ударовъ розгами (7 п. 27 и 10 п. 34 ст. Дисципл. Устава). Далѣе, на основаніи 14 и 15 ст. военно-судебнаго устава разбирательства въ полковыхъ судахъ производятся *коллективно* и *индивидуально*, за исключеніемъ событій, оговоренныхъ въ 316 и 317 ст. того же уст.; въ ротахъ же это дѣлается негласно, и даже тѣлесное наказаніе опредѣляется по единоличному усмотрѣнію начальника, или его помощника.

Между тѣмъ выше мы говорили, и это подтвердитъ всякій, практически знакомый съ арестантскою средою, что арестанты чрезвычайные ревнители абсолютной справедливости и, къ тому же, скептики. Какъ бы товарищъ ихъ ни былъ виноватъ, они часто не вѣрятъ, что его постигла именно та кара, какая обусловлена *закономъ*, вслѣдствіе исключительнаго ихъ настроенія, подневольнаго положенія; они не вѣ-

* *) Выписки изъ этого устава висятъ на стѣнахъ въ гвардейскихъ казармахъ, для всеобщаго свѣдѣнія; хорошо бы и арміи это сдѣлать.

рять справедливости приговора, видя, что наказаніе назначено однимъ лицомъ и по причинамъ, одному ему извѣстнымъ; они твердо помнятъ случаи неравномѣрнаго и даже неправильнаго взысканія. Касательно послѣдняго обстоятельства мы будемъ вести рѣчь въ слѣдующей главѣ; здѣсь же отмѣтить только факты, подтверждающіе нашу мысль о несоразмѣрныхъ взысканіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ жизни арестантовъ.

Однажды, ночью, офицеръ, проходя по камерамъ, услышалъ неприличный звукъ, произведенный спавшими арестантомъ. Онъ отыскалъ виновнаго, разбудилъ и отправилъ его въ карцеръ, на 3 сутокъ, а въ штрафномъ журналѣ отмѣтилъ „за несоблюденіе опрятности“. Арестантъ, не понявъ приказанія офицера рѣшился переспросить его. Офицеръ счелъ это ослушаніемъ и посадилъ его въ карцеръ. Многіе арестанты, содержащіеся въ карцерахъ, на наши разспросы, отвѣчали, что не знаютъ за что посажены; случалось что и офицеры отзывались невѣдѣніемъ по этому предмету, такъ такъ фельдфебеля собственною властью заключали арестантовъ въ карцеры. Мы ограничиваемся констатированіемъ описанныхъ случаевъ, не желая утомлять вниманія читателей, которые въ очеркахъ сами видѣли какъ налагались на арестантовъ взысканія.

И такъ, полезно бы примѣнить къ ротамъ, по аналогіи съ полками, *ласное* разбирательство проступковъ арестантовъ: мелкихъ, караемыхъ карцеромъ—пожалуй хоть единолично; но крупныхъ, влекущихъ за собою переводъ исправляющихся въ испытующее и тѣлесное наказаніе—коллегіально,—ротными комитетами—по правиламъ, существующимъ въ военно-судебномъ уставѣ, для полковыхъ судовъ. Чтобы не тратить, на это дневнаго, рабочаго времени,—можно бы чинить судъ по вечерамъ, послѣ переключки, когда всѣ люди въ

сборъ и свободны. Этимъ способомъ разомъ достигнется нѣсколько цѣлей: проступки будутъ караться не сторяча, не въ моментъ раздраженія, а когда гнѣвъ противъ виновнаго пройдетъ и мѣра взысканія будетъ опредѣляться правильно, проступки станутъ очевидными для всѣхъ, а отсюда уничтожится предубѣжденіе противъ начальства, дѣйствующаго будто-бы несправедливо; нравственное достоинство арестантовъ возвысится въ ихъ собственныхъ глазахъ: они увидятъ безпристрастное отношеніе къ нимъ; обвиняемые, вслѣдствіе присущаго имъ, какъ людямъ, стыда предъ товарищами, при отрицаніи совершеннаго проступка, гораздо скорѣе въ нихъ сознаются, раскаются; наконецъ, ознакомившись наглядно съ тѣмъ, что возбраняется, они будутъ несравненно осторожнѣе въ проявленіи своей воли, строже къ своимъ обязанностямъ. На основаніи этихъ соображеній, слѣдуетъ, добавить: въ 119 ст. положенія послѣ слова „ротъ“ — разбираются при всѣхъ арестантахъ, а во 2 п. 121 и 122 ст. гласно же и коллегіально, по 316 и 317 ст. военно-судебнаго устава.

Опредѣленное провинившимся арестантамъ тѣлесное наказаніе, производится въ ротахъ предъ фронтомъ; хотя въ положеніи о ротахъ этого не сказано — но въ этомъ случаѣ придерживаются „правилъ о порядкѣ исполненія надъ нижними чинами тѣлеснаго наказанія“ (прилож. къ дисциплинарному уставу 1869 г.) *ради устрашенія*. Дознано, что самыя лютыя казни, пытки не прекращали, устрашающимъ своимъ характеромъ, преступленій, а напротивъ, несмотря на весь ужасъ, охватывавшій толпы при видѣ вѣшанія, гоненья сквозь строй, битья кнутомъ, клейменія — преступленія, однородныя съ тѣми, за которыя вѣшали, стегали кнутомъ и били палками, въ тѣхъ же городахъ повторялись иногда съ большимъ еще звѣрствомъ. Понятно, слѣдовательно, что тео-

рія устрашенія лишена всякого смысла, какъ доказываетъ, огромное большинство современныхъ криминалистовъ, которые въ одинъ голосъ говорятъ, что публичность наказаній развиваетъ въ зрителяхъ и особенно неразвитыхъ—исключительно „кровожадные, противонаравственные инстинкты“. Это мнѣніе раздѣляютъ и гражданскіе наши суды: бродягъ, приговариваемыхъ къ 25 ударамъ розогъ наказывали обыкновенно, въ Петербургѣ, напр., въ тюремной банѣ, *безъ зрителей*; многихъ преступниковъ освобождаютъ отъ выслушанія приговоровъ въ окончательной формѣ, на площади.

Поэтому, и имѣя въ виду, что солдаты ссылаются въ роты для *исправленія* ихъ нравственности, мы полагаемъ полезнымъ отмѣнить, если не самое тѣлесное наказаніе (что почему-то считается невозможнымъ), то по крайней мѣрѣ хотя производство экзекуцій въ присутствіи *всѣхъ* арестантовъ ротъ, такъ какъ подобныя зрѣлища оказываютъ вредное вліяніе на ихъ нравственные чувства.

IX.

Проступки, за которые опредѣляются наказанія, раздѣляются на 2 рода, какъ гласитъ 119 ст. положенія. Къ первому роду относятся: а) маловажныя нарушенія установленнаго порядка, несоблюденіе опрятности, тишины и т. под. б) нерадѣніе въ исполненіи урочной работы; в) ложныя показанія о болѣзни; взятіе, безъ позволенія, какой-либо чужой вещи, безъ намѣренія утаить, или присвоить ее себѣ; г) непослушаніе фельдфебелю или унтеръ-офицерамъ, безъ всякой, однако, грубости или иныхъ, увеличивающихъ вину, обстоятельствъ. Ко второму роду относятся: а) означенные выше, когда они совершены болѣе двухъ разъ; б) драки и

побой, немѣвшіе послѣдствіемъ ранъ, увѣчій или поврежденій въ здоровьѣ; в) умышленная порча одежды, обуви и другихъ вещей, выданныхъ арестанту или принадлежащихъ другимъ заключеннымъ; г) умышленное поврежденіе мѣста заключенія, утвари, посуды, инструментовъ или рабочихъ матеріаловъ; д) взятіе чужихъ вещей, съ намѣреніемъ присвоить ихъ себѣ; е) имѣніе при себѣ воспрещенныхъ вещей и орудій; ж) покушеніе на подкупъ нижнихъ чиновъ для послабленія въ надзорѣ; з) своеволие, буйное поведеніе и другіе подобныя проступки, нарушающіе порядокъ и благочиніе; и) непослушаніе фельдфебелю или унтеръ-офицерамъ, когда оно сопровождалось грубостью; к) покушеніе къ побѣгу; л) необъявленіе начальству объ умыслѣ другихъ арестантовъ учинить побѣгъ.

За проступки перваго рода опредѣляются 120 ст. слѣдующія наказанія: 1) заключеніе въ одиночномъ карцерѣ, на время отъ трехъ до семи дней, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; 2) заключеніе въ темномъ карцерѣ на такое же время, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; а за проступки втораго рода: 1) заключеніе въ темномъ карцерѣ отъ семи до четырнадцати дней, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; 2) продолженіе времени испытанія отъ одного до трехъ мѣсяцевъ или перечисленіе изъ разряда исправляющихся въ разрядъ испытуемыхъ на такое же время; когда же проступки перваго и втораго рода сопровождались *особенными* обстоятельствами, *увеличивающими* вину, то нарушители, по 122 ст., могутъ быть наказаны розгами: за проступки перваго рода—до *тридцати* ударовъ, по распоряженію помощника начальника роты, а за проступки втораго рода—до *ста* ударовъ, по опредѣленію начальника роты. Тѣлесное наказаніе назначается вмѣстѣ съ вышеопредѣленными взысканіями или въ видѣ самостоятельнаго наказанія. Сверхъ

того, начальству предоставляется усиливать заключение въ темномъ карцерѣ—наложеніемъ на виновнаго оковъ.

Вотъ вся лѣстница каръ, установленныхъ закономъ за всѣ, самыя разнообразныя, прегрѣшенія. Это сжатое, съ ощутительными недомолвками, указаніе на то, какъ начальству ротъ поступать—открываетъ намъ настоящую причину разнообразныхъ взысканій, налагавшихся на арестантовъ, за тождественныя проступки, въ чемъ читатели, надѣемся, убѣдились, изъ очерковъ, въ которыхъ мы привели подробный перечень, назначавшихся наказаній въ томъ соображеніи, чтобы наглядно показать начальствующему персоналу ротъ различное исполненіе ими одного, для всѣхъ, закона. Впрочемъ, кромѣ указанныхъ въ очеркахъ голыхъ фактовъ, любопытно прослѣдить соображенія, изъ которыхъ вытекалъ широкій просторъ казуистически комментировать самый законъ.

Изъ всѣхъ арестантскихъ проступковъ двѣ трети составляютъ куреніе табаку, что возбранено 72 ст. положенія. Это происходитъ отъ чрезвычайно сильной привычки къ куренію, замѣчающейся во всѣхъ солдатахъ, которые, поступая въ арестантскія роты, всячески стараются добыть, на табакъ, денегъ, хотя послѣднія и отнимаются у нихъ при обыскахъ. И вотъ, освѣдомившись, что у арестанта нашли нѣсколько копѣекъ, одни начальники признавали это гораздо бѣльшимъ проступкомъ, нежели отобранныя, у кого-нибудь, комокъ махорки или пятокъ папиросъ. Скрывая, въ противность 72 ст., деньги, арестантъ въ состояніи скопить сумму, достаточную для подкупа часовыхъ (такъ формулировали они свои приговоры), и затѣмъ бѣжать изъ казармы.

Другіе начальники, напротивъ, значительно сильнѣе карали за отобранный табакъ. Чтобы достать табакъ, надо прежде запастись деньгами, разсуждали они; получить денегъ арестанту удастся исключительно при проходѣ за пре-

дѣлами казармъ, за дровами, водою и т. п., отъ разныхъ лицъ, въ видѣ милостыни, просить или принимать которую имъ, само по себѣ, запрещено; значить арестантъ, у котораго отобранъ табакъ, *виноватъ*. По возвращеніи съ вѣшней работы, арестантовъ въ воротахъ обыскиваютъ, чтобы они не пронесли въ казарму чего-либо запретнаго; если же деньги отобраны въ казармѣ, стало быть арестантъ тайно пронесъ ихъ сквозь ворота и, нарушивъ 72 ст., опять *виноватъ*. Купить табакъ арестантъ можетъ тогда только, когда онъ располагаетъ 30 — 50 к., а этотъ капиталъ онъ въ состояніи набрать милостынею не меньше, какъ въ 3—5 разъ; всѣ эти разы онъ, очевидно, проносилъ деньги въ казарму обманнымъ способомъ и *виноватъ* въ повтореніи одного и того же проступка многократно. Держать при себѣ деньги запрещено 72 ст., а такъ какъ онъ это запрещеніе неоднократно нарушилъ,—то опять *виноватъ* и подходитъ къ 2 роду взысканія. Купить табакъ самому ему нельзя: онъ одинъ никуда не ходитъ, слѣдовательно онъ подговорилъ, подкупилъ, для достиженія своей цѣли, унтеръ-офицера и снова *виноватъ* противъ 7 п. 119 ст. Наконецъ, самое куреніе есть актъ, противный 72 ст., между тѣмъ онъ, храня табакъ, непремѣнно рѣшился самъ курить, да еще ввести въ искушеніе другихъ, которые, не видя его курящимъ—легко можетъ статься, не сдѣлали бы этого, ну и еще разъ *виноватъ*. Соединивъ такимъ образомъ, всѣ 6 обвинительныхъ пунктовъ, начальники, по совокупности, подводили арестанта прямо подъ послѣднюю мѣру взысканія, т. е. запирали виновнаго на 14 дней въ темный карцеръ на хлѣбъ и воду, съ оставленіемъ въ испытуемыхъ на 3 мѣсяца, одновременно по 1 и 2 п. 120 ст. за то, что въ его соломенникѣ нашли комочекъ махорки.

Были еще и такіе начальники, которые, относясь къ ку-

ренію суровѣе предъидущихъ, мотивировали свои приговоры еще своеобразнѣе. Закурить табакъ, какъ онъ есть въ комкѣ, нельзя: дымъ не пойдетъ прямо въ ротъ; трубокъ, бумагу, для заправки въ нее табаку арестанты не имѣютъ, а потому они вырывали, тайно, изъ казенныхъ, читаемыхъ ими книжекъ, листки, чѣмъ портили, какъ сказано въ 3 п. 119 ст., казенное добро. Курить открыто, въ виду 72 ст.—опасно; по сему, задумавъ это сдѣлать, арестанты уходятъ въ уединенное мѣсто, и, уклонясь такимъ образомъ отъ своихъ обязанностей, совершаютъ проступокъ, предусмотрѣнный 2 п. 119 ст. Днемъ огня нигдѣ нѣтъ, а вечеромъ онъ вездѣ горитъ въ лампахъ, со всѣхъ сторонъ закрытыхъ, поэтому, чтобы закурить, слѣдуетъ добыть спичекъ, вещь—по 7 п. 119 ст. запретную. Потомъ, остерегаясь какъ-бы кто не увидалъ, что курятъ, они второпяхъ роняютъ, бросаютъ куда попало, непотушенные спички, папиросы; а такъ какъ мѣсто предполагается непременно уединенное—темный уголъ коридора, сортира, кухни, мастерской и т. п.,—то тлѣющій огонь способенъ произвести пожаръ, а за нимъ переполюхъ, сумятицу, въ которой не трудно ловчимъ и убѣжать, слѣдовательно это дѣйствіе подлежитъ карѣ по 4 и 10 п. 119 ст. Руководствуясь столь мудрою логикою, начальники подвергали, случалось, арестантовъ, особливо повторявшихъ куреніе, даже самому высшему наказанію: розгамъ, переводу изъ исправляющихся въ испытуемые, да еще заключенію въ карцеръ на хлѣбъ и воду на двѣ недѣли, ссылаясь на 1 и 3 п. 121 и 122 ст. положенія.

Нѣкоторые изъ начальствовавшихъ лицъ сажали въ карцеръ преимущественно на 5—7 дней, доказывая, что начинать съ 3 дней не стоитъ: арестанты только, дескать, выспались въ теченіи этого времени. Другіе же, на оборотъ, держались въ этомъ отношеніи буквы 1 п. 120 ст., т. е. начинали съ

3 дней, но отступали от второй части этой статьи, т. е. не лишали арестованных горячей пищи, говоря, что за не вычищенные, напр., сапоги, жестоко кормить 3 суток только хлѣбомъ съ водою. Сажали, наконецъ, и на 1—2 сутки, въ карцеръ, но въ журналъ штрафовъ не записывали изъ само-сохраненія: чтобы лица, инспектирующія роты, не распекали ихъ за отступленія отъ закона.

Доказывая существованіе приведенной аномаліи, мы, въ видахъ безпристрастія, должны отмѣтить здѣсь и противоположное, именно, что касательно взысканій вообще и куренія въ особенности установился совершенно правильный взглядъ въ Брестской ротѣ, гдѣ начальникъ, наказывая курителей, имѣлъ въ виду только фактъ куренія, самъ по себѣ, а не дѣлалъ произвольныхъ догадокъ относительно заднихъ мыслей провинившихся арестантовъ: 72 ст. запрещено курить, и нарушившій это правило, заключался за первый разъ, на 3 дня въ карцеръ на хлѣбъ и воду, а при повтореніи этого проступка, взысканіе прогрессивно усиливалось, сообразно обстоятельствамъ и предписанію закона. Что начальство поманутой роты относилось къ своему дѣлу разумно,—это, видно и изъ того еще, что тамъ, во 1-хъ, тѣлесное наказаніе примѣнялось въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, а во 2-хъ, велась статистика совершонныхъ, въ теченіи года, проступковъ, чего ни въ одной изъ прочихъ ротъ не дѣлалось.

Такъ какъ большинство проступковъ составляютъ, какъ мы выше упомянули, случаи куренія, на что собственно и добываются арестантами деньги, то ради предупрежденія этихъ проступковъ, не лишнимъ считаемъ добавить, что деньги на табакъ проносились арестантами въ казармы въ заднемъ проходѣ, подъ дѣтородными частями, между пальцами ногъ, въ сапогахъ, а доставляли имъ, за эти деньги, табакъ ротные же унтеръ-офицеры и караульные солдаты, особливо изъ со-

державшихся прежде въ ротахъ; при этомъ цѣнность табаку всегда соотвѣтствовала большей или меньшей строгости начальства ротъ. Во время нашего объѣзда ротъ, мы собрали слѣдующія свѣдѣнія по этому предмету. Четверка табаку стоила:

	на рынокъ:	въ казармѣ:
въ Ригѣ.	3 к.	50—60 к.
„ Брестѣ.	4 „	40—50 „
„ Новогеоргіевскѣ	5 „	30—35 „
„ Бобруйскѣ.	4 „	20—25 „
„ Днабургѣ.	3 „	8—10 „

Арестанты, которые, по безденежью, не въ состояніи достать табаку, охотно, при возможности, ѣли сырой лукъ, чеснокъ, жевали перецъ, листы отъ осиновыхъ деревьевъ: все это содержало въ себѣ, по ихъ словамъ, какое-то одуряющее вещество, которое до нѣкоторой степени замѣняло табакъ.

Возвращаясь къ разсмотрѣнію вопроса о налагаемыхъ на арестантовъ наказаніяхъ, несоотвѣствующихъ ихъ виновности, оговоримся, что недомолвки закона мы не приписываемъ недостатку предусмотрительности со стороны лицъ, составлявшихъ положеніе: тогда мудрено было предвидѣть всѣ послѣдствія; ктому же въ сжатой формѣ закона никогда нельзя уложить всѣхъ жизненныхъ явленій, обнаруживающихся лишь постепенно, при примѣненіи закона къ практикѣ.

Оттого, и имѣя въ виду, что уже болѣе 4 лѣтъ существуютъ роты, успѣвшія скопить, путемъ практики, много поучительнаго матеріала, весьма пригоднаго для улучшенія закона, мы полагаемъ, что изъ подробнаго разсмотрѣнія штрафныхъ журналовъ ротъ можно составить безошибочную, удобопонятную, для всѣхъ, градацію проступковъ и слѣдующихъ за нихъ наказаній. Попробуемъ сгруппировать въ одной

таблицѣ всѣ, значащіеся въ очеркахъ, проступки, разбить ихъ на рубрики и подвести подъ соотвѣтствующія степени наказаній. Проступки должны, по нашей таблицѣ, распадаться на слѣдующія категоріи.

Первый родъ составляютъ:

1) *Несоблюденіе опрятности во время пребыванія въ ротт,* т. е.: а) выходъ безъ пуговицы у куртки, съ развязаннымъ галстукомъ, разстегнутыми брюками; б) оставленныя на лѣстницахъ, въ камерахъ, столовой, кухнѣ, въ мастерскихъ, соръ, пыль, грязь и т. п., въ бытность гдѣ-либо изъ названныхъ мѣстъ дневальнымъ, и в) замѣченныя дыры на одеждѣ, обуви, когда на исправленіе этихъ погрѣшностей обвиняемый располагалъ, разумѣется, досугомъ и матеріаломъ.

2) *Мелкія шалости,* заключающіеся: а) въ умышенномъ пролитіи воды, крошеніи въ столовой хлѣба, катаніи изъ него шариковъ; б) въ толканіи другъ друга; в) въ прятаніи чужой вещи, съ цѣлью напугать ея владѣльца; г) въ частомъ хожденіи, ночью, въ сортиръ, ради безпокойства дежурнаго унтеръ-офицера; д) въ вымышленномъ заявленіи о прибытіи начальства, дабы развлечь, переполошить товарищей, и е) въ возбраняемомъ крупномъ разговорѣ; въ тѣлодвиженіяхъ производящихъ смѣхъ, соблазнъ и проч.

3) *Относящіеся до характера:* а) грубое обхожденіе, споръ, ссоры съ товарищами и нанесеніе кому-либо изъ нихъ обиды словомъ; б) ложная претензія о неполученіи чего-либо изъ поля; проносъ въ казарму, для игры, косточекъ, картъ; в) куреніе табаку первый разъ.

Ко второму роду отнесемъ:

1) *Непониманіе значенія ссылки въ ротъ*: т. е., а) мелкіе словесные обманы товарищей во всѣхъ видахъ; б) маловажныя обиды ихъ дѣйствіемъ; в) проносъ денегъ, количествомъ меньше рубля; г) нерадѣніе къ работѣ, къ грамотности; д) ложное заявленіе о болѣзни, дабы избавиться отъ ученія, работы, и д) тайную работу вещей: для себя, на продажу и куреніе табаку второй разъ.

2) *Стремленіе къ сохраненію собственности, на удовлетвореніе прежнихъ привычекъ*, т. е.: а) сокрытіе мелкихъ (до рубля) денегъ, вещей, при поступленіи въ роту; б) проносъ таковыхъ (больше рубля) чрезъ ворота, во время нахожденія въ ротѣ; в) храненіе всѣхъ названныхъ предметовъ, въ казармѣ; куреніе табаку третій, четвертый разъ и т. д.

3) *Безразсудныя дѣйствія*, т. е.: а) передѣлку, не спросясь, казенной вещи на неформенную; б) нечаянную порчу: матеріаловъ, инструментовъ, книгъ,—вырываніемъ изъ нихъ листовъ; в) недонесеніе о найденной чужой вещи.

Къ третьему роду причислимъ:

1) *Проявленіе своеволія*, т. е.: а) предумышленную порчу матеріаловъ, инструментовъ, книгъ, одежды, обуви и бѣлья; б) утрату казенной вещи; в) игру въ кости, карты; г) проносъ въ казарму водки; д) причиненіе вреда собственному здоровью, чтобы не работать, не учиться грамотѣ.

2) *Стремленіе къ личной матеріальной выгодѣ и къ нанесенію ущерба казнѣ*, т. е.: а) торговлю табакомъ; б) обмѣнъ завѣдомо худшей вещи на лучшую; присвоеніе чужой вещи;

в) ломку посуды, утвари, дверей, нарѣ въ карцерахъ; г) торговлю водкою и т. д.

3) *Послѣдствіе на собственность и личность друиъ*, т. е.: а) самоуправство, буйство; б) утайку найденнаго предмета; в) покупу, завѣдомо похищенной, вещи; г) похищеніе, храненіе и сбытъ этого малоцѣннаго предмета.

Такъ какъ арестанты будущіе *солдаты*, которые прежде всего обязаны безусловно повиноваться начальникамъ, свято чтить дисциплину, то подобныя нарушенія въ ротѣ должны считаться *проступками*

Четвертаго рода, къ которому причислимъ:

1) Нерадѣіе и уклоненіе отъ фронтовыхъ ученій, слушаніе унтеръ-офицеровъ, часовыхъ, фельдфебелей и грубость противъ нихъ.

2) Обманы поименованныхъ лицъ и дерзость противъ нихъ.

3) Угрозу противъ этихъ же лицъ словами и жестаи.

4) Ослушаніе и грубость противъ офицеровъ.

5) Дерзкіе и презрительные отзывы противъ высшаго начальства.

6) Подкупъ начальниковъ нижнихъ чиновъ, для послабленія въ надзорѣ.

7) Обманы офицеровъ и грубость противъ нихъ.

8) Покушеніе къ побѣгу.

Такимъ образомъ предусматриваются почти всѣ арестантскіе проступки. Переходя, за симъ, къ опредѣленію мѣры наказанія за каждый изъ перечисленныхъ проступковъ, предпочитаемъ держаться, въ этомъ отношеніи, преимущественно правилъ, преподанныхъ ротамъ положеніемъ. Исходя изъ этого взгляда, мы предлагаемъ разграничить взыскапія слѣдующимъ образомъ.

**За проступки, означенные въ первомъ родѣ
содержать въ свѣтломъ карцерѣ:**

а) По 1 пункту—съ довольствіемъ горячую пищу на обѣдъ и ужинъ и съ постельникомъ, безъ одѣяла, на ночь, отъ 1 до 5 сутокъ, что образуетъ, какъ указано въ раздѣленіи, въ означенномъ пунктѣ, 5 степеней.

б) По 2 п. отъ 2 до 7 сутокъ, безъ постельника и съ горячую пищу въ *одинъ* обѣдъ—будетъ 7 степеней.

в) По 3 п.—съ горячую пищу только въ ужинъ—2 степени.

За проступки 2 рода содержать безъ постельниковъ, три четверти дня—въ свѣтломъ, а четверть дня—въ темномъ карцерѣ:

а) По 1 п. отъ 4 до 8 сутокъ, ежедневно полдня въ свѣтломъ, а полдня въ темномъ карцерѣ, съ горячую пищу ежедневно, отчего получится 4 степени.

б) По 2 п. отъ 4 до 10 сутокъ въ *темномъ* карцерѣ, въ который открывать свѣтъ на $\frac{1}{2}$ дня, съ горячую пищу въ обѣдъ—составить 6 степеней.

в) По 3 п. отъ 5 до 10 сутокъ въ *темномъ* карцерѣ, освѣщая оный четверть дня, съ горячую пищу только въ ужинъ 3 степени.

За проступки 3 рода наказанія усилить такъ:

а) По 1 п. отъ 6 до 12 сутокъ, въ освѣщаемомъ на 3 часа темномъ карцерѣ, съ горячую пищу *чрезъ день* и съ лишеніемъ чрезъ день же права спать $\frac{1}{4}$ ночи, съ выставленіемъ виновнаго, во время утреннихъ и вечернихъ переключекъ,

впередн всѣхъ, лицомъ къ товарищамъ, впродолженіи недѣли 4 степени.

б) По 2 п.—отъ 8 до 12 сутокъ, съ горячею пищею чрезъ сутки и съ стояніемъ при перекличкахъ, въ столовой впереди всѣхъ, впродолженіи *двухъ* недѣль—4 степени.

в) По 3 п. отъ 10 до 14 сутокъ, съ предыдущими лишеніями и стояніемъ, предъ товарищами, во всѣхъ названныхъ мѣстахъ, впродолженіи *мѣсяца*, ниѣ на груди надпись о фактѣ виновности—3 степени.

За проступки 4 рода налагать взысканія такимъ порядкомъ:

а) По 1 п. лишать права отдыха въ послѣ обѣденное время и соломенника на ночь отъ 3 до 6 сутокъ.

б) По 2 п. оставлять безъ отдыха, отъ 5 до 8 сутокъ и лишать права вести корреспонденцію съ родными 2 мѣсяца.

в) По 3 п. все предыдущее, безусловное молчаніе отъ 7 до 10 сутокъ, да еще продленіе срока испытанія на мѣсяць.

г) По 4 п. къ сказанному въ п. в. добавить срокъ испытанія или переводить въ испытуемые на 2 мѣсяца.

д) По 5 п. сверхъ вышесказаннаго отдавать переводъ въ испытуемые изъ исправляющихся на 3 мѣсяца.

е) По 6 п. кромѣ только что сказаннаго и отдаленія перевода въ исправляющіеся и обратно въ испытуемые на 4 мѣсяца—лишеніе права вести корреспонденцію 3 мѣсяца.

ж) По 7 п. сверхъ помянутыхъ въ предыдущемъ и отдаленія перевода на 5 мѣсяцевъ заставлять безвозмездно работать, безъ чая, 2 мѣсяца.

з) По 8 п. тоже, что выше на 14 дней, а срокъ испи-

танія на 6 мѣсяцевъ и самый тяжелый, даровой трудъ 4 мѣсяца.

Наконецъ, чтобы гарантировать правосудію правильность и по изложенной таблицѣ слѣдуетъ принять въ руководство 87—93 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, статьи, въ которыхъ обозначены всѣ поводы, дающіе право на смягченіе или усиленіе обвиняемому мѣры наказанія, за совершенные проступки.

Мы отдавши, правда, срокъ выпуска арестантовъ изъ ротъ на 3 мѣсяца (по 2 п. 121 ст. это допускается только до 3 мѣсяцевъ) но за то игнорировали введенные 122 ст. оковы, тѣлесное наказаніе; на могущій же возникнуть вопросъ: почему мы это сдѣлали, отвѣтимъ слѣдующими соображеніями.

Во-первыхъ всѣ практики единогласно удостовѣряютъ, и мы этому, по опыту, вѣримъ,—что арестанты чрезвычайно дорожатъ сокращеніемъ срока и нахожденіемъ въ разрядѣ исправляющихся, не только какъ надеждою скорѣе увидѣть вольный свѣтъ, но и улучшенною, для исправляющихся, пищею, слѣдовательно человѣку, нарушающему дисциплину въ самой ротѣ, гдѣ онъ долженъ научиться вести себя безупречно,—продленіе срока гораздо чувствительнѣе, въ нравственномъ отношеніи, нежели иное наказаніе. Къ тому же и товарищи, зная это, тоже будутъ остерегаться слѣдовать его худому примѣру.

Во-вторыхъ, роты носятъ названіе исправительныхъ, а розги не имѣютъ исправляющаго характера; напротивъ: онѣ, какъ дознано десятками лѣтъ, значительно хуже ожесточаютъ наказываемыхъ, какъ физическою болью, такъ и моральнымъ позоромъ, а потому это наказаніе изъято изъ употребленія въ Петербургской и Московской исправительныхъ гражданскаго вѣдомства тюрьмахъ, созданныхъ по

новѣйшей системѣ; это послѣднее обстоятельство вытекло изъ того, что направить на путь истинный злую волю человека, вселить въ него уваженіе къ закону, правдѣ, возможно лишь при благотворномъ воздѣйствіи на его умъ и сердце, мѣрами кроткими, человѣколюбивыми.

Существенное замѣчаніе, которое можетъ встрѣтить изложенную нами примѣрную таблицу взысканій — это, зачѣмъ мы исключили тѣлесное наказаніе для арестантовъ, когда оно существуетъ, какъ читатели видѣли выше, въ полкахъ для штрафованныхъ солдатъ, а послѣдніе должны стоять, во всякомъ случаѣ, выше арестантовъ. Предугадывая это замѣчаніе — возразимъ на него вотъ чѣмъ. Забота о штрафныхъ солдатахъ вовсе не входитъ въ настоящую нашу задачу, ибо цѣль ихъ штрафованія далеко не та, какая сопровождаетъ солдата осужденіе въ исправительную роту. Потомъ, мы горячо желаемъ, чтобы и штрафныхъ освободили отъ розогъ, что будетъ гармонировать доводамъ «Русскаго Инвалида», который обозрѣвая, въ Январѣ текущаго года, дѣятельность военнаго вѣдомства за 1872 г., въ похвалу этому вѣдомству, между прочимъ, выразился «чтобы дойти до всеобщей воинской повинности нужно было заблаговременно *освободить* армію отъ всякаго позора, нужно было имѣть рѣшимость *снять* съ нея *тѣлесное наказаніе*». А такъ какъ наказаніе это опредѣляется штрафнымъ по тому самому «Дисциплинарному уставу», который военная газета до того превозноситъ, что считаетъ способнымъ, создать изъ солдатъ «мыслящую единицу», то да поможетъ Богъ скорѣйшему осуществленію того, что «Инвалидъ» считаетъ уже исполненнымъ, — т. е. не истязать никого изъ штрафованныхъ солдатъ, которыхъ было: въ 1870 г. — на 683,246 чел. — 30,487 чел.; въ 1871 г. — на 733,761 чел. — 20,852 чел. и въ 1872 г. — 20,152 чел. изъ регулярнаго войска.

Наконецъ ставъ на твердой почвѣ о немислимости исправленія нравственности розгами мы и предлагаемъ замѣнить ихъ средствами, сообразными съ духомъ времени, и, если наше предложеніе удостоится вниманія — будемъ душевно рады, а отвергнется, искренно пожалѣемъ и больше ничего.

Впрочемъ, если для *военныхъ*, собственно арестантовъ, нужны исключительныя, суровыя кары, мы, хоть и съ прискорбіемъ, готовы пойти на компромиссъ: пусть розги существуютъ, но съ тѣмъ: а) чтобы число ударовъ не превышало, какъ въ Петербургской исправительной тюрьмѣ морскаго вѣдомства—50; б) чтобы ими вразумлять только тѣхъ, которые окажутся виновными въ нанесеніи другимъ ранъ, въ кражѣ, побѣгахъ, и в) чтобы начинать съ 10, и только за повтореніе проступковъ увеличивать число ударовъ тоже по 10, а отнюдь не сразу по 50, какъ это принято въ нѣкоторыхъ ротахъ, изъ коихъ люди отпраплялись, бывало, прямо изъ-подъ розогъ въ госпитали, для леченія изсѣченнаго тѣла; и даже умирали отъ этихъ, на медицинскомъ нарѣчіи называемыхъ «травматичесеткихъ» болѣзней, какъ это видно изъ 165 и 344 страницъ очерковъ.

Само собою разумѣется, что всякій проступокъ и наложенное на него взысканіе должно быть *обстоятельно* занесено въ штрафной журналъ, который необходимо вести офицерамъ *собственноручно*, дабы сохранить въ памяти проступокъ провинившагося и увеличить вниманіе на него; а начальникамъ ротъ провѣрять эти журналы *еженедѣльно*, чтобы стройно направлять дѣятельность ихъ помощниковъ къ достиженію цѣли. Разсужденіе это надлежитъ, полагаемъ, вставить въ 122 ст. положенія.

Не зная примутся-ли въ соображеніе высказанныя нами предположенія о градаціяхъ проступковъ и наказаній—по-

желаемъ устраненія хоть мелкихъ неурядицъ, въ родѣ слѣдующихъ.

На основаніи 64 ст. положенія, прибывающіе въ роты арестанты заключаются на полсрока испытанія въ одиначное заключеніе — карцеръ. Правило это, за исключеніемъ срока, который для нѣкоторыхъ длиненъ (кто на 6 лѣтъ осужденъ—годъ, согласно 60 ст.), рационально какъ средство, для близкаго ознакомленія исправителей съ правами, наклонностями людей, еще непримкнувшихъ къ арестантской средѣ, когда ихъ легко вызвать на откровенность, на бесѣду о прошедшемъ и объяснить имъ наглядно, предстоящее имъ будущее. Обращаясь, за симъ, къ практикѣ, мы видѣли, что содержаніе 64 ст. буквально нигдѣ не исполнялось, по крайнему недостатку вездѣ карцеровъ, въ которыхъ по мѣсяцу, по два люди высиживали, ни чѣмъ не занимаясь, за отсутствіемъ приспособленій, по окончаніи которыхъ законъ возымѣетъ, вѣроятно, свою силу. Между тѣмъ имѣвшіеся, въ ротахъ, карцеры, были съ глухими, досчатыми дверями, въ которыхъ сверху прорублены были маленькія окошечки и потому стоявшіе, въ корридорахъ, часовые и проходившее мимо начальство, могли узнать, что дѣлаетъ заключенный, только по вступленіи внутрь карцера. Оттого одни флегматики, лѣгитяи спали тамъ безъ просыпа, до одурѣнія, до потери всякаго сознанія, которое въ нихъ пробуждалось, какъ въ животныхъ, лишь для ѣды, либо въ сѣтованіи на неполученіе на ужинъ горячей пищи. Другіе, сангвиники, сперва метались въ карцерахъ, изъ угла въ уголъ, потомъ ломали нары, производили шумъ и отъ раздраженія сутокъ по 2—3 ничего въ ротъ не брали, дичали совсѣмъ и кончали нерѣдко, криминальными преступленіями. Третьи—меланхолики впадали, постепенно, въ уныніе, тоску,

здоровье ихъ быстро разстроивалось, ибо они, сверхъ сего, предавались онанизму.

Устранить описанныя ненормальности легко, думается намъ, слѣдующими мѣропріятіями. Въ свѣтлыхъ карцерахъ, одиночныхъ заключеніяхъ, замѣнить глухія двери рѣшетчатыми, сквозь которыя всегда можно было бы видѣть запертыхъ тамъ людей, а содержать ихъ въ этихъ карцерахъ не сразу 2—3 мѣсяца, а періодически, чрезъ недѣлю, какъ въ Новогоріевскѣ: это чувствительнѣе дѣйствуетъ на людей, (см. 213 стр.); вслѣдствіе этого уменьшится число какъ больныхъ, такъ и совершающихъ, въ отчаяніи, преступленія. Касательно же тѣхъ, которые сажаются въ *темныя* карцеры, желательно бы предоставить имъ свѣту по-крайней-мѣрѣ хоть по нѣсколько часовъ въ сутки: тогда глаза ихъ не подвергнутся порчѣ по выходѣ изъ темноты: прямо на рѣзкій, дневный свѣтъ (314 стр.).

Х.

Изрядная численность больныхъ арестантовъ въ ротахъ зависѣла, судя по опыту, отъ долгаго содержанія многихъ арестованными подъ предварительнымъ слѣдствіемъ, въ плохихъ помѣщеніяхъ; отъ странствія по этапамъ, вмѣстѣ со всякимъ сбродомъ, странствія, разстраивающего, между прочимъ и здоровье попутчиковъ; отъ продолжительнаго нахожденія ихъ въ ротахъ, въ одиночномъ заключеніи, отъ сидячей вообще жизни, безъ достаточнаго моціона, отъ тоски по родинѣ, увеличивающейся отъ узкаго права арестантовъ переписываться съ родными; (что вынуждаетъ многихъ ковырять свое тѣло); отъ недостатка заботливости о чистотѣ ихъ тѣла; горцы—отъ крутой перемѣны климата;

отъ задержки больныхъ въ ротныхъ околоткахъ, для прида-
нія отчетности болѣе приличнаго вида; отъ небрежнаго ихъ
леченія нѣкоторыми прикомандированными къ ротамъ док-
торами, а равно въ общихъ госпиталяхъ. Всѣ эти причины,
часть которыхъ можетъ статься ужъ пущранплась (съ 1873 г.
разрѣшено ротамъ завести свои лазареты, штатныхъ меди-
ковъ) окончательно исчезнуть, мы увѣрены, со введеніемъ
предлагаемыхъ нами различныхъ измѣненій въ администра-
тивномъ и законодательномъ отношеніяхъ.

«Время болѣзни, проведенное арестантомъ въ госпиталѣ,
или лазаретѣ исключается изъ срока пребыванія его въ
ротѣ, назначеннаго приговоромъ, такъ гласитъ 128 ст.
Этими выраженіями предусмотрѣны случаи, которые несом-
нѣнно широко привились бы къ практикѣ ротъ. Именно:
человѣкъ, прибывъ въ роту, допустимъ на 2 года, пожелъ
недѣлю, убѣдился, что тамъ плохо, расковырялъ себѣ гвоз-
демъ нарочно, положимъ, ногу, или растеръ кирпичемъ
глаза и его отослали въ госпиталь, гдѣ постель, пища хо-
рошій, гдѣ спокойно, нѣтъ никакихъ обязанностей, поэтому
онъ не допускалъ окончательно залечить ему глаза, или
раны, желая елико возможно дольше не возвращаться въ
роту, благо до выпуска изъ нея все меньше оставалось вре-
мени, такимъ способомъ онъ скороталъ цѣлый годъ. Глядя
на него и другіе стали бы дѣлать тоже самое, отчего
больныхъ было бы пропасть. Зачитать подобнымъ людямъ
время болѣзни въ срокъ заключенія въ ротѣ, разумѣется
не слѣдуетъ, съ чѣмъ согласится всѣ; но тутъ же рождает-
ся вопросъ: за что же дѣйствительно хворавшій, *помимо
своей воли*, человекъ протрадалъ 3—5 мѣсяцевъ въ госпи-
талѣ, находясь на арестантскомъ положеніи, а между тѣмъ
это время у него выключаютъ изъ срока заключенія? Это
несправедливо. Противъ этого аргумента та же 128 ст. гово-

рить дальше: «если болѣзнь произошла отъ изнуренія, ушиба, или иного несчастнаго случая (это считается, по цитируемой нами статьѣ, особенно уважительными обстоятельствами), то время болѣзни *можетъ*, вполне, или частію, *быть зачтено* въ срокъ пребыванія арестанта въ ротѣ». Затѣмъ, дабы эта льгота не всякому давалась, статья заключаетъ: *«но не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника мѣстныхъ войскъ* Округа, по *особому*, каждый разъ представленію начальника роты, основанному на мнѣніи ротнаго комитета». Значить, зачетомъ могутъ воспользоваться лишь избранные, ибо во 1-хъ, на это нужны *«особенно уважительныя обстоятельства»*, во 2-хъ, согласіе коллегіи, въ 3-хъ, въ представленіи начальству роты неудобно напр. писать: *«отъ изнуренія»* (большинство страдаетъ именно изнуреніемъ и чахоткою) изъ самосохраненія: начальникъ мѣстныхъ войскъ вправе отнести это къ безпечности самаго начальства роты о вѣранныхъ его попеченію людяхъ. Вслѣдствіе этого зачета дѣйствительно удостаивались чрезвычайно рѣдкіе больные. Остальные же теряли время своей хворости. Это, конечно, вело къ тому, что арестанты часто скрывали свои болѣзни (иногда очень серьезныя) до послѣдней степени возможности, когда уже нельзя было серьезно лечить ихъ.

Въ интересахъ сбереженія людскаго здоровья, полезно расширить смыслъ 128 ст., т. е., кромѣ указанныхъ въ ней льготныхъ случаевъ, вставить чахотку, во всѣхъ періодахъ, рожу, цынгу, органическіе пороки внутренностей, водянку, словомъ всѣ недуги, которые проявляются *помимо воли* человѣка, и потому положительно подходящіе подъ несчастные случаи, разумѣемые 128 ст. и не признаваемые, по неясности самой статьи, начальниками. Какъ скоро въ упомянутую статью будетъ введено указанное добавленіе, число больныхъ уменьшится значительно: люди перестанутъ скры-

вать болѣзни, бояться госпиталя, куда пойдутъ своевременно, а начальство ротъ будетъ, безъ стѣсненія руководствоваться, при представленіяхъ, буквальными выраженіями статьи, да медицинскими актами.

Признаніе, наконецъ, за болѣвшими права на зачетъ едва-ли ни правильнѣе предоставить медикамъ, изучающимъ больныхъ, пользующимъ ихъ, на такомъ же основаніи, какъ по ихъ удостовѣреніямъ слабосильные солдаты увольняются преждевременно на поправку на годъ, на два домой.

Далѣе, избавляются ли солдаты, осужденные въ исправительныя роты отъ ссылки въ оныя, если они, по произнесеніи надъ ними приговора, окажутся дряхлыми отъ старости, либо совершенно хворыми, т. е. негодными ни на физическій, ни на умственный трудъ? Объ этомъ въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ ничего не сказано. Отъ того Главный Тюремный Комитетъ сдѣлалъ странное распоряженіе, чтобы всѣхъ подобныхъ солдатъ, даже одержимыхъ органическими пороками, непременно отсылали въ исправительныя роты, гдѣ они образуютъ неисчѣпаемый контингентъ больныхъ *). А такъ какъ время болѣзни въ госпиталѣ, не зачитается, какъ читатели видѣли выше, въ срокъ пребыванія въ ротахъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подобныхъ субъектовъ могло бы, разумѣется, накопиться множество, то въ предупрежденіе этого созданы: а) въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ 53 ст., гласящая: «тѣ изъ нижнихъ чиновъ, которые не состоя на срочной службѣ, окажутся, по дряхлости, старости или по болѣзнямъ совершенно *неспособными ни къ какимъ работамъ и занятіямъ* въ исправительныхъ ротахъ, исключаются изъ

*) Мы видѣли хромыхъ, слѣпыхъ, съ грижами, со сведенными руками, ногами, дряхлыхъ стариковъ, болѣе 70 лѣтъ и т. д.

военнаго вѣдомства и *передаются* въ распоряженіе гражданскаго начальства, для *поступленія* съ ними *по правиламъ* о *неспособныхъ* къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ *гражданскаго вѣдомства*, а тѣ изъ арестантовъ, которые, *состоя на срочной службѣ*, окажутся, по тѣмъ же причинамъ, совершенно неспособными ни къ какимъ работамъ и занятіямъ въ ротахъ, *передаются* гражданскому начальству, для *содержанія въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства, до окончанія сроковъ*, на которые приговорены были къ отдачѣ въ роты и *затѣмъ обращаются*, въ вѣдѣніе гражданскаго начальства, для поступленія съ ними на основаніи *правилъ*, существующихъ для лицъ, выбывающихъ изъ арестантскихъ ротъ *гражданскаго вѣдомства*, по окончаніи ими срока работъ», и б) въ положеніи о ротахъ: 2 п. 129, 135 — 139 ст., изъ которыхъ приведемъ лишь необходимыя, для насъ, главныя статьи: 135, по которой арестанты, «неспособные къ мастерствамъ, употребляются на хозяйственныя работы», а «неспособными» ни къ какимъ работамъ признаются, по 136 ст., «совершенно *слѣпые*, немѣющіе рукъ или ногъ, дряхлые отъ совершеннаго разслабленія, паралича и другихъ болѣзней, имѣющіе большія килы, препятствующія ходить и работать; да оказавшіеся, послѣ долговременнаго врачебнаго пользованія, имѣющими современно неизлечимыя болѣзни, лишающія ихъ *навсегда* способности ко всякой работѣ».

Со всѣми этими людьми 138 ст. предписываетъ поступать, согласно вышеприведенной 53 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ. Въ этой же послѣдней статьѣ, между прочимъ, выражено, что гражданское вѣдомство, принявъ неспособныхъ ни къ какимъ работамъ военныхъ арестантовъ, обязано устроить ихъ будущность, „на основаніи правилъ, существующихъ для лицъ, выбывающихъ изъ гражданскихъ арестант-

скихъ ротъ по неспособности къ работамъ и за минованіемъ сроковъ, на которые они были осуждены туда". Для уясненія читателю достоинствъ этихъ правилъ и добывающихся изъ нихъ практическихъ результатовъ, считаемъ необходимымъ нѣсколько распространиться объ этомъ предметѣ.

Къ несостоящимъ на обязательной службѣ „неспособнымъ ни къ какимъ работамъ арестантамъ“ относятся 1090—1094 ст. Устава о содерж. въ арест. ротахъ, т. XIV гражд. зак., статьи, сущность которыхъ заключается въ томъ, что арестанты, страдающіе «слабосиліемъ, неизлечимыми припадками, поврежденіями, старостью, препятствующими передвигать тяжести, дѣйствовать орудіями, при работахъ употребляемыми, признаются неспособными, и тѣ изъ нихъ, которые, будучи въ исправляющихся, осуждены на 1 — 2 года, могутъ, до истечения сего времени, быть *передаваемы въ приказы* общественного призрѣнія, для пропитанія посильными трудами, а по истеченіи онаго возвращаемы *«на прежнее жительство имъ приписываемы къ юродамъ и къ казеннымъ селеніямъ»*, а „испытанные сосланные болѣе, чѣмъ на 2 года, переводятся до срока въ мѣстныя тюрьмы, а потомъ, въ случаѣ непріятія ихъ обществами—отсылаются на водвореніе въ Сибирь; арестанты же 2 разряда, совершенно неспособные ни къ какимъ работамъ возвращаются *домой*“.

На состоящихъ на *обязательномъ* срокѣ службы „неспособныхъ ни къ какимъ работамъ“ арестантовъ распространяются нижепоказанныя другія статьи того же и прочихъ уставовъ. Вопросъ объ этихъ людяхъ былъ подробно разработанъ нами въ книгѣ „Жизнь заключенныхъ“, изъ которой намъ остается привести нѣкоторыя, сюда подходящія, выдержки, такъ какъ вопросъ этотъ доселѣ остается неизмѣннымъ. Такъ, люди эти, по смыслу 1 п. 1081 и 1086 ст. Устава объ гражд. арест. ротахъ, т. XIV св. гражд. зак.,

возвращаются въ тѣ общества, къ которымъ принадлежали до ихъ осужденія въ роты. Однако въ силу 566, 1 и 2 п. 567 ст. того же Устава (последняя статья по продолж. 1863 г.) 9 и 574 ст. IX т. о состояніяхъ, а равно 2 п. 300 ст. Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій XIV-же тома, по особымъ приговорамъ, составляющимся, согласно 301—311, 313 и 314 ст. Уст. предупр. и пресѣч. прест., общества въ правѣ и не принять ихъ въ свою среду по *собственнымъ, отъ нихъ исключительно зависящимъ соображеніямъ*. Тогда люди эти, согласно 316 ст. Уст. предупрежд., и пресѣч. прест. и 1083 и 1084 ст. Уст. объ арест. ротахъ ссылаются на житье въ Томскую или Тобольскую губерніи.

Проще говоря, всѣхъ «неспособныхъ ни къ какой работѣ военныхъ арестантовъ», чаявшихъ, на основаніи 53 ст. воинскаго Устава, попасть домой, — въ дѣйствительности ждало въ перспективѣ водвореніе въ Сибирь. Мы смѣло говоримъ «всѣхъ», потому что намъ, по гражданской тюремной практикѣ, достовѣрно извѣстно, что изъ возвращавшихся доселѣ, изъ гражданскихъ арестантскихъ ротъ, бывшихъ мѣщанъ, крестьянъ не больше какъ одинъ изъ 50 приходилъ во-свои, а всѣ прочіе направлялись въ Сибирь: въ бытность ихъ въ арестантскихъ ротахъ, въ продолженіе 3 — 5 лѣтъ память о нихъ, преимущественно бѣдныхъ матеріальными средствами и вліятельною роднею, въ обществѣ совершенно сглаживалась; мѣстное общественное начальство, при которомъ они были на лицо и считались порядочными членами, давно ужъ перемѣнилось; жить и платить исправно подати имъ сначала, конечно, будетъ нечѣмъ, а слѣдовательно общество навязеть себѣ, принятіемъ ихъ, только лишнюю, тягостную обузу. Разсуждая на эту тему, — положительно никто не рѣшался и заикнуться въ ихъ пользу, а потому имъ предоставлялась одна дорога — въ Сибирь. «Неспособнымъ же ни къ какимъ рабо-

тамъ военнымъ арестантамъ» не было ужъ рѣшительно никакихъ шансовъ избѣгнуть Сибиря, ибо: а) большинство ихъ дряхлые старики — происходили изъ кантонистовъ, *никогда не принадлежавшихъ ни къ какому обществу*, очевидно ихъ и пристроить *официальнымъ* порядкомъ было некуда; б) молодые же «неспособные» поступали на службу по-крайней-мѣрѣ лѣтъ за 5, за 6 до признанія ихъ неспособными, причемъ, не ведая, съ родными, по долгу, никакихъ письменныхъ сношеній — они утрачивали всѣ связи съ родиною; в) небрежное веденіе рекрутскими присутствіями и другими мѣстами формулярныхъ списковъ, въ которыхъ перевиралось и даже вовсе пропускалось указаніе родины многихъ неспособныхъ, — повело къ тому, что объ обществахъ, къ которымъ многіе нѣкогда принадлежали, нерѣдко не оказывалось никакихъ свѣдѣній. Всѣ эти причины, въ совокупности, поставили гражданское вѣдомство въ большое затрудненіе: куда дѣвать всѣхъ неспособныхъ? Въ одномъ Петербургскомъ, напр., тюремномъ Замкѣ постоянно содержалось, въ теченіе послѣднихъ 3 лѣтъ сряду, по 50—80 чел., высланныхъ только изъ Кронштадтской, Свеаборгской и Шлиссельбургской военно-исправительныхъ ротъ, а чрезъ Столичную пересыльную тюрьму прошло, этихъ неспособныхъ, въ Сибирь, на водвореніе, множество...

Убѣдившись, такимъ образомъ, въ несостоятельности 53 ст. воинскаго Устава о наказаніяхъ, Военное Министерство, 1 апрѣля 1871 г. исходатайствовало, законодательнымъ порядкомъ, измѣненіе содержанія этой статьи. Новая редакція ея гласитъ: «тѣ изъ нижнихъ чиновъ, которые, *не состоя на срочной службѣ*, окажутся по дряхлости, старости или по болѣзнямъ совершенно неспособными ни къ какимъ работамъ и занятіямъ въ военно-исправительныхъ ротахъ, исключаются изъ военнаго вѣдомства и *передаются* въ распоряженіе

гражданскаго начальства, для поступленія съ ними по правиламъ о неспособныхъ къ работамъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ гражданскаго вѣдомства, а тѣ изъ арестантовъ, которые состоятъ на срочной службѣ и окажутся по тѣмъ же причинамъ совершенно неспособными ни къ какимъ работамъ и занятіямъ въ военно-исправительныхъ ротахъ, передаются гражданскому начальству, для отправленія въ Сибирь, на водвореніе. Съ тѣми изъ сихъ послѣднихъ, которые, по состоянію здоровья, не будутъ въ силахъ слѣдовать въ Сибирь, поступать на основаніи свода законовъ тома XIV Устава о ссыльныхъ ст. 102—115.

Теперь посмотримъ, что именно достигнуто приведеннымъ измѣненіемъ 53 ст. воинскаго устава. Съ этою цѣлью обратимся къ законамъ объ „исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ гражданскаго вѣдомства“ и къ вышепомянутымъ 102—115 ст. Уст. о ссыльныхъ.

Согласно 998 ст. Уст. о содерж. подъ стр., изд. 1857 г., арестантскія роты считались: однѣ—гражданскаго, а другія—военнаго вѣдомствъ. 998 ст. того же Устава по продолженію 1868 г. роты уже названы исправительными. Затѣмъ 3 примѣчаніе къ той же 998 ст., по прод. 1871 г., гласитъ, что въ 1870 г. „повелѣно: гражданскія арестантскія роты переименовать въ исправительныя отдѣленія; отиѣнить въ нихъ военное и ввести гражданское управленіе и вольнонаемную стражу“; при этомъ опредѣляются права, власть, содержаніе, классъ должности начальниковъ, надзирателей, составъ людей въ этихъ отдѣленіяхъ и т. под. Что же касается *внутренняго содержанія* арестантовъ,—то 4 п. этого примѣчанія объясняетъ, что „во *всѣхъ* прочихъ отношеніяхъ подчинить отдѣленія дѣйствующимъ узаконеніямъ объ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства“. По продолженію 1872 г. къ этой же статьѣ повторяется какія именно

роты обращены въ отдѣленія. А такъ какъ ни по одному изъ продолженій сущность 1090—1094 ст. Уст. не отмѣнена и не измѣнена,—то ясно, что онѣ, по смыслу 4 примѣч. къ 998 ст. 1871 г., сохраняютъ понынѣ свою силу. Поэтому неспособные ни къ какимъ работамъ арестанты, не состоящіе *на обязательной службѣ*, будутъ передаваемы въ вѣдѣніе замѣнившихъ приказы общественнаго призрѣнія—земствъ, для прокормленія посыльными трудами, или возвращены на прежнее жительство—родину, или же приписаны къ городамъ и селеніямъ, какъ выше сказано. Слѣдовательно участь ихъ облегчена.

Переходя къ другой категоріи неспособныхъ ни къ какимъ работамъ, состоявшимъ *на обязательномъ сроку служ-*бы узнаемъ вотъ что. Больные ссыльные, немогущіе слѣдовать въ путь,—задерживаются въ городахъ, на основаніи 102—115 ст. уст. о ссыльныхъ; состояніе ихъ здоровья свѣдѣлствуется, установленнымъ порядкомъ, и по утвердительномъ разрѣшеніи вопроса о болѣзни,—они оставляются, для пользованія, въ мѣстныхъ тюремныхъ лазаретахъ, на одинаковомъ съ прочими арестантами положеніи. Затѣмъ, если по испробованіи всѣхъ медицинскихъ средствъ, окажется, что больной неизлечимъ, или что на скорое его выздоровленіе нѣтъ надежды,—то объ этомъ сообщается въ Тобольскій приказъ о ссыльныхъ, для надлежащей отмѣтки. Неизлечимыми изъ этихъ арестантовъ признаются лишь тѣ, которые одержимы: „въ высшей степени чахоткою, сопряженною съ изнурительною лихорадкою; параличемъ нижнихъ оконечностей; большимъ расширеніемъ внутреннихъ или наружныхъ боевыхъ жилъ—аневризмомъ; совершенною слѣпотю; общею брюшною и грудною водянкою, если она образовалась отъ застарѣлыхъ заваловъ во внутренностяхъ; падучею болѣзнію, если припадки повторяются болѣе 2-хъ

разъ въ недѣлю; приросшею, застарѣлою, обширною и повязкою псудержимаю грыжею; кровохарканьемъ; членосоставнымъ гриппомъ; вѣтреною оспою и костоѣдою нижнихъ конечностей; сведеніемъ этихъ конечностей, членосоставною немощью; злокачественными язвами, сопряженными съ худосочиємъ и изнуреніемъ всего тѣла; противоестественнымъ членосоединеніемъ нижнихъ конечностей; ракомъ прямой кишки; недостаткомъ всѣхъ или большихъ пальцевъ на обѣихъ ногахъ, съ прилегающими къ нимъ пальцами, если этотъ недостатокъ произошелъ отъ отмороженія“.

И такъ, страдающіе одною изъ перечисленныхъ болѣзней, арестанты, оставаясь жить „въ особомъ отдѣленіи тюрьмы ежегодно переосвидѣтельствуются“ и выздоровѣвшіе отправляются все-таки въ Сибирь; касательно же остальныхъ, обязывавшихся прежде оставаться въ тюрьмахъ до смерти—нынѣ сдѣлано также благодѣяніе, заключающееся въ слѣдующемъ. Чтобы поправившіеся не задерживались въ тюрьмахъ—111 ст. Уст. о ссыльныхъ, по прод. 1871 г., поручаетъ наблюдать за этимъ тюремнымъ комитетамъ и прокурорскому надзору; „неполучившихъ же облегченія въ болѣзняхъ, оставленныхъ въ тюремныхъ больницахъ, преступниковъ, эта статья предписываетъ *освободить изъ заключенія*: каторжныхъ—по истеченіи въ полтора раза большаго срока, на который они были приговорены къ каторжнымъ работамъ; присужденныхъ къ ссылке въ Сибирь на поселеніе, въ отдаленныя и неотдаленныя мѣста—черезъ 6 лѣтъ; осужденныхъ къ ссылке на житье въ Сибирь: въ отдаленныя мѣста (сюда подходятъ прямо неспособные военные арестанты)—черезъ 4½ года; въ неотдаленныя мѣста—черезъ 3½ года, осужденныхъ къ ссылке на житье въ другія отдаленныя, кромѣ Сибири, губерніи—черезъ 3 года,—всѣхъ со времени ихъ поступленія въ тюремныя замки. Освобожденные этимъ способомъ изъ за-

ключенія помѣщаются: каторжные и поселенцы—въ заведенія общественнаго призрѣнія, а осужденные на жительство—отсылаются, если пожелаютъ, въ селенія не ближе 60 верстъ отъ губернскихъ городовъ, на пропитаніе своими трудами, безъ приписки въ число платящихъ государственныя подати; если же этого не захотятъ—отдаются въ заведенія общественнаго призрѣнія. Наконецъ отличнаго, безукоризненнаго поведенія дряхлымъ арестантамъ самый срокъ заключенія—примѣчаніемъ къ этой статьѣ предоставляется сокращать, по усмотрѣнію тюремныхъ комитетовъ, на одну треть. Мѣра эта безспорно, весьма гуманная и достойная всякаго одобренія—калеки будутъ знать, что если имъ суждено будетъ прожить срокъ,—то они узрятъ вольный свѣтъ. Однако жаль, что не опредѣленъ срокъ, отъ минованія котораго въ неизлечимой болѣзни начинается другой срокъ отсидиванія въ тюрьмѣ извѣстныхъ лѣтъ, а это возбудитъ на практикѣ недоразумѣнія, различныя толкованія какъ понимать этотъ законъ. Было бы полезно разъяснить, что если въ теченіи полугода, года, арестанты не поправятся, то отъ того времени вести счетъ лѣтамъ отсидиванія.

Такимъ образомъ, съ измѣненіемъ 53 ст. отиѣнено содержаніе неспособныхъ въ гражданскихъ тюрьмахъ до наступленія срока, на который они были осуждены въ роты и освобождены: а) гражданское вѣдомство—отъ обязанности искать, посредствомъ переписки, пристанища для этихъ неспособныхъ ни къ какой работѣ военныхъ арестантовъ,—посылая ихъ прямо въ Сибирь; б) сами арестанты—отъ несбыточныхъ иллюзій—вернуться когда-нибудь во свояси, если только они не подойдутъ подъ правила, установленныя прописною 111 ст. Уст. о ссыльныхъ.

Смотря на положеніе „неспособныхъ ни къ какимъ работамъ военныхъ арестантовъ“ совершенно объективно, не-

нормальность этого положенія, какъ-то невольно бросается въ глаза. Представимъ себѣ, слабосильнаго солдата, который будучи, примѣрно, на маневрахъ, простудился, получить тотчасъ же медицинское пособіе ему, почему бы то ни было, не удалось и онъ захирѣлъ. Потомъ, совершивъ преступленіе—попалъ на гауптвахту, гдѣ господствовала сырость, которая, вмѣстѣ съ грустною заботою о будущемъ, добавила ему хворости. Далѣе, онъ отправился осенью, на легкѣ одѣтый, по этапу, въ наручникахъ, въ исправительную роту, куда прибылъ уже съ явными признаками чахотки. Тутъ сперва одиночное заключеніе, а за нимъ усиленный трудъ, скудная пища, строгій надзоръ, отсутствіе движенія,—словомъ, довольно тяжелая жизнь, сопровождаемая неотвязною думою о потерянномъ благополучномъ прошломъ и темномъ, безотрадномъ будущемъ еще болѣе усиливаютъ въ немъ чахотку и потому онъ, вслѣдствіе окончательнаго изнуренія, признанъ неспособнымъ, ни къ какимъ работамъ, назначенъ въ Сибирь на водвореніе, переведенъ въ гражданскую тюрьму, откуда ужъ не въ силахъ былъ предпринять столь далекое путешествіе. Онъ оставленъ въ лазаретъ; воздухъ и обстановка котораго усиливаютъ его страданія и пробывъ тамъ годъ, онъ умираетъ. Между тѣмъ, если бы его, по признаніи неспособнымъ сразу, отпустили домой, напр. на югъ, то онъ, легко можетъ стать, еще поправился бы и пригодился бы и себѣ, и людямъ. Дальше, здоровый арестантъ, которому до выпуска изъ роты осталось 3—4 мѣсяца, разбивалъ, въ кузницѣ, молотомъ накалиное желѣзо, осколки котораго попалъ ему въ глазъ, а онъ, въ пылу боли, схвативъ, вмѣсто воды скипидаръ, плеснулъ себѣ въ глаза, вслѣдствіе чего очутился въ неспособныхъ и отправленъ въ Сибирь, на водвореніе. Кормится тамъ ему, ослѣпшему, будетъ нечѣмъ, онъ превратится въ уличнаго нищаго, ста-

неть перекочевывать изъ деревни въ деревню и кончить жизнь гдѣ-нибудь подъ заборомъ, въ сугробѣ снѣга.

Случаи, подобные описаннымъ, далеко не рѣдкость. Мы знаемъ, напр., что ослѣпшій въ ротѣ арестантъ былъ назначенъ по неспособности, въ Сибирь, но гражданское вѣдомство долго отказывалось принять его, говоря, что ему нуженъ безсмѣнный провожатый, котораго гражданскому вѣдомству взять негдѣ. Другой такой-же, бывшій военнокаторжный арестантъ, Ал. Николаевъ, подлежавшій водворенію въ Сибирь и ходившій на костыляхъ, цѣлыхъ 4 года содержался въ Петербургскомъ тюремномъ замкѣ, въ ожиданіи: когда его искалеченныя, негодныя къ употребленію ноги, выпрямятся и онъ пріобрѣтаетъ возможность пуститься въ путь; другими словами, онъ ждалъ, пока совершится чудо!.. А какъ этого не случилось, то онъ впалъ въ идиотизмъ, пустилъ оловянною кружкою въ голову сосѣду больному въ больницѣ, отчего затѣялось было дѣло, кончившееся тѣмъ, что его отвезли, недавно, въ Новгородскую тюрьму для содержанія..

Спрашивается: предстоитъ ли для правительства и общества нравственная или матеріальная выгода отъ ссылки такихъ „неспособныхъ ни къ какимъ работамъ арестантовъ“ въ Сибирь; отъ содержанія ихъ, на казенный счетъ, долгіе годы въ тюремныхъ больницахъ; наконецъ, отъ ихъ смерти въ этихъ больницахъ? Смѣемъ думать, что отъ этого врядъ ли предвидится польза, потому что постигшая человѣка, хотя бы и арестанта, неизлечимая болѣзнь, сама по себѣ отчасти искупаетъ, страданіями, его пороки и едва ли можетъ считаться обстоятельствомъ, увеличивающимъ степень его виновности. Напротивъ: такая болѣзнь даетъ ему право, какъ по общечеловѣческому, такъ и по юридическому даже закону, на облегченіе, на снисхожденіе, въ виду его немощи.

Отсюда понятно, что вслѣдствіе постигшей арестанта неизлечимой болѣзни, отягчать его, и безъ того ужъ жалкую участь, представляется неправильностью, которая еще увеличивается въ виду того, что навсегда разлучаетъ мужа съ женою, отца съ дѣтьми: они, живя, преимущественно въ деревняхъ, никогда даже не узнаютъ, куда дѣвался глава ихъ семьи, да еще въ такое критическое время, когда человѣкъ, лишившись возможности пропитывать себя собственными трудами,—могъ бы избавиться отъ нищеты, или даже отъ преждевременной смерти на чужбинѣ. Онъ могъ бы воспользоваться, на родинѣ, успокоеніемъ, весьма важнымъ для человѣка жалкаго духомъ и тѣломъ и готовящагося отойти въ вѣчность...

Мы предрекаемъ „неспособнымъ ни къ какимъ работамъ военнымъ арестантамъ“ горькое одиночество въ Сибири не по легкомыслію, а на основаніи неоспоримыхъ данныхъ. Женатый человѣкъ, сосланный въ Сибирь *на поселеніе*, по *лишеніи всѣхъ правъ состоянія* можетъ вступить во второй бракъ, такъ какъ первый, съ лишеніемъ этихъ правъ состоянія расторгается, согласно 2 п. 45 ст. 1 ч. X т. Св. гражд. законовъ. Бывшіе же арестанты (безъ различія, военный или гражданскій), *водворяемые въ Сибирь* не освобождаются отъ прежнихъ супружескихъ узъ и потому вторичная женитьба тамъ для нихъ немыслима. Хотя за мужьями обѣихъ этихъ категорій жены и обязываются, правда (по силѣ 2 п. приложенія къ 103 ст. I ч. X т.) слѣдовать въ Сибирь, но, на практикѣ, это удобоисполнимо только для людей, уходящихъ на водвореніе *съ родины*, или жившихъ *совмѣстно* съ женами, до отправленія ихъ въ Сибирь, но не для военныхъ арестантовъ, большинство которыхъ, по сдачѣ ихъ въ рекруты оставили женъ, дома, сами множество разъ переводились съ мѣста на мѣсто, изъ полка въ полкъ, а жены многихъ изъ

нихъ, впродолженіи долгихъ лѣтъ службы мужей, располагая (по 242 ст. Уст. о паспортахъ т. XIV Св. гражд. закон.) отдѣльными видами, свободно перебивали въ многихъ же городахъ, такъ что не имѣя между собою, какъ водится, постоянной переписки — навсегда потеряли другъ друга изъ виду. Наконецъ въ подкрѣпленіе мысли о томъ, что „неспособные ни къ какимъ работамъ военные арестанты“ не находятъ въ Сибири, средствъ къ существованію, замѣтимъ, что приливъ, выселяемаго изъ внутреннихъ губерній Россіи въ Сибирь, народонаселенія прогрессивно увеличивается, *) а тамошнія богатства природы, напротивъ, уменьшаются, такъ что цѣнность рабочихъ рукъ тамъ изо дня въ день на столько дешевѣетъ, что и здоровые люди едва находятъ работу. Калеки же поневолѣ образуютъ собою отдѣльную корпорацію голодныхъ пролетаріевъ, непрерывно борющихся съ настойчивыми запросами собственныхъ желудковъ и заключающихъ голодною смертью, либо новыми преступленіями.

Опираясь на всѣ указанія обстоятельства, мы приходимъ къ выводу, что водвореніе въ Сибирь, „неспособныхъ ни къ какимъ работамъ арестантовъ“ полезно бы отмѣнить; взамѣнъ того, тѣхъ изъ нихъ, которые уважутъ свои семейства, (а послѣднія, по сношеніямъ съ ними начальства ротъ, чрезъ мѣстныя полиціи, согласятся взять ихъ къ себѣ на пропитаніе) слѣдовало бы пересылать по принадлежности, этапнымъ порядкомъ, съ исключеніемъ арестантовъ изъ службы, безъ именованія воинскимъ званіемъ, а остальныхъ по та-

*) Даже ссылка въ каторгу приостановлена, и люди, осужденные туда, заключаются въ Виленскую, Харьковскую и Новоборисоглѣбскую центральныя тюрьмы, впродъ до преобразованія каторжной системы.

ковомъ же исключеніи изъ войскъ, переселять прямо въ богадѣльни мѣстныхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, какъ установлено для арестантовъ прежнихъ арестантскихъ ротъ, а нынѣ исправительныхъ отдѣленій гражданскаго вѣдомства 1093 и 1094 ст. Уст. объ этихъ ротахъ и примѣнено измѣненною недавно 53 ст. воинскаго Устава къ неспособнымъ ни къ какимъ работамъ арестантамъ, не состоявшимъ на обязательномъ срѣзѣ службы. Предложеніе это кажется намъ тѣмъ болѣе логичнымъ, что числившіеся на службѣ какъ вольноопредѣляющимися, такъ и обязательными—однаково больные, изъ однѣхъ и тѣхъ же исправительныхъ ротъ, гдѣ они содержались за однородныя же преступленія и наконецъ въ равной степени бесполезные, никому и ни на что негодные люди; тѣмъ не менѣе законъ дѣлаетъ между ними такое рѣзкое, врядъ ли оправдываемое различіе!

Выше мы замѣтили, что по неопредѣленію въ воинскомъ Уставѣ другаго наказанія нижнимъ чинамъ, осужденнымъ къ заключенію въ исправительныя роты, но еще до отправленія туда оказавшимися неспособными ни къ какимъ работамъ—люди эти образуютъ постоянный контингентъ больныхъ въ ротахъ. Ненормальное явленіе это легко, полагаемъ, устранить слѣдующимъ способомъ. Во 2 ст. положенія о ротахъ, статьѣ, въ которой сказано, что роты назначаются для содержанія приговоренныхъ по суду, на сроки, опредѣляемые военно-уголовными законами,—нужно добавить: „кромѣ такихъ, которые одержимы органическими, физическими и умственными пороками, надлежащимъ порядкомъ удостовѣренными“. Тоже самое надобно повторить въ 1 п. 2 части 4 ст. воинскаго Устава, и во всѣхъ 7 степеняхъ приложенія къ 6 ст. этого устава послѣ словъ: „отдача въ в. и. роты отъ 2 до 3 лѣтъ“, прибавить: „или по органическимъ, физическимъ или умственнымъ порокамъ такому-то наказанію“

разумѣется, уже чисто карательному. Затѣмъ, установить правиломъ, чтобы всякаго осужденнаго подвергать, какъ указано касательно приговоренныхъ въ гражданскія и прежнія крѣпостныя военныя арестантскія роты (въ 1008 и 1105 ст. Устава о тѣхъ ротахъ, т. XIV, Св. гражд. закон.) тщательному медицинскому освидѣтельствуванію, для опредѣленія: годенъ ли онъ для ротъ, и при отрицательномъ медицинскомъ отвѣтѣ — назначить ему то или другое, чисто карательное наказаніе, градація котораго будетъ найдена въ приложеніи къ 6 ст. воинскаго Устава. Такимъ образомъ начальству останется привести въ исполненіе только вторую часть приговора. Способъ этотъ добавимъ, аналогиченъ съ 64—71 ст. воинскаго же Устава вообще и въ особенности съ 65 ст. воинскаго Устава и 74 ст. улож. о наказаніяхъ (о замѣнѣ 70 лѣтнимъ людямъ и старѣе каторги поселеніемъ): во всѣхъ этихъ случаяхъ мотивы, по которымъ одно наказаніе замѣняется другимъ совершенно тождественны — и состоятъ въ томъ, что нельзя идти на переборъ природѣ человеческой.

XI.

Въ теченіе послѣднихъ 6 недѣль пребыванія въ ротахъ, арестантовъ разрѣшено *), какъ читателямъ извѣстно, посылать на работы, за различными покупками, безъ конвоя, дабы заранѣе испытать, достаточно ли укрѣпились въ нихъ сила воли и отвращеніе къ порокамъ. Это разумное правило въ одномъ, напр., мѣстѣ вовсе игнорировалось, а въ другихъ исполнялось не такъ, какъ бы слѣдовало, т. е. арестанты ходили за предѣлы казармъ въ курткахъ, отчего

*) Постановленіемъ Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета отъ 15 ноября 1869 года.

значительно умалаялся истинный смысл положенія: по куртку всѣ узнавали въ человѣкѣ арестанта, а это стѣсняло сношенія съ нимъ. Далѣе, пользовавшіеся сразу 6 недѣль полусвободою—съ момента передачи ихъ въ управленія мѣстныхъ баталіоновъ для отправки въ полки, вездѣ лишались и этой доли свободы въ теченіи всего пребыванія ихъ въ казармахъ (3-хъ—6-ти дней). Дѣлалось это такъ изъ опасенія какъ бы они не натворили новыхъ проступковъ. Намъ думается, что этотъ порядокъ вполнѣ несостоятеленъ: если человѣкъ, будучи арестантомъ, располагалъ льготою, — значитъ, знавшіе его въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ начальники, признавали его порядочнымъ; слѣдовательно, лицамъ, за вѣдывающимъ пересылочными пунктами полагать о немъ противное нѣтъ причины; числить же его арестантомъ, по освобожденіи изъ роты, когда онъ уже *просто солдатъ*, препровождающійся въ мѣсто расположенія полка, въ который онъ назначенъ служить, — тѣмъ менѣе смысла. Поэтому полагаемъ справедливымъ обязать: а) роты посылать на работы и проч. освобождаемыхъ отъ конвоя непременно въ *солдатскихъ шинеляхъ* и б) управленія пересылочными пунктами, содержать ихъ на одинаковомъ съ прочими солдатами положеніи. Этимъ путемъ достигнется двоякаго рода польза: человѣку, пробывшему года въ безусловной неволѣ, первое время послѣ оставленія тюрьмы, особенно отрадно походить по городу, вдохнуть въ себя свѣжій, вольный воздухъ, да и для будущей службы его гораздо выгоднѣе, если онъ, до вступленія въ нее, постепенно освоится съ новымъ своимъ положеніемъ и тогда самая воля потеряетъ для него свою первоначальную прелесть.

На 216 стр. мы доказывали, непрактичность выраженій 56 ст. «оказавшіяся у арестантовъ, при приѣмѣ ихъ въ роты, излишнія, противъ арматурныхъ списковъ, вещи, от-

бираются, продаются, съ публичнаго торга, и выручаемая за нихъ деньги причисляются къ ротнымъ специальнымъ суммамъ».

По причинѣ непрактичности, эта статья въ 2-хъ ротахъ поневолѣ игнорировалась. Здѣсь, въ подкрѣпленіе изложенныхъ доводовъ, считаемъ необходимымъ добавить еще слѣдующее. Человѣкъ, положимъ, выпущенъ изъ роты въ октябрѣ, когда казеннаго, по 133 ст., полушубка не полагается; ходить и ѣздить, этапнымъ способомъ, по желѣзнымъ дорогамъ, въ это время года вообще, а ночью въ особенности, уже холодно; имѣвшуюся же у бывшаго арестанта шерстяную фуфайку продали за какія-нибудь 10—20 к., тогда какъ она избавила бы его отъ стужи, перѣдко отъ простуды, а иногда и отъ остановки въ пути въ больницу, гдѣ его содержаніе въ недѣлю обойдется каенѣ минимумъ въ 3—5 р. Очевидно, что игра не стоитъ свѣчъ. Если же такъ, то надо измѣнить смыслъ цитированной нами статьи, напр. такъ: «собственныя арестантскія вещи продаются не иначе, какъ съ согласія ихъ владѣльцевъ; остальные же, если онѣ не подвержены скорой гнилости хранятся въ цейхаузахъ и, по освобожденіи людей, выдаются имъ обратно». Тутъ же, кстати, разрѣшимъ слышанное нами, въ двухъ ротахъ, наивное недоумѣніе, при примѣненіи 56 ст.: не должны ли отбираемые у прибывающихъ арестантовъ карманные часы считаться не вещью, а деньгами, ибо серебро, медь, металлъ, изъ котораго дѣлаются деньги, значить и часы—тѣ же деньги. Разумѣется часы должны быть признаваемы вещью, а не деньгами: превратить въ деньги можно во 1-хъ всякую вещь, посредствомъ продажи; во 2-хъ отъ часовъ переплавить на серебро удастся только верхнія доски; въ 3-хъ подобное серебро, какъ старое, на деньги не годится, и потому Монетный дворъ не покупаетъ, какъ

известно, подобнаго серебра вообще и золотишками въ частности.

Въ измѣненной законодательнымъ порядкомъ съ 16 декабря 1872 г. 131 ст. положенія о ротахъ, между прочимъ, сказано, что выпускаемые изъ ротъ «обращаются по возможности не въ тѣ самыя части войскъ, въ которыхъ они служили до ссылки ихъ въ роты, а въ другія, того же округа». Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, широко или узко надо толковать «возможность», мы удостоверяемъ, что подчеркнутыя нами слова на практикѣ производили кое-какія неурядицы. Такъ, солдаты, осужденные изъ Бобруйскаго крѣпостнаго полка въ тамошнюю роту, одно время возвращались или обратно въ свой, или въ расположенный тамъ же, Ярославскій пѣхотный полкъ, по неизмѣннѣ вѣроятно «возможности» отослать ихъ въ другіе полки. Зимнія квартиры армейскихъ полковъ часто мѣняются; поэтому въ вашу бытность въ Динабургъ, въ приходшемъ туда зимовать полку, были люди, содержавшіеся прежде въ *мѣстной ротѣ*. Люди эти, по освобожденіи изъ ротъ, и по возвращеніи ихъ въ свои полки, гдѣ всѣ знали до мелочей предшествовавшую ихъ жизнь,—часто подвергались, со стороны товарищей, насмѣшкамъ, укоризнамъ, причемъ нѣкоторые, въ пылу раздраженія, впадали въ новыя преступленія. Потомъ, находясь въ ротахъ въ караулѣ, они приносили, случалось, бывшимъ товарищамъ по заключенію табакъ, водку, оказывали имъ послабленія, за что иные дѣлались также рецедивистами. Все это въ совокупности побуждаетъ насъ желать замѣны слова «по возможности» словомъ «непремѣнно въ другіе полки»; касательно же выраженій «того же округа» нельзя кажется, не согласиться съ слышанными нами въ нѣсколькихъ мѣстахъ и читанными въ форменныхъ отче-

тахъ довольно вѣскими мнѣніями, заключающимися въ слѣдующемъ.

Исправившіеся, кроткіе характеромъ, но надломленные здоровьемъ отъ суровой и сидячей жизни арестанты, по убѣжденію компетентныхъ, высокопоставленныхъ военныхъ, негодятся уже къ фронтовой службѣ, которою они тяготеютъ независимо сказаннаго и потому еще, что отвыкли отъ нея, даже забыли ее. Наоборотъ: отличающіеся: физическими силами и смѣлливостью солдаты, служатъ въ крѣпостяхъ, напр., простыми мастеровыми, чернорабочими въ инженерныхъ, артиллерійскихъ складахъ, комендантскихъ, госпитальныхъ и прочихъ командахъ, въ которыхъ нужны исключительно *рабочіе, разсыльные*. Оттого всѣ единогласно настаивали, чтобы такихъ изъ арестантовъ, о коихъ говорится выше, переводить изъ ротъ въ эти нестроевыя части войскъ, гдѣ ихъ встрѣтятъ несравненно благосклоннѣе, нежели въ полкахъ, и гдѣ они скорѣе привыкнутъ къ своимъ обязанностямъ, немногимъ отличающимся отъ быта въ исправительныхъ ротахъ.

Люди строптивые, буйные, неподдающіеся вліянію другихъ, — находятъ удовлетвореніе своимъ натуральнымъ потребностямъ въ сильныхъ ощущеніяхъ, въ одолѣніи преградъ, сопряженныхъ съ боевою жизнью, часто полной опасности и лишеній. Подобныхъ арестантовъ во Франціи посылали въ Алжиръ, въ баталіоны такъ-называемыхъ „Зефировъ“, гдѣ они оказывались на своемъ мѣстѣ, по словамъ отчета Главнаго Тюремнаго Комитета. Выпускаемыхъ изъ исправительныхъ ротъ неисправимыхъ арестантовъ всего лучше отправлять, по мнѣнію знатоковъ солдатскихъ нравовъ, въ войска Туркестанскаго округа, въ предѣлахъ котораго солдаты непрерывно борются и съ азіятцами, и съ самою даже суровою природою. Мы думаемъ, что въ та-

комъ случаѣ процентъ рецедивистовъ будетъ весьма незначителенъ.

Обращаясь къ вопросу о рецедивистахъ, мы должны отмѣтить хоть нѣкоторые явленія, способствующія размноженію этого класса людей. Въ роты люди отправляются изъ полковъ, на основаніи 55 ст. положенія съ вещами, выслужившими срокъ, т. е. *старенькими*; дорогою они ихъ изрядно донашиваютъ, такъ что въ роты приходятъ, нерѣдко въ ветхихъ, которыя отъ продолжительнаго, случается, храненія въ цейхгаузахъ, неизбѣжно теряютъ послѣднюю долю своего достоинства. Затѣмъ, уходя въ полки, арестанты, по 133 ст. „снабжаются одеждою изъ числа *поступившей съ прибылыми арестантами*“, т. е. плохонькою, причемъ являются въ полки, какъ мы неоднократно видѣли, чрезвычайно дурно одѣтыми. Одинъ этотъ видъ заставляеть ихъ краснѣть предъ солдатами, а въ послѣднихъ порождаетъ антипатію къ нимъ. Купить напр., сапоги бывшимъ арестантамъ не начто, ибо по буквальному выраженію примѣчанія къ 133 ст.—присланныя изъ ротъ ихъ собственныя и заработанныя деньги выдаются имъ въ полкахъ не раиѣе, какъ *по переводѣ ихъ въ разрядъ безпорочно-служащихъ*, что для большинства, по измѣненной 131 ст. положенія, можетъ послѣдовать лишь *черезъ годъ*, впродолженіи котораго они считаются штрафованными (90 ст. дисциплинарнаго устава, изд. 1869 г.). Покуда имъ дадутъ казенные сапоги, минетъ не мало времени, а между тѣмъ ихъ посылаютъ въ караулы, на ученія, работы, словомъ повсюду, даже чаще прочихъ, безпорочныхъ, и требуютъ, чтобы они были одѣты прилично. И вотъ одному удалось достать сапоги у товарища за различныя услуги, возможныя въ солдатскомъ быту, только *послѣ* исполненія *своихъ служебныхъ обязанностей*; другому подарилъ ихъ жалостливый каптенармусъ, третьему

купилъ просвѣщенный офицеръ и они спасены отъ невзгодъ, которыя не минуютъ, къ сожалѣнію, четвертаго, вслѣдствіе равныхъ случайностей; если къ тому же этотъ четвертый еще самолюбивъ,—то онъ покусится на кражу либо сапоговъ, либо денегъ на сапоги, или наговорить дерзостей начальнику, взыскавшему съ него за дырявые сапоги, или же и просто остервенится и убѣжитъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ окажется рецедивистомъ..

Значительно усиленный, противъ прочихъ надзоръ, въ полкахъ, за бывшими арестантами, третированье ихъ товарищами, а иногда и начальниками, присутствованіе при увольненіи сослуживцевъ, поступившихъ одновременно съ ними, даже позже ихъ на службу,—во временной,—безсрочный отпускъ,—на что они не въ правѣ разсчитывать до прощенія имъ штрафа; трудность совершенно забытой ими въ теченіи 2-хъ-3-хъ лѣтъ воинской службы,—напр. караулы, ученія съ ружьями, въ ранцахъ, во всякую непогоду; безпрерывная чистка оружія, поддержка, въ исправности, имущества, о чемъ мастерскому въ ротѣ нечего было заботиться, да недостатокъ характера, невѣжество,—все это побуждаетъ нѣкоторыхъ къ повторенію преступленій, благо жизнь въ ротѣ имъ, ужъ бывшимъ тамъ, не только не страшна, но напротивъ—представляетъ даже кое-какія очевидныя выгоды предъ полковымъ бытомъ. Многіе изъ этихъ рецедивистовъ совершаютъ, преимущественно побѣги, приче́мъ стараются: одни—прошататься больше недѣли и промотать казенныя вещи, чтобы быть сосланными въ роту, а не подвергнуться, какъ штрафованнымъ, тѣлесному наказанію (побѣгомъ призапается отлучка болѣе 6 дней), а другіе — на столько отдалиться отъ мѣста расположенія полковъ, дабы при поимкѣ быть сосланнымъ не въ ту роту, въ которой были, а въ другую, гдѣ никто еще ихъ не знаетъ; куда не

такъ стыдно придти, и въ которой предполагають найти болѣе разнообразное времяпрепровожденіе, умяляющее скуку.

Уменьшить число рецидивистовъ хотя отчасти можно, думается намъ, вотъ какими средствами: Во первыхъ — въ 133 ст. объ обязанностяхъ ротъ снабжать выбывающихъ одеждою и обувью, нужно добавить „*опомни юдною къ употребленію*“, а дабы она была таковою, разрѣшить исправлять на счетъ специальныхъ ротныхъ суммъ. Во вторыхъ, примѣчаніе къ 133 ст. полезно измѣнить такъ, чтобы полковое начальство, если признаетъ нужнымъ, — имѣло право выдавать прибывшимъ изъ ротъ солдатамъ часть ихъ денегъ *немедленно*, для обзаведенія необходимыми имъ предметами, безъ которыхъ нельзя обойтись. Въ четвертыхъ, хорошо бы ограничить право полковаго начальства подвергать непринесшихъ одобрительныхъ о поведеніи свидѣтельствъ тѣлесному наказанію, по 7 п. 27 и 10 п. 34 ст. дисциплинарнаго устава, до *второю* хоть, въ полку совершеннаго проступка, чтобъ не тотчасъ послѣ перваго проступка, бѣгами, для уклоненія отъ розогъ. Наконецъ пятое наше предположеніе уже сбылось: новою редакціею 131 ст. предписано начальникамъ „сообщать подробныя свѣдѣнія о поведеніи освобождаемыхъ изъ ротъ арестантовъ въ тѣ части войскъ, въ которыя назначаютъ на службу сіи арестанты. Освобожденные отъ содержанія въ военно-исправительныхъ ротахъ нижніе чины, аттестованные начальствомъ ротъ съ хорошей стороны въ поведеніи, во время пребыванія въ ротѣ, зачисляются прямо въ разрядъ безпорочно-служащихъ, а прочіе — въ разрядъ штрафованныхъ“.

ХП.

Канцеляріи роты составляют секретарь, заведывающій дѣлопроизводствомъ роты, ротнаго комитета, а также всѣмъ хозяйствомъ (24 ст.), да 2—3 писаря. На этотъ составъ возлагается, по закону, веденіе домашнихъ шнуровыхъ книгъ, по различнымъ частямъ, которыхъ болѣе 10; переписка по инспекторской, продовольственной, рабочей, нравственной, умственной и прочимъ частямъ роты отъ имени ея начальника, Комитета, такъ что одни ежегодные исходящіе номера, проставленные выше, наглядно показываютъ какъ великъ ихъ трудъ, значительно усложняющійся составленіемъ 2-хъ-недѣльныхъ, мѣсячныхъ, третнихъ и годовыхъ отчетовъ. Въ числѣ обыденной переписки значительную долю составляютъ справки о вѣрности прописанныхъ въ арматурныхъ спискахъ вещахъ на отправляемыхъ изъ полковъ въ роты, арестантовъ. Происходитъ это оттого собственно, что арматурные списки, по 56 статьѣ, пересылаются, по этапу, вмѣстѣ съ осужденными и въ продолженіи ихъ слѣдованія нѣсколько разъ переправляются разными партіонными писарями. Дабы избавить роты отъ этой кропотливой работы,—надобно дополнить 55 статью, указавъ въ ней, чтобы полки отправляли *прямо въ роты*, вмѣстѣ съ формулами осужденныхъ *подлинныя арматуры*, а копіи съ нихъ посылали съ арестантами на этапъ; то и другое дѣлать одновременно, чтобы арматуръ получился раньше арестанта. Подобный порядокъ уже установленъ циркуляромъ губернаторамъ отъ имени Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 15 ноября 1872 года за № 284; циркуляромъ этимъ, основаннымъ на отношеніи Военнаго Министра, предписано при принятіи *на содержаніе въ гражданскія тюрьмы*, по недостатку воен-

ныхъ, *подсудственныхъ солдатъ*, на одномъ изъ 2-хъ получаемыхъ отъ полковъ экземпляровъ арматуровъ, тюремному начальству *удостоверять*, что *вещи цѣлы* и этотъ *экземпляръ* немедленно *возвращать въ полкъ*, а другой хранить при дѣлѣ, до отправки солдата по назначенію.

Далѣе, въ ротахъ пишутся ежедневные подробные приказы обо всѣхъ дѣйствіяхъ, имѣющихъ происходить въ теченіе слѣдующаго дня, такъ что ни одно, самое даже ничтожное, событіе не обходится безъ его занесенія въ приказъ, копіи съ котораго посылаются, ежемѣсячно, начальникамъ мѣстныхъ войскъ. Кромѣ того, о каждомъ прибывшемъ или выбывшемъ арестантѣ (о чемъ видно въ приказѣ) доносится *отдельными* рапортами тому же начальнику, получающему, сверхъ всего, еще двухнедѣльные и мѣсячные отчеты, составляющіеся изъ приказовъ по ротамъ; отчеты же посылаются и въ штабы командующихъ войсками округовъ. Проще говоря, посредствомъ полученія отчетовъ штабы освобождаются отъ чтенія приказовъ: изъ отчетовъ гораздо легче выбрать сгруппированныя цифры, вставить ихъ куда слѣдуетъ—и дѣло съ концомъ. Въ виду того, что 3—4—названнымъ лицамъ рѣшительно не подъ силу все исполнить, въ каждой ротной канцеляріи занимались еще офицеры, да келейно арестанты—писаря. Такимъ образомъ, ради освобожденія непричастныхъ къ канцеляріямъ офицеровъ и арестантовъ отъ несвойственныхъ имъ занятій, а равно для облегченія остальныхъ, слѣдовало бы: а) отмѣнить представленіе начальникамъ мѣстныхъ войскъ копій съ приказовъ и двухнедѣльных отчетовъ или мѣсячныхъ отчетовъ, такъ какъ то или другое безспорно составляетъ напрасный трудъ,— и б) секретарей ротъ формально избавить отъ завѣдыванія хозяйствомъ, возложивъ эти обязанности на особаго эконома. Мы говоримъ «формально» потому что негласно это дѣла-

лось вездѣ, кромѣ Бреста; иначе говоря, 24 ст. положенія устранялась изъ практики вслѣдствіе различныхъ побужденій, разбирать которыя отказываемся, по ихъ неудобности. Сокращеніе переписки и добавленіе экономна тѣмъ болѣе необходимъ, что со введеніемъ нормальныхъ штатовъ число офицеровъ вездѣ уменьшается на двѣ трети.

Существующіе при ротахъ, на основаніи 8 ст., комитеты состоятъ, по 145 ст., изъ начальниковъ ротъ и ихъ помощниковъ; *въ совѣщаніяхъ* комитетовъ участвуютъ, кромѣ помѣнованныхъ лицъ: священники—по дѣламъ, относящимся до нравственнаго исправленія арестантовъ и церковнаго хозяйства и врачи—по дѣламъ медико-полицейскимъ и вообще требующимъ принятія гигиеническихъ мѣръ». Судя по содержанію 145 ст., въ совѣщаніяхъ участвуютъ *все* служащіе въ ротахъ офицеры, ибо они суть помощники, а какъ таковыя, то понятно и члены комитета, тогда какъ на практикѣ въ комитетахъ засѣдали, какъ мы видѣли, одни только *старшіе* помощники начальниковъ ротъ. Священники и доктора, люди, самые близкіе къ арестантамъ, лишь изрѣдка участвовали въ засѣданіяхъ ротныхъ комитетовъ, между тѣмъ они, обладавъ образованіемъ, и по своей профессіи будучи знакомы съ бытомъ всѣхъ слоевъ общества, съ нуждами, потребностями арестантовъ, приносятъ существенную пользу, при разсмотрѣніи въ комитетахъ помимо специальныхъ, и *всякихъ* хозяйственныхъ вопросовъ. Находясь далеко не въ такой зависимости отъ начальниковъ ротъ, какъ помощники послѣднихъ,—они давали бы самостоятельные совѣты, мнѣнія, не стѣсняясь присутствіемъ начальниковъ, предупреждали бы могущіе выйти неурядицы, сдерживали бы пѣкоторые порывы неудовольствія, обнаруживаемые противъ провинявшихся арестантовъ офицерами, привыкшими къ моментальной, строгой расправѣ, менѣе дѣйствующей на характеръ аре-

стантовъ. Словомъ эти два лица, при расположеніи къ дѣлу, полной самостоятельности, при безспорномъ правѣ посылать арестантовъ во всякое время и вездѣ—могутъ быть прекрасными руководителями остальныхъ въ достиженіи ожидаемыхъ отъ ротъ благотворныхъ результатовъ.

Въ этихъ видахъ, мы бы предложили: а) разъяснить ротамъ, что *все* офицеры считаются членами комитетовъ и б) 2 часть 145 ст. измѣнить такъ, чтобы священники и доктора были такіе же, въ комитетахъ, члены, какъ прочіе, при обсужденіи, *всѣхъ* безъ различія, предметовъ.

Здѣсь же, кстати, замѣтимъ, что при опредѣленіи 34 ст. преимуществъ служащихъ въ ротахъ офицеровъ, чиновниковъ и нижнихъ чиновъ,—пропущены священники, которые, по своимъ занятіямъ, имѣютъ, безспорно, если небольшое, то ужъ никакъ неменьшее противъ нихъ сослуживцевъ право на пенсію за сокращенный срокъ выслуги; поэтому право это должно, полагаемъ, возстановить въ настоящей ея силѣ.

По 152—156 ст. существуютъ еще ревизіонные комитеты, состоящіе изъ 3-хъ лицъ: командировъ губернскихъ баталіоновъ и по одному инженерному и артиллерійскому офицеру. Лица эти содержаніи за свои труды не получаютъ, а обязанности ихъ заключаются въ ревизіи 2 раза въ годъ: правильно-ли во всѣхъ отношеніяхъ исполняются въ ротахъ установленныя для нихъ правила по всѣмъ частямъ. На сколько эти комитеты отвѣчаютъ своему призванію—судить не беремся, такъ какъ мы не имѣли возможности тщательно изучить ихъ дѣятельность; читанные же нами въ 2-хъ-3-хъ мѣстахъ отчеты этихъ комитетовъ показались намъ слабыми: они сводились къ безобидному изрѣченію «все обстоитъ благополучно». Мѣстные же временные тюремные комитеты могли бы весьма благотворно вліять на дѣло, да бѣда въ томъ, что они не облечены надлежащею властью и

встрѣчаютъ противовѣсъ почти вездѣ со стороны начальниковъ мѣстныхъ войскъ.

Наконецъ перейдемъ къ Главному Военно-Тюремному Комитету, который по примѣчанію къ 102 ст. положенія о ротѣхъ—создастъ подробныя правила для распредѣленія денежнаго вознагражденія арестантамъ за ихъ ремесленный трудъ, и которому доставляются по 151 ст. — ротными комитетами ежегодная отчетность изъ статистическихъ данныхъ о состояніи ротъ, а ревизіонными комитетами, согласно 154 ст.—два раза въ годъ, журналы, съ замѣчаніями, введенными изъ ревизіи ротъ. Затѣмъ комитетъ этотъ, состоя на основаніи 5 п. 5 ст. 1 ч. Св. воен. пост., изд. 1869 г., «при военномъ совѣтѣ»—располагаетъ, въ этой части закона, для руководства въ своихъ дѣйствіяхъ, тремя статьями—120—123. Статьи эти объясняютъ: первая, — что въ комитетѣ «сосредоточивается *высшее* наблюденіе за мѣстами заключенія и разсматриваются всѣ вообще предположенія о лучшемъ ихъ устройствѣ»; послѣдняя, — что «изъ повременной отчетности мѣстъ заключенія комитетъ составляетъ годовой отчетъ, для представленія Военному Министру»; средняя же статья называетъ лицъ, которыя, по своимъ должностямъ, состоятъ непремѣнными членами этого комитета. Болѣе подробныхъ, обстоятельныхъ правилъ мы не нашли въ законѣ, а потому обратимся къ *частной*, изъ 17-ти пунктовъ, инструкціи, преподанной комитету, при его учрежденіи. Существенные пункты этой инструкціи заключаются въ томъ, что комитетъ „служить связью между тѣми главными управленіями военнаго министерства, въ которыхъ производится дѣла сего рода“, т. е., разсматриваетъ представленія этихъ управленій въ военный совѣтъ, по тюремной части, и вопросы, передаваемые на его обсужденіе Военнымъ Министромъ и имъ, Комитетомъ самимъ возбуждаемые; получаетъ выше-

означенныя періодическія свѣдѣнія о состояніи мѣстъ заключеній; о числѣ арестантовъ, нравственномъ и гигиеническомъ ихъ положеніи; объ устройствѣ и ходѣ мастеровыхъ работъ въ ротахъ; о стоимости содержанія арестантовъ; составляетъ, изъ этихъ свѣдѣній, отчеты и выводы о необходимыхъ улучшеніяхъ, соотвѣтственно современнымъ потребностямъ; даетъ заключенія по предполагаемымъ нововведеніямъ, и, въ случаѣ войны—составляетъ предположенія какъ объ удаленіи арестантовъ изъ крѣпостей, гдѣ окажется неудобнымъ оставить ихъ, такъ и о свободныхъ зданіяхъ, для приспособленія оныхъ къ временному помѣщенію арестантовъ. Вотъ и весь кругъ дѣйствій Комитета, который ограниченъ, какъ читатели видятъ, въ очень тѣсныхъ рамкахъ, лишивъ твердой почвы. Мысль эта станетъ совершенно ясною, когда подкрѣпимъ ее фактами. Изъ цитированныхъ нами законовъ и инструкцій явствуется, что комитетъ почти ничего, или слишкомъ мало *самъ* предпринимаетъ, а только все обсуждаетъ, заключаетъ на основаніи того, что сдѣлаютъ и пришлютъ ему другія учрежденія, которыя въ *своей* сферѣ, напротивъ, исполнѣ самостоятельны. Такъ, согласно 173, 192, 218, 238 и 260 ст. той же 1 ч. Св. воен. пост. 1869 г., главные управленія: Интендантское, Артиллерійское, Инженерное, Медицинское, Военно-учебныхъ заведеній *сами* опредѣляютъ, увольняютъ всѣхъ служащихъ въ ихъ вѣдомствахъ, и, только для внесенія въ Высочайшій приказъ, сообщаютъ о послѣдовавшихъ переимѣнахъ Главному Штабу. Несмотря на существованіе отдѣльнаго военно-судебнаго вѣдомства, въ каждомъ изъ этихъ управленій еще есть и судныя части (194, 4 п. 172, 218, 245, 266 ст.) Комплектованіе же персонала исправительныхъ ротъ, специальныхъ же учреждений,—производится помимо Главнаго Тюремнаго Комитета, какъ это показываютъ 6, 10, 16, 21, 25 ст.

положенія о ротахъ, такъ что ежели комитетъ хоть изъ третьихъ, напр., рукъ освѣдомится, что кто-нибудь изъ тюремныхъ дѣателей не годенъ на этомъ поприщѣ—онъ вправѣ только сообщить о томъ Главному Штабу, который,—буде повѣритъ указанію комитета,—спроситъ мнѣнія начальниковъ: округа и мѣстныхъ войскъ, и, когда послѣдніе согласятся съ первымъ—данное лицо удалится; въ противномъ же случаѣ разумѣется останется, какъ это, къ сожалѣнію, и случалось. Точно также и во всѣхъ прочихъ начинаніяхъ комитетъ безсиленъ и власть его до такой степени фиктивная, что когда ему понадобятся какія-нибудь свѣдѣнія—онъ собираетъ таковыя чрезъ Главный Штабъ, отчего напрасно тратитъ время и располагаетъ переписку. Короче говоря Главный Военно-Тюремный Комитетъ по отношенію къ персоналу ротъ находится въ такомъ же стѣсненіи, въ какое впали гражданскіе тюремные комитеты къ персоналу сихъ тюремъ: начальство ротъ и тюремъ заботятся главнѣе всего о томъ, чтобы имъ была довольная мѣстная администрація, непосредственная надъ нимъ власть, отъ которой зависить его, начальства, служебное благополучіе и одинаково безучастно, равнодушно относится къ стремленіямъ комитетовъ, немогущихъ ни смѣнять, ни повышать. И вся разнида между главнымъ военнымъ и гражданскими тюремными комитетами заключается лишь въ томъ, что послѣдніе, просуществовавъ болѣе 50 лѣтъ постепенно утрачивали, вслѣдствіе давленія администраціи, свое значеніе, тогда какъ первый былъ прямо посаженъ на бесплодный грунтъ при самомъ своемъ учрежденіи—6 лѣтъ тому назадъ.

Давно ужъ дознано, что какъ бы хорошъ ни былъ законъ—правильное примѣненіе его къ живой дѣйствительности зависить исключительно отъ людей, которымъ это поручается. Потому наши нравы столь своеобразны, что коль

скоро кто кому безусловно не подчиненъ, то (большинство служащихъ на невидныхъ постахъ) онъ немного, либо и вовсе не послѣдуетъ его наставленію, хотябъ оно было совершенство. И на оборотъ: желаніе тѣхъ, отъ которыхъ зависить наше положеніе — мы считаемъ всегда идеальной истинною. Примѣняя эту теорію къ практикѣ, выводимъ убѣжденіе, что самое лучшее всю высшую власть надъ ротами сосредоточить, во всѣхъ отношеніяхъ, въ главномъ тюремномъ комитетѣ, по сравненію съ интендантскимъ, медицинскимъ, артиллерійскимъ и прочими специальными управленіями, т. е. чтобы опредѣленія, награжденія, увольненія персонала ротъ непремѣнно доходили въ комитетъ, который санкціонировалъ бы какъ эти, такъ и всѣ прочіе случаи, сдѣлавшись такимъ образомъ управленіемъ, равнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, съ прочими военного же министерства. Реформою этою достигнется сразу нѣсколько цѣлей. Во первыхъ Комитетъ въ состояніи будетъ судить о людяхъ, являющихся прямыми проводниками его зрѣло обдуманыхъ идей, плановъ; во-вторыхъ Комитетъ пріобрѣтетъ самостоятельность, власть надъ ротами, и специально занимаясь ими — дастъ имъ стройное, однообразное направленіе, чего не въ силахъ добиться *разныя* начальники *мѣстныхъ* войскъ, недостаточно слѣдящіе за движеніемъ собственно тюремнаго вопроса и часто расходящіеся во взглядахъ на него; въ третьихъ Комитетъ будетъ разрабатывать и рѣшать возникающіе въ ротѣхъ *всякіе* вопросы гораздо цѣлесообразнѣе, нежели тѣ главныя управленія, въ которыхъ «производятся дѣла сего рода» и изъ которыхъ иные вопросы и не поступаютъ, пожалуй, на обсужденіе Комитета, а разрѣшаются самими этими управленіями, подъ часъ, разумѣется, и не комитетными въ нихъ, отчего не мудрено попортиться, иногда и дѣлу.

Возлагая на Комитетъ такія большія надежды, естествен-

но желать, чтобы самъ онъ вполне соотвѣтствовалъ своему назначенію, а дабы это сбылось—намъ кажется весьма полезнымъ тѣхъ изъ начальниковъ ротъ, которые выкажутъ свои истинныя познанія, дѣйствительно плодотворную дѣятельность *на мѣстахъ*, въ продолженіи 3-хъ—4-хъ лѣтъ—повышать въ члены этого Комитета, по примѣру тому, какъ всякій, занимавшійся по судебной части въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, если онъ и не кончилъ курсъ юридическихъ наукъ,—можетъ поступить въ составъ гражданскаго судебного вѣдомства (2 п. 19, 202—208, 210 и 211 ст. Учр. Суд., Уст. Суд. Уст. 20 ноября 1864 г.). Когда въ перспективѣ у начальниковъ ротъ будетъ не отставка съ пенсіономъ, какъ это было доселѣ, а заманчивая карьера—найдутся, безъ сомнѣнія люди, которые ради, допустимъ, хоть только этой эгонстической цѣли употребятъ всѣ старанія къ тому, чтобы подробно изучить дѣло, привязаться къ нему, а тогда и само дѣло выиграетъ, да и эти люди достойно поощрятся за свои труды и въ званіи членовъ будутъ какъ нельзя больше кстати. Этотъ же принципъ слѣдуетъ приложить и касательно помощниковъ начальниковъ ротъ, т. е. замѣщать ими вакантныя должности начальниковъ. Къ участию въ обсужденіи важныхъ вопросовъ какъ въ главномъ, такъ и въ мѣстныхъ тюремныхъ и ротныхъ комитетахъ постановить правиломъ приглашать свѣдущихъ, по тюремной части, *гражданскихъ* дѣятелей изъ Директоровъ Комитетовъ. Этимъ способомъ, т. е. обмѣномъ мыслей, возрѣній постепенно образуется и у насъ, какъ за границею, корпорація тюремовѣдцевъ, по аналогіи съ юристами, медиками, инженерами и проч. Устроить это очень легко: во всѣхъ губернскихъ и столичныхъ городахъ существуютъ гражданскіе тюремные комитеты, въ средѣ которыхъ вездѣ есть истинно преданные дѣлу, мыслящіе труженики, стремящіеся къ облегченію

участи заключенныхъ, и къ нравственному и умственному развитію этихъ опороченныхъ преступленіями людей.

Въ заключеніе всего оговоримся, что быть можетъ *нѣкоторыя* изъ предлагаемыхъ нами измѣненій и улучшеній въ жизни ротъ уже введены, отчего наши разсужденія являются, понятно, запоздалыми, но это во 1-хъ не наша вина: мы зорко слѣдили за всѣми появлявшимися, касательно ротъ, новыми узаконеніями и не только ихъ, но и что могли достать и изъ письменныхъ свѣдѣній—не упустили изъ виду, такъ что всѣ наши предположенія составляютъ плодъ *собственной* нашей работы; во 2-хъ если и послѣдовали какія либо отдѣльныя, частныя распоряженія, опередившія наши предложенія, но гармонирующія имъ,—то очень пріятно сдѣлаться солидарнымъ съ самимъ военнымъ министерствомъ; въ 3-хъ буде кое-что и дѣйствительно осуществилось, а мы объ этомъ, тѣмъ не менѣе, повторяемъ,—то повторенія сіи не лишены, смѣемъ думать, смысла для гражданскихъ читателей, ежели онѣ ужъ извѣстны военнымъ, въ чемъ тоже однако позволительно усомниться: во время нашего странствія по крѣпостямъ, въ концѣ 1871 г., тамъ многого не знали изъ того, что гораздо раньше объявлено было въ циркулярахъ главнаго штаба; при этомъ невѣденіе оправдывалось тѣмъ, что циркуляры не спѣшатъ появленіемъ, а изданныя на отдѣльныхъ листочкахъ—нерѣдко теряются въ пути, въ канцеляріяхъ и отъ того остаются, иногда, неизвѣстными; отсюда, въ 4-хъ, книга наша годится всякому военному, помимо какого-либо иного интереса,—и просто для справокъ, ибо въ ней сгруппировано *все*, до ротъ относящееся.

Тѣмъ лицамъ, которыя письменно и печатно (газети, корреспонд.) многократно освѣдомлялись: почему мы медлимъ выпускомъ книги,—здѣсь, кстати, отвѣтимъ, что многочисленныя затрудненія и продолжительная болѣзнь помѣшали намъ это сдѣлать раньше и потому пусть не сѣтуютъ на насъ за то, въ чемъ мы неповинны.

Наконецъ повторимъ частію отиѣченное вначалѣ книги, что издавая ее въ свѣтъ, мы отнюдь не помышляли ни касаться чьихъ либо личностей, ни подрывать достоинство военной дисциплины, порядковъ, законовъ, значенія ссылокъ въ роты, а руководились единственнымъ пламеннымъ желаніемъ—оказать посильную услугу правительству и обществу—обстоятельною, спокойною разработкою съ неимовѣрнымъ трудомъ добытыхъ нами матеріаловъ по животрепещущему, новому у насъ тюремному вопросу, причемъ полагали, что съ одной стороны—мы нравственно обязаны это сдѣлать, въ интересахъ преуспѣянія благихъ начинаній правительства, а съ другой стороны—считали это возможнымъ на основаніи дѣйствующаго закона, который гласитъ: «не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ обсужденіе, какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и республикованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключаются возбужденіе къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей». (16 п. IV гл. приложенія къ 5 ст. Цензурнаго Устава, т. XIV Св. Закон., по продолженію 1868 года).

Къ настоящей книгѣ печатается приложение, заключающееся въ статистическихъ данныхъ о числѣ арестантовъ, содержавшихся въ ротахъ: по роду оружія, по срокамъ заключенія, по мѣсту рожденія, по роду преступленія, по возрасту, по вѣроисповѣданію, по семейному состоянію, по повторенію преступленій и проч. Приложение это выйдетъ въ свѣтъ въ самомъ скоромъ времени — отдельною брошюрою.

1

1

**Главнѣйшія опечатки, замѣченныя въ отти-
снутыхъ уже листахъ.**

<i>Страница.</i>	<i>Стр. сверху.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдоваго напечатать.</i>
4	14	являіісіа	являющіа
8	22	таѡ	таи
14	24	возвращаиіа	возвращаишиса
21	10	коренииіѡ	коренииіѡ
28	14	осѡ	годѡ
31	13	исправляющіа	исправляющіа
32	18	иіѡ	его
33	—	пропущено слово	ѡ
44	4	Терезіа	Антоанета
47	18	1861	1871
50	12	потребниіѡ	потребнииіѡ
66	11	би	было
80	12	15,600	19,600
87	4	поставлены	поставлены
90	11	фельдфебей	фельдфебелей
95	14	пропущено слово	наказаніа
118	25	очерствленѡ	очерствѡ
150	13	освѣдомляиіа	освѣдомляиіа
—	24	владычица	владычество
157	24	выкииіѡ-а	выкииіѡ-ка
—	30	скронеюі	сѡ проііею
158	2	пропущено слово	не
177	7	чучки	чучки
202	18	пропущены слова	на человекѡ
214	12	что	что было
262	13	обясниіѡ	обясниіѡ
265	22	задержать	задержалѡ
289	4	доброму	бодрому
295	19	петиціарную	пенитенціарную

<i>Страница.</i>	<i>Стр. сверху.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Следовало напечатать.</i>
320	30	пропущено слово	которые
346	9	получаемыми	получаемые
380	26	на а	а на
421	29	прикомандировать	прикомандировывать
430	25	пропущено слово	сколько
433	23	Исправительного	Исправительными Совѣ-
		Совѣта	томъ.
442	28	просвященная он	просвѣденнаго и
445	18—23	помощники по ошибкѣ	
447	5	IV	VII
456	13	рабѣ	работѣ
458	30	ногѣ	ноги
464	32	предается	предастся
470	22	Отмѣнить	отмѣтить
487	18	1/2 дня	1/4 дня
492	7	правами	правами.
506	13	приобретаетъ	приобрѣтетъ
512	15	казнѣ	казнѣ
517	19	бѣгами	бѣгали
524	13	расположать	располюжать
528	23	заключатся	заключается

Byt voennykh arestantov v krie

Stanford University Libraries

3 6105 041 835 526

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date 2

[illegible]

